

Питер Хизер

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В течение одного поколения римский порядок пошатнулся до основания, а римские армии исчезли, словно тени.

Питер
Хизер

Питер Хизер

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(4)"04"
ББК 63.3(4)4
Х42

Peter Heather
THE FALL OF THE ROMAN EMPIRE

Перевод с английского А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения издательства Macmillan Press Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 19.10.10. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 42. Тираж 3000 экз. Заказ № 27

Хизер, П.

Х42 Падение Римской империи / Питер Хизер; пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 795, [5] с.

ISBN 978-5-17-057027-0 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-32647-9 (ООО «Изд-во Астрель»)

Падение Римской империи явилось одним из самых радикальных переворотов в истории человечества, событием, которое глубоко изменило мир.

Причины случившегося искали в развращенности и пресыщенности позднеримской цивилизации или, напротив, в чуждом исконно римскому мироощущению христианстве, постепенно подорвавшем некогда самое могущественное государство Западного мира.

Однако Питер Хизер, опираясь на колоссальный объем научных фактов из истории варварских народов, позднеантичные источники и новейшие археологические данные, предлагает читателю собственную, весьма оригинальную гипотезу причин падения Римской империи.

УДК 94(4)"04"
ББК 63.3(4)4

БЛАГОДАРНОСТИ

Несмотря на то что контракт на данную работу я подписал всего около четырех лет назад, однако в некотором — и весьма важном для меня — смысле я писал эту книгу в течение почти двадцатипятилетнего срока, т.е. все те годы, что я занимался проблемами истории Рима и варваров. В связи с этим есть множество людей, которым мне хочется выразить свою признательность, начиная от руководителей моей докторской диссертации Джеймса Говард-Джонсона и Джона Мэтьюза и кончая студентами (спасибо им за долготерпение!), которые с радостью встречали как разнообразнейшие доказательства, на которых построена эта книга (хотя вариантов было множество), так и мою любовь к самым ужасным каламбурам. И хотя мне хотелось бы заявить авторские права на некоторые ключевые наблюдения и взаимосвязи, объединяющие материал в книге в одно целое, текст также отражает мое понимание общей традиции, в рамках которой я работаю, а иногда и частных вопросов. Я очень многим обязан учености и интеллекту других и хочу заявить об этом здесь, так как из-за ограничений, вызванных тем, что книга писалась для широкой аудитории, в примечаниях мне не всегда удавалось в полной мере выразить это. Я вполне осознаю, что в долгу перед ними, и в особенности хотел бы поблагодарить коллег и друзей, общество которых оказало на меня столь стиму-

лирующее воздействие в первой половине 1990-х гг., когда мне посчастливилось обогатить свои знания в результате участия в проекте Европейского научного фонда «Трансформация римского мира». Также мне бы хотелось поблагодарить Джейсона Купера, моего редактора в издательстве «Макмиллан», поддерживавшего меня своими мудрыми советами, Сью Филпотт, редактора текста, проделавшую огромную работу, и всех моих друзей, которым довелось стать моими советчиками, слушателями и читателями предлагаемой книги в целом или отдельных ее частей. Не в последнюю очередь я обязан своей семье, причем столь многим, что это не поддается исчислению: когда я в отчаянии, близкие подбадривают меня, чтобы я продолжал работу. То же относится к моей собаке и кошкам: необходимость оплачивать счета за их корм удерживает меня за письменным столом, не то я давно бы сбежал оттуда.

ВВЕДЕНИЕ

Римская империя была самым крупным государством, которое когда-либо существовало в Западной Евразии. В течение четырехсот лет простиралась она от Адрианова вала до реки Евфрат, влияя на жизнь всех, кто обитал в ее пределах, и господствовала над ландшафтом и народами на сотни километров вокруг. Взаимосвязанные системы укреплений, сеть стратегических дорог и профессиональная, прекрасно обученная армия символизировали и обеспечивали это господство, и римские войска не остановились бы перед уничтожением любого, кто пересек бы границу империи. В основе первых сцен фильма «Гладиатор» — победы Марка Аврелия над маркоманнами, германским племенем на юге Центральной Европы, в третьей четверти II в. н.э. Двумя столетиями позже римляне были еще столь же сильны. В 357 г. 12 тысяч римских воинов императора Юлиана разгромили тридцатитысячную армию алеманнов в сражении под Страсбургом*.

Однако в течение одного поколения римский порядок пошатнулся до самого основания, а римские армии, как заметил современник, «исчезли, словно тени». В 376 г. орда

---

* В отечественной научной литературе это сражение обычно называют по античному топониму — битвой при Аргенторате. — *Примеч. пер.*

беженцев-готов прибыла на дунайскую границу империи, попросив убежища. Хотя они не были покорены, им, вопреки всем принципам римской политики, разрешили это. Через два года они разгромили и убили императора Валента — того самого, который принял их, — вместе с двумя третями его армии в битве при Адрианополе. 4 сентября 476 г., ровно через сто лет после перехода готов через Дунай, последний римский император Ромул Августул был низложен, и именно потомки беглецов-готов стали военной основой одного из главных преемников Римской империи — Вестготского королевства. Это королевство на юго-западе Франции и в Испании было одним из нескольких, основанных на военной силе чужеземных переселенцев, которые возникли на развалинах Римской империи. Падение Рима и вместе с ним западной половины империи стало одной из революций в европейской истории, имевших созидательное значение, и традиционно рассматривается как символ конца античного мира и начала истории Средних веков. Подобно Ренессансу, Реформации и промышленному перевороту, оно навсегда изменило мир.

Начиная с многотомной эпопеи Гиббона, опубликованной в 1776—1788 гг., продолжают выходить сотни трудов, посвященных этому вопросу или его отдельным аспектам, и тем не менее непохоже, чтобы тема была исчерпана. В 1990-х гг. Европейский научный фонд выделил средства для пятилетнего исследовательского проекта «Трансформация римского мира», и выпущенные в его рамках тома продолжают выходить в свет. Как всегда в таких случаях, историки не пришли к согласию по вопросу о том, должны это быть труды общего характера или — чего следовало бы ожидать скорее — посвященные конкретным темам. В центре дискуссии стоит вопрос о том, что же стало причиной падения Рима. Учитывая военную мощь новых королевств, очевидно, что вооруженные иноземцы — варвары — имели к этому определенное отношение. Одна-

ко историки как до, так и после Гиббона чувствовали, что такая мощная держава, как Рим, не могла оказаться в столь плачевном состоянии из-за людей невежественных, чей уровень развития в политическом, социальном, экономическом, культурном смысле даже в малой степени не мог сравниваться с уровнем римского мира, которого тот достиг в некоторых отношениях на удивительно ранних стадиях развития. У римлян существовали центральное отопление, различные формы банковского дела, основывавшиеся на капиталистических принципах, оружейные заводы, даже политтехнологи, тогда как варвары были простыми земледельцами, которых восхищала даже застежка с украшениями*. Таким образом, варвары, оказавшись лицом к лицу с империей, вряд ли могли стать подлинной причиной ее падения. Скорее всего они просто извлекли выгоду из множества трудностей, одолевавших римский мир.

Но воспользовались ли они ими? Задача этой книги — заново обратиться к одной из величайших загадок мировой истории, каковой является странная кончина римской Европы.

Оправданием моего замысла являются причины как общего, так и частного порядка. В целом период от 300 до 600 г. н.э., когда пала Западная Римская империя и возникли ее преемники — раннесредневековые королевства, стал темой нескольких новаторских исследований за истекшие сорок лет. Традиционно это время воспринималось как «черная дыра», была как бы ничейная территория, в промежутке между древностью и Средневековьем, и потому не изучавшаяся ни с точки зрения одного периода, ни другого. Начиная с 1960-х гг. было немало сделано для гораздо лучшего понимания многих аспектов этого времени, получившего название поздней античности. Многие из этих открытий ныне уже общеизвестны среди специалистов, но необходимо теперь сделать их достоянием широкой

---

* В научной литературе они известны как фибулы (fibulae).

публики, чьи представления (судя по крайней мере по предрассудкам, во власти которых пребывает кое-кто из моих студентов, рассуждая об этой теме) по-прежнему обусловливаются старыми традициями, восходящими к Гиббону. В последние сорок лет преподаватели и студенты впервые перестали смотреть на позднюю Римскую империю как на государство, доведенное до крайнего социального, экономического и морального упадка, а на мир за ее пределами — как на нечто примитивное, статичное и варварское. Два поколения ученых со времен Второй мировой войны революционизировали наши представления о Римской империи и об окружавшем ее мире, который римляне называли barbaricum, «земля варваров». Эта книга имеет своей задачей серьезно поддержать новые взгляды.

Если же говорить более конкретно, то это восторженное «открытие» поздней античности произошло в интеллектуальной ситуации, когда ученые, изучающие различные периоды, поняли, что надо гораздо больше внимания уделять истории, чем экономике, высокой политике, войнам и дипломатии, которые традиционно находятся в центре внимания. Поздняя античность — это богатейшие письменные и археологические источники, ее развитие во многом определяла характерная для высокообразованной элиты утонченная литература, поэтому она оказалась благодатным полем для исследований в сфере различных дисциплин: гендерной истории и истории культуры, истории народных верований, например. Она также дает богатые возможности для исследований в соответствии с нынешними тенденциями в историографии, когда бросается вызов неявно выраженным предрассудкам, составляющим сущность «большого нарратива» традиционной истории. Образ «цивилизованных», но постоянно терпящих поражение в войне с чужеземцами-«варварами» римлян — первый пример такого нарратива в действии. В последнее время ученые предприняли вполне разумные попытки вы-

рваться из тисков этой традиции, указав на многочисленные примеры сотрудничества римлян и варваров и их мирного взаимодействия, которые содержат наши источники. Акцент на чтении оригинальных текстов с установкой на понимание идеологического видения мира, которое лежит в их основе, также оказал серьезное влияние. Такой способ интерпретации требует от историка взгляда на античных авторов не как на тех, кто сообщает факты, но скорее как на продавцов подержанных автомобилей, при общении с которыми требуется большая осторожность.

Интеллектуальное воздействие этих тенденций на исследование поздней античности было ошеломляющим, однако оно было направлено на сужение тематики, побуждая ученых заниматься не синтезом, а детальным изучением частных аспектов. Таким образом, они стремились уйти от попыток связного изложения того, что произошло на самом деле, и сосредоточиться на том, как в умах людей и в источниках воспринималось и отображалось происходившее. В последнее десятилетие или около того появились монографии на многие важные темы и об отдельных авторах, но не предпринималось попытки написать общий обзор кризиса Рима*. Я не сомневаюсь, что такое более глубокое исследование составляющих вопроса было и остает-

*Тома, выпускаемые в рамках проекта Европейского научного сообщества, отражают общее положение с исследованиями в данной области: они содержат множество работ, стимулирующих изучение проблемы, но не общий очерк (хотя, конечно, эта задача перед их авторами не ставилась). Заявление автора об отсутствии в последние десятилетия попыток написать общий обзор кризиса Римской империи — обычный пример имитации актуальности. Мы не найдем в списке упомянутой П. Хизером литературы обобщающих работ последних десятилетий, в которых как раз рассматривается означенная тема: Cameron Av. The Later Roman Empire A.D. 284—430. Cambridge, 1993; Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284—565 n. Chr. München, 1989. — *Примеч. пер.*

ся совершенно необходимым*. Но детальная реинтерпретация отдельных аспектов, связанных с этим периодом, может позволить лучше понять целое, и, как мне кажется, настало время начать сводить хорошо проработанные фрагменты воедино и добиться того, чтобы они поведали нам о падении Рима**. Читатели сами рассудят, насколько правилен такой подход.

Я также хочу показать, что при принятом ныне особом внимании к вопросам идеологии и восприятия (во многом благодаря недавним тенденциям в литературной критике) жизненно важно не терять из виду общую картину. Некоторые ученые, учитывая характер наших источников, даже начали сомневаться в возможности постичь «подлинные события», пройдя сквозь оболочку изображения реальности в источниках. Иногда это действительно невозможно. Я намерен, однако, показать, что методы мыслительного процесса, подходящие для литературной критики, не всегда годятся для исторических исследований. Средства литературного анализа очень ценны применительно к отдельному источнику, однако мне представляется, что аналогия с пра-

---

*Справедливость этого подтверждается примером глав, посвященных IV и V вв., в последнем томе первого издания «Кембриджской древней истории» и первом томе первого издания «Кембриджской истории Средневековья» (оба вышли в свет в 1910-х гг. В действительности последний, XII, том «Кембриджской древней истории» был издан в 1939 г. В них содержатся те же самые утверждения в ортодоксальном духе о неизбежном упадке Римской империи и неотвратимости ее гибели. Эти схемы оставались неизменными по своей сути до 1960-х гг. — *Примеч. пер.*

** Утверждая так, я ни в коей мере не хочу выразить критического отношения к проектам наподобие «Трансформации римского мира». Их цель состояла в расширении знаний и представлений участников проекта, проведя перекрестный анализ их трудов и трудов других исследователей. Это нашло отражение в томах, изданных в рамках проекта, и я с благодарностью свидетельствую о том, что узнал много нового за пять счастливых лет участия в нем.

вом куда более уместна при описании исторического процесса в целом, все наши источники суть свидетели. Многие пытаются обосновать, каждый по собственным причинам, свой взгляд на события. Однако все же они не изображают — по крайней мере не всегда — конструкты, созданные воображением их авторов, наподобие того, как это происходит в литературных текстах. История, подобно судебной системе, до известной степени имеет дело с похищенной собственностью и настоящими трупами, даже если понимание этого вытекает из источников, созданных на основе идеологического подхода. В Римской державе, как будет показано, сосуществовало множество идеологий и сформировался чрезвычайно своеобразный взгляд на мир. Но империя также использовала бюрократию, принимала законы, собирала налоги, готовила армию. И в течение V в. западная половина Римской империи вместе со всеми структурами и порядками, которые она сохраняла в течение веков, прекратила свое существование, оставив после себя, образно говоря, мертвое тело, которому и посвящена эта книга.

Затем последует попытка понять с помощью нарративной реконструкции эту гигантскую революцию в европейской истории таким образом, чтобы дать справедливую оценку множеству сложных исследований, которые появились в последние годы. Мое внимание будет обращено как на поздний Рим, так и на варварский мир. В своей преподавательской деятельности и научных публикациях я рассматриваю равным образом положение дел по обе стороны границы. И хотя я использую работы о других народах, те выводы по частным вопросам, которые имеются в данной книге, принадлежат мне, равно как и некоторые ключевые идеи и наблюдения, на которых она базируется.

Помимо реконструкции истории падения Рима, насколько я могу ее осуществить, и изложения представляющихся мне убедительными интерпретаций по частным вопросам, у меня есть еще одна цель, которую ставлю пе-

ред собою в этой книге. Постижение прошлого — это всегда детективная история. Чтобы лучше понять то, что же в действительности происходило, мы приглашаем читателя стать как бы членом жюри присяжных — продолжая аналогию с судом, чтобы принять участие в оценке и синтезе разного рода свидетельств, которые будут здесь представлены. Структура книги способствует такому подходу. Это не просто повествование об упадке Западной империи в V в., но также аналитическое исследование. Поэтому в первой части дается картина того, в каком состоянии находились империя и ее европейские соседи в конце IV в. Без этого подлинное понимание последовавшего крушения оказалось бы невозможным. Анализ также является неотъемлемой стороной второй и третьей частей, носящих более повествовательный характер. На протяжении всей книги я старался сделать так, чтобы читатель полностью отдался занятию детектива, а не просто слушал ответы оракула. Равным образом там, где концы спрятаны, а тропинка теряется, как это случается, я не пытаюсь изобразить, что дело обстоит иначе. Одной из главных причин, по которой я выбрал темой этой книги середину I тысячелетия, если не считать того очарования от древних руин, живущего во мне с тех пор, когда я в детстве со своей матерью разглядывал римские виллы, бани и укрепления, является тот интеллектуальный вызов, который бросает нам эта эпоха. Я люблю загадки, тем более что потеряно так много сведений и столько зашифровано в силу специфики римских литературных жанров (в этом одна из причин того, что здесь так полезна постмодернистская литературная критика), что на поверхности остается очень мало. Одних это просто раздражает и отвлекает от того, что при ином отношении они могли бы счесть весьма интересным периодом. Других (и меня в том числе) это захватывает, и по их бессознательной реакции на скудость источников я всегда могу сказать, кто из моих студентов займется или нет первым тысячелетием.

Излагая историю, а это в самом деле история, я хотел бы дать читателю представление о процессах, затрагивавших людей того времени, и, следовательно, вскрыть основные пласты доступных свидетельств. Имея это в виду, я говорю об истории настолько, насколько это возможно, прямо и косвенно, словами очевидцев, людей, подхваченных вихрем событий, который навсегда изменил Европу. И их много больше, и самого разного рода, чем можно было бы ожидать. Правильно прочитанные, эти тексты делают эпоху падения Западной Римской империи одним из наиболее ярко освещенных периодов античной истории.

Часть первая

PAX ROMANA*

Глава первая

РИМЛЯНЕ

Ранняя зима 54 г. до н.э.: обычный влажный, пасмурный ноябрьский день в восточной Бельгии. В римском военном лагере, расположенном на месте современного Тонгерена, близ того места, где теперь сходятся границы Бельгии, Голландии и Германии, в самом разгаре военный совет. Полный легион — десять когорт численностью в пятьсот пеших воинов — и пять дополнительных когорт расположились на зимних квартирах здесь, к западу от Рейна, на территории небольшого германоязычного племени эбуронов. По окончании каждой военной кампании Юлий Цезарь прибегал к стандартной практике размещения своих легионов в различных местах в укрепленных лагерях. Легионеры строили их сами по стандартному образцу: ров, вал, укрепления, снаружи — четыре башни, внутри — казармы. Протяженность стен определялась старинной формулой: умноженный на двести квадратный корень числа когорт, которые должен вместить лагерь. Покоренные племена, жившие в непосредственной близости, обязаны были снабжать войска в течение зимы, пока не вырастала трава для вьючных животных, после чего можно было начинать новую кампанию.

---

* Буквально — «римский мир» (*лат.*), т.е. территория, на которой в том или ином виде была распространена римская культура. — *Примеч. пер.*

Поначалу все шло хорошо. Римлян привели к месту, где предстояло возвести укрепления, два царя эбуронов, Амбиориг и более старый Катуволк. Лагерь построили в срок, и эбуроны начали поставлять припасы. Однако спустя три недели положение стало меняться к худшему. Повсюду раздавались призывы к восстанию, и группа эбуронов, воодушевляемых Индутиомаром, вождем куда более многочисленного племени треверов (они жили по соседству в долине Мозеля), устроила засаду небольшому отряду римских фуражиров и уничтожила его. Затем они атаковали римские укрепления, но вскоре отступили под градом метательных снарядов. Боевой дух воинов в римском лагере неожиданно начал падать, и положение в нем быстро ухудшалось. Амбиориг и Катуволк начали переговоры и заявили, что за нападение ответственна кучка сорвиголов, тогда как сам Амбиориг изображал себя преданным Риму союзником. Он говорил, что вот-вот начнется большое восстание и что крупный отряд германских наемников собирается вступить в Галлию с восточного берега Рейна. Ему не пристало говорить, что делать римским военачальникам, но, указал Амбиориг, если они хотят сосредоточить свои силы для отражения атак, он гарантирует им свободный проход к одному из двух других легионных лагерей, находящихся в 80 километрах отсюда, один — к юго-востоку, другой — к юго-западу.

Дело пошло так удачно, как если бы сценарий происходящего составлял сам Амбиориг. Римскими силами командовали два легата, Квинт Титурий Сабин и Луций Аврелий Котта. Военный совет, проведенный ими, был долгим и жарким. Котта и некоторые из старших командиров считали, что нужно оставаться на месте. Продовольствие у них есть, лагерь хорошо укреплен, Цезарь пришлет подкрепления, как только услышит о восстании галлов, а известно, с какой скоростью распространяются по Галлии слухи. Сабин, напротив, доказывал, что галлы не посмели бы восстать, если бы Цезарь не находился уже в Италии.

Лишь боги ведают, когда к нему придут вести о восстании, и легионы, рассеянные на удаленных друг от друга зимних квартирах, окажутся перед угрозой уничтожения по частям. Таким образом, Сабин считал, что предложение о свободном проходе через земли эбуронов надо принять. Посему не следует терять времени. Для него также имело большое значение то обстоятельство, что в лагере находился наименее опытный из Цезаревых легионов, набранный лишь предшествующей весной и использовавшийся в сражениях последней кампании только для охраны обоза. Совет продолжался, стали накаляться страсти, заговорили на повышенных тонах, Сабин нарочно говорил громко, чтобы солдаты услышали, что план, обеспечивающий наибольшую безопасность, отвергнут. Уже за полночь Котта наконец уступил. Самое важное для сохранения морального духа — единство среди командиров. Легионеры поспешно готовятся к выступлению и на рассвете уходят из лагеря. Думая, что Амбиориг говорил с ними как друг, римляне на марше двигались не в боевом порядке, а вытянутой колонной, обремененной огромным обозом.

Когда воины удалились на две мили от лагеря, дорога пошла через густой лес и начала спускаться в глубокую долину. Прежде чем передние ряды перебрались на другую сторону, тогда как основная часть колонны растянулась в самой низине, ловушка захлопнулась. Эбуроны появились с обеих сторон дороги и стали осыпать римлян стрелами. Завязалось сражение. Победа эбуронов была полной. К рассвету следующего дня лишь немногие из римлян, притворившиеся мертвыми в суматохе боя, остались в живых. Подавляющее большинство из 7 с половиной тысяч человек, которые построили лагерь ровно неделю назад, погибло. Ужасный исход, поразительный по своей неожиданности. Судьба, которую трудно представить в отношении кого-либо из воинов армии Юлия Цезаря, известного своим хвастливым изречением — «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил»).

Повнимательнее присмотримся к происшедшему. Хотя этот римский отряд подвергся разгрому, детали сражения ясно показывают поразительные боевые качества легионеров, на которых и держалась Римская империя. Сабин потерял голову, когда противник напал из засады, чего вполне можно ожидать от командира, который привел войско в смертельную ловушку. Котта показал себя лучше. Чувствуя предательство, он предпринял заранее все меры, какие только мог. Когда полетели стрелы, он и его старшие центурионы быстро собрали колонну в каре, оставив обоз. Теперь можно было отдавать приказы, и когорты маневрировали как единое целое, хотя оказались в крайне невыгодной позиции. Амбиориг имел то преимущество, что в его руках находились высоты, которые его люди могли использовать к своей выгоде. Эбуроны избегали рукопашного боя в течение нескольких часов, просто посылая с высоты метательные снаряды — копья, стрелы, камни из пращей. Потери римлян быстро росли; всякий раз, когда когорта, выполняя приказ, двигалась вправо или влево, пытаясь войти в соприкосновение с противником, она попадала под сильный обстрел с высот. Оказавшись в ловушке, слабеющие римляне продержались в отчаянном положении восемь часов. Тогда Сабин попытался вступить с Амбиоригом в переговоры, но Котта проворчал, что римляне не обсуждают условия с вооруженным врагом. И тут же снаряд из пращи поразил его прямо в лицо. Сабин был убит во время переговоров, и это послужило для эбуронов сигналом для атаки с холмов и уничтожения врагов. Многие легионеры сражались и погибли вместе с Коттой в низине, но некоторые, сохраняя боевой порядок, пробились в лагерь, который находился в двух милях. Там уцелевшие сдерживали натиск эбуронов до наступления ночи, а затем все до единого предпочли покончить с собой, но не попасть в руки неприятеля. Если охрана обоза сражалась весь день без надежды на успех и предпочла массовое самоубийство сдаче, то врагам Рима предстояло столкнуться с серьезными неприятностями (Caes. De bello Gallico. VI. 1).

Расцвет императорского Рима

Источники могущества Римской империи — в силе его легионов, а основой удивительного боевого духа можно считать их подготовку. Как и во всех элитных соединениях — и древних, и современных, — дисциплина была беспощадной. Не испытывая почтения к правам личности, инструкторы могли избивать за неповиновение, при необходимости до смерти. И если вся когорта оказывала неповиновение, наказанием становилась децимация: каждого десятого запарывали насмерть на глазах у товарищей. Но моральный дух не может основываться только на страхе, и групповая сплоченность также имела своим истоком более позитивные методы. Новобранцы тренировались вместе, вместе сражались и играли группами по восемь человек — contubernium (в буквальном смысле — группа, занимавшая одну палатку). Их привлекали на военную службу молодыми — все армии предпочитают молодых людей, когда сила бьет через край. Также легионерам запрещались регулярные сексуальные контакты: мысли о женах и детях могли сделать их слишком осторожными в бою. Тренировки были изматывающими. Мы узнаем о тридцатишестикилометровых маршах, совершавшихся за пять часов, во время которых воины несли на себе по двадцать пять килограммов оружия и снаряжения. Им все время говорили, какие они особенные, какие у них особенные друзья, что они принадлежат к отборным частям. Совсем как морская пехота, только много противнее.

В результате всего этого новобранцы становились группой буйных молодых людей, подчас подвергавшихся насилию и потому становившихся склонными к нему; они были тесно связаны друг с другом в силу отрицания иных эмоциональных связей и были до чрезвычайности горды за то сообщество, к которому принадлежали. Это находило свое воплощение в сакральных клятвах во время присяги перед штандартами легионов, легендарными орлами.

По окончании курса обучения легионер клялся жизнью и честью следовать за орлами и не оставлять их даже в случае гибели. Это обусловливало решимость не допускать захвата штандартов врагом — один из знаменосцев Котты, Луций Петросидий, будучи смертельно раненным, швырнул своего орла через вал Тонгерена, лишь бы штандарт не достался врагу. Честь легиона, связь с другими его солдатами становилась важнейшим элементом в жизни воина, поддерживавшим боевой дух и готовность подчиняться порядку, которому мало кто из врагов мог противопоставить что-то подобное.

Римская система обучения предусматривала не только психологическую и физическую тренировку, но и овладение высочайшим уровнем мастерства. Римские легионеры были вооружены в соответствии с требованиями времени, но они не располагали какими-то секретными средствами. Значительная часть их оружия была позаимствована у соседей — например, их характерный массивный щит имел кельтское происхождение. Однако обучали легионеров так, что они умели использовать свое вооружение с наибольшей пользой. В особенности их учили не бояться диких размашистых ударов мечом. Они должны были защищаться от них щитом, а коротким мечом легионера наносить колющие удары в часть тела противника, открывавшуюся при взмахе. Легионеры имели также доспехи, и это наряду с активными тренировками давало им серьезное преимущество в рукопашном бою.

Неудивительно, что в течение всех войн Цезаря в Галлии его войска могли терпеть поражение лишь от значительно превосходивших сил неприятеля. Амбиоригу настоятельно советовали, чтобы он не позволял эбуронам сходить с холмов, пока число римлян не сократилось весьма значительно под не прекращавшимся восемь часов градом стрел. Легионы были обучены маневрировать как целое, выстроившись в боевой порядок по сигналу трубы и сохраняя связь друг с другом даже в хаосе битвы. В резуль-

тате любой среднестатистический римский командир мог организовать мощную атаку, если представлялась возможность, и при необходимости отвести войска с сохранением боевого порядка. Дисциплинированные и сплоченные войска имели огромное преимущество даже перед большим числом разъяренных врагов, если те действовали несогласованно. И только из-за того, что римляне оказались заблокированы в низине, Котта не смог действовать когортами с указанным выше эффектом. На более ровной местности, при других обстоятельствах всего 300 легионеров, будучи отрезаны врагом, смогли обороняться в течение нескольких часов против 6 тысяч неприятеля и потеряли всего несколько человек ранеными*.

Римские легионеры овладели и другим искусством. Умение строить, и строить быстро, традиционно являлось одной из целей обучения. Дороги, укрепленные лагеря и осадные сооружения были лишь малой частью того, что они возводили. Однажды Цезарь навел понтонный мост через Рейн всего за десять дней, и совсем незначительные силы римских войск держали под постоянным контролем обширные территории из своих укрепленных лагерей. Если бы совета Котты оставаться в лагере послушались, то этот ноябрьский день мог закончиться для римлян куда более удачно. За три года до этого другой римский отряд, состоявший всего из восьми когорт, был отправлен на зимние квартиры в альпийскую долину реки Роны выше Женевского озера, поскольку Цезарь хотел обеспечить контроль над перевалом Сен-Бернар. Столкнувшись с неприятелем, обладавшим значительным численным превосходством, воины воспользовались своими укрепленными сооружениями и тактическими приемами и нанесли атакующим такое поражение, что впоследствии смогли без проблем покинуть эти края.

---

* Caes. De bello Gallico. IV. 37 (у Хизера ошибочно III. 37). — *Примеч. пер.*

Строительные навыки легионеров могли столь же эффективно использоваться при осадах во время завоеваний — наиболее известен пример покорения Алезии, крепости, где находилась ставка великого галльского вождя Верцингеторига. Здесь легионеры Цезаря вырыли три линии рвов, обращенных к Алезии — первый шириной и глубиной в 20 футов, два других в 15, — со множеством разного рода ловушек, попадание в которые грозило гибелью, с брустверами и палисадами 12 футов в высоту с зубчатыми стенами, с башнями в 80 футах одна от другой. Когда подошли галльские войска, чтобы снять осаду с Алезии, с внешней стороны появилась аналогичная сеть укреплений. В результате римляне смогли предотвратить все попытки более многочисленного неприятеля прорвать их позиции как изнутри, так и снаружи, постоянно пользуясь тактическим преимуществом. Благодаря укреплениям у них имелось достаточно времени для переброски резервов на тревожные участки. Во время осады другой столь же неприступной крепости, Укселлодуна, Цезарь ввел в дело десятиярусную башню на массивной основе, а также подкопы, чтобы отрезать осажденным доступ к горному источнику, из которого они только и могли получить воду, и тем самым вынудил их сдаться.

В сражении римский легион являл собой отлаженный механизм уничтожения, но этим дело не ограничивалось. Умение воинов строить превращало военную победу в длительное господство над территориями и областями: это было своего рода стратегическое оружие, которое могло служить основой империи*.

Кампании Цезаря в Галлии проходили на относительно позднем этапе римских завоеваний. Рим начал свое существование как один из многих городов-государств, на

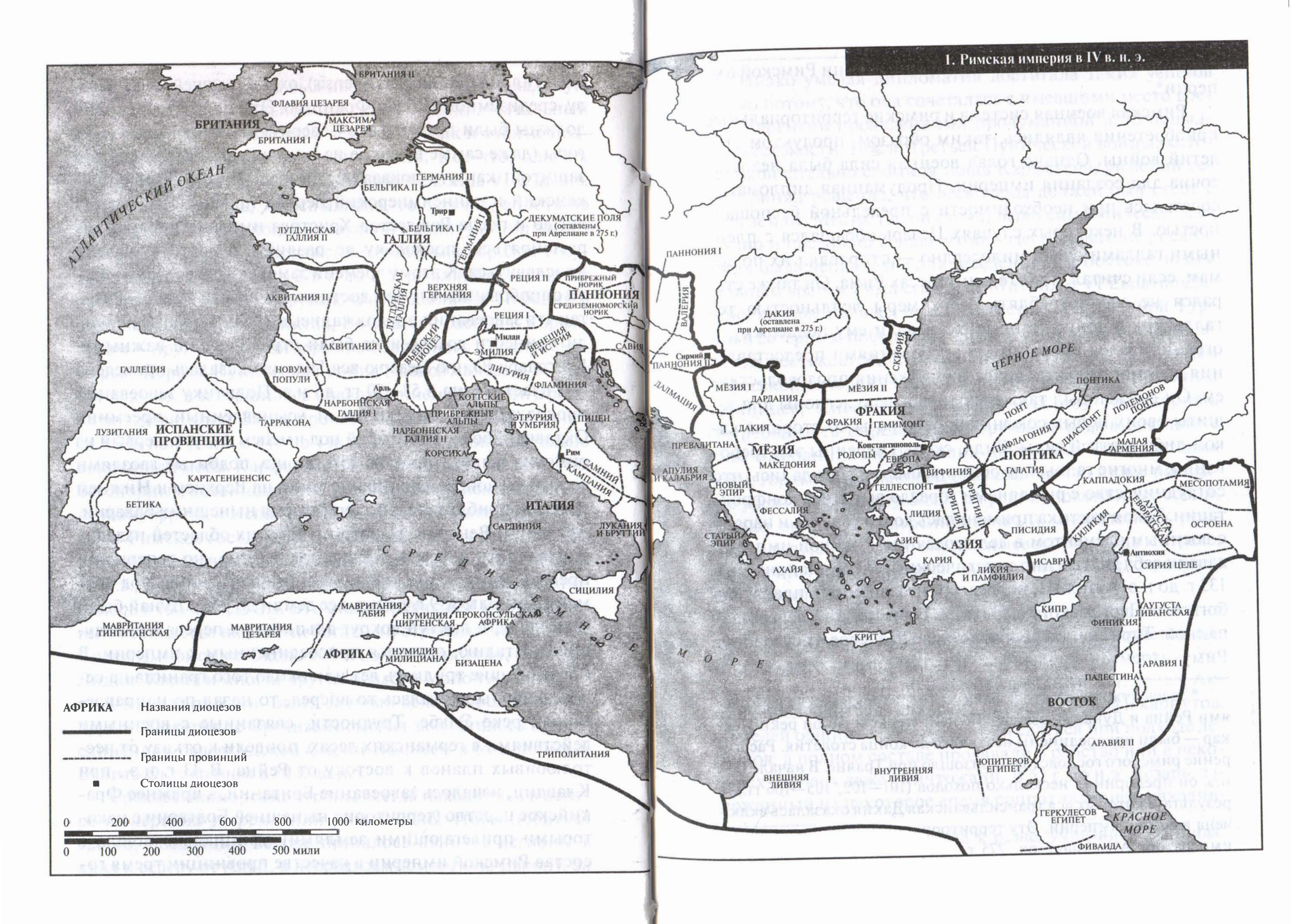
---

*О перевале Сен-Бернар см.: Caes. De bello Gallico. III. 1—6; об Алезии — VII. 75 и далее, Укселлодуне — VIII. 33 и далее. О подготовке римской армии в последующие времена и методах тренировки см. CAH. 2nd ed. Vol. X. Ch. 11; vol. XI. Ch. 9.

первых порах борясь за выживание, а затем за локальную гегемонию в Центральной и Южной Италии. Начальный этап истории города окутан легендами, как и многие подробности его ранних локальных войн. Кое-что, однако, известно об этих конфликтах начиная с конца VI в. до н.э. Они продолжались, то вспыхивая, то затухая, вплоть до начала III в. до н.э., когда в результате капитуляции этрусков в 283 г. до н.э. и поражения греческих городов-государств на юге Италии в 275 г. до н.э. римляне установили свое господство над окружающими землями. Победив в этих локальных конфликтах, Рим затеял распри с Карфагеном — другой великой державой Западного Средиземноморья. Первая Пуническая война продолжалась с 264 по 241 г. до н.э. и завершилась превращением Сицилии в римскую провинцию. Затем произошли две войны, длившиеся с 218 по 201 г. и с 149 по 146 г. до н.э. Они окончательно сокрушили мощь Карфагена. Победа над ним сделала Рим бесспорным хозяином Западного Средиземноморья, а Северная Африка и Испания стали частью его владений. Тогда же Римское государство стало расширять свои границы в других направлениях. Македония была завоевана в 167 г. до н.э., а прямое римское правление над Грецией установилось в 140-х гг. до н.э. Это стало прелюдией к установлению господства над всеми богатыми странами Восточного Средиземноморья. Около 100 г. до н.э. Киликия, Фригия, Лидия, Кария и многие другие области Малой Азии оказались в руках римлян. Вслед за ними вскоре последовали и другие. Покорение Средиземноморья завершилось присоединением селевкидской Сирии Помпеем в 64 г. до н.э. и Египта Октавианом в 30 г. до н.э.

Средиземноморские страны всегда находились в центре имперских устремлений римлян, но, чтобы добиться своего, последним вскоре пришлось двинуть легионы в края к северу от Альп, в несредиземноморскую Европу. За установлением римского господства над кельтами в Северной Италии последовало образование провинции Нарбонн-

ская Галлия (Gallia Narbonensis), охватывавшей по существу, средиземноморскую Францию. Эти новые территории должны были прикрывать Северную Италию, поскольку горы (даже самые высокие из них) не являлись надежной защитой, как это доказал Ганнибал. В позднереспубликанский и раннеимперский период примерно пятьдесят лет до и после Рождества Христова империя продолжала расширяться, поскольку ее различные деятели желали прославиться. К этому времени заморские завоевания стали опробованным путем достижения власти в самом Риме, так что завоевания продолжались в краях, которые не могли принести дохода и не были стратегически важными. Благодаря Юлию Цезарю вся Галлия оказалась приведена под власть Рима в 58—50 гг. до н.э. Политику завоеваний продолжил его племянник и усыновленный преемник Октавиан, более известный под именем Август, первый из римских императоров. К 15 г. до н.э. подбитые гвоздями сапоги легионеров попирали земли на Верхнем и Нижнем Дунае — приблизительно территория нынешних Баварии, Австрии и Венгрии. Некоторые из этих областей издавна управлялись царями — клиентами Рима, но теперь они превращались в римские провинции и ставились под прямой контроль. К 9 г. до н.э. все земли до реки Дунай были захвачены, и выступ вокруг альпийских перевалов, ведущих в Италию, оказался присоединенным к империи. В последующие тридцать лет или около того граница на севере Европы двигалась то вперед, то назад по направлению к реке Эльбе. Трудности, связанные с военными действиями в германских лесах, привели к отказу от честолюбивых планов к востоку от Рейна. В 43 г. н.э., при Клавдии, началось завоевание Британии, а прежнее Фракийское царство (территория нынешней Болгарии с некоторыми прилегающими землями) официально вошло в состав Римской империи в качестве провинции тремя годами позднее. Теперь наконец северная граница проходила по двум крупным рекам — Рейну и Дунаю, и больше в

1. Римская империя в IV в. н. э.
БРИТАНИЯ II
ФЛАВИЯ ЦЕЗАРЕЯ
МАКСИМА ЦЕЗАРЕЯ
БРИТАНИЯ
БРИТАНИЯ I
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ГЕРМАНИЯ II
БЕЛЬГИКА II
Трир
БЕЛЬГИКА I
ДЕКУМАТСКИЕ ПОЛЯ (оставлены при Авреллиане в 275 г.)
ЛУГДУНСКАЯ ГАЛЛИЯ II
ГАЛЛИЯ
ГЕРМАНИЯ I
РЕЦИЯ II
ПРИБРЕЖНЫЙ НОРИК
ПАННОНИЯ
ВЕРХНЯЯ ГЕРМАНИЯ
ЛУГДУНСКАЯ ГАЛЛИЯ I
АКВИТАНИЯ II
РЕЦИЯ I
СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ НОРИК
ВАЛЕРИЯ
ПАННОНИЯ I
Милан
ВЕНЕЦИЯ И ИСТРИЯ
ВЬЕННСКИЙ ДИОЦЕЗ
АКВИТАНИЯ
ЭМИЛИЯ
САВИЯ
НОВУМ ПОПУЛИ
ЛИГУРИЯ
Сирмий
ПАННОНИЯ II
ГАЛЛЕЦИЯ
Арль
ФЛАМИНИЯ
НАРБОННСКАЯ ГАЛЛИЯ
КОТТСКИЕ АЛЬПЫ
ДАЛМАЦИЯ
ИСПАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ
ТАРРАКОНА
ПРИБРЕЖНЫЕ АЛЬПЫ
ЭТРУРИЯ И УМБРИЯ
ПИЦЕН
ЛУЗИТАНИЯ
НАРБОННСКАЯ ГАЛЛИЯ II
КОРСИКА
Рим
САМНИЙ
КАМПАНИЯ
КАРТАГЕНИЕНСИС
БЕТИКА
ИТАЛИЯ
САРДИНИЯ
ЛУКАНИЯ И БРУТТИЙ
АПУЛИЯ И КАЛАБРИЯ
СИЦИЛИЯ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
МАВРИТАНИЯ ТАБИЯ
НУМИДИЯ ЦИРТЕНСКАЯ
ПРОКОНСУЛЬСКАЯ АФРИКА
МАВРИТАНИЯ ТИНГИТАНСКАЯ
МАВРИТАНИЯ ЦЕЗАРЕЯ
АФРИКА
НУМИДИЯ МИЛИЦИАНА
БИЗАЦЕНА
ТРИПОЛИТАНИЯ
ДАКИЯ (оставлена при Аврелиане в 275 г.)
СКИФИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
МЁЗИЯ I
МЁЗИЯ II
ДАРДАНИЯ
ФРАКИЯ
ГЕМИМОНТ
ДАКИЯ
ПРЕВАЛИТАНА
МЁЗИЯ
Константинополь
РОДОПЫ
ЕВРОПА
МАКЕДОНИЯ
НОВЫЙ ЭПИР
ФЕССАЛИЯ
СТАРЫЙ ЭПИР
АХАЙЯ
КРИТ
ПОНТИКА
ПОНТ
ПОЛЕМОНОВ ПОНТ
ПАФЛАГОНИЯ
ДИАСПОНТ
МАЛАЯ АРМЕНИЯ
ПОНТИКА
ГАЛАТИЯ
ВИФИНИЯ
ГЕЛЛЕСПОНТ
ФРИГИЯ I
ФРИГИЯ II
КАППАДОКИЯ
МЕСОПОТАМИЯ
ЛИДИЯ
АЗИЯ
ПИСИДИЯ
КИЛИКИЯ
АВГУСТА ЕВФРАТСКАЯ
ОСРОЕНА
КАРИЯ
ЛИКИЯ И ПАМФИЛИЯ
ИСАВРИЯ
Антиохия
СИРИЯ ЦЕЛЕ
КИПР
АУГУСТА ЛИВАНСКАЯ
ФИНИКИЯ
ПАЛЕСТИНА
АРАВИЯ I
ВОСТОК
АРАВИЯ II
ЮПИТЕРОВ ЕГИПЕТ
ВНУТРЕННЯЯ ЛИВИЯ
ВНЕШНЯЯ ЛИВИЯ
ГЕРКУЛЕСОВ ЕГИПЕТ
КРАСНОЕ МОРЕ
ФИВАИДА
АФРИКА Названия диоцезов
Границы диоцезов
Границы провинций
Столицы диоцезов
0 200 400 600 800 1000 километры
0 100 200 300 400 500 мили

этих краях она не менялась до конца истории Римской империи*.

Римская военная система и римские территориальные приобретения являлись, таким образом, продуктом столетий войны. Однако голая военная сила была недостаточна для создания империи. Продуманная дипломатия сочеталась при необходимости с предельной беспощадностью. В некоторых случаях Цезарь обращался с пленными галлами очень милосердно — отправлял их по домам, если считал, что это в интересах Рима. Он также старался не злоупотреблять сверх меры лояльностью тех галльских общин, которые оказывали ему поддержку, и ограничивался умеренными требованиями предоставления вспомогательных войск и снабжения продовольствием. Он должен был также вводить в дело легионы для защиты своих новых союзников от угрозы со стороны какой-либо третьей силы. Видя, сколь умеренны эти требования, многие галльские общины быстро убеждались, что сотрудничество с римлянами гораздо выгоднее конфронтации. Такая тактика применялась долгое время, и наряду с военным элементом в деле создания Римской империи давали себя знать и дипломатические успехи. Например, в 133 г. до н.э. Аттал III, последний независимый правитель богатого Пергамского царства в современной северо-западной Турции, добровольно завещал свое государство Риму.

* Здесь нужно кое-что добавить. Территории между верховьями Рейна и Дуная — выступ Таун-Веттерау и район реки Неккар — были присоединены незадолго до конца столетия. Расширение римского господства произошло при Траяне. В начале II в. н.э. он предпринял несколько походов (101—102, 105—106 гг.), в результате которых вся трансильванская Дакия оказалась включена в состав империи. Эту территорию римляне оставили при императоре Аврелиане ок. 275 г. Добротный очерк о расцвете Рима можно найти в «Кембриджской древней истории» (CAH. 2nd ed. Vol. VII. 2, Chs 8—10).

Однако умелая дипломатия достигала таких успехов только потому, что она сочеталась с имевшими место время от времени проявлениями продуманной и беспощадной жестокости. После Третьей Пунической войны, которая окончательно сломила мощь Карфагена, римский сенат принял решение, что весь город должен был стерт с лица земли. Место, где он стоял, было символически распахано и посыпано солью, чтобы здесь ничего не росло и земля была непригодна для заселения. На Востоке новым сильным врагом Рима стал царь Митридат VI Евпатор Дионис, который владел большей частью современной Турции и северным побережьем Черного моря. Он стал виновником жестокостей, получивших известность под именем «Эфесской вечери»*, когда были убиты тысячи римлян и италийцев, живших на подвластных ему территориях. Потребовалось определенное время, чтобы в результате трех кампаний, получивших название Митридатовых войн, гордый царь наконец оказался загнан в свое последнее убежище в Крыму. Здесь он решил покончить с собой, однако организм, натренированный многолетним приемом яда в малых дозах, оказался невосприимчив к отраве, и тогда Митридат приказал одному из своих телохранителей заколоть себя.

Политика Цезаря в Галлии могла быть и достаточно жестокой. Враждебные ему вожди, несшие ответственность за разжигание мятежей, забивались насмерть — такое наказание постигло в конце кампании 53 г. до н.э. Аккона, предводителя галльских племен сенонов и карнутов. Жителей общин, отказывавшихся сдаться при подходе легионов, в полном составе продавали в рабство или в некоторых случаях даже уничтожали. В 52 г. до н.э. Цезарь, задержанный на некоторое время сопротивлением находив-

---

*Это выражение применил к резне, учиненной Митридатом VI на территории римской провинции Азия, немецкий историк Теодор Моммзен (см.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. СПб., 1995. С. 128). — *Примеч. пер.*

шегося на холме Аварика, учинил подобную акцию в наказание за убийство римских торговцев и их семей. Когда укрепления были прорваны, легионеры предались убийствам и грабежам: как сообщают, только 800 человек уцелели из всего населения численностью в 40 тысяч мужчин, женщин и детей. Трудно судить, насколько преувеличил Цезарь эти цифры, но в любом случае не приходится сомневаться в жестокости, с которой римляне карали непокорных*.

Таким образом, они никогда ничего не забывали и не прощали. С такой же беспощадностью они стали мстить за гибель Котты и его людей. Позднее во время осадных операций римляне заметили вождя треверов Индутиомара и устроили против него кавалерийскую вылазку, во время которой убили его. Что же касается эбуронов, их вынудили рассеяться в условиях непрерывного натиска на их родные края во время следующей кампании. Не желая терять своих людей в лесных боях, Цезарь обратился ко всем соседним племенам с щедрым предложением принять участие в походе и грабеже. Все их селения были преданы огню, многие погибли в схватках. Вскоре царь эбуронов Катуволк решил, что с него достаточно. Как пишет Цезарь, он «не мог выносить тягот войны и бегства и, всячески проклиная Амбиорига как истинного виновника случившегося, отравился ягодами тиса» (Caes. De bello Gallico. VI. 31. 5. Пер. М.М. Покровского). Весьма вероятно, что если бы он не сделал это сам, то с ним это сделал бы кто-то другой. Что же касается Амбиорига, то он выжил, несколько лет провел в скитаниях, но о его судьбе в записках Цезаря о галльской войне более не сообщается. Последний раз о нем упоминается при описании событий 51 г., где речь идет о том, как римские войска грабили и жгли селения эбуро-

* Об Акконе см.: Caes. De bello Gallico. VI. 44; о взятии Аварика — VII. 27—28.

нов с той целью, чтобы сделать его столь ненавистным, чтобы соотечественники не захотели иметь с ним дело*.

Такая политика кнута и пряника вряд ли нуждалась в гениальном уме, но этого от них и не требовалось. В сочетании с легионами в этот переломный момент евразийской истории она оказалась достаточно действенным орудием в деле создания империи.

Таким образом, Рим превратился в огромное государство. Если рассматривать по наиболее длинной диагонали (расстояние примерно в 4000 километров), то оно простиралось от Адрианова вала на границе между Англией и Шотландией до Месопотамии, где текут реки Тигр и Евфрат. С другой стороны, всего 2000 километров отделяют римские оборонительные сооружения в устье Рейна от сторожевых постов в горах Атласа в Северной Африке. Римская империя была живучей. Не считая недолгой авантюры в Трансильвании, которая продолжалась всего 150 лет, римляне управляли всей совокупностью своих территорий целых 450 лет, от эпохи Августа до V в. н.э. Когда речь идет о событиях столь далекого прошлого, можно утратить подлинное ощущение времени. Стоит вспомнить о том, что 450 лет назад на дворе был 1555 г., когда Елизавета I еще не вступила на английский престол, а Европа бурлила из-за религиозных распрей, вызванных Реформацией. Иными словами, Римская империя просуществовала очень долгое время. Что касается ее размеров и ее долговечности, то военная мощь легионов Рима позволила создать государство, достигшее наибольших успехов из всех когда-либо существовавших в этой части земного шара. И сам по себе масштаб этих успехов таков, что изучение гибели этой империи всегда очень интересно.

Долговечность Римской империи подводит нас к вопросу принципиальной важности. Если задуматься, то ста-

* Об Индутиомаре см.: Caes. De bello Gallico. V. 58. 4—6; об Амбиориге — VIII. 25. 1.

новится совершенно очевидным, что в течение стольких веков империя не могла пребывать в неизменном состоянии. Англия со времен Елизаветы I почти все время являлась королевством, но при этом изменилась до неузнаваемости. То же произошло и с Римской империей: за 430 с лишним лет своей истории она превратилась в то, что Юлий Цезарь едва ли признал бы своим детищем. Эти два фактора обычно связываются друг с другом, и возникло целое направление, которое рассматривает главные изменения, происшедшие за долгие века существования Римской империи, как главную причину ее падения. Разные историки обращали внимание на разные изменения. По мнению Эдуарда Гибсона, как известно, роковую роль сыграла христианизация империи. Пацифистская идеология христианства ослабляла боевой дух римской армии, а ее теология способствовала распространению предрассудков, которые подрывали рационализм классической культуры. В XX в. многие ученые сосредоточились на экономических факторах: А.Х.М. Джонс в 1964 г. доказывал, например, что в IV в. н.э. налоговое бремя стало столь тяжелым, что у крестьян оставалось слишком мало продукции, чтобы обеспечить выживание им и их семьям.

Не приходится сомневаться: чтобы разобраться в событиях, связанных с падением Римской империи, нужно понять те внутренние изменения, которые сделали ее столь непохожей на то, чем она была когда-то. С другой стороны, в этой книге доказывается: точка зрения, согласно которой внутренние изменения настолько ослабили Рим к концу IV в., что он был готов рухнуть под собственной тяжестью в V в., теперь несостоятельна. Корни случившегося в V в. коллапса нужно искать в чем-то другом. Чтобы установить точку отсчета, необходимо проанализировать процессы, имевшие место в поздней Римской империи, и перемены, из которых она выросла. Начнем с самого Рима.

«Лучшая часть человеческого рода»

Город, как и во времена Цезаря, оставался расползавшимся во все стороны имперским массивом. Приезжие, как и теперь, восхищались его памятниками: форумом, Колизеем, сенатом, императорскими и частными дворцами. Римские правители заботились о том, чтобы увековечить свою славу в монументах: например, покрытая рельефами колонна Марка Аврелия прославляла победы над внешними врагами во II в., а более позднюю арку Константина I возвели в 310-х гг. в честь побед императора над внутренними врагами. Население Рима также оставалось до сих пор в строгом смысле имперской массой, искусственно раздутой за счет притока из остальных частей империи. В IV в. в городе проживал, по-видимому, миллион человек, тогда как лишь в немногих других городах жило по 100 тысяч человек, а в подавляющем большинстве — в пределах 10 тысяч. Прокормление такого числа людей было постоянной головной болью властей, особенно если учесть большое число ежедневных раздач хлеба, оливкового масла и вина, до сих пор полагавшихся жителям города как привилегия завоевателей. Наиболее впечатляющим результатом решения проблемы по снабжению Рима стали два портовых города, до сих пор сохранивших свое великолепие: Остия и Тибур. В первом не хватало доков, чтобы обеспечить пропускную способность, необходимую для поставок продовольствия, и их стали строить во втором. Грандиозные раскопки в Карфагене, столице Северной Африки, профинансированные ЮНЕСКО, пролили свет на проблему с другой стороны. Здесь были найдены огромные портовые сооружения, построенные для того, чтобы производить погрузку на корабли зерна, предназначенного для снабжения столицы империи*.

---

* О Риме см. из многих работ: Krautheimer, 1980 со ссылками на источники и литературу. Об Остии см.: Meiggs, 1973. О Карфагене более подробно идет речь ниже, в гл. 6. Прекрасное представление об империи дается в работе: Cornell, Matthews, 1982.

В Риме заседал сенат, политический центр, который создал самого Цезаря вместе с большинством его сторонников и противников. В его времена сенат насчитывал примерно девятьсот человек — все богатые землевладельцы, бывшие магистраты и их закадычные друзья из ближайшей городской округи. Они являлись представителями патрицианских фамилий, которые доминировали в политике, экономике и культуре республиканского Рима*. В IV в. в сенате оставалось совсем немного прямых отпрысков старых фамилий — если они там вообще были. Причина этого достаточно проста. При моногамных браках мужское потомство обычно появлялось лишь на протяжении трех поколений. В обычных условиях в результате 20 процентов моногамных браков никакого потомства не появлялось вообще, а в результате 20 процентов других рождались только девочки. Исключения бывали (наиболее примечательный пример — королевская династия Капетингов в средневековой Франции, производившая мужское потомство на протяжении 600 лет**), но можно не сомневаться, что в IV в. в сенате не было прямых наследников по мужской линии современников Юлия Цезаря. Однако имелось немало непрямых потомков старинных аристократических семейств — и это доказывали размеры их богатств.

Из всех римских сенаторов наиболее известен благодаря своим сочинениям некий Квинт Аврелий Симмах, чья сознательная жизнь приходится на вторую половину IV в. Его сочинения состоят из семи речей и примерно 900 писем, написанных между 364 г. и 402 г., когда он умер. Частично их опубликовал сам автор, а частью сын Симмаха

---

*Автор смешивает патрициев и нобилей — последние были представителями элиты республиканского Рима, нобилитета, возникшего в результате слияния патрицианских фамилий и верхушки плебса в IV—III вв. до н.э. — *Примеч. пер.*

**Это так, если учитывать и собственно Капетингов, и их преемников Валуа. — *Примеч. пер.*

после смерти отца. В Средние века их многократно переписывали монахи как образец латинского стиля. Речи его интересны сами по себе, о некоторых из них еще пойдет речь в этой главе. Собрание же писем восхитительно хотя бы в силу числа корреспондентов и того, как оно проливает свет на различные стороны образа жизни римлян периода поздней империи. Сам Симмах, человек очень богатый, являлся типичным представителем класса крупных землевладельцев. Его поместья были разбросаны в Центральной и Южной Италии, на Сицилии, в Северной Африке. Другие люди его круга имели поместья также в Испании и на юге Галлии. Владения на Сицилии и в Северной Африке — плоды римских побед над Карфагеном в Пунических войнах, доставшиеся нобилям, и результат завещательных и матримониальных операций их потомков, которые проводились в течение нескольких веков. Правление каждого нового императора приводило к карьерному взлету какого-то числа «новых людей», которые вливались в состав правящего слоя с помощью браков, однако сенат на протяжении столетий оставался верхушкой имперского общества, своего рода высший стандарт, к достижению которого стремились все честолюбцы в Риме. Ареал распространения земельных владений сенаторов даже по прошествии многих веков продолжал отражать первоначальное расширение Римской державы.

Симмах и его друзья, принадлежавшие к тому же кругу, остро ощущали груз столетий, давивший на них и на все общество, и это ясно дают знать письма. В одном из них Симмах характеризует сенат Рима как «лучшую часть человеческого рода», pars melior humani generis. Автор тем самым не имеет в виду, что он и его друзья, занимающие то же положение в обществе, богаче всех остальных, но скорее то, что они лучше других в моральном отношении, превосходя остальных добродетелью. В прошлом было вполне обычным делом объявлять, что кто-то выше прочих в моральном смысле в силу своей принадлежности к

«благородным». Только со времен Второй мировой войны культ богатства как такового стал преобладать настолько, что привилегированным собственникам не требовалось уже прибегать к оправданиям такого рода. Письма Симмаха дают нам уникальную возможность увидеть, как представители римских верхов сами воспринимали свое превосходство, с помощью которого и оправдывали собственное право на богатство. Примерно четверть из девятисот писем являются рекомендациями, благодаря которым молодые люди из высших слоев могли бы обрести связи с более влиятельными лицами. Здесь регулярно повторяются такие добродетели, как «прямота», «честность», «целомудрие», «чистота нравов». Это не случайный набор качеств: для Симмаха и его товарищей обладание ими однозначно связывалось с определенным типом воспитания.

Основной принцип этой образовательной системы состоял в интенсивном изучении небольшого числа литературных текстов под руководством специалиста по языку и литературному толкованию — грамматика. Это занимало семь или более лет начиная с восьмилетнего возраста. При этом сосредоточивались только на четырех авторах: Вергилии, Цицероне, Саллюстии или Теренции. Затем ученик поступал к ритору, у которого он изучал большее число текстов, но методы в целом использовались те же самые. Тексты читались строчка за строчкой, и каждый языковой оборот обязательно выявлялся и обсуждался. Обычное школьное занятие состояло в описании события из повседневной жизни в стиле одного из избранных авторов («Состязания на колеснице, как их мог бы изобразить Вергилий: начинай»). Важно отметить, что эти тексты считались составляющими канон «правильного» языка, и дети должны были усвоить оный, чтобы использовать как его лексику, так и сложный грамматический строй. Все это должно было держать образованного латинянина в своего рода культурных тисках, предотвращая или по крайней мере серьезно задерживая процесс естественных изменений в языке. К тому же

это позволяло сразу же понять, кто перед тобой. Как только представитель римской элиты открывал рот, становилось очевидно, что он изучал «правильную» латынь. Это как если бы современная система преподавания сосредоточилась на изучении сочинений Шекспира с целью различать образованных людей от других по их способности говорить на языке Шекспира. Найденные в погибших во время извержения 79 г. Помпеях граффити позволяют понять, насколько элитный латинский IV в. отличался от народной речи, показывая, что повседневная латынь уже эволюционировала в сторону менее структурированного в грамматическом отношении романского наречия.

Однако искусством говорить дело не ограничивалось. Симмах и его друзья заявляли, что, помимо языка этих текстов, постижение их содержания делает их людьми такого уровня, с которыми никто не может сравниться. Латинская грамматика, доказывали они, является инструментом для развития логически точного мышления. Если вы не умеете мастерски использовать времена и наклонения, то вы не можете точно высказать то, что думаете, или правильно выразить верное соотношение между вещами. Другими словами, грамматика была введением в формальную логику. Симмах и люди его круга воспринимали также излюбленные литературные тексты как своего рода свод данных о поведении человека — как хорошего, так и плохого, руководствуясь которыми каждый человек может усвоить, как можно поступать и как нельзя. На уровне обыденного сознания это означает, например: судьба Александра Великого учит тому, что не надо напиваться за обедом и бросать копья в лучших друзей*. Однако можно

* Имеется в виду убийство Александром Македонским Черного Клита, брата своей кормилицы Ланики, когда тот, выпив, начал обличать высокомерие царя, объявившего себя богом и все больше пренебрегающего македонянами, но зато возвышающего персов; столь же нетрезвый монарх в припадке ярости убил его копьем. — *Примеч. пер.*

извлечь уроки и более тонкого свойства, касающиеся гордости, стойкости, любви и так далее, а также их последствий: все это иллюстрируется примерами судеб и поступков конкретных индивидов, становится достижимым высший уровень. То есть более глубоко — и здесь их суждения отражали дидактическую философию, впервые начавшую развиваться в классической Греции, — Симмах и люди его круга обосновывали тезис о том, что только размышления о судьбах многих известных людей с их хорошим или дурным поведением дают возможность человеку развить в полной мере интеллектуальную и эмоциональную стороны его «я» и достичь наилучшего из возможных состояния. Подлинные сострадание, любовь, ненависть и восхищение, разумеется, недоступны необразованным людям; просвещение и истинная человечность должны выковываться в кузницах латинских училищ. Как говорил Симмах о некоем Палладии: его «красноречие приводило в волнение слушателей-латинян по причине мастерства, с которым была построена его речь, богатства образов, глубины мыслей, блеска стиля. Я так считаю: ораторское дарование [Палладия] столь же достойно подражания, сколь и его нрав». Но с точки зрения Симмаха и его товарищей, образованные римляне не только говорили на изысканном языке, но и обсуждали на нем предметы, недоступные пониманию людей непросвещенных.

С современной точки зрения все это очень малопривлекательно. Хотя грамматики старались использовать при необходимости свои тексты как материалы по истории, географии и другим предметам, курс обучения был очень однобок. Сосредоточенность на языке превращала латинские тексты в чисто формальное средство. В своих письмах Симмах имел склонность обращаться к любому адресату, как жаловалась королева Виктория на Гладстона, словно на официальном приеме: «Так что никто не должен обвинять меня в том, будто я прервал нашу переписку. Я скорее поспешу исполнить свои обязательства, нежели в долгом

бездействии ожидать твоего ответа» (Symm. Epist. I. 1). Так начинается первое письмо сборника, написанное им отцу в 375 г. Подобный формализм в отношениях отца с сыном не рассматривался в IV в. как нечто неуместное. Действительно, древние стремились к тому, чтобы плодом полученного ими изысканного образования стала прежде всего искусная речь перед аудиторией. Симмах пользовался известностью у современников и хотел быть известным как «оратор» и имел обыкновение отсылать друзьям копии своих речей*.

Не все римляне позднеантичной эпохи были до такой степени сосредоточены на образовании и его важности, как Симмах, но все соглашались с тем, что оно помогало человеку не только понять, в чем заключается добродетель, но и убедить окружаюших в правильности своего мнения. Иными словами, это было то, что позволяло руководить остальными людьми.

Как и следовало ожидать, обладание столь важным и желанным преимуществом налагало серьезную ответственность. Человек, подготовленный повелевать, должен был делать это. Он мог участвовать в составлении справедливых законов, с подобающей честностью исполняя высокую должность, или, если подходить менее формально, просто являть образец для общества своим поведением. В римском обществе считали, что не следует властвовать над другими, пока не научишься властвовать собой. Образованный человек был также обязан служить взрастившей его литературной традиции. Изучать древние тексты, время от времени самому появляясь в новых изданиях и комментариях, предполагалось на протяжении всей жизни, что Симмах и его друзья и были счастливы делать. В письмах упоминается его труд о «Естественной истории» Пли-

---

*Речи Симмаха после смерти последнего пользовались меньшим успехом, чем его письма: семь из них дошли до нас лишь в одной поврежденной рукописи, в которой первоначально содержалось куда больше текста.

ния Старшего и сочинение одного из его ближайших друзей, Веттия Агория Претекстата, являвшегося знатоком философии Аристотеля. Рукописная традиция большинства классических текстов сохранила комментарии на полях, делавшиеся римскими нобилями, а затем снова и снова копировавшиеся в течение столетий средневековыми переписчиками.

По-видимому, важнее всего то, что представитель образованной элиты должен был поддерживать добрые отношения с людьми своего круга. Во многих отношениях письма Симмаха глубоко разочаровывают. Он жил в интересное время, знал все о каждом сколь-либо заметном лице, переписывался с большинством из них. Но о текущих событиях в письмах сообщается крайне редко. В результате отчаявшиеся историки зачастую просто пренебрегают ими: «Никогда ни один человек не писал так много, сказав при этом столь мало». В действительности же Симмах имел свое мнение, и весьма определенное, но дело в другом. Важность его писем для истории состоит в их совокупности и в том, что мы узнаем из них о ценностях позднеримской элиты, а не в том, что они сообщают или нет о конкретных событиях. Письма показывают, что римская элита являлась носительницей особой привилегированной культуры и стремилась держаться вместе при любых обстоятельствах. Их объединяла та идея, что они являются распространителями и реципиентами этой культуры, относящимися к сообществу, где каждый, по несравненному выражению Маргарет Тэтчер, — «один из нас». Здесь действовал сложный этикет. Первое письмо кому бы то ни было являло собой нечто вроде персонального визита. Неспособность написать без серьезного повода могла вызвать подозрения или неприязнь. Коль скоро переписка устанавливалась, то молчание могли счесть извинительным из-за болезни адресата или его близких и из-за бремени служебных обязанностей. Довольно странно, но, отъезжая из Рима, человек должен был заранее предупредить об

этом. Только после этого корреспондент мог отвечать ему. Раз установившись, переписка могла служить самым разным целям (примерно в 200 посланиях Симмаха имеются рекомендации), но самой главной целью было поддержание отношений само по себе*.

Многое в том мире и его культурных посылках оказалось бы близко Юлию Цезарю. Именно благодаря контактам с Грецией, где интеллектуалы создавали изощренные общественно-политические теории начиная с середины I тысячелетия до н.э., римская культура усвоила большую часть представлений Симмаха и его круга о воспитании. Многое из этого уже не было новостью во времена Юлия Цезаря. Цезарь, будучи сам писателем и оратором, жил в обществе, где искусство такого рода высоко ценилось. Цицерона, одного из величайших латинских ораторов, представителя канона четырех, Симмах и его друзья в IV в. изучали с таким же усердием, что и современники Цезаря. Можно предполагать, что после четырехсот лет углубленного изучения ограниченного объема материала правила композиции в различных жанрах латинской литературы стали более сложными, чем во времена Цезаря. Однако основная идея осталась той же самой. Одинаково близким для обеих эпох было представление о том, что элиту отличает изысканное образование и что ей судьбой предназначено повелевать человеческим родом**.

Цезарь вполне узнал бы чернь, которая в IV в. по-прежнему составляла огромное большинство населения Рима. Она упоминается в письмах Симмаха только вскользь, но видно, что для ее удовлетворения и предотвращения социальной нестабильности требовалось обеспечивать то же,

---

* Извинения см.: Symm. Epist. III. 4. Многое в отношении господствовавшего тогда этикета прояснено в работах: Matthews, 1974; 1986; Bruggisser, 1993.

** О Цезаре см.: Adcock, 1956. Библиография о Цицероне необъятна, см., впрочем, для примера: Rawson, 1975 Fantham, 2004.

что и прежде, — panem et circenses, хлеб и зрелища. Однажды во времена Симмаха из Африки не привезли хлеб, и безземельные плебеи разозлились; точно так же они поступили при его отце — с вполне достаточным основанием, — когда обнаружилась нехватка вина. Римский способ изготовления подводного бетона предполагал использование вина. Симмах-старший курировал строительные работы, при которых применялась эта смесь. Простолюдины узнали об этом. Употребление для изготовления бетона вина, когда им его не хватает, — они сочли это достаточным поводом для волнений*. Отцу Симмаха пришлось покинуть город.

Стремление добиться того, чтобы народ был доволен, видно в тщательной подготовке отцом Симмаха игр, которые предстояло дать его сыну по случаю вступления в сословие сенаторов. Цезарь давал такие игры несколькими столетиями ранее. Среди прочего для их проведения Симмах заполучил семь шотландских охотничьих собак — вероятно, волкодавов — и (благодаря связям на границе) двадцать рабов, которые группами по пять человек образовали экипажи четырех колесниц на ипподроме. Все это являло собою сложное театральное действо, но в письмах выглядит как череда неудач, даже если некоторые из них не вызывали особого раздражения. С куда большим недовольством пишет Симмах в одном из посланий о том, как ему пришлось платить таможенные пошлины за медведей, которых он ввозил из Северной Африки (Epist. V. 62). Более неприятно, что труппа театральных и цирковых артистов, нанятых на Сицилии, «потерялась» на побережье Неаполитанского залива, где они, по-видимому, слегка подрабатывали, прежде чем агент Симмаха сумел разыскать их и спровадить в Рим (Symm. VI. 33; 42). Выступления испанских скакунов особенно понравились зрителям, когда он

*О продовольствии см.: Amm. Marc. XXVII. 3. 8—9; о вине: XXVII. 3. 4.

устраивал игры как консул десятилетием ранее, и Симмах воспользовался своими связями в Испании, чтобы достать там несколько таких коней для сына. К несчастью, только одиннадцать из шестнадцати выдержали путь, что разрушило возлагавшиеся на них надежды. (Требовалось по четыре лошади на четыре колесницы на бегах*.) Наши последние сведения о Симмахе как устроителе состязаний в цирке являют и вовсе отчаянную картину. Как сообщается в письмах, произошла задержка, и поскольку уцелевшие крокодилы отказывались принимать пищу, обеспокоенный Симмах настаивал, чтобы игры были устроены прежде, чем несчастные животные умрут от голода (Epist. VI. 43). Таким образом, оборотная сторона роскошных зрелищ представляла собой полный хаос — как и во времена Цезаря.

Если судить только по Риму, то изменения, происшедшие в империи за время от Цезаря до Симмаха, с первого взгляда незаметны. Это был раздувшийся центр империи, чье население и территория выросли до невероятных размеров благодаря доходам со всех ее концов. По-прежнему центром управляла эгоистичная высокородная знать, непоколебимо уверенная в своем превосходстве, и Рим лишь через плечо бросал взгляд на городскую чернь. Однако при всем своем величии Рим оставался лишь одним из уголков империи и, даже оставаясь великим, казался неизменным скорее с виду, чем на деле.

Императорская корона

В начале зимы 368/69 гг. Симмах покинул Рим и отправился на север. Это была не экскурсионная поездка — он возглавил сенатское посольство, направлявшееся к северу от Альп, к городу Триру в долине Мозеля, где Германия

* Symm. IV. 58—62; V. 56.

граничит теперь с Францией и Люксембургом, обиталище Индутиомара, вождя треверов, который помог эбуронам напасть на Сабина и Котту 421 год назад. Любопытно, что в письмах Симмаха о подробностях путешествия не сообщается — ни маршрута, ни его обстоятельств. Однако представители официальной сенатской миссии имели право пользоваться cursus publicus, сетью дорожных станций, содержавшейся властями, где можно было сменить лошадей и/или остановиться на ночь. Основная часть пути пролегала через Альпы, через перевал Сен-Бернар к истокам Роны, затем вдоль Саоны к истокам Мозеля и вниз по реке до Трира. Если бы призрак обожествленного Цезаря путешествовал вместе с этим посольством, то приятное ощущение знакомого, которое он мог ощущать в Риме, быстро рассеялось бы по мере того, как он бы видел, насколько велики изменения, происшедшие в краях, куда он вторгся четыре столетия назад.

Одна важная, пусть и очевидная перемена произошла в ходе путешествия. Симмах и его друзья везли «коронное золото» (aurum coronarium) царствующему императору Валентиниану I. Теоретически оно представляло собой добровольную денежную выплату, которую города империи делали принцепсу при его вступлении на престол и затем каждые пять лет (quinquennalia). Валентиниан облекся в пурпур в 364 г., так что посольство Симмаха пришлось на пятый год его правления. Было еще немного рано, но послы хотели таким образом иметь достаточно времени до 26 февраля, годовщины прихода Валентиниана к власти. Во времена Цезаря, конечно, не существовало главы Римской державы, а была кучка ссорившихся друг с другом олигархов, чьи соперничество и распри породили тяжелые гражданские войны. В 45 г. до н.э. Цезарь пожизненно стал императором (imperator), т.е. главнокомандующим армией, а через год, перед самым его убийством, ему предложили корону. Несмотря на это, императорский титул оказался

новшеством, когда на него стал претендовать и сделал своим главным титулом племянник Цезаря, Октавиан, принявший имя Августа. С тех пор он изменился до неузнаваемости.

Начнем с того, что всякие проявления республиканизма исчезли. Август очень старался, чтобы созданные им структуры власти не наводили на мысль о низвержении прежней республики и чтобы казалось, будто при смешанной конституции сенат продолжает играть важную роль. Но даже при его жизни это была не более чем приятная видимость, а уж к IV в. никто и не сомневался, что император является самодержавным монархом. Эллинистические концепции правления, развивавшиеся в царствах, возникших после крушения недолговечной державы Александра Македонского, изменили идеологию и церемониал, которые определяли образ властителя. Согласно этой идеологии, законные правители являлись боговдохновенными и богоизбранными. Первый среди равных становится связанным с божеством, сакральной персоной, и прочие люди должны относиться к нему с соответствующим почтением. К IV в. обычной частью дворцового церемониала стал proskynesis, когда человек простирался ниц в присутствии священной особы властителя, а немногим привилегированным лицам позволялось целовать край императорской одежды. Императоры же, как и полагалось, играли собственную роль в этом спектакле. Памятный момент в церемонии отражен в рассказе историка IV в. Аммиана Марцеллина о вступлении императора Констанция II в Рим в 357 г. Хотя в целом он не слишком одобрительно относится к Констанцию, он рисует его как императора, идеально ведущего себя на церемонии: «Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однáко, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто шея его была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не спле-

вывал, не обтирал лица и не делал никаких движений рукой» (Amm. Marc. XVI. 10. 10. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Таким образом, когда требовала ситуация, начиная с того великого дня, когда он стал богоизбранным правителем, Констанций мог вести себя как сверхчеловеческое существо, никак не проявляя обычных, свойственных людям слабостей*.

Императоры IV в. не просто выглядели более полновластными, чем их предшественники I в. Начиная с Августа принцепсы обладали огромной властью, но с каждым веком нарастал и объем их обязанностей. Возьмем, например, законодательство. К середине III в. римская юридическая система прошла немалый путь развития, испытав на себе многообразные воздействия. Законы мог издавать как сенат, так и император. Однако прежде всего ответственность за законодательные новации ложилась на группу знатоков из числа ученых-правоведов, называвшихся «юрисконсультами». Они получали от императора полномочия заниматься толкованием законов и вносить в них изменения в соответствии с установившимися юридическими принципами. С I до середины III в. римское право развивалось прежде всего на основе их ученых мнений. Однако к IV в. император уже заслонил собой юрисконсультов. Спорные вопросы юридического характера теперь направлялись на его рассмотрение. В результате он играл решающую роль в деле законотворчества. О таком же положении можно говорить и в других сферах, особенно в налоговых структурах, где чиновники императора к IV в. играли уже намного большую роль в налогообложении, чем в I в. В принципе императоры всегда имели возможность расширить их полномочия. К IV в. многие из этих потенциальных возможностей стали ре-

* Об идеологии см.: Dvornik, 1966. Для представления о дворцовом церемониале в империи см.: Matthews, 1989, Chs 11—12; McCormack, 1981.

альностью, в частности в том, что касалось дворцового церемониала*.

Столь же важным стал укоренившийся обычай, касавшийся разделения должностей: теперь одновременно правили несколько императоров. В IV в. это была так и не обретшая до конца юридического оформления система, при которой восточная и западная половины империи имели собственных властителей, и случалось, что один человек пытался править всей Римской державой. В последний период своего царствования единоличным главой империи был Констанций II (337—361 гг.), а также его непосредственные преемники Юлиан и Иовиан (361—364 гг.), в течение более продолжительного времени — Феодосий I в 390-х гг. Но ни один из этих экспериментов с единоличным правлением не продолжался долго, и большую часть IV в. империя оставалась разделенной. Раздел власти осуществлялся различными способами. Одни императоры использовали более молодых родственников — сыновей, если они были, а за отсутствием таковых — племянников, как молодых, но, однако, обладающих императорским титулом коллег с собственными дворами. Константин I применял эту модель начиная с 310-х гг. вплоть до своей смерти в 337 г. Племянники Констанция II Галл и Юлиан играли при нем ту же роль бóльшую часть 350-х гг., как и оба сына Феодосия I при отце в 390-х гг. Им предстояло принять титул августов, но ко времени смерти родителя они были слишком юны, чтобы пользоваться реальной властью. Другие императоры делили власть на равных с другими родственниками, обычно братьями. Сыновья Константина I действовали таким образом с 337 по 351 г., так поступали Валентиниан I и Валент в первое десятилетие после 364 г. Кроме того, в конце III — начале IV в. довольно дол-

---

*О развитии римского права: Robinson, 1997; Honoré, 1994; Millar, 1992, Chs 7—8; о налогообложении см.: Millar, 1992, Ch. 4; Jones, 1964, Ch. 13.

гое время власть делилась на равной основе между лицами, которых не связывали родственные отношения. Император Диоклетиан установил в 290-х гг. тетрархию («власть четырех»), деля власть с другим августом и двумя цезарями*, и каждому из этих четырех подчинялась определенная территория. Разные правители приходили и уходили, но система тетрархии продолжала существовать в той или иной форме только до начала 320-х гг. В эпоху поздней империи существовали разные модели раздела власти, но большую часть IV в. здесь было два императора, один из которых обычно находился на Западе, другой — на Востоке, и к V в. это превратилось в более или менее оформленную систему.

Дело было не только в императоре (теперь уже обычно более чем одном), но и в коренной трансформации, которую демонстрирует тот факт, что посольство Симмаха должно было предпринять путешествие на север, чтобы успеть к знаменательной годовщине — пятилетию вступления Валентиниана на престол. Здесь специалистов по позднеримской истории волнует вопрос — приезжал в IV в. правящий император в Рим пять раз или четыре, каждый раз проводя там по месяцу. Поразительный повод для дискуссии. Сколько раз приезжал в Рим император, четыре или пять**, вообще не важно: для IV в. надо задаться вопросом, приезжал ли он туда вообще. В то время как город оставался символической столицей империи и все еще поглощал несоразмерно большую часть доходов в виде

* Два наиболее важных титула в империи были август и цезарь, оба изначально являвшиеся именами конкретных лиц — Юлия Цезаря и его племянника Августа. [Август — почетный титул-прозвище, а не имя, хотя и принадлежавшее конкретному лицу, т.е. первому императору, Августу. — *Примеч. пер.*] В IV в. слово «август» стало титулом, который принадлежал старшим императорам, тогда как цезарями именовались их младшие коллеги.

** Matthews, 1989, p. 235 с соответствующими ссылками.

продовольствия и других поставок, он более не был политическим или административным ее центром. Особенно в конце III — начале IV в. новые центры власти развивались намного ближе к общеимперским границам. В самой Италии Милан, город в нескольких днях пути к северу от Рима, превратился в главную резиденцию правительства империи. Повсюду в разное время Трир на Мозеле, Сирмий при слиянии Савы и Дуная, Никомедия в Малой Азии, Антиохия вблизи от персидского фронта, — все они стали важными центрами, особенно в период диоклетиановской тетрархии, когда каждый из четырех действующих императоров управлял собственной территорией. В IV в. положение немного стабилизировалось: Милан и Трир на Западе, как и Антиохия и новая столица Константинополь на Востоке, стали главными административными и политическими центрами империи.

В речи, обращенной к брату Валентиниана Валенту в 364 г., философ и оратор Фемистий для пущего эффекта проводит скрытое сравнение между Константинополем и Римом, подчеркивая недостатки последнего как столицы империи (Or. VI. 83 c—d):

«Константинополь, связывающий два континента [Европу и Азию], прибежище в ниспосылаемых морем бедствиях, рынок для торговли между морем и сушей, замечательное украшение Римской державы. Ибо он не был сооружен, подобно священному участку, вдали от больших дорог, и если императоры занимаются здесь делами, это не мешает им заботиться об общественных нуждах; это место, через которое всем приходится проезжать, кто отбывает и прибывает во всех направлениях, так что в Константинополе они разом оказываются и ближе всего к собственному дому, и в центре всей империи» (Themist. Or. VI. 83 c—d).

«Священный участок» — изобилие храмов, посвященных богам, которые обеспечили победы в древности, «вдали от больших дорог» более или менее подходит к Риму

IV в. Как точно указывает Фемистий, одной из причин, побудивших императоров покинуть их прежнюю столицу, были административные нужды. Внешняя угроза, которая поглощала их внимание, наблюдалась к востоку от Рейна, к северу от Дуная и на персидском фронте между Тигром и Евфратом. Это означало, что стратегическая ось империи сформировалась по неровной диагонали от Северного моря вдоль Рейна и Дуная до Железных Ворот, где Дунай пересекали Карпатские горы, затем по суше через Балканы и Малую Азию до города Антиохия, откуда можно было обозреть весь восточный фронт. Таким образом, все столицы IV в. находились на границе империи или очень близко к ней (см. карту № 1). Рим же находился слишком далеко, чтобы успешно справляться с задачами центра державы. Информация поступала туда слишком медленно, а приказы оттуда шли слишком долго, чтобы иметь должный эффект*.

Но сами по себе административные потребности не объясняют, почему Римом теперь до такой степени пренебрегали. Такого же рода стратегическая необходимость гнала Цезаря к северу от Альп, на запад, в Испанию, или в Восточное Средиземноморье каждое лето, однако, несмотря на это, бóльшую часть зим он проводил в Риме, куда возвращался для обеспечения своих политических позиций, одаривая друзей и запугивая врагов. Ему приходилось поступать так потому, что в его время римский сенат представлял собой единственное собрание, где велась борьба за власть, поглощавшая энергию его и других олигархов той эпохи, когда они не были заняты завоеваниями в других областях Средиземноморья. Все видные сторонники и противники Цезаря входили в состав сената, наиболее высокопоставленные офицеры в легионах и, очевидно, все командующие принадлежали к сенаторскому сословию, и ожесточенные схватки за власть разыгрыва-

---

* Об общем развитии императорской канцелярии см.: Millar, 1992, особенно Chs 2, 5; Matthews, 1989, Ch. 11.

лись в сенате. Примечательно, что именно на ступенях курии в мартовские иды 44 г. до н.э. был убит Юлий Цезарь. В отличие от него императоры IV в. н.э. не имели нужды тратить время на посещение Рима, поскольку, помимо административных нужд, заставлявших их покидать Италию, они имели дело с другой политической аудиторией. Императоры нечасто бывали в Риме в IV в., потому что в силу политической необходимости им нужно было находиться в самых разных местах. Чтобы понять, как развитие империи пошло по гибельному пути, надо учесть тот факт, что императорский двор, каким бы он ни был, распределял все то, чего желали честолюбивые римляне. Богатство, должности, покровительство, карьера — все это исходило из императорской резиденции, точки, в которой перераспределялись налоговые поступления из Западной Евразии.

Современники прекрасно знали это. В 310 г. оратор кратко сформулировал это в речи, обращенной к императору Константину: «В любом месте, где твоя божественность наиболее часто появляется с визитами, всего сразу прибавляется — людей, стен, благосклонности; не так изобильно появлялись из-под земли цветы для Юпитера и Юноны, чтобы они могли возлечь на них, сколь города и храмы появляются под твоими стопами» (Lat. paneg. VI. 22. 6). В эпоху Цезаря все это богатство перераспределялось в пределах города Рима, чтобы приобрести друзей и влияние на народ на этой решающей арене. Но следовать такой стратегии в IV в. было бы равносильно политическому самоубийству. За четыре столетия, прошедшие после мартовских ид, патронат приобрел более широкий характер.

Группы, обладавшие решающим влиянием на политику, в IV в. следует искать не столько в римском сенате, сколько в двух других местах. Одним из них был давнишний участник политических игр империи — армия, или, точнее, ее офицерский корпус. Принято говорить о «римской армии» как о политическом игроке, но в нормальных условиях рядовой состав ее не имел собственного мнения,

и, к какому бы более или менее подробному рассказу мы ни обратились, везде мы видим группу старших офицеров, участвовавших в принятии решений о том, кому перейдет по наследству пурпурная тога императора, или в организации государственных переворотов. То, что структура армии изменилась со времен Цезаря, естественно, сказалось на положении тех офицеров, которые играли ведущую политическую роль. В эпоху Цезаря армия делилась на легионы, по 5 тысяч человек, каждый сам для себя самодостаточная военная единица. Командиры легионов, легаты, обычно принадлежавшие к сенаторскому сословию, таким образом, стремились к тому, чтобы действовать самостоятельно. К IV в. ключевыми фигурами в военной иерархии являлись высшие военачальники и командующие мобильными полевыми армиями, так называемыми comitatentes. Вообще говоря, всегда существовал крупный мобильный корпус, прикрывавший один из трех ключевых участков границы: первый — на западе (находился на рейнской границе и зачастую в Северной Италии), второй — на Балканах по Дунаю и третий — в Северной Месопотамии, защищавший восток*.

Другой важнейшей силой в эпоху поздней империи являлась имперская бюрократия (часто ее представителей называли palatini, от palatium, лат. «дворец»). Хотя чиновники не обладали военной властью, доступной высшим военачальникам, они контролировали финансы, процесс принятия законов и их проведения в жизнь, и ни один имперский режим не может функционировать без их активного участия. Представители бюрократии всегда окружали императора и всегда пользовались огромным влиянием. В эпоху ранней империи особенно боялись императорских вольноотпущенников. Что было новым во времена поздней империи, так это размеры бюрократического ап-

* Представление о римской армии позднеимперского периода дают работы: Jones, 1964; Elton, 1996b; Whitby, 2002.

парата. В конце 249 г. на всю империю имелось всего 250 высших чиновников. К 400 г., всего 150 лет спустя, их насчитывалось уже шесть тысяч. Большинство их работало в главных императорских резиденциях, откуда можно было вести наблюдение за ключевыми участками границы, т.е. не в Риме, но, в зависимости от того, какой император имелся в виду: в Трире и/или Милане, если речь шла о Рейне, в Сирмии или — все чаще — в Константинополе применительно к Дунаю и Антиохии для Востока. И отныне не римский сенат, а командующие comitatenses, находившиеся на главных участках границы, и представители высшей бюрократии, пребывавшие в центрах, откуда эти участки управлялись, решали судьбу Римской державы*.

Императорский престол передавался по династическому принципу, но только в том случае, если имелся подходящий кандидат, который мог договориться с полководцами и высшими чиновниками. Например, император Иовиан оставил на момент своей смерти в 364 г. маленького сына, которого отстранили от престола и вместо него провозгласили императором Валентиниана; в 378 г. не имевший родственных связей с правителем Феодосий I был облечен в императорский пурпур, поскольку, хотя оба сына Валентиниана I уже были провозглашены императорами, младший из них, Валентиниан II, был еще слишком юн, чтобы осуществлять реальное управление Востоком. Это было также время разрыва династической преемственности. К 363—364 гг. династия Константина пресеклась, что побудило высших военачальников и представителей бюрократии договариваться о возможных кандидатах в наследники. На практике армейские офицеры стремились оставить выбор за собой, как в случае с Иовианом в 363 г., а затем после его преждевременной кончины в 364 г.

---

*О разрастании бюрократии см.: Matthews, 1975, Chs 2—4; Heather, 1994b.

за Валентинианом, но высокопоставленные чиновники также участвовали в процессе и вполне могли предложить свою цену за власть. При выдвижении кандидатуры Иовиана на императорский престол в 363 г. чиновника с тем же именем завалили камнями в сухом колодце, поскольку он представлял потенциальную угрозу, а в 371 г. старший нотарий по имени Теодор был казнен за участие в заговоре против брата Валентиниана I, Валента. Заговор включал в себя гадания, во время которых Феодор и его друзья хотели узнать имя следующего императора. В результате появились буквы Ф-Е-О-Д, но здесь заговорщики прекратили вопрошание и открыли бутылку фалернского, одного из наиболее дорогих вин античности. Если бы они продолжили, то избавились бы от ложных надежд и мучительной смерти, поскольку преемником Валента стал Феодосий*.

Такое сочетание политических и материальных факторов привело к важным изменениям в географии власти. Вследствие этого армия, императоры и чиновники покинули Италию. Данный процесс позволяет понять, почему теперь сильнее, чем когда-либо, возникла нужда более чем в одном императоре. В административном отношении Антиохия или Константинополь находились слишком далеко от Рейна, а Трир или Милан — от Востока, чтобы один император мог обеспечивать эффективный контроль над этими тремя ключевыми отрезками границы. С политической же точки зрения одного центра распределения различных милостей было недостаточно, чтобы все высшие армейские командиры и верхушка бюрократии оставались настолько довольны, чтобы это позволило предотвратить узурпацию. Каждая из трех главных армейских группировок требовала честного внесения жалованья, выдававшегося им ежегодно в золоте в относительно малом количестве, и более крупных выплат в круглые годовщины вступ-

* История Феодора хорошо отражена в источниках: Amm. Marc. XXIX. 1; полный их список см.: PLRE, I, p. 898.

ления императора на престол (тех самых quinquellalia, ради чего Симмах ехал на север). Офицеры этих группировок любили всяческие отличия и повышения, не говоря уже о приглашениях на пиры, с которыми было связано присутствие императора. То же самое можно сказать и о штатских. Императорский режим не мог позволить себе изливать свои милости только на столицу, ибо слишком многие важные персоны оказались бы обойдены. В IV в. с этой политической необходимостью в целом смирились, и когда император пытался править единолично сколь-либо долгое время, это обычно приводило к смуте. В конце IV в. Феодосий I обосновался в Константинополе и исходя из династических интересов (он хотел, чтобы оба его сына унаследовали каждый свою часть империи) отказался назначать человека, который представлял бы его на Западе. В результате он столкнулся с шумным недовольством, появились опасные узурпаторы, получившие значительную поддержку среди чиновников и военных, которые сочли, что они лишаются своей доли при дележе имперского «пирога».

Трудности, с которыми столкнулся Рим в политических и административных вопросах, не являлись неожиданностью. Еще в I—II вв. императоры все больше времени проводили в поездках, а иногда у них появлялись коллеги-императоры, помогавшие им справляться с постоянно нараставшими проблемами*. Между 161 и 169 г. Луций Вер был вторым августом вместе с Марком Аврелием. В IV в. лучшие дни республики, когда различные группировки и заговорщики чувствовали себя как рыба в воде, а решения сената играли важнейшую роль в жизни государства, прошли навсегда. Роль сената в делах империи была сугубо

* Более подробно эта эволюция рассмотрена в прекрасно написанной главе «Кембриджской древней истории» (CAH. 2nd ed. Vol. XI. Ch. 4).

церемониальной, действия сенаторов, как и они сами, играли второстепенную роль в завоевании и осуществлении власти. Некоторые из них были богатыми людьми и могли сделать успешную политическую карьеру*. Однако и в этом случае имелось серьезное ограничение. Карьера сенаторов, cursus honorem, в эпоху поздней империи носила чисто гражданский характер, исключая занятия командных должностей в армии, что не давало возможности сенаторам сделать решающий шаг к обретению императорской власти, которая, как мы видели, обычно доставалась полководцам. Памятные записки сенаторов отправлялись императору для ознакомления (он, конечно, читал их...), императорские распоряжения держали сенат в курсе важнейших вопросов (зачитывать их было немалой честью, и Симмаху она выпадала несколько раз), и сенат мог делать императору представления через послов по поводу частных вопросов, касавшихся отдельных сенаторов. Но активного участия в политике он не принимал, и особого пиетета к его мнению не испытывали, за исключением тех случаев, когда речь заходила об определении размеров ежегодных «добровольных» выплат в имперскую казну. В сенате было много богатых людей, которые платили немало налогов и могли наслаждаться крупными успехами в карьере, но в целом он более не являлся важным участником политической борьбы.

Ничего удивительного, что принадлежность к этому сословию постепенно теряла свое значение. К началу IV в. сенаторы (их называли viri clarissimi, т.е. выдающиеся мужи) обладали уникальным статусом. Они были освобождены от обязанности состоять в советах других горо-

* Примером может служить современник Симмаха Петроний Проб, упоминающийся на страницах переписки Симмаха. Он занимал пост префекта претория (примерно то же, что первый министр) в Италии, Африке, на западе Балканского полуострова в течение приблизительно восьми лет, на двух разных границах.

дов, имели финансовые и юридические привилегии. В течение IV в. произошел ряд изменений, в результате чего ситуация стала иной. Прежде всего императоры медленно, но верно продвигали многочисленных чиновников по социальной лестнице, все больше приближая их к статусу сенаторов. Поначалу это делалось понемногу, но в 367 г. Валентиниан провел большую реформу должностей. Она выравнивала и систематизировала все возможные признаки общественного положения, которых могли добиться чиновники и военные. В рамках этой системы единственной целью становилось достижение ранга clarissimus. С этого момента и до конца столетия произошло его обесценивание ввиду большого числа должностей, обеспечивавших этот ранг. Шесть тысяч высших чиновников империи в 400 г. занимали такие должности, которые обеспечивали сенаторский ранг во время пребывания на них или в отставке. Старинные сенаторские фамилии Рима стали терять свое исключительное положение в обществе. Хуже того, большое число новых clarissimi было необходимо императорам (чтобы было чем жаловать) для разделения сенаторского сословия и создания двух высших классов — illustres и spectabiles, доступ в которые в общем и целом мог быть не столько по рождению, сколько в зависимости от активной бюрократической деятельности. Примерно в то же время, между 330 г. и концом столетия, императоры один за другим принимали меры по созданию другого сената, равноценного существующему, в новой столице на Востоке, в немалом числе выдвигая новых людей, но также и перемещая некоторых прежних сенаторов для постоянного пребывания на Востоке.

Между 250 и 400 г. высокородные римские сенаторы увидели, что их позиции значительно ослабели в результате появления многочисленного сенаторского класса, равно как и медленного, но верного возвышения аналогичного органа в Константинополе.

Итогом этих процессов стало возникновение политического мира, который Юлий Цезарь не узнал бы. Первый среди равных стал дарованным свыше правителем того, что некоторые историки назвали «империей наизнанку» из-за приграничного расположения ее новых столиц, обычно действовавшим по меньшей мере вместе с одним соправителем равного статуса и обладавшим широкими полномочиями в различных сферах деятельности. Римская бюрократия стала новой аристократией, оттеснив лишенный власти над армией и остававшийся во все большей изоляции римский сенат. Эти процессы позволяют понять также, почему Симмаху и его товарищам по посольству пришлось добираться до Трира, когда они ехали, везя золото, в поисках императора Валентиниана. Для них эти изменения вызвали к жизни еще один вопрос наибольшей важности. Римский мир во времена Цезаря был столь же обширным, но не возникало нужды в двух императорах или таком широком разделении надзорных и властных полномочий, чтобы предотвратить узурпацию или мятеж. Что же, таким образом, изменилось с 50 г. до н.э. по 369 г. н.э.? Чтобы найти ответ на этот вопрос, нам следует повнимательнее присмотреться к конечному пункту путешествия, предпринятого посольством Симмаха, — городу Триру, ставке римского командования на рейнской границе.

Рим там, где римляне

В начале своей истории Трир, расположенный у стратегически важного брода через реку Мозель в сердце страны когда-то враждебного племени треверов, являлся римской военной базой. Город, который увидели Симмах и его товарищи по посольской миссии зимой 368/69 гг., однако, представлял собою не военный лагерь, но многолюдную и богатую твердыню Romanitas (римского духа) в римских

владениях на Рейне. Если послы приближались к городу с запада, то они должны были проехать через Porta Nigra, «Черные Ворота», великолепный образец римских сооружений такого рода, до сих пор стоящий на территории бывшей империи. Окруженные современными зданиями, они до сих пор производят впечатление. В IV в. они поражали воображение еще больше. Сначала мы видим железную подъемную решетку, затем, если поднять ее, мы попадаем во внутренний двор, после чего идем через собственно ворота. По обе стороны стоят четырехэтажные башни со сводчатыми галереями, откуда защитники готовы были засыпать метательными снарядами любого противника, который окажется в западне между подъемной решеткой и воротами. Эти ворота обязаны тем, что уцелели, праведнику X в., который сделал из них свою обитель. Поэтому в конечном счете они превратились в церковь, тогда как остальные стены и ворота римского города были разобраны на строительные материалы. Во времена Симмаха ворота были встроены в стену в 6 м высотой и 3 м шириной. Она окружала город площадью в 285 га. Другие мощные ворота господствовали над мостом через Мозель, давно заменившим старый брод и изображенным на золотом медальоне в IV в., выбитом в Трире.

Внутренняя часть города производила не меньшее впечатление. В начале IV в. вся северо-восточная часть его была превращена в административный и церемониальный центр императорской власти в тех краях. Начиная с 310-х гг. работы велись различными членами династии Константина, затем, когда скончался последний представитель оной, их продолжили уже ее преемники, с нею не связанные. Дворец, собор и цирк с расположенными там, возможно, личными императорскими банями (т.н. Kaiserthermen) являлись теперь главными сооружениями этой части города. Многие позднеримские имперские церемонии происходили в цирке, и подземные переходы вели из дворца в императорскую ложу амфитеатра. План первого этажа

собора, который, согласно литературным источникам, возвели в 360-х гг., удалось выяснить в результате раскопок, проведенных после Второй мировой войны. Над поверхностью земли еще и сейчас можно видеть остатки бань и более или менее сохранившейся базилики — большого императорского помещения для аудиенций. Как и Porta Nigra, она уцелела потому, что в средневековый период превратилась в церковь и теперь одиноко возвышается посреди транспортного потока*.

Но вернемся в IV в. По бокам базилики находились портики и покои дворца, и в таком виде она производила впечатление — 67 м в длину, 27,5 м в ширину и 30 м от пола до потолка и могла бы дважды вместить в себя Porta Nigra. Базилика представляет для нас особый интерес, поскольку именно там Симмах и его товарищи по посольству преподнесли в дар императору Валентиниану золото, привезенное из Рима. Первоначально здание было покрыто белой штукатуркой, в современном состоянии оно имеет однотонную окраску — как внутри, так и снаружи, но в IV в. дело обстояло иначе. Пол был выложен из белых и черных плиток, составлявших геометрический орнамент, мраморная облицовка тянулась от пола к окнам, а ниши указывают на то, что у стен стояло множество статуй. Послы должны были вступить в это роскошное здание через главные ворота с юга, чтобы увидеть императора напротив себя в дальнем конце собора в апсиде. Обычно место, где находился император, отделялось от остальной части помещения для аудиенций покрывалом, сквозь которое можно было различить очертания великого и всемилостивого. Во время особо важных церемоний, таких как подношение коронного золота, оно, однако, отдергивалось. Гражданским и военным чинам при дворе полагалось стоять вдоль стен зала, выставляя напоказ свои пышные одеяния и выстроившись в соответствии со строгим порядком стар-

* В целом о Трире римской эпохи см.: Wightman, 1967.

шинства, установленным Валентинианом пару лет назад. Во всем чувствовались великолепие и стройность, и взоры неизбежно устремлялись на персону императора. Затем следовала короткая речь, и на этом дело заканчивалось*. Послы могли удалиться.

Но Симмах остался, проведя в Трире и его окрестностях остаток года. Он потратил немало времени, чтобы изучить город, его обитателей и сельскую округу. Не мог не обратить на себя внимание глубоко римский дух Трира, давно укоренившийся в нем. Новые имперские сооружения оказались построены на земле уже вполне римского города. Сразу за воротами, которые вели к мосту через Мозель, на восточной стороне, находился один из двух крупнейших банных комплексов в западной империи за пределами Рима, так называемые «Варварские термы» (другими были «Императорские термы»). Это огромное сооружение с портиками, внутренним двором, холодной, теплой и горячей ваннами и гимнасием было построено во второй четверти II в. н.э. и продолжало активно функционировать, когда сюда прибыл Симмах. Стоявшие рядом муниципальные здания образовывали форум, судебное присутствие, место заседаний городского совета. Это был центр общественной жизни города, много раз перестраивавшийся, однако первое общественное здание возвели еще в I в. н.э. Примерно в это же время город обзавелся амфитеатром; построенный на восточном склоне холма, напротив бань, он был больше, чем сохранившиеся римские амфитеатры в Арле и Ниме в современной Франции. Прямо к юго-западу от амфитеатра, в так называемом Альтбахтале, находилось приблизительно пятьдесят храмов, образовывавших самый значительный храмовый комп-

* Это поднесение коронного золота являлось более краткой церемонией, чем обычные речи в честь императора; возможно, потому, что их было слишком много — по одному от каждого города империи, и император мог свихнуться, если бы все это длилось слишком долго.

лекс в западной империи. Кроме того, известно, что где-то здесь находился храм (правда, он не обнаружен), посвященный верховному римскому божеству — Юпитеру Наилучшему и Величайшему (Iuppiter Optimus Maximus). Позднее в Трире появился театр, а в III в. и водопровод: здесь построили двенадцатикилометровый акведук, проходивший через долину Рувера к холму за городом, чтобы обеспечивать водой его фонтаны и канализацию. С начала II в. н.э. Трир стал по-настоящему римским городом и продолжал развиваться.

Подобные изменения происходили не только в Трире. По всей Северной Галлии появлялись города. То же самое можно наблюдать в Британии, Испании, Северной Африке, на Балканах, в Малой Азии, в краях Плодородного Полумесяца*. Появившиеся на месте греческих, многие такие города существовали в Средиземноморье уже в эпоху римских завоеваний. Возникали они в разных местах и в I в. н.э. С известным опозданием нечто подобное происходило в Британии приблизительно во II в. Число таких городов варьировало в зависимости от региона, и если отклониться от средиземноморского хинтерланда, то это явление становится уже относительно редким. Однако распространенность этих изменений не следует недооценивать. Если бы дух Цезаря появился в тех краях, куда добралось посольство Симмаха, он был бы поражен. В его время в Северной Европе попадались лишь разрозненные крепости местных племен на холмах, многочисленные сельские усадьбы и отдельные римские лагеря. Теперь здесь почти повсюду господствовал римский сельский пейзаж, города стали административной опорой империи. Для римлянина город был чем-то большим, чем просто урбанистическая единица: он владел и управлял зависимой сельской округой. К IV в., за некоторыми исключениями, империя в административном отношении состояла

*Название региона на Ближнем Востоке, включающего в себя Междуречье и Левант. — *Примеч. пер.*

из своего рода мозаики — территорий городов, каждый из которых управлялся советом (curia) декурионов (известных также как curiales)*.

В течение того года, что он находился при дворе Валентиниана, Симмах проводил досуг со многими вельможами. Кое-кто из них жил в роскошных домах в римском стиле. Немногие остатки одного или двух из них, обычно в виде изящных мозаичных полов, найдены в черте современного города. Многие владели роскошными усадьбами в сельской округе, которые сохранились намного лучше, поскольку находятся не в черте современного города. Самая крупная из обнаруженных археологами (в Ко́нце) находилась примерно в 80 километрах вверх по течению у слияния Мозеля и Саара. Она стояла на крутом берегу реки в живописной местности, и ее строения занимали прямоугольник длиной в 100 м и шириной в 35 м, а в центре всей конструкции находился зал для аудиенций с апсидой. Есть серьезные основания предполагать, что это была летняя резиденция императора в Контониаке. И если Симмаха осчастливили приглашением туда, то он провел там время по-царски.

В сущности, окрестности Трира были плотно застроены виллами, и многие из них, может быть, чуть менее величественные, чем эта (большинство их имело конструкцию частной, а не императорской усадьбы), вытягивались в цепочку вдоль речного берега в подходящей местности. Все это, вместе с амбарами и кладовыми, обычными для имений, — традиционная смесь помещений для приема публики и частных покоев, чтобы жить цивилизованной жизнью на римский лад в сельской местности: бани, зал для аудиенций, мозаики, главный очаг плюс тенистый внутренний двор с портиком, изящным садом и фонтанами. И, повторим, нет ничего особенного в том, что здесь,

---

*Литература о городах Римской империи необъятна, но представление об их важности в материальном, административном и политическом отношении дает работа: Jones, 1964, Ch. 19.

вдали от Италии, мы находим такие образцы римской изысканности. Близость Трира и расходы императорского двора способствовали тому, что виллы вокруг Мозеля оказывались более роскошными и обширными, чем то случилось бы в других обстоятельствах. Но виллы не были здесь новым явлением. Они появились тут уже к началу II в. и с того времени стали обычными для тех краев. Единственно, в чем северяне не могли состязаться с обычной римско-италийской практикой, так это в том, что вследствие более дождливого и холодного климата они не могли делать крышу с отверстием над серединой дома для сбора холодной воды в резервуар. И так же, как и за пределами Трира, виллы заполнили сельскую местность окрест других новых римских городов в областях, которые попали под власть римлян. Их плотность, быстрота, с которой они появлялись, и величина были разными. В Британии (за исключением усадьбы в Фишборне в середине I в.) виллы стали появляться немного позднее и развивались более медленно. В IV в., спустя 200 лет, в течение которых черно-белый геометрический орнамент считался нормой, в провинциях к северу от Ла-Манша появились наконец многоцветные мозаики. Сельская округа и города аналогичным образом понемногу перенимали римские стандарты за четыре столетия, отделявшие Симмаха от Цезаря*.

Изменения затронули не только архитектуру, но и людей. Симмах завязал и активно поддерживал немало знакомств в течение того года, что находился при дворе в Трире, и самым примечательным из его новых знакомцев был знаток латинского языка и литературы Децим Авзоний Магн, бывший, вероятно, на тридцать лет старше Симмаха. По причине блестящей ученой карьеры император Валентиниан привлек его для обучения своего сына, будуще-

*О Конце и мозельских виллах см.: Wightmann, 1967, Ch. 4. Литература о вилле как культурном феномене столь же велика, как и о городах, см., например: Percival, 1976.

го императора Грациана. Первое послание Симмаха к Авзонию, написанное в чрезвычайно льстивых выражениях, недавно идентифицировали среди анонимных писем этого собрания. Два обстоятельства вызывают особый интерес. Во-первых, ощущавшееся превосходство в знании латинской словесности оказывалось важнее социальных различий. Хотя Авзоний и принадлежал к образованной элите Рима, он не мог сравниться по знатности происхождения с Симмахом. И второе, для наших целей намного более важное: Авзоний сделал себе имя как принадлежащий к свободной профессии преподаватель латинской риторики, работая под эгидой университета Бордо*, близ атлантического побережья в Галлии. К IV в. Бордо стал одним из крупнейших центров латинской образованности в империи. Обращает на себя внимание не только искушенность в латинском красноречии за пределами Италии, но и то, что Авзоний происходил не из Рима и даже не из Италии, а из Галлии. Но здесь перед нами один из высокородных римлян из самого Рима, обратившийся к нему с почтением и искавший его расположения в делах, касавшихся латинской литературы. Наконец, во вступлении к своему первому письму Симмах обыграл то обстоятельство, что его самого в Риме учил риторике преподаватель из Галлии.

Случай с Авзонием еще раз показывает, как далеко зашли изменения в римском мире. Как и в случае с Триром и виллами вокруг него, он отражает множество сторон происшедших трансформаций. Во времена Цезаря некоторые галлы хорошо знали латынь, в основном в городах Нарбоннской Галлии, римской провинции в Средиземноморской Галлии. Но сама мысль о том, что выучившийся в Риме знаток латинского языка сенаторского ранга может

---

*Упрощение: первые университеты появились в Европе в XII—XIII вв., здесь же речь идет о риторической школе. — *Примеч. пер.*

обращаться к галлу как к превосходящему его в знании латинской традиции, поразила бы его своей нелепостью.

Вскоре после установления империи два имперских языка — латинский на Западе, а в дополнение к нему греческий на некоторых территориях Востока — начали усваиваться наряду с их собственными наречиями новыми подданными Рима, в особенности представителями более состоятельных слоев. Поначалу это происходило в отдельных подходящих случаях, но затем латинские грамматики начали работать (и это распространилось с примечательной быстротой) во многих городах империи. Школы появились в Отене в Центральной Франции, на родине семьи Авзония, уже в 23 г. н.э. И коль скоро такие школы начали действовать, интенсивное преподавание языка и литературы стало возможным по всей империи. К IV в. грамматики могли дать хорошее латинское образование в любом ее уголке. Язык сохранившихся писем св. Патрика, который происходил из семьи мелких землевладельцев в северо-западной Британии, показывает, что такое образование было доступно в самых отдаленных частях империи даже в 400 г. То же можно сказать и о Северной Африке, известной своими педагогическими традициями и взрастившей Августина из Гиппона, одного из самых образованных римлян позднего периода. Вергилий восторжествовал над всеми нелатинскими и доримскими соперниками.

Все это подводит нас к самой глубокой перемене, тому аспекту эволюции империи, который лежал в основе всего остального, — возникновению римских городских и сельских структур за пределами Италии, распространению политической общности, центром которой уже не был Рим и его сенат. Латинский язык и литература распространились по всей империи, поскольку народы, когда-то покоренные легионами, начали постигать римский этос и приспосабливаться к нему. Речь шла не просто об усвоении элементарной латыни для практических нужд вроде про-

дажи нескольких коров или свиней римским воинам (хотя и это, конечно, имело место). Согласие брать уроки у грамматика и получать то образование, которое он давал, означало принятие системы ценностей в целом, которая, как мы видели, подразумевала, что лишь такой тип образования мог сформировать должным образом развитого и достигшего вершин человека.

В рамках того же процесса усвоения римских ценностей римские города и виллы воздвигались в тех уголках империи, где подобные явления были совершенно неизвестны до появления римских легионов. Все модели городской жизни, которые можно было наблюдать в Трире, брали начало в Средиземноморье, и на завоеванных территориях создавались поселения ветеранов, чтобы местные племена могли собственными глазами увидеть городскую жизнь, которую вели «истинные» римляне. Однако с возникновением Трира дело обстояло иначе. Официальное название города, чье современное французское название — Trèves, все проясняет: Augusta Treverorum (Августа треверов). Это означало, что город основан при императоре Августе для племени треверов, того самого, откуда происходил Индутиомар, в конечном счете ответственный за гибель Котты и его легионеров. В I—II вв. Трир был выстроен руками треверов, которым хотелось иметь собственный римский город. Обширный корпус посвятительных надписей подтверждает эту точку зрения — как и в случае с другими римскими городами. Большинство общественных зданий в таких городах строилось на деньги жертвователей. Они так старались показать себя подлинными римлянами, что бывшие «варвары», будь то в Галлии, Британии или Иберии, делали большие займы у италийских ростовщиков для осуществления своих проектов и подчас попадали в тяжелое финансовое положение. Поначалу, видимо, поселение в Трире представляло собой военный лагерь, однако по-настоящему римский облик ему придали не иммигранты из Италии, но местные жите-

ли. Начиная со II в. уже невозможно было отличить виллу, построенную римлянами и италийцами, от возведенной провинциалами.

Характерные для римского города сооружения — бани, храмы, здание совета, амфитеатр — строились каждое для своих особых целей и случаев, и не имело смысла воздвигать их, если бы такие цели отсутствовали. Римские бани были общественными, в религиозных церемониях при отправлении культов участвовало все население города, здание совета и его внутренний двор являлись местом для обсуждения городских проблем, форумом местного самоуправления. В римской идеологии цивилизации, которая прямо брала начало в соответствующей идеологии классической Греции, местное самоуправление рассматривалось как важнейший элемент формирования цивилизованного человеческого существа. В самом акте обсуждения государственных вопросов перед лицом равных тебе слушателей развивались умственные способности в такой степени, которая в других условиях оказалась бы невозможной*. Таким образом, основание римского города означало не просто возведение обычного для него набора зданий, но преобразование местной политической жизни по римскому образцу.

Истинную природу этих изменений иллюстрирует серия сенсационных находок в Южной Испании. После завоевания римлянами этих краев многие туземные общины также через некоторое время превратились в римские города, однако в силу определенных причин они решили записать свои новые конституции на бронзовых таблицах. Лучше всего сохранившуюся из них обнаружили летом 1981 г. на неприметном холме под названием Молино дель

*Для Аристотеля только в таком случае жизнь была нормальной, и те, кто жил отдельно в своих поместьях, считались менее разумными. Наше слово «идиот» происходит от греческого idiotes, обозначавшего всякого, кто избегал участия в делах общины.

Постеро в провинции Севилья. Первоначально находка состояла из десяти бронзовых табличек 58 см в высоту и 90 см в ширину, на которых в три столбца был начертан Lex Irnitana — конституция римского города Ирни. Сравнение табличек с пространными фрагментами из других мест показывает, что была некая основная конституция, составленная в Риме, которую приняли все местные города, изменив некоторые детали в зависимости от местных условий. Законы носят очень детальный характер; текст, составленный путем комбинирования фрагментов из различных поселений, занимает восемнадцать страниц убористого текста английского перевода*. Среди прочего законы устанавливали, кто может быть членом городского совета и как избирать магистратов (исполнительные лица, обычно duumviri, «два мужа») из его состава, какие юридические казусы должны рассматриваться на месте, как следует вести и проверять финансовые дела. Все это было очень четко определено, как и число назначавшихся чиновников, которое менялось от случая к случаю в зависимости от величины и богатства общины. Аналогичным образом особой формой сельского образа была вилла: ее облик отражал классические представления греков и римлян о цивилизованной жизни за пределами города**.

Средиземноморские ценности постепенно проникали в жизнь провинций многими другими путями. В римских религиозных культах живущие отделялись от мертвых,

---

* González, 1986, trans. M.H. Crawford.

** Виллы всегда делились на pars rustica («деревенская часть», для сельских работ) и pars urbana («городская часть», для цивилизованного проживания). В состав pars urbana входили обширные помещения для приема гостей из разных слоев общества, так же как и бани, а потому жизнь на ней была какой угодно, но только не «идиотической». Существует немало прекрасных исследований об идеологических установках, превращавших человека в римлянина. См.: Woolf, 1998; Keay, Terrenato, 2001; D.J. Mattingly, 2002.

поэтому, например, кладбища в новых городах никогда не находились в их пределах. Обычай быстро становился частью нового образа городской жизни. Если говорить о более светских вещах, то привычка делать из зерна хлеб, а не похлебку аналогичным образом распространилась к северу по мере усвоения римского образа жизни вместе с изменениями в кухонной утвари и кулинарной технологии, которые для этого требовались.

Изменения в завоеванных провинциях приводили, таким образом, к тому, что их жители перестраивали свою жизнь в соответствии с римскими образцами и системой ценностей. В течение одного или двух столетий завоеваний вся империя стала вполне римской. Старая «Начальная книга английской истории» дает живое изображение римской Британии, конец которой неожиданно настал в V в. с уходом легионов и заменой римских топонимов (на иллюстрации — уходящие римские солдаты и сломанные милевые столбы, как я припоминаю). Но эта картина случившегося ошибочна. Во времена поздней империи римляне Британии были не иммигрантами из Италии, а местными жителями, усвоившими римский образ жизни и все связанное с ним. Причиной их угасания стал вовсе не уход римских легионов с острова. Британия, как и все, что находилось между Адриановым валом и Евфратом, перестала быть римской лишь формально, в силу «оккупации».

Комит третьего класса

Наконец Симмах отправился домой в начале 369 г. Он увидел расцвет римского мира в долине Мозеля. Сенатское посольство выполнило свою цель, и его главу со всею пышностью принимали император и многие вельможи. Выполнение посольской миссии по делам своего города особо отмечали в послужном списке, то же произошло и с

Симмахом, который также вернулся в Рим с почетным титулом: во время визита Валентиниан сделал его comes ordinis tertii, «комитом третьего класса». Комиты (comites) были особой группой лиц, сопровождавших императора, созданной Константином; принадлежность к ней поначалу являлась почетным признаком благоволения властителя, но некоторые соответствовали определенным должностям. В конце концов задача была выполнена как надо, и из писем Симмаха мы видим, как он использовал связи, приобретенные при дворе Валентиниана. С учетом того, как много знал Симмах о всемогущем и всемилостивом, молодые люди, заканчивавшие высшее образование в Риме, искали его и добивались от него рекомендательных писем. Сенатор делал карьеру, одалживая других.

Не меньшее значение имели для него связи, которые он завязал при дворе с галльским ритором Авзонием. Однако в дошедшей до нас переписке, в остальных случаях носившей дружеский характер, есть письмо, последнему не соответствующее. Вскоре после возвращения в Рим Симмах писал своему другу:

«Вот и «Мозелла» твоя, освященная бессмертными стихами твоими, у кого летает по рукам, у кого таится в складках тоги, и только мне никак не попадет на язык. Отчего же ты обездолил меня этою своею книжкою? То ли я кажусь тебе так глух к Музам, что и оценить ее не могу, то ли так недобр, что похвалить не могу? Худого же ты мнения как о способностях моих, так и о повадках» (Symm. Epist. I. 14. Пер. А.В. Артюшкова под ред. и с доп. М.Л. Гаспарова).

«Мозелла» уцелела и была признана величайшим произведением Авзония. В ней он следовал устоявшейся поэтической традиции, изображая эту большую реку как то, что позволяет воздать хвалу всему краю. Следовательно, хотя она и описывается весьма подробно, едва ли это поэма о красоте природы, скорее о красоте иного рода — о среде, которую создал человек во взаимодействии с природой:

характерный взгляд для общества, которое, как мы видели, усматривало качества цивилизованного человека не столько в природном даровании, сколько в старательном совершенствовании. Перечислив в знаменитом пассаже все виды рыб в реке, Авзоний изображает долину в целом:

Сплошь вся покатость холмов до самой последней вершины —
По берегам реки зеленеет посевом Лиэя.
Бодрый в трудах селянин, хлопотливый в заботах издольщик
То взбегают на холм, то вновь сбегают по склону,
Перекликаясь вразброд. А снизу и путник, шагая
Пешей своею тропой, и лодочник, в лодке скользящий,
Песни срамные поют запоздалым работникам...

В числе римских скульптур Трира сохранилась резная баржа для перевозки вина на Мозеле, с гребцами и бочками.

Затем Авзоний переходит к описанию изящных вилл, выстроившихся в ряд на берегу реки:

Перечислять ли дома с лугами зелеными рядом,
Пышные кровли которых на длинных стоят колоннадах?
Или над самой водой на прибрежной вставшие кромке
Бани, одетые в пар Вулканом, который из топки
Огненным вздохом своим наполняет полые стены,
Дальше и дальше клубя волну раскаленного пара?
Сам я видел не раз, как, измаянный долгим потеньем,
Пренебрегал купальщик прохладою банной купальни,
Прыгнув в живой текучий поток, и в нем, освеженный,
Плыл, плесканием рук полоща студеную воду.
Путник, пришедший сюда с берегов, где раскинулись Кумы,
Мог бы сказать, что этим местам эвбейские Байи
В дар принесли подобье свое: так тонко и живо
Всюду царит красота, не перерождаясь в роскошь.

Кумы и Байя (оба на берегу Неаполитанского залива), последняя — знаменитый курорт, имели гидротехнические сооружения для проведения досуга и предназначались

для богатых и видных лиц Рима (и тот и другой город были основаны греческими колонистами с Эвбеи в VIII в. до н.э.), а потому Авзоний подчеркивал: Мозель мог успешно соперничать с тем лучшим, что остальная империя предлагала римлянину для цивилизованной жизни в сельской местности. Заметим, что, по мнению Авзония, сельская жизнь близ Трира не превращалась в характерный для греков (с точки зрения римлян) порок потакания своим слабостям.

После путешествия по сельской местности мы достигаем самого Трира:

> Не умолчу ни о чем: назову и пахарей мирных,
> И знатоков закона, чья речь в судилище служит
> Верной защитой для всех, кто гоним; и первых в сенате
> Граждан, которых народ своим почитает сенатом;
> И из ораторских школ питомцев, которых искусство
> С детской скамьи довело до Квинтилиановой славы*.

Квинтилиан (жил примерно в 35—95 гг. н.э.) был знаменитым адвокатом, систематизировавшим многие правила риторики, по которым строилась изысканная латынь Симмаха и Авзония**. Авзоний говорит нам, конечно, что Трир богат теми особыми римскими доблестями, повсеместное усвоение которых лежало в основе тех революционных изменений, нами сейчас рассмотренных: изысканная речь и нравы, власть закона, местное самоуправление, осуществлявшееся равноправными гражданами. Говоря кратко, если брать земледелие, села, главный город, то мозельский край полностью цивилизовался на римский манер.

---

* Выше процитированы фрагменты из поэмы Авзония «Мозелла» (ст. 161—167, 335—348, 399—404) в переводе А.В. Артюшкова. — *Примеч. пер.*

** Вклад Квинтилиана в развитие канонов латинского языка исследуется, например, в работе: Leeman, 1963.

Мы не знаем наверняка, почему Авзоний не отправил Симмаху экземпляр «Мозеллы», но я рискну высказать предположение. Во время своего пребывания на рейнской границе Симмах несколько раз произносил перед императором и двором речи, фрагменты трех из которых сохранились в одной дошедшей до нас в поврежденном виде рукописи с текстом его речей. Эти отрывки представляют нам интересную картину воззрений Симмаха на то, как в Риме смотрели на приграничные земли у Рейна. В первой речи он резюмирует: «Если ты хочешь постичь словесность, говорит Цицерон, то для изучения греческого нужно ехать в Афины, а не в Ливию, а латинского — в Рим, а не на Сицилию». Или еще более обобщенно: «Отправляясь на Восток к своему непобедимому брату [Валенту], ты [Валентиниан] быстро преодолеваешь путь по полуварварским берегам непокорного Рейна... ты возвращаешься к старым средствам, когда империя создавалась силою оружия».

Для Симмаха Рим был центром римской цивилизации, квинтэссенцией которой являлся латинский язык, и «полуварварским» приграничным провинциям надлежало защищать его любою ценой. Легко представить себе, как при дворе Валентиниана восприняли молодого заносчивого сенатора, который приехал на север читать лекцию о том, как они служат римскому духу. Очень вероятно, что Авзоний не отправил Симмаху экземпляр «Мозеллы» в пику манере, усвоенной последним в год его пребывания на границе. Трир и его окрестности не были «полуварварскими», как это изображал Симмах, но являли собой царство подлинной римской цивилизации. Особо обращает на себя внимание, что Авзоний сравнивает виллы на берегах Мозеля с виллами на курорте в Байи — Симмах постоянно останавливается на том, насколько ему по сердцу один из его домов там*. Его похвалы прелестям Байи должны были

* Пользуясь указателем слов к сочинениям Симмаха (Lomanto, 1983), я нашел в них двадцать упоминаний о Байи и связанных с ними удовольствиях.

задевать обитателей Трира. Если Авзоний решил сыграть с ним шутку, когда тот благополучно отбыл в Рим, то этот пассаж мог выглядеть обвинением Симмаха и других важных персон, чьи имена не раз встречались в его разговорах, в потворстве своим слабостям в духе греков.

Неудивительно, что Авзоний не отправил Симмаху свою поэму. У него были на руках все козыри, и все, что мог сделать Симмах в ответ, прочитав наконец поэму, так это немного поиронизировать:

«Никогда бы я не поверил чудесам, которые поведываешь ты об истоке и течении Мозеллы, если бы не знал, что ты не умеешь лгать — даже в стихах... Я не раз бывал в твоем застолье и дивился выставленной тобой снеди... но не видел таких рыбных пород ни разу. Если не было их на блюдах, то когда же появились они в стихах?» (Symmach. Epist. I. 14).

Если оставить в стороне вопрос о рыбах, «Мозелла» Авзония показала, каковы настроения треверской аудитории, и соответствующие награды не замедлили последовать. Комитство Симмаха ненадолго поставило его выше Авзония. Однако «комит третьего класса» красиво звучало, но на деле мало что давало, а вскоре после опубликования «Мозеллы» ее автор стал комитом и квестором. Квесторы были чиновниками правового ведомства первого класса и занимали положение, соответствовавшее положению комита первого класса. Затем, после смерти Валентиниана в 375 г., императором стал старший ученик Авзония Грациан, и семья поэта воспользовалась возможностями непотизма до такой степени, что это превосходит всякое воображение. Сам Авзоний стал префектом претория (первым министром) Галлии, а впоследствии Галлии, Италии и Африки (необычное сочетание). Одновременно его сын занял пост первого министра в Галлии, а затем первого министра в Италии; его отца, уже достигшего девяностолетнего возраста, назначили на должность перво-

го министра в Иллирике (Западные Балканы), а его зятя — заместителем первого министра в Македонии, племянника — главой императорского казначейства. Такое очевидное сосредоточение власти в руках семьи невозможно было предсказать в 371 г., но искусно проводимая в «Мозелле» линия оказалась достаточной, чтобы убедить Симмаха, что ему стоит умерить свой сарказм. Его письмо с выражением жалобы заканчивалось похвалой стихам, а за этим посланием последовало немало других, более дружественных. Авзоний обладал слишком важными и полезными для Симмаха связями при дворе, чтобы воротить нос и ссориться из-за нескольких рыб.

Сенатская миссия Симмаха и обмен литературными текстами, которым она завершилась, показывают нам, таким образом, корни тех изменений, которые произошли в римском мире за 400 лет со времен Юлия Цезаря. Повсюду активное усвоение римских ценностей делало из провинциалов настоящих римлян. В этом историческом феномене отразился подлинный дух империи. Первоначально завоеванные и подчиненные легионами, местные народы продолжали строить римские города и виллы и жить жизнью римлян в собственных общинах. Это произошло не за один день, тем не менее относительно быстро (в течение двух — четырех поколений), если говорить об империи, история которой продолжалась 450 лет. Следует подчеркнуть, что новые подданные вместе с прочим усваивали и общеизвестные достоинства латинского языка. Не только немногие из богатейших людей посещали занятия в образовательных учреждениях метрополии — их можно сравнить с индийскими князьями в Итоне или представителями азиатской элиты в Гарварде или Массачусетском технологическом институте, — точные копии таких заведений создавались в провинциях. Со временем их преподаватели становились знатоками такого уровня, что, как в случае с Авзонием, провинциалы могли наставлять людей из метрополии.

Этот изумительный прогресс изменил того, кто подразумевался под римлянином. Ведь одна и та же политическая культура, стиль жизни и система ценностей установились более или менее на огромной территории от Адрианова вала до Евфрата, и ее обитатели по закону являлись римлянами. «Римляне» представляли собой теперь не узко понимаемый этноним, а целостную культурную общность, доступ в которую был теоретически открыт любому. Отсюда вытекает наиболее важное следствие того, что империя удалась: новые римляне, став таковыми, оказывались вынуждены утверждать свое право на участие в политической жизни, чтобы обрести блага, которые давала доля власти в таком огромном государстве. Еще в 69 г.* вспыхнуло большое восстание в Галлии, одной из причин которого явилось осознание новой идентичности. Восстание потерпело поражение, однако к IV в. баланс сил изменился. В Трире Симмаху недвусмысленно дали понять, что «лучшей частью человечества» является не только сенат, но и цивилизованные римляне по всей империи.

Глава вторая

ВАРВАРЫ

В 15 г. н.э. римская армия под командованием Германика Цезаря, племянника правившего тогда Тиберия, достигла Tetobergiensis Saltus (ныне Тевтобургский лес в 300 километрах к северо-востоку от Трира). За шесть лет до того три полных римских легиона под руководством П. Квинтилия Вара, насчитывавших вместе со вспомогательными отрядами, вероятно, 20 тысяч человек, были уничтожены в одной из самых знаменитых битв древности.

* Имеется в виду восстание Юлия Цивилиса. — *Примеч. пер.*

«Они вступают в унылую местность, угнетавшую и своим видом, и печальными воспоминаниями. Первый лагерь Вара большими размерами и величиной главной площади свидетельствовал о том, что его строили три легиона; далее полуразрушенный вал и неполной глубины ров указывали на то, что тут оборонялись уже остатки разбитых легионов: посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные грудами, смотря по тому, бежали воины или оказывали сопротивление. Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружились жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий. И пережившие этот разгром, уцелев в бою или избежав плена, рассказывали, что тут погибли легаты, а там попали в руки врагов орлы; где именно Вару была нанесена первая рана, а где он нашел смерть от своей злосчастной руки и обрушенного ею удара; с какого возвышения произнес речь Арминий, сколько виселиц для расправы с пленными и сколько ям было для них приготовлено»*.

Бойня была делом рук коалиции германских вождей во главе с Арминием, предводителем херусков, небольшого племени, жившего между реками Эмс и Везер, что на территории нынешней Северной Германии. Древнеримские источники, в которых описывалось поражение, были заново открыты и стали более широко использоваться в XV и XVI вв. латинистами, и Арминий, более известный как Hermann (Герман) — делатинизированная форма его имени, с этого времени сделался символом германской государственности. С 1676 по 1910 г. было создано ни много ни мало семьдесят шесть опер, прославлявших его подвиги, и в XIX в. огромный памятник в его честь поставили рядом с небольшим городом Детмольдом в центре того, что сейчас

* Tac. Ann. I. 61. Пер. А.С. Бобовича.

называется Тевтобургским лесом. Первый камень в его основание заложили в 1841 г., а открытие монумента состоялось в 1875 г., через четыре года после разгрома Бисмарком Франции и объединения немецкоязычного мира Северной и Центральной Европы под властью прусской монархии. Двадцативосьмиметровая медная статуя Германа стоит на каменной базе такой же высоты, а сама она находится на вершине четырехсотметрового холма. Сооружение напоминало о том, что успех осуществленного в XIX в. объединения Германии был повторением происшедшего в римскую эпоху.

На самом деле памятник Арминию стоит не в том месте, где произошла битва. Название «Тевтобургский лес» лесистая местность вокруг Детмольда впервые получила в XVII в., поскольку люди стали строить догадки по поводу локализации знаменитого сражения древности. Благодаря некоторым сенсационным находкам место сражения частично удалось установить в 70 километрах к северу от тех мест. У самого Оснабрюка на северном побережье Германии равнину окаймляет возвышенность, известная как Вингебирге. Начиная с 1987 г. на площади в 6 км в длину и 4,5 км в ширину в северной ее части, низине Калькризе-Ниведде, стали находить большое число римских монет и различных предметов вооружения. В южной части равнины находится стометровый холм Калькризе-Берг, в античные времена покрытый густым лесом. У северного его спуска шла полоска песчаной почвы, в некоторых местах столь узкая, что только четыре человека могли пройти по ней в ряд. На другой стороне находилось большое торфяное болото. В 9 г. н.э. римские войска двигались с востока на запад по узкой тропинке (путь ей указывали проводники, которых дал Арминий — он убедил Вара, что всем сердцем стоит за интересы Рима), когда попали в засаду между лесистыми склонами с южной стороны и торфяным болотом с северной. Как говорится в нашем лучшем источнике,

сражение длилось четыре дня. Поначалу римляне, несмотря на тяжелые потери, продолжали сохранять порядок и уверенно двигаться вперед. На четвертый день, однако, стало ясно, что армия окружена и обречена. В этот момент Вар, предоставив войскам делать то, что они сочтут наилучшим для спасения, предпочел покончить жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки врагов. Немногие выжили, чтобы поведать о случившемся*.

Эта катастрофа воспринималась как более масштабный вариант того, что произошло с людьми Котты, которых таким же образом 63 года назад завели в места, где невозможно было обороняться. Долговременные последствия оказались, однако, различными. Если эбуроны и треверы были в конечном счете завоеваны, начали изучать латинский, носить тогу и строить города, пользовавшиеся самоуправлением, то с херусками Арминия этого не произошло. В позднеримский период пространство между Рейном и Эльбой по-прежнему не входило в состав империи, его материальная культура не несла на себе никаких характерных примет римской цивилизации. Обозначившийся в древности водораздел в Европе до сих пор дает о себе знать в современном разграничении между романскими языками, происходящими от латинского, и германскими. Все это, казалось бы, позволяет объяснить, почему в V в. Западная Римская империя уступила место нескольким королевствам-преемникам, этническую основу которых составляли носители германских языков. Римские

---

* Работа Уэллса (Wells, 2003, особенно Chs 2—3 с приложениями) дает хорошее представление о мифе об Арминии и недавних археологических находках. Однако его рассказ о битве в Тевтобургском лесу очень странен — резня в его изображении закончилась в течение часа, никак не отмечая тот факт, что наш основной источник, Дион Кассий, сообщает о четырехдневном сражении на значительной протяженности (LVI. 19—22, причем источники, противоречащие в этом вопросе Диону Кассию, отсутствуют).

легионы не смогли подчинить Германию к востоку от Рейна в период завоеваний, поскольку ее жители оказали им отчаянное сопротивление и в конечном счете расквитались с ними сполна разрушением империи. Такое объяснение давали, разумеется, немецкие националисты XIX в. Выдвинутое и обоснованное учеными, оно пришлось по сердцу и более широкой аудитории. Феликс Дан, чей фундаментальный труд о германском королевстве остается классическим, написал также знаменитое эссе «Война против Рима (Ein Kampf um Rom)», которое выдержало множество изданий в конце XIX — начале XX в.*.

Однако в связи со всем этим возникает одна неудобная мысль: если бы вы спросили римлянина IV в., откуда исходит главная угроза безопасности империи, то он, несомненно, ответил бы, что с востока — от Персии. Это было единственным здравым ответом, поскольку примерно с 300 г. Персия представляла для римского порядка куда большую угрозу, чем Германия, а на других границах серьезная угроза отсутствовала**. Внимательное чтение источников с учетом археологических материалов, которых не было в распоряжении Дана, убеждает в том, что в начале I в. н.э. на Рейне и Дунае римляне держали легионы по иным причинам, нежели считали немецкие националисты. Это также объясняет, почему римляне в эпоху поздней империи больше беспокоились из-за Персии, чем из-за германских племен.

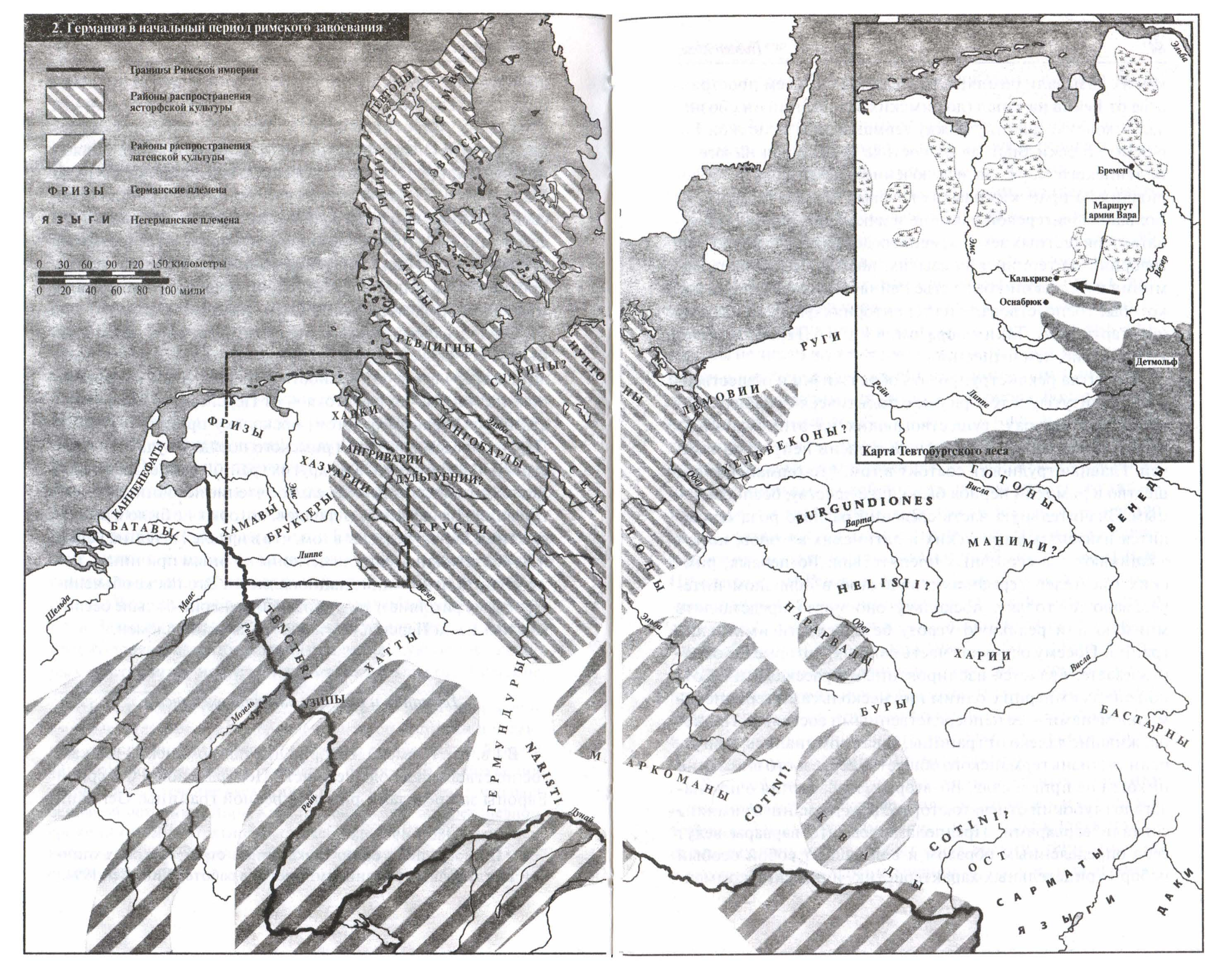
Германия и пределы римской экспансии

В I в. н.э. племена, говорившие на германских языках, господствовали в большей части Центральной и Северной Европы за пределами римской речной границы. Germani,

---

* Dahn, 1861—1909, 1877.

** Превосходный обзор с указанием стратегических отличий между разными границами дается в работе: Whittaker, 1994.

2. Германия в начальный период римского завоевания
Границы Римской империи
Районы распространения ясторфской культуры
Районы распространения латенской культуры
ФРИЗЫ Германские племена
ЯЗЫГИ Негерманские племена
0 30 60 90 120 150 километры
0 20 40 60 80 100 мили
ТЕВТОНЫ
ХАРИДЫ
ВАРИНЫ
ЭВДОСЫ
АНГЛЫ
РЕВДИГНЫ
СУАРИНЫ?
ХАВКИ
ФРИЗЫ
ЛАНГОБАРДЫ
АНГРИВАРИИ
ХАЗУАРИИ
ДУЛЬГУБНИИ?
КАННЕНЕФАТЫ
БАТАВЫ
ХАМАВЫ
БРУКТЕРЫ
ХЕРУСКИ
TENCTERI
ХАТТЫ
УЗИПЫ
ГЕРМУНДУРЫ
NARISTI
Эльба
Эмс
Липпе
Везер
Рейн
Маас
Шельда
Мозель
Дунай
РУГИ
ЛЕМОВИИ
ХЕЛЬВЕКОНЫ?
Одер
Висла
ГОТОНЫ
BURGUNDIONES
Варта
ВЕНЕДЫ
МАНИМИ?
HELISII?
НАРВАЛЫ
ХАРИИ
БУРЫ
БАСТАРНЫ
COTINI?
КВАДЫ
САРМАТЫ
ЯЗЫГИ
ДАКИ
Маршрут армии Вара
Бремен
Калькризе
Оснабрюк
Детмольф
Карта Тевтобургского леса

как их называли римляне, расселились на всем пространстве от Рейна на запад (до римских завоеваний он обозначал условную границу между германской и кельтской Европой) до реки Вистула на востоке и от Дуная на юге до Балтийского моря. За исключением некоторых из говоривших на иранских языках кочевых племен сарматов на Большой Венгерской равнине и даков, обитавших в Карпатах и окрестных землях, непосредственные соседи Рима говорили на германских языках, начиная с херусков Арминия и их союзников в устье Рейна и кончая бастарнами, которые господствовали на территориях близ устья Дуная (см. карту № 2). Таким образом, в I в. н.э. Германия была куда больше, чем нынешняя.

Попытка реконструировать образ жизни и общественные институты, не говоря уже о политических и идеологических структурах, существовавших на этих огромных территориях, является в высшей степени непростой задачей. Главная трудность состоит в том, что германское общество в римский период было, по существу, бесписьменным. Значительную часть сведений разного рода приходится извлекать у греческих и латинских авторов, но тут возникают два серьезных препятствия. Во-первых, римских писателей германское общество в основном интересовало постольку, поскольку оно могло представлять мнимую или реальную угрозу безопасности имперских границ. Посему основная часть данных, которые вы обнаруживаете, является изолированными рассказами об отношениях империи с одним или несколькими германскими племенами — ее непосредственными соседями. Племена, жившие далеко от границы, едва упоминались, и внутренняя жизнь германского общества серьезного внимания никогда не привлекала. Во-вторых, на сведения о нем налагало глубокий отпечаток то, что всех германцев римляне считали варварами. Предполагалось, что варвары ведут себя определенным образом и воплощают собой особый набор отрицательных характеристик, и римские коммен-

таторы старались вовсю, чтобы показать, что это было именно так.

Уцелело немного данных о внутренней жизни германского мира, которые позволили бы скорректировать ошибочные представления, умолчания, неверный ракурс, присущие нашим римским источникам. Бóльшую часть римского периода германцы использовали руническое письмо для священнодействий, есть и другие, весьма немногочисленные исключения, касающиеся бесписьменного характера их общества, однако не сохранилось подробного рассказа из первых рук о жизни германцев, который исходил бы из германской среды. Поэтому очень многого мы не знаем и уже не сможем узнать, и применительно к большинству сторон жизни германцев нам приходится опираться на сочинения римских авторов и более или менее обоснованные догадки. Самое лучшее, что мы зачастую можем сделать при попытке реконструировать общественные институты германцев, — обратиться к письменным источникам, в особенности законодательного характера, времен германских королевств (конец V — начало VI в.), а затем постараться экстраполировать на более раннее время то, что представляется наиболее релевантным. Простираясь от Рейна до Крыма, Германия состояла из самых различных экономических и географических зон, и всегда необходимо иметь в виду, насколько приложимо то, что сообщается об одних племенах, к другим. Таким образом, нарративные источники ставят нас перед не очень приятным выбором между пристрастными римскими свидетельствами и материалом более позднего времени. И то и другое можно использовать, но делать это надо взвешенно и с учетом их ограниченного характера.

В какой-то степени нехватку современных событиям германских источников восполняют археологические материалы. Они дают нам бесценную возможность по-настоящему почувствовать быт и дух древних германцев, но у германской археологии трудное прошлое. Как научная

дисциплина она возникла во второй половине XIX в., когда строился памятник Арминию и когда по Европе прокатилась волна национализма. В целом в те времена предполагалось, что «нация», или «народ», являет собой некое основополагающее единство, в рамках которого большие группы людей действовали в отдаленном прошлом и должны действовать теперь. Большинство националистов воодушевляло непоколебимое чувство врожденного превосходства своей нации. Германия могла быть в течение долгого времени расколота на множество политических единиц, но усилиями Бисмарка и других теперь, благодаря объединению Германии, естественный и древний порядок вещей успешно восстановлен. В таком культурном контексте германская археология могла иметь только одну цель: исследовать исторические истоки и родину немецкого народа. Первый крупный поборник таких исследований, Густав Коссинна, отмечал, что предметы, во все большем числе обнаруживаемые в захоронениях, можно сгруппировать по внешнему подобию и сходству погребального обряда. Он создал себе репутацию теорией, согласно которой распространение отдельных древних предметов и погребальных обрядов свидетельствует о пребывании на данной территории того или иного народа*.

К этой концепции нации относились с почти религиозным поклонением, а потому политики готовы были использовать подобные идентификации древнего расселения «народов» как аргумент в современных территориальных спорах. В 1919 г. в Версале Коссинна и один из его

*Как предположил Коссинна в издании «Происхождения германцев» 1926 г., «ясно определенные, четко очерченные, археологически разграниченные провинции безусловно совпадают с территориями отдельных народов и племен». Идеи Коссинны приобрели огромное влияние в англоязычном мире благодаря трудам В. Гордона Чайлда (1926, 1927). Для представления о новых интепретациях археологических культурных ареалов см.: Renfrew, Bahn, 1991.

польских учеников, Владимир Костревжский, спорили из-за установления границы между Германией и Польшей исходя из различного толкования одних и тех же следов древности. Ситуация еще более ухудшилась в нацистский период, когда высокопарные рассуждения о древней Германии стали оправданием претензий на обладание территорией Польши и Украины, а чувство изначального превосходства германской расы напрямую обусловило безжалостное обращение с военнопленными из числа славянских наций. Однако в течение последних двух поколений германская археология возродилась, и результатом этого стал значительный прогресс наших представлений об общественном и экономическом развитии германцев на протяжении длительного периода. Если отбросить националистические предрассудки при толковании литературных источников, то историю германоязычной Европы римского времени можно переписывать заново и сделать это весьма увлекательно.

Первым результатом этого стала новая интерпретация тех находок, которые давали Коссинне основание определять ареал проживания древних «народов». В то время как на территории древней Германии в политическом отношении господствовали германоязычные народы, оказывалось, что население этой огромной территории было далеко не совсем германским. В великую эпоху национализма любое место, где только обнаруживались следы германцев, объявлялось частью их древней и великой прародины. Однако анализ названий рек показывает, что в Северной Европе существовала третья этническая группа, говорившая на собственном языке из числа индоевропейских и жившая на территории между землями кельтов и германцев. Этот народ находился под властью одного из двух названных задолго до того, как римские авторы стали писать о населявшихся им краях, и мы о нем ничего не знаем. Германия сформировалась в значительной степени в результате германской экспансии на запад, юг и восток из мест их

первоначального обитания рядом с Балтикой. Некоторые случаи захвата ими земель в раннюю эпоху наделали достаточно шума, чтобы их зафиксировали греческие источники, тогда как другие произошли уже после возвышения Рима и известны лучше. Но такого рода экспансия не вела к полному исчезновению местных, негерманских народов на территориях, о которых идет речь, поэтому важно иметь в виду, что под Германией подразумевается Европа, находившаяся под властью германцев. Все более распространяясь на восток и на юг в римский период, германоязычные народы становились доминирующей в политическом отношении силой на территории с очень пестрым населением.

Другой бросающийся в глаза факт, когда речь заходит о Германии римского периода, — полное отсутствие политического единства. На карте № 2, основанной на данных «Германии» Тацита, хорошо видно, насколько был раздроблен ее мир, включавший в себя более пятидесяти небольших социополитических единиц. При всем многообразии некоторые из них на короткий период могли объединиться для достижения определенных целей. Как мы видели, Арминий мобилизовал разношерстные силы племен в 9 г., чтобы разгромить Квинтилия Вара. Полувеком раньше Цезарь столкнулся с другим германским предводителем, сосредоточившим в своих руках на несколько более долгий срок огромную власть, — Ариовистом, царем свебов, который к 71 г. до н.э. создал на восточной окраине Галлии довольно сильную державу и на какое-то время был даже признан «другом» римского народа. Цезарь предпочел в 58 г. до н.э. вступить с ним в борьбу и разгромил его армию в Эльзасе. Одного крупного поражения хватило, чтобы рассыпалась вся коалиция. Во времена Арминия жил другой выдающийся германский предводитель, Маробод, возглавлявший коалицию различных племен, обитавших на территории современной Чехии. Тацит сообщает также, что некоторые племена принадлежали к культовым союзам, и указывает, что в какое-то время некая пророчица, Веледа,

приобрела особое влияние. Но ни культовые союзы, ни прорицательницы, ни временные, пусть и выдающиеся предводители не обеспечивали объединения германцев*.

Когда римляне стали распространять свою власть к востоку от Рейна, германцы враждовали между собой так же, как и с ними. Результаты этого могли быть столь же кровавыми, как и то, что произошло в Тевтобургском лесу. Серьезных различий в культурном отношении между ними не заметно, более важную роль играли различия в политической сфере, которые разделяли их; борьба велась за лучшие земли и другие экономические преимущества. В конце I в., например, на бруктеров обрушилась коалиция их соседей, и приглашенные ими римские наблюдатели могли насладиться зрелищем того, как 60 тысяч человек, согласно данным источников, подверглись избиению. В «Анналах» Тацита также сообщается о борьбе не на жизнь, а на смерть между гермундурами и хаттами и окончательном истреблении оставшихся без земли и оттого беспокойных ампсивариев: «Изгнанные из их владений, они пытались пробиться сначала на земли хаттов, потом херусков и в этих долгих блужданиях, встречаемые порой как гости, порой как бесприютные нищие, порой как враги, потеряли убитыми в чужих краях всех, способных носить оружие, тогда как старики, женщины и дети стали добычей различных племен»**.

Едва ли можно яснее показать, что бытовавшие в XIX в. представления о древних германцах были неправильными. Временные союзы и вожди, обладавшие властью более значительной, чем обычно, могли на какое-то время объединять два или более племен, но обитатели древней Гер-

* Об Ариовисте см.: Caes. De bello Gallico. I. 31—53; о Веледе: Tac. Hist. IV. 61 и 65; V. 22 и 24. Превосходный вводный очерк о раннем германском обществе см.: Todd, 1975; 1992; Hachmann, 1971.

** О бруктерах см.: Tac. Germ. 33; об ампсивариях: Tac. Ann. XIII. 55; 56.

мании не могли сформулировать и осуществить на практике принципы политического единства.

Почему в ходе римской экспансии этот чрезвычайно разобщенный мир не оказался поглощен, как то произошло с кельтами? Остановку продвижения легионов часто связывают с великой победой Арминия, но так же, как и уничтожение легиона под командованием Котты и Сабина в 54 г. до н.э., истребление войска под командованием Вара оказалось единичным событием, за которое римляне сумели должным образом отомстить. Прибытие Германика в Тевтобургский лес в 15 г. н.э. являлось частью более крупной кампании против херусков во главе с Арминием. В ходе ее другой римский корпус попал в засаду, устроенную воинами Арминия, но на сей раз результат оказался иным. Хотя римлянам какое-то время приходилось туго, они в конце концов загнали неприятелей в ловушку, что имело предсказуемые последствия: «Германцы гибнут, столь же беспомощные при неудаче, насколько бывают дерзкими при успехе. Арминий вышел из боя целый и невредимый... [но] остальных римляне истребляли, пока длился день и не была утолена жажда мщения» (Tac. Ann. I. 68. 4—5). Римлянам помогал Сегест, второй предводитель херусков, который, подобно многим кельтским вождям во времена Юлия Цезаря, считал, что присоединение земель его племени к Римской империи принесет значительные преимущества. Но даже херуски, не говоря уже обо всех остальных германцах, не были едины в своем сопротивлении Риму, и поражение в Тевтобургском лесу не остановило продвижения римлян по тропинкам Германии. В 16 г. римляне одержали еще несколько побед, а три года спустя Арминий пал жертвой интриг со стороны группы соплеменников. Его сын воспитывался в Равенне. Арминий одержал большую, важную победу, но глубинные причины того, что римские легионы остановились на окраинах Германии I в. н.э., оказались в значительной степени иными.

* * *

В соответствии с соображениями стратегии римские рубежи в Европе на всем их протяжении пролегали по рекам. Они облегчали снабжение многочисленных войск, размещавшихся на границе. На легион времен ранней империи, состоявший из 5 тысяч человек, требовалось примерно 7500 кг зерна и 450 кг фуража в сутки, или 225 т и 13,5 т в месяц соответственно*. Бóльшая часть римских войск в это время располагалась на границе или рядом с нею, а условия в большинстве приграничных районов, прежде всего уровень их экономического развития, не обеспечивали удовлетворения всех нужд за счет местных ресурсов. Войска, располагавшиеся вдоль Рейна, обладали еще одним значительным преимуществом в большей степени, чем части, дислоцировавшиеся вдоль других рек, которые текли с юга на север и которых было немало в Центральной и Западной Европе, в их числе и Эльба. При использовании Роны и Мозеля (наиболее краткий путь для перевозок) снабжение могло производиться по воде из Средиземного моря до Рейна без риска, связанного с путешествием по неспокойным водам.

Истинные причины того, почему Рейн стал в конце концов границей, заключаются в сочетании мотивов, обусловливавших римскую экспансию, и разницы в уровне социально-экономического развития доримской Европы. Римская экспансия осуществлялась в результате борьбы за власть между республиканскими олигархами вроде Цезаря и стремления первых императоров к славе. Экспансия как путь к власти в Риме определяла положение в тот момент, когда все еще оставалось немало незавоеванных богатых общин Средиземноморья, чье покорение напрашивалось само собой. Подвергшись аннексии, они становились новыми источниками налоговых поступлений в Рим, а также делали имя тем полководцам, которые

* Elton, 1996b, с. 66—69.

их покорили. Со временем, однако, наиболее богатые из них оказались захвачены, и в начале императорской эпохи римская экспансия стала поглощать территории, которые не приносили прибылей, способных покрыть расходы на их завоевание. В частности, Британию, как подчеркивается в античных источниках, император Клавдий начал покорять только ради славы*. С учетом всего этого пределы римской экспансии на севере приобретали особое значение, если наложить их на карту экономического развития неримской Европы.

Римская экспансия остановилась непосредственно в зоне между ареалами двух материальных культур — латенской и ясторфской (см. карту № 2). В общем характере их жизни можно выделить два ключевых различия. До римского завоевания на территории распространения латенской культуры появлялись не только деревни, но и более крупные поселения, иногда идентифицируемые как города (по-латински oppida, поэтому другое ее наименование — «культура oppida»). Кое-где в областях латена использовались монеты, а некоторые народы латенской культуры имели письменность. Цезарь в «Записках о галльской войне» описывает комплекс политических и религиозных институтов, существовавших по крайней мере у нескольких племен, которые он завоевывал, в частности у эдуев на юго-западе Галлии. У них все основывалось на экономике, способной производить достаточное количество прибавочного продукта, чтобы обеспечивать военных, жрецов и ремесленников, не занятых непосредственно сельскохозяйственным трудом. В отличие от латенской уклад жизни в ясторфской Европе был куда более суровым, с куда большим упором на скотоводство и с куда меньшим количест-

* Strabo. IV. 5. 3. (Строго говоря, у Страбона сказано лишь о том, что нет необходимости в присоединении Британии, поскольку ее население легко мирилось с пошлинами, которые установили там римляне, о Клавдии же речи там не идет. — *Примеч. пер.*)

вом излишков. Ее население не чеканило монету, не имело письменности и к началу нашей эры не создавало сколь-либо крупных поселений — даже деревень. Таким образом, то, что осталось от этой культуры, не дает почти никаких свидетельств о специализированной экономической деятельности.

Во времена, когда господствовали взгляды Коссинны и зоны распространения тех или иных культур связывались с «народами», латенская и ясторфская культуры обычно отождествлялись с кельтами и германцами соответственно, но столь упрощенная идентификация неверна. Зоны, сходные в археологическом отношении, отражают образцы материальной культуры, а материальную культуру можно усвоить. Люди не рождаются с оружием, горшками и украшениями определенного вида, которые сохраняются у них, пройдя огонь и воду. Хотя образцы латенской культуры впервые появляются на территории народов, говоривших на кельтских языках, а их ясторфские эквиваленты — у народов германской группы, нельзя отсюда делать общий вывод относительно того, что последние не могли усвоить некоторые элементы материальной культуры латена. И к тому времени, когда римская власть распространилась к северу от Альп, у некоторых германских племен на окраине кельтского мира, в частности тех, которые жили вокруг устья Рейна, развилась культура, гораздо больше похожая на латенскую, чем на ясторфскую.

Таким образом, римское продвижение останавливалось не там, где проходили те или иные этнические границы, а там, где происходили разрывы в социально-экономической организации Европы. В результате основная часть более развитой латенской Европы вошла в состав империи, тогда как ясторфская в целом осталась за ее пределами.

Это касается не только Рима. Как можно видеть на примере Китая, здесь в приграничных районах империи должно было господствовать пахотное земледелие, чтобы обес-

печить стабильность в промежуточной зоне с ее наполовину земледельческим, наполовину скотоводческим хозяйством, где способность местной экономики к производству оказывалась недостаточной для обеспечения имперской армии. Идеология экспансии и стремление к славе тех или иных правителей могли привести к тому, что эти армии оказывались за пределами указанной линии, однако в конце концов трудности, связанные с удержанием новых территорий и вдобавок с малой выгодой, которую можно было извлечь из них, делали дальнейшие завоевания бессмысленными. Европа двух систем — явление не новое, и римляне делали соответствующие выводы. Преемник Августа Тиберий увидел, что Германия просто не стоит того, чтобы ее завоевывать. Народы, рассеянные на обширном пространстве по глухим лесным углам, можно было завоевать поодиночке, но в районах распространения ясторфской культуры оказывалось гораздо труднее удерживать стратегическое господство, чем над организованными народами латенской культуры, компактно проживавшими в городах. Именно удобная для тылового обеспечения ось Рейн — Мозель и расчеты издержек с учетом ограниченных возможностей экономики районов распространения ясторфской культуры вынуждали легионы оставаться на своих местах. Германия как целое была также слишком разобщена в политическом отношении, чтобы представлять собой серьезного соперника для более богатых и уже завоеванных стран. Вполне естественно, что памятник Арминию стоял не в том месте, где надлежало, — поскольку германские националисты XIX в. неправильно оценивали подлинное значение германского вождя. Речь должна идти не о доблести в бою, которая позволила германцам остаться вне пределов Римской империи, а об их бедности*.

---

*Об экспансии Китая см., например, Lattimor, 1940. Представление о культуре oppida дают работы: Cunliffe, Rowley, 1976; Cunliffe, 1997. О ясторфской культуре: Schutz, 1983, Ch. 6. Об усвоении германцами форм латенской культуры см.: Hachmann et

В итоге защищенная приграничная римская зона в середине I в. н.э., чтобы более или менее стабилизироваться вдоль определенной линии, проходила по рекам Дунай и Рейн. Если не считать некоторых небольших изменений, она сохранялась три столетия. Это имело значительные последствия. Европейские народы к западу и югу от этих речных границ, будь то латенские или ясторфские по своей культуре, оказывались вовлеченными в процесс, в результате которого они усвоили латинский язык и городской образ жизни, надели тоги и, наконец, приняли христианство. Взирая на то, как изменяются под воздействием романизации соседние народы, находившаяся под властью германцев Северная и Восточная Европа никогда не становилась частью римского мира. По представлениям римлян, Германия оставалась обиталищем неотесанных варваров. Тот же ярлык навешивался на персов на Востоке. Однако эти последние представляли собой угрозу совершенно иного уровня.

Персия и кризис III в.

В Накше-Рустаме, в 7 километрах к северу от Персеполя, находятся гробницы великих древнеперсидских царей ахеменидской династии, Дария и его сына Ксеркса, от недружелюбного внимания которых были вынуждены отбиваться афиняне и их союзники при Марафоне и при Саламине в 490 и 480 гг. до н.э. В 1936 г. здесь на месте зороаст-

al., 1962. Очень много написано о динамике римской имперской экспансии, общее представление о ней можно получить из работ: CAH 2nd, ed. Vol. IX. Ch. 8a; vol. X, Chs 4, 15; Isaac, 1992, Ch. 9; Whittaker, 1994, Chs 2—3. Современные исследования показали, что этот процесс носил куда более спонтанный характер, чем считали сторонники старой точки зрения о спланированных завоеваниях.

рийского храма огня также была обнаружена вырезанная на трех языках надпись с исполненными бахвальства гордыми речами позднеперсидского царя:

«Я — почитающий Мазду божественный Шапур, царь царей... из рода богов, сын почитавшего Мазду божественного Ардашира, царя царей... Когда я первым установил власть над народами, цезарь Гордиан [император в 238—244 гг.] со всей Римской империи... собрал войско и выступил... против нас. Великая битва произошла близ ассирийской границы в Мешике. Цезарь Гордиан был разгромлен, а его армия уничтожена. Римляне объявили цезарем Филиппа. И цезарь Филипп пришел просить мира, и за свою жизнь он заплатил выкуп в пятьсот тысяч денариев и стал нашим данником... И Цезарь вновь совершил обман и причинил несправедливость Армении. Мы выступили против Римской империи и уничтожили шестидесятитысячную римскую армию при Барбалиссе. Сирийцев и все какие ни есть народы и земли, которые лежат за ними, я предал огню, опустошил и дочиста разорил. И во время похода [мы овладели]... тридцатью семью городами с прилегающей к ним территорией. В эту третью войну... Цезарь Валериан выступил против нас. С ним шло войско в семьдесят тысяч человек... Большая битва произошла за Каррами и Эдессою между нами и Цезарем Валерианом, и мы взяли его в плен своими руками, так же как и других предводителей его армии... Во время этого похода мы также завоевали... тридцать шесть городов с окружающими их землями».

Это фрагмент из Res Gestae Divi Saporis, «Деяний божественного Шапура»*. Речь о стратегическом переломе, который начался в III в. н.э. и изменил Римскую империю.

До сих пор Риму приходилось сражаться на Востоке с парфянской династией Аршакидов, пришедшей к власти примерно в 250 г. до н.э. Аршакиды управляли миром, ко-

* Перевод см.: Dodgeon, Lieu, 1991, с. 43—46, 50, 57.

торый чрезвычайно отличался от мира лесных хижин германцев на севере Европы. Эта династия происходила из Парфии и начала все активнее распространять свое владычество на Ближнем Востоке в III в. до н.э., быстро подчинив себе территории от Евфрата до Инда. Таким образом, множество народов и ареалов окружало ее, но ядром Парфянского государства вскоре стала Месопотамия. И опять-таки, в отличие от Германии, история этих краев определялась взлетом и падением великих империй, таких как Ахеменидская держава Кира, Дария и Ксеркса, которая владела не только Ближним Востоком, но и Египтом, Западной Турцией и Плодородным Полумесяцем и чуть не поглотила саму Грецию.

Аршакиды одержали несколько крупных побед над римлянами в эпоху поздней республики, когда власть Рима впервые распространилась так далеко на Восток. Наиболее известным был разгром армии отца и сына Крассов в 53 г. до н.э.*. Но во II в. н.э. способность династии оказывать серьезное сопротивление Риму уменьшилась, и несколько императоров одержали крупные победы на персидском фронте. Самая поздняя из них имела место в 190-х гг. н.э., когда Септимий Север создал две новые провинции, Осроену и Месопотамию, продвинув границу империи на юг и восток. Эти поражения ввергли парфянский мир в кризис. Различные представители династии вели борьбу за власть, и некоторые отдаленные районы добились самостоятельности. В 205—206 гг. н.э. началось восстание в провинции Фарс рядом с Индийским океаном. Им предводительствовал Сасан, самый видный из региональных магнатов. По смерти последнего борьбу продолжил его сын, отец Шапура Ардашир I (правил в 224—240 гг.), истинный основатель династии Сасанидов. В 224—225 гг. он разгромил двух соперничавших аршакидских правителей и установил контроль над другими про-

* При Каррах и Синнаке. — *Примеч. пер.*

винциальными властителями, которые уже успели сбросить господство Аршакидов. После этого он короновался в качестве царя царей в Персеполе в сентябре 226 г.*.

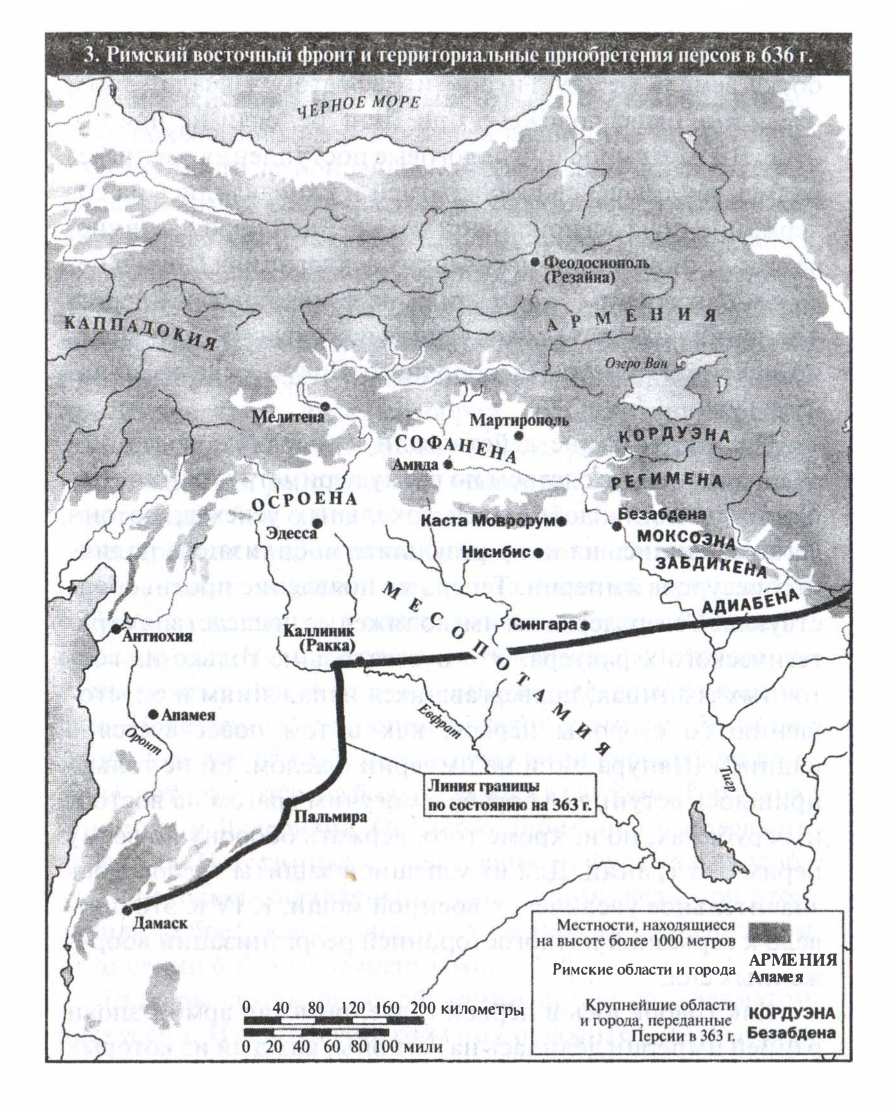
Как ясно следует из Res Gestae Divi Saporis, приход к власти династии Сасанидов был не просто важным эпизодом во внутренней истории нынешних Ирака и Ирана. Поражения, понесенные от нескольких римских императоров во II. в. н.э., стали важнейшей причиной крушения гегемонии Аршакидов, и Сасаниды сумели быстро и эффективно добиться превосходства и удерживать его. Начало этому процессу положил Ардашир I. Вторгнувшись впервые в Римскую Месопотамию между 237 и 240 г., он захватил ее крупнейшие города — Карры, Нисибис и Хатру (см. карту № 3). Рим ответил на вызов тремя энергичными контрударами, последовавшими в течение двадцати лет царствования сына Ардашира, Шапура I (правил в 240—272 гг.). Результатом стало то, о чем рассказывается в надписи Шапура. Римляне потерпели три тяжелых поражения, два императора погибли, третий, Валериан, попал в плен. Шапур продолжал таскать Валериана за собой в цепях как символ своего величия — картина, сохраненная для потомства в виде рельефа Бишапура. После смерти императора Шапур велел содрать с него кожу и выдубить, сделав ее своим трофеем. Позднее еще один римский император, Нумериан, также попал в плен, но был убит на месте: «С него содрали кожу и сделали из нее мешок. И они смазали ее миррой [для сохранности] и держали ее как исключительно великолепную вещь». Такова ли была судьба Валериана, пребывал он в почете или в унижении, источники умалчивают.

Ничто лучше не символизировало новый мировой порядок. Возвышение Сасанидов разрушило то, что существовало на Востоке в течение столетия римской гегемонии

---

*Для представления об истории Ближнего Востока в эпоху ранней Римской империи см.: Millar, 1993.

на Востоке. Повсюду и неожиданно стратегическая ситуация для Рима внезапно и серьезно ухудшилась, поскольку сверхдержава Сасанидов, новой династии, не собиралась исчезать — несмотря на усилия Рима, которые он не прекращал прилагать в середине III в. Сасаниды использова-

ли ресурсы Месопотамии и иранского плато куда более эффективно, чем это делали их предшественники Аршакиды. Используя свою власть, они сформировали единую политическую структуру, тогда как труд римских пленных использовался для осуществления масштабных ирригационных проектов, в результате чего на 50 процентов увеличилась численность населения и улучшилась обработка земель между Тигром и Евфратом. Начало этому, очевидно, было положено при Шапуре, если не при его отце. В итоге выросшие налоговые поступления распределялись усилившейся бюрократией и направлялись на содержание профессиональной (по крайней мере частично) армии. В своих дипломатических декларациях Шапур недаром заговорил о претензиях на всю старую империю Ахеменидов: он хотел заполучить не только Иран и Ирак, но и Египет, земли Плодородного Полумесяца и Западную Турцию.

Прежде римляне действовали в условиях, когда они обладали превосходством по всему периметру границ. Неприятели могли добиваться локальных успехов, но они легко сводились на нет в результате мобилизации наличных ресурсов империи. Теперь же появление противоборствующей сверхдержавы имело тяжелые последствия стратегического характера. Это отозвалось не только на восточных границах, подвергавшихся нападениям и опустошению со стороны персов, как о том повествуется в надписи Шапура, но и на империи в целом. Ей не только пришлось вступить в борьбу с могучим врагом на восточных рубежах, но и, кроме того, держать оборону по всему периметру границ. Для их успешной защиты требовалось значительное увеличение военной мощи. К IV в. это привело к серьезной и многосторонней реорганизации вооруженных сил.

Как говорилось в первой главе, римская армия эпохи ранней империи делилась на легионы, каждый из которых

представлял собой маленький экспедиционный корпус численностью в 5 и более тысяч человек, рекрутировавшихся исключительно из римских граждан, со вспомогательными частями (пехотные cohortes и кавалерийские alae), набиравшимися из неграждан. К IV в. легионы распались на множество более мелких боевых единиц. В известной степени это узаконило обычную практику, поскольку отдельные когорты численностью в 500 человек нередко действовали в отрыве от всего легиона. Кроме того, подверглись реорганизации различные виды соединений. Вместо легионов и вспомогательных войск позднеримская армия состояла теперь из приграничных гарнизонных частей (limitanei) и мобильных полевых войск (comitatenses), размещавшихся на трех основных границах: на Рейне, Дунае и на Востоке. Полевые войска имели более тяжелое вооружение и несколько лучше оплачивались, но и гарнизонные части также были внушительны, отнюдь не являясь, как то иногда изображалось, воинами-крестьянами, которые делили время между службой и сельскохозяйственными работами. В некоторых кампаниях они участвовали бок о бок с полевой армией. Существовала более дробная специализация на уровне соединений: конные лучники (sagittarii), прислуга тяжелой артиллерии (ballistarii), всадники в пластинчатых доспехах (clibanarii). Повсюду, где Цезарь полагался почти исключительно на своих пехотинцев, теперь особый упор делался на кавалерию. Некоторые соединения тяжелой конницы были созданы в результате прямого подражания персидской коннице, которая сыграла большую роль в разгроме Гордиана, Филиппа и Валериана. Однако с мобильными полевыми войсками. Пехотинцы, не зависевшие от фуража и способные проходить значительные расстояния, ведя при этом активные боевые действия, оказывались в стратегическом отношении более маневренными.

Размеры позднеримской армии остаются предметом дискуссий. Имеются соображения относительно подсчета

ее штатной численности при Северах в начале III в. н.э., перед самым приходом Сасанидов к власти. Она состояла из 30 легионов по 5 с лишним тысяч человек в каждом и примерно такого же числа солдат вспомогательных войск, что в целом дает округленно 300 тысяч человек. Однако попытка установить таким образом общую численность армии поздней империи, даже при том, что в нашем распоряжении есть полный список римских частей, датируемый примерно 400 г. н.э. в источнике под названием Notitia dignitatum (см. гл. V), неудачна, если учесть тот факт, что штатный состав различных типов римских соединений, возникших в результате реорганизации, серьезно менялся, и мы не знаем, в какой степени. Дискуссия идет вокруг двух чисел: одно — 645 000, а второе, специально зафиксированное во времена восточного императора Диоклетиана (правил в 284—305 гг.), 389 704 плюс 45 562 во флоте — в целом дают 435 266. Обе цифры оцениваются скептически. Первую приводит историк Агафий, писавший в 570-х гг., в пассаже, где дает выгодное сравнение — 645 тысяч против жалких 150 тысяч в его дни, когда правили критиковавшиеся им императоры. В его интересах было преувеличить цифры прошлого. Число 435 266 a priori заслуживает большего доверия по причине своей точности и добротности источника. Однако эти данные вышли из-под пера писателя скорее VI в., нежели IV в., текст составлен более чем через два века после смерти Диоклетиана, что вряд ли является наилучшим вариантом. Мы также знаем, что и после правления Диоклетиана проводилась значительная реорганизация армии — различие между comitatenses и limitanei окончательно оформилось при Константине. Даже если мы примем эту цифру как достоверную, есть все основания предполагать, что армия позднее продолжала увеличиваться; историки считают, что ее численность достигала от 400 до 600 тысяч человек. Даже наименьшая цифра убеждает, что между началом III и серединой IV в. 300-ты-

сячная римская армия выросла как минимум на одну треть, а возможно, и намного больше*.

То, что имел место значительный рост армии, не вызывает сомнений. По моему мнению, это обусловливалось не только изменением и стратегической обстановки, т.е. появлением на Востоке сверхдержавы-соперника, но и тем, что в конце III — начале IV в. произошла реструктуризация финансов империи. Важнейшей статьей расходов всегда была армия: рост даже на одну треть (по наиболее скромной оценке) требовал значительного увеличения доходов Римской державы. Если вы потребуете от современного государства увеличения расходов на 33 процента по самой затратной статье бюджета, то увидите, как волосы у чиновников встают дыбом. Налоговые стандарты империи должны были радикально измениться, чтобы она могла ответить на рост сасанидской угрозы. Необходимость таких затрат вполне согласовывалась с масштабами этой угрозы, а также позднеримской военной экспансии, даже оцениваемой по самым скромным меркам. Наибольший вклад в разрешение кризиса III в. внес, как часто считается, император Диоклетиан. Но хотя в его правление многие реформы были завершены или в значительной мере осуществлены, большинство этих перемен являлись скорее долговременными процессами, нежели результатом единого замысла. То же касалось реорганизации и увеличения численности армии, а также необходимой для этого финансовой реформы.

Первой фискальной мерой императоров III в., предпринятой в связи с кризисом, стало взятие под контроль всех возможных источников доходов. Иногда в 240—260-х гг.

* Общие цифры: Agath. Hist. V. 13; Ioann. Lyd. De mens. I. 27; Главные дискуссии: Jones, 1964, p. 679—686 (склоняется к принятию цифры в 600 тысяч в последиоклетианский период); Hoffmann, 1969; Elton, 1996a; Whitby, 2002; нашедшая многих сторонников аргументация Макмаллена, считавшего limitanei небоеспособными (McMullen, 1963), опровергнута учеными.

государство конфисковывало доходы городов от пожертвований, пошлин и сборов. Должностным лицам в городах приходилось по-прежнему собирать деньги, к ним поступали дарения, но расходовались они уже не на местные нужды. В такой перемене часто упрекают Диоклетиана, но ни один из наших источников по истории его правления, во многих из которых его финансовые реформы воспринимаются враждебно, таких упоминаний не содержит. Это было проще всего и потому, вероятно, стало одной из первых мер в связи с финансовым кризисом. Эти источники не были безграничными, и в IV в. императоры частично вернули их городам, желая снискать популярность на местах*.

Эти поступления были, однако, недостаточны, чтобы покрыть все расходы на новую армию, и в конце III в. императоры прибегли к двум другим способам. Первый состоял в порче монеты — понижении содержания серебра в денариях, которыми обычно выплачивалось жалованье воинам. При Галлиене (правил в 253—268 гг.), например, выпускались, по сути, медные монеты, в которых оставалось менее 5 процентов серебра. Такой метод привел к увеличению выпуска монет, но неизбежным результатом его стал значительный рост инфляции. Эдикт Диоклетиана о ценах (301 г.) зафиксировал цену на меру пшеницы, которая во II в. стоила примерно половину денария, — не менее сотни новых, обесценившихся денариев. Как показывают сравнительные данные, у людей был примерно месяц, прежде чем торговцы успевали понять, что новые монеты хуже старых, и поднять цены, поэтому находившиеся в очень стесненных обстоятельствах императоры получали от обесценивания монет лишь кратковременную выгоду. Обесценивание монет и фиксация цен не могли решить

---

*О конфискациях городских средств, оценки которых противоречивы, см.: Crawford, 1975. Констанций возвратил городам Африки четверть, Валентиниан и Валент — треть всем городам. Ср.: Jones, 1964, Ch. 19.

проблему на сколь-либо долгое время, поскольку торговцы убирали товар с прилавков и действовали на черном рынке. Единственным средством заполучить бóльшую долю богатства империи — валового национального продукта — было налогообложение. Это и произошло в разгар кризиса III в., когда, в наиболее острые моменты, императорам приходилось вводить особые налоги, взимавшиеся продуктами питания. Эти меры позволили обойти проблемы, связанные с монетами, но в силу своей непредсказуемости они были крайне непопулярны. В конце концов при Диоклетиане новый налог на продукцию, annona militaris, был полностью систематизирован*.

Неожиданное появление на Востоке персидской сверхдержавы привело, таким образом, к огромным структурным переменам в Римской империи. Эффект от мер, призванных противостоять угрозе, сказался не сразу, но в конце концов реструктуризация дала желаемый результат. В конце III в. Рим в целом взял стратегическую ситуацию под контроль: теперь удавалось оплачивать достаточное число воинов, чтобы обеспечивать стабильность на восточной границе. В 298 г. соправитель Диоклетиана император Галерий одержал крупную победу над персами, и с этого времени их натиск утратил прежнюю силу. В последующем столетии Риму приходилось терпеть поражения, и временами довольно тяжелые, но бывали и победы, и в целом новое военное командование справлялось со своими задачами. Римско-персидское противостояние сводилось теперь скорее к периодическим осадам сильно укрепленных пунктов, чем к крупным опустошительным маневренным операциям вроде вторжения Шапура в Сирию. Персам иногда удавалось захватывать крепости, как то случилось с Амидой в 359 г., но такого рода неудачи были далеки по своим масштабам от катастроф III в. Полностью изменить стратегическую ситуацию не представлялось

---

* Об этих мерах см.: Jones, 1964, особенно гл. 13 и с. 623—630.

возможным, однако усовершенствованные военная и фискальная системы справлялись с персидской угрозой*.

Важно, однако, учитывать, насколько значительные усилия требовалось прилагать римлянам, чтобы добиться такого положения дел. Конфискация доходов городов и реформирование налоговой системы были отнюдь не легким делом. Более пятидесяти лет понадобилось со времени первых проявлений агрессии со стороны Сасанидской династии в отношении Рима, прежде чем удалось привести в порядок его финансовую систему, что потребовало масштабного вмешательства правительственного аппарата, чтобы контролировать этот процесс. Как мы видели в первой главе, начиная с 250-х гг. наблюдался значительный рост числа высших бюрократических постов в империи. Таким образом, военная и финансовая реструктуризация имела серьезные политические последствия. Активность Персии ускорила перемещение центра власти из Рима и Италии, которое в зародыше стало проявляться уже во II в. Императоры-соправители были известны в те же времена. В III в. политические и административные потребности сделали феномен нескольких императоров важнейшей чертой общественной жизни позднего Рима.

Поскольку немалому числу принцепсов приходилось начиная с 230-х гг. иметь дело с персами на Востоке, на Западе, и в особенности на рейнской границе, императоры не появлялись. В результате многие военные и чиновники оказались исключены из системы пожалований, что порождало серьезную и длительную сумятицу в верхах. Иногда пятидесятилетний период, начавшийся после убийства Александра Севера в 235 г., называют «военной анархией». В это время бразды правления переходили из

* Единственное исключение — тяжелое поражение римлян в 363 г., причиной которого оказались чрезмерные амбиции императора Юлиана, к этому сюжету мы вернемся в свое время. Об отношениях между Римом и Персией см., например: Dodgeon, Lieu, 1991; Matthews, 1989, Ch. 4 and 7.

рук в руки не менее чем двадцати законных императоров и множества узурпаторов, каждый из которых находился у власти в среднем не более двух с половиной лет. Такое огромное число императоров красноречиво свидетельствовало о глубоких структурных проблемах. В какой бы части державы ни находился император, всегда появлялось достаточное число беспокойных военачальников и бюрократов, которые вынашивали мысли об узурпации. Особенно интересна в этом отношении «Галльская империя». Когда Валериан в 259 г. попал в плен к персам, чиновники и командиры на рейнской границе совместно создали собственное государство под руководством группы военачальников, которое просуществовало в Галлии в течение почти тридцати лет. Это был не сепаратистский, а сугубо римский режим — очень простой способ получить большой кусок имперского пирога в этом уголке державы*.

Оба наиболее опасных противника империи оказывали различными путями немалое влияние на такое развитие событий. Относительно низкий уровень экономики, обычный для воинственных и раздробленных в политическом отношении германцев, создавал для римской экспансии барьер, за пределами которого ее продолжение становилось слишком невыгодным. В результате границы Рима в Европе пролегали в основном вдоль Рейна и Дуная. На Ближнем Востоке политическое сотрудничество имело более длительную историю, там существовала экономика, способная обеспечить более многочисленное население, занимавшееся самыми различными видами деятельности. Меры, предпринятые Сасанидской династией, превратили эти края в способную к соперничеству с Римом сверхдержаву, чье появление на политической арене вынудило Римское государство к переменам. Армия, налоги, бюрократия, политика — все это требовало приведения в соот-

---

*Для общего представления об этих событиях в III в. см.: Jones, 1964, Ch. 1; Drinkwater, 1987.

ветствие с новыми условиями, чтобы справиться с персидской угрозой. Единственным аспектом в жизни империи, который не поддавался изменениям, была идеология, и в ее рамках — отношение ко всем этим варварам.

Варвары и римский порядок

Летом 370 г. группа саксонских судов выскользнула из устья реки Эльба и направилась на запад вдоль северного побережья континентальной Европы. Избегая оборонительных сооружений римлян, саксы наконец высадились в Северной Франции, вероятно, где-то к западу от Сены. Римляне быстро выслали достаточное число воинов, чтобы вынудить их к переговорам. Аммиан Марцеллин, лучший из римских историков IV в., сообщает:

«После продолжительного и всестороннего обсуждения дела сочли выгодным для государства предоставить перемирие и разрешили варварам беспрепятственно вернуться туда, откуда они пришли, после того как они отдали много своей молодежи, пригодной для военной службы» (XXVIII. 5. 4).

Однако на деле все обстояло иначе. Пока шли переговоры, римляне тайно расположили тяжелую кавалерию и некоторое число пехотинцев между саксами и их кораблями:

«С той и с другой стороны начали решительно напирать римляне, которые избивали мечами окруженного неприятеля. И никому из них не дано было увидеть опять родной дом, никому не дали пережить избиение земляков».

Аммиан продолжает:

«Хотя какой-нибудь строгий судья выразит порицание по поводу этого дела как вероломного и нечестного, но, взвесив все обстоятельства, он не станет негодовать из-за

того, что вредоносная шайка разбойников при удобном случае была уничтожена» (XXVIII. 5. 7. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни с изменениями).

Что касается Аммиана, то, как видим, когда речь шла об обращении с варварами, он не считал грехом обмануть их.

Истребление варваров негласно одобрялось римской публикой. Римские амфитеатры, конечно, видели множество актов насилия, от гладиаторских боев до оформленных по всем юридическим правилам казней. Согласно подсчетам, примерно 200 тысяч человек встретили смерть в одном только Колизее, а ведь в каждом крупном городе империи имелись подобные, хотя и более скромные по размерам арены. Зрелище гибели варваров являлось обычным делом во время игр. Празднуя в 306 г. умиротворение на рейнской границе, император Константин бросил в трирском цирке на съедение диким зверям пленных германских вождей из племени франков, Аскарика и Мерогайса. Кроме того, он добился, чтобы о его триумфе узнало как можно больше людей во всей империи*. Если под рукой не оказывалось варварских царьков, то всегда имелась замена. В 383 г. наш старый знакомый Симмах, в то время городской префект Рима, в письме императору Валентиниану II рассказывал, как наслаждалась публика, наблюдавшая избиение гладиаторами нескольких сарматов простого звания. Вот впечатляющий комментарий Симмаха:

«Слухи не дают остаться втуне блестящему окончанию наших войн, но в победу верят больше, если собственными глазами убеждаются в ней... Мы теперь видели вещи, которые вызывали сомнение, когда нам сообщали о них: вереница закованных в цепи пленных... проведенных в процессии, и недавняя свирепость на их лицах сменилась вызы-

---

* Об этом упоминают два современных тем событиям «политтехнолога» (Pan. lat. VII. 10 и сл.; X. 16. 5—6), а также один из авторов общей истории Рима, писавших в IV в. (Eutr. X. 3. 2).

вающей сострадание бледностью. Имя, которое когда-то наводило на нас ужас, теперь вызывает у нас удовольствие, и руки, обученные обращаться с чужеземным оружием, боятся встретиться с вооружением гладиаторов. Да будешь ты наслаждаться лаврами победы легко и часто... да будут наши храбрые воины захватывать в плен [варваров] и да найдут они свой конец на арене Города» (Symm. Relat. 47).

Для него эти убийства означали, что цивилизованный римский порядок должен по-прежнему брать верх над силами варварства и хаоса.

Неприязнь к варварам, находившая свободное выражение на аренах, основывалась у рафинированных римлян на чем-то большем, чем просто на ненависти. Примерно в то же время, когда саксы попали в засаду на северо-западной римской границе, оратор и философ Фемистий, известный политтехнолог империи, выступил перед сенатом в Константинополе, чтобы оправдать политику своего «работодателя», императора Валента. В его речи есть примечательная ремарка: «В каждом из нас сидит варварское племя, крайне властолюбивое и упрямое — я подразумеваю нрав и те алчные вожделения, противостоящие разумному началу, какие встречаются у скифов и германцев по отношению к Риму»*.

Варвары занимали свое строго определенное место в римском универсуме, основывавшемся на определенном видении миропорядка. Человеческие существа, считали римляне, состоят из двух элементов: разумного духа и физического тела. Выше людей, в космосе, живут существа, хотя и обладающие большей или меньшей силой, но обладающие чисто духовной природой. Ниже людей — животные, обладающие лишь физической природой. Человек же уникален, ибо сочетает в себе дух и тело, и отсюда проистекало римское видение разумности. У вполне разумных

*Themist. Or. V. 66 a—c. О происхождении и карьере Фемистия см.: Heather, Moncur, 2001, Ch. 1.

народов — таких как, например, утонченные римляне — разумный дух контролировал физическое начало. Но у низших человеческих существ, варваров, тело берет верх над разумом. Коротко говоря, варвары были римлянами наоборот, любившими алкоголь, любовные утехи и богатства мира.

Неразумность варваров демонстрировалась и другими способами. Римляне отмечали своеобразную реакцию варваров на перемены счастья. Если им улыбалась судьба, то они думали, что способны завоевать весь мир. Если же, напротив, удача хоть немного изменяла им, они впадали в глубокое отчаяние и жаловались на судьбу. Там, где римляне просчитывали возможные варианты, составляя продуманные планы, и неукоснительно следовали им, злополучных варваров по воле судьбы повсюду вытесняли с тех мест, где они обитали. Варварское общество находилось на более низкой стадии развития — мир, где сила сводила на нет право и где торжествовали те, чьи мышцы оказывались крепче. Таким образом, варвары выполняли роль рокового «другого» в представлениях римлян о себе самих: неразвитое общество, чьи неудачи подчеркивались, а превосходство мощи империи легитимизировалось. Действительно, Римское государство рассматривало себя как нечто не просто лучшее, чем то, что находилось за его пределами, а обладающее абсолютным и несомненным преимуществом, поскольку царивший в нем социальный порядок был предопределен свыше. Такая идеология не только позволяла высшим классам римского общества высоко ценить себя, но и играла свою роль в функционировании империи. В IV в. постоянная опасность со стороны варваров побуждала население платить налоги, несмотря на их рост в результате кризиса III в.*.

---

* Идеологические конструкции римлян, связанные с варварами, напрямую восходят к греческим. См.: Dauge, 1981; Ferris, 2002.

Хотя такая идеологическая стратегия делала свое дело, представляя соседей за пределами империи как антипод римского порядка, однако ссылка на них в качестве причины для повышения налогового бремени имела свои отрицательные стороны. Представления о варварах превращали в угрозу все, что находилось вне империи, и, таким образом, «люди второго сорта» по определению принадлежали к неразвитому обществу. Отсюда неизбежно вытекало, что конфликт оказывался нормальным состоянием отношений между римлянами и неримлянами; кроме того, Римская держава должна была побеждать всех, с кем она сталкивалась. В чем же благосклонность богов, как не в защищенности от поражений со стороны тех, кто лишен милости небожителей? Высшей римской доблестью, часто изображавшейся на монетах в виде богини, увенчанной венком из лавровых листьев, была, как лишний раз следует из этого, победоносность. И всякое поражение могло восприниматься таким образом, что тот, кто носил в данный момент императорский пурпур, оказывался недостоин этой чести*.

Римские ораторы оказывались, таким образом, перед необходимостью искажать рассказ о событиях на границах, чтобы сохранить закрепившуюся за империей репутацию непобедимой. Так, например, в начале 363 г. император Юлиан затеял трудное мероприятие, проведя свою армию на 500 километров под персидским солнцем, и достиг окраин неприятельской столицы Ктесифона. Царь царей Хосрой позволил ему продвинуться, затем захлопнул капкан. Римлянам пришлось с боями на протяжении всего пути отступать на свою территорию. К концу июня, когда Юлиан погиб в стычке, ситуация стала безнадежной. Римской армии предстояло пройти еще 250 километров

---

*А. Кало Леви и М. Маккормик наряду с другими авторами подчеркивают важность победы (Calo Levi, 1952; McCormick, 1986).

при том, что припасы практически закончились. Им удавалось проделывать примерно 5 километров в сутки из-за постоянных нападений персов. Преемник Юлиана Иовиан, избранный во время похода, не имел иного выхода, кроме как пойти на унизительный мир. Римской армии позволялось отступить, но персам передавались два крупных города — Нисибис и Сангара, множество укрепленных пунктов и пять приграничных областей (см. карту № 3). Однако ожидание победы было столь велико, особенно в начале правления, когда требовалось наглядное подтверждение божественного покровительства, что Иовиан не мог позволить себе признать поражение. На монетах его мир с персами изображался как победа, а Фемистий постарался усилить это впечатление. Вот только неловкость положения, в которое он попал, была слишком очевидна. Вот лучшее, что он мог придумать: «Персы показали, что подают голос за [Иовиана как императора] не менее, чем римляне, тем, что побросали оружие, как только узнали о его провозглашении [императором], и вскоре после этого стали осторожны в отношении тех людей, которых перед тем не боялись». Затем он рассказывает знаменитую историю об избрании персидским царем Дария в 522 г. до н.э., когда персы очевидно иррациональным способом выбирали себе правителя по конскому ржанию.

Фемистий старался вовсю, но его словесные упражнения мало кого убедили. К январю 364 г. н.э. Иовиан столкнулся с протестами восточных городов, недовольных передачей их персам, и в речи перед сенатом, которая продолжалась по меньшей мере три четверти часа, Фемистий уделил всего лишь одну минуту персидскому вопросу, а потом поспешил перейти к более интересным темам*. В данном случае политика не могла оправдать ожиданий победы, и Фемистий вскоре счел более благоразумным исхо-

*Themist. Or. V. 66 a — c; см. комментарий: Matthews, 1989, Ch. 7; о персидской кампании см.: Smith, 1999.

дить из этого. Иовиан скончался в феврале 364 г., а в конце того же года в первой речи перед преемником покойного Валентом он воспользовался смертью Иовиана, пребывавшего у власти всего восемь месяцев, истолковав это как знак того, что Бог не благословил его правление. Таким образом, неудача в войне с персами получала удовлетворительное объяснение, а темное пятно на репутации римлян в собственных глазах удавалось затереть.

Но столь катастрофические поражения даже в конфликтах с персами, как мы видели, стали теперь редкостью, и римляне смогли обеспечить подавляющий перевес на европейских границах. Эта странная ложь во спасение обычно позволяла удовлетворить ожидания победы и не помешать неприятной действительности поставить под сомнение ключевую идею: варварам не место там, где господствует римский порядок, и они подлежат планомерному систематическому уничтожению. Действительно, жесткая конфронтация являлась важнейшим элементом римской внешней политики по всему периметру ее границ. Однако реальность — как на Рейне и Дунае, так и на Востоке — оказывалась гораздо более сложной, чем то, что подразумевало простое противопоставление «мы и они».

Чтобы более детально разобраться в этой реальности, ограничимся одним из участков римской границы в Европе, нижним течением Дуная, отделявшим римский диоцез Фракию от германоязычных готов, которые в IV в. господствовали в землях между Карпатами и Черным морем.

Фракия: последняя граница

В 369 г., в том самом году, когда посольство Симмаха преподнесло императору Валентиниану коронное золото, произошла встреча на Среднем Дунае, поблизости от крепости Новиодун. Брат Валентиниана, Валент, правитель

Восточной империи, отплыл от южного берега на роскошном императорском судне. От северного берега навстречу ему держал путь Атанарих, вождь тервингов, германцев-готов, живших рядом с самой границей. Атанарих воевал с Валентом почти три года. В данном случае в нашем распоряжении есть рассказ очевидца, составленный Фемистием для константинопольского сената. Он присутствовал при встрече в качестве главы сенатского посольства к императору. По словам оратора, Валент сумел поставить в тупик своего врага:

«Валент оказался настолько мудрее, чем человек, который говорил от имени варваров, что они разуверились в нем и сочли словесный поединок закончившимся для них еще хуже, нежели боевые схватки [трех прошедших лет]. Так или иначе, повергнув своего противника, он помог ему прийти в себя тем, что протянул ему, объятому смятением, руку и объявил его другом в присутствии свидетелей. И так [Атанарих] удалился прочь, обуреваемый противоречивыми чувствами — доверием и страхом, вызывая презрение и настороженность у своих подданных, сокрушаясь по поводу тех пунктов договора, которые были невыгодны для него, и радуясь, что другие оказались для него благоприятны».

Люди Атанариха тоже выглядели неважно:

«[Они] рассеялись по берегу кучками с покорным и послушным видом, [их] орда не поддавалась исчислению... Взглянув на оба берега реки, я увидел, как один весь блестит от римских воинов, которые [стояли] в правильном порядке, спокойно и гордо взирали на происходящее, а другой заполонила нестройная толпа, в мольбе повергшаяся на землю»*.

Атанарих и его готы, таким образом, отлично сыграли свою роль, в полном соответствии с римским сценарием.

* Обе эти цитаты взяты из X речи Фемистия (205 a — b; 202 d — 203 a).

Детали мирного соглашения, упомянутые Фемистием, только подтверждали, что Валент — господин положения. Император прекратил ежегодные выплаты готам, которые они привыкли получать, позволил приграничную торговлю только в двух специально отведенных местах, инициировал программу строительства оборонительных сооружений, которые должны были не дать готам возможности для смут в дальнейшем. Ожидания римского господства над жалкими в своем унижении варварами блистательно воплощались в жизнь.

Однако, если присмотреться внимательнее, картина, которую представляет нам Фемистий, оказывается неполной. Враждебные действия предпринял Атанарих, а не Валент. В 364—365 гг. из сообщений римской разведки стало ясно, что готы неспокойны, и Валент отправил подкрепления на дунайский фронт. Когда в 365 г. эти подкрепления подкупом перетянул на свою сторону Прокопий, дядя покойного императора Юлиана, чтобы повторить его узурпацию, Атанарих отправил к потенциальному узурпатору отряд в 3 тысячи готов. Если готов устраивали условия мира, как то описал Фемистий, то почему тогда Атанарих повел себя столь агрессивно? Валенту, несмотря на длившуюся три года кампанию, не удалось победить готов в битве. В 367—369 гг. его армии рыскали по их территории, разоряя все вокруг. И только в 368 г. они оказались в безвыходном положении в условиях раннего таяния снегов в Альпах и Карпатах. Разлив Дуная сделал невозможным для римлян наведение понтонных мостов, с помощью которых они переправляли тяжелое снаряжение через реку. Благодаря оперативному маневру — поспешному отступлению — Атанарих избежал ловушки. К тому времени, когда состоялось заключение мира, готы в массе своей были неспокойны и терпели большую нужду в провианте, но ни за что не позволили бы установить над собой власть тем способом, каким это с ними сделали примерно трид-

цать лет назад во времена императора Константина, вынудившего их принять безоговорочную капитуляцию. Поскольку римляне не нанесли им решающего поражения, как это хочет представить Фемистий, представляется маловероятным, что условия договора 369 г. оказались более жесткими, чем в 332 г.

В своей речи Фемистий «забыл» упомянуть одну важную деталь. В самый разгар готской кампании на одном из участков персидского фронта начался настоящий ад. Обретя немалые выгоды по договору с Иовианом, персидский царь царей Хосров вновь обратил взор на Кавказ. В 367—368 гг. он изгнал правителей Армении и Восточной Грузии, являвшихся римскими союзниками, и заменил их своими ставленниками. Обеспечение безопасности на персидском фронте было для Валента намного важнее, чем приведение к совершенной покорности готов, а потому эта новая угроза вынудила его вывести часть сил с Балкан и перенацелить их на восток. Однако Валент уже все приготовил на Дунае, и его налогоплательщики ожидали победы. Кроме того, он хотел наказать готов за поддержку, оказанную ими Прокопию. Император продолжать воевать с ними и в 369 г., но, когда стало ясно, что полная победа вновь ускользает от него, ему пришлось пойти на компромиссный мир. Очевидно, что встреча Валента и Атанариха также явилась результатом компромисса. Как отмечает Фемистий, готский вождь «радовался по поводу тех пунктов договора, которые... оказались для него благоприятны». То же самое отмечается и в отношении места проведения встречи. Обычно римские императоры торжественно проносили свои штандарты на земле варваров и здесь же вынуждали варварских царьков покориться. Только один раз источники сообщают о проведении встречи на воде, на сей раз на Рейне — опять-таки римскому императору (Валентиниану) пришлось обеспечивать безопасность этой границы, чтобы занять-

ся делами на другой. Этот мир также носил компромиссный характер*.

Теперь главной задачей Фемистия было соответствующим образом рассказать сенату о заключенном с готами мире. Прекращение ежегодных выплат готам он представил как большой выигрыш Римского государства. Но это было преувеличение. В течение столетий государство использовало дары для того, чтобы превращать местных царьков в своих клиентов. Мы бы назвали это «иностранной помощью». Большим проигрышем для Рима, о чем Фемистий не упоминает, было то, что отныне империя не могла привлекать отряды готов для борьбы с Персией. У Фемистия все выглядело гладко. Яркая сцена изъявления готами покорности всемогущему и миролюбивому Валенту была рассчитана на римскую аудиторию. И ораторская бравада, судя по всему, оказалась удачным трюком, поскольку два современных источника изображают мирный договор как удачное завершение войны. Валенту удалось сохранить лицо**.

---

*Детальный анализ различных обстоятельств заключения мирного договора между Константином и готами в 332 г. и Валента с ними же в 369 г. см. Heather, 1991, Ch. 3 со ссылками на источники и литературу. Из Фемистия (Or. VIII. 116) следует, что речь идет о марте 368 г. — он ссылается на прибытие иберийского князька Вакурия в ставку Валента и датирует начало маневров Хосроя серединой готской войны. Рассказ о другой встрече на воде в IV в. передает Аммиан Марцеллин (XXX. 3).

**Договор 369 г. как показатель успешного исхода войны характеризуют Аммиан Марцеллин (XXVII. 5. 9) и Зосим (IV. 11. 4). Даже после разгрома алеманнов в 350-х гг. император Юлиан продолжал делать ежегодные дары местным царькам, с которыми заключал мирные договоры (неточность: Юлиан не был тогда императором. — *Примеч. пер.*): Heather, 2001; Klöse, 1934 о более ранних примерах. Силы готов численностью, по-видимому, в 3 тысяч человек (не так уж мало, если учесть, что походные армии насчитывали, вероятно, по 20—30 тысяч человек) четырежды

Однако для целей нашего исследования куда важнее рассмотреть события за дымовой завесой Фемистия. Невозможно узнать хоть что-нибудь о том, что думал Атанарих, поскольку о его истинных целях римские источники не сообщают, однако он, очевидно, не был обычным варваром, соответствовавшим идеологическим представлениям римлян о «другом». Он и его люди, тервинги, 30 лет получали дары от римлян, но они готовы были отказаться от них, только бы не сражаться за империю. То же самое касалось торговых привилегий на границе, установленных по более раннему договору с Константином. Эти привилегии были вполне реальными, и то, что готы пользовались ими, подтверждается данными археологии. Места, где жили готы, усеяны обломками римских амфор, большинство которых — разбитые винные сосуды (к VI в. выражение «biberunt ut Gothi», «пьют, как готы», вошло в поговорку). Однако Атанарих был решительно настроен избавить тервингов от какого бы то ни было римского господства. Он вполне мог рассчитывать на поддержку готов в этой ситуации и использовал изощренную стратегию для достижения своих целей. Поначалу Атанарих готов был вести открытую борьбу с империей, но когда планы Прокопия по узурпации власти дали ему возможность принять участие во внутриримской борьбе, он предпочел этот путь — видимо, надеясь на то, что в случае удачи Прокопий с готовностью вознаградит его тем, что готы собирались получить от Валента силой.

Здесь римская идеология и реальность вступали в серьезное противоречие друг с другом. Узурпация Прокопия представляла собой союз одного римлянина против другого, хотя следует отметить, что Атанарих являлся не более чем младшим союзником. И последний отнюдь не был

обеспечивали успех со времен победы Константина над готами в 332 г.: в 348 г. (Lib. Or. LIX. 89), в 363 г. (Amm. Marc. XX. 8. 1) и в 365 г. (Amm. Marc. XXIII. 2. 7) (Amm. Marc. XXVI. 10. 3).

варваром, не имевшим иных целей, кроме как своей доли награбленного. Скорее он хотел использовать различные средства, чтобы добиться пересмотра тех обязательств и привилегий, которые навязал Константин тервингам после своей большой победы в 332 г., таким образом — обычным для римлян путем дипломатических маневров — пытаясь воздействовать на правящий дом тервингов благами римской цивилизации. Одним из заложников, отправленных в Константинополь в соответствии с договором, был сын их тогдашнего правителя. Такие заложники могли караться (и карались) в случае нарушения условий мира. Но чаще они использовались для того, чтобы убедить последующее поколение варваров, переселенцев и бродяг, что вражда с Римом бессмысленна и что много лучше поддерживать с ним дружественные отношения. В одних случаях эта стратегия срабатывала, в других — нет. Тервингским князьком, отправленным в Константинополь, был отец Атанариха, и хотя его статую даже поставили перед зданием сената, его не удалось склонить на сторону Рима (по-видимому, это прежде всего и пытались сделать). Когда в свое время он передавал власть сыну Атанариху, он запретил ему когда-либо ступать на римскую землю, и Атанарих продолжал добиваться этого насколько возможно*. Проведение встречи с Валентом на судне неявно утверждало суверенитет готов над землями за Дунаем, а в результате нового соглашения Атанарих счел, что у него развязаны руки для преследований христиан. Христианизация готов началась еще при предшествующих императорах, как мы увидим в свое время, так что здесь это была еще одна форма сознательного отторжения римской идеологии. Атана-

* О статуе см. у Фемистия (Or. XV. 191a). О клятве: Amm. Marc. XXVII. 5. 9. Об использовании заложников: Braund, 1984. Культурное влияние не всегда оказывало желаемое воздействие. За три с половиной столетия до описываемых событий Арминий служил в качестве офицера в римских вспомогательных войсках, прежде чем задумал уничтожить Вара.

рих, отнюдь не малограмотный варвар, являлся царем-клиентом с собственными вполне продуманными планами в деле выстраивания отношений с Римской империей.

Маленький Волк

В подлинном облике Атанариха есть кое-что от того, что мы видим в кривом зеркале речи Фемистия. Два удивительных манускрипта дают нам куда большую возможность напрямую увидеть готский мир IV в. Первый из них — одно из величайших сокровищ, дошедших до нас с античных времен, — Codex Argenteus («Серебряный кодекс»). Ныне он находится в библиотеке Уппсальского университета в Швеции. Это великолепная копия перевода четырех Евангелий на готский язык. Переписанная в Италии в VI в., книга изначально состояла из 336 страниц. В Уппсале сохранилось только 187, но тем большее воодушевление вызвало открытие в 1970 г. в давно забытом тайнике для мощей в кафедральном соборе Шпайера в юго-западной Германии еще одного экземпляра. Текст написан золотыми и серебряными чернилами на пурпурном пергамене исключительной красоты — он сделан из кожи только что родившегося (или даже еще не родившегося) теленка. Чернила, краска и пергамен — все свидетельствовало о том, что это чрезвычайно дорогая книга, заказанная человеком очень высокого положения, вполне вероятно, Теодорихом, остготским королем Италии, в VI в. Второй манускрипт был поскромнее, однако в своем роде столь же необыкновенный: заметно и очень серьезно поврежденный текст V в., известный как Parisinus latinus 8907. Большая часть его посвящена рассказу о соборе в Аквилее в 381 г., когда епископ Амвросий Медиоланский, поборник того, что стало христианской ортодоксией, взял верх над своими оппонентами, и появились две книги самого знамени-

того труда Амвросия «О вере» (De fide). На полях этого сочинения написана другая книга, известная лишь по поврежденной рукописи, — комментарий к постановлениям Аквилейского собора епископа Палладия Ратиарского, одного из оппонентов Амвросия на нем. В состав комментария входит письмо, составленное Авксентием Доросторским, в котором наряду с Codex Argenteus освещаются выдающиеся свершения одного скромного подданного Атанариха — Ульфилы, готского Маленького Волка*.

Родившийся в начале IV в., Ульфила был отпрыском римских пленников, живших у тервингов. Они принадлежали к большой общине пленных, оказавшихся в руках готов в конце III в. В это время последние предприняли атаку на кораблях через Черное море из Южной России в Малую Азию, входившую в состав римских владений. Семью Ульфилы захватили в маленькой деревне под названием Садагольтина близ города Парнасс в Каппадокии, расположенной на северном берегу того, что сейчас является озером Татту в Центральной Турции. Его имя, означающее «маленький волк», безусловно готское, показывает, что пленные приспосабливались в языковом отношении к новой ситуации. Но они продолжали пользоваться и собственными языками. В дополнение к готскому Ульфила владел латинским и греческим, явно отдавая предпочтение греческому. То, что он получил такое образование, предполагает вполне сносные условия существования для пленных. Вероятно, они представляли собой достаточно автономную группу селян, обязанных передавать своим готским хозяевам значительную часть произведенной продукции, но в остальном пользовавшихся большей или меньшей свободой. Среди них было немало убежденных христиан. Ульфила, как мы говорили, вырос и укрепился в этой вере в обстановке многоязычия, став младшим священником в ранге чтеца. Такой тип подвластных общин,

* Об этих двух рукописях см.: Tjäder, 1972; Gryson, 1980.

как известно, существовал в других варварских королевствах во времена поздней античности, и некоторые из них могли сохранять ощущение несходства на протяжении нескольких поколений. В случае с Ульфилой относительно неприметная жизнь невольного иммигранта во втором поколении должна была измениться в связи с тем, что тервинги обитали очень близко к римской границе в те времена, когда империя сама активно христианизировалась.

В начале 340-х гг. Констанций II решил извлечь новые выгоды из ситуации с заложниками, в числе которых тогда находился отец Атанариха. В этом положении нужно было проявить политическую гибкость, поскольку отец Констанция Константин установил в 330-х гг. над тервингами военное господство. Поскольку одной из целей Констанция была демонстрация христианского благочестия, то он решил поддержать собратьев-христиан, живущих под властью нехристианского правителя. Поэтому он договорился с Ульфилой, уже известным среди пленных, о том, чтобы посвятить его в епископы «христиан Готии», и привез его для этой цели в 341 г. в Константинополь в составе посольства. Затем Ульфила вернулся на северный берег Дуная и последующие семь лет исправно служил своей пастве. Но кое-что складывалось не очень удачно, и зимой 347—348 гг., когда он оказался в центре дипломатического кризиса в римско-готских отношениях, тервингские хозяева изгнали его из Готии вместе со многими его последователями из числа готов. Историки предполагают, что он распространил свою миссионерскую деятельность за пределы общины пленных на другие готские земли, но на дело следует взглянуть шире. К 348 г. Констанций вознамерился перебросить часть военных сил из земель тервингов для последующих боевых действий на римско-персидском фронте и смирился с тем, что его христианизаторская инициатива может оказаться той ценой, которую придется заплатить за это. Тем не менее Констанций прибыл на Дунай

и приветствовал Ульфилу так, «словно это был сам Моисей»*.

Могло показаться, что это конец, но это было только начало. Ульфила и его последователи поселились около города Никополя на Истре, близдунайской границы, поддерживая при этом контакт с теми многими христианами, которые оставались на готской территории. Именно здесь Ульфила выполнил перевод Библии, сохранившийся в Codex Argenteus. Его метод был прост: он слово за слово переводит стандартный для IV в. текст Библии, и его перевод имеет больше общего с синтаксисом и грамматикой греческого, нежели готского языка. Это был изумительный подвиг. Согласно традиции, Ульфила перевел все, за исключением ветхозаветной книги Царств, которая, как он полагал, побудит готов быть еще более воинственными, чем то имело место в его время. Человек, имевший юридически невысокий статус подданного тервингов, стал создателем первого литературного произведения на одном из германских языков**.

* Основные два источника о жизни и деятельности Ульфилы — письмо Авксентия и фрагмент 2.5 «Истории церкви» Филосторгия — ставят проблему датировки его рукоположения и времени пребывания Ульфилы в Готии. См.: Heather, Matthews, 1991, Ch. 5 со ссылками и переводами в пользу разрешения вопроса, которое я предпочитаю. О подобной общине римских пленных у аваров в VII в. см.: «Чудеса св. Димитрия», 285—286.

** Текст Евангелий в переводе Ульфилы сохранился в Codex Argenteus в более или менее исправном состоянии, тогда как над текстом посланий апостолов работали после его смерти другие: Friedrichsen, 1926, 1939. До Ульфилы готы использовали руны для сакральных и некоторых иных целей, но, как уже упоминалось, готский не имел письменной формы. Ульфила должен был первым разрабатывать алфавит, который он в значительной степени создал на основе греческого с некоторыми добавлениями специфических готских звуков, а затем выполнил перевод Библии с помощью разработанного им алфавита.

Это одна часть истории Ульфилы. Другая излагается в письме Авксентия, сохранившемся в единственном экземпляре в Parisinus Latinus 8907. Обращение Константина привело к радикальным переменам в христианстве. Помимо прочего, для христиан, которые не жили более изолированными от других враждебных Римскому государству общин, потребовалось теперь определить положения своей доктрины. Этот процесс начался на Никейском соборе в 325 г., где соотношение Бога-Отца и Бога-Сына определялось как homousios, т.е. как «единосущное». Это-то и положило начало спору. Никейский символ христианской веры окончательно утвердился лишь после долгих дискуссий, последовавших на соборе в Константинополе в 381 г., и в течение 56 лет официальное римское христианство придерживалось более традиционной точки зрения, согласно которой Христос является «подобосущным» (homoeusios) по отношению к Богу-Отцу.

Немало сил было потрачено за это время на создание коалиций между различными священнослужителями, многие из которых до сих пор просто думали, что они верят в одно и то же, теперь же им пришлось делать выбор — какое из богословских положений лучше выражает их понимание веры. Тогда-то, примерно в 348 г., на арене появился Ульфила. В письме Авксентия содержится догмат веры, который Ульфила оставил в качестве своей последней воли и завещания и кратко объяснил причины этого. Ульфила был одним из наиболее традиционно мыслящих христиан: он счел никейский символ веры неприемлемым, поскольку тот противоречил библейским текстам и, как представлялось, почти не давал возможности отличить Бога-Отца от Бога-Сына. По словам Авксентия, «следуя традиции и авторитету Священного Писания, [Ульфила] всегда утверждал, что Бог[-Сын] на втором месте [после Отца] и что он творец всех вещей от Отца и после Отца и в пользу и во славу его... Учитывая, что Бог-Отец величием

превосходит [его] (Ин. 14.28), он толкует это на основании Святого Евангелия».

Говоря словами Авксентия, «...со славою пребывая в сане епископа в течение сорока лет, Ульфила с апостольской святостью непрестанно проповедовал на греческом, латинском и готском языках... свидетельствуя, что есть лишь одно стадо Христа, нашего Господина и Бога... И все, что он говорил, все, что я записал, есть в Священном Писании: «Читающий да разумеет» (Мф. 24.15). Он оставил после себя несколько трактатов и множество комментариев на этих трех языках для пользы всех желающих воспринять, которые ему вечный памятник и награда».

К несчастью, эти трактаты и комментарии не сохранились. Ульфила занял позицию проигравшей в спорах о доктрине стороны, и его труды, подобно многим другим трудам его единомышленников, не дошли до нашего времени. Но из Авксентия и других источников мы знаем, что ему оказывал внимание не только Констанций, но и другой восточноримский император, Валент, и Ульфила в конечном счете поставил подпись под соглашениями по вопросам веры, которые эти императоры предложили соответственно в 359 и 370 гг. Он также создал вокруг себя влиятельную группу балканских епископов, не придерживавшихся никейского вероисповедания, которые имели немалый вес в церкви. Одним из них был Авксентий, другим — Палладий Ратиарский. В последний раз Ульфила участвовал в доктринальных спорах на Константинопольском соборе в 381 г. в возрасте семидесяти лет. Это была его последняя атака — постановления собора оставили его на обочине истории. Но пока он пребывал в расцвете сил, дела шли поиному. Этот готский подданный скромного происхождения был великим мастером дискуссий о вероучении середины IV в.*.

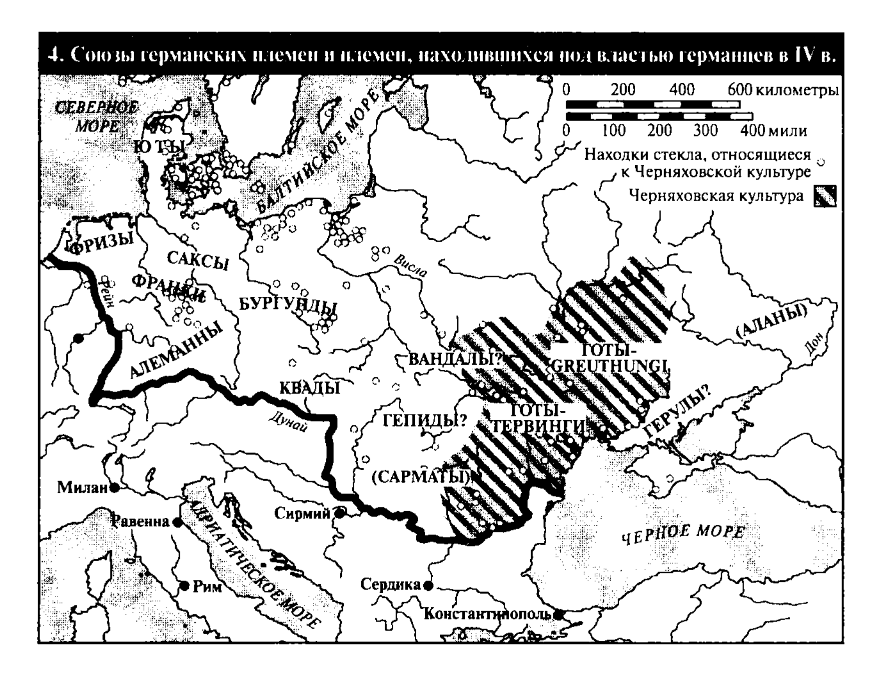
*Представление об этих богословских спорах и интригах дают работы: Hanson, 1988; Copechek, 1979.

Конечно, реальность сложнее образа. Если смотреть на дело глазами римлян, то варвары совершенно не умели рационально мыслить или строить планы; подверженные порывам чувств, они не знали иных побуждений, кроме сильнейшего желания добиться того, чего им хочется. Однако в течение двух столетий, рассматриваемых в книге, варвары отнюдь не были глупыми или иррациональными людьми. Находясь во главе готского общества, Атанарих и его советники столкнулись с жестокой необходимостью продумывать свои шаги в условиях огромного превосходства римлян. Им не приходилось рассчитывать на победу в открытом столкновении или на возможность изолировать себя от них. Тем не менее они смогли сформулировать и начать осуществлять действия, необходимые для такого выстраивания отношений с империей, чтобы максимально удовлетворить ее и в то же время предельно уменьшить господство в том, что казалось им наиболее тягостным. Они сумели стать желанными союзниками в ходе как внешних войн, так и внутренних распрей и время от времени ловко использовать обстоятельства к своей выгоде. Ниже на социальной лестнице стояли общины, представители которых владели греческим и латинским и обладали достаточно высокой христианской культурой, чтобы воспитывать таких людей, как Ульфила.

В действительности римско-готские отношения не представляли собой непрерывный конфликт между высшими и низшими, как того требовала римская идеология. Римляне по-прежнему держали себя надменно, как господствующая сторона, но готы могли быть ей полезны. Периодические конфликты являлись частью дипломатической игры, которую вели обе стороны, чтобы добиться наибольших преимуществ для себя. Варвары стали теперь уже не теми, какими были прежде. Если они твердо занимали позицию «младших братьев», то оказывались частью римского мира.

Клиентские царства

Сказанное касается не только дунайских готов, даже если большинство германских сообществ IV в. не столь хорошо засвидетельствованы в источниках, как тервинги. Проникновение на территорию империи стало повсеместным. Саксонский рейд 370 г. был, по-видимому, более серьезным, чем некоторые другие, однако со стороны Фемистия не было риторическим приемом то, что он завершает свой рассказ о готской войне 367—369 гг. кратким описанием того, как Валент укрепляет те части нижнедунайской границы, которых прежние императоры не достигали. Он и его брат активно укрепляли границы и гарнизоны. Но в IV в. большие конфликты на европейских границах Рима происходили лишь раз в течение одного поколения. Одним из первых актов императора Константина (310-е гг.) стало умиротворение на рейнской границе

4. Союзы германских племен и племен, находившихся под властью германцев в IV в.

в землях франков и алеманнов (карта № 4). Более мы не знаем ни об одном серьезном столкновении в этих краях вплоть до начала 350-х гг. Волнения, которые вновь начались в 364—365 гг., были связаны с переменами в римской политике (одностороннее урезание расходов на помощь иноземцам). В остальном ничего не происходило до конца 370-х гг. Восточнее, на Среднем Дунае, сарматы, квады и маркоманны столкнулись с серьезным военным вмешательством римлян при императоре Константине, но ближе к концу его правления, в 330-х гг. Следующая вспышка насилия имела место в 357 г., а после нее — в 374—375 гг. На Нижнем Дунае, где, как мы видели, нашли приют в 330-х гг. готы, примерно тридцать лет царил мир.

В каждой из этих кампаний римляне с большими или меньшими трудностями добивались военного преобладания, в одних случаях вынуждая подчиниться с помощью широкомасштабных грабежей, в других — в результате одного сражения. В 357 г., например, военачальник Юлиан (в 361 г. он стал императором) повел 13-тысячную римскую армию в сражение близ города Страсбурга на римской стороне Рейна против объединившихся алеманнских царьков. Он одержал блистательную победу. Из 35 тысяч человек, приведенных их верховным вождем, Хнодомаром, примерно 6 тысяч остались лежать мертвыми на поле боя, а многие другие утонули, пытаясь переправиться вплавь через реку, тогда как римляне потеряли в общей сложности 243 воина и четырех старших офицеров*. Это сражение стало великолепным примером того, что реорганизованная римская армия эпохи поздней империи сохраняла боеспособность. Начиная с подчинения тервингов Константином и кончая избиением прибывших в Северную Францию саксов, такой тип военного преобладания являлся нормой на всех римских границах в Европе.

* Amm. Marc. XVI. 12. 26 и 63 о числе; XVI. 12 в целом о битве.

В одном отношении такие победы могли положить предел вооруженному противостоянию. Они позволяли карать и запугивать, и, разумеется, историк Аммиан Марцеллин считал, что необходимо регулярно наносить удары по варварам, чтобы удерживать их от войны. С другой стороны, однако, военные победы становились первым шагом на пути дипломатического урегулирования на границах. После битвы под Страсбургом Юлиан потратил два года, проводя на той стороне Рейна сепаратные мирные переговоры с различными алеманнскими царьками, тогда как императору Констанцию II в это время приходилось иметь дело с другими племенными группами на Среднем Дунае.

Как мы видели, римской аудитории эти договоры преподносились по той же схеме: варвары полностью капитулировали (на латинском этот акт назывался deditio), и им были милостиво дарованы условия договора (по-латински foedus), на основании которых они становились подданными империи. В действительности, однако, существовали серьезные различия в деталях, в степени вынужденного подчинения и практического урегулирования. Там, где римляне полностью брали ситуацию под контроль, как, например, Констанций на Дунае в 357 г., они теперь могли активно влиять на изменения в политических структурах противоположной стороны, распуская конфедерации, казавшиеся им слишком опасными, и давая подходящим из числа зависимых царьков столько самостоятельности, сколько считали полезным для обеспечения долгосрочных интересов Рима. Римляне также набирали среди таких племен воинов для своей армии в соответствии с условиями большинства соглашений, иногда оговаривая право дополнительного набора солдат, которых они могли задействовать в отдельных походах. В 357—358 гг. будущий император Юлиан заставил алеманнов возместить причиненный ими ущерб. Это зачастую принимало форму поставок зерна, как в данном случае, однако если они оказывались

невозможными, то от побежденных требовали выполнения трудовой и гужевой повинности, а также дерева для построек. Выдача заложников, как то случилось с отцом Атанариха, также была обычным делом, и иногда это приносило значительные успехи. Один алеманнский князек оказался под таким впечатлением от средиземноморских религий, с которыми он столкнулся на римской земле, что назвал своего сына Сераписом в честь соответствующего египетского бога. Там, где римский контроль оказывался слабее, работа, материалы и людские ресурсы не всегда были для них бесплатными, и политические структуры, которые эволюционировали независимо, получали их одобрение. Так или иначе, за пределами укрепленной приграничной полосы лежала зона германских королевств, по большей части клиентских, которые являлись неотъемлемой частью римского мира*.

Сказанное не означает, будто эти государства находились под полным римским контролем или будто они непременно испытывали радость от того, что занимали подчиненное положение в рамках римского порядка, как мы то наблюдали в случае с Атанарихом. Если внимание Рима было отвлечено другими неотложными задачами, то дела у варваров могли идти прекрасно, иногда временно, а иногда и постоянно. В начале 350-х гг., например, в западной части империи произошло несколько узурпаций, которые начались с убийства Константа, брата правившего тогда на востоке империи Констанция. Констанций счел своей первоочередной задачей разгром узурпаторов, и именно это позволило Хнодомару создать алеманнскую армию, с которой столкнулся Юлиан под Страсбургом. Но когда узурпаторов победили, римляне одолели их в ходе двухлетней кампании и нанесли им серьезное поражение. Хнодомар был слишком агрессивен для римлян, чтобы они согласились иметь с ним дело, — он даже захватывал зем-

* О теории и практике этих договоров см.: Heather, 2001.

ли на римском берегу Рейна. Однако примерно десятилетие спустя у алеманнов появился новый выдающийся предводитель — Макриан. Брат Валента Валентиниан потратил лет пять, стараясь сломить его власть, несколько раз пытался его похитить и убить. Но Макриан в отличие от Хнодомара не был настолько амбициозен, чтобы забредать на римскую территорию, так что когда на Среднем Дунае назревали смуты, Валентиниан мог приглашать его, чтобы совсем не потерять лицо, для встречи на кораблях на Рейне — подобно тому как принимал Валент Атанариха на Дунае. Тем самым признавался высокий статус Макриана, а сам он подтверждал, что является надежным римским союзником, пока жив. Это клиентское царство также прилагало все усилия, чтобы Рим не подмял его под себя. Политическая жизнь алеманнов протекала в соответствии с их собственными представлениями, их цари регулярно приглашали один другого на празднества. Мы также слышим о войнах между алеманнами и франками, алеманнами и бургундами, но ничего не знаем об их причинах и последствиях*.

В целом отношения римлян с европейскими клиентскими царствами в IV в. не полностью вписывались в идеологические рамки, задавшиеся традиционными представлениями о варварах. Отношения обеих сторон носили пусть и неравный, но близкий к сотрудничеству характер на всех уровнях. Клиентские царства торговали с империей, обеспечивали людскими ресурсами ее армии, подвергались ее культурному влиянию, а их дела регулярно становились объектом дипломатического вмешательства римлян. В свою очередь, варвары ежегодно получали помощь, и иногда по крайней мере по отношению к ним проявлялось некоторое уважение. Примечательно, что дого-

* О Хнодомаре см.: Amm. Marc. XVI. 12; о Макриане: XXIX. 4. 2; о войнах между алеманнами, франками и бургундами см.: XXVIII. 5. 9—10; XXX. 3. 7.

воры всегда оформлялись в соответствии с нормами как клиентских царств, так и Римского государства. В представлениях римлян германцы далеко ушли от образа «чужака-дикаря», даже если политическая элита империи делала перед своими подданными вид, что это не так. Как стало ясно в последние годы, основой нового порядка в римско-германских дипломатических отношениях стали глубокие изменения в германском обществе.

Изменения в германской Европе

Письменные источники содержат важные свидетельства, которые позволяют увидеть фундаментальные изменения, происшедшие за три с половиной столетия, отделявшие Арминия от Атанариха. В середине IV в. имена западных германских племен, известные из сочинений Тацита, неожиданно выплывают из наших источников. Херусков, хаттов и прочих вытесняют четыре новых племени: франки и алеманны на рейнской границе, саксы и бургунды — дальше на восток (см. карту № 4). Юго-Восточная Европа, земли к северу от Черного моря также претерпели серьезные политические изменения. К IV в. значительная часть территории от римской границы на Дунае до реки Дон оказалась под властью готов и других германоязычных племенных групп, сделав германский ареал позднеримского времени больше, нежели он был в I в.

Новую ситуацию за пределами Причерноморья породили перемещения германских племенных групп с северо-запада, во многом с территории нынешней Северной и Центральной Польши. В ходе небольших и независимых друг от друга миграций, имевших место между 180—320 гг., они появились у подножия Карпатских гор. В Северном Причерноморье кочевавшие группы боролись одна с другой, а также с местными племенами — такими как дако-

язычные карпы и ираноязычные сарматы — и римскими гарнизонами. Как и следовало ожидать, этот процесс носил насильственный характер. Империя решила избавиться от находившейся к северу от Дуная провинции Дакия (275 г.), и в результате значительное число карпов переселились на римскую территорию около 300 г. На римские земли постоянно совершались набеги, во время одного из них и попали в плен родители Ульфилы. В итоге возникло несколько крупных политических объединений во главе с готами, из которых ближе всего к Дунаю находились тервинги Атанариха. К северу и востоку от них проживало неизвестное число иных племен*. Сказать что-либо об их численности трудно, однако очевидно, что эти объединения были смешанными, значительную их часть составляли даки и сарматы, не говоря уже о римских пленных, которые жили под политическим покровительством готских и иных германских переселенцев. Господство последних, однако, с очевидностью прослеживается благодаря римским нарративным источникам и лингвистическим свидетельствам перевода Библии, сделанного Ульфилой**.

Значение этнонимических перемен на рейнской границе и местном хинтерланде стало предметом горячих споров. Их причиной, по всей видимости, вновь оказалась иммиграция. Бургунды появляются в рассказе Тацита о Германии I в. н.э., но они жили намного северо-восточнее племени IV в., носившего то же имя. Весьма вероятно, что некоторые миграции выходили за рамки локальных перемещений, но, возможно, как и на востоке, они не прини-

* Обычно речь идет лишь о двух готских племенах, остготах и вестготах, но это анахронизм. Как мы увидим в гл. 5, традиционное отождествление неверно; последние появились на римской земле в 390-х гг., в правление Алариха.

** Об этом свидетельствуют письменные источники в сочетании с археологическими (см.: Heather, 1996, Ch. 3).

мали форму переселения целых народов*. В остальном же мы знаем, что под новыми именами продолжали существовать некоторые прежние племенные группы. О бруктерах, хаттах, ампсивариях и херусках в одном источнике сообщается, что все они принадлежали к франкской конфедерации племен, а подробные синхронные событиям свидетельства показывают, что алеманнские царьки всегда правили одновременно, каждый в своих владениях, обладавших значительной степенью самостоятельности. В сражении под Страсбургом, например, Юлиан столкнулся с семью царями и десятью князьками.

В то же время, однако, алеманнское общество к этому времени порождало полновластных царей, личностей, которые обладали куда большим могуществом, чем другие правители-соплеменники. Хнодомар, разгромленный Юлианом под Страсбургом в 357 г., был одним из них, так же как Вадомар, возвышению которого позднее противились римляне, и Макриан, которого Валентиниану пришлось признать в 374 г. Их власть не передавалась по наследству, и нет сообщений ни о том, как они стали столь могущественными царями, ни о том, какие выгоды это им приносило. Наши римские информаторы были не особенно расположены распространяться на сию тему. Не исключено, однако, что это подразумевало некоторую финансовую и военную поддержку, если таковая запрашивалась. Определенное развитие свидетельствовало о том, что этнонимические перемены III в. отражали политические реалии. На территории алеманнов, где существовали характерные для I в. независимые политические объединения, появились новые суперструктуры. Вполне возможно, хотя прямых свидетельств этому нет, что у тогдашних

* На сей счет археологических данных немного, однако лингвистические свидетельства куда более значительны. В V — начале VI в. бургундский язык следует со всей определенностью относить к восточно-, а не к западногерманской группе языков, хотя его носители жили на западе (Haubrichs, в печати).

франков и саксов развитие шло тем же путем унификации институтов и общественных порядков. Если обратиться на восток, то то же самое, видимо, происходило на Дунае, у готов-тервингов. Атанарих возглавлял конфедерацию, в состав которой входило неизвестное число других царьков и князей*.

Но дело было не только в том, что политические структуры Германии IV в. отличались от ее политических структур I в. Новые археологические свидетельства проливают свет на глубокие социальные и экономические изменения, которые создали тот мир, где жил Атанарих. Все началось в грязных полях к востоку от северного участка римской границы на Рейне. В начале 1960-х гг. были проведены раскопки в двух сельских местечках — Вийстер в Нидерландах и Феддерсен в Германии. Находки имели поистине революционное значение. Оказалось, что это два крестьянских поселения, жители которых занимались пашенным земледелием и скотоводством. Оба относятся к I в. Особая важность данных открытий состоит в том, что на протяжении большей части своей истории это были сельские общины со значительным числом домов, где люди жили в одно и то же время: более пятидесяти в Вийстере и тридцать в Феддерсене Вирде. Кроме того, люди обитали в этих поселениях вплоть до V в. Значение изложенного в том, что речь идет о занятиях сельским хозяйством.

В последние столетия до н.э. в германских областях Европы господствовал скорее экстенсивный, чем интенсив-

---

*О франкских подгруппах см. у Григория Турского: Hist. II. 9; о сражении под Страсбургом: Amm. Marc. XVI. 12; о Вадомаре: Amm. Marc. XXI. 3—4; о Хнодомаре и Макриане см. выше. В одном источнике об Атанарихе говорится как о «судье царей» (Ambr. De spiritu sancto. Prol. 17), а в тервингскую конфедерацию входит определенное число подвластных «царей» (вероятно, так в греческих и латинских источниках переводится германское reiks, которое может подразумевать скорее знатного человека, нежели монарха).

ный тип земледелия. Короткие периоды обработки почвы сменялись оставлением земли под паром на долгое время, и, чтобы прокормить наличное население, такой способ хозяйствования требовал больших земельных площадей. У народов раннего железного века отсутствовала техника поддержания плодородия полей на достаточно долгие отрезки времени, и поля могли использоваться всего лишь несколько лет перед тем, как их покидали. В целом вспашка принимала форму не столько проведения правильных борозд, сколько тщательной перекрестной зачистки, так что сорные травы перегнивали, обогащая плодородный слой почвы. Основным удобрением являлась зола.

Это то, чем выделялись поселения в Вийстере и Феддерсене Вирде. В начале римского периода германцы развивали совершенно новые методы, используя в качестве удобрения экскременты и более прогрессивную систему трехполья, что позволяло увеличить урожаи и сохранять плодородие земли на достаточно длительный срок. Впервые в Северной Европе, таким образом, стало возможным совместное проживание людей в более или менее постоянных, кучных (словно образующих сгустки) поселениях. На севере и востоке применение навоза началось позже. На территории современной Польши, в районе распространения Вельбаркской и Пшеворской культур германские поселения в течение первых двух столетий н.э. оставались небольшими, кратковременными и разбросанными на обширном пространстве. Однако к IV в. утвердились новые методы хозяйствования. Поселения в Северном Причерноморье, в краях, где властвовали готы, оказались, возможно, более жизнеспособными. Наиболее крупное из них, Будешты, занимало территорию площадью в 35 га. Было обнаружено значительное число плугов и деталей от них, и это доказало, что обитатели подвластных готам земель использовали железные сошники и лемехи для должной обработки земли, пусть и на небольшую глубину. В недавних работах показано, что такие поселения возник-

ли также и в Скандинавии. Интенсивное пашенное земледелие развивалось вовсю, и анализ пыльцы подтверждает, что в период между началом нашей эры и V в. зерновые культуры, активно развиваясь, распространились в чрезвычайно широком ареале за счет пастбищ и древесных насаждений — на территории современных Польши, Чехии, Германии. Все новые и новые участки земли начинали подвергаться обработке и возделывались весьма интенсивно*.

Главным результатом всего этого стало то, что население подвластной германцам части Европы за века римского господства чрезвычайно выросло. Главным ограничением численности любого народа является возможность прокормиться. Переворот в земледелии у германцев резко повысил возможности для роста населения, и об этом росте свидетельствуют данные погребений.

Произошли изменения и в других секторах экономики. Какой-либо всеохватный обзор их невозможен, однако железоделательное производство в Германии чрезвычайно расширилось. В Польше в двух крупнейших центрах (в Светокржиских горах и на юге Мазовии) за римский период было произведено 8—9 млн кг необработанного железа. Это было намного больше, чем могло потребить население ареала Пшеворской культуры. Было также обнаружено множество мест, где добыча и выплавка производилась в меньших масштабах, таких как примерно пятнадцать кузниц, в IV в. сгрудившихся на берегу реки в Синицах на территории контролировавшейся готами Украины. Нечто подобное наблюдается и с керамикой: в начале римского периода германцы всю ее изготавливали вручную, очевидно, по большей части в местных мастерских. К IV в. такая

* О Вийстере и Феддерсене Вирде см.: Van Es, 1967; Haarnagel, 1979. Более подробный обзор свидетельств со ссылками см.: Heather, 1996, Ch. 3.

керамика была вытеснена изделиями, изготавливавшимися уже на гончарном круге. Они обжигались при куда более высоких температурах и потому были прочнее и затейливее. Их делали чрезвычайно искусные ремесленники. Зарабатывали ли германские гончары себе на хлеб именно своим ремеслом, неясно, но не приходится отрицать, что экономика становилась все более разнообразной. Перемены особенно заметны в производстве предметов, предназначавшихся для элиты. Исследования захоронений показывают, что стекло очень ценилось у германцев в первые века н.э. Вплоть до IV в. все стекло, найденное археологами у германцев, ввозилось из Римской империи. Именно это, видимо, являлось причиной того, что стекло столь высоко ценилось — подобно тому как итальянские дамские сумочки в наше время. Однако в 1960-х гг. у подножия Карпат, в Комарове, раскопки выявили остатки мастерских по изготовлению стекла. Качество их продукции, широко распространенной (от Крыма до Норвегии), было таково, что их поначалу сочли римским импортом. Но стекольная мастерская со всеми ее формами для изделий не оставляет сомнений в том, что речь должна идти о германском производстве.

То же можно сказать и о драгоценных металлах. До начала нашей эры в германских селениях идентифицировались лишь немногие объекты по обработке таких металлов, и в первые века нашей эры огромное большинство украшений производилось из бронзы. К IV в. замысловатые серебряные застежки (fibulae) разных типов стали обычным элементом одежды германцев. Сохранилось несколько предметов большего размера, особенно одно из серебряных блюд из знаменитого клада, найденного в Петроасе, в Румынии, в конце XIX в. Как именно изготавливались по меньшей мере некоторые из этих изделий, можно судить по данным раскопок в деревне Бырлад-Валеа Сеака (в современной Румынии), которая, вероятно, находилась на территории, подвластной Атанариху, вож-

дю тервингов. Для погребений в подконтрольном готам Северном Причерноморье характерны составные гребни, сделанные из оленьего рога. Гребни имеют немалое значение для представления о культуре. Прически, принятые у некоторых германских племен, символизировали принадлежность к ним (как знаменитый свебский узел) или определенный социальный статус (длинные волосы меровингских королей у франков). Раскопки в Бырлад-Валеа Сеака позволили выявить примерно двадцать жилищ, где оказались гребни и их детали на различных стадиях изготовления. Очевидно, вся деревня занималась их производством*.

Нам бы хотелось знать гораздо больше. Производились ли эти гребни для коммерческих целей и обмена, или это была деревня, находившаяся в определенной зависимости, и с нее ежегодно требовали дань таким большим числом гребешков? При любом ответе на этот вопрос не вызывают сомнений масштабы и важность экономической революции, которая изменила германскую часть Европы к IV в. Развивались новые ремесла, и товары распространялись на все более обширных пространствах. Некоторые из этих изделий могли быть не предназначены для продажи, а являлись, например, дарами одного правителя другому, но мы знаем, что тервинги вели активную торговлю с римским миром, как это делали народы на рейнской границе. И хотя в Германии не чеканили монет, римские деньги имели там широкое хождение и легко могли употребляться как средство обмена (как сообщает нам Тацит, уже в I в. германцы, жившие на Рейне, использовали для своих целей высококачественные римские серебряные монеты).

---

* Польша: Urbancyzk, 1997, p. 40. Готская керамика и гребни: Heather, Matthews, 1991, Ch. 3 со ссылками. О стекле: Rau, 1972; ср.: Hedeager, 1987; Heather, 1996, Ch. 3 с подробным обзором дискуссии.

* * *

Экономический рост сопровождался социальной революцией. В германской части Европы не всегда существовала господствующая общественная элита, или по крайней мере ее присутствие не прослеживается по захоронениям, которые являются лучшим источником наших знаний. В Северной и Центральной Европе значительную часть I тысячелетия почти повсеместно практиковалась кремация как основная форма погребального обряда, и содержимое могильников в целом одно и то же: несколько предметов грубой керамики, изготовленной вручную, и своеобразно украшенные застежки. Только в III в. погребения стали богаче (наиболее значительные из них часто атрибутируются по их германским признакам, Fürstengraber, «княжеские погребения»), они немногочисленны и встречаются редко. Также в римский период впервые в могилы людей из одних и тех же общин начинают класть совершенно различное количество предметов. На западе богатые погребения хронологически концентрируются, одна группа относится к концу I в. н.э., другая — к концу II в. Однако весьма маловероятно, что «князья» существовали только в эти изолированные отрезки времени, так что нелегко выявить соотношение между богатыми погребениями и социальным статусом. На востоке погребения образуют нечто подобное для римского периода, хотя и по-иному, например, огромные каменные холмы, чтобы обозначить особый статус, впервые использованы германцами во II в. Необычно богатые или большие погребения скорее всего говорят о притязаниях и намерениях похороненных в них людей; предполагают, что они маркируют скорее момент острого соперничества, нежели какого-то особого богатства*.

К счастью, в нашем распоряжении есть менее расплывчатые сведения, в том числе и письменные, которые помо-

* Heather, 1996, p. 65—75 со ссылками.

гают нам понять их значение в долгосрочной перспективе. Хотя мало признаков того, что в I в. политическое первенство передавалось по наследству, и лидерство даже в рамках небольшой группировки носило скорее коллективный, чем индивидуальный характер, в IV в. главенство у тервингов передавалось в течение трех поколений одной и той же семьи (в обратном порядке): Атанарих, его отец-заложник и вождь тервингов, который вел переговоры с Константином. Наиболее осведомленные из наших греческих и латинских авторов единогласно называют этих предводителей «судьями», но мы не знаем, какой титул переводился таким образом. Есть все основания предполагать, что власть второстепенных царьков и князей, стоявших ниже верховных вождей, была также наследственной. Подобный порядок господствовал у алеманнов. Положение верховного вождя, как мы отметили выше, не было наследственным — не в последнюю очередь потому, что римляне стремились устранять тех, кто добивался этого статуса; однако статус младших вождей у алеманнов именно наследственным и был. Медерих, высокопоставленный алеманнский заложник, который сменил имя своего сына на имя Серапион в честь египетского бога, был братом Хнодомара, приведшего алеманнов к поражению под Страсбургом в 357 г. Серапион также правил в качестве царя и в сражении командовал правым крылом армии — вероятно, признак того, что к нему не испытывали особых симпатий за его экзотическое средиземноморское имя. Преемственность могла не носить характера прямой передачи от отца к сыну, но Хнодомар, Медерих и Серапион являлись представителями царского клана и имели право передавать свою власть из поколения в поколение. То же самое, по-видимому, действительно в отношении других алеманнских царей. Когда римляне устранили верховного царя Вадомара, сочтя, что он представляет слишком большую угрозу, они также убрали со сцены его сына Витникабия — они пола-

гали, что власть отца может быть унаследована по меньшей мере потенциально*.

Археологические свидетельства дают много важных сведений о германской элите IV в. Археологи сумели идентифицировать рассеянные по всей Германии некоторые центры и места проживания, из которых осуществлялось господство. На окраинах долины Рейна, там, где начиналась страна алеманнов, раскопки холма, известного как Рундерберг в городе Урахе, выявили мощные бревенчатые укрепления, окружавшие территорию в форме яйца 70 на 50 м. Внутри ее находилось несколько зданий, в том числе большая бревенчатая усадьба и несколько домов поменьше, разбросанных по склонам холма. Эта усадьба являлась одним из мест, где предводители алеманнов оказывали гостеприимство один другому и, несомненно, пировали со своими слугами. Занимали ли более скромные жилища их слуги, ремесленники или простые алеманны, неясно (данные раскопок опубликованы не полностью). Далее, к востоку, на контролировавшихся готами территориях несколько укрепленных центров идентифицированы и частично исследованы. В большинстве пунктов в Северном Причерноморье обломки римской керамики составляют от 15 до 40 процентов всех находок. В Александровке остатки римских амфор (по большей части из-под вина) насчитывают до 72 процентов; очевидно, здесь происходило немало мероприятий, где их использовали. Что должна была представлять собой вилла другого готского вождя, показывает находка в Каменке-Анчекрак. Она состояла из четырех каменных домов с пристройками и внутренним двором, занимая территорию в 3800 кв. м. Обширные хозяйственные помещения и большое количество римской керамики (более 50 процентов, на этот раз — обломки амфор из-под вина и великолепной столовой посуды) демонстрируют, что это был крупный центр потребления. В

* О тервингах см.: Wolfram, 1988, S. 62 ff.

румынской Петроасе находки керамики и склада инструментов показывают, что вождь готов в IV в. использовал старое римское укрепление в тех же целях, что и римляне. Такой вид отдельного жилья для элиты был новым явлением*.

Ясно, однако, что добытое в результате экономической революции у германцев богатство не распределялось равномерно, а сосредоточивалось в руках отдельных групп. Всякий новый приток богатства, подобный тому, которое породили в более поздние времена индустриальная революция или глобализация, неизменно порождает активное соперничество в деле контроля над ним; и если масштабы нового богатства достаточно значительны, то его обладатели создают принципиально новые властные структуры. В Западной Европе, например, индустриальная революция в конце концов разрушила социальное и политическое господство землевладельческого класса, который правил со времен Средневековья, поскольку по сравнению с состояниями промышленников те деньги, которые можно было нажить на занятии сельским хозяйством, выглядели смешными. Поэтому едва ли неожиданным оказалось то, что экономический переворот в Германии породил также и социально-политический, и археологические находки проливают свет на некоторые из этих процессов.

В древности значительную часть Ютландского полуострова покрывали заводи и торфяные болота, ныне осушенные в ходе осуществления современных мелиоративных проектов. Недавние раскопки показали, что эти и подобные участки североморского хинтерланда благодаря способности болот и заводей поглощать столько вещей долгое время использовались соседними народами в качестве хранилища их сакральных предметов. Были извлечены из земли предметы, принадлежавшие конкретным людям, от

* См. Heather, 1996, p. 66, 70—72 с исчерпывающими ссылками.

колесницы до золотой посуды, которые можно датировать различными периодами. В римский период, с конца II по IV в., было изготовлено немало оружия, посвященного богам: значительная его часть обнаружена в заводях и трясинах по всей указанной территории — в Вимозе, Торсбьерге, Нюдаме близ Остерсотрупа и Эйсбель Мосе. Немало оружия и снаряжения больших свит — целых армий — в порядке совершения ритуального обряда было испорчено. Более всего удивляет положение находок III в. в Эйсбель Мосе на юге Ютландии. Они дают нам представление об отряде, которому первоначально принадлежало вооружение. В ходе этих раскопок археологи обнаружили оружие маленькой армии из 200 человек — копья, дротики, щиты (как минимум 60 из них имели мечи и ножи); неопределенное число лучников (найдено 675 стрел) и от 12 до 15 человек с особым вооружением, 9 из них — конные. Это был хорошо организованный отряд с четкой иерархией и высоким уровнем военной специализации: предводитель и его свита, а не толпа деревенских ополченцев*.

На основе изложенного мы видим, как предводители могли создавать дистанцию между собой и своими соплеменниками и делать свою власть наследственной. У германцев I в. н.э. власть быстро приходила и уходила, но если в течение одного поколения те или иные семьи могли использовать приобретенное богатство, чтобы создавать организованную вооруженную силу вроде той, которая известна по находкам в Эйсбель Мосе, и передавать состояние и слуг наследникам, их возможности сохранять власть на протяжении нескольких поколений значительно возрастали. Организованная вооруженная сила оказывалась тем средством, с помощью которого честолюбивые помыслы, дающие о себе знать в богатых погребениях, воплощались на практике. К IV в. свиты стали важнейшим атрибутом власти. Хнодомар, вождь алеманнов, разбитый Юлиа-

* Ørsnes, 1968; ср. Hedeager, 1987 со ссылками на литературу.

ном под Страсбургом, располагал свитой из 200 воинов* — напрашивается сравнение с находками в погребении в Эйсбель Мосе.

В других источниках подчеркивается, что такие отряды использовались, и весьма часто, не только в сражениях. Преследования христиан, которые Атанарих развернул после частичного освобождения тервингов от римского господства в 369 г., вызвали к жизни такое великолепное свидетельство, как «Мученичество св. Сабы», историю преследования и гибели готского мученика с таким именем. «Саба» было именем собственным у тервингов, а не принадлежало отпрыску римских пленников. «Мученичество» было написано на римской территории, где оказалось найдено тело святого после его смерти. Среди множества конкретных подробностей мы находим сведения о том, что предводители среднего уровня у тервингов располагали собственными свитами и использовали их для осуществления своих намерений. Именно парочка головорезов, отправленных неким Атаридом, и отправила в конце концов на тот свет Сабу, утопив его (Pass. St. Sabae. 4.4; 7. 1—5).

Свиты помогают понять, на чем основывалась власть в IV в. Они, как мы видели, создавались и действовали в центрах потребления — таких как Рундерберг или Петроаса в Румынии. Из раннесредневековых текстов мы узнаем, что роскошные угощения были главной добродетелью, которая ожидалась от германских вождей в обмен на верную службу, и нет оснований предполагать, что это было новое явление. Требовалось не только большое помещение, но и неиссякающее изобилие продовольствия и закупка таких продуктов, которых не производило местное хозяйство, — вроде римских вин. Как показывает наличие специалистов-ремесленников, германская экономика уже достаточно преодолела старые ясторфские рамки, чтобы обеспечивать значительное число производителей, не занятых в сельском хозяйстве.

---

*Amm. Marc. XVI. 12. 60.

Находки в болотах позволяют сделать еще один важный вывод. Это были жертвы богам, а именно благодарственные приношения за победу: находки в Эйсбель Мосе знаменуют уничтожение 200 человек, чье оружие брошено в глубину. Нам не узнать, кем они были. Являлись ли они одним из небольших племен, разгромленным другим? Тацит дает комментарий по поводу хаттов и тех, кто разбил их в ходе борьбы за источники соли — гермундуров: «Обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у побежденных кони, люди и все живое» (Ann. XIII. 57. Пер. А.С. Бобовича). Ритуальное жертвоприношение побежденных врагов, очевидно, не было делом новым. Даже одна из этих небольших племенных группировок к I в. н.э. могла выставить на поле боя более двух сотен людей, так что находки в Эйсбель Мосе свидетельствуют об уничтожении отряда падких до наживы бродячих воинов — возможно, перебитых во время рейда в южную Ютландию за добычей или с целью установления какой-то формы господства, которая позволила бы им более регулярно собирать дань и продовольствие. Так или иначе, находка показывает, что если новые потоки богатств в конце концов распределяются неравномерно, то это никогда не обходится без конфликтов.

Другой чертой, присущей большей части Германии римского периода, являлся заметный рост числа погребений с оружием. Военные свиты были не только порождением социально-политической революции, но и тем локомотивом, который влек ее, и разгул насилия внутри Германии был, вероятно, свойственной ей со II по IV в. чертой. Наследственные правители, которые возглавляли конфедерации алеманнов, франков и саксов, устанавливали свою власть в результате энергичного соперничества. То же самое справедливо с небольшими поправками и в отношении готского мира, располагавшегося дальше к востоку. Здесь куда большую роль играли миграции, но, чтобы со-

здать конфедерации, подобные тервингам Атанариха, нужно было подчинить местные народы и установить наследственную иерархию. И на западе, и на востоке рост богатства порождал жестокую борьбу за контроль над ним, при которой допускалось применение специально подготовленной вооруженной силы в качестве средства для обретения такого контроля. Результатом этих процессов стало появление более крупных конфедераций, характерных для Германии IV в.

Начало феодализма?

Некоторые ученые делают вывод о том, что уже в IV в. в германском обществе пользовалась влиянием лишь узкая группа знатных лиц, которые обладали сильным вооружением и свитой из воинов. Однако существует немало погребений III—IV вв., не говоря уже о наиболее богатых, с некоторыми достойными внимания предметами: у мужчин — оружие, у женщин — весьма изысканные наборы драгоценностей. Подобные погребения слишком многочисленны, чтобы принадлежать лишь королям и представителям феодальной знати. В более поздних письменных источниках содержатся прозрачные намеки на то, чьими были эти захоронения. В конце V — начале VI в. в германских государствах, ставших преемниками Западной Римской империи, появилось немало текстов законотворческого содержания. Они рисуют германские общества (и те, которые находились под властью германцев) на их поздней стадии, когда они состояли в целом из трех классов — свободных, вольноотпущенников и рабов. В отличие от римских аналогов, где дети вольноотпущенников являлись полностью свободными, статус вольноотпущенников у германцев был наследственным. Браки между представителями этих классов запрещались, и требовалась сложная

публичная церемония для того, чтобы преодолеть все препятствия, их разделявшие. Метод деления на юридические категории был широко распространен — у готов, лангобардов, франков, англосаксов, например. Достаточно значительный класс свободных, скорее, чем немногочисленная феодальная знать, играл немалую политическую и военную роль в королевстве остготов в Италии, в вопросах войны, политики и землевладения — у франков и лангобардов. Оружие клали в могилу свободным людям также у англосаксов в V—VI вв. — делалось это скорее для того, чтобы продемонстрировать социальный статус человека, нежели просто показать, что он был воином*.

Учитывая, что весьма значительные богатства притекли в германское общество между IV и VI в., когда германские племена захватывали различные части Римской империи, я не думаю, что участие германцев в политике было в IV в. слабее, чем в VI в. Во всяком случае, оно должно было быть шире. Так что если относительно многочисленный класс свободных людей все еще существовал в VI в., наверняка то же имело место двумя столетиями ранее. Другими словами, квазифеодальная военная аристократия еще не занимала господствующего положения в позднеримский период. И римские источники, несмотря на отсутствие у их авторов интереса к внутригерманским делам, дают достаточно свидетельств, подтверждающих эту точку зрения. Готские короли IV в. не могли, например, просто отдавать приказы, но им приходилось выносить свою политику на обсуждение достаточно широкой аудитории, и готские армии около 400 г. состояли из большого числа элитных воинов — иными словами, свободных, а не только узкого круга представителей военной аристокра-

---

*Свидетельства, касающиеся континента: Heather, 2000; Wickham, 1992. Относительно англосаксов см.: Harke, 1990. Часть захороненных с оружием, возможно, и не принимала участия в боевых действиях, в том числе и человек с расщепленным позвоночником, который не мог ходить.

тии. У этих элитных бойцов были свои вооруженные слуги; в более позднем законодательстве фиксируется положение, согласно которому вольноотпущенники (но не рабы) участвовали в боевых действиях — видимо, бок о бок со свободными, от которых они находились в зависимости*. Это не значит, что между свободными существовало равенство: одни были намного богаче других, особенно если пользовались королевским расположением. Однако власть в обществе отнюдь не принадлежала узкому кругу знати.

Как короли и аристократы с их свитами взаимодействовали с остальными свободными? Это не тот вопрос, на который может в достаточной степени пролить свет археология. Не особенно помогают здесь и римские источники. Однако чтобы кормить свиту и платить ей, каждый, кто располагал большой вооруженной свитой — все алеманнские короли, «судьи», короли тервингов, — должен был установить для себя определенные права на экономическую поддержку со стороны свободных и зависевших от последних людей. Нет признаков, чтобы в IV в. в Германии существовало грамотное чиновничество, необходимое для широкомасштабного сбора налогов, но сельскохозяйственная продукция должна была регулярно взыскиваться. Поэтому ситуация явно изменилась с I в. н.э., когда подати вносились от случая к случаю отдельным вождям на добровольной основе, как сообщает об этом в своей «Германии» Тацит. Очевидно, короли представляли свои племена на переговорах с иноземными властителями — таких как встреча Атанариха и Валента — и несли ответственность за проведение «внешней политики». Они также явно имели право призывать подданных на военную службу, поскольку внешняя политика зачастую подразумевала нечто большее, чем

* Участвовавшие в боевых действиях вольноотпущенники у германцев упоминаются в вестготских и франкских кодексах VI—VII вв., а также нарративных источниках V—VI вв.: Heather, 1996, App. 2; Heather, 2000.

просто решение, кому объявлять войну. Вожди также обладали чем-то вроде юридических функций. По крайней мере они разбирали споры между своими наиболее влиятельными подданными. Весьма сомнительно, что они имели право издавать законы общего характера. Законотворчество в германских королевствах послеримского Запада выглядит как новая функция, но даже тогда оно совершалось лишь в условиях консенсуса. Когда бы ни составлялись своды законов, это происходило на собраниях «бо́льших» и «лучших», и они принимались от имени всех*.

Римские источники IV в. в малой степени проливают свет на то, как именно короли и их свиты взаимодействовали с классом свободных, но «Мученичество св. Сабы» позволяет нам лучше понять, как это происходило. Преследование христиан у тервингов проводилось по решению предводителей их племени, как царьков, так и самого Атанариха. Однако наблюдение за их осуществлением являлось делом местных сельских общин, и слуг, незнакомых с местными условиями, отправляли следить за ходом дел. В случае с деревней Сабы это давало местным жителям возможность сорвать проведение политики, к которой они явно не испытывали симпатий. Получив приказ о преследованиях, они принесли ложную клятву о том, что христиан среди них нет. В этой деревне, очевидно, христиан хотели защитить от преследований со стороны Атанариха, и его слуги здесь не могли ничего добиться. У них не было представления о том, кто может быть или не быть христианином. Саба пострадал именно потому, что не пожелал мириться с обманом**.

В германском обществе олигархия широко сочеталась со значительной властью, находившейся в руках по-прежнему многочисленного слоя свободных людей. Это положение должно было еще измениться, прежде чем общество стало феодальным в эпоху Каролингов.

---

* Wormald, 1999, Ch. 2.

** Pass. St. Sabae, passim.

Рим, Персия и германцы

Наше исследование перемен, в результате которых германский мир преобразился между I и IV в., ясно показывает, почему по-прежнему внимание римлян было столь сосредоточено на Персии в позднеримский период. Превращение этого государства в сверхдержаву вызвало тяжелейший кризис III в., и угроза со стороны Персии казалась намного более серьезной, даже после того, как фронт на Востоке стабилизировался. В отличие от нее в Германии даже в IV в. дело не доходило до того, чтобы ее народы осознавали свою общность, а политические структуры не становились унифицированными. Случайные альянсы пролагали путь более прочным объединениям, или конфедерациям, последние же представляли собой серьезную перемену по сравнению с хаотическим миром I в. с его постоянной сменой союзников. Хотя королевский статус мог теперь передаваться по наследству, даже самые удачливые из германских предводителей IV в. не могли повторить успех Ардашира в деле объединения Ближнего Востока против римского господства. Судя по кладам оружия и письменным источникам, германцы в IV в. по-прежнему предпочитали воевать и другом с другом, и с Римским государством.

Как уже говорилось, значительный рост численности населения, экономическое развитие и изменение политических структур в первые три столетия нашей эры не могли не превратить Германию IV в. в потенциально куда более грозного врага римского стратегического господства в Европе, чем это было в I в. н.э. Важно напомнить также, что германское общество не обрело пока равновесия. Пояс германских клиентских королевств простирался лишь на 100 километров за рейнской и дунайской пограничными линиями: значительная часть Германии была недоступна для регулярных военных походов римлян, которые позволяли бы удерживать ее в приемлемых рамках. Таким обра-

зом, балансу сил на границе угрожали куда большие опасности, чем чрезмерные амбиции царьков-клиентов. После сильнейшего удара от сасанидской Персии в прошлом столетии мог ли германский мир за пределами тщательно контролируемого пояса клиентских царств восприниматься как столь же серьезная угроза?

В течение всей истории Римской империи клиентские государства Германии время от времени становились объектами грабительских нападений племен, обитавших за пределами зоны римского влияния. Объясняется это просто. В то время как во всей Германии происходила экономическая революция, приграничные районы испытывали непропорционально сильное давление на свою экономику, поскольку ее стимулировало соседство почти тысяч римских солдат с их деньгами и затратами. Клиентские государства были богаче, чем остальная Германия, и потому становились объектом агрессии. Первый известный случай такого рода относится к середине I в. н.э., когда разношерстные отряды с севера вторглись в клиентское царство маркоманнов, во главе которого стоял Ванний, чтобы захватить огромные богатства, которые он накопил за тридцать один год своего правления*. И именно периферийные племена с севера с их жаждой богатств клиентских царств стали теми, кто положил начало потрясениям, известным под названием «маркоманнских войн». Теми же самыми мотивами руководствовались готы, когда они пришли в Северное Причерноморье. До середины III в. н.э. эти земли находились во власти ираноязычных племен сарматов, которые извлекали немалую выгоду из тесных отношений, установившихся у них с Римским государством (их богатство засвидетельствовано серией роскошных погребений, датируемых временем от I до III в. н.э.).

---

*Tac. Ann. XII. 29. (Заметим, что у Тацита, на которого ссылается автор, Ванний назван вождем свебов, а не маркоманнов, не говоря уже о том, что дается неправильная ссылка — на XII. 25 вместо XII. 29. — *Примеч. пер.*)

Готы и другие германские племена шли в эти края, чтобы завладеть своей долей этих богатств.

Угроза, которую представлял развивающийся германский мир, однако, до сих пор оставалась скрытой по причине отсутствия единства. На практике система более крупных германских царств и конфедераций — теперь уже растянувшихся от устья Рейна до северного побережья Черного моря — скорее превращала их в младших партнеров для господствовавшей позднеримской системы, чем представляла действительную угрозу власти Рима. Империя не всегда добивалась того, чего хотела от этих отношений, и сохранение этой системы вызывало серьезные трения между старшими и младшими партнерами хотя бы один раз в течение каждого поколения. Несмотря на это, обычно варвары знали свое место — никто не выразил это лучше, чем Зизаис, предводитель тех, кто пришел просить о помощи императора Констанция в 357 г.:

«Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз он пытался заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание. Наконец он оправился, голос вернулся, и, получив приказание встать, он на коленях взывал к милосердию и молил о прощении проступков» (Amm. Marc. XVII. 12. 9—10. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

Во-первых, неспособность говорить, во-вторых, еле слышные всхлипывания, в-третьих, изложение скромных просьб с заиканием — во всем этом была своя хитрость. Констанций сделал Зизаиса царем — клиентом Рима и даровал ему и его народу защиту со стороны империи. Горе варвару, который забывал свою роль.

Поздней Римской империи приходилось тратить много сил на то, чтобы держать варваров в повиновении. Нужно было очень стараться, чтобы ответить на вызов со стороны

Персии, но границы в Европе в целом оставались пока под контролем. Стало обычным делом рассуждать о том, что необходимость выделения дополнительных ресурсов для поддержания этого контроля чрезмерно обременяет систему, что предпринимающиеся усилия были бесполезны. В IV в. на восточных и европейских границах вновь установилась стабильность, но слишком дорогой ценой, что привело к результату, который предопределил падение империи, — таковы эти и подобные им рассуждения. Прежде чем приступить к анализу случившегося в конце IV—V в., важно как следует уяснить, что представляла собой империя в IV в. Была ли сама структура обречена на гибель?

Глава третья

ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ

Примерно в 373 г. командующий военными силами Рима в Северной Африке (по-латыни — *comes Africae*), некто по имени Роман, был лишен своего поста за то, что подстрекал к мятежу берберские племена, обитавшие на окраинах провинции. Главнокомандующий (magister militum) Феодосий, отправленный, чтобы устранить опасность, обнаружил в бумагах Романа документ, содержавший чрезвычайно важную улику. То было письмо к командующему от третьей стороны; оно включало в себя приветствие от некоего Палладия, бывшего до недавнего времени одним из крупных римских чиновников: «Палладий приветствует тебя и сообщает, что его сместили с должности лишь из-за того, что в отношении жителей Триполиса он обратил к священному слуху [императора Валентиниана I] слова неправды» (Amm. Marc. 28. 6. 26). В результате Палладия вытащили из его загородных владений, куда он удалился, уйдя в отставку, и препроводили назад в Трир. Ложь императору расценивалась как измена. Предпочтя смерть до-

просу, во время которого в подобных случаях полагалось применять пытки, Палладий покончил с собой в пути.

Понемногу выплыли на свет все подробности этой истории. Измена зародилась еще в 363 г., когда Роман впервые получил служебное назначение. Берберские племена, обитавшие на пустынных землях по соседству с городом Лептис Магна в провинции Триполитания, разграбили местность вокруг него, и местные жители ожидали, что римляне отомстят им. Роман, как полагалось, собрал в Лептис Магне свои силы, но потребовал, чтобы ему обеспечили для снабжения 4000 верблюдов, которых граждане отказались ему предоставить. На этом основании Роман распустил своих солдат, и кампания так и не началась. Охваченные яростью граждане на ближайшем провинциальном собрании (вероятно, в 364 г.) решили направить к императору Валентиниану посольство с жалобой. Роман пытался направить ход событий в благоприятное для него русло — он первым сообщил Валентиниану свою версию этой истории через своего родственника по имени Ремигий; в тот момент Ремигий занимал пост magister officiorum (что-то вроде главы министерства государственной службы) и был одним из высших чиновников Западной империи. Валентиниан отказался принять на веру обе версии и назначил комиссию для расследования. Однако комиссия оказалась тяжела на подъем. Тем временем продолжающиеся нападения берберов заставили жителей Лептис Магны направить к императору второе посольство с жалобой по поводу продолжающегося бездействия Романа. Узнав о новых нападениях, Валентиниан пришел в ярость. Здесь-то на сцене и появился Палладий. Именно его избрали для того, чтобы осуществить расследование фактов; ему также поручили доставить в дар африканским войскам деньги*.

* Вероятно, этот дар был связан с восшествием Валентиниана на престол в 364 г. Коронное золото, наподобие того, которое отвозил Симмах Валентиниану в 369 г. (см. главу 1), использовалось для таких выплат.

Действуя согласно императорским приказам, Палладий прибыл в Лептис Магну и выяснил, что делал — или, вернее, чего не делал — Роман. В то же время, однако, Палладий заключил сделку с предводителями и казначеями отрядов африканской армии, благодаря которой смог оставить себе часть вверенных ему имперских денег. Все сложилось так, что интересы обоих участников событий совпали. Палладий угрожал Роману роковым обвинением в бездействии, тогда как Роман поднял постыдный для Палладия вопрос о хищении. Заключив эту дьявольскую сделку, Палладий оставил себе деньги и, вернувшись в Трир, сообщил Валентиниану, что жалобы жителей Лептис Магны необоснованны. Император, поверив, что ему пришлось попусту потратить время, привел в действие всю судебную машину, желая покарать истцов из Лептис Магны. Палладия вторично отправили в Африку, дабы руководить судебными процессами. В условиях, когда ставки для судьи были столь высоки, участь ответчиков была предрешена. Итак, несколько подкупленных свидетелей единодушно показали, что никаких нападений не происходило. Примерно в 368 г. концы удалось тщательно спрятать, и один наместник и три посла были казнены за сообщение императору ложных сведений. Положение не менялось до тех пор, пока примерно шесть лет спустя на свет не всплыло письмо Палладия, адресованное Роману. Двое оставшихся в живых послов, у которых хватило ума скрыться (согласно приговору, им должны были отрезать языки), явились и дали показания. Процесс, шедший своим чередом, завершился гибелью очередных жертв: то были, конечно, Палладий и Роман, не говоря уже о Ремигии, исполнявшем должность magister officiorum, и о лжесвидетелях.

На первый взгляд в этом деле нельзя усмотреть ничего экстраординарного: тут и пренебрежение обязанностями, и хищение, и в особенности злостное укрывательство. Чего еще можно ожидать от структур империи, клонящей-

ся к упадку и гибели? Со времен Гиббона коррупция в общественной жизни рассматривалась как неотъемлемая часть истории гибели Рима. Но хотя в империи IV в. взяточничество, безусловно, имело место, с выводами — и это весьма важно — спешить не следует. В источниках того времени вы можете легко найти всякого рода примеры самых разнообразных злоупотреблений. Воровали все — от командиров, которые искусственно завышали в отчетах показатели численности войск, а сами ограничивали ее, чтобы иметь возможность присвоить лишнюю плату, до чиновников, устраивавших круговое перемещение денег с одного счета на другой до тех пор, пока они не «пропадали» в груде бумаг, касающихся деятельности чиновников, чтобы те могли обратить их на собственные нужды*. Но стали ли они важным фактором в истории падения Западной империи — это весьма сомнительно.

Как бы ни была неприятна эта идея, власть на всем протяжении истории находилась в длительной и весьма характерной взаимосвязи с «деланием денег»: это касается как больших, так и малых государств, переживающих период расцвета и стоящих на грани краха. В большинстве обществ, существовавших в прошлом — и многих, существующих в настоящем, — связь между властью и выгодой даже в малой степени не представлялась (и не представляется) проблематичной: личная выгода и выгода для друзей рассматривалась как абсолютно весомая (притом совершенно законная) и главная причина для того, чтобы добиваться власти. Когда наш старый знакомец философ Фемистий впервые привлек внимание императора Констанция в начале 350-х гг., Либаний, его товарищ, преподававший риторику, большой поборник моральных ценностей, связанных с классическим образованием, писал ему: «Твое

---

* Об отчетах по армейским выплатам см.: Jones, 1964, Ch. 19; о «потерянных» суммах — Symm. Relat. 23. MacMullen, 1988 со всевозможной тщательностью описывает аферы, нашедшие отражение в документах.

присутствие за столом [императора] свидетельствует о величайшей близости [между вами]... любой, кого ты упоминаешь, немедленно становится богат, и... удовольствие, получаемое им, когда он дарует подобные милости, превосходит то, которое испытываешь ты, принимая их». С точки зрения Либания, влияние, приобретенное Фемистием, не представляло собой проблемы — как раз наоборот! Фактически вся система назначений на чиновничьи должности в империи основывалась на личных рекомендациях; так как конкурсные экзамены отсутствовали, патронаж и связи играли главную роль. Обращаясь к нескольким императорам, Фемистий посвятил не одну из своих речей теме «друзей» — т.е. ближайшего окружения императора, ответственного за привлечение его внимания к подходящим кандидатурам на те или иные должности. Конечно, Фемистий хотел, чтобы эти друзья обладали проницательностью и благодаря этому могли давать первоклассные рекомендации, однако он не желал никаких изменений самой сути вещей. Непотизм был системой; службу все связывали с возможностью набить себе карман, и умеренное казнокрадство считалось более или менее в порядке вещей*.

И ничего нового в этом не было. Ранняя Римская империя, даже в период активных завоеваний, так же как и в позднейшие эпохи, была отмечена злоупотреблениями — быть может, следовало бы просто сказать «употреблением» — властью со стороны чиновников (друзей чиновников высших рангов), которые стремились обогатиться сами и обогатить своих товарищей. Согласно историку Саллюстию, писавшему в середине I в. до н.э., моральные устои римской общественной жизни начали рушиться после гибели Карфагена, главного соперника Рима, в 146 г. до н.э.

---

* Liban. Epist. 66.2. Об отзывах Фемистия о друзьях императора см., например: Or. I. 10с ff. О связях и о ситуации в целом см. Matthews, 1975, особенно гл. 1—2.

На деле, однако, крупнейшие фигуры общественной жизни всегда в первую очередь были озабочены собственным продвижением, и в ранней империи происходило то же самое. Многое из того, что мы можем назвать коррупцией в римской системе управления, просто отражает нормальную взаимосвязь власти и выгоды. Некоторые императоры, наподобие Валентиниана I, периодически добывали себе политический капитал, нанося удар по «коррупции», но даже Валентиниан не пытался изменить систему как таковую*. Мне кажется, важно реалистично смотреть на то, как люди используют политическую власть, и не придавать слишком большого значения отдельным случаям взяточничества. Если фактор «власть — выгода» не замедлил подъем империи на первых порах, то нет и причины предполагать, что он сыграл важную роль в ее падении. Что же касается скандала в Лептис Магне, то Роман, Палладий и Ремигий просто слишком далеко зашли. При более пристальном рассмотрении можно увидеть в «Лептисгейте» нечто значительно большее, нежели простое укрывательство.

Пределы власти правительства

Теоретически император обладал высшей властью, когда дело доходило до формирования общего законодательства; в отдельных случаях у него было право модифицировать закон или уничтожать его по своему усмотрению. Ему было довольно одного слова, чтобы приговорить к смерти или помиловать. Внешне он во всех отношениях

---

* Римская империя возникла в результате сочетания таких факторов, как обильные налоговые выплаты из колоний и политическое влияние (гл. 2). То же справедливо относительно Британской империи: Ferguson, 2001. О Валентиниане и коррупции см.: Amm. Marc. XXX. 9.

представлял собой абсолютного монарха. Но внешность может быть обманчива.

Валентиниан, долгое время до восшествия на престол служивший в армии, имел большой непосредственный опыт надзора над приграничными областями вдоль Рейна; находясь в Трире, он имел возможность провести исчерпывающее расследование любого несчастного случая. Однако с проблемой, возникшей в Африке, все получилось совершенно иначе. Впервые Валентиниан узнал об эпизоде в Лептис Магне из двух внезапно полученных диаметрально противоположных отчетов: один привезло первое посольство из провинции, прибывшее к его двору, другой поступил от Романа через magister officiorum, Ремигия. Трир, где находился Валентиниан, отстоял от места событий примерно на 2000 километров. Он не мог покинуть приграничную Рейнскую область, чтобы расследовать один относительно незначительный эпизод в весьма темном уголке Северной Африки; все, что он мог сделать, — это отправить своего представителя, дабы тот вместо него разобрался в случившемся. Если эта личность дезинформировала его (как было в данном случае) и позаботилась о том, чтобы другой отчет о событиях не достиг ушей императора, то последний вынужден был действовать соответственно. Основной вывод, который можно сделать из «Лептисгейта», состоит в том, что, несмотря на всю власть императора, как теоретически, так и на практике, центральная власть в Римской империи могла принимать эффективные решения лишь тогда, когда получала точную информацию о происходящем на местах. Режим Валентиниана любил представлять себя защитником налогоплательщиков от несправедливых требований со стороны военных. Но из-за ложного сообщения Палладия действия императора в случае Лептис Магны привели к полностью противоположному результату.

Требуется усилие воображения, чтобы понять, насколько трудно было получать точную информацию в

римском мире. Имея под властью ровно половину его, Валентиниан контролировал область, существенно большую, нежели современный Европейский союз. Если и в наши дни эффективные действия центра на такой территории достаточно сложны, то проблемы, связанные с сообщением, с которыми столкнулся Валентиниан, поставили его в невообразимо более сложные условия, нежели руководителей в современном Брюсселе*. Двоякая проблема состояла не только в том, что сообщение в те времена осуществлялось куда медленнее, чем теперь, но и в минимальном количестве линий, по которым его можно было передавать. В случае с Лептис Магной дело усугублялось не только черепашьей скоростью, с которой передавалась информация, но и просто-напросто малочисленностью тех, кто осуществлял связь: поначалу источника информации было два (посольство и Ремигий, представлявший точку зрения Романа), а потом к ним прибавился третий, когда Валентиниан отправил комиссию по расследованию фактов в лице Палладия. Когда Палладий подтвердил сообщение Романа, возникла ситуация «два против одного», и больше источников у Валентиниана не было. В мире телефонов, факсов и Интернета вообразить себе тогдашнюю ситуацию еще труднее. Контакты Валентиниана с городскими общинами, составлявшими его империю (за исключением тех, которые находились в непосредственной близости от Рейнской области), были редкими и несистематичными.

Возможность увидеть эту проблему изнутри дает еще один исключительной важности источник, оставшийся от поздней Римской империи, — папирусы, сохранившиеся в течение столетий благодаря сухому и жаркому климату египетской пустыни. (Судьба распорядилась так, что большая часть архива в конце концов оказалась в библиотеке Джон Райландс Лайбрери в Манчестере — городе, извест-

* Подразумевается штаб-квартира ЕЭС. — *Примеч. пер.*

ном большим количеством выпадающих здесь осадков.) Те папирусы, о которых пойдет речь, приобретенные крупным викторианским коллекционером А.С. Хантом в 1896 г., происходят из города Гермополиса, расположенного на западном берегу Нила на границе Верхнего и Нижнего Египта. Одно из писем (имеющее важное значение) отделилось от остальных и оказалось в Страсбурге. Когда обнаружилось, что оно относится к той же переписке, стало ясно, что это письма некоего Феофана, землевладельца из Гермополиса и, очевидно, римского чиновника высокого ранга начала IV в. н.э. В конце 310-х гг. он состоял советником по законам при Виталисе, который, будучи *rationalis Aegypt*, являлся финансистом, отвечавшим за работу оружейных мастерских, а также за другие действия Римского государства в провинции. Основная масса архива относится к путешествию, которое Феофан совершил из Египта в Антиохию (совр. Антакью в Южной Турции близ границы с Сирией), центральный город римского Востока, по делам службы где-то между 317 и 323 г. В бумагах нет рассказа о путешествии — мы можем только догадываться, какова была возложенная на него миссия. Однако здесь есть нечто в своем роде еще более ценное — упаковочные листы, финансовые отчеты и датированный маршрут; все вместе это позволяет живо представить себе официальные путешествия в Римской империи*.

Находясь в поездке по делам службы, Феофан мог воспользоваться той же системой общественного транспорта, что и Симмах, путешествовавший в Трир, — *cursus publicus*, состоявшей из путевых станций, разделенных одинаковыми промежутками пути. На них находились стойла, где путешественники, едущие по служебным делам, могли переменить упряжных животных, и (иногда) гостиницы для проезжающих. Что поражает с первого взгляда — те доку-

*Архив Феофана издан и проанализирован в Roberts and Turner 1952, p. 104—156.

менты, которые относятся к маршруту Феофана: датированный список с указанием расстояний, которые ему удавалось покрыть. Начав путешествие в Антиохию 6 апреля в городе Никиу в Верхнем Египте, он в конце концов прибыл в город через три с половиной недели, 2 мая. В среднем он преодолевал в день 40 километров: на первом этапе пути, проезжая через Синайскую пустыню, он делал только около 24 километров, но когда достиг Плодородного Полумесяца, скорость его путешествия увеличилась до 65 километров. А в последний день, почуяв, что конец путешествия близок, его отряд развил головокружительную скорость и преодолел более 100 километров. Обратный путь потребовал столько же времени. Учитывая, что официальный статус Феофана позволял ему менять лошадей по необходимости (так что ему не приходилось беречь силы животных), мы получаем своего рода мерило деятельности чиновников Римской империи. Мы знаем, что в чрезвычайных ситуациях вестники, мчавшиеся галопом, многократно менявшие лошадей, могли преодолеть расстояние до 250 километров в день. Но среднее расстояние, преодолевавшееся Феофаном в том путешествии, занявшем три с половиной недели, являлось нормой: другими словами, он двигался со скоростью повозки, запряженной быками, что составляло 40 километров в день. Эта цифра верна как для гражданских, так и для военных операций, так как для перевозки тяжелого снаряжения в обозах армия использовала тот же самый транспорт.

Другая поражающая особенность путешествия Феофана состоит в его сложности. Как можно ожидать, при такой скорости передвижения лишь представители высших эшелонов римской бюрократии имели склонность выезжать за пределы провинций, где они служили, — следовательно, чиновники более низких рангов не были знакомы с теми, кто занимал должности того же уровня в других областях (даже с соседями). В большинстве слу-

чаев в Египте вопросы решались на местном уровне, так что обычно Феофану не нужно было знать людей из Антиохии; также, в сущности, он не знал и людей, проживавших там, где ему приходилось проезжать. Соответственно Виталис снабдил его рекомендательными письмами ко всем значительным лицам, которых тот мог встретить по дороге (некоторые из них Феофан не использовал, благодаря чему они сохранились в архиве). В соответствии с правилами этикета того времени следовало проявлять предусмотрительность и взять с собой некоторое количество подходящих подношений: вежливость требовала, чтобы обмен дарами — иногда ценными — всякий раз ознаменовывал начало новых отношений. В отчетах содержится список предметов, предназначенных для этого, таких как *лунгурион* (сгущенный мускус рыси) — один из ингредиентов дорогих духов*. Следовало также везти большие суммы денег; возможно, Феофан вдобавок также получил доверенности, дававшие ему как путешествующему по делам службы возможность пополнять свои фонды из официальных источников. По этой причине такие путники часто нуждались в защите и при необходимости нанимали вооруженную охрану. В отчетах Феофана фигурируют пища и питье, купленные для солдат, сопровождавших его на пути через египетскую пустыню.

Упаковочные листы, если можно так выразиться, тоже проливают свет на многое. Феофану нужно было разнообразное облачение: одежда полегче и потеплее для разной погоды и разных условий, официальное одеяние — как должностному лицу, а также халат для посещения бань. Гостиницы для проезжающих на *cursus publicus*, очевидно, обеспечивали лишь минимальный комфорт. Путешественник брал с собой постель — не только простыни, но и

* Включая «Шанель» № 5, как мне известно из достоверных источников.

матрас; дабы предотвратить неурядицы с питанием, с ним ехала целая кухня. Из этого следует, что Феофан ехал не один. Мы не знаем, сколько у него было спутников, но, очевидно, его сопровождал отряд рабов, которые решали все бытовые задачи. В среднем он тратил на их ежедневное содержание чуть меньше половины того, что расходовал на себя. Манчестерское собрание ветхих документов на папирусе изобилует такими драгоценными деталями. Непосредственно перед тем, как покинуть цивилизованные области и пересечь пустыню, отряд закупил 160 литров вина для путешествия домой. Оно стоило меньше, чем два литра значительно более изысканного напитка, который во время второго завтрака Феофан выпил в тот же день. С другой стороны, отчеты содержат запись о приобретении льда для охлаждения вина, подававшегося к обеду. Перед глазами читателя возникает захватывающая картина поездки по официальным делам со всей ее сложностью и громоздкими деталями.

Нужно также отметить, что расстояния между пунктами в IV в. были значительно больше, чем в наши дни. Сейчас, когда я пишу эти строки, Адрианов вал отделяет от Евфрата около 4000 километров; так было и во дни Феофана. Но при той скорости, с которой путешествовал Феофан (даже если считать, что он ежедневно проезжал максимальное расстояние — 50 километров, и не учитывать дни, потраченные им на пересечение пустыни), путешествие, которое в наше время, если ехать по суше, заняло бы самое большее две недели, в IV в. растянулось бы на срок около трех месяцев. Когда мы глядим на карту Римской империи, ее размеры производят на нас большое впечатление; с точки зрения человека IV в., они ошеломляли. Более того, оценив их в соответствии с тем, сколько требовалось людям, чтобы преодолеть подобные расстояния, можно сказать, что она была в пять раз больше. Другими словами, проехать по всей Римской империи, используя доступные

в те дни средства сообщения, — это все равно что в наши дни проехать по территории где-то в пять — десять раз больше, чем Европейский союз. Учитывая такую отдаленность различных пунктов друг от друга и их удаленность от столицы, неудивительно, что у императора было мало линий сообщения с большинством тех местностей, которые составляли его империю.

Более того, даже если его агенты каким-то образом обеспечивали постоянную передачу сведений изо всех городов империи в центр, где находился правитель, в любом случае он мало что мог из этого извлечь. Вся эта предполагаемая информация неизбежно осталась бы мертвым словом на листах папируса, и вскоре центр оказался бы завален канцелярской работой. Найти какую-либо специальную информацию в случае необходимости оказалось бы совершенно невозможным, особенно учитывая тот факт, что римские архивисты, по-видимому, систематизировали дела только по годам*. Примитивные способы коммуникации плюс отсутствие сложных средств обработки информации — вот объяснение бюрократических ограничений, в рамках которых римские императоры всех эпох вынуждены были принимать и проводить в жизнь административные решения.

Главным следствием всего этого было то, что государство оказалось не способно систематически вмеши-

* Многие собрания писем, включая письма Симмаха, несут на себе несомненные признаки того, что копии с них были сняты с оригиналов, хранившихся именно в таком порядке, и архивы папства, относящиеся к раннему периоду его существования (как многие считают, отражающие практику правительства поздней Римской империи), велись таким же образом (Noble, 1990; Markus, 1997; Арр.). Следовательно, если вы хотели найти сведения о чем-то, нужно знать, в каком году случилось это «что-то»; никаких признаков наличия перекрестных ссылок на имена или места не имеется. Анализ сведений об императорских архивах Константинополя см. в работе Kelly, 1994.

ваться в повседневную жизнь составляющих его общин. Неудивительно, что спектр действий, осуществлявшихся римским правительством, представлял собой лишь часть того, чем занимается правительство современного государства. Даже при наличии вдохновлявшей его идеологии римское руководство для осуществления широкомасштабных социальных программ, касающихся, например, здравоохранения или социального страхования, не имело нужного количества чиновников. Активное участие государства по необходимости ограничивалось куда более узким кругом действий: поддержанием армии в боеспособном состоянии, обеспечением функционирования налоговой системы. И даже в случае налогов роль государственной бюрократии сводилась к ассигнованию общих сумм городам империи и контролю над их пересылкой. Такая сложная работа, как выдача индивидуальных налоговых деклараций и непосредственный сбор денег, осуществлялась на местном уровне. Даже здесь, при условии что условленные суммы, полученные от сбора налогов, поступали из городов в центр, в казну, местные общины (это подразумевали городские законы, рассмотренные нами в первой главе) имели возможность существовать автономно в условиях самоуправления*. «Делайте так, чтобы римское центральное

---

*Чтобы определить, какой налог должен платить город, земельные ресурсы каждой civitas делились на единицы под названием iugera (в единственном числе — iugum). Iugum представлял собой единицу ценности, а не площади, поэтому iugum лучшей земли был меньше, нежели iugum земли худшей. Считалось, что каждый iugum из года в год приносит одинаковый доход; каждый год с него взимался одинаковый налог. Решение по поводу того, какое количество iugum приписать тому или иному городу, принимал центр; для этого требовался тщательный учет сельскохозяйственных активов (о чем в наших источниках высказываются немалые сожаления). Но даже этот учет не проводился единообразно для всей империи. В Сирии чиновники-инспекторы выде-

правительство было довольно»: зачастую при соблюдении этого условия местное население могло жить как хотело.

Вот ключ к пониманию многого в истории Римской империи. «Лептисгейт» иллюстрирует не столько проблему, связанную с историей поздней империи как таковой, но существенные ограничения, наносившие ущерб центральному правительству Рима всех эпох. Чтобы составить себе полное представление о делах правительства, необходимо одновременно учитывать техническую невозможность каждодневного вмешательства центра в дела на местах и его неограниченную юридическую власть и незыблемое идеологическое господство. Именно взаимодействие этих двух феноменов породило характерную динамику внутренней жизни Римской империи. В условиях, когда центральное правительство было полностью лишено возможности контролировать все, любое дело, на котором оно, так сказать, действительно оставляло свою печать, при проверке являлось полностью легитимным. По этой причине у общин и отдельных личностей возникла тенденция обращаться к власти с ходатайствами в своих целях. На первый взгляд может показаться, что император постоянно тыкал пальцем в хаос на местах, но это ошибочное впечатление. Во всем, что не касалось налогообло-

---

ляли три типа пахотных земель и два типа оливковых рощ. В других местах применялось значительно менее сложное различение между пахотной землей и пастбищами, тогда как в Египте и Северной Африке существовавшее разделение территорий, в общем соответствовавшее новым единицам налогообложения, более не пересматривалось, отчасти вследствие сопряженных с пересмотром значительных трудностей, отчасти потому, что это могло бы вызвать сопротивление. Равным образом подушный избирательный налог взимался не со всех жителей империи: иногда он распределялся между городскими и сельскими плебеями, иногда — только между сельскими. Детальный анализ налогообложения в Римской империи см.: Jones, 1964, ch. 13.

жения, императоры вмешивались в местные дела лишь тогда, когда жители этих областей, или по крайней мере какая-то тамошняя фракция, считали, что для них будет полезно мобилизовать имперскую власть.

Мы уже видели подобную модель в действии в начале императорского периода. Как показывают испанские надписи, романизированные города существовали по всей империи, так как местные общины усваивали законы, изданные в центре. В особенности богатые местные землевладельцы быстро поняли, что соблюдение римской конституции с содержащимися в ней правами — это путь к получению римского гражданства, которое давало им статус, позволявший участвовать в структурах империи, что влекло за собой немалую выгоду. Конечно, существовала и оборотная сторона медали. Статус гражданства был столь ценен для лидеров общин, вошедших в Римское государство, что они готовы были делать все, чтобы получить эту привилегию; часто они достигали этого, добиваясь расположения патронов в центре, которые могли замолвить за них словечко императору, находившемуся в тот момент на троне. Этот тип отношений между центром и местными общинами стал краеугольным камнем, на котором была построена империя*.

Подобные отношения также применимы к отдельным персонам, пользовавшимся системой «рескриптов». Она давала возможность проконсультироваться с императором — в действительности с его экспертами по юридиче-

---

* К примеру, известно, что местные общины залезали в долги, стремясь выстроить здания, которые бы обеспечили дарование соответствующих конституционных прав. В данном контексте весьма интересен случай города Ирни в Испании. Археологам до сих пор не удалось обнаружить его местонахождение, поскольку остатки поселений вокруг весьма незначительны, так что, несмотря на замечательную конституцию этого города, возникает сомнение: а не существовал ли этот город только на бумаге, юридически?

ским вопросам — по поводу той или иной детали, связанной с юридической практикой. Любой мог написать на верхней части листа папируса письмо императору по поводу вопроса, который хотел разрешить. Затем император отвечал на нижней стороне листа. Эту систему нельзя было использовать, чтобы разрешить дело целиком, — можно было только получить напоминание о практическом юридическом элементе, который мог определить исход событий. Опять-таки здесь мы обязаны сохранившимся уникальным папирусам, которые позволяют нам представить себе, сколь широко использовалась эта система. Весной 200 г. императоры Север и Каракалла остановились в египетском городе Александрии. Папирус, ныне находящийся в Колумбийском университете, содержит сведения о том, что императоры ответили на пять рескриптов (ответы вывешивались для публичного прочтения) 14 марта, на четыре — 15 марта и еще на четыре — 20 марта*. Так что если даже предположить, что в течение года у императоров было немало дней отдыха, все же цитировать императорское мнение в частных спорах по религиозным вопросам могло не менее тысячи человек.

Равную важность имело то, что после того как рескрипт отсылался назад в провинцию, император терял над ним контроль, и лист папируса, подписанный его именем и содержащий его авторитетное мнение, оказывался, что называется, без присмотра. Неудивительно, что эти ответы императоров во множестве случаев использовались недолжным образом. В кодексе Феодосия V в. упоминается ряд случаев жульничества: императорский ответ буквально отрывали от того вопроса, на который он давался, а затем использовали для ответа на другой вопрос; письма, полученные по поводу одной ситуации, использовали для разрешения другой; наконец, письма писались по ложным поводам (CTh 1. 2.). Римские законники были столь же

---

* P. Columbia 123; ср.: Millar, 1992, p. 245; Honoré, 1994.

изобретательны, как и их собратья в наши дни, а контроль над происходящим был куда слабее. Система рескриптов показывает нам не только то, что императорская власть энергично реагировала на происходящее на местах, — злоупотребления ею также дают понять, что расстояние от императора до просителя могло дать последнему возможность недолжным образом использовать мощное оружие, каковым являлось юридическое постановление, подписанное именем императора.

Вдобавок к рескриптам императоров также заваливали запросами более общего характера, на которые они могли отвечать или не отвечать положительно. Они имели возможность начать (или не начинать) расследование (неизбежно медленное) или принять версию просителя (в основе своей тенденциозную) за правду. В результате действия императорской власти оказывались в большей или меньшей степени случайными: император выбирал, верить или не верить просителю, и поступал соответственно. Влияние, которое императорская власть в этом случае имела на повседневную жизнь, зависело от того, насколько большие расстояния проделывали граждане местных общин, чтобы использовать эту возможность.

Таким образом, пытаясь представить себе римское правление, мы в любом случае должны иметь в виду, что при всем юридическом и идеологическом могуществе императора возможности контроля с его стороны были ограниченны. Тем не менее монополия власти делала постоянные просьбы граждан об одобрении с ее стороны неизбежными. Следовательно, имперский центр был и могуществен, и серьезно ограничен в своем могуществе.

В середине III в. эта, по сути своей, ограниченная государственная машина внезапно столкнулась с совершенно новым кругом проблем; все они были вызваны возвышением Сасанидской Персии. Как мы видели, неотложные проблемы были решены благодаря военной, фискальной и по-

литической реструктуризации империи. Однако с давних пор традиционным стало доказывать, что перемены, избавившие империю от этих трудностей, взамен этого в перспективе обрекли ее на упадок и гибель. Согласно этой точке зрения, после Диоклетиана налоговый пресс на экономику Рима, основанную на сельском хозяйстве, оказался чрезмерным. Крестьян вынудили сдавать такое количество продукции, что часть их умирала от голода. Утверждают, что новый уровень налогов также стал причиной гибели класса землевладельцев, которые выстроили города империи и жили в них с момента ее формирования. Фактически в результате вся империя стала управляться с использованием ограничений, а не разрешений; символом ее сделалась репрессивная бюрократическая машина, состоявшая, согласно авторитетному мнению, из тех, «кто даром ел свой хлеб», и ставшая дополнительным бременем для налогоплательщиков. Что касается военных дел, то увеличенная армия могла быстро сделать свое дело, но недостаток людских ресурсов в империи вынудил императоров IV в. все более и более прибегать к рекрутированию варваров из-за границы. В результате как верность, так и боеспособность римской армии уменьшились. В конечном счете, согласно этой системе доказательств, преодоление персидского кризиса потребовало таких усилий, что финансовое, политическое и даже военное могущество империи заметно ослабело*.

У этих взглядов по-прежнему множество сторонников. Однако исследователи нынешнего поколения убедительно продемонстрировали, что подобная позиция серьезно недооценивает экономическую, политическую и идеологическую стойкость мира поздней империи.

---

*Jones, 1964, Ch. 25, содержит наиболее обоснованное и логически последовательное изложение анализа такого рода. Ортодоксальные взгляды более резко выражены в некоторых ранее изданных работах: Rostovtzeff, 1957; Cambridge Ancient History, 1st ed. Vol. XII, особенно Ch. 7 Cambridge Ancient History. 1st. ed. Vol. I, особенно Ch. 19.

Цена выживания

Сельское хозяйство в древности страдало от двух ограничивающих моментов. Во-первых, до изобретения тракторов продуктивность любого участка земли чрезвычайно зависела от того, сколько труда можно было положить на ее обработку. Во-вторых, в древние времена сельские хозяйства, применявшие сложные технологии поддержания плодородности почвы, не могли значительно повысить производство продовольствия так, как это позволило сделать использование химических удобрений в современную эпоху. Это, в свою очередь, тормозило рост населения, так как его численность имела тенденцию расти до предела, положенного доступным количеством пищи. Вдобавок транспорт был чрезвычайно дорог; в «Эдикте о ценах» Диоклетиана говорится, что стоимость телеги зерна возрастает вдвое после каждых пятидесяти миль путешествия. В этих условиях римская экономика всех периодов практически не поднималась над уровнем, обеспечивавшим лишь выживание людей. До недавнего времени исследователи питали уверенность, что повышение налогов в поздний период существования Римского государства ухудшило эти условия настолько, что крестьянское население империи стало не способно даже поддерживать свое существование.

Свидетельства, которыми мы располагаем, содержатся в основном в письменных источниках. Начнем с того, что ежегодный объем надписей, сохранившихся от римской античности, внезапно сокращается в середине III в. приблизительно до одной пятой от прежнего количества. Так как шансы на выживание оставались постоянными, это массовое сокращение, естественно, принималось за знак того, что землевладельцы — социальная группа, как правило, заказывавшая эти надписи по сугубо частным поводам, — неожиданно начали испытывать недостаток средств. Хронологические исследования также приводят к тому,

чтобы рассматривать увеличение налогового бремени, возложенного на жителей поздней империи, в качестве главной причины, так как упадок совпал с повышением налогов, необходимым, чтобы отразить усиливавшуюся персидскую угрозу. Такие взгляды получили подкрепление за счет других источников, документально освещающих другой хорошо известный феномен IV в., известный под названием «бегства куриалов». Куриалы (или декурионы) — это землевладельцы, достаточно состоятельные для того, чтобы получить место в городских советах (по-латыни — куриях). Они были потомками тех, кто строил римские города, усвоил классическую идеологию самоуправления, выучил латинский язык, и широко пользовались преимуществами, которые давало латинское и римское гражданство в ранний императорский период. В IV в. эти люди начали выказывать все большее нежелание служить в городских советах, учрежденных их предками. Поэтому долгое время одно из общепринятых суждений относительно падения Рима гласило, что традиционный класс землевладельцев империи был переобременен до крайности*.

Другие юридические тексты IV в. относятся к прежде неизвестному феномену — «покинутым землям» (*agri deserti*). Большинство этих текстов носит чрезвычайно общий характер и не содержит указания на то, о каких площадях шла речь, но один закон, 422 г., относящийся к Северной Африке, указывает, что только в этом регионе под эту категорию подпадает 3000 кв. миль. Эта цифра ошеломляет. В дальнейшем римское законодательство также пыталось прикрепить землевладельцев (*колонов*) к их владениям, чтобы предотвратить их передвижение. Было легко (а искушение оказывалось почти непреодолимым) вплести эти отдельные феномены в рассказ о причинах и

---

*Традиционную точку зрения на «бегство куриалов» см.: Jones, 1964, p. 737—763, где прежде всего содержится комментарий по поводу массового отхода от законодательной деятельности, сведения о котором собраны в CTh 12. 1.

результатах, в соответствии с которыми режим штрафного налогообложения делал экономически невыгодным обработку всех земель, на которых прежде велось хозяйство. Это расценивалось как причина массового оставления земель — отсюда *agri deserti*, — а также правительственного вмешательства, направленного на предотвращение этого самого отъезда с земель, обработку которых новое налоговое бремя сделало экономически невыгодным. Крестьянство, лишаясь большей части своей продукции, не могло поддерживать свою численность из поколения в поколение, что еще более снижало объемы производства*.

Эта последовательность, где все элементы как нельзя лучше подходили друг к другу, оказалась взорвана в конце 1950-х гг. французским археологом Жоржем Чаленко. Как бывает в случае многих революционных моментов, наблюдателям понадобилось немало времени, прежде чем они поняли, что увидели нечто поколебавшее почву у них под ногами, однако брошенная бомба вызвала ряд детонаций. Чаленко провел большую часть 1940—1950-х гг., бродя по известняковым холмам в ныне полностью глухом (и относительно мирном) уголке Среднего Востока. В древности на них располагались сельские пригороды одного из крупнейших городов империи, Антиохии (Антакьи в совр. Турции). (По иронии судьбы, холмы эти в настоящее время лежат за границей, в Северной Сирии.) Проводя раскопки, Чаленко наткнулся на остатки густо располагавшихся деревень, состоявших из прочных домов из известняковых блоков (они исчезают в период VIII—IX вв. после арабского завоевания этого региона).

Судя по деревням, эти холмы некогда были местом жительства процветающего сельского населения, которое могло позволить себе строить не только дорогие жилые дома, но и просторные общественные здания. В те древние

* Об *agri deserti* см.: Jones, 1964, p. 812—823. О прикреплении крестьян к земле: Jones, 1964, p. 795—812.

времена население этого региона было значительно более многочисленным, нежели когда-либо в позднейшие эпохи, и, очевидно, жителей кормило сельское хозяйство; Чаленко полагал, что они изготавливали на продажу оливковое масло. Подлинно революционным стало открытие Чаленко, что впервые этот регион достиг процветания в конце III — начале IV в., оно продолжалось в V, VI и VII вв., и ничто не свидетельствовало об упадке. В тот самый момент, когда, согласно общепринятой модели, позднеримское государство пило из крестьян кровь, взимая непомерные налоги, здесь, в сельскохозяйственном регионе, жители благоденствовали — свидетельства тому были неопровержимы*.

Дальнейшая археологическая работа, включавшая в себя раскопки, позволила исследовать уровни сельских поселений и деятельность земледельцев на обширных территориях и в разные моменты римской истории. В общих чертах можно сказать, что эти исследования подтвердили: сирийские деревни Чаленко были далеко не единственным примером процветания сельского населения в поздней Римской империи. В центральных провинциях Северной Африки (в особенности в Нумидии, Бизацене и Проконсульской Африке) в это время также наблюдается рост сельского населения, количества деревень и объемов производства. На это также пролили свет раскопки в Тунисе и Южной Ливии, где процветание продолжалось вплоть до V в. Раскопки в Греции дают сходную картину. Одним словом, повсюду на Ближнем Востоке IV—V вв. оказались периодом *максимального* развития деревни, а не минимального, как мы привыкли считать в соответствии с традиционными взглядами. Изыскания, проведенные в пустыне Не-

* Наиболее полный отчет о его находках см.: Tchalenko, 1953—1958. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что часть его выводов относительно источников процветания этих деревень нуждается в пересмотре, но сам факт его неоспорим (см., например, Tate, 1989).

гев на территории современного Израиля, показали, что эта чрезвычайно удаленная от центра территория также процветала в IV в. под властью империи. В общих чертах то же самое заметно и в Испании и Северной Галлии, тогда как новая оценка данных о деревенских поселениях римской Британии показала, что численность ее населения в IV в. достигала показателей, которые мы вновь наблюдаем на этих территориях только в XIV в. Еще не решен вопрос о том, каковы цифры, соответствовавшие этому максимуму, но то, что в позднеримский период Британия была плотно населена по меркам древности и Средневековья, сегодня не вызывает сомнений*. Фактически единственными территориями в IV в., чей уровень благосостояния был далек от максимального уровня, наблюдаемого за всю историю Рима, были Италия и несколько северных европейских провинций, в особенности Галлия Бельгика и Нижняя Германия, находившиеся близ Рейна. Даже здесь, однако, оценки плотности населения были радикально пересмотрены в недавние годы.

Что касается причины бедности двух последних северных провинций, то, возможно, она лежит в деструктивных процессах III в. Прирейнская область в этот период подвергалась опустошительным набегам; одновременно большие силы были затрачены на решение персидской проблемы, и, возможно, изобилие в этих областях так никогда и не восстановилось. Можно найти и хотя бы частичное объяснение методологической проблемы. Обзоры раскопок пластов римского периода при идентификации и определении времени существования поселений строятся на датированных находках керамики, производившейся на продажу. Если население прекращало покупать эти изделия, вернувшись к керамике местного производства, датировать которую невозможно (а также в особенности если в

* Насколько мне известно, спор идет вокруг цифры от 5 до 8 миллионов.

то же время они больше использовали в качестве строительного материала дерево, нежели традиционный для Рима камень, кирпич и черепицу, которые также обнаруживаются при раскопках), то они становятся, так сказать, археологически невидимыми. Это и случилось в некоторых областях Северной Европы по крайней мере к середине V в., а потому вполне возможно, что кажущаяся недостаточной заселенность северных областей прирейнской территории вызвана не существенным уменьшением количества жителей, но в первую очередь этими новыми обычаями. Вопрос еще не получил однозначной оценки.

Случай Италии — принципиально иной. Как подобает сердцу государства-завоевателя, в раннеимперский период Италия благоденствовала. Причина заключалась не только в том, что потоки добычи затопляли ее территорию, но и в том, что здешние производители керамики, вина и других товаров продавали их в западных провинциях и господствовали на рынке. Кроме того, италийская сельскохозяйственная продукция не облагалась налогом. Однако с развитием экономики завоеванных провинций это первоначальное господство оказалось потесненным за счет развития конкурирующих предприятий, расположенных ближе к центрам потребления, в результате чего их транспортные расходы были намного ниже. К IV в. этот процесс зашел довольно далеко, а со времен Диоклетиана сельские хозяйства Италии вынуждены были платить такие же налоги, как и на остальной территории Европы. По этим причинам экономика полуострова была обречена на некоторый упадок в IV в., и неудивительно, что мы находим здесь больше окраинных областей, не вовлеченных в производство. Но, как мы видели, относительный упадок в Италии и, возможно, также Северо-Восточной Галлии был более чем компенсирован экономическим успехом на остальных территориях. Несмотря на усиление налогового бремени, сельские области поздней империи пережива-

ли экономический подъем*. Революционное значение этих находок трудно преувеличить.

Если посмотреть на свидетельства в источниках с этой точки зрения, то они вполне совместимы с археологическими. К примеру, законы, вынуждавшие работника оставаться на одном месте, могли действовать лишь там, где плотность сельского населения была достаточно высока. В противном случае общий недостаток рабочих рук привел бы к тому, что землевладельцы соперничали бы друг с другом из-за крестьян и стремились принять беглецов и защитить их от закона. Если коснуться более общих проблем, то понятие «покинутых земель» (*agri deserti*) было придумано в IV в. для описания земель, с которых не собирались налоги. Оно вовсе не обязательно подразумевало, что земли, обозначенные таким образом, когда-либо прежде обрабатывались вообще, и, конечно, большой участок в Северной Африке, упоминаемый в законе 422 г., состоял по большей части из пустынь и полупустынь, расположенных во внутренних областях, где никогда нельзя было нормально вести сельское хозяйство. Также налоговый режим поздней империи с его повышенными требованиями не является несовместимым с оживлением сельского хозяйства. Крестьяне, которые вели натуральное хозяйство, стремились производить только то, в чем нуждались, и достаточно для того, чтобы обеспечить себя и своих иждивенцев, а также выплачивать все дополнительные пошлины, такие как рента. В этой ситуации часто давал о себе знать некоторый экономический застой. Он заключался в том, что сельские хозяйства могли произвести дополнительное количество продуктов питания, но отказывались от этого: ведь у них не было ни условий для их хранения, ни, вследствие высокой стоимости перевозок, возможности их про-

* Недавние обзоры и обсуждения сохранившихся свидетельств см. в: Lewitt, 1991; Whittaker and Garnsey, 1998; Ward Perkins, 2000; Dunkan Jones, 2003.

дать. В подобном мире налогообложение (если не делать налоги чрезмерными) могло реально *повысить* объемы производства: налог, введенный государством, — это еще один вид пошлин, которые необходимо вносить, и хозяйства выполняли немало дополнительных работ, чтобы произвести дополнительное количество продукции. Лишь в случае значительного повышения налога, приводившего к тому, что жители начинали голодать, или снижения плодородия их земель в течение длительного времени подобные сборы наносили экономике ущерб.

Все это не означает, что крестьянину жилось легко в позднеримский период. Государство предъявляло к нему более значительные требования, нежели к его предкам, а закон не давал ему переходить с места на место в поисках наиболее выгодных условий аренды. Но данные археологических и письменных источников никак не противоречат картине всеобщего изобилия в сельской местности в позднеримскую эпоху: численность населения, объемы производства и количество готовой продукции приближаются к максимальным показателям или достигают максимума*.

Однако нет сомнений, что большинство городов империи в одном отношении, по-видимому, все же пострадало. Уменьшение количества надписей середины III в. отражает уменьшение количества заказов на строительство новых общественных зданий. Масштабное строительство подобных объектов продолжалось только в крупных городах в центре Римского государства и его регионах. И даже здесь, где местные представители знати готовы были

---

* В средневековой Англии (вплоть до 1300 г.) узы крепостничества крепли по мере роста населения и увеличения нужды крестьян в земле, однако после Черной смерти (эпидемия чумы в XIV в. — *Примеч. пер.*) они ослабели, поскольку землевладельцы стали больше нуждаться в рабочих руках, а не в земле. Пересмотренную точку зрения на agri deserti см.: Whittaker, 1976. О налогах и натуральном хозяйстве см.: Hopkins, 1980.

облагодетельствовать свой город, выстроив очередное здание общественной уборной, дабы увековечить память о себе, теперь здания возводились должностными лицами на государственные деньги*. Частное инвестирование в строительство общественных зданий в родном городе — черта начального периода существования империи: тогда это был самый легкий путь к известности. Возведение соответствующих видов построек входило в перечень мер, которые убеждали представителей высшей власти в том, чтобы рекомендовать ваш родной город императору, когда речь зайдет о даровании римского гражданства. Когда ваш город получал ius Latinum, то финансирование строительства становилось стратегией, направленной на завоевание в нем власти и влияния. В городах империи земля, находившаяся в общественном владении (часто переданная по завещанию), оказалась быстро застроена. Города также получили право сбора местных налогов и пошлин. Расходование средств, ежегодно получаемых по этой статье (довольно значительных), контролировалось городским советом и в особенности ведущими магистратами. Магистратов избирали голосованием из числа свободных граждан города. Своего рода соревновательное строительство в этих условиях имело одну цель: выиграть выборы и в результате взять под контроль использование местных фондов**.

---

* Это касается столичных городов империи, таких как Трир, Антиохия и Константинополь (на высшем уровне), и в не столь крупных региональных центрах, таких как Афродисий на юго-западе Малой Азии. См. об этой тенденции, например: Jones, 1964, Ch. 19; Roueché, 1989.

** Некоторые историки древнего мира используют имеющее греческий корень понятие «эвергетизм», «хорошая работа», для описания «соревнования» на местах в раннеимперский период, память о котором сохранилась в тысячах надписей, дошедших до нас от первых двух с половиной столетий нашей эры. Однако оно представляет собой эвфемизм — по крайней мере отчасти.

Присвоение государством объектов, принесенных в дар местным общинам, и доходов от налогов практически свело на нет все выгоды от службы в органах правления на местах. К IV в. значительные траты с целью получить власть в своем городе потеряли смысл, поскольку все, чего ты мог добиться, — это стать мальчиком на побегушках у центрального правительства. К этому моменту сформировалась практика передачи удалившимся в отставку представителям расширившегося класса имперских чиновников (*honorati*) всех выгодных и престижных видов деятельности, включая детальное распределение налогового бремени в родном городе. Ничто не побуждало приглашать к обеду и оказывать прочие мелкие знаки внимания так, как осознание того, что в свое время тебе доверят введение нового налога. *Honorati* также присутствовали при разборе наместником провинции судебных дел и помогали ему выносить решение. Как следует из многочисленных сохранившихся писем к местным *honorati*, то была еще одна ситуация, когда они имели очень большое влияние, что опять-таки весьма повышало популярность того или иного *honoratus* в местной общине. Иначе говоря, во времена поздней империи произошел значительный сдвиг: политическая власть на местах перешла от городских советов к имперским бюрократам. В результате канул в небытие сам принцип демонстрации щедрости в местных общинах, зафиксированный в раннеимперских надписях.

Стандартное представление о позднеримской бюрократии также нуждается в пересмотре. Во многом ее характеристика как деспотической чужеродной силы, состоящей из «дармоедов», высасывающих жизненные силы из местных общин, восходит к речи оратора Либания, который перечисляет нескольких главных чиновников, а также сенаторов в Константинополе середины IV в., чье происхождение сомнительно. У трех префектов претория (высшие исполнительные лица гражданской власти) 350-х и начала 360-х гг. — Домициана, Элпидия и Тавра — отцы, сообщает

нам Либаний, непосредственно занимались ручным трудом; отец четвертого, Филипп, изготавливал колбасу, а наместник провинции Азии, Дулькиций, был сыном сукновала (Liban. Or. XLII. 24—25). В сознании возникает яркий образ бюрократии, где господствуют новые люди, пришедшие ниоткуда. Однако в этой речи Либаний преследовал весьма определенную цель. Константинопольский сенат только что отказал в членстве одному из его протеже, некоему Талассию, на том основании, что отец его был «торговцем» (он владел оружейной мастерской). Однако, как показывает количество других свидетельств (включая бесконечные рекомендательные письма самого Либания), громадное большинство новых чиновников и сенаторов в империи IV в. на самом деле происходило из сословия куриалов, а не ниже по социальной лестнице. Эта бюрократия пользовалась «правильным» латинским и греческим языками, что обеспечивалось традиционной образовательной системой. Тем самым мы сразу же получаем указание на то, что эти люди пользовались услугами частного образования, требовавшего времени и немалых затрат. Следовательно, позднеримская бюрократия состояла не из аутсайдеров или парвеню, а из куриалов, которые пересмотрели свои позиции в рамках изменившихся структур империи. Лишь представители узкого элитарного слоя, состоявшего из трезвых практиков, по-латыни их именовали *principales*, — продолжали заседать в советах, дабы монополизировать последние оставшиеся обязанности, представлявшие интерес.

Из-за столь значительной привлекательности чиновничьих должностей императоров буквально заваливали просьбами о назначениях. Многие из них удовлетворялись. Императоры всегда охотно использовали возможность поднять уровень своей популярности, продемонстрировав великодушие, и, кроме того, они могли удовлетворять эти просьбы безо всякой опаски. Несмотря на законы, направленные на урегулирование экспансии бюрократии (согласно им, куриалов из провинциальных городов отправляли

обратно на родину), к 400 г. значительное число богатых землевладельцев достигло пика своей карьеры, сделавшись чиновниками в столице. В это время финансовое ведомство Восточной империи (*largitionales*) насчитывало 224 человека, и, согласно «листу ожидания», еще 610 человек были готовы занять их места, когда их срок службы закончится. И, заранее предвидя отсрочку поступления на службу, неизбежную в этих условиях, родители вносили имена детей в лист ожидания при рождении. Таким образом, возвышение имперской бюрократии отражает существование некоторых политических отношений между центром и провинциями, которые мы уже наблюдали, и никоим образом не показательно в отношении тирании со стороны центра. И здесь вновь, как в случае с системой рескриптов, да и с романизацией в целом, государство, конечно, делало первый шаг, вводя, так сказать, новую систему должностных инструкций. Но «местные» принимали участие в процессе, откликаясь на изменения правил и усваивая их в своих собственных интересах.

При таком понимании экспансии бюрократии становится невозможным расценивать «бегство куриалов» как феномен, имеющий решающее значение для экономики, или по крайней мере считать ее отражением обеднения представителей землевладельческого класса. Также следует в более смягченном смысле понимать утверждение, что бюрократия в значительной степени состояла из «дармоедов». Трудно предположить, что предки этих чиновников — местные землевладельцы, сидевшие в городских советах, — «бездельничали» меньше, нежели их потомки (если рассматривать их под таким углом зрения). По сути своей, они были представителями класса рантье и скорее занимались тем, что надзирали за трудом своих крестьян, нежели сами принимали непосредственное участие в производстве сельскохозяйственной продукции. Их жалованье, выплачивавшееся государством, также было крайне низким. Рост бюрократии потребовал весьма незначитель-

ного увеличения налогообложения*. Привлекательной эту службу, как мы уже видели, делал сопутствовавший ей статус, а также возможность услужить тем, кто нуждался в ваших услугах.

Хотя изменение модели карьеры высшего класса все же имело некоторый экономический эффект, ничто не дает оснований предполагать, что жизнь его представителей претерпела сколь-либо серьезные изменения. И письменные источники, и археологические раскопки подтверждают, что представители землевладельческой элиты позднеримского периода, как и их предки, попеременно жили в своих городских домах и загородных поместьях. В IV в. Антиохия, например, могла похвалиться очень богатым предместьем — Дафной, а во время масштабных раскопок города Сардиса в современной Турции обнаружилось много богатых частных домов, датируемых IV—V вв. Следовательно, нет оснований полагать, что торговля предметами роскоши в городах, ориентированная на землевладельцев, приезжавших туда время от времени, чтобы потратить свое богатство, чересчур пострадала. Что действительно могло произойти, так это следующее: в результате переориентации с городских советов на имперское чиновничество крупные землевладельцы предпочитали содержать дома в крупнейших городах регионов** и провинций, нежели в своих родных городах. Это должно было способствовать росту благосостояния столиц (и без того значительному, если судить по данным о расходах на общественные нужды) за счет небольших городов***.

---

*Списки ожидающих: CTh 6. 30. 16; ср. Liban. Epist. 358—359, 365—366, 362, 875—876. Полная переоценка данной проблемы приведена в работе: Heather, 1994b; там же см. полную библиографию вопроса.

**Регионы — области, на которые Италия была разделена при Августе. — *Примеч. пер.*

*** В основном от случившегося пострадали строители и изготовители надписей в маленьких городках империи.

Вот что действительно продемонстрировали новые свидетельства и соответственные реинтерпретации прежних свидетельств: для того чтобы в стратегическом плане ответить на вызов, брошенный Персией, государство увеличило налог, взимавшийся продуктами сельского хозяйства, и конфисковало местные фонды, которыми прежде распоряжались городские власти, но само по себе сельское хозяйство, на котором держалась вся экономика, не переживало кризиса. Также и жизнь землевладельцев не была столь безрадостна, как принято традиционно считать. «Бегство куриалов» представляло собой корректировку (хотя и масштабную) местопребывания политической власти. Прежние аргументы в пользу того, что политический коллапс V в. стал результатом кризиса экономики в IV в., следовательно, не выдерживают критики.

Имеется также более чем достаточно поводов к пересмотру тезиса о том, что начиная с середины III в. людей в римской армии не хватало настолько, что, рискуя понизить ее боеспособность, в нее стали привлекать все больше варваров. Несомненно, что их действительно привлекали в реструктурированную римскую армию; это происходило в основном двумя путями. Во-первых, отдельные контингенты вербовались на короткое время для отдельных кампаний, по окончании которых участники возвращались домой. Во-вторых, немало людей из-за границы шли в римскую армию, дабы сделать карьеру на военной службе, и проводили в римских войсках всю свою жизнь. Ни то ни другое не было новостью. Вспомогательные войска — и кавалерия, и пехота (*alae* и *cohortes*) в раннеимперский период всегда состояли из неграждан и при этом их численность насчитывала около 50 процентов всех военных сил. Невозможно узнать много о том, как вербовались рядовые, однако, что касается офицерского корпуса поздней империи, ничто не свидетельствует об общем увеличении численности варваров в армии. Главное отличие между армией раннего и позднего периода заключалось не в количест-

ве варваров, а в том, что теперь набранные из их числа солдаты чаще служили в тех же частях как римские граждане и не подвергались своего рода сегрегации, зачисляясь во вспомогательные войска. Обучение воинов в IV в. по большей части оставалось интенсивным, как и прежде, и было нацелено на формирование сплоченных отрядов, готовых подчиняться приказам. Рассматривая изображение армии в действии, сделанное Аммианом Марцеллином, мы не находим никаких свидетельств тому, что уровень дисциплины сколь-либо серьезно понизился, что варвары в рядах римских войск повиновались приказам хуже прочих или были более склонны вступать в сговор с врагом. Он фиксирует случай, когда недавно поступивший на службу варвар допустил утечку важных сведений о диспозиции римской армии, но никто не выказал неповиновения в бою. Короче говоря, нет никаких признаков того, что реструктуризация империи нанесла удар по военной сфере*. Тем не менее вполне возможно, что дополнительные издержки, понесенные жителями провинций в IV в. в ходе имевших место в империи процессов, могли поколебать верность

* Об эффективности [армии] см.: Whitby, 2002. Среди племен, обитавших за пределами Римской империи, которые предоставляли отряды для проведения кампаний, назовем готов-тервингов. Перемены, приведшие к катастрофе, произошли после 382 г., когда в армию влились значительные контингенты, предоставленные варварскими племенами, которые утвердились на территории Римской империи и начали действовать как центробежные политические силы (см. гл. 4 и 5). Традиционно предметом споров во многом были поведение и верность Риму тех, кто совмещал в себе военачальника и политика и, будучи неримского происхождения, добился значительного влияния. Хотя их и называли варварами, многие из них, подобно Стилихону, были иммигрантами во втором поколении и, следовательно, римлянами; в любом случае поведение этих людей не выдает никаких признаков нелояльности Риму. В частности, о Стилихоне подробнее см. гл. V.

местного населения Риму — верность, которая наряду с прочими римскими добродетелями была усвоена ими с таким энтузиазмом в эпоху ранней империи.

Христианство и согласие

С того момента как император Константин принял в 313 г. христианство, прежние идеологические структуры римского мира также начали разрушаться. По мнению Эдуарда Гиббона, то был ключевой момент в истории краха Рима: «Духовенство с успехом проповедовало терпение и смирение; общество перестало верить в добродетели, подразумевавшие активные действия; последние остатки воинственного духа оказались погребены в монастырях; значительная часть народного и частного имущества была передана церкви во имя ложных требований благочестия и набожности; деньги, которые могли быть потрачены на жалованье солдатам, расточались на множество праздных людей обоих полов, которые могли похвалиться лишь воздержанием и целомудрием. Вера, рвение, любопытство и куда более «земные» страсти — злоба и честолюбие — зажгли пламя теологических раздоров; церковь и даже государство оказались раздираемы религиозными фракциями, конфликты между которыми порой приводили к кровопролитию; примирить же их было невозможно. Внимание императоров переключилось с военных лагерей на синоды; римский мир подпал под иго новой тирании, а преследуемые секты стали новыми врагами страны»*.

Другие выражались не столь резко. Однако представление о том, что христианство разрушило идеологическое единство страны и снизило ее способность обеспечивать

* Gibbon, 1897, vol. 4, p. 162—163 (цитата взята из «General observations on the Fall of the Roman Empire in the West»).

саму себя, впоследствии разделялось многими; также возникло подозрение, что церковь отвлекала людские и финансовые ресурсы от выполнения жизненно важных «земных» целей. Таким образом, в связи с вопросами как налогообложения, так и развития христианства возникает проблема более общего характера. Можно ли сказать, что процессы эти шли на фоне недовольства на местах, и не против ли него реконструированная имперская власть боролась, дабы поддержать свою легитимность?

Источники IV в. фиксируют ряд случаев недовольства размерами налогов. Также имело место одно значительное восстание в связи с налогами. В 387 г. в Антиохии собралась толпа, дабы выразить протест против ввода добавочного подоходного налога. Настроение массы приняло угрожающий характер: собравшиеся сбросили на землю статуи императора. Эти статуи — как и все, что имело отношение к императорам, — были священны, и акт вандализма по отношению к ним расценивался как измена. Местное население перепугалось, что в наказание город может быть отдан на разграбление войскам, но тогдашний император Феодосий I решил преодолеть кризис мирным путем.

Перед нами достаточно четкий индикатор общего настроения в империи*. Сбор налогов идет легче, а повышение можно проводить менее болезненно, если налогоплательщики понимают причины, по которым им приходится платить, и в целом согласны с этой необходимостью. Императоры IV в. полностью осознавали важность консенсуса и никогда не упускали возможности подчеркнуть, что налоги собираются прежде всего в пользу армии, а армия необходима, чтобы защитить римское общество от угроз извне. Большинство официальных мероприятий, ежегодно проводившихся в империи, включало в себя в качестве центрального элемента речь, продолжавшуюся около часа; целью ее было восславить недавние успехи, достигнутые

---

* Liebeschuetz, 1972, p. 37—38, 104—105.

режимом. И пожалуй, все тексты такого рода, относящиеся к периоду поздней империи, содержат в том или ином виде отсылки к армии и ее роли защитницы римского мира.

Императоры осуществляли свою политику в приграничных районах каждый на свой лад, однако насчет основной цели сбора налогов расхождений не возникало. Постоянным напоминанием населению об этом служили изображения на монетах: наиболее распространено было изображение врага, лежащего ниц под пятой императора. Однако вместе с тем военные неудачи вызывали критику в связи с разбазариванием средств, внесенных налогоплательщиками. Известен такой случай: Урсул, глава финансового ведомства императора Констанция II, саркастически высказался о действиях армии и публично выразил сожаление, посетив Амиду, незадолго до этого, в 359 г., разграбленную персами: «Посмотрите, как храбро солдаты защищают наши города! А ведь на то, чтобы платить им такое огромное жалованье, с трудом хватает всего богатства империи». Военачальники не забыли этих слов. Когда Констанций умер, Урсул был приговорен к смерти в ходе политического судебного процесса, ознаменовавшего смену режима (эту цену, среди прочего, пришлось заплатить преемнику Констанция Юлиану при восшествии на престол). Однако в основном система работала вполне сносно: волнения из-за налогов в Антиохии — единичный пример (заметим, что они были связаны не с обычными налогами, а с дополнительными поборами). В то время как многие землевладельцы, несомненно, стремились сократить свои налоговые выплаты — законы, а также подборки писем пестрят свидетельствами откровенных афер, предпринятых с этой целью, и просьбами об освобождении от налоговых обязательств, — императоры IV в. все же сумели внушить своим подданным следующую идею: налоги — неотъемлемая часть жизни цивилизованного мира. При

этом налогообложение, как правило, не являлось для общества слишком тяжким бременем*.

С точки зрения религиозной жизни обращение Константина в христианство ознаменовало начало культурной революции. Прежде всего города переменились внешне: обычаю хоронить умерших вдали от живых, традиционному для греко-римского язычества, перестали следовать, и внутри городских стен раскинулись кладбища. На смену языческим храмам пришли христианские церкви; вследствие этого начиная с 390 г. и далее бывший в употреблении мрамор стал иметь хождение в таком количестве, что торговля вновь добытым мрамором пришла почти в полный упадок. Церковь, как утверждает Гиббон, получала богатые пожертвования как от государства, так и от частных лиц. Сам Константин положил этому начало («Книга пап» любовно фиксирует его пожертвования земельных владений римским церквам); с течением времени церкви по всей Европе получили во владение значительные богатства. Более того, христианство в некоторых отношениях являлось силой, служившей делу демократизации и равенства. Оно утверждало, что всякий, вне зависимости от его экономического или социального статуса, имеет душу и наравне со всеми участвует в космической драме спасения; в некоторых евангельских историях даже намекается, что мирские блага и богатство мешают спастись. Все это противоречило аристократическим ценностям греко-римской культуры, в рамках которой считалось, что подлинной цивилизованности может достигнуть лишь человек, обладающий достаточным богатством и досугом, дабы потратить много лет на получение образования и на участие в муниципальных делах. Возьмем также, к примеру,

* Об изображениях на монетах см.: Calo Levi, 1952. Об Урсуле: Amm. Marc. XX. 11. 5 и XXII. 3. 7—8. О сокращении налогов: Jones, 1964, 462 и далее; автор, как мне представляется, склонен преувеличивать последствия того, что является вполне нормальным для человека поведением.

традиционное для грамматиков использование завесы. В древности завеса служила обозначением входа в некие особые места, связанные с чем-то высшим. Так, в огромных залах для аудиенций место, где находился император, как правило, было скрыто пологом от основной массы придворных. Бл. Августин с презрением упоминает в своей «Исповеди», что грамматики используют завесу, чтобы скрыть ею вход в школу. Он и другие христиане времен поздней империи пришли к отрицательной оценке этого обычая, видя здесь ложную претензию на мудрость.

Вместо этого христианские писатели создали в своих сочинениях умышленно неклассический тип антигероя — необразованного христианина, святого. Несмотря на то что он не прошел через руки грамматиков и, как правило, предпочитает жить в пустыне, а не в городе, он достигает таких высот мудрости и добродетели, равных которым не найти ни у Гомера, ни у Вергилия, ни даже у тех, кто участвует в городском самоуправлении. Святой был наилучшим, так сказать, продуктом монастырей; как подчеркивает Гиббон, монашество в то время привлекало значительное число людей. Монашеская жизнь неумеренно восхвалялась высокообразованными христианами, которые видели в ней проявление такой набожности, что она могла сравниться с набожностью христианских мучеников прошлого. Не требуется слишком тщательно отслеживать сведения источников, чтобы найти примеры христиан, занимавших высокое положение, но отказывавшихся вести жизнь, нормальную для высших классов римского общества. В Италии примерно в начале V в. с интервалом в несколько лет довольно состоятельный Паулин из Нолы и очень богатая наследница сенаторского рода, Мелания Младшая, отказались от своего богатства и посвятили жизнь служению Христу. Паулин стал епископом и посвятил себя служению мученику Феликсу, тогда как Мелания отправилась в Святую землю. Таким образом, христианство задавало трудные вопросы и вынуждало пересматри-

вать многие взгляды и обычаи, которые римляне издавна принимали на веру*.

Но хотя подъем христианства, бесспорно, знаменует собой культурную революцию, куда менее убедительно выглядит утверждение Гиббона и прочих, что новая религия оказала вредное воздействие на жизнь империи. Христианские институты действительно требовали, как утверждает Гиббон, значительных пожертвований. С другой стороны, нехристианские религиозные институты, которым они пришли на смену, также были богаты, и их богатство постепенно конфисковывалось — параллельно с усилением христианства. Непонятно, почему пожертвования на христианскую церковь означали тотальную передачу средств из государственной казны в церковные хранилища. Опять-таки, хотя какая-то часть населения действительно оказалась в монастырях и была таким образом «потеряна», монашество составляло не более нескольких тысяч человек, что вряд ли являлось значимым для мира, где уровень населения оставался стабильным и даже рос. Равным образом число представителей высших слоев общества, которые отказались от своего богатства и посвятили себя служению Богу, выглядит ничтожным, если учитывать те 6000 человек (или около того), которые к 400 г. н.э. активно участвовали в жизни государства, занимая высшие государственные должности. Согласно законам, принятым в 390-е гг., все они должны были исповедовать христианство. На каждого Паулина из Пеллы приходилось немало тех, кто недавно принял христианство, при этом с удовольствием занимая высокую государственную должность, и никто из них не обнаруживал никаких признаков кризиса сознания.

---

*О грамматиках см. «Исповедь» Августина (в особенности книги 2—4). Эта «культурная революция», и в особенности случаи Мелании и Паулина, были рассмотрены в недавние годы. Для получения общего представления см. многочисленные работы P.R.L. Brown, особенно 1981 и 1995; Marcus, 1990; Trout, 1999.

Кроме того, нет никаких очевидных причин, почему христианство должно было вызвать подобный кризис. Религия и власть в империи быстро наладили отношения в идеологическом плане. Со времен Августа адепты римского империализма утверждали, что божества, правящие миром, предопределили, что Рим должен завоевать и цивилизовать его. Боги помогали империи в выполнении ее миссии — привести все человечество в наилучшее возможное состояние; они непосредственно вмешивались в события, избирая и вдохновляя на деяния римских императоров. После того как Константин официально принял христианство, давние утверждения о связи государственной власти и божественного начали вновь работать; это произошло быстро и на удивление легко. Небесная сила, правящая миром, превратилась в христианского Бога, а наилучшим возможным состоянием для человечества были объявлены обращение в христианство и спасение. Книжная ученость и стремление к самоуправлению на время были отодвинуты на задний план, но никоим образом не отброшены вовсе. В этом и заключался сдвиг, вызванный происшедшими переменами. Утверждение, что империя — орудие в руках Бога, при помощи которого Он осуществляет в мире свою волю, практически осталось в силе; изменилась лишь терминология. Равным образом в ситуации, когда обожествлять императоров более было нельзя, их божественный статус восстанавливался христианско-римской пропагандой, изображавшей, как Бог тщательно выбирает императоров и как они правят вместе с Ним (и отчасти на Его месте) над той сферой Его космоса, где обитают люди. Таким образом, императору и всему, что окружало его — от спальни до сокровищницы, — можно было по-прежнему давать характеристику «божественное»*.

---

* CTh 16. 5. 42, откуда мы узнаем, что в 408 г. язычники были отстранены от службы при дворе. Об идеологии Римской империи в эпоху христианства см.: Dvornik, 1966.

Требования эти провозглашались не только кучкой верноподданных при императорском дворе. В 438 г., на Рождество, сенаторам, собранным в старой столице империи, был представлен новый компендиум недавно принятых законов — «Кодекс Феодосия» (Codex Theodosianus). Все собрания сенаторов тщательно протоколировались, и протоколы доставлялись императору. Эти записи не сохранились (что неудивительно): вряд ли это царство пустословия было любимым чтением переписчиков в эпоху Средневековья или даже поздней империи. Однако протокол собрания по поводу «Кодекса Феодосия» был включен в предисловие к официальному списку «Кодекса», выполненному после 443 г. Единственный манускрипт, сделанный с одной из этих официальных копий, хранится в библиотеке Амброзиана в Милане.

Итак, мы проследили похожую на тоненькую нить судьбу этого уникального текста, чудом дошедшего до нас*. Председательствовавший префект претория Италии, Глабрион Фавст, в чьем роскошном доме встретились сенаторы, открыл собрание, формально представив участникам текст. Напомнив слушателям эдикт, принятый законодательной комиссией, он представил им «Кодекс». В ответ раздались вопли сенаторов:

«О Августейшие из Августейших, величайшие из Августейших!»** (повторено 8 раз)

«Господь дал Вас нам! Да сохранит Господь Вас для нас!» (27 раз)

«Правьте много лет, как [другие] римские императоры, набожные и счастливые!» (22 раза)

«На благо рода человеческого, на благо сената, на благо государства, на благо всем!» (24 раза)

«В Вас наше упование, Вы — наше спасение!» (26 раз)

---

* История этого интереснейшего манускрипта сообщается в: Matthews, 2000, Ch. 3.

** В тот момент в империи было два императора: Валентиниан III на Западе и Феодосий II на Востоке.

«Да соблаговолят наши Августейшие жить вечно!» (33 раза)

«Установите мир во всем мире, да славится имя Ваше!» (24 раза)

Повторение этих приветственных восклицаний кажется нам чем-то экстраординарным, однако идея, выраженная этой церемонией, заслуживает тщательного рассмотрения.

Прежде всего бросается в глаза идея Единства. Великие и достойные в один голос восхваляли своих правителей-императоров в городе, до сих пор остававшемся символической столицей римского мира. Лишь немногим менее очевидна оказывается по размышлении вторая идея — уверенность сенаторов в Совершенстве Общественного Устройства, по отношению к которому они и их императоры выступали в качестве составных элементов. Невозможно было обрести подлинное Единство без столь же полного ощущения Совершенства. Для людей нормальным состоянием является разобщенность, и единственные вещи, насчет которых все могут придерживаться единого мнения, — это те, которые сами по себе представляются лучшими. И как следовало из восклицаний, открывавших упомянутую встречу, источником Совершенства был непосредственно Господь, божество христиан. К 438 г. римский сенат сплошь состоял из христиан. С точки зрения верхушки римского общества, следовательно, принятие христианства никак не изменило существовавшее спокон веку убеждение, что империя — орудие в руках божества, с помощью которого оно действует в мире.

Та же идея провозглашалась во время аналогичных церемоний на всех ступенях социальной лестницы, и даже церковные круги не были исключением. Заседания городского совета также начинались с тех же восклицаний; то же происходило и во время официальных сходок городских жителей, собравшихся, чтобы приветствовать императора, должностное лицо или даже новое изображение

императора. (При избрании нового императора его изображения отправляли в крупные города империи.) Во всех ситуациях такого рода — а их было немало в течение года — доминировала та же ключевая идея*. Многие христианские епископы, как и светские люди, которые комментировали происходившее, были счастливы по-новому сформулировать старую идею римского империализма. Епископ Евсевий Кесарийский еще в период правления Константина доказывал, что Христос не случайно появился на свет во времена Августа, первого римского императора. Развивая свою мысль, он утверждал: несмотря на гонения на первых христиан, это свидетельствует о том, что христианство и империя самой судьбой были предназначены друг для друга — Господь сделал Рим всесильным для того, чтобы через него все человечество в конце концов обрело спасение.

Подобные идеологические воззрения, очевидно, подразумевали, что император, избранный самим Господом представителем Его на земле, должен пользоваться в христианском мире огромным религиозным авторитетом. Еще в 310-е гг., когда не прошло и года после того, как Константин объявил о переходе в христианство, епископы из Северной Африки обратились к Константину с просьбой разрешить разгоревшийся между ними спор. Это задало образец, актуальный вплоть до конца века: теперь императоры оказались непосредственно вовлечены как в улаживание споров, возникавших внутри церкви, так и в дела административного характера, связанные с новой религией. Для улаживания диспутов императоры созывали советы, давали епископам право использовать государственную систему транспорта для привилегированных лиц — *cursus publicus*, чтобы те могли присутствовать. Еще больше впечатляет, что императоры помогали составлять повест-

* В египетских папирусах сохранились замечательные примеры подобных восклицаний. См.: Jones, 1964, p. 722 ff.

ку дня, их представители организовывали слушания, а государственная машина использовалась для проведения в жизнь принятых решений. Вообще говоря, они разработали церковное право для церкви — XVI книга «Кодекса Феодосия» полностью посвящена подобным вопросам — и влияли на назначения на высшие церковные должности.

Церковная иерархия также стала отражением административных и социальных структур империи. Епархии соответствовали территориям вокруг крупных городов (некоторые сохранили свои границы до сего дня, когда подобное территориальное разделение утратило какое-либо иное значение). Обращаясь к более высокому уровню иерархии, мы видим, что епископы центральных городов провинций стали столичными архиепископами и получили полномочия, позволявшие им вмешиваться в жизнь новых, подчиненных им епархий. При преемниках Константина прежде никому не известный епископ Константинополя возвысился до патриарха и стал почитаться наравне с епископом римским — ведь Константинополь был «новым Римом». Кроме того, местные христианские общины очень скоро потеряли право избирать себе епископов. Начиная с 370-х гг. епископами все чаще становились представители землевладельческого слоя; они обсуждали между собой кандидатуры преемников и таким образом контролировали вопрос. Теперь церковь настолько прочно сделалась частью государства — епископам в рамках церкви даже были приданы административные полномочия: в частности, они держали небольшие дворы, — что сделаться христианским епископом означало не выпасть из общественной жизни, а найти новый путь к участию в ней. Если христианизация римского общества является чрезвычайно важной темой, то столь же важна — и в чем-то менее изучена — тема романизации христианства. Принятие новой религии представляло собой, так сказать, не путь по улице с односторонним движением, но процесс взаимной

адаптации, приводивший к усилению идеологических притязаний императора и государства*.

Вышесказанное, разумеется, не означает, что христианизация империи не сопровождалась конфликтами и что христианство и империя, если можно так выразиться, полностью подходили друг к другу. Подобно Паулину Ноланскому и Мелании, некоторые епископы и другие интеллектуалы, исповедовавшие христианство, не говоря уже о святых, прямо или косвенно отвергали претензию государства на то, что империя является образцом совершенной цивилизации, поддерживаемой самим Богом. Однако отрицание империи по большей части оставалось лишь обертоном в речах христианских мыслителей IV в. Столетие это также явилось ключевым в формировании христианского учения; в ходе этого процесса возникло немало внутриконфессиональных конфликтов, для разрешения которых обе стороны привлекали императоров, сменявших друг друга на престоле. В ряде моментов конфликты эти разрослись в масштабные волнения, но они ни разу не распространились настолько широко и не получили столь значительной поддержки, чтобы можно было предположить, что споры христиан друг с другом приводили к сколь-либо серьезным нарушениям жизни империи**.

Что действительно показывает распространение христианства — так это то, что (как и в случае с разросшейся в

* Усилия исследователей сосредоточились на проблеме христианизации империи, так что существует необходимость подробно рассмотреть и «оборотную сторону медали». Для получения общего представления см.: Jones, 1964, Ch. 22; Marcus, 1990.

** Гиббону в его случае действительно было много легче сделать это в отношении арабского завоевания восточной части империи в VII в., где враждебность между греческими и сирийскими православными (последние зачастую ошибочно называются монофизитами) сыграла свою роль в этом процессе. В случае же с германским завоеванием в V в., напротив, религиозная вражда не играла существенной роли.

эпоху поздней империи бюрократией) центральная власть ни в коей мере не утратила способности «строить в шеренгу» местную элиту. Как подчеркивается во многих недавних работах, посвященных распространению христианства, религиозная революция осуществлялась скорее благодаря «просачиванию», нежели открытой конфронтации. Вплоть до конца IV в., когда с момента объявления Константином о переходе в новую веру прошло уже семьдесят лет, именно понимание того, что император может оказать большее благоволение христианину, а не язычнику, при назначении на ту или иную должность, способствовало распространению новой религии среди высших слоев римского общества. Все христианские императоры сталкивались с интенсивным лоббированием со стороны епископов и время от времени все издавали самые высокохристианские возгласы. Кроме того, они действительно рано запретили кровавые жертвоприношения, вызывавшие особое осуждение у христиан. Однако другие языческие культовые обычаи разрешались, и механизм, который позволил бы принудительно ввести христианство на местном уровне, у императорской власти отсутствовал. Это означало, что, как и во всем, что не касалось налогообложения, реальное положение вещей определялось волеизъявлением граждан. Там, где подавляющее большинство тех, чьи взгляды имели решающее значение, было (или постепенно становилось) христианским, языческие храмы закрывались и иногда разбирались. Там, где ядро оставалось верным старым культам, религиозная жизнь во многом текла по-старому, и императоры вполне охотно разрешали, чтобы это разнообразие существовало. Лишь когда, так сказать, критическая масса (состоявшая из тех, чьи голоса имели важное значение на местах при принятии решений) уже была христианизирована, императоры могли без серьезных опасений принимать более решительные меры по насаждению христианства. Это произошло к концу века; к

этому времени успело смениться три поколения императоров, поддерживавших новую религию*.

Таким образом, в империи центр по-прежнему представлял собой достаточную идеологическую силу и обладал властью, позволявшей более или менее непрерывной череде христианских властителей, правивших тремя-четырьмя поколениями подданных, добиваться того, чтобы мнения на местах соответствовали требованиям новой идеологии (Юлиан Отступник правил империей как язычник менее двух лет). На мой взгляд, здесь наблюдается та же динамика, что и в более раннем процессе романизации. Государство было не в состоянии попросту навязывать местной элите свою идеологию, но если оно постоянно делало принадлежность христианству условием продвижения по службе, землевладельцы откликались на это требование. В IV в. с течением времени для того, чтобы добиться успеха, все важнее становилось быть «римлянином и христианином» (а не «иметь виллу и жилье в городе», как раньше), и лидеры общественного мнения в Риме, как на местах, так и в центре, постепенно адаптировались к новой реальности. Как и в случае с экспансией бюрократии, центр успешно использовал новые механизмы, дабы сфокусировать на себе внимание и усилия землевладельческого слоя.

Налоги выплачивались, элита участвовала в общественной жизни, и новая религия оказалась весьма успешно включена в структуры поздней империи. Не являясь предвестием катастрофы, и христианизация, и экспансия бюрократии продемонстрировали, что центр империи по-прежнему в состоянии оказывать мощное влияние на предпочтения в сфере религии и на привычки провинциалов. Влияние это осуществлялось скорее с помощью убеждения, нежели принуждения, но так было всегда. Те

* О таком осторожном подходе императоров IV в. к христианизации высших классов см. недавние работы: Brown, 1995, Bradbury, 1994; Barnes, 1995; Heather, Moncur, 2001, особенно ch. 1.

же самые типы связей, что и прежде — пусть пересмотренные, продолжали соединять центр и удаленные от него области между собой.

Римская политическая система

Первое впечатление, порождаемое государственными церемониями Рима наподобие той, которая была проведена при представлении «Кодекса Феодосия» римскому сенату, — это впечатление ошеломляющего могущества. С государственной машиной, способной заставить собрание богатейших землевладельцев страны участвовать в подобном представлении с синхронными выкриками, шутки были плохи. Но имеются и другие аспекты церемонии по поводу «Кодекса Феодосия», а также принятия этого свода законов, которые позволяют бросить взгляд на совсем иные аспекты жизни государства — на сей раз на политические ограничения, лежавшие в самом сердце имперской структуры Рима, несмотря на всю ее долговечность и жизнестойкость.

После восторженного приветствия собравшиеся отцы Рима перешли к делам насущным:

«Благодарим Тебя за Твое распоряжение!» (повторено 23 раза)

«Ты устранил двусмысленности в постановлениях (constitutiones)*, действующих в империи» (23 раза)

«О, сколь мудр план благочестивого императора!» (26 раз)

«О, сколь предусмотрителен ты в отношении тяжб! Ты оплот общественного порядка!» (25 раз)

«Да будет снято множество копий «Кодекса», дабы они хранились в правительственных учреждениях!» (10 раз)

---

*Constitutio — официальный термин для императорского эдикта.

«Да хранятся они, скрепленные печатью, в государственных управлениях!» (20 раз)

«Дабы установленные законы не искажались, пусть копии будут сделаны во множестве!» (25 раз)

«Дабы установленные законы не искажались, пусть копии будут сделаны с точностью до буквы!» (18 раз)*

«Пусть в этой копии, которая будет сделана чиновниками, не будет прибавлено никаких примечаний к законам!» (12 раз)

«Мы просим, чтобы копии, которые будут храниться в управлении императора, были выполнены за общественный счет!» (16 раз)

«Мы просим, чтобы в ответ на просьбы не публиковались никакие законы!» (21 раз)

«[Ибо] все права землевладельцев придут в беспорядок в результате подобных тайных действий» (17 раз).

Церемония, посвященная представлению нового свода законов, являлась в Римской империи событием величайшей важности. Мы уже видели, какую роль образование и самоуправление играли в традиционном восприятии римлянами самих себя. Для римского общества в целом право, выраженное в законодательных актах, обладало столь же важным значением. Опять-таки с «римской» точки зрения существование права сделало римское общество наилучшим из всех возможных орудий для того, чтобы руководить всем человечеством. Прежде всего писаный закон избавил людей от страха перед произволом со стороны власть имущих (латинское слово, означающее свободу — *libertas,* — в техническом смысле означает свободу в рамках закона). Закон позволял спорить об их достоинствах, могущественные лица не могли силой брать верх над прочими. Христианство же просто усилило идеологическое значе-

*Т.е. без использования сокращенных способов записи. Чиновники поздней Римской империи пользовались множеством способов ускорения процесса письма, но в таких случаях возникала опасность, что слова будут прочитаны неправильно.

ние, приписываемое подобному законодательству. Ибо если христиане-интеллектуалы на правах элиты могли критиковать с точки зрения морали воспитание, даваемое грамматиками, и выдвигать тип необразованного Божьего человека в качестве альтернативного символа добродетели, то закон был недоступен для такого рода критики. Он защищал каждого вне зависимости от социального положения, которое тот занимал. Закон также играл унифицирующую роль в культуре, так как Господень закон, будь то Моисеев закон и Десять заповедей или же новое, несущее жизнь учение Христа, являлся центральным для иудейско-христианской традиции. С точки зрения идеологии, следовательно, легко представить всеобъемлющее римское право (противопоставив его элитарной книжной культуре) как основу для претензий новой, христианской, империи на роль хранительницы установленного Богом общественного порядка*.

Однако если читать «Кодекс Феодосия» между строк (это касается и церемонии, и самого содержания), то это раскроет перед нами самую суть политических ограничений в рамках позднеримской государственной структуры. Одно из таких ограничений, имеющееся в латинском тексте восклицаний, пропадает в переводе на английский, так как этот язык не знает различий форм «ты» и «вы» и они сливаются в «you». Все восклицания были обращены и к императору Феодосию II, правившему на Востоке, и к его младшему двоюродному брату Валентиниану III, правившему на Западе. Оба принадлежали к династии Феодосия, и первое появление «Кодекса» на Востоке в 437 г. было тщательно приурочено к династическому браку Валентиниана и дочери Феодосия Евдокии, соединившему две ветви рода. Брак и свод законов одновременно выдвигали на первый план единство римского мира, где императоры на Востоке и на Западе правят в полной гармонии между

---

* Dvornik, 1966; Barnish, 1992, введение; Heather, 1993.

собой. Однако, как следует из его названия, на самом деле вся сложная работа по подготовке «Кодекса Феодосия» выпала на долю специальных уполномоченных в Константинополе, назначенных Феодосием*. И тот факт, что Феодосий играл здесь главную роль, подчеркивает главную проблему, связанную со структурой власти в поздней империи. По причинам, обсуждавшимся в главе I, аппарат управления следовало разделить. Гармония между соправителями была возможной в том случае, если господство одного являлось столь прочным, что никто не мог бросить ему вызов. Отношения между Феодосием и Валентинианом, сложившиеся на этой основе, были достаточно благополучны, как и в случае с Константином и разными его сыновьями между 310-ми и 330-ми гг. Но для того чтобы нормально функционировать, империя нуждалась в кормчих, обладавших более или менее равной властью. Длительное время существовавшее неравенство, вероятно, основывалось на неравноправии в вопросах распределения ключевых должностей — финансовых и военных, а если подчиненность одного императора другому была слишком очевидна, то игравшие значительную политическую роль фракции вполне могли ему предложить скорректировать баланс, или, что хуже, вдохновить на действия узурпатора. Эта модель стала источником неприятностей, например, для Констанция II, когда тот пытался разделить власть с Галлом и Юлианом в 350-х гг.

Добиться положения, когда обладавшие равной властью императоры осуществляют гармоничные действия, было исключительно трудно, и наступало оно крайне редко. Через 10 лет после 364 г. братья Валентиниан I и Валент достигли его; то же можно сказать о Диоклетиане, правившем вначале с одним императором с 286 г., а затем, с 293 по 305 г. — с тремя (так называемая тетрархия Диоклетиана).

* Подробное освещение вопроса см.: Matthews, 2000, особенно гл. IV—V.

Но ни один из этих союзов не обеспечил длительного периода стабильности, и успеха не гарантировало даже разделение власти между братьями. Когда встал вопрос о престолонаследии, соперничество между сыновьями Константина I продолжилось вплоть до того, что Константин II скончался во время предпринятого им вторжения на территорию Констанца, его младшего брата. Подобным же образом тетрархия Диоклетиана функционировала вполне успешно, пока тот был у кормила власти, но после его отречения в 305 г. распалась, и начались раздоры и гражданская война, закончившаяся лишь поражением Лициния, которое ему нанес Константин в 324 г.

В сущности, организация центральной власти представляла собой неразрешимую дилемму в позднеримский период. Для разделения этой власти имелись насущные административные и экономические причины: если это не сделать, то следовала узурпация и часто — гражданская война. Разделить же ее так, чтобы не развязать войну между соперниками, было, однако, исключительно сложно. И даже если удавалось разрешить проблему для одного поколения, то сделать так, чтобы потомки унаследовали эту гармонию, было совершенно невозможно, так как у них уже отсутствовала привычка к взаимному доверию и уважению, вызвавшим к жизни исходное соглашение. Вследствие этого каждое поколение заново, «экспромтом» организовывало разделение власти даже в тех случаях, когда трон передавался по наследству членам той же династии. Это не являлось «системой», и в любом случае, разделена была власть или нет, периодически неизбежно вспыхивала гражданская война. Нужно подчеркнуть, что войны не являлись результатом неудач, постигших тех или иных императоров, хотя паранойя Констанция II, к примеру, несомненно, способствовала обострению ситуации. По сути своей они, войны, отражали тот факт, что имелось такое количество политических аспектов, которые было необходимо учитывать (например, множество заинтересо-

ванных землевладельцев на весьма расширившейся территории поздней империи), что по сравнению с прежним, основанным на завоеваниях, Римским государством, где политикой занимался только римский сенат, стабильности было достичь значительно труднее.

Далее, во многих отношениях периодические конфликты, раздиравшие верхи, были ценой за успех, достигнутый империей в вопросе интеграции элит на всей ее гигантской территории. Правильнее, однако, будет оценивать данное явление как ограничение, а не как серьезное нарушение: оно не могло поколебать основы жизни империи. Это обстоятельство стало неотъемлемой частью жизни государства; оно задавало своеобразный ритм шедшим в нем политическим процессам. Периоды политической стабильности, как правило, перемежались эпизодами конфликтов, прежде чем устанавливался новый режим, эффективно удовлетворяющий весьма широкому кругу интересов. Иногда конфликты носили краткосрочный характер, иногда затягивались, как в случае падения тетрархии, когда для того, чтобы власть в конце концов перешла к потомкам Константина, потребовалось два десятилетия. Но гражданские войны IV в. не понизили стойкость империи, скажем, перед лицом персидской угрозы. Действительно, в то время стремление разделить власть в империи привело к лучшему исходу, нежели отказ от этого в середине III в., когда двадцать законных императоров и полчище узурпаторов поочередно удерживали власть не более двух лет каждый.

Второе значительное ограничение власти в римском мире выясняется при более тщательном рассмотрении церемониальных приветствий сенаторов по поводу «Кодекса Феодосия». Даже если неравное количество повторов дает основание предположить, что энтузиазм сенаторов покидал их время от времени, специфика их замечаний, относящихся непосредственно к кодексу, означает, что восклицания каждого тщательно записывались. Ближайшая к

нашему времени аналогия с подобной традицией общественных церемоний — это процедура проведения ежегодных съездов Коммунистической партии Советского Союза в период до 1989 г. Среди прочих вещей они включали заранее подготовленные аплодисменты, адресованные всеми собравшимися друг другу и имевшие целью поздравить друг друга, звучавшие в конце обращения Генерального секретаря. Аудитория шумно выражала свое одобрение, а затем оратор вставал и хлопал в ответ, по-видимому, поздравляя слушателей с тем, что они продемонстрировали блестящие умственные способности, осознав колоссальное значение всего того, что он только что сказал. В случае с «Кодексом Феодосия» римский сенат следовал куда более претенциозному сценарию, но подразумевалось то же самое. И в том и в другом случае общественные церемонии совершались на высшем уровне в честь заявленного идеологического единства; они основывались на претензии государства на совершенство, коренящееся в специфике структур (здесь имелись в виду структуры юридические). Общественная жизнь в тогдашнем Риме, как я попытаюсь доказать, более всего понятна, если представить империю как однопартийное государство, где лояльность системе впитывалась с молоком матери и усиливалась за счет регулярно представлявшихся возможностей выказать ее. Однако существуют и различия, которые следует подчеркнуть. В отличие от Советского государства, просуществовавшего всего около 70 лет и столкнувшегося с серьезным соперничеством с тоталитарными и нетоталитарными странами, Римское государство продержалось 500 лет* и по большей части действовало в условиях полного отсутствия соперников. От рождения до смерти человека ощущение превосходства Рима напоминало о себе, с какими бы аспектами общественной жизни он ни сталкивался.

---

* Смотря как считать: Рим основан в 753 г. до н.э. — *Примеч. ред.*

Тем не менее римской системе, как и любой однопартийной системе, также были присущи свои ограничения. К примеру, свобода слова в ней была до некоторой степени ограничена. Учитывая, что все разделяли идеологию «Единства в Совершенстве», разногласия могли существовать лишь на личном уровне (а не на политическом)*. Непоколебимая монополия на идеологию позволяла имперской власти исключительно успешно приводить к согласию своих подданных, однако они вряд ли добровольно включались в этот процесс. Распространение римской культуры на завоеванных территориях и принятие римского гражданства их жителями проистекали из того факта, что сотрудничество с имперской властью было единственным путем, открытым для амбициозных людей. Приходилось играть по ее правилам и принимать гражданство, если вы желали хоть чего-то добиться.

Аналогия с однопартийным государством позволяет отметить еще два недостатка рассматриваемой системы. Во-первых, активное участие в политической жизни было доступно очень немногим — для этого нужно было принадлежать к обеспеченному слою землевладельцев. Конкретную численность этой группы определить невозможно, но определяющие ее черты достаточно очевидны. В эпоху ранней империи нужно было соответствовать нормам имущественного ценза, чтобы занимать место в совете вашего родного города; для этого необходимо было владеть достаточно большим участком земли на территории одного поселения и располагать средствами, необходимыми для обучения детей у грамматика. Все это возможно было лишь при значительных доходах. Бл. Августин (до того как стал святым) принадлежал к числу мелкопоместных землевладельцев; он

* Работа Мэтьюза (Matthews, 1986) представляет собой увлекательное исследование того, как Симмах находил способы выразить свое критическое отношение, будучи скован тотальными ограничениями, которые налагали правила этикета общественной жизни Римской империи.

был родом из маленького города Тагасты в Северной Африке. Его семья вполне могла оплачивать услуги грамматика, однако ему пришлось сделать годичный перерыв в учении, пока его отец не собрал достаточно денег, чтобы он смог завершить высшее образование, занимаясь у преподавателя риторики в Карфагене*. Таким образом, уровень благосостояния его семьи позволяет нам хорошо представить себе, где тогда располагалась «точка отсечения»**.

В эпоху поздней империи участие в политической и общественной жизни могло осуществляться более разнообразными путями, нежели те, что были доступны прежде. Некоторые местные землевладельцы по-прежнему занимали ряд значимых постов в советах своих городов; значительно большее число присоединилось к центральному аппарату имперского чиновничества; кроме того, мелкопоместные землевладельцы охотно служили в рядах провинциальной бюрократии. Последних именовали *cohortales*, причем некоторые из них, согласно надписям из города Афродисии, были настолько богаты, что могли выступать в качестве благодетелей своего города. Кроме того, поздняя империя обладала значительно более развитой системой законов. С начала III в. римское право стало применяться к любому жителю империи, и опытные юристы всегда были востребованы. Опять-таки они происходили из старого слоя куриалов; подающая надежды молодежь от обучения у грамматиков переходила к штудированию законов, и это сделалось составной частью высшего образования. К третьей четверти IV в., когда христианство распространилось и приобрело поддержку государства, представители слоя землевладельцев, как мы уже видели, сходным образом устремились в лоно церкви, и вскоре епископы стали назначаться именно из его представителей. Первые известные мне епис-

*Об образовании Августина см.: Brown, 1967, особенно гл. III—IV.

** Минимальный уровень доходности, при котором инвестиционный проект может быть принят к реализации. — *Примеч. пер.*

копы, прошедшие обучение у грамматиков, — это Амвросий на Западе и каппадокийские отцы церкви (Василий Кесарийский, Григорий Назианзин и Григорий Нисский) на Востоке; все они приняли сан около 370 г.*. При этом появление более широкого круга профессий не сопровождалось сколь-либо серьезными изменениями имущественного ценза. Для всех этих профессий по-прежнему требовалось получить традиционное образование у грамматика.

Итак, политически активный слой, состоявший из землевладельцев, насчитывал менее 5 процентов населения. Сюда следует прибавить еще один процент или около того, состоявший из полуобразованных людей, адвокатов и учителей, живших преимущественно в городах. Несколько более обширная группа, особенно в центральных городах империи, принадлежавшая к цирковым партиям и шумно проявлявшая свои эмоции в театре — таким способом демонстрируя недовольство в адрес тех или иных должностных лиц, — могла выражать свое мнение. Они также могли при случае наложить вето, подняв мятеж, если были действительно недовольны, но этот способ действия применялся только против отдельных частных лиц или политических акций и представлял собой не слишком опасное оружие**.

---

* О cohortales Афродисии и Египта см.: Roueché, 1989, р. 73—75. Об образовании законников: Jones, 1964, ch. 14. Работы Маклейна и Ван Дама (McLynn, 1994 и Van Dam, 2003) представляют собой новейшие исследования первого поколения епископской верхушки; ср. Brown, 1967, особенно Chs 17—19, где идет речь о том, какой переполох поднял высокообразованный Августин среди епископов в захолустной Северной Африке.

** В больших городах соревнования колесниц устраивались между четырьмя командами, или факциями: «зелеными», «синими», «красными» и «белыми». Эти команды представляли собой хорошо организованные единства и могли в случае необходимости быть мобилизованы — не в последнюю очередь в ситуации мятежа — для оказания политического давления или выполнения гражданских обязанностей.

* * *

Однако подавляющее большинство населения — будь то свободные люди, люди с ограниченными правами и рабы — занималось обработкой земли и было в той или иной мере исключено из политической жизни. Для этих групп государство существовало в основном в виде сборщиков податей, приступавших к ним с нежелательными требованиями при ограниченных доходах. Опять-таки провести точный подсчет невозможно, но крестьянство не могло составлять менее 85 процентов всего населения. Итак, мы должны представить себе мир, где более 4/5 жителей мало или вовсе не интересуются политической системой, представители которой управляют ими. В основном крестьяне относились к имперскому истеблишменту с полным безразличием. Как мы уже отмечали, на большей части территории империи численность населения и качество жилья за время ее существования повысились, и нетрудно увидеть в этом воздействие Pax Romana — условий великого мира и стабильности, порожденных империей. С другой стороны, спорадическое противостояние крестьянства, зачастую вызванное налоговыми трудностями, несомненно, имело место, но проявлялось не везде и лишь в форме умеренного бандитизма. Правда, в некоторых областях подчас возникали беспорядки, в которых участвовало немало людей. Исаврия, гористая область в Киликии (ныне находящаяся на юго-востоке Турции), была знаменита своими разбойниками, а одна шайка — маратакупрены — снискала особую известность в Северной Сирии, ограбив эту область под видом имперских сборщиков налогов и присвоив имущество населения. Этим они вполне убедительно продемонстрировали, на что был похож сбор налогов в пользу Римского государства, но в конце концов привлекли слишком много внимания и были уничтожены все до последнего мужчины (и до последней женщины, и до последнего ребенка). Невозможность для большинства населения пользоваться бла-

гами, которые обеспечивало государство, представляла собой одно из важнейших ограничений, существовавших в римской политической системе, однако не заключала в себе ничего нового. Империя всегда действовала в интересах элиты. Но при наличии эксплуатации крестьян и оппозиции (в основном рассеянной) в IV в. не заметно никаких признаков ухудшения ситуации*.

Другой, куда менее очевидный, недостаток в перспективе имел существенно большее значение, учитывая, что крестьяне были в принципе не способны организовать серьезное сопротивление. Чтобы понять, в чем он заключался, мы должны на минуту представить себе жизнь богачей в Римской империи. Как мы видели, они проводили часть своего времени, занимаясь делами государства. (В их число входили местные советники по вопросам сбора налогов, занимавшие не самые низкие посты функционеры (*cohortales* или *palatini*) или чиновники имперской службы, частично удалившиеся от дел.) Но эти труды отнимали у них далеко не все время. К 400 г. средняя длительность срока службы во многих центральных государственных учреждениях сократилась, насчитывая не больше десяти лет, что не составляло и половины жизни, даже если учесть, что ее продолжительность в то время была значительно меньше, чем теперь. Чем они занимались все остальное время, и на чем сосредоточивались их интересы? Полное представление об этом можно получить опять-таки из переписки Симмаха. Очевидно, он принадлежал к числу богатейших жителей империи, так что масштаб его деятельности за пределами службы непоказателен. Суть его занятий, однако, совершенно типична.

Помимо землевладения, римский мир знал и другие виды богатства: деньги приносила торговля и производство, деятельность юристов, торговля влиянием и прочее. Но главной формой богатства была земля, и те, кто добы-

* О маратакупренах см.: Amm. Marc. XXVIII. 2.

вал богатство из иных источников, торопились (как и в доиндустриальной Англии) вложить его в недвижимость — прежде всего потому, что земля являлась единственной формой собственности, владеть которой было незазорно благородному человеку. Дело заключалось не только в снобизме, но и в практичности. Земля представляла собой исключительно безопасную форму инвестиций; вдобавок в возмещение первоначальных расходов поместья давали стабильную прибыль в виде ежегодно производимой сельскохозяйственной продукции. Учитывая отсутствие фондовой биржи и ограниченность и ненадежность возможностей капиталовложений в торговлю и производство, земля в древнем мире (да и практически во всех мирах, существовавших до становления индустриального общества) представляла собой ту же ценность, что облигации с золотым обрезом — в наше время*. И это обусловливало многие заботы высшего класса.

Прежде всего землевладельцы должны были поддерживать производительность своих хозяйств на должном уровне. Участок земли сам по себе был лишь потенциальным источником дохода: его надо было обрабатывать, причем рационально, дабы ежегодно получать хороший доход. Вначале нужно было сеять необходимые культуры и выращивать их. Затем в результате затрат времени, усилий и капипитала всегда появлялась возможность того, что в доиндустриальной Англии именовалось словом «improvement»,** — радикального увеличения производительности. Римские землевладельцы проводили большую часть жизни, контролируя, что происходит в их поместьях, действуя самостоятельно или через агентов. К примеру, первые пять писем из подборки Симмаха были составлены во время его продолжительной поездки по владениям в Центральной и

* Эти ценные бумаги относятся в Великобритании к наиболее надежным формам инвестирования. — *Примеч. пер.*

** Улучшение, исправление. — *Примеч. пер.*

Северной Италии в 375 г., предпринятой с целью максимального увеличения дохода. Как он писал своему отцу, «наши расстроенные имения нуждаются в присмотре, причем необходимо вникать во все частности... право же, нынче стало обычным делом присматривать за сельскими владениями, которые прежде производили все самостоятельно». В более поздних письмах он периодически обращается к проблемам дохода, а у богачей, подобных Симмаху, обширность их владений добавляла хлопот. С поместьями на Сицилии и в Северной Африке всегда было сложнее, нежели с теми, что были ближе к дому*. Равным образом было разумнее обрабатывать один большой, а не два маленьких участка, так что практичный землевладелец всегда искал возможности прикупить подходящей земли или произвести взаимовыгодный обмен. Опять-таки письма Симмаха в особенности, но и все источники по позднему Риму в целом показывают, что много времени и сил уходило на покупку и продажу подходящих участков**.

Кроме того, существовало великое множество проблем юридического характера. Завещания часто оспаривались, как в диккенсовской Англии. Из-за того что землю, в отличие от других видов богатства, нелегко было разделить на участки, не уменьшив при этом ее доходности, родители часто оказывались перед выбором: следовало либо передать детям доли в доходе от неразделенного поместья, либо предпочесть одного наследника остальным, отдав ему все имение. В любом случае дела могли пойти скверно или же запутаться, особенно когда наследники, получившие доли, в свою очередь, должны были решать, как распорядиться ими на случай смерти. Немало усилий затрачивалось на то,

---

* Epist. 1, 1—5 (вышеприведенная цитата взята из 1. 5. 2). Следующие письма, содержащие сведения об управлении недвижимостью: 2. 30—1; 5. 81, 6. 66, 81, 7. 126. Еще один хороший пример позднеримских «улучшений» мы находим в «Эвхаристиконе» Паулина из Пеллы (Eucharisticon. 187—197).

** См., например, Epist. II. 87; VI. 11.

чтобы по завещаниям и распоряжениям выяснить, какое в точности решение принял наследодатель, и сделать так, чтобы его нельзя было оспорить. Неудивительно, что Симмах в точности следовал букве закона о наследовании и учитывал все его изменения. Завещания часто упоминаются в его письмах*. Римские землевладельцы пускались на все известные в подобных случаях хитрости. К примеру, отец Симмаха достаточно рано передал ему в собственность поместье на реке Тибр, чтобы защититься от кредиторов, которые могли предъявить свои претензии после его смерти (Epist. I. 6). Брак в подобных условиях представлял собой нечто куда большее, нежели романтическое соединение двух влюбленных. Он включал в себя организацию нового хозяйства, нуждающегося в собственной экономической базе. Нужно было найти подходящую партию, причем при заключении брака обе стороны вносили свой вклад в финансовое благополучие новой пары. В одном из писем упоминается некий Фульвий, «давно достигший брачного возраста», которому повезло: он, так сказать, захомутал сестру некоего Помпеяна: «Ее род не хуже, чем его, а состояние, пожалуй, значительнее»**.

Устройство брака также давало законникам возможность получить хорошую плату. Собственная женитьба Симмаха сопровождалась передачей в его собственность имения его тестя, которое в результате не подверглось конфискации со стороны государства, когда последний попал под суд за мошенничество***. Дополнительные юридические проблемы порой были вызваны налоговой системой. Чаще всего патроны обращались к юристам с просьбой помочь им снизить сумму, требуемую в качестве налога. У нас нет примеров землевладельцев, даже имевших превосходные связи, которых бы полностью освободили от налогов,

* Epist. II. 13 (отсылки к CTh. IV. 4. 2 от 389 г.); см. более общие рассуждения в VI. 2, 11, 27; VII. 12.

** Epist. II, 13; другие отсылки к теме брака см. в IV. 14, IV. 55, IX. 83, 106, 107.

*** По поводу «дела Ортифа» см. Relationes Симмаха, 34.

но многим удавалось добиться послаблений. Все они, однако, зависели от власти вашего патрона: если он ее лишался, послабления, полученные вами, также аннулировались. Для землевладельцев, таким образом, существовало громадное поле деятельности: им было о чем поспорить с чиновниками из управления префекта претория по поводу того, какие послабления сделаны для них и как надолго и какие обязательства уже выполнены. И несмотря на все заботы по поводу завещаний и брачных союзов, смерть патрона могла вызвать ссоры по имущественным вопросам. Переписка Симмаха (и не в последнюю очередь его официальные письма, писанные в качестве городского префекта в Риме) содержит множество примеров такого рода споров*.

Но несмотря на то что у землевладельца была масса обязанностей, ему были доступны и многие радости жизни. Хотя владеть многими домами было трудно, так как ими всеми приходилось управлять, тем не менее пока у хозяина был доход, он обладал неистощимыми возможностями перестраивать и украшать их. В одном из писем к отцу Симмах разглагольствует о новой мраморной облицовке для своего дома — выполненной так искусно, что можно подумать, будто вся стена сработана из цельного куска. Он также очень гордился колоннами: на вид они, казалось, сделаны из дорогого вифинского мрамора, но не стоили ему практически ничего. В ряде писем упоминается новое здание бани в его поместье на Сицилии; многие другие относятся к тем или иным работам, проводившимся то тут, то там в разные годы его жизни. Одно письмо содержит сожаления по поводу того, что рабочие навеки поселились в его доме на Тибре**. Есть вещи, которые никогда не меняются.

---

* «Обычные» письма: Epist. I, 74; III. 4; IV. 68; V. 18; VI. 9 и пара V. 54 и 66. «Официальные» письма: Relat. 16, 19, 28, 33, 38, 39, 41.

** Epist. I. 12 (к отцу). О сицилийских банях: I. 10; II. 26; II. 60, V. 93; VI. 70; VII. 7; VII. 18; VIII. 42. О рабочих: VI. 70. Сведения более общего характера см.: I. 10; II. 2; VI. 11; VI. 49; VII. 32.

После того как вы создадите в вашем доме (или домах) соответствующий комфорт и украсите его (или их) по последней моде (не последнюю роль здесь играли цветные мозаики), там можно было жить действительно с удовольствием. Симмах особенно любил свою виллу в Байях на Неаполитанском заливе; во многих письмах он превозносил красоты пейзажа и достоинства пищи (особенно осенью). В 396 г. он провел несколько чрезвычайно приятных месяцев между апрелем и декабрем, посещая по очереди свои владения в Формии, Кумах, Поццуоли, Байях, Неаполе и на Капри. Некоторые из этих уголков до сих пор пользуются популярностью у отдыхающих. Симмах и его жена также владели домом на Тибре близ Рима, чуть ниже по реке, где они жили, когда хозяину нужно было находиться в городе по делам. Любимым развлечением римского господствующего класса — как и многих, занимавших то же положение в другие времена и живших в других странах, — была охота, для которой идеально подходило место на склоне холмов или рядом с лесом*. Таким образом, удачно расположенные имения могли доставить своему владельцу все удовольствия, какие только можно получить в разные времена года**.

В своем загородном доме — или домах — можно было наслаждаться всем тем, что было доступно высшему классу. Симмах часто превозносит удовольствие, которое он получал, работая с древними латинскими текстами, уединяясь в том или другом своем пристанище. Как он заявляет в одном из писем, он был слишком занят своими изысканиями, чтобы продолжать переписку; время от времени он также пишет друзьям, прося прислать ему копии трудов, которые ему самому не удалось найти, и описывает,

---

*О Байях осенью: Epist. I. 7 (ср. I. 3). О «путешествии» 376 г.: V. 21, 93; VII. 24, 31, 69; VIII. 2, 23, 27, 61; IX. 111 и 125. Упоминания о других имениях: I. 5, II. 59, III. 23, III. 50, VII. 35, VII. 59, IX. 83.

**Хотя Симмах мог и не охотиться, считая это времяпрепровождение несерьезным: Epist. IV. 18.

что он ищет*. Подчас мы видим его в компании добрых друзей, чьи поместья расположены неподалеку — реже друзья останавливаются у него, — что давало возможность часто обмениваться комплиментами в письмах, не говоря уже о пикниках и обедах**. Постоянно затрагивалась тема здоровья друзей и родных: даже по поводу несерьезной болезни в течение двадцати четырех часов писалось множество писем с расспросами. От своей дочери, которая, очевидно, не отличалась крепким здоровьем, он в какой-то момент требует ежедневных отчетов о ее самочувствии; в ответ же рекомендует различные лечебные диеты***.

Стиль жизни Симмаха и его друзей является своего рода шаблоном для землевладельцев и знати, живших после них в Европе на протяжении более чем шестнадцати столетий. Они имели досуг, были образованны, владели землей; некоторые из них были очень богаты, другим едва хватало доходов на то, чтобы сводить концы с концами, живя такой жизнью, и все прекрасно знали, кто есть кто. И все словно вовлечены в замысловатый, изящный танец, где все кружится вокруг надежд и ожиданий, связанных с большим богатством, которое принесет женитьба и наследство. Симмах и его друзья могли с бóльшим удовольствием собирать латинские тексты, нежели рисовать акварелью и учить итальянский язык, а их познания в вопросах, скажем, детства и пола могли сильно варьировать, но когда мы думаем о верхнем слое римского общества, возникает ассоциация с героями Джейн Остен, переодетыми в тоги.

* О чрезмерной занятости Симмаха: Epist. I. 35; ср. Epist. I. 24 (вместе с подарком — «Естественной историей» Плиния), III. 11 (по поводу латинского перевода «Политий» Аристотеля), IV. 20 (о занятиях греческим языком с сыном).

** Symm. Epist. II. 47, 48; III. 4; III. 23.

*** Письма с ежедневными отчетами о здоровье: Epist. VI. 32; диеты — в письмах VI. 4 и VI. 29. Рассуждения более общего характера: I. 48, II. 22, II. 55, V. 25, VI. 20.

* * *

Еще одно ограничение, существовавшее в рамках государственной системы императорского Рима, как раз было результатом существования этого стиля жизни с его элегантностью и досугом, сопровождавшегося пользованием высокими привилегиями. Оно основывалось на чрезвычайном неравенстве распределения земельной собственности: как отмечалось раньше, менее 5 процентов населения владели 80 процентами территорий (а может, и значительно больше). А в сердце, если так можно выразиться, этого неравенства находилось само Римское государство, чьи законы одновременно определяли и защищали права слоя, владевшего собственностью, к высшим эшелонам которого принадлежал Симмах. Система регистрации земельных владений олицетворяла высшего арбитра в вопросах о том, кто владеет (и, следовательно, кто не владеет) землей, а уголовное законодательство неукоснительно защищало владельцев от посягательств тех, кто остался, так сказать, за порогом*. Историк V в. Приск приводит широко цитируемую беседу с римским купцом, сражавшимся за гуннов, варваров. Разговор вертится вокруг того, что считается хорошим, а что — дурным с точки зрения римлян и гуннов, пока Приск не попадает в самую точку: «У римлян существует немало способов обрести свободу. Не только живые, но и мертвые охотно даруют ее, распоряжаясь своим имуществом по своему усмотрению, и что бы ни пожелал человек сделать с тем, что имеет, это закрепляется законным путем. Мой знакомый [римлянин, ставший гунном] заплакал и сказал, что законы справедливы и римский общественный строй хорош...»

В конечном итоге обе стороны пришли к соглашению по двум вопросам: во-первых, римское право вызвало к су-

---

*P. Ital. 10—11 содержат превосходную иллюстрацию сложностей операций с недвижимостью в Риме: они показывают, что законный обмен завершался лишь после того, как новый владелец оказывался внесен в регистр собственности соответствующего города.

ществованию общество, превосходное во всех отношениях, и, во-вторых, главное его благое воздействие заключается в том, что оно гарантирует права собственников, позволяя им распоряжаться имуществом, как они желают (Priscus fr. 11. 2, pp. 267—73). Мнение это не было единичным. Вспомните восклицания римских сенаторов — они также совершенно четко понимали, что главной целью «Кодекса Феодосия» была «защита землевладельцев».

Огромное количество римских законов имело непосредственное отношение к собственности — к основам права собственности, к моделям пользования ею (продажа, временное пользование в течение более или менее длительного срока, краткосрочная аренда, работа исполу) и к передаче между поколениями посредством браков, наследования (сюда же относились и некоторые особые случаи). Римское уголовное право также — со всей своей жестокостью — защищало собственность: за воровство — конечно, то, которое выходило за рамки мелких краж, — по большей части полагалась смертная казнь. Опять-таки здесь мы наблюдаем сходство с более поздними «утонченными» обществами, основанными на столь же неравном распределении богатства, сосредоточенного в земельных владениях, в условиях аграрной по преимуществу экономики. В то время, когда Джейн Остен писала свои изысканные истории о любви, браке и передаче собственности, вас могли высечь (за кражу на сумму до 10 пенсов), заклеймить (за кражу ниже 4 шиллингов 10 пенсов) или повесить (за кражу более чем в 5 шиллингов). В XVIII в. в Лондоне в среднем вешали по 20 человек в год*.

---

* Заголовки в «Кодексе Феодосия» в высшей степени показательны (приведем примеры: «Контракты на приобретение», «Приданое», «Наследование»); то же относится и к программам обучения римскому праву: см. Honoré, 1978, Ch. 6, где рассматривается как новая программа, введенная в VI в. Юстинианом, так и та, что ей предшествовала. Об Англии XVIII в. см.: Linebaugh, 1991, особенно ch. 3.

Римское государство должно было обеспечивать и защищать интересы этих землевладельческих слоев, поскольку именно они в значительной мере входили в его политические структуры. Это не означает, что конфликты на местах между государством и землевладельцами (или даже группами землевладельцев) отсутствовали. Семьи помещиков теряли свои земли в результате конфискации, к примеру, в случаях, когда в ходе политического противостояния они примыкали к стороне, потерпевшей поражение. (В подобных случаях они не обязательно разорялись навеки: как и в средневековую эпоху, преемник правителя охотно возвращал конфискованные земли, чтобы снискать преданность данной фамилии*.) Тем не менее, как мы видели, государство зависело от провинциальных землевладельцев, и это проявлялось на всех уровнях государственной машины, в особенности касаясь сбора налогов, который, в свою очередь, зависел от желания тех же землевладельцев платить.

Это шаткое равновесие проявлялось двояко. Во-первых, что очевиднее всего, нельзя было увеличить налоги настолько, чтобы землевладельцы в массе своей устранились от участия в деятельности государственной машины и попытались расстроить ее деятельность. Как мы уже убедились, имеется множество свидетельств тому, что императоры прекрасно понимали: путь к сердцу землевладельца лежит через облегчение налогового бремени. В середине 360-х гг., к примеру, императоры Валентиниан и Валент начали совместное правление с активных действий в финансовой сфере, призванных привлечь к ним симпатии. Налоги удерживались на одном уровне в течение трех лет, а на четвертый год уменьшились, поскольку, как заявил представитель императоров, «осторожность в налоговых вопросах — мечта всех, кого кормит земля». Они также самонадеянно обещали (это весьма напоминает наши дни), что «если

---

* Пропаганда императора Феодосия, к примеру, всячески подчеркивала тот факт, что он восстановил положение сенаторских родов, поколебленное его предшественником Валентом (Themist. Or. XVI. 212d; 34. 18).

доходы будут таковы, как ожидается», вновь снизить налоги на пятый год (Themist. Or. VIII. 144d). Во-вторых, привилегированное положение землевладельцев и их стиль жизни базировались на столь неравномерном распределении собственности, что неимущие имели огромный численный перевес, и это, конечно, привело бы к перераспределению богатства, если бы какая-то другая сила не предотвратила его. В IV в. этой другой силой являлось — как это было в течение столетий — Римское государство. Землевладельцы в целом могли рассчитывать на то, что оно выступит в качестве противовеса их слабости (вследствие малой численности), заставив закон действовать в их пользу. Если государство не могло более действовать подобным образом (к примеру, у него не хватало возможностей использовать грубую силу для выполнения законов о собственности), то землевладельцы не имели иного выбора, как только искать тех, кто сможет выполнять эту роль на его, государства, месте.

Мы должны, следовательно, понять, что участие землевладельцев в римской государственной машине было связано как с затратами, так и с выгодами, между которыми существовало равновесие. Затраты выливались в ежегодные выплаты в казну. В обмен на это собственники получали защиту богатства, на котором основывалось их положение. В IV в. выгода во много раз превышала затраты. Но, как мы увидим, если налогоплательщик оказывался слишком требователен или государство теряло способность обеспечивать его защиту, то лояльность слоя землевладельцев могла упасть до такой степени, что это приводило к пересмотру отношений между ними и государством.

Подведение итогов

Мы проделали долгий путь, сделав немало открытий, и наконец переходим к рассмотрению эволюции Римской империи в том виде, в каком она сформировалась пример-

но к 300 г. С одной стороны, мы имеем дело с феноменом чрезвычайно сильной власти. Изначально построенная на военном господстве, империя распространила на гигантском пространстве от Адрианова вала до Евфрата идеологию превосходства, затрагивающую все стороны жизни. К IV в. подчиненные римлянам народы настолько усвоили римский образ жизни, что первоначальное государство-завоеватель превратилось в объединение насквозь пропитанных римским духом провинциальных общин.

Однако это необычное государство имело и серьезные недостатки. Большие расстояния, примитивные средства сообщения и ограниченные возможности передачи информации мешали действию ее структур. Если не учитывать налогообложения, то государство было безынициативным, власти действовали лишь в ответ на уже сделанные вызовы, постоянно разбираясь в конфликтах, вызванных группами, желавшими извлечь из мощи государства выгоду. Доход, приносимый экономикой, почти не поднимался над уровнем прожиточного минимума. А если смотреть на дело с политической точки зрения, то людей, извлекавших прямую выгоду из существования империи, было очень мало. (Мы только что коротко обозрели жизнь обладателей привилегий, во главе которых стояла немногочисленная группа римских землевладельцев.)

Несмотря на это, в IV в. не заметно признаков скорой гибели империи. Восстановление порядка после пятидесяти лет смуты, вызванной возвышением Сасанидской Персии, не было легким и быстрым, но военная, финансовая, политическая и бюрократическая трансформация в конечном итоге все же привела к более или менее органичному формированию государственной машины, достаточно мощной, чтобы одновременно справиться как с Персией, так и с последствиями трехсотлетней внутренней эволюции. Конечно, за это пришлось заплатить свою цену. Государство конфисковало местные фонды, уничтожив единство городов с их давними традициями самоуправле-

ния. Также оказалось необходимым разделить высшую власть между двумя или большим числом персонажей, хотя это и не могло не породить регулярных обострений напряженности и периодических вспышек гражданских войн.

Тем не менее поздняя империя в основном процветала. Это по большей части можно сказать о сельской экономике; к занятию государственных должностей стремилось беспрецедентное количество землевладельцев. Как показал ответ Римской империи на демонстрацию силы со стороны персов, государство обладало негибкой структурой, было весьма неповоротливо, и его бюрократия, экономика и политическая система могли лишь в ограниченных масштабах и весьма медленно мобилизовать ресурсы перед лицом новой угрозы. Однако вызов, брошенный персами, был успешно преодолен, и Римское государство производило впечатление державы, по-прежнему продолжающей существовать и не имеющей соперников. Ему, однако, не суждено было долго существовать так, как это нравилось его властям. В то время как в IV в. римляне продолжали смотреть на Персию как на традиционного противника, на севере вот-вот должна была начаться вторая мощная стратегическая революция.

Часть вторая

КРИЗИС

Глава четвертая

ВОЙНА НА ДУНАЕ

Зимой 375—376 гг. границы Римской империи по Дунаю достиг слух о том, что в восточной части территории, заселенной германцами, к северу от Черного моря, идут тяжелые бои. Аммиан Марцеллин сообщает: «В начале новость воспринималась нашими людьми с подозрением, поскольку о войнах в тех краях люди, жившие вдали от них, обычно не слыхали, покуда те не заканчивались или по крайней мере не затихали на время»*. Вряд ли можно упрекнуть имперские власти за то, что они не слишком всерьез отнеслись к происходившему. Миграция готов и других германцев в середине III в. привела к изменению политической конфигурации, что, в свою очередь, породило ситуацию относительной политической стабильности, продолжавшейся в течение века. Более того, беспорядки там пришли с северо-запада (с территории современной Польши и Белоруссии), а не с северо-востока (с территории современной Украины). В последний раз проблемы на северо-востоке возникли, когда в течение столетия (оно началось за пятьдесят лет до рождения Христа и закончилось через пятьдесят лет после него) сарматы сметали все

---

* За исключением особо оговоренных случаев, в данной главе цитаты из Аммиана Марцеллина взяты из книги XXXI; здесь цитируется XXXI. 4. 3.

на своем пути, и было это за триста лет до описываемых событий. Однако римляне вскоре поняли свою ошибку.

Летом 376 г. огромная масса людей — мужчин, женщин и детей — внезапно появилась на северном берегу Дуная, прося убежища на римской территории. Один из источников (не самый надежный) сообщает, что за рекой появилось 200 тысяч человек; Аммиан пишет, что их было невозможно сосчитать — так их было много. Они пришли с бесчисленными телегами, которые тянул скот, преимущественно волы, и все это составляло гигантскую процессию, подобные которой нередко порождали войны в истории человечества. Несомненно, здесь было немало отдельных беженцев и маленьких групп, состоявших из отдельных семей, но большинство составляли готы, организованные в две компактные группы и имевшие вполне конкретных политических лидеров. (Мне представляется, что каждая из них насчитывала около 10 тысяч воинов.) Одна группа, грейтунги, уже продвинулась с территорий к востоку от Днестра (ныне — территория Украины) достаточно далеко — на сотни километров от Дуная. Другая включала в себя большинство тервингов Атанариха; на тот момент ее возглавляли Алавив и Фритигерн, вырвавшиеся из-под контроля своего бывшего предводителя, чтобы явиться сюда, к реке*.

* 200 тысяч человек: Eunapius fr. 42; ср. Lenski, 2002, p. 354—355. В 470-е гг. силы готов, насчитывавшие около 10 тысяч человек, везли с собой семьи и имущество в обозе, состоявшем по крайней мере из 2000 телег (Malch., fr. 20). Мои собственные соображения по поводу численности основаны на том факте, что Валент атаковал готов при Адрианополе, считая, что имеет дело с силами, насчитывающими всего лишь около 10 тысяч человек (Amm. Marc. 31. 12. 3), когда он думал, что ему предстоит сражаться с одними тервингами. Соотношение между мужчинами, способными носить оружие, и всеми остальными, обычно оценивалось как 1:4 или 1:5, что означает, что общая численность тервингов насчитывала около 50 тысяч человек. Свидетельства заставляют предположить, что численность грейтунгов равнялась численности тервингов.

Если масштаб проблемы, вдруг возникшей перед римлянами в связи с необходимостью охраны границы, внушал опасения, то национальная принадлежность беженцев была еще более зловещей. Хотя первые сообщения касались битв в областях, далеких от границы империи, две больших группы готов, претендующих на иммиграцию и разбивших лагерь близ реки, происходили из районов, расположенных куда ближе, в особенности тервинги, занимавшие земли, лежащие сразу на север за Дунаем (теперь там находятся Валахия и Молдавия), самое позднее с 310-х гг. Происходящее далеко на северо-востоке представляло собой не просто местный конфликт — его последствия ощущались во всем регионе к северу от Черного моря.

Римляне быстро поняли, что́ стоит за всей этой суматохой. Обратимся вновь к Аммиану: «Рассадником и источником всех этих разрушений и разного рода бедствий, вызванных гневом Марса, свирепствовавшим повсюду с необычайной яростью, я считаю народ гуннов».

Аммиан писал почти двадцать лет спустя, когда римляне получили более верное представление о том, что принесли готы на Дунай. Однако даже в 390-х гг. последствия прибытия гуннов были ясны далеко не в полном объеме. Появление готов у реки летом 376 г. стало первым звеном в цепочке фактов, которые прямо вели к событиям от усиления власти гуннов на границах Европы до низложения последнего римского императора Ромула Августула, свершившегося почти ровно через сто лет. Все это невозможно было даже смутно представить себе в 376 г., причем путь истории таил множество поворотов и изгибов. Прибытие готов на Дунай ознаменовало начало смещения баланса власти в европейских масштабах, и именно этой истории будет посвящен остаток нашей книги. Нам предстоит, как и Аммиану, начать с гуннов.

От «скованного льдом океана»

Происхождение гуннов окутано тайной, и сведения о нем противоречивы. Точно нам известно лишь одно: они были кочевниками из Великой Евразийской степи (Amm. Marc. 31. 2), которая занимает громадные пространства. Она протянулась на расстоянии 5500 километров от границ Европы до западного Китая, захватывая еще 3000 километров его северо-восточных территорий. В глубину (с севера на юг) степь занимает от всего-навсего 500 километров на западе до почти 3000 километров на открытых равнинах Монголии. География и климат диктуют кочевой образ жизни. Естественные степные пастбища — продукт бедных почв и малых осадков. В таких условиях не могут произрастать леса и другая обильная растительность. Незначительное количество дождей также исключает возможность сколь-либо стабильного земледелия, так что кочевники извлекают значительную часть средств к существованию из скотоводства, разводя те виды животных, которые способны выживать на степной растительности. Крупный рогатый скот может прокормиться на менее обильных пастбищах, чем требуются для лошадей; овцы менее требовательны, чем коровы, а козы — менее, чем овцы. Верблюды доедят все, что останется.

Кочевничество, по сути своей, основано на использовании отдельных комплексов пастбищ в течение всего года, что требует особой стратегии. Для современных кочевников типично перемещение между высокогорными летними пастбищами (где зимой нет травы из-за холода и снега) и зимними пастбищами в низинах (где летом траве хватает осадков). В этом мире права на пастбища, столь же важные с экономической точки зрения, как и владение стадами, строго охраняются. Расстояние между зимними и летними пастбищами должно быть минимальным, поскольку любые передвижения сложны как для животных, так и для слабейших членов племени. Пока Сталин не при-

крепил кочевников-казахов к земле, они старались перемещаться примерно на 75 километров в ходе каждого передвижения между пастбищами. Сообщества кочевников также завязывали тесные экономические отношения с сельскими хозяевами в регионе, ведшими оседлый образ жизни; от них они получали значительную часть нужного им зерна, хотя часть производили самостоятельно. (В то время как часть популяции пасет скот на летних пастбищах, другая занимается иными видами производства продуктов питания.) Тем не менее все существовавшие в истории кочевничества популяции, помимо производимого ими самими количества зерна, нуждались в дополнительном, которое они получали в ходе обмена с земледельческими племенами; в ход шел избыток продуктов, которые давал им скот (шкуры, сыр и другие молочные продукты, сами животные и т.д.). Зачастую обмен проводился, так сказать, в одностороннем порядке, когда земледельцы в вознаграждение не получали ничего, кроме избавления от набегов, но иногда обмен был по-настоящему взаимным.

Кочевой или полукочевой образ жизни никогда не был присущ представителям какой-то определенной языковой группы или типа культуры. Многие народы, обитавшие в Великой Евразийской степи, в разные периоды времени усваивали этот обиход. В первые три столетия нашей эры на западной окраине степи — на территории, простирающейся от Каспийского моря до Дуная, господствовали кочевники-сарматы и аланы, относившиеся к иранской языковой группе. Они вытеснили кочевников-скифов, принадлежавших к той же группе, в течение двух или трех последних веков до н.э. Самое позднее к VI в. н.э. кочевники, говорившие на языках тюркской группы, господствовали на территории от Дуная до Китая, а кочевая орда, говорившая по-монгольски, вызвала невиданные опустошения впоследствии, в эпоху Средневековья. Другие группы населения также подчас кочевали. Мадьяры, пришедшие в Центральную Европу в конце IX в., говорили — так же как

и их потомки-венгры — на языке финно-угорской группы, что свидетельствует о возможном их приходе из лесной зоны Северо-Восточной Европы, единственного места, где еще говорят на подобных языках.

Непонятно, когда именно гунны начали осваивать, так сказать, это море культурных возможностей. Аммиан Марцеллин знает о них больше, нежели любой другой римский источник, но и ему известно немного. Лучшая его догадка заключается в том, что они пришли из-за Черного моря, от «океана, скованного льдом». Они не знали письменности, поэтому не оставили записей, на которые мы могли бы опереться, и даже их языковая принадлежность покрыта тайной. При неудаче прочих попыток языковеды обычно могут в общих чертах определить лингвистическую принадлежность исходя из личных имен, но в случае гуннов не работает даже это. Они быстро усвоили привычку использовать германские имена (или же, возможно, наши источники используют германизированные варианты или клички, данные гуннам их германскими соседями и подданными), так что количество собственно гуннских личных имен слишком мало, чтобы сделать сколь-либо убедительные выводы. Вероятно, они не принадлежали к иранской группе, но были ли они первыми кочевниками, говорившими на языке тюркской группы, которые появились на европейской сцене, как доказывают некоторые, остается непонятным. При столь скудных источниках сведений происхождение гуннов по-прежнему покрыто тайной (Maenchen-Helfen, 1973, Chs 8—9); но некоторую пикантность ему придает широко известная полемика о том, не были ли на самом деле гунны кочевниками сюнну, хорошо известными из документов Китайской империи.

За столетия до и спустя столетия после рождения Христова сюнну под предводительством своего Шань Ю* опус-

*Это было скорее название, нежели личное имя — что-то вроде «Уолт Дисней».

тошали северо-западные границы Китая эпохи Хань, выжимая из него огромные количества шелка, драгоценных металлов и зерна. Они также вели войну за контроль над некоторыми его западными территориями, имевшими важное значение, особенно бассейном р. Тарим, где Великий шелковый путь (начавший использоваться в последнем веке до н.э.) достигает Китая. Под натиском ханьских армий они в 48 г. н.э. разделились на северную и южную ветви. Южные сюнну впоследствии оказались вовлеченными в орбиту интересов Китайского государства и сделались важной силой, действовавшей в рамках имперской системы. Северяне остались извне, сохранили независимость и проявляли свою воинственность, пока в 93 г. н.э. китайское правительство не заплатило другой группе кочевников сянь би, дабы те предприняли опустошительную атаку на места их обитания. Многие из сюнну (согласно сообщениям, 100 тысяч семей) оказались включены в одержавшую победу конфедерацию сянь би, но другие бежали «на запад». Это последние сведения, которые мы можем получить о северных сюнну из китайских источников.

Упоминания о гуннах, о которых пойдет речь, внезапно появляются в римских источниках в третьей четверти IV в. Проблема, которую влечет за собой чрезвычайно соблазнительная попытка отождествить этот народ с сюнну, заключается в следующем: между сообщениями китайцев и римлян лежит разрыв почти в 300 лет (с 93 г. н.э. по примерно 370 г.); при этом нужно учитывать и расстояние почти в 3500 километров. Более того, у гуннов, известных римлянам, форма политической организации полностью отличалась от той, что имели сюнну. После 48 г. н.э. обе ветви сюнну получили каждая своего Шань Ю, тогда как у гуннов, прибывших в Европу, имелось множество отличавшихся по рангу властителей и не было никаких признаков господствующей фигуры. Сохранившиеся этнографические описания — те, что имеются, также заставляют возражать против отождествления. Сюнну обычно соби-

рали волосы в длинный «конский хвост»; гунны причесывались иначе. Обе группы использовали сходное оружие; при археологических раскопках в остатках их поселений обычно обнаруживают бронзовые чайники. Учитывая это, можно предполагать наличие некоторой связи между ними, но это, очевидно, не дает возможности прямо заявить, что сюнну начали движение на восток в 93 г. н.э. и продолжали путь, пока не достигли Европы под именем гуннов. Великая Евразийская степь огромна, но даже ее пересечение не может потребовать трехсот лет. Равным образом, как и у большинства кочевых народов, империя сюнну представляла собой конфедерацию, объединявшую маленькое ядро, состоявшее из сюнну, и множество других подчинявшихся ему групп. Предки наших гуннов, следовательно, могли входить в эту конфедерацию, даже не будучи «настоящими» сюнну. Однако даже если мы впрямь усматриваем некоторую связь между гуннами IV в. и сюнну I в., много воды утекло за триста лет, и события тех времен остаются покрыты мраком*.

Римские источники также позволяют составить лишь самое общее представление о том, что же привело гуннов на окраины Европы**. С точки зрения Аммиана, достаточно было только подчеркнуть, что они были «жестоки сверх всякой меры» и «горели нечеловеческой страстью к разграблению чужой собственности». Сюжет, наиболее часто повторяемый в римских источниках, гласит, что гунны появились у врат Европы в какой-то степени случайно. Несколько гуннских охотников, искавших дичь, преследовали лань и, пробравшись через болота, увидели перед собой неизвестные им дотоле новые земли. Такого рода сюжет отзывается у комментаторов начала XX в., которые

*За этот каверзный вопрос брались многие исследователи, однако для введения в проблему порекомендуем Maenchen-Helfen, 1945 и Twitchett and Loewe, 1986, особенно 383—405.

** Iord., Getica. 24, 123—126; ср. Vasiliev, 1936, где излагается сюжет. Комментарий, выполненный в XX в., см.: Bury, 1928.

склонны считать, что гунны столетиями кочевали там и сям по Евразийской степи и просто-напросто забрели в какой-то момент на границы Европы. Но это предположение высказывалось до того, как антропологи поняли со всей очевидностью, что кочевники не перемещаются туда-сюда случайным образом, но движутся по кругу от одного четко определенного пастбища к другому. Учитывая, что права выпаса являются ключевым элементом в системе существования кочевников и что они чрезвычайно ревниво охраняются, перемещение с одной последовательности пастбищ на другую ни при каких обстоятельствах не могло произойти случайно.

К несчастью, мы можем лишь догадываться о мотивах, стоявших за решением гуннов переместить центр сферы их действий к западу. Сюжет с ланью заканчивается тем, что охотники рассказывают остальным гуннам о чудесах обнаруженных ими новых земель, и Аммиан также отмечает мотив экономической выгоды. Предположение о том, что внимание гуннов привлекли плодородные территории северных берегов Черного моря, выглядит вполне правдоподобно. Пастбища западных степей, хотя и не столь протяженные, весьма хороши; они привлекали немало различных групп кочевников в течение многих лет. Область к северу от Черного моря занимали общины, зависимые от Римской империи; разного рода экономические отношения со Средиземноморьем приносили им выгоду, и нет оснований сомневаться в том, что гунны также ощутили его зов. В то же время кочевые племена позднейших периодов (о них мы знаем больше) часто стремились к перемещению на западную окраину степи с целью удалиться от более могущественных кочевнических племенных союзов, действовавших на территориях, расположенных ближе к Китаю. Авары, двумя столетиями позже оказавшие на историю Европы воздействие, во многом сходное с тем, что имело место со стороны гуннов, искали убежища, которое было бы вне досягаемости для западных тюрков, и именно по

этой причине появились на берегах Черного моря. Сходным образом в конце IX в. кочевники-мадьяры проникнут на территорию Венгрии, поскольку другая группа кочевников — печенеги — сделала их жизнь на лежащих значительно дальше к востоку территориях невыносимой. В случае гуннов у нас отсутствуют доказательства как негативной, так и позитивной мотивации, однако мы не можем сбрасывать данный фактор со счетов. На востоке в конце IV в. из Северной Индии в сторону Великого шелкового пути продвигались гупты, а в период с начала до середины V в. на территории между Каспийским и Аральским морями господствовали гунны-эфталиты. Еще в 350-х гг. эта реконфигурация баланса власти вызывала отклик далеко на востоке, в степи, заставив хионитов двинуться к границам Персидской империи, к востоку от Каспийского моря*. Возможно, это также сыграло свою роль в решении гуннов перенести свои пастбища к западу.

При всей таинственности происхождения гуннов и причин, двигавших ими, не может быть никаких сомнений в том, что они стояли за стратегическим переворотом, приведшим готов на берег Дуная летом 376 г. Обычно считается, что в этот момент готы бежали от гуннов, внезапно вторгнувшихся всей массой на берег Черного моря. Далее, полагают, что эти гунны буквально дышали в затылок готам, которые боролись за Дунай в надежде обрести безопасное убежище в империи, и что после того, как готы достигли римской территории, гунны немедленно стали господствующей силой на придунайских территориях. Эти положения, артикулированные в большей или меньшей степени, можно найти в большинстве современных изложений: внезапно появляются гунны (375—376 гг.); готы в панике бегут в империю (376 г.); гунны начинают господствовать близ Дуная (с 376 г.).

---

* Для знакомства с историей хионитов и гуптов см.: Encyclopaedia Iranica: Yarshater (1985—2004, продолжающееся издание).

Эта модель основывается на сообщениях Аммиана, который рисует чрезвычайно убедительную картину паники, охватившей готов: «Среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадается навстречу». Нам следует, однако, не обращая внимания на риторику, разобраться, что же на самом деле сообщает Аммиан. Первым делом подчинив аланов, гунны далее напали на готов-грейтунгов. Германарих, возглавивший сопротивление последних, в конце концов сдался и, по-видимому, пошел на добровольное заклание в ходе ритуального жертвоприношения, дабы уберечь свой народ*. Само изложение Аммиана не слишком заслуживает доверия, но привычка считать политическое руководство ответственным за судьбу той или иной группы (подтверждаемая свидетельствами нескольких древних обществ) интересна. Когда наступали трудные времена, в этом видели божественное знамение: считалось, что старый вождь оскорбил богов, и для того, чтобы умилостивить их, его надо принести в жертву. Германариху наследовал Витимир, который продолжал войну, но в конце концов погиб в бою.

В это время власть над грейтунгами перешла к двум полководцам, Алатею и Сафраксу; они правили от имени Витерика, сына Витимира. Решив отступить к берегам р. Днестр, они встретили там силы тервингов под командованием Атанариха. Некоторым гуннам удалось найти другой брод через реку, и они атаковали Атанариха с тыла, так что ему пришлось удалиться в земли, расположенные ближе к Карпатским горам. Там он попытался сдержать натиск гуннов, выстроив линию укреплений для защиты от них. С моей точки зрения, это, вероятно, были старые

---

*Amm. Marc. XXXI. 3. 2: «Он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью».

римские стены вдоль реки Олт — Лимес Трансалютанус*. Но план не удался. Тервинги, которых продолжали беспокоить нападения гуннов, покуда они работали на строительстве укреплений, утратили веру в своего предводителя Атанариха. В это время большинство тервингов отпало от него и под водительством новых лидеров, Алавива и Фритигерна, явилось на Дунай, дабы найти себе убежище в пределах Римской империи. Грейтунги Алатея и Сафракса приняли ту же стратегию, последовав за тервингами к реке (см. карту № 5) (Amm. Marc. 31. 4. 2).

Многие из этих событий развертывались очень быстро. После гибели в бою Витимира события следовали одно

---

*Аммиан Марцеллин (XXXI. 3. 7) пишет, что эти стены протянулись от берегов Гераза (Прута) до Дуная поблизости от области тайфалов. Мою точку зрения и ее доказательство см. в: Heather, 1996, p. 100, со ссылками на альтернативные взгляды.

за другим вплоть до прибытия грейтунгов и обеих групп тервингов на берега Дуная. Даже будучи взята во всей совокупности, эта последовательность событий длилась совсем недолго. Если, как кажется вероятным, появление готов относится где-то к концу лета или началу осени 376 г., то смерть Витимира следует датировать не ранее чем предыдущим годом. В принципе для вторжения должно было хватить всего нескольких месяцев; таким образом, смерть Витимира нужно отнести в промежуток между серединой 375-го и началом 376 г. Учитывая, что люди, живущие сельским хозяйством, предпочитают перемещаться после того, как соберут урожай, вероятнее всего, что грейтунги пустились в путь в конце лета или в начале осени 375 г.*.

За этим в каком-то смысле отчаянным поступком последовали более взвешенные действия. Точная датировка здесь невозможна, поскольку Аммиан весьма смутно обозначает время; однако то, что он сообщает, наводит на некоторые предположения. Прежде всего он утверждает, что Германарих противостоял буре, принесенной гуннами, «долгое время» (*diu*). Мы также узнаем, что последователь Германариха Витимир участвовал во «многих битвах» (*multas... clades*) против гуннов, пока не погиб в бою. Очевидно, невозможно с уверенностью утверждать, сколько

* Такова традиционная хронология. Wanke, 1990 доказывает, что дело происходило весной 376 г., однако основа его аргументации не слишком убедительна; Lenski, 2002, p. 182 ff., 325 f. стоит за начало лета на том основании, что именно прибытие готов подвигло Валента сделать агрессивные заявления в адрес Персии летом 376 г. Мне, однако, представляется неубедительным, что император, завершивший действия на балканском фронте перед тем, как вступить в конфликт с Персией в начале 360-х гг. (см. гл. II), сознательно пошел на противостояние на территории Армении, узнав, что на Дунае вновь неспокойно; итак, для меня эти факты подтверждают, что готы прибыли на Дунай лишь после того, как Валент двинулся на запад, поэтому конец лета 376 г. — самая ранняя из возможных дат.

времени все это заняло, но быстрая развязка, последовавшая за смертью Витимира, явно стала завершением длительной борьбы, и окончательному перелому предшествовало именно решение грейтунгов тронуться в путь. Можно дискутировать, сколько времени продолжалась предшествовавшая этому борьба, но характер действий гуннов в этом споре учитывать необходимо.

Чтобы обезопасить вход в империю с этой стороны, готские посольства первым делом отбыли с берегов Дуная, чтобы разыскать императора Валента и изложить ему свое дело. Валент, однако, находился в Антиохии — это означало, что поездка к нему и обратно потребует преодоления более 1000 километров. Однако даже это не испугало послов. По достижении Антиохии предполагалось, что две стороны должны будут переговорить между собой и принятые решения передадут римским командирам на Дунае. Все это заняло больше месяца; в течение этого времени готы оставались на берегу, проявляя большее или меньшее терпение и ожидая разрешения пересечь реку. О нападениях гуннов на них в этот период никаких записей не сохранилось. Более того, гунны, атаковавшие Атанариха, приходили малыми группами, подчас обремененные добычей (Amm. Marc. XXXI. 3. 8): следовательно, это были скорее участники набегов, а не завоеватели. Политическая организация гуннов к тому моменту не достигла стадии, когда всеми управлял один вождь, — у них был целый ряд правителей, отличавшихся друг от друга по масштабам власти и имевших массу возможностей действовать самостоятельно. К примеру, пытаясь разрешить проблемы, возникшие у грейтунгов в результате появления гуннов, Витимир смог привлечь других гуннов, дабы те сражались на его стороне (Amm. Marc. XXXI. 3. 3). Применительно к 375—376 гг. нельзя говорить об огромной орде гуннов, преследовавших бегущих готов, — скорее, независимые отряды гуннов действовали против некоторого количества противников с помощью различных уловок.

Таким образом, произошло следующее. Гуннские силы не завоевали готов в том смысле, в каком мы обычно используем это слово; скорее, часть готов решила убраться из того мира, который сделался столь небезопасным. Даже в 395 г., т.е. приблизительно через 20 лет, большинство гуннов продолжало находиться значительно восточнее — т.е. гораздо ближе к северному выходу с Кавказа, нежели к устью Дуная*. Другие племена готов, а не тервинги или грейтунги были основной причиной противостояния на границе по Нижнему Дунаю в течение примерно десяти или более лет после 367 г. Римлянам пришлось сдерживать мощный натиск на том же фронте, предпринятый второй силой грейтунгов под предводительством некоего Одотея в 386 г. Еще больше готов, возможно, те из тервингов, кто не последовал за Алавивом и Фритигерном на Дунай, действовало где-то в Карпатской области примерно в это же время.

Золотой лук

Однако все это не смягчило того поистине революционного воздействия, которое имело появление гуннов. Если беспорядки малого масштаба для дунайской границы (как и для других областей) были явлением обычным, то переломы, имевшие стратегическое значение, совершались редко. История Римской империи знает лишь два подобных события в районе Северного Причерноморья. Главными особенностями этой области являются разнообразие климатических и экологических характеристик. Между Карпатами и Доном вполне достаточно воды, особенно в долинах рек, чтобы заниматься пахотным земледелием, но к востоку от

---

*Что явствует из масштабного вторжения гуннов, происшедшего в том году, которое было совершено скорее через Кавказ, нежели через Дунай (о чем речь пойдет ниже).

Дона зерновые без орошения выращивать невозможно. В то же время южная часть территории, лежащая между Карпатами и Доном, сразу за береговой полосой, имеет достаточно сухой климат, в котором и сформировались степи. На этой окраине Европы прилегающие территории, следовательно, с экологической точки зрения подходят для кочевья и сельского хозяйства; в древности в этом регионе доминировало население первого типа, а затем — второго. В последние несколько столетий до нашей эры бок о бок здесь благоденствовали скифы-кочевники, племена, говорившие на языках германской группы и занимавшиеся сельским хозяйством, бастарны и другие. Их господство было сломлено на рубеже новой эры сарматами, чей язык относился к иранской группе. Два столетия спустя готы-земледельцы продвинулись к югу и востоку вокруг Карпат, распространив свои владения вплоть до Дона и подчинив оставшихся сарматов. Что же дало гуннам возможность в конце IV в. изменить военный баланс в пользу кочевников?

Римляне быстро поняли, в чем заключается военная сила гуннов. Аммиан не дает детального описания ни одного сражения, в котором бы участвовали гунны, но следующее изображение общего характера, оставленное им, касается самой сути дела: «В бой они [гунны] бросаются, построившись клином... Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. [...] Они... издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами».

Зосим, автор VI в., черпавший сведения о гуннах у историка IV в. Эвнапия, пишет столь же живо: гунны «были совершенно неспособны сражаться в пешем бою и не знали, как это делается, но с помощью своевременных поворотов, атак и отступлений, а также стрельбы из луков с коней, они губили множество народу» (Amm. Marc. XXXI.

2. 8—9. Zosim. IV. 20. 4—5). Эти комментарии не оставляют никаких сомнений. Гунны были кавалеристами, прежде всего — верховыми лучниками, способными атаковать на безопасном расстоянии, пока строй и спаянность противника не будут нарушены. В этот момент гунны устремлялись вперед, поражая противника стрелами или саблями. Важнейшими составляющими здесь были умение искусно стрелять из лука и ездить верхом, действовать малыми группами, а также яростная отвага. Многие отмечали, что жизнь пастухов в Евразии была тяжела, и древность и Средние века видели тому немало примеров. Разные навыки, не говоря уже о великолепных конях, которые требовались кочевникам в повседневной жизни, позволяли им также прекрасно вести боевые действия.

Однако сказанное справедливо в отношении всех европейских кочевников и не дает достаточного объяснения тому, что гунны действовали особенно успешно. Точно так же как германцам-готам, они оказались способны нанести поражение таким же кочевникам, как они сами, например аланам, чей язык относился к иранской группе. Что давало им преимущество? И те и другие славились своими конями, но они сражались на разный лад. В то время как гунны — сравнительно легковооруженные конные лучники — отличались прекрасной маневренностью, аланы, подобно всем сарматам вообще, в основном действовали с помощью тяжелой кавалерии — катафрактов, как называли их римляне. И конь, и всадник были защищены; основным оружием всадника являлась пика; она дополнялась длинной кавалерийской саблей, причем конные копейщики действовали компактной массой. Это еще более сужает вопрос. Для скифов, на смену которым в качестве господствующей силы к северу от Черного моря в период ранней империи пришли сарматы, быть конными лучниками было так же естественно, как и для гуннов, и тактики они придерживались той же. Однако копье превалировало над луком. Почему же триста лет спустя баланс сместился в пользу лука?

Ответ не имеет отношения к конструкции лука, из которого стреляли гунны. И они, и скифы пользовались так называемым чудо-оружием степей. Когда мы, жители Запада, представляем себе лук, обычно мы имеем в виду «цельный» лук, выполненный из цельного куска дерева, — палку, которая принимает форму дуги, если ее натянуть. Степные луки были совершенно иными — начнем с того, что они были композитными. Отдельные деревянные части образовывали раму, куда крепились другие составные части — сухожилие с внешней стороны и костяные планки внутри. При натяжении лука первое растягивалось, а вторые сжимались. Когда лук не был натянут, его плечи загибались в противоположную сторону; отсюда еще одно наименование оружия — рекурсивный лук. Дерево, сухожилие и кость склеивались самым прочным клеем, какой только можно было сварить из рыбьих костей и кожи животных; когда лук полностью высыхал, сила выстрела оказывалась ужасающей. Остатки таких луков (обычно — костяные пластинки) были обнаружены в могильниках в районе озера Балхаш, относящихся к III тысячелетию до н.э. Итак, к IV в. н.э. это оружие было далеко не новым.

Ключом к успеху гуннов, по-видимому, является одна деталь, значение которой еще не полностью осознано. И гунны, и скифы использовали композитные луки, но в то время как скифские луки имели около 80 см в длину, луки гуннов, найденные в могильниках, гораздо больше; их длина колеблется между 130 см и 160 см. Конечно, увеличение размера способствует повышению силы выстрела. Однако наибольший размер лука, которым с удобством может пользоваться кавалерист, не должен превышать 100 см. Кавалерист держал лук вертикально, прямо перед собой, и более длинный лук упирался бы в шею лошади или путался в поводьях. Но — в этом заключается ответ на наш вопрос — гунны пользовались луком асимметричной формы. Нижняя часть лука была короче верхней, и именно это позволяло использовать более длинный лук, сидя верхом

на коне. Применять более длинный лук было неудобно, и из-за его асимметрии всаднику приходилось целиться особенно тщательно. Но гуннский асимметричный 130-сантиметровый лук обладал куда большей убойной силой, нежели симметричный 80-сантиметровый лук скифов: в отличие от скифского при выстреле из него стрела пробивала доспехи противника и не мешала всаднику, который к тому же держался на безопасном расстоянии от врага.

Некоторое представление о том, какие результаты имело использование рекурсивного, или рефлексивного, лука, можно получить, если проследить судьбу композитного турецкого лука, использовавшегося в начале Новой истории и в более поздние времена. Обычно эти луки имели около 100 см в длину, но были симметричны, так как делались скорее для пехоты, нежели для кавалерии. Также они изготавливались на тысячелетие позже, и это, конечно, дало о себе знать: имея ту же конструкцию, что и большие по размеру китайские и азиатские луки, они превосходили их. Вид их поначалу поразил европейцев, привыкших к «цельным» лукам. В 1753 г. лучший стрелок тех времен Гассан Ага выпустил стрелу, покрывшую расстояние 584 ярда и 1 фут (примерно 534 метров). Он был знаменитым воином, но в целом стрельба на расстояние значительно более 400 метров была обычным делом. Лук также отличался устрашающей мощью. При выстреле с расстояния 100 метров из турецкого лука стрела проходила более чем на 5 см сквозь кусок дерева толщиной 1,25 см. Учитывая асимметрию оружия, а также тот факт, что стрелки-пехотинцы могли занять устойчивую позицию в отличие от своих собратьев-кавалеристов, мы должны немного уменьшить эти цифры, пытаясь применить их к IV в. Гунны не имели стремян, однако пользовались тяжелыми деревянными седлами, на которых всадник держался с помощью ножных мышц и таким образом получал твердую платформу для стрельбы. Тем не менее гуннские конные лучники, вероятно, могли эффективно действовать против неприяте-

лей, не защищенных доспехами — к примеру, готов, — со 150—200 метров, и против аланов, имевших доспехи, — с 75—100 метров. Этого расстояния было вполне достаточно, чтобы обеспечить гуннам колоссальное тактическое преимущество, которое, по сообщениям римских источников, они использовали полностью*.

Лук не был единственным оружием гуннов. Нарушив единство вражеского строя с большого расстояния, кавалерия затем могла приблизиться, чтобы атаковать с помощью мечей; чтобы вывести из строя отдельных противников, они вдобавок использовали аркан. Есть также некоторые свидетельства, что гунны, занимавшие высокое положение, носили кольчугу. Но гвоздем их программы, если можно так выразиться, являлся рефлексивный лук. К IV в. он был настолько тщательно усовершенствован, что с его помощью можно было отразить атаку сарматских катафрактов. Гунны, как и следовало ожидать, прекрасно осознавали уникальность своего оружия, как свидетельствуют немного более поздние источники, относящиеся к V в. Историк Олимпиодор Фиванский сообщает, что около 410 г. гуннские короли гордились своим искусством стрельбы из лука (Olimpiod., fr. 19), и нет оснований пола-

*Археологические свидетельства относительно гуннских луков собраны и проанализированы в: Harmatta, 1951; Laszlo, 1951; Bona, 1991, p. 167—174. История рекурсивного лука и информация о лучших зафиксированных выстрелах заимствована у Klopsteg, 1927. Попытки определить убойную дальность выстрела, сделанные в этой работе, уступают исследованиям, основанным на математических расчетах; для получения общего представления см.: Kooi, 1991; 1994. Эти и другие работы данного автора доступны в полнотекстовом режиме на его сайте www.bio.vu.nl/thb/users/kooi. Важнейшие отличия одного вида лука от другого включали в себя длину плечей, форму поперечного сечения, эластичных свойств использованного материала, расстояние, на которое можно было оттянуть тетиву, вес стрелы, вес и эластичность тетивы.

гать, что в 375 г. было иначе. В ночь, когда умер величайший из гуннов — Аттила, римскому императору Маркиану приснилось, что «некая божественная фигура стоит перед ним и показывает ему лук Аттилы, сломавшийся той ночью»*. Равным образом археологические источники подтверждают, что у гуннов лук символизировал высшую власть. В четырех погребениях были обнаружены остатки луков, частично или полностью заключенных в гравированные «футляры» из золотых пластин. Один представлял собой сугубый символ: всего 80 см в длину, он был покрыт таким количеством золота, что не сгибался вовсе. Остальные три имели нужную длину, и возможно, что здесь мы имеем дело с настоящим оружием с золотыми отливками**. Украшенный таким образом, источник военного господства гуннов являлся мощным образом политической власти. Он также давал им возможность господствовать на западных границах Великой Евразийской степи.

Аммиан Марцеллин был прав. Именно гунны стояли за военным кризисом, который вынудил тервингов и грейтунгов двинуться на Дунай где-то в конце лета или начале осени 376 г. В этот момент усиление мощи гуннов перестало быть проблемой исключительно народов, обитавших на северных берегах Черного моря. Теперь они создавали тяжелейшую проблему для восточноримского императора Валента. Десятки тысяч снявшихся с места готов внезапно появились на его границах и искали убежища.

В поисках убежища

Громадное большинство наших источников с редкостным единодушием сообщает, что это внезапное прибы-

---

* Iord. Getica. 49. 254: приписывается Приску.

** Laszlo, 1951; Harmatta, 1951.

тие готов — предполагаемых иммигрантов — вовсе не казалось проблемой. Напротив, Валент с радостью принял их, поскольку он усмотрел в этом наплыве людей, лишившихся насиженных мест, большие возможности. Вновь процитируем Аммиана (хотя большинство других источников сообщает то же самое): «...приняли это скорее с радостью, чем со страхом. Поднаторевшие в своем деле льстецы преувеличенно превозносили счастье императора, которое предоставляло ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями» (XXXI. 4. 4).

Итак, солдаты и золото одновременно — обычно получают лишь одно из двух. Неудивительно, что Валент был доволен.

Большинство источников также содержат в целом совпадающие сведения о том, что оказалось не так после пересечения готами реки (вероятно, близ или в районе крепости Дуросторум) (см. карту № 6). Вину за то, что случилось после, возлагают в основном на бесчестность римских чиновников на местах. Ибо когда иммигранты начали испытывать недостаток в продовольствии, эти чиновники воспользовались их отчаянным положением, организовав в высшей степени выгодный черный рынок, где готы продавали себя в рабство за пищу. Неудивительно, что это вызвало всеобщее возмущение, которое лишь подогрело поведение римских войск, особенно некоего Лупицина, командовавшего полевыми силами во Фракии (*comes Thraciae*). Нажившись на черном рынке, а затем заставив готов переселиться в другой лагерь за пределами своих главных квартир в Маркианополе (см. карту № 6), он предпринял неудачное нападение на их предводителей на пиру, предположительно устроенном в их честь. Это побудило готов

перейти от возмущения к восстанию*. Так гласит история, которую повторяли многие авторы. Проклятия в адрес Валента за глупость, проявленную им, когда он согласился принять готов, порицания местных римских военных властей за их жадность и упреки самим готам (хотя и не слишком суровые) позволяют составить вполне логичное изложение событий. Однако несмотря на то, что все его детали взвешенны, оно не отражает всей правды.

Начнем с обычной политики Рима в отношении тех, кто искал убежища на принадлежавших ему землях. Иммигранты (прибывшие добровольно или побуждаемые иными причинами) в 376 г. были далеко не новым явлением в Римской империи. В течение своей истории она неоднократно принимала чужаков: постоянный поток искателей счастья (не в последнюю очередь устремлявшийся, как мы видели, в ряды римской армии) дополнялся время от времени широкомасштабными миграциями. Для последних даже существовал специальный термин: *receptio*. Надпись I в. н.э. сообщает, что наместник при Нероне переправил 100 тысяч человек «через Дунай [с северной стороны]» (*transdanuviani*) во Фракию. Совсем недавно по отношению к описываемым событиям, в 300 г. н.э., императоры-тетрархи расселили по империи десятки тысяч карпов (дакийские племена), рассредоточив их по общинам, располагавшимся вдоль Дуная от Венгрии до Черного моря. В промежутке имело место еще несколько наплывов меньшего масштаба, и хотя не существовало единого плана, определявшего, как обращаться с иммигрантами, можно уверенно выделить несколько вариантов. Если нуждавшиеся в убежище состояли в хороших отношениях с империей и иммиграция осуществлялась по взаимной договоренности, то некоторое число мо-

---

* Источники: Amm. Marc. XXXI, 4, 4; Eunap., fr. 42; Socrat. Hist. eccl. IV. 34; Sozom. Hist. eccl. VI. 37. Они сообщают в основном ту же самую историю, но рассказ Аммиана содержит значительно больше деталей по сравнению с остальными, тогда как Евнапий подчеркивает предательство готов.

лодых мужчин вступало в римскую армию, иногда образуя отдельное новое соединение, а остальные расселялись по всей империи как свободные сельские хозяева, обязанные с этого времени платить налоги. К примеру, такого типа соглашение заключили император Констанций II и некие сарматы-лимиганты в 359 г.*. Если отношения между империей и мигрантами носили не столь мирный характер (и в особенности если их взяли в плен в ходе военных действий), обращение с ними было куда более жестким. Некоторых опять-таки призывали в армию, хотя при этом принимались куда более серьезные меры безопасности. Так, императорский эдикт, касавшийся сил скиров, взятых в плен римлянами в 409 г., содержит указание, что должно пройти 25 лет (иными словами, должно смениться поколение), прежде чем кого-либо можно будет призвать в армию. Прочие опять-таки стали сельскими хозяевами, но на куда менее благоприятных условиях. Многие скиры, взятые в плен в 409 г., попали в рабство, а остальных расселили в качестве зависимых крестьян (*coloni*) с условием, что им нужно будет переселиться за пределы Балкан, где их захватили. Таким образом, все иммигранты становились солдатами или крестьянами, но осуществлялось это более или менее благоприятными для них путями**.

Существует, однако, еще один общий знаменатель, относящийся ко всем документированным случаям миграций в империю, получившим разрешение сверху. Импера-

---

*Аммиан фиксирует юридическое обоснование относительно случая лимигантов, весьма напоминающее то, что давалось в случае готов в 376 г.: приняв лимигантов, «Констанций приобрел бы еще большее количество способных к деторождению подданных и смог бы рекрутировать значительные силы» (XIX. 11. 7).

**St. Croix, 1981, App. III дают исчерпывающий список известных случаев иммиграции. История скиров содержится в: Sozom. Hist. eccl. IX. 3 и CTh. V. 6. 3. Полное отражение дискуссий по поводу римской политики и литературы см.: Heather, 1991, p. 123—130.

торы *никогда* не принимали иммигрантов, так сказать, поверив им на слово. Они *всегда* обеспечивали себе военный контроль над происходящим, либо прежде нанеся поражение предполагаемым иммигрантам, либо имея под рукой значительные силы, чтобы справиться с любыми затруднениями. Случай Констанция и лимигантов — как раз то, о чем идет речь. В 359 г. события приняли дурной оборот. Аммиан возлагает вину на сарматов, обвиняя их в вероломстве; формально он прав, но причины могли носить более сложный характер. Как бы то ни было, но в решающий момент разразился настоящий ад: «Когда они увидели на высоком помосте императора, который уже собирался начать милостивую речь и обратиться к ним [сарматам], как к покорным на будущее время подданным, вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: «Марра, марра»*, — это у них боевой клич. Вслед за тем дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг завыла диким воем и бросилась на самого императора» (XIX, 11, 10).

Дальнейшее весьма показательно: «...они [римские солдаты] хотя и не были в полном боевом снаряжении вследствие внезапности этого дела, тем не менее, подняв громкий боевой клич, бросились на полчища варваров... Они... без всякой пощады убивали всех, кто попадался навстречу, топтали ногами живых, умирающих, убитых... Взбунтовавшиеся варвары были раздавлены: одни пали в бою, другие в ужасе разбежались; часть этих последних лелеяла тщетную надежду спасти свою жизнь мольбами, но их убивали, нанося удар за ударом» (XIX, 11, 13—15).

Поселение лимигантов на римской территории было тщательно подготовлено с помощью переговоров, прежде чем Констанций явился [к ним] лично, так что все должно было пройти благополучно. Но когда вышло иначе, под рукой у римлян оказалось достаточное количество войск, и лимиганты были уничтожены.

---

*Так назывался дротик длиной 1,16 метра (древко имело 5 римских футов длины, а острие — 3,5 унции). — *Примеч. пер.*

Это выводит на первый план в общепринятых представлениях о происшествиях 376 г. то главное, что выглядит совершенно неправдоподобным. Сообщают, что Валент возрадовался, узнав о прибытии готов на Дунай. Но в 376 г. римская армия, очевидно, не контролировала ситуацию, и когда после переправы дела пошли худо, порядок восстановить не удалось. Какова бы ни была личная вина Лупицина в восстании готов, он просто не располагал достаточными силами. После пиршества он немедленно бросил в бой имевшиеся у него силы против взбунтовавшихся готов и потерпел полное поражение (Amm. XXXI. 5. 9). Принимая во внимание отсутствие неоспоримого военного превосходства, являвшегося обязательным условием нормального римского гостеприимства (*receptiones*), просто невозможно поверить, что Валент испытал что-то похожее на удовлетворение, узнав о прибытии готов на Дунай, как утверждают источники.

Причины нехватки римских войск на Балканах достаточно просты. Летом 376 г. Валент был чрезвычайно занят на восточном фронте, и это продолжалось еще некоторое время. Как мы видели в третьей главе, он завершил войну против Атанариха, пойдя на компромисс, поскольку имел нужду разобраться на востоке с претензиями Персии в Армении и Иберии. После 371 г., воспользовавшись затруднениями Персии в ее собственных владениях далеко на востоке, Валент сделал несколько существенных территориальных приобретений; ему удалось добиться того, чтобы эти кавказские территории контролировались ставленниками Рима. Однако к концу 375 г. Шапур, персидский царь царей, возвратился назад. Решив держаться до последнего, Валент отправил к нему летом 376 г. три посольства, которые решительно потребовали, чтобы тот убирался или готовился к войне. Столь вызывающие дипломатические заявления требовали соответствующих военных приготовлений: не только сам Валент поспешил в Антиохию — главную штаб-квартиру для проведения персидских

кампаний, но и большая часть его сил, достаточно мобильных, с помощью которых он намеревался нанести удар, также находилась на востоке. Поэтому когда готы прибыли на Дунай, Валент был поглощен приготовлениями к наступательным действиям на востоке. Ему потребовалось бы не менее года, чтобы отозвать свои силы, используя дипломатические средства; с точки зрения логистики перемещение войск заняло бы не меньше времени*.

Некоторое время Валент, вероятно, продолжал надеяться, что дунайский кризис можно будет уладить таким образом, чтобы он не помешал императору преследовать свои цели на Кавказе; возможно, он даже хотел использовать для этого часть готов в качестве дополнительных военных сил, как сообщают источники. Учитывая, насколько далека была ситуация на Дунае от ожиданий римлян, неспособных контролировать ее как обычно, мы также можем предположить, что он действовал очень осторожно, учитывая потенциальные проблемы: доступные нам свидетельства показывают, что так оно и было. Как мы отмечали ранее, ясно одно: из двух групп готов, прибывших на Дунай, приняты были только тервинги**. Грейтунгам отказано было в разрешении войти в пределы империи, и те войска и суда, что имелись на Балканах, были выставлены против них, дабы удерживать их на северном берегу реки (Amm. Marc. XXXI. 4. 12). Итак, Валент не стремился принять всякого подвернувшегося ему гота, чтобы сколотить армию и одновременно наполнить сундуки в сокровищнице.

---

*Наступательные действия Валента против Персии летом 376 г. хорошо реконструированы в работе: Lenski, 2002, p. 180—185. Ср. примечание 12 выше: по моему мнению (не совпадающему с мнением Lenski), все это заставляет отнести прибытие готов на Дунай ко времени после агрессии Валента — т.е. самое раннее в конце лета.

** Если принять на веру сообщение Sozom. Hist. eccl. VI. 37. 6, Ульфила мог принимать участие в дипломатических переговорах; ср. Heather и Matthews, 1991, p. 104—106.

Также приглядимся более пристально к его отношениям с тервингами. Ни один источник не описывает в деталях условия соглашения римлян с этим племенем, а вследствие восстания они никогда и не соблюдались полностью. Новые отношения были, несомненно, представлены римской общественности как сдача готов — deditio, но само по себе это нам мало о чем говорит: более ранние договоры и Константина, и Валента с тервингами характеризовались именно так, при том что они подразумевали совершенно иные отношения (см. раздел «Фракия: последний рубеж»). Все свидетельствует о том, что соглашение 376 г. имело некоторые необычные пункты, чрезвычайно выгодные готам. Начнем с того, что они почти полностью контролировали место своего поселения. В обычных обстоятельствах решение о том, где будут жить иммигранты, принимал император, причем он старался расселить их. В 376 г. было решено, что тервинги поселятся исключительно во Фракии, причем это был их собственный выбор. Подробности организации расселения остаются неясными; в особенности полная неясность царит в отношении принципиального вопроса: разрешили ли им селиться такими большими группами, что они могли сохранять свою политическую и культурную самобытность? Это опять-таки было в высшей степени необычно, однако, учитывая, что тервинги могли сами выбрать, где им жить, данный пункт вполне мог представлять собой часть соглашения. Насчет остального нам известно только то, что римляне взяли заложников, а также немедленно призвали молодежь в ряды своей регулярной армии и что соглашение предусматривало для готов возможность служить совместно в качестве аукснлиариев (вспомогательные войска) в отдельных кампаниях, во многом именно так, как они это делали между 332 и 369 г. Был также принят ряд мер по укреплению доверия: в частности, вожди тервингов заявили, что хотят принять христианство.

Тот факт, что условия соглашения были поданы римской общественности как сдача, не должен затемнять

дело. Детали его, как военные, так и дипломатические, отличались от римских норм. Тервинги добились куда лучших условий, нежели обычно удавалось иммигрантам — даже тем, с которыми обращались как с друзьями. Не имея значительных средств военного давления на Дунае, Валент вынужден был отказаться от проверенных и признанных римлянами методов. Следовательно, можно предположить, что он очень беспокоился относительно того, чтобы принять даже тервингов, — и имеются значительные свидетельства относительно того, что так оно и было*.

* Подробности дискуссии по поводу условий договора см.: Heather, 1991, p. 122—128. Спор вызывают два момента. Основываясь на «Церковной истории» Сократа Схоластика (IV. 33), некоторые считают, что принятие тервингов произошло до 376 г.; ср. Lenski, 1995. Это, однако, противоречит детальному описанию, сделанному Аммианом — современником событий. Сократ, писавший позднее и информированный куда хуже, скорее всего ошибается. Поэтому я продолжаю придерживаться выводов, к которым пришел ранее (впервые в работе: Heather, 1986). Другой спор, возникший в связи с теми же событиями, возник вследствие сообщения Эвнапия (fr. 42), что готы должны были сдать оружие, войдя на территорию империи, но не сделали этого. Этот источник также утверждает, что готы принесли тайную клятву не останавливаться, пока не уничтожат империю. Но ни в каких других источниках не сообщается ни о тайной клятве, ни о противозаконной контрабанде оружия (прежде всего ничего подобного нет у Аммиана); очевидно, Эвнапий написал это, чтобы объяснить последовавшую победу готов при Адрианополе. Ни то ни другое сообщение не выглядит убедительно, так как Валент надеялся использовать ауксилиариев-готов вместе со своими регулярными войсками, тогда как готы, как мы увидим в свое время, относились к империи чересчур настороженно, чтобы войти на ее территорию без оружия. Большинство из тех ученых, кто верит в историю о разоружении, отвергают идею тайной клятвы (например, Lenski, 2002, p. 343 и далее); это решение представляется мне произвольным и необоснованным.

Как мы уже видели, главными причинами восстания тервингов были недостаток продовольствия и спекуляции в придунайских районах. Представляется, что готы провели осень и часть зимы 376/77 г. близ реки и двинулись в Маркианополь только в конце зимы или ранней весной. Даже после начала восстания у них по-прежнему имелись трудности с продовольствием, поскольку «все предметы первой необходимости были отправлены в укрепленные города, и враг даже не пытался их осаждать, поскольку эти и другие операции были ему совершенно незнакомы». Данные сведения относятся к лету 377 г., однако разорение посевов имело место значительно ранее. По-видимому, римляне специально перевезли урожай 376 г. в укрепленные пункты, для захвата которых готам не хватало военного мастерства и приспособлений. В любом случае накормить голодных тервингов было трудной задачей для Римского государства, учитывая существовавшие бюрократические ограничения. Провиант следовало тщательно распределить, тем более что государство вело крупные военные кампании и должно было обеспечить продовольствием собственных солдат. Готы, конечно, в тот момент не могли сами выращивать все необходимое, поскольку стороны еще не достигли соглашения относительно места их проживания. Когда их запасы закончились, контроль надо всеми остальными источниками продовольствия обеспечил Валенту возможность контролировать и их самих.

Император также быстро начал переговоры о военной помощи со своим западным соправителем — императором Грацианом, сыном его брата Валентиниана I. Вероятно, в 377 г. наш старый знакомец Фемистий — оратор, философ, константинопольский сенатор и наперсник Валента — побывал в Риме. Там он произнес свою тринадцатую речь. Это выступление, далекое от оригинальности и лишенное воодушевления, возможно, оно и произносилось по поводу десятой годовщины восшествия на престол императора, выпавшей на 377 г., прославляло Грациана как вопло-

щение идеала платоновского правителя. Куда более, нежели сама речь, интересен тот факт, что Фемистий находился на Западе в столь важный момент. При этом он дает понять, что примчался из Сирии буквально сломя голову: «...я проделал почти тот же путь, что и солнце, — от Тигра до Океана (Атлантического, то есть на запад); то было спешное путешествие, полет над землей, как, по твоим словам, [Сократ,] некогда спешил Эрос; бессонные дни следовали за [бессонными] ночами. Жизнь моя протекала в дороге, под открытым небом; я спал на земле, не имея двери, чтобы закрыть ее, постели, чтобы прилечь обуви, чтобы надеть ее...»*

Автор ехал столь быстро, что не смог обойтись при описании путешествия общими местами, характерными для заурядной речи: это подразумевает, что его посольство имело иную, более неотложную цель. Ключ к разгадке заключается в присутствии некоторого количества западных войск, которыми «Восток» уже мог воспользоваться для ведения кампании на Балканах летом 377 г. Ведение боевых действий с их участием потребовало бы предварительных переговоров; они должны были состояться зимой 376/77 гг. — возможно, еще до того, как вспыхнуло восстание тервингов. Именно эта нужда заставила Фемистия и его спутников пуститься в безотлагательное путешествие по суше и по морю. Послы получили задачу провести переговоры насчет решения силами обеих частей империи проблемы готов, внезапно появившихся на границе владений Валента.

Предостережение, последовавшее со стороны восточного императора, также относится к наиболее таинственному из всех событий, происшедших в то время на Дунае.

*Фемистий (Or. XIII. 163c) опирается на «пир» Сократа (203d). (Очевидная небрежность: автором «Пира», на который ссылается П. Хизер, является Платон, Сократ же — один из персонажей этого сочинения.) — *Примеч. пер.*

Когда недостаток продовольствия начал ощущаться особенно остро и враждебность готов возросла, Лупицин переместил тервингов на свои главные квартиры в Маркианополе, как упоминалось выше. Но для того, чтобы обеспечить контроль над происходившим, ему пришлось использовать силы, которые прежде удерживали грейтунгов. Тервинги действительно двинулись на новое место, но передислокация римских войск дала возможность грейтунгам пересечь реку и вторгнуться на территорию империи. Лупицин, которому было вверено командование, должно быть, впал в отчаяние: ситуация явно вышла из-под контроля. Аммиан сообщает, что в довершение ко всему тервинги двигались к Маркианополю очень медленно, чтобы грейтунги могли догнать их. (Грейтунги, по-видимому, пересекли Дунай немного восточнее того места, где это сделали тервинги, близ Сакидавы или Аксиополя; см. карту № 6.) Когда тервинги находились примерно в 15 километрах от места назначения, Лупицин пригласил их вождей на обед. Аммиан описывает этот пир: «Лупицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна; полчища варваров он держал вдалеке от стен города, выставив против них вооруженные караулы... Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, произошла большая перебранка, и дело дошло до схватки. Рассвирепевшие варвары... перебили отряд солдат и обобрали убитых. Об этом был тайно оповещен Лупицин... он приказал перебить всех оруженосцев, которые как почетная стража и ради охраны своих вождей выстроились перед дворцом. Томившиеся за стенами готы с возмущением восприняли это известие, толпа стала прибывать и озлобленными криками грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари... Находчивый Фритигерн, опасаясь быть задержанным вместе с остальными в качестве заложника, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет позволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предполагая, что вожди его убиты под

предлогом любезного приема. Получив разрешение... они умчались...» (XXXI, 5, 5—7).

Трудно с достоверностью определить, что же произошло. На первый взгляд неудачная атака стала результатом взаимонепонимания и паники, тогда как нападение на пиру являлось обычным для римского правления в приграничных областях приемом.

Устранить опасных — или потенциально опасных — вождей означало посеять смуту среди противников. Аммиан описывает четыре других примера, имевших место за период длительностью всего в 24 года, когда римские командующие использовали приглашение на пир как возможность для похищения. Один из этих четырех случаев произошел по не поддержанной сверху инициативе командира «на местах», но остальные три совершились по указанию самого императора. В одном случае командующий на Рейне получил запечатанное письмо, которое ему приказали не вскрывать, пока он не увидит вождя алеманнов, о котором шла речь, на римском берегу. Когда же это произошло и он вскрыл письмо, там содержался приказ перевести алеманна в Испанию. Я подозреваю, что Лупицин получил сходные инструкции. С Валентом, по-прежнему находившимся в Антиохии, нельзя было советоваться по любому поводу — ожидание ответа заняло бы несколько недель. Поэтому инструкции относительно тервингов, данные Лупицину, должны были оставлять простор для личной инициативы; тем не менее я не думаю, что ему дали свободу действий в отношении готской проблемы, не проинструктировав тщательно по поводу того, что ему следует делать при том или ином предсказуемом варианте развития событий. Прибытие огромного количества непокоренных готов на территорию Рима в тот момент, когда основные силы римлян были заняты в других областях, таило в себе серьезную опасность, и проблемы, связанные с ним, наверняка были тщательно продуманы. Подозреваю, Лупицину сказали следующее: если покажется,

что ситуация выходит из-под контроля, надо сделать все возможное, чтобы подорвать положение готов; а внезапный захват вражеских предводителей, как уже упоминалось, представлял собой обычный прием римлян в таких случаях. Однако выбор должен был сделать сам Лупицин. В данном случае он прибег к наихудшему способу из возможных: вначале предпринял одно, потом другое, не следуя до конца ни той ни другой стратегии. Вместо того чтобы продолжать поддерживать мир, пусть «худой», или иметь дело с оппозицией, оставшейся без руководителя, он оказался лицом к лицу с организованным восстанием под предводительством авторитетного лидера*.

И здравый смысл (кому понравилось бы, если бы в тот момент, когда вы полностью вовлечены в события на первом фронте, на втором бы воцарился хаос?), и сопоставление с другими случаями разрешенных миграций на территорию Римской империи говорят с очевидностью, что Валент не мог радоваться появлению огромных масс готов на Дунае так, как это, пусть и не единодушно, описывают источники. Как мы уже видели, имперская идеология требовала, чтобы все варвары изъявляли покорность, и какая бы паника ни царила, так сказать, за сценой в 376 г., политика императора в глазах налогоплательщиков должна была выглядеть сознательно избранной стратегией, нацеленной на благо империи. Здесь Аммиан делает прозрачный намек. Его рассказ упоминает о вкладе «образованных льстецов» (*erutits adulatoribus*) в политику Валента в отношении готов (Amm. Marc. 31. 4). Немедленно вспоминается Фемистий, сослуживший такую хорошую службу Валенту в деле заключения мира в 369 г. Он был с императором в Си-

*О других похищениях, предпринятых римлянами, см.: Amm. Marc. XXI. 4. 1—5; XXVII. 10. 3; XXIX. 4. 2 sqq.; 6. 5; XXX. 1. 18—21. Многие другие исследователи (напр., Lenski, 2002, 328) подозревают Лупицина, устроившего пир, в злом умысле, не пытаясь развить мысль о том, какой свет это может пролить на приказы, полученные им от Валента.

рии летом 376 г. перед своим неожиданным поспешным отъездом на запад, и я подозреваю, что та речь, которую он произнес в 369 г., являлась одним из способов убедить константинопольский двор в том, что вопреки всей очевидности впустить на территорию империи буйную орду готов на самом деле было отличной идеей. Таким образом, отсутствие единодушия в источниках отражает пропаганду, использовавшуюся императором для оправдания своей политики, а не подлинные соображения, стоявшие за его решениями.

Гунны стали причиной того, что между Римской империей и большими массами готов возникли новые, беспрецедентно близкие отношения. Императора они, конечно, не удовлетворяли, по крайней мере его не устраивала та форма, которую они приняли. Готы также испытывали сомнения и колебания. Решение искать убежища на территории империи далось им непросто. Большинство тервингов порвало с Атанарихом, это произошло на большой сходке, где проблемы подверглись длительному подробному обсуждению (*diuque deliberans* — Amm. Marc. 31. 3. 8). Их колебания можно понять: им нелегко было решиться на то, чтобы двинуться в земли столь могущественного соседа. Учитывая эффективность сообщения с территорией по ту сторону границы, можно предположить, что они, вероятно, знали, что Валент сейчас не мог тратить достаточно сил и времени на Дунае из-за войны с Персией. Возможно, император мог на какое-то время уступить, но где гарантия, что позднее его отношение не переменится? Итак, неудивительно, что готы думали о будущем: они пытались приготовиться к общению с имперскими властями и в настоящее время, и в дальнейшем.

Хотя римляне обращались с тервингами и грейтунгами по-разному, племена эти по-прежнему поддерживали тесные отношения. Поэтому, как уже говорилось, когда войска Лупицина заставили тервингов отправиться к Маркианополю, те уже знали, что грейтунги пересекли реку и

поэтому замедлили продвижение. Тервинги шли в логово льва, и потому, несмотря на то что, очевидно, римляне обращались с ними куда лучше, чем с грейтунгами, для них было крайне важно создать единый фронт с как можно большим числом готов с целью противостояния империи, имевшей подавляющее превосходство в отношении как живой силы, так и запасов продовольствия. Конечно, поступая так, они нарушали [если не букву, то] дух своего соглашения с Валентом. Но если император мог найти способы переписать соглашение 376 г., продлив его, то же самое могли сделать и готы.

В реальности, как мне кажется, произошло следующее. Готы и римляне в результате вмешательства гуннов вступили в новые, весьма интенсивные отношения между собой. Стороны не доверяли друг другу, и ни одна из них не была вполне верна соглашению, по поводу которого шли переговоры в 376 г., — соглашению, вынужденному с точки зрения обеих сторон. То, что первоначальный договор не соблюдали, никого не удивляло. Теперь дело явным образом шло к испытанию военной мощью, от результата которого зависело, на каких условиях будет основано более долгосрочное соглашение между готами-иммигрантами и Римским государством.

Битва при Адрианополе

Военные действия развернулись на следующее утро после устроенного Лупицином пира. Возвращение Фритигерна и насилие, учиненное минувшей ночью, вызвало первую волну грабежей в районах близ Маркианополя. В ответ Лупицин собрал людей (столько, сколько смог) и двинулся на лагерь готов, расположенный примерно в 15 километрах от города. Его силы быстро разбили; кроме самого Лупицина, бежать удалось немногим. Где-то в конце

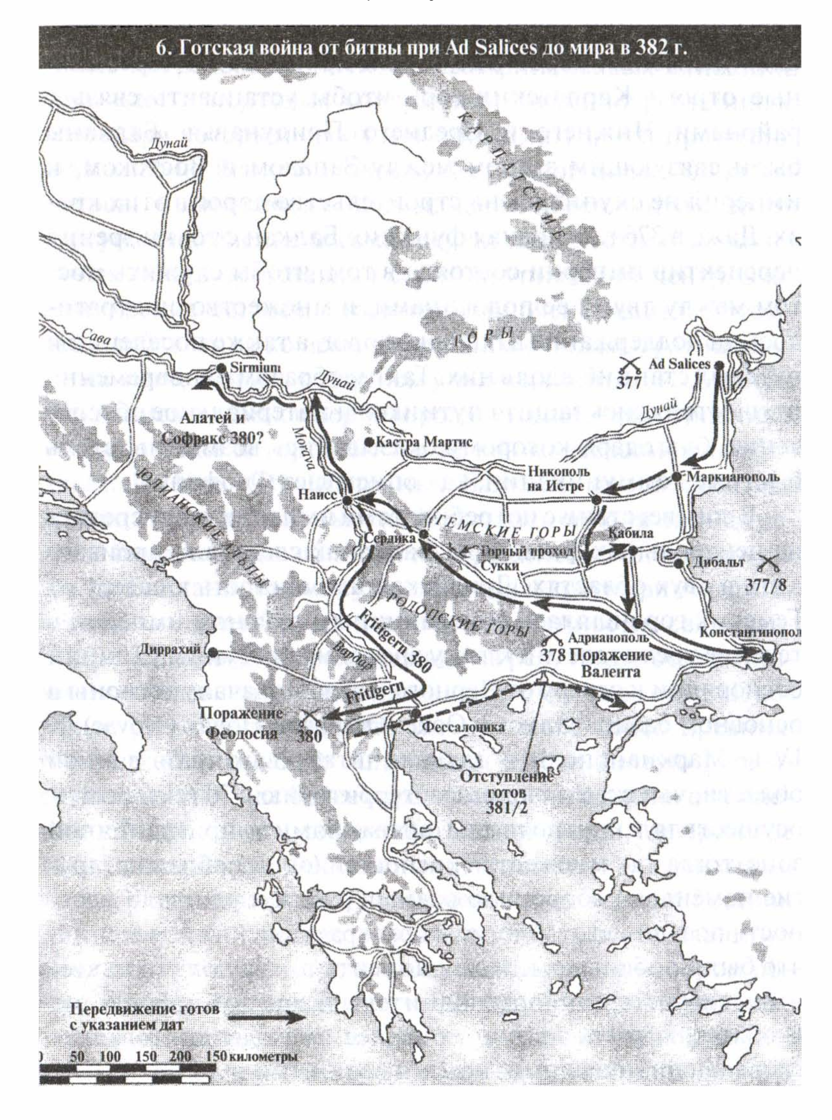
зимы или весной 377 г. война разгорелась всерьез; кампания продолжалась не менее шести сезонов, пока наконец 3 октября 382 г. не был заключен мир. События первых двух лет, вплоть до битвы при Адрианополе, можно проследить со значительными подробностями по рассказу Аммиана Марцеллина (это не означает, что он сообщает все, что хотелось бы знать). Что касается происшествий после битвы, то здесь источников становится меньше. Однако совершенно очевидно, что война — все, что происходило в течение шести сезонов, — шла только в балканских провинциях Римской империи. Эта территория за всю историю человечества неоднократно становилась ареной войн, и ее география, отличающаяся значительными особенностями, всякий раз диктовала характер боевых действий.

Северная часть полуострова образует прямоугольник, северная сторона которого шире южной, а западная — восточной (см. карту № 6); самая примечательная особенность здешней природы — горы. К востоку округлые вершины хребта Стара Планина (или Гемские горы) вздымаются в среднем на 750 м; самый высокий пик достигает 2376 м. Более труднопроходимые Родопы ощутимо выше: многие пики превышают 2000 м. Дальше к западу в направлении с юга на север протянулись Динарские Альпы. За многие сотни лет известняк, из которого они состоят, вследствие эрозии образовал острые утесы и изъязвленные склоны, зачастую покрытые унылым колючим кустарником, — словом, это типичный для Западных Балкан карстовый ландшафт. Близ гор расположены три обширные низменности: Дунайская — севернее, Фракийская — к юго-востоку и Македонская — между Родопами и Динарами. Другой характерной особенностью полуострова является наличие значительного числа аллювиальных котловин на возвышенностях, где в узких долинах между горными пиками благодаря дождевой воде и тающим снегам, вызывающим эрозию, образовались слои плодородной почвы.

Ландшафт стал определяющим фактором в истории этого края. Прежде всего очевидно, что равнины и котловины на возвышенностях — это отстоящие друг от друга земледельческие области, вероятно, густонаселенные. В здешних краях многие горные районы исключительно труднопроходимы, а зимы суровы; это ограничило сообщение на дальние расстояния всего лишь двумя главными путями. Важнейший путь с севера на юг пролегает по долинам рек Моравы и Вардара; он проходит через современный Скопье (римский Скупи), соединяя придунайские земли с Фессалониками на побережье Эгейского моря. С северо-запада на юго-восток протянулась вторая дорога; она также начинается в долине Моравы, однако затем поворачивает налево, к Нишу (римский Наисс), проходит по плодородным горным долинам за столицей Болгарии Софией (римская Сердика), а затем минует перевал Сукков, достигая плодородной горной равнины Средна Гора и выходя на Фракийскую низменность. В период римского владычества именно по этому пути передвигались войска. Ландшафт также влиял на местные сообщения. Родопы почти невозможно пересечь, например, в направлении с северо-востока на юго-запад, а продвижение с юга и с севера через Гемские горы ограничено пятью основными путями: Искырским ущельем на западе, Троянским и Шипкинским перевалами в центре и Котленским и Рискинским к востоку.

Перейдя Дунай в 376 г. н.э., готы проникли в римский мир. Римляне установили свою власть над этой территорией с ее особым ландшафтом более чем за 300 лет до этого, если говорить о северной ее части; что касается южной, то это произошло почти 500 годами ранее, когда в 146 г. до н.э. они завоевали Македонию и превратили ее в римскую провинцию. В основном римляне скорее примерялись к природным условиям, а не пытались бороться с ними. Однако было одно существенное исключение. В стороне от двух естественных путей, по которым осуществлялись пе-

ремещения на далекие расстояния, они продолжили две дополнительные дороги с востока на запад через Балканы. На юге знаменитая Эгнациева дорога (via Egnatia), построенная еще в 130 г. до н.э., тянулась вдоль Эгейского побе-

6. Готская война от битвы при Ad Salices до мира в 382 г.

режья от Константинополя до Фессалоник (достаточно легкий участок пути), но затем упорно устремлялась через Динары и достигала Адриатики в Дурресе (римский Диррахий). Севернее в конце I в. н.э. римские военные инженеры прорубили дорогу через сплошной твердый камень близ Железных ворот (где Дунай прорывается через южные отроги Карпатских гор), чтобы установить связь с районами Нижнего и Среднего Придунавья. Балканы были связующим звеном между Западом и Востоком, и империя не скупилась на строительство дорог в этих краях. Даже в 376 г. основная функция Балкан с точки зрения перспектив империи состояла в том, чтобы служить мостом между двумя ее половинами, и множество сил тратилось на поддержание в порядке дорог, а также поселений и путевых станций вдоль них. Таким образом одновременно осуществлялись защита путников и материальное обеспечение, благодаря которому оказывались возможны столь быстрые коммуникации, как описывает Феофан.

В соответствии с потребностями империи трату средств из центральных фондов на Балканах следовало производить в двух областях. Дунайская низменность к северу от Гемских гор являлась приграничным районом империи в течение трех столетий к тому времени, как гунны учинили беспорядки к северу от Черного моря. Поначалу легионы в основном базировались в Оске (Oescus) и Новах (Novae). К IV в. Маркианополь — главная штаб-квартира в данной области, чьи стены окружали территорию в 70 гектаров, — осуществлял контроль над операциями в приграничной зоне, тогда как множество крепостей (одни побольше, другие поменьше) обороняло водный рубеж и усеивало местность позади него. Многие из тех гражданских поселений, что были побольше, к этому моменту также получили стены и, соответственно, дополнительные военные функции. В областях, расположенных южнее, расходы диктовались скорее политическими, нежели военными императивами. К юго-востоку от полуострова император Константин воз-

родил древнегреческий *полис* (город-государство) — Византий под именем Константинополь; к третьей четверти IV в. он приобрел все качества новой имперской столицы. Город был окружен мощными стенами и украшен прекрасными общественными постройками; его инфраструктура также потребовала значительных финансовых вливаний: речь идет о портовых сооружениях и зернохранилищах, благодаря которым город мог принимать флот, привозивший хлеб из Египта, и акведуках длиной более 100 километров, пронизавших холмы, дабы обеспечивать водой растущее население весьма засушливой местности. Константинополь представлял собой крупнейший центр, экономические запросы которого были очень велики. К тому же, в добавление ко всем имперским фондам, тратившимся на него, деньги водились у многих жителей. Богатые нуждались в домах в черте города и изящно обустроенных местах отдыха за городом, так же как во всевозможных услугах. В IV в. Юго-Восточные Балканы процветали как никогда прежде, и деньги из Константинополя лились рекой в близлежащие общины на Фракийской низменности.

На Балканах также существовали и другие римские общины, чьи культурные и прочие особенности, связывавшие их с Римом, сформировались в результате более органичного развития, продолжавшегося многие годы. Некоторые римские города стояли на месте более древних. Многие общины близ Адриатики имели долгую доримскую историю; еще более справедливо это было по отношению к Македонии и побережью Черного моря, где прошлое таких городов, как Фессалоники, Филиппополь, Анхиал и Одесс, уходило корнями во времена классической Греции. Эти края могли похвастаться и полностью отвечавшими римским образцам городами со стандартным набором общественных зданий, и цветущей провинцией, с удовольствием и чрезвычайно широко использовавшейся землевладельцами, проживавшими там на роскошных виллах. Отчасти эти общины можно рассматривать как побочный

результат затрат Рима на оборону. Многие городские советы в этих областях состояли из потомков легионеров-ветеранов; многие поместья когда-то появились в результате обычных земельных дарений государства солдатам, выходившим в отставку. Однако римская жизнь в регионе имела и свой собственный экономический потенциал, слишком существенный, чтобы объяснить его исключительно тратами государства. То же было справедливо и в отношении центрального коридора, шедшего от Филиппополя через Средну Гору и Сердику к Моравской низменности. Здесь расходы, на которые пошло государство, опять-таки дали некоторые экономические и социальные результаты, но Pax Romana обеспечил развитие аутентичной для римского общества жизни, в том числе и в большей части аллювиальных котловин. Двойное препятствие в виде гор и климата, которое повлекло за собой формирование значительно меньшего числа городов, нежели во многих других областях Европы (соответственно в процентном соотношении количество обрабатываемых земель здесь также было значительно меньше), не помешало Балканам развиться в подлинно римский мир.

Такова была панорама, представшая перед готами, когда разразилась война. Все свидетельствует о том, что грейтунги вступили в нее немедленно. Находясь на тот момент поблизости от Маркианополя, они оказались посередине пояса римских оборонительных сооружений, защищавших водный рубеж Дуная. В некоторых слоях при раскопках руин небольших крепостей обнаружены следы разрушений, датируемых годами войны, но и письменные, и археологические источники подтверждают, что Аммиан был прав, подчеркивая, что предводитель готов Фритигерн «хранил мир со стенами». Для готов атака приграничных римских фортов была бы равносильна самоубийству: многие из этих крепостей к началу IV в. получили дополнительные укрепления в виде огромных U-образных бастионов, предназначенных для размещения на них римских

крепостных метательных машин, которые отличались ужасающей эффективностью. Гарнизоны были весьма значительными: 23 боевых единицы в провинции Скифия и 27 — в Нижней Мезии. Особенно тесное сосредоточение войск наблюдалось в Новиодуне, Аксиополе, Троезмисе, Трансмариске, Диосторуме и Новах (карта № 6). Однако тамошние гарнизоны были прежде всего обучены патрулированию и проведению небольших рейдов, не представляя собой мобильных сил для полномасштабных операций, и в любом случае Лупицин значительно уменьшил количество солдат, находившихся там, чтобы наскрести хоть какое-то войско. Итак, нанеся поражение Лупицину, готы уже нейтрализовали единственные мобильные военные силы в регионе; что же до остальных гарнизонов, то, рискни они выйти из укрытий по частям, их ожидала бы неминуемая гибель. Эти военные сооружения не представляли непосредственной угрозы для готов, и на них можно было не обращать внимания.

Кроме того, у готов имелись и более неотложные дела. Безусловно, им предстояло решить множество проблем. Как мы отметили выше, зима, проведенная ими на открытых пространствах Дунайской низменности, где даже средняя температура в течение дня в январе и феврале не поднимается выше нуля, а также то, что происходило на римском черном рынке, привели их в ярость. Им также необходимо было пополнить запасы продовольствия. Вполне вероятно, что они привезли с собой по крайней мере часть урожая 376 г., а римляне в рассмотренный нами промежуток времени снабжали их некоторым количеством провианта, однако возможности сеять и разводить огороды у них не было. Итак, разграбив ставшие легкой добычей поселения по соседству с Маркианополем, готы обратили взор с Придунавья к богатой метрополии с процветающей экономикой — т.е. к Юго-Восточным римским Балканам.

Затем готы появились по соседству с Адрианополем — уже южнее Гемских гор, примерно в 200 километрах от

Маркианополя. Полное поражение сил Лупицина лишило в тот момент римлян какого-либо шанса удержать их на рубеже, образованном Гемскими горами. В Адрианополе располагались небольшие силы готов; возглавляемые Сверидасом и Колиасом, они длительное время составляли часть римской армии. Когда известие о восстании на севере достигло города, между горожанами и этими готами начался конфликт, и весь отряд устремился к Фритигерну. Именно в этот момент, как сообщает Аммиан, Фритигерн дал совет «приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь при этом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны» (Amm. Marc. XXXI. 6. 4). Последствия, с точки зрения римлян, были ужасны: «[Готы] рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант [...] [С такими проводниками] только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались незадетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и многих стариков, кричавших, что они достаточно уже пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину» (Amm. Marc. XXXI. 6. 5—7).

Голодные и разъяренные готы жгли все кругом; население Фракийской низменности внезапно оказалось «на переднем крае» и заплатило за все, что произошло в ту зиму на Дунае. Обратим также внимание на готовность, с какой часть римского населения помогала готам в грабежах. Некоторые, возможно, делали это из страха, однако многие крестьяне желали свести свои счеты с угнетателями. Pax Romana благоволил далеко не всем римлянам.

Ответом Рима на эту катастрофу стало появление первого соединения римских войск с востока. Валент послал одного из главных своих советников, генерала Виктора, чтобы тот заключил мир с Персией на любых условиях; одновременно он отправил из Армении часть войск под командованием генералов Траяна и Профутура, которые достигли Балкан летом 377 г. Готы быстро отступили к северу, за Гемские горы. В этот момент также первые плоды принесли интенсивные усилия дипломатии Валента. Небольшой отряд из Западной Европы под командованием Рихомера поспешил через Суккский перевал на соединение с Траяном и Профутуром. Получив подкрепление, римляне двинулись к северной части Гемского хребта, в то время как готский лагерь, окруженный повозками, как сообщает Аммиан, располагался в месте, именуемом Ad Salices, «город под ивами» (см. карту № 6). Римляне решили рискнуть и вступить в бой; готы имели равные с противником силы, так как последняя партия фуражиров уже вернулась. Описание стычки есть только у Аммиана, причем весьма нечеткое. Почти половина его посвящена риторическим описаниям убитых и умирающих, и автор ничего не сообщает нам о числе сражавшихся и о диспозиции обеих сторон. В целом, однако, битву можно охарактеризовать как «кровавую ничью». В какой-то момент левое крыло римлян начало уступать, но резервы спасли положение, и бой продолжался до ночи. Римляне понесли тяжелые потери, но то же можно сказать и о готах, и после сражения они оставались внутри ограды из телег целую неделю. К этому моменту лето начало переходить в осень, так что, вероятно, события относятся к сентябрю 377 г.

Римляне блестяще использовали эту передышку. Битва обошлась им дорого, но на тот момент они перехватили инициативу (впервые после поражения Лупицина). Сильно уступая противнику по численности, они не имели шансов с теми силами, что у них были в наличии, нанести готам поражение; вместо этого, быстро использовав одну

из особенностей балканского ландшафта, они укрепили перевалы через Гемские горы. Из Маркианополя можно было контролировать восточную оконечность хребта, и, по-видимому, там оставался значительный гарнизон. Остаток войск рассредоточили, чтобы установить контроль над пятью основными дорогами на юге. Согласно Аммиану, план был прост: «Рассчитывали, конечно, что огромные полчища этих вредоносных врагов, будучи заперты между Истром [Дунаем] и пустынями и не находя никаких выходов, погибнут от голода» (Amm. Marc. XXXI. 8. 1). Он был также успешно осуществлен. Некоторые из перевалов через Гемские горы весьма широки, но все они находятся очень высоко. Ровно 1500 лет спустя во время русско-турецкой войны 1877 г. русские послали летучий отряд южнее Дуная, чтобы занять Шипкинский перевал, через который пролегает путь через Гемские горы к Адрианополю; через него также проходит главная дорога в Константинополь (Стамбул). Они успешно захватили его, однако подкрепления не прибыли, и в течение 5 дней (21—25 августа) 4400 русских вынуждены были выдерживать натиск 30—40 тысяч турок под командованием Сулеймана-паши. К концу битвы число потерь среди русских составляло 3500 человек, но они удержали перевал; склоны покрывали тела более 10 тысяч турок. Через два месяца после сражения близ «города под ивами» римляне добились столь же крупного успеха, что и русские впоследствии: «В те же самые дни в окрестностях Скифии и Мезии варвары, стервенея от собственной ярости и голода, поскольку истреблено было все, что только было съедобного, напрягали все силы, чтобы прорваться. После неоднократных попыток, которые были отражены сильным сопротивлением наших, засевших на высоких местах, они оказались в крайне затруднительном положении» (Amm. Marc. XXXI. 8. 4).

Римляне отчаянно пытались выиграть время, надеясь, что с наступлением зимы кампания закончится и что Ва-

лент и Грациан успеют к весне прислать на Балканы подкрепление.

Их надежды, однако, оказались напрасны. «Когда эта несчастная осень склонялась к зиме» (Amm. Marc. XXXI. 10. 1), разведка донесла, что готы нашли новых союзников: они привлекли на свою сторону силы гуннов и аланов обещаниями грабежа. Узнав об этом, римский командующий решил, что перевалы более невозможно удерживать: едва один будет захвачен, солдаты на остальных будут перебиты, и у них не будет шанса выстоять против численно превосходящих их готов. Не теряя времени, он отвел свои войска назад. В основном отступление прошло благополучно, но одно из соединений римлян враги настигли на открытом месте при пересечении путей близ Дибальта, южнее Гемских гор, и, по-видимому, истребили. Готы, заключив союз с гуннами и аланами (даже небольшого числа которых было довольно, чтобы изменить хрупкое равновесие сил в пользу готов), вновь получили свободу действий и могли устремиться на юг от Гемских гор. Они так и поступили, произведя сокрушительный эффект — двинулись малыми группами и в течение зимы 377/78 гг. рассыпались, как сообщает Аммиан, «по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями [Геллеспонта]. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми» (Amm. Marc. XXXI. 8. 6).

На сей раз набеги совершались на более отдаленные территории и продолжались дольше, однако внимание готов постоянно привлекала богатая Фракийская равнина, и ущерб был причинен лишь тем территориям, которые находились в пределах восточных склонов Родоп. Аммиан «угощает» нас еще одним обширным описанием несчастий, постигших римлян, но не дает точных подробностей. Другие же источники сообщают, что готы подошли к стенам Константинополя, откуда их наконец отбросили силы

арабов, состоявших на римской службе. Арабский обычай пить кровь из перерезанного горла убитых противников побудил готов отказаться от дальнейшей борьбы, однако численность римских войск и союзников, чья помощь была доступна римлянам, оказалась недостаточной для того, чтобы принять более масштабные меры. Пока с востока не подошли подкрепления, у готов оставалась масса времени для грабежей. Частично ущерб можно проследить по археологическим находкам. Все крупные поселения римлян в регионе, к югу и к северу от Гемских гор, где проводились раскопки, в тот период опустели; во многих обнаружен мощный слой, хранящий следы разрушений.

Где-то в начале 378 г. силы, составлявшие ядро действующей армии Валента, начали прибывать с востока. Войска медленно собирались вблизи от Константинополя; отряды приходили из Месопотамии и с Кавказа. Вероятно, неверно было бы считать, что это произошло в самом начале года, поскольку римская действующая армия, подобно другим армиям, в том числе и тем, что действовали в недавние времена, не могла начать свои операции, пока не вырастет трава на корм животным, перевозившим багаж и тяжелое снаряжение. Сам Валент появился в Константинополе только 30 мая, и именно эту дату с большей или меньшей точностью можно считать моментом, после которого стали возможны более или менее масштабные операции. Население столицы оказало ему весьма прохладный прием; произошли волнения. Константинополь представлял собой очаг противостояния Валенту в ходе неудачной попытки узурпации в начале его правления; имели место также и религиозные причины. В добавление к этому многие горожане, несомненно, понесли финансовые и другие потери при нападении готов. Собравшись после длительного марша с востока, армия отдыхала и готовилась к битвам. Валент был императором, которому свои немалые способности нужно было подтвердить.

* * *

Планы римлян относительно 378 г. вполне осуществились. Пойдя на значительные уступки на Кавказе, Валент заключил мир с персами и мог переместить большую часть своей армии назад на Балканы. Продолжались переговоры с Грацианом: правитель Западной Римской империи обещал лично прибыть во Фракию и привести с собой свою армию. Таким образом, лучшие войска из обеих частей империи собирались в боевом порядке, чтобы поставить готов на место. Ни в одном из источников не названа конкретная цель объединенной кампании, однако догадаться несложно. Императоры собрали достаточно войск, чтобы одержать полную победу; затем, как всегда, предстояло завершить дело. Империя подтвердила бы свой статус неуязвимой, а готы, оставшиеся на римской территории, частично должны были погибнуть в цирках, частично поступить в армию; большинство же подверглось бы распределению в качестве подневольной рабочей силы.

Но в IV в., как и в другие столетия, «ни один план не выдерживает первого столкновения с врагом». В данном случае в качестве врага выступили неожиданные силы. Пока Грациан собирал на западе войска для экспедиции, тем, кто находился по другую сторону границы, стало ясно, что в линии обороны римлян в верхнем течении Рейна и Дуная появились бреши. Эту новость подтвердил римский солдат германского происхождения, возвратившийся домой к своим соплеменникам-лентиензам — одной из ветвей алеманнов, населявших предгорья Альп в приграничных районах римской Реции (ныне Швейцария). В феврале 378 г., когда Грациан уже выслал немало войск на восток в Паннонию — область на Среднем Дунае — для участия в предстоящей кампании, лентиензы пересекли в верховьях замерзший Рейн. Римляне отразили этот первый натиск, но Грациан получил сведения разведки о том, что этот шаг противника представлял собой всего лишь первоначальную жертву с расчетом на даль-

нейший выигрыш и что планируются дальнейшие мощные атаки с участием многих тысяч алеманнов. Император и его союзники решили, что готам придется подождать. Часть экспедиционных сил отступила на запад из Паннонии, а в Галлии прошел дополнительный набор войск, чтобы Грациан смог нанести мощный упреждающий удар. Прежде чем отправляться на запад, он хотел защитить свой тыл и осуществлял последовательный нажим на противника вплоть до того, что повел длительную осаду основной группы подозреваемых, загнанных на вершину горы. Медленно, но верно кампания продолжалась до тех пор, пока лентиензы не сдались и бывшего римского воина не наказали.

С точки зрения Грациана, его действия были полностью оправданны, но Валент оказался в безвыходном положении. Он прибыл в Константинополь 30 мая и покинул город через 20 дней, перебравшись на императорскую виллу в Меланции, расположенную в 50 километрах по направлению к Фракии, где сосредоточились его войска. Солдаты получили плату и продовольствие; командующие пытались поднять их боевой дух перед кампанией. Но Грациан так и не появился. Готы же, пока Валент ждал, не бездействовали. Их отряды фуражиров продолжали действовать, а основные силы распределились между Никополем и Бероей, взяв таким образом под контроль подступы к Шипкинскому перевалу с обеих сторон. Готы, как могло бы показаться, оставляли себе свободу выбора: они могли двигаться на север или же на юг через Гемские горы. В этот момент военачальники Валента узнали об отдельном готском отряде, совершавшем рейд по соседству с Адрианополем, и направили колонну, чтобы подстеречь его в засаде. Ночная атака увенчалась успехом, но готы приняли контрмеры. Фритигерн призвал все свои отряды и передвинул главные силы, телеги и прочее к югу от Хемуса в Кабил, а затем переместил их еще дальше на юг, собственно на территорию Фракийской низменности, чтобы избежать дальнейших засад. Ко-

нец игры быстро приближался. Основная масса готов теперь находилась севернее Адрианополя на главной дороге из Кабиля. Валент стоял южнее Адрианополя; его силы собрались вместе и отдохнули. Грациана, однако, по-прежнему не было и следа, а лето меж тем уходило.

Валент присоединился к своей армии близ Константинополя 12 июня. Однако июнь миновал, а от Грациана не было никаких известий. Восточная армия бездействовала почти два месяца, и ничего не произошло, если не считать засады, в которую попал один готский отряд во время рейда. В войсках нарастало беспокойство; боевой дух падал. Затем вместо армии Грациана пришло письмо с детальным перечислением побед, одержанных западным императором над алеманнами. Согласно его уверениям, он находился в пути, однако на дворе уже был август, сезон ведения военных действий кончался, и успехи Грациана задели Валента за живое. Его терпение должно было вот-вот иссякнуть. Затем пришло известие о продвижении готов на юге по направлению к Адрианополю. Разведка сообщила, что у готов всего 10 тысяч бойцов — значительно меньше, чем ожидал Валент. Эта цифра, как я полагаю, основывалась на ошибочном мнении, что к Адрианополю в тот момент приближались только тервинги Фритигерна, а не объединенные силы тервингов и грейтунгов. Валент завидовал успехам Грациана; искушение было велико. Был ли шанс одержать победу над многочисленным неприятелем — победу, способную поднять боевой дух воинов и авторитет полководца? Мнения военачальников разделились. Некоторые предлагали проявить храбрость; другие советовали дождаться Грациана. «Ястребы», условно говоря, одержали победу. Трубачи протрубили походный сигнал, и армия Валента выступила в боевом порядке к Адрианополю, а затем выстроила походный лагерь с защитными сооружениями в виде временных земляных валов близ города.

От Грациана писем больше не было. Он приближался; его авангард удерживал жизненно важный перевал Сукки

между Гемскими горами и Родопами, так что он мог двигаться прямо вниз, на большую военную дорогу, ведущую к Адрианополю. Часть военачальников Валента продолжала доказывать необходимость задержки, но, как сообщает Аммиан, «победило... злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, — как они это себе представляли, — Грациана» (Amm. Marc. XXXI, 12, 7).

В ночь с 8 на 9 августа, когда стороны находились в непосредственной близости друг от друга, Фритигерн послал христианского священника к Валенту с предложением мира, но император отверг его. На рассвете римская армия поспешила к северу от Адрианополя, оставив обоз с необходимой охраной в полевом лагере, а имперскую казну и другие предметы значительной ценности — в черте города, за стенами. Все утро римляне продвигались к северу, пока около двух часов пополудни не увидели телеги готов (как пишет Аммиан, они были «расставлены в виде круга» — Amm. Marc. XXXI, 12, 11). Пока римляне развертывали силы, явилось еще два посольства от готов с предложением мира. Валент заколебался. Он вел переговоры об обмене заложниками, когда два отряда из правого крыла римлян, не получив приказа, бросились в атаку. После долгих месяцев ожидания наконец разразилось настоящее сражение.

Описания битв, происшедших в древности, никогда не содержат всего того, что хотелось бы знать. Тогдашняя аудитория желала услышать о великих деяниях, о примерах отчаянной храбрости; ее не интересовала военная наука. В сущности, что касается Адрианополя, Аммиан представляет нам один из лучших образчиков описания битв. Готы поставили свои телеги в круг, чтобы усилить свою позицию; римляне расположили на флангах смесь кавалерии и пехоты; в центре находился отряд тяжеловооруженных пехотинцев. Хотя левое крыло не было полностью развернуто к моменту начала битвы, поначалу именно оно, кажет-

ся, добилось наибольших успехов. Оно оттеснило наступающих готов назад, к кругу из телег и вот-вот должно было взять штурмом и его, когда произошла катастрофа. Когда левое крыло римлян продвинулось вперед, кавалерия готов под командованием Алатея и Сафракса вместе с некоторым числом аланов (вероятно, тех, с кем они вступили в союз прошлой осенью), «как молния, появилась... с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути» (Amm. Marc. XXXI, 12, 17). Теперь, когда тервинги противостояли Валенту на поле битвы вместе с грейтунгами, император столкнулся с куда большими силами врага, нежели он предполагал. Он дал бой на основании неправильных данных разведки, и готам удалось добиться полной тактической внезапности.

Из сообщения Аппиана не совсем ясно, что произошло дальше, но, по-видимому, готская конница врубилась в левое крыло римлян. Очевидно, именно с разгрома левого крыла началась катастрофа. Первым делом готы рассеяли поддерживавшую это крыло кавалерию, а затем сокрушили его главные силы — возможно, те оказались зажатыми между телегами, выстроенными в виде круга, и надвигавшейся конницей готов. В результате уничтожения левого крыла центр римской армии, в свою очередь, подвергся мощной фланговой атаке. Поскольку воины выстроились своим обычным тесным порядком — в IV в. они по-прежнему часто использовали testudo («черепаху»), строй, при котором щиты смыкаются стеной, — эффект был сокрушительным: «Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку... Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться... и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти».

Действительно, тяжеловооруженные пехотинцы римских отрядов, расположенных в центре, стояли так сомк-

нуто, что нельзя было надеяться на маневр для использования веса своего оружия. Обычные тактические преимущества, которые обеспечивали им оружие, доспехи и выучка, обернулись ничем.

Кроме того, войска были на грани изнеможения. Валент бросил их в битву, не дав отдохнуть и поесть после восьмичасового марша под августовским солнцем; на Фракийской низменности в это время года средняя температура днем достигает 30°C. Готы воспользовались этим и при благоприятном ветре разожгли огромные костры, и в сторону противника понесло жаром и дымом. После жестокого боя основная боевая линия римлян дрогнула; солдаты побежали. Результатом, как всегда бывает в подобных обстоятельствах, стала резня. Погибли и император, и его армия. Что именно случилось с Валентом, никому точно не известно. Его тела так и не нашли. Некоторые говорят, что его, раненого, отнесли в крестьянский дом, который готы окружили и сожгли дотла, когда из верхнего окошка в них полетели стрелы, и что один из его спутников спасся и сообщил эту историю. Представляется, что Аммиан не верит этому сообщению, хотя его пересказывают многие. Возможно, император попал в беду и был попросту зарублен, неузнанный, где-то на поле боя.

Игра Валента была проиграна. Сам император погиб, а готы, вопреки всем ожиданиям, одержали ошеломляющую победу, уничтожив в ходе сражения лучшую армию Восточной Римской империи. Насчет того, сколько римских воинов погибло в тот день, идут горячие споры. Аммиан сообщает, что 35 офицеров в ранге трибуна (примерно то же, что командир полка) погибло и две трети войск было уничтожено. Из полного списка армии Восточной империи, составленного около 395 г., т.е. примерно через 20 лет после сражения, мы также знаем, что 16 элитных соединений понесли столь тяжкие потери, что их так и не восстановили. Однако полных цифр нам получить не удается, поскольку мы не знаем, какой была исходная численность

армии. Погибшие трибуны (по крайней мере частично) могли скорее быть штабными офицерами, нежели командующими соединениями. Некоторые историки полагают, что Валент привел с собой более 30 тысяч человек и что, следовательно, при Адрианополе погибло 20 тысяч из них. Даже заключив мир с Персией, император, однако, не мог позволить себе полностью «оголить» восточные рубежи, уведя оттуда все войска, и следует помнить, что он ожидал подкреплений от Грациана. Сам я полагаю, что Валент, вероятнее всего, привел на Балканы в 378 г. 15 тысяч человек и ожидал, что Грациан приведет столько же. В совокупности эти силы получили бы преимущество над готами в соотношении 1,5:1 — 2:1, что должно было быть более чем достаточно. Но, получив от разведки ложные сведения, Валент дал сражение при Адрианополе, когда, с моей точки зрения, небольшое преимущество имели готы (сражайся он только с тервингами, как он рассчитывал, соотношение было бы 1,5:1 в его пользу). Его силы были уничтожены за счет перевеса готских войск, но прежде всего за счет полнейшей тактической внезапности, которая им удалась. Если я прав, то потери римлян 9 августа составили более 10 тысяч человек.

Но по большому счету споры о численности представляют собой сугубо академический интерес. Главное заключается в том, что из-за зависти Валента в адрес Грациана и из-за его нетерпения империя погибла. По мнению Аммиана, римляне не знали подобного поражения со времен битвы при Каннах в 216 г. до н.э., когда Ганнибал уничтожил всю армию империи. Одержав победу, готы не только овладели полем боя, но и стали хозяевами всех Балкан. Миф о непобедимости римской армии оказался развеян в течение одного дня, и Грациан мог лишь беспомощно взирать с противоположной стороны Суккского перевала, отстоящего на 300 километров от места событий, на то, как торжествующие готы неистовствуют на Южных Балканах. Несмотря на весь перевес и преимущества противника в

снаряжении и подготовке, готы одержали победу; путь на Константинополь был открыт. Как сообщает Аммиан, «оттуда [из Адрианополя] они пошли спешным маршем к Константинополю, неисчислимые сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты. Опасаясь засад, они держались в связном строю и готовились напрячь все свои силы на гибель славного города» (Amm. Marc. XXXI, 16, 4).

Валент был мертв, его армия уничтожена; Восточная Римская империя ожидала своих завоевателей.

«Мир в наше время»

Я так и не могу решить, верить ли эпизоду, которым Аммиан практически на последней странице своей «Истории» завершает рассказ о Готской войне. Показав победоносных готов, собирающихся осадить Константинополь, он затем преподносит нам следующее: «Мало-помалу сломлена была их дерзость, когда они разглядели огромное протяжение стен, широко раскинувшиеся группы зданий, недоступные для них красоты города, несчетное количество населения и возле города пролив, соединяющий Понт с Эгейским морем. Разбросав сооружения, которые они стали готовить для осадных машин... они отошли оттуда и рассыпались по северным провинциям» (Amm. Marc. XXXI, 16, 7).

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой: прекрасная метафора для всей войны. И следует помнить, что в начале 390-х гг., когда Аммиан писал эти строки, он знал о том, каков был исход войны, хотя и предпочел окончить свой рассказ событиями 378 г. Победы над Валентом при Адрианополе было достаточно, чтобы готы могли бросить взгляд на «приз» — Константинополь; но и его одного, в свою очередь, оказалось довольно, чтобы убедить их, что у них нет ни малейшего шанса его захватить.

Готы столкнулись с тремя преимуществами противника, которые делали невозможной их немедленную победу над Римской империей. Во-первых, даже если мы (с учетом максимально возможных цифр) предположим, что всего их было 200 тысяч и они могли собрать армию численностью 40—50 тысяч человек (хотя я полагаю, что цифра эта сильно завышена), это по-прежнему могло сравняться с общей суммой людских ресурсов империи лишь частично. Армия всей империи насчитывала 300—600 тысяч человек, а численность населения в целом превышала 70 миллионов (если брать минимальные цифры). В схватке на уничтожение мог быть лишь один победитель, и более проницательные из числа готов (кто-то из тех тервингов, которые путешествовали через Малую Азию, чтобы участвовать в Персидских войнах) полностью осознавали это. Мирные предложения Фритигерна перед сражением при Адрианополе показывают, что он, например, никогда не переставал думать о будущем. Он сказал Валенту, что если армия империи должным образом продемонстрирует свою мощь, дабы устрашить врага, то он сможет убедить своих товарищей умерить свой боевой пыл и заключить мир на основе взаимных уступок. Qui pro quo, которое Фритигерн имел в виду, чтобы добиться выгоды для себя, было достаточно интересно: Валент должен был признать его королем всех ныне объединившихся готов. Таким образом, Алатей и Сафракс оказались бы оттеснены на второй план, не говоря уже о других возможных соперниках Фритигерна из числа тервингов. Впоследствии оказалось, что армия империи не смогла выполнить свою часть соглашения — она погибла вся до последнего человека. Но (здесь в каком-то смысле напрашивается аналогия с Перл-Харбором) когда ресурсы и возможности сторон настолько неравны, одна неожиданная победа в начале борьбы не может изменить ее хода в целом.

Вслед за названной существеннейшей проблемой мы можем упомянуть еще две. Во-первых, не сохранилось

свидетельств о том, что готам за шесть лет войны удалось взять хотя бы один крупный укрепленный имперский центр. Очевидно, в римских общинах Придунавья, отрезанных от центра на длительный период, сложились тяжелые условия: к примеру, мы не знаем, могли ли они вообще что-либо сеять. Но ни один город не был взят в результате осады. Это означает, что готы не могли забрать в свои руки запасы оружия и припасов или сами расположиться в хорошо защищенной крепости. Вторая проблема вытекает из первой. Силы готов, находившиеся на юге Придунавья между 377 и 382 г., представляли собой целое племя, а не армию в чистом виде: то были мужчины, женщины и дети, которые передвигались сами и перевозили свое имущество в огромном тележном обозе. Не имея защищенных земель, на которых можно было бы производить продукты питания, и не будучи в состоянии захватить житницы и хранилища, находившиеся в укрепленных пунктах, готы вынуждены были грабить, чтобы прокормиться, и, поскольку им требовалось столько пищи, они практически не имели возможности задерживаться на одном месте. Уже осенью 377 г. севернее Гемских гор не оставалось ничего, и в последующие годы войны, насколько мы можем реконструировать события, готы постоянно передвигались с одного участка территории Балкан на другой. Иногда их вынуждала делать это римская армия, но скорее их безостановочное движение следует приписать отсутствию гарантированных запасов продовольствия.

Победа при Адрианополе позволила готам перемещаться по Фракии, как им было угодно, оставшиеся месяцы 378 г. На следующий год, однако, даже несмотря на то, что империя более не имела полевых сил для ведения боев на Восточных Балканах, они сдвинули центр своих операций дальше к западу в Иллирик: объединенные силы готов продвинулись к северо-западу через Шипкинский перевал в Дакию и Верхнюю Мезию (см. карту № 6). Затем в 380 г. тервинги и грейтунги разделились, вероятно, пото-

му, что вместе им было трудно прокормиться. Алатей и Сафракс двинулись дальше к северу в Паннонию, где, по-видимому, потерпели поражение от сил правителя Западной Римской империи Грациана. Тервинги под предводительством Фритигерна направились на юго-восток по Моравско-Вадарской дороге в Фессалоники и в провинции Македония и Фессалия. Они, похоже, извлекли урок из прежнего опыта, довольствуясь лишь умеренной данью с городов, периодически взимая «отступное», а не опустошали территории, чтобы затем двинуться дальше. Мы не знаем, сколько бы так могло продолжаться: в 381 г. силы Западной империи оттеснили готов обратно во Фракию (вероятнее, на этот раз они шли по Эгнациевой дороге, а не через сердце Балкан). И опять-таки именно во Фракии в конце концов в 382 г. был заключен мир.

Однако в итоге Римская империя после шести лет войны не могла похвалиться полной победой, хотя формальная церемония заключения мирного договора, состоявшаяся 3 октября 382 г., была обставлена как капитуляция готов. Фемистий вновь выступает в качестве свидетеля, и он не оставляет нам никаких поводов для сомнений: «Мы видели их вождей и предводителей, которые не устраивали зрелища из сдачи изорванного знамени, но отдали мечи и другое оружие, символизировавшее до сего дня их власть, и прижались к коленям властителя [императора Феодосия] ближе, чем Фетида, как о том рассказывает Гомер, прижалась к коленям Зевса, когда она молила его за своего сына*, пока они не кивнули милостиво и не раздался голос, не возвещавший войну, но исполненный доброты, исполненный мира, исполненный благоволения и прощения грехов».

Однако даже при беглом взгляде на лексику Фемистия понятно, что заключенный договор отличался от соглашения, которое обычно следовало за победой римлян над предполагаемыми иммигрантами, проявившими враж-

* Имеется в виду Ахиллес. — *Примеч. пер.*

дебность. Слова «доброта», «благоволение», «прощение» вносят новую ноту, и разница имеет отнюдь не только риторический характер. Ибо за сдачей не последовали ни кровопролития в цирках, ни массовая продажа готов в рабство, ни распределение множества готских пленников в качестве подневольной рабочей силы в сельские хозяйства. Когда в 383 г. император захотел вновь уверить население Рима, что безопасность империи нерушима, в Колизее были перебиты сарматы, а не готы. Готы же убили римского императора, уничтожили римскую армию и прошли с огнем и мечом по главным трактам римских Балкан, опустошив их окрестности. В мире, где римский император считал себя в полном праве прийти в ярость, если посол «варваров» простирался перед ним без должного усердия, отсутствие мести, кары и показательных мероприятий в 382 г. являлось чем-то из ряда вон выходящим.

Опять-таки мы не знаем всего, что хотелось бы знать об условиях, насчет которых была достигнута договоренность. В некоторых важных аспектах они были совершенно оригинальны. Однако хотя римляне проявили поразительную щедрость в отношении готов, те не получили всего, что хотели. При Адрианополе в число мирных инициатив готов входило предложение сделать Фракию независимым королевством готов. Фритигерн, как мы видели, также вел дело к тому, чтобы Валент признал его в качестве предводителя всех готов-иммигрантов. Ничто из этого не осуществилось. Ни Фритигерн, ни Алатей, ни Сафракс не дожили до мирных переговоров. Может, они погибли в сражении; если же нет, то готы вполне могли свергнуть их и заплатить таким образом часть цены, за которую они купили себе мир. Я не вижу оснований утверждать противное. Империя нуждалась в символах победы, которые она могла бы предъявить налогоплательщикам, и выживание (и даже процветание) победителей при Адрианополе в этих условиях было полностью неприемлемо. Действительно, в течение следующих десяти лет или около

того, продолжая проводить уже в пределах границы политику, широко применявшуюся к алеманнам за пределами Рейна (см. гл. III), римляне отказывались признать любого готского лидера, претендовавшего на власть надо всеми соплеменниками. Несомненно, тем самым они стремились разобщить готов. Готскому племени также не удалось получить Фракию в независимое владение. Целостность Фракии как единицы, принадлежавшей Римской империи и управлявшейся из центра, получила решительное подтверждение. Римляне отстроили приграничные укрепления и укомплектовали их живой силой там, где это требовалось; на территории возобновилось действие римского права и сбор налогов. В этом отношении требования готов встретили решительный отпор.

В то же время готам даровали земли, на которых они могли трудиться сами, а не в качестве зависимых арендаторов — мы точно не знаем, где именно. Некоторые лежали севернее Гемских гор в Нижней Мезии и Скифии близ Дуная, где до конца IV в. жили карпы, но часть поселений могла также находиться в Македонии. Куда важнее, что, где бы они ни жили, они селились достаточно большими группами, что позволяло им вести традиционную для них политическую и культурную жизнь. Это четко удостоверено римскими источниками конца 390-х гг. и явлено в самой ткани повествования о происходившем. Одним из результатов договора, выгодных римлянам, стал военный союз. Он подразумевал не только обычный призыв готов в регулярную армию Рима — готы также согласились предоставлять значительно большие силы под командованием своих собственных предводителей для отдельных кампаний. Эти особые случаи подразумевали ведение переговоров императором с готскими лидерами в целом. Из одного примера, относительно которого мы располагаем детальными сведениями, известно, что император Феодосий устроил для них большой пир. Если в 382 г. вожди восстания оказались принесены в жертву и это стало частью условий

мирного договора, то немало равных им, очевидно, уцелело, что позволило поддержать идею целостности готской общины. По условиям мирного договора, несмотря на отсутствие права действовать независимо под руководством избранного ими лидера, готы продолжали пользоваться свободой вести переговоры и действовать как единое целое совместно с Римским государством или же против него (как мы увидим в следующей главе). Невозможно представить себе более очевидного расхождения с обычной для Рима политикой в адрес иммигрантов.

Согласно Фемистию, выступавшему перед сенатом Константинополя в январе 383 г., эти перемены в политике империи стали плодом некоего вдохновленного свыше решения, принятого преемником Валента Феодосием: «Он был первым, кто решился исходить из того, что сила Рима не в оружии, не в доспехах, не в копьях и неисчислимом воинстве, но из того, что явилась нужда в иных силах, иной поддержке, коя неслышно нисходит к тем, кто правит в согласии с Божественной волей, [именно] из этого источника, подчиняет все народы, укрощает всякую жестокость, коей одной подчиняются все оружие, луки, конница, непримиримость скифов, храбрость аланов и безумие массагетов».

Вдохновленный Господом — ведь именно благодаря Ему он взошел на престол Восточной империи, — Феодосий понял, что самую полную победу принесет прощение, а не оружие. Соответственно главный уполномоченный им посредник «привел готов [к императору] покорными и послушными, всего лишь связав им руки за спиной, так что непонятно было, одержал ли он над ними победу на войне или завоевал их дружбу». И общий итог послужил ко благу как римлян, так и готов: «Если готов не стерли с лица земли, не стоит сожалеть об этом... Что было бы лучше: покрыть Фракию мертвыми телами — или заселить крестьянами? Заполнить ее могилами — или живыми? Я слыхал от тех, кто воротился оттуда, что ныне они пусти-

ли металл, из которого сделаны были их мечи и нагрудники, на мотыги и ножи для обрезки ветвей и что, выказывая [лишь] сдержанное почтение Аресу [богу войны], они возносят мольбы Деметре [богине урожая и плодородия] и Дионису [богу вина]».

Готы, как описывал Фемистий в речи к сенату, оставили войну для крестьянских трудов, отчего все только выиграли. Новый патрон Фемистия Феодосий предложил блистательное решение — прощение готам и компромиссные условия мира. Зависимость готов стала значительно большей, нежели можно было добиться в результате войны; выгоды же для империи оказались значительными. Опять-таки важно помнить о тиранической роли имперской идеологии и тот факт, что Фемистий был весьма опытным пропагандистом (он играл эту роль более 30 лет минимум при четырех императорах). Как всегда, он сообщал правду весьма обдуманно: до выступления с мирной инициативой Феодосий немало потрудился, пытаясь выиграть готскую войну более привычными методами.

Со смертью Валента во власти образовался вакуум, сохранявшийся до тех пор, пока Грациан не назначил Феодосия своим соправителем на востоке в январе 379 г. Он происходил из выдающегося рода военных — его отец был видным военачальником при императоре Валентиниане I — и сам имел хорошую военную репутацию. Ему немедленно поручили контроль над частью Иллирика — областями Дакии и Македонии, принадлежавшими Западной империи, дабы установить совместный контроль над всеми территориями, уязвимыми для буйствующих готов. Вступив на этот пост, первый год он занимался восстановлением восточной армии: призывал ветеранов, набирал новые отряды, вербуя дополнительные войска в Египте и других территориях Востока. Первая речь Фемистия, обращенная к новому императору весной 379 г., подтверждает направленность всей его политики: с самого начала император представлял себя «человеком, который должен

выиграть готскую войну»: «Именно благодаря тебе [Феодосию] мы укрепили свои позиции... и верим, что ты теперь положишь предел натиску и успехам скифов [готов] и потушить всепожирающий пожар... Боевой дух возвращается к кавалеристам и пехотинцам. Благодаря тебе уже и крестьяне наводят страх на варваров... Если ты, еще не воюя против виновных [готов], не дал осуществиться их умыслам лишь тем, что разбил поблизости лагерь и установил заграждения, какими мы должны вообразить себе страдания варваров, когда они увидят, как ты готовишь копье и выставляешь щит, и блистание [солнца] на твоем шлеме видно вблизи [от них]?»

К несчастью, не все развивалось так, как планировалось. Армия, организованная по новой модели Феодосия, потерпела неудачу, пытаясь одолеть готов в открытом бою в Македонии и Фессалии летом 380 г. Обстоятельства поражения таинственны, и источники намекают на предательство и ненадежность. Кровавой катастрофы, подобной адрианопольской, не произошло, однако нет сомнений, что Феодосий потерпел неудачу и готы во второй раз одержали победу над римской армией. Осенью Феодосию пришлось передать командование военачальникам Грациана, и именно они в конце концов изгнали готов из Фессалии летом 381 г., когда он поспешил в Константинополь, чтобы укрепить свои политические позиции ввиду постигшей его военной неудачи.

Итак, Феодосий мог выступить с новым планом, однако перед этим испробовал традиционные методы. Он обратился к дипломатическим новациям в 382 г. лишь потому, что этого потребовали военные неудачи — поражение *двух* римских армий. И лишь в тот единственный раз он прибег к подобному решению. Если бы он выиграл войну, я не имею ни малейших сомнений, что к любым оставшимся на территории империи готам были бы применены обычные санкции. Когда через четыре года после 382 г. другая группа готов попыталась пересечь Дунай, их перебили во множе-

стве. Некоторые из уцелевших попали в армию, остальных распределили в качестве зависимых земледельцев — причем обе группы отправили в далекие края, в Малую Азию.

Готов надо было выжить из богатых областей, таких как Фессалия, истребить, уничтожая их отряды, совершавшие набеги, морить голодом, пока те не подчинятся. Но после лета 380 г. римляне более не рисковали проводить спланированные операции.

Как мы видели, допустить, что богоизбранный император действует под нажимом варваров или даже под влиянием обстоятельств, вышедших из-под его контроля, было невозможно. Учитывая это, мы должны признать, что Фемистий в январе 383 г. был близок к истине, почти не пытаясь сгладить в своем описании беспорядок в Риме в дни назначения Феодосия: «...после событий на Истре, сравнимых с Илиадой по силе совершившегося зла, когда разгорелось чудовищное пламя [войны], когда не было даже правителя, вершившего дела римлян, когда Фракия лежала опустошенная, когда от целых армий не оставалось и тени, когда путь [врагам?] более не преграждали ни непроходимые горы, ни непреодолимые реки, ни пустоши с их бездорожьем и когда наконец почти вся земля и все море стали на сторону варваров».

Далее, он не пытается представить дело так, будто Феодосий мог с легкостью решиться на продолжение войны с тем, чтобы довести ее до победного конца: «...только представить, что это уничтожение было делом несложным и что мы владели средствами завершить его без тяжких последствий, хотя из прошлого опыта нельзя было ни предвидеть подобного, ни предполагать его вероятность, — и тем не менее говорю, только представить, что решение в наших силах...»

Для человека, который в 364 г. чувствовал, что должен заявить, что передача провинций, городов и крепостей Персии на самом деле была победой римлян, то, что он

говорил сейчас, не так уж отличалось от признания отсутствия у Феодосия иного выбора, кроме как пойти с готами на компромисс и заключить мир.

«Это еще не конец»

Тот факт, что оборона Римского государства оказалась прорвана, не должен сбить нас с толку: коллапс империи произошел значительно позже. Война на Дунае поразила лишь балканские провинции, относительно небогатые и изолированные приграничные территории, и даже здесь некоторая «романизованность» по-прежнему сохранялась. В раскопках римского города Никополиса на Истре слои, относящиеся к концу IV—V в., поражают количеством богатых домов, неожиданно [для нас] обнаруженных в пределах городских стен: они занимают 45 процентов всей площади поселения. Представляется, что поскольку виллы в сельской местности теперь оказались чересчур уязвимы, богачи управляли ими изнутри городских стен. Более того, к концу войны императоры и Восточной, и Западной империи по-прежнему прочно занимали свои троны; такие крупные центры, приносившие доходы, как Малая Азия, Сирия, Египет и Северная Африка, оставались вовсе не тронутыми. И на большей части территории империи никто и не видел готов.

На последнем этапе мирных переговоров Фемистий попытался уверить римских налогоплательщиков, что готы в свое время в должном порядке утратят даже полуавтономный статус. В качестве примера он привел нескольких варваров, говоривших на языках кельтской группы, которые перешли Геллеспонт в 278 г. до н.э. и заняли часть территории Галатии (получившей свое наименование по их этнониму) в Малой Азии, но в течение следующих столетий полностью ассимилировавшихся под

влиянием греко-латинской культуры. Учитывая колоссальную разницу в людских ресурсах, существовавшую между готами и Римской империей, в тот момент, несомненно, и впрямь казалось, что тогдашний статус готов в конечном итоге должен измениться, будь то в результате длительной ассимиляции (о чем ловко напоминает Фемистий) или, что куда более вероятно, вследствие нового военного конфликта после восстановления римской армии. Как показали события, уверенность Фемистия не оправдала себя. Потомкам тервингов и грейтунгов было суждено не только продолжать осознавать себя готами, но и в конечном итоге вырвать у Рима территорию для создания полностью независимого королевства, к чему они стремились с самого начала. Вскоре епископ Амвросий Медиоланский, писавший об Адрианополе, подвел итог всеобщему кризису, выразившись с достойной восхищения лаконичностью: «Гунны напали на аланов, аланы на готов и тайфалов, готы и тайфалы на римлян, и это еще не конец». Епископ имел в виду лишь продолжавшуюся войну с готами, но слова его оказались пророческими. Империя так и не получила возможности диктовать условия решения готского вопроса. Битва при Адрианополе действительно не стала концом в цепи событий, и империи пришлось отвечать на множество вызовов, прежде чем последствия переворота, совершенного гуннами, в полной мере исчерпали себя.

Глава пятая

ГРАД БОЖИЙ

Жарким августовским днем 410 г. случилось немыслимое. Значительные силы готов ворвались в Рим через Салариевы ворота и в течение трех дней грабили город. Сведения источников не слишком разнятся: они недвусмыс-

ленно говорят о грабежах и насилиях. Готов, конечно, ожидала богатая добыча; они повеселились вволю. К тому моменту, как они покинули город, они обчистили многие богатые сенаторские дома, а также храмы, и похитили древние сокровища иудеев, находившиеся в Риме с момента разрушения Соломонова храма в Иерусалиме, что произошло более 300 лет назад. Они также забрали с собой сокровище иного рода — Галлу Плацидию, сестру правившего в Западной империи Гонория. Среди их «деяний» также числились и поджоги: в числе пострадавших построек города оказались Салариевы ворота и старое здание сената.

Римский мир был потрясен до основания. Столетиями хозяйничавшая на всех известных к тому времени землях мира великая столица империи пала при первом же ударе. Св. Иероним, эмигрировавший из Рима в Святую землю, кратко заметил по поводу случившегося: «Гибель одного города повлекла за собой крах целого мира». Язычники отреагировали более язвительно: «Если боги, охранявшие Рим, не спасли его, значит, они покинули город, ибо, пока они пребывали в нем, они хранили его»*. Иными словами, причиной опустошения стало принятие христианства. Но эмоциональный отклик на любое значительное событие редко содержит его адекватную оценку. Осознание подлинных причин и в особенности подлинного значения разграбления Рима требует от нас детективного расследования величайшей сложности. Для этого нам потребуется перенестись почти на двадцать лет в прошлое, считая с того рокового летнего дня, а затем посмотреть, что произошло после него. В пространственном отношении события развивались на территории, ограниченной Кавказскими горами с востока и Пиренейским полуостровом с

* Иероним пишет об этом в своем толковании на Книгу пророка Иезекииля, в предисловии к книге 1. Комментарий язычников: Aug. Serm. 296; полный обзор откликов см.: Courcelle, 1964, 58 ss.

запада. Получается, что хотя в тот момент разграбление Рима показалось событием, имевшим символическую и даже роковую окраску, само по себе оно не нанесло серьезного вреда обороноспособности империи.

На Восточном фронте — полный хаос

Ни в одном источнике не содержится подробного описания всей цепи событий, приведших к этому значительному происшествию, не говоря уж об анализе его причин. Разграбление Рима стало итогом взаимодействия множества сил, и ни один историк тех времен, по крайней мере из числа тех, чьи работы дошли до нас, не мог окинуть взглядом случившееся во всей его полноте. Есть и более конкретная причина, почему случившееся создает для нас столь существенные сложности. Многое из истории событий 407—425 гг. н.э. описано в объемной работе хорошо осведомленного современника, Олимпиодора Фиванского, чьи сочинения мы уже упоминали выше. Он родился в Египте, получил превосходное классическое образование и работал, как бы выразились в наши дни, в министерстве иностранных дел Западной Римской империи: он возглавлял ряд дипломатических миссий (наиболее известны его переговоры с гуннами), причем более двадцати лет в путешествиях его сопровождал любимый попугай, умевший «плясать, петь, звать хозяина по имени и обученный многим другим штукам». Олимпиодор писал не по-латыни, а по-гречески, и стиль его был менее риторичен и ярок, нежели было принято в те времена (кстати, он извиняется за это перед своей аудиторией). Для современного читателя, однако, это оказывается преимуществом: сочинение Олимпиодора менее напыщенно и более информативно, нежели, к примеру, описание войны с готами на Балканах, принадлежащее перу Аммиана Марцеллина. К несчастью,

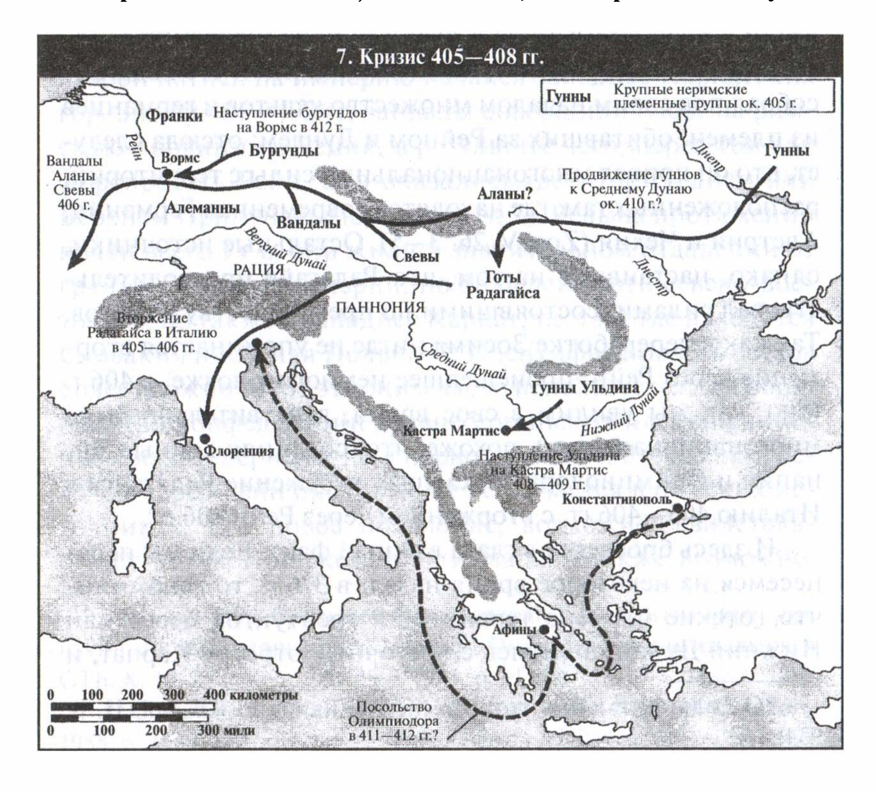
однако, история Олимпиодора дошла до нас не целиком. Примерно через четыреста лет некто Фотий, византийский библиофил, краткое время занимавший патриарший престол в Константинополе, создал объемный труд под названием «Библиотека», где вкратце изложил содержание хранившихся у него книг; к счастью для нас, в их число входила «История» Олимпиодора. Из краткого описания Фотия мы также знаем, что упомянутое сочинение оказало значительное влияние на двух писателей, хронологически куда более близких упомянутому событию: имеются в виду историк церкви Созомен, работавший в середине V в., и языческий историк Зосим, писавший в начале VI в. Обоих интересовало разграбление Рима, и оба создали дошедшие до нас в более или менее полном виде объемные тексты на основе первой части «Истории» Олимпиодора, где повествование доходит до 410 г. Безусловно, для наших целей они очень полезны, однако в обоих случаях текст Олимпиодора сокращен и переработан авторами, преследовавшими свои собственные цели; к тому же в них вкрались ошибки. В особенности Зосим, пытаясь соединить в своем сочинении сведения из двух основных источников — Олимпиодора и Эвнапия, отчасти перекрывающих друг друга в отношении событий начала V в. — так, чтобы не было заметно никаких «швов», одни ключевые события упускает, а другие искажает*.

После появления в 376 г. искавших убежища готов, о которых шла речь, на европейских границах Рима воцарился относительный покой, и тогдашнее поколение имело возможность наслаждаться им большую часть жизни. Однако мир дрогнул, когда между 405 и 408 г. произошло четыре вторжения в приграничную полосу, затронувших территорию от Рейна до Карпатских гор. Карпаты образуют восточное крыло центральноевропейской горной цепи,

---

*Об Олимпиодоре и его попугае, а также о том, как был использован его текст, см. Matthews, 1970; Зосим объединяет сведения из Эвнапия и Олимпиодора в V. 26. 1.

которая также включает в себя Альпы. Они начинаются и заканчиваются на р. Дунай; их протяженность составляет примерно 1300 километров, считая от столицы Словакии Братиславы на западе до Орсовы на востоке; они образуют огромную арку, изогнутую к востоку (см. карту № 7). В среднем Карпаты ниже, чем Альпы; немногие вершины превышают 2500 м; на них нет ледников и снежников. Их ширина колеблется от 10 до 350 км, причем их западный, более узкий конец пронизан большим количеством перевалов, нежели восточный, склоны которого спускаются к Великой Евразийской степи. Карпатские горы всегда определяли географию Европы: они отделяли Восточную и Центральную Европу от Южной. Кроме того, они имели историческое значение; в частности, оно отразилось на уст-

ройстве Римской империи в последний период ее существования. Район Придунавья восточнее Орсовы, низовьев Дуная, относился к Фракии и находился под юрисдикцией Восточной империи, в то время как область Среднего Придунавья, западнее и южнее гор, защищала проходы в Италию и всегда относилась к Западной империи. Чтобы понять, как происходили различные вторжения начала V в., мы должны представить себе, как развивались события в этих альпийских «декорациях».

В 405—406 гг. языческий король готов по имени Радагайс во главе больших сил пересек Альпы и вступил на территорию Италии. Вследствие искажения Зосимом истории Олимпиодора мы располагаем лишь отрывочными сведениями относительно этого нападения. Зосим сообщает, что Радагайс потерпел поражение близ границы; его взяли в плен во Фьезоле и казнили близ Флоренции. Зосим также сообщает, не приводя никаких дат, что Радагайс собрал под своим началом множество кельтов и германцев из племен, обитавших за Рейном и Дунаем; отсюда следует, что он привел многонациональные силы с территорий, расположенных там, где находятся современная Германия, Австрия и Чехия (Zos. V. 26. 3—5). Остальные источники, однако, настаивают на том, что Радагайс предводительствовал силами, состоявшими по преимуществу из готов. Так как в переработке Зосима нигде не упоминается вторжение через Рейн, происшедшее немногим позже, в 406 г. (оно, как мы увидим в свое время, действительно было многонациональным), похоже, что, соединяя данные Эвнапия и Олимпиодора, он смешал вторжение Радагайса в Италию 405—406 гг. с вторжением через Рейн 406 г.*.

И здесь бросается в глаза важный факт. Если мы перенесемся на некоторое время назад, в 376 г., то вспомним, что готские племена тервингов и грейтунгов пересекли Нижний Дунай, двигаясь с восточных отрогов Карпат, и

*О Радагайсе как о готе см. источники в PLRE, vol. II, p. 934.

вторглись во Фракию. Через тридцать лет события переместились на запад. Вторжение Радагайса в Италию, не пересекшего Балканы, подразумевает, что он проник на земли империи откуда-то с территории Большой Венгерской равнины, расположенной западнее Карпат (см. карту № 7). Судя по находкам монет в кладах, путь его армии пролегал через Юго-Восточный Норик и Западную Паннонию; его вторжение также вызвало поток беженцев, охваченных паникой, которые устремились через Альпы, опережая его вторжение*.

Радагайс встретил свой конец 23 августа 406 г. Четыре месяца спустя, 31 декабря, через Рейн в Галлию вторглись смешанные силы. Наибольшее число воинов насчитывали три племенные объединения: вандалы, аланы и свевы (среди вандалов выделялись две политических группировки: хасдинги и силинги). Как и поход Радагайса, этот второй натиск на империю начался западнее Карпатских гор. Зимой 401—402 гг. вандалы совершили набег на римскую провинцию Реция, в результате чего, перед тем как форсировать Рейн, они оказались где-то в Среднем или Верхнем Придунавье (см. карту № 7). Ведь на протяжении почти всего IV в. они жили в значительном отдалении от границ Римской империи, по большей части северо-восточнее, но также и западнее Карпат, т.е. там, где находятся Словакия и Южная Польша**. Идентифицировать свевов более сложно. Этот этноним часто используется для обозначения конфедерации древнегерманских племен раннеимперского периода, но в период между 150 г. н.э. и переходом через Рейн оно более не встречается в римских источниках. Его новое появление, возможно, свидетельствует, что часть маркоманнов и квадов (а также, возможно,

---

*Среди этих беженцев были жители Скарбантии, которые взяли с собой мощи св. Квирина. Они также упоминаются в CTh. X. 10. 25 и V. 7. 2: Alföldy, 1974, p. 213 ff.

**Claudian. B. Goth. II. 363 sqq. (ср. 414—415); ср. Courtois, 1955, p. 38 ss.

алеманнов), входивших в эту конфедерацию времен ранней империи и с тех пор поселившихся в Среднем Придунавье, приняли участие в нападении. Квады по крайней мере специально упоминаются в одном источнике как участники переправы 406 г., а в V в. слово «свевы» начинает широко употребляться в качестве обозначения германских народов, продолжавших жить вокруг излучины Дуная и на окраинах Большой Венгерской равнины, — возможно, потомков других маркоманнов и квадов, которые не участвовали в переправе через Рейн*. Следовательно, и вандалы, и свевы были родом с территории западнее Карпатских гор, как и прочие группы, упоминаемые лишь св. Иеронимом, в особенности сарматы и «враждебные паннонцы» (hostes Pannonii)**. Как и в случае событий 377—382 гг., свою роль снова сыграли недовольные элементы римского населения.

История аланов, кочевников, живших в сухих степях восточнее р. Дона, чьи языки относились к иранской группе, является более сложной. Они обитали на расстоянии 3500 километров от Рейна самое позднее в 370 г. н.э. Аланы оказались первыми, кому суждено было испытать натиск все более возраставшей мощи гуннов; часть аланов быстро подпала под их власть. Однако племенная организация аланов представляла собой целый ряд автономных подгрупп, некоторые из них оставались независимыми от гуннов и после 376 г.; многие из групп проделали большой путь на запад (как самостоятельно, так и вместе с гуннами); это произошло после того, как сменилось поколение, видевшее переход тервингов и грейтунгов через Дунай.

---

*Алеманны и квады упоминаются Иеронимом в его переписке как участники пересечения Рейна (письмо 123. 15). Wolfram, 1988, p. 387, Anm. 55, придерживается сходной точки зрения, однако Thompson, 1982b, p. 152—153 не согласен с ней. О свевах в V в. см.: Pohl, 1980, S. 274—276.

**О марше на соединение с Валентом: Amm. Marc. XXXI. 11. 6. Об армии Западной Римской империи см.: Zosim. IV. 35. 2.

Уже в 377 г. смешанные силы гуннов и аланов соединились с готами к югу от Дуная, и их появление вынудило римлян оставить укрепления в Гемских горах. В 378 г. император Грациан «внезапно» обнаружил дополнительные силы аланов в Кастра Мартис в Рипейской Дакии, западнее Карпат, что заставило его в очередной раз отложить марш на соединение с Валентом. В начале 380-х гг. тот же самый император принял значительные силы аланов на службу в армию Западной Римской империи. Таким образом, хотя аланы происходили из земель к востоку от Дона, значительная их часть быстро продвигалась на запад от Карпат под натиском гуннов. Да, они перемещались в разных направлениях, но и нападение Радагайса в 405—406 гг., и переход через Рейн в 406 г. имели своим истоком одну и ту же обширную область германской Европы.

В третьем крупнейшем вторжении этого десятилетия участвовал гуннский вождь по имени Ульдин; оно произошло значительно восточнее двух предыдущих. Поначалу Ульдин был союзником римлян, но в 408 г. изменил им. Перейдя Дунай во главе сил гуннов и скиров, он занял Кастра Мартис и сделал экстравагантное заявление, обращаясь к римским послам, которых изумило случившееся (что понятно): «Он [указал] на солнце и [объявил], что, ежели он захочет, ему будет нетрудно подчинить себе любую область на земле, которую озаряет сие светило». Неясно, где конкретно находился Ульдин до того, как начал вторжение. В 400 г. н.э. он нанес поражение одному мятежнику-римлянину, который затем бежал к северу от Дуная через Фракию, так что, вероятно, следует предположить, что Ульдин находился севернее Нижнего Придунавья (см. карту № 7). В 406 г., однако, он оказал римлянам военную помощь в Италии, два года спустя занял главную римскую базу в Рипейской Дакии, западнее Орсовы. Эти позднейшие краткие сведения о нем свидетельствуют, что на самом деле нам следует определить его первоначальное

местонахождение западнее Карпат, в непосредственной близости от них (вероятно, в Банате или Олтении). Самоуверенные претензии Ульдина побудили некоторых исследователей видеть в нем предводителя значительных сил. Но дальнейшие события свидетельствуют об обратном. Многих из его приспешников дипломаты убедили перейти на сторону Восточной империи; затем римская армия перебила или захватила в плен большую часть остальных, пока те во всю прыть удирали назад к Дунаю. Более никто не слышал об Ульдине; его риторика больше напоминает блеф, нежели надменность предводителя крупных военных сил. Его рискованный шаг по захвату Кастра Мартис повредил ему самому и привел к подрыву его политической базы*.

Бургунды — четвертая сила, на которой мы сейчас должны сосредоточить наше внимание. Сведения об их гигантском росте, пристрастиях в вопросах пищи и прическах сохранились благодаря галло-римскому поэту и землевладельцу V в. Сидонию (в какой-то момент ему пришлось делить кров с некоторыми из них):

Просишь ты, но не мне, право, под силу
Воспевать фесценнинскую Диону,
Раз живу я средь полчищ волосатых,
Принужденный терпеть германский говор
И хвалить, улыбаясь против воли,
Обожравшихся песенки бургундов,
Волоса умастивших тухлым жиром.
Хочешь знать, что стихам моим мешает?
Грубым сбитая варварским напевом,
Шестистопный отвергла стих Талия,
Поглядев на патронов семистопных.

* Sozom. Hist. eccl. IX. 25. 1—7; cp. CTh. V. 6. 2. Thompson, 1996, p. 63—64. Очевидно, что Ульдин был относительно малозначимой фигурой. Альтернативную точку зрения (на мой взгляд, ошибочную) см. в книге Менхен-Хельфена: Maenchen-Helfen, 1973, p. 59—72, в особенности 71.

И глаза твои счастливы, и уши,
Да и нос назову я твой счастливым,
Коль с утра в твоем доме не рыгают
Чесноком отвратительным и луком
И к тебе на рассвете, будто к деду
Иль супругу кормилицы и няньки,
Не врываются толпы великанов...

(Apoll. Sidon. Poem. XII.
Пер. Ф.А. Петровского).

В IV в. владения бургундов лежали к востоку от земель, занимаемых алеманнами, за пределами империи, между верховьями Рейна и Дуная, сразу за прежней границей владений римлян, оставленной ими в III в. (см. карту № 7). К 411 г. они продвинулись примерно на 250 километров к северо-западу и перешли Рейн в районе Майнца и Кобленца (места пересечения находились как в пределах, так и за пределами Римской провинции Нижняя Германия). Это смещение центра их действий трудносопоставимо с масштабными вторжениями на территорию Римской империи, описанными выше, но тем не менее бургундов следует рассматривать наряду с другими племенами, действовавшими более активно. Какие-то процессы начались к тому времени в Германии западнее Карпатских гор*. Двадцать лет прошло относительно спокойно, но затем варвары вновь перешли к действиям.

Чтобы оценить значение всего происшедшего, необходимо некоторое представление о том, сколько людей было вовлечено в события. Учитывая характер наших источников, мы не располагаем достоверными данными, и некоторые историки сочли бы, что сам вопрос такого рода бессмыслен. С моей точки зрения, однако, имеются некоторые указания, прямые и косвенные, позволяющие опреде-

*О бургундах IV в. см., например, Matthews, 1989, p. 306 ff.; о дальнейших их перемещениях см., например, Demougeot, 1979, p. 432, 491—493.

лить по крайней мере порядок численности участников происшедшего. Важной отправной точкой может послужить тот факт, что и в нападении Радагайса, и вторжении через Рейн участвовали смешанные по составу группы: наряду с воинами туда входили женщины, дети и другие члены, неспособные участвовать в бою. Наши римские источники не склонны сосредоточиваться на том, кто составлял основную их массу: их прежде всего интересовали мужчины, способные стать причиной политической или военной угрозы Римскому государству, которую могли представлять собой силы мигрантов. Тем не менее упоминаний о женщинах и детях достаточно, чтобы мы убедились в их присутствии в обеих группах. Жены и дети некоторых людей Радагайса, которые в конечном итоге были призваны в римскую армию, оказались, как сообщает Зосим, размещены в качестве заложников во многих городах Италии (Zosim. V. 35. 5—6). Что касается вандалов, аланов и свевов, мы не располагаем свидетельствами времен начала их продвижения за Рейн, но другая группа аланов, действовавших в Галлии совместно с готами в начале 410-х гг., безусловно, возила семьи с собой*. И когда основные силы вандалов и аланов двинулись в Северную Африку в 420-х гг. (см. гл. VI), они, конечно, двигались большими смешанными группами, куда входили мужчины, женщины и дети. Можно привести доводы в пользу того, что воины брали себе жен по дороге, но я не вижу причин сомневаться в том, что в 406 г. женщины уже присутствовали в обозе. Как и в 376 г., переселенцы путешествовали целыми общинами.

Что до подлинной численности, то силы Ульдина — если судить по тому, что они заняли только один город, а затем были легко рассеяны римлянами, — вероятно, были не слишком велики. Тем не менее размещение всех скиров, захваченных в плен после его поражения, доставило властям Константинополя немало забот административного

* Paulin. Pell. Eucharisticon, 377—398.

характера; следовательно, их было несколько тысяч человек (CTh. V. 6. 2). Однако готы Радагайса, вандалы, аланы и свевы, словом, все четыре группировки, могли выставить значительно большие военные силы на поле брани. Для ведения военных действий против Радагайса в 406 г. Западная Римская империя вынуждена была мобилизовать тридцать *numeri* (полков)* — теоретически по крайней мере 15 тысяч человек**; пришлось также призвать союзные войска, в частности аланов под командованием Сара и гуннов Ульдина, которые в последний раз появились под флагами Рима перед тем, как заняли Кастра Мартис в 408 г. После поражения Радагайса его 12 тысяч воинов влились в ряды римской армии; вероятно, вдобавок осталось немало пленников, проданных на невольничьих рынках. Все это заставляет предположить, что изначально силы Радагайса составляли не менее 20 тысяч воинов. Соотношение между боеспособными и небоеспособными обычно оценивается как 1:4—5, так что общее число людей Радагайса могло приближаться к 100 тысячам***.

Что касается численности перешедших Рейн вандалов, аланов и свевов, то наиболее полезные для нас свидетельства датируются двумя десятилетиями позже: применительно к этому периоду об аланах и вандалах сообщается,

---

*Ниже эти воинские части будут условно именоваться «полками». — *Примеч. пер.*

**А может быть, и больше, поскольку мы не располагаем полностью достоверными сведениями о размерах «полков» в армии поздней империи.

***О воинах Радагайса см.: Olympiod. Fr. 9; в кратком изложении Фотия сказано «двенадцать тысяч нобилей», однако эта цифра принимается как искаженное указание на общую численность (напр., Wolfram, 1988, p. 169—170; Heather, 1991, p. 213—214. Согласно Августину, численность последователей Радагайса составляла «более чем» 100 тысяч (De Civ. Dei. V. 23); согласно Орозию (VII. 33. 4) — 200 тысяч; Зосим же (V. 26) дает цифру 400 тысяч. Ни одна из этих цифр не является полностью достоверной.

что вместе они насчитывали максимум 80 тысяч человек; отсюда вытекает, что они могли выставить на поле боя силы в 15—20 тысяч человек*. Из этого следует, что переселенцы (прежде всего вандалы-силинги и аланы) понесли особенно тяжелые потери; свевы же вообще не принимаются в расчет. В итоге, что более вероятно, первоначальная численность сил, пересекших Рейн, составила 30 тысяч воинов; в целом же количество переселенцев составляло около 100 тысяч человек. Если говорить о бургундах, то два источника сообщают нам цифру 80 тысяч человек, но Иероним полагает, что она относится ко всему племени в целом (в этом случае численность воинов должна составлять около 15 тысяч), тогда как испанский хронист Орозий пишет, что такова была численность их армии**. Как и многие другие цифры, касающиеся группировок, участвовавших во вторжении, все они выглядят не слишком убедительно, но все же они в каждом случае свидетельствуют о наличии

* Procop. Bella. III. 5. 18—19 сообщает, что численность воинов составляла 80 тысяч человек, однако Виктор из Виты (чье сочинение «История преследований» писалось с не столь большим временным отрывом от событий; кроме того, он был лучше информирован) называет эту цифру как соответствующую общей численности, указывая, что король разделил своих последователей на 80 групп, каждая из которых номинально насчитывала около 1000 человек, но на самом деле была несколько меньше. 80 тысяч — немыслимая цифра: в этом случае данная новая группа оказалась бы вдвое сильнее готов Алариха, даже если оценивать численность последних «по максимуму». Виктор жил среди вандалов, так что вполне возможно, что он хорошо знал то, о чем писал, даже с учетом того, что его работа носит в высшей степени полемический характер. Goffart, 1980, p. 231—234 отрицает даже свидетельство Виктора (тот мимоходом замечает, что даже его современники принимали цифру, соответствовавшую общей численности готов, за численность воинов), но (p. 33) a priori вполне довольствуется оценкой численности сил вандалов и аланов в несколько сотен тысяч человек.

** Hieron. Chron. 2389. Oros. VII. 32. 11.

военных сил численностью в 20 тысяч человек или больше, тогда как численность каждой группировки следует оценивать примерно в 100 тысяч человек. Подобного количества более чем достаточно, чтобы объяснить, как иммигранты смогли проложить себе путь через границу Римской империи. Реорганизованная армия поздней империи располагала значительным числом сильных гарнизонов, охранявших сторожевые башни и базировавшихся в более мощных укреплениях вдоль границы: если говорить о Дунае или Рейне, то они располагались прямо на берегу реки или поблизости от нее. Но эти силы были рассчитаны лишь на то, чтобы пресекать вылазки «местного масштаба» с участием малочисленных отрядов; массовые вторжения, где число врагов насчитывало несколько тысяч, требовали вмешательства войск «comitatenses» (см. «Словарь»). Приграничные войска были не в состоянии справиться с десятками тысяч варваров, даже если многие из них не могли принимать участие в бою.

Крупномасштабные перемещения населения также отражают археологические свидетельства. В III—IV вв. в южных районах Центральной и Восточной Европы доминировали две широко распространенные материальные культуры: черняховская и пшеворская (см. карту № 7). Пшеворская культура представляла собой одну из древнегерманских (или таких, где германцы доминировали) культур Центральной Европы; она имела длительную историю, которая к 400 г. насчитывала более половины тысячелетия. В IV в. она существовала на территориях современной Польши, части Словакии и Чешской республики.

Черняховская культура имела куда меньшее распространение и восходила к III в. К концу IV в. она затронула территорию современной Валахии, Молдавии и Южной Украины, от Карпат до р. Дон. Археологи прежних времен имели обыкновение увязывать эти типы культур с конкретными «народами», однако значительно лучше рассмат-

ривать их как системы, включавшие в себя много самостоятельных групп населения и политических объединений. Рубежи этих культурных ареалов образовывали не границы политических образований, установленные конкретными народами, но географические пределы территорий, где группы населения взаимодействовали с достаточной активностью, чтобы остатки их материальной культуры — керамика, работы по металлу, строительный ордер, предметы, помещавшиеся в погребения, и так далее — частично или полностью выглядели весьма сходно. Черняховская культура процветала в военизированной державе готов, но наблюдалась и у других германских иммигрантов в Северном Причерноморье, а также у местного дакийского населения в Прикарпатье и у сарматов, чей язык относился к иранской группе. Область ее распространения делилась на несколько отдельных королевств (см. гл. III).

Пшеворская культура имела более длительную историю, вследствие чего область ее распространения должна была отличаться бóльшим единообразием; процент германоязычного населения был более высоким, но, как и в случае с черняховской культурой, ей не соответствовало политическое единство. В границах этой области должны были находиться вандалы, но наряду с ними — ряд других групп; относившееся к ним население также взаимодействовало с тем, у которого наблюдалась черняховская система, поскольку многие аспекты материальной культуры того и другого типа (не в последнюю очередь следует упомянуть стекло) имели весьма значительное сходство. Главное отличие между двумя типами заключается в том, что представители черняховской культуры редко клали в погребения оружие, тогда как представители пшеворской — регулярно.

В позднеримский период обе культуры исчезли. Относительно гибели черняховской культуры существует ряд противоречивых сведений, но все исследователи сходятся на

том, что она исчезла около 450 г.*; равным образом пшеворская культура прекратила свое существование на землях нынешней Южной Польши примерно к 420 г., хотя в северных районах просуществовала дольше. Таким образом, от Украины на востоке до Венгрии на западе, традиционные — в случае пшеворской культуры просуществовавшие весьма длительное время — остатки соответствующих образцов материальной культуры исчезают в период между 375 и 430 г.

Когда между культурой и народом ставился знак равенства, было естественно видеть в «крахе культуры», как окрестили этот феномен, отражение массовой миграции: считалось, что данная культура исчезла из определенной области вместе с народом, породившим ее. И, учитывая, что вандалы и готы, традиционно отождествлявшиеся с пшеворской и черняховской культурами, появились в римском мире в качестве иммигрантов одновременно с исчезновением вышеупомянутых культур, это выглядит достаточно логичным. Но так как на самом деле знак равенства следует ставить между культурой и взаимодействием смешанных групп населения, подобное объяснение оказывается неудовлетворительным. Германские культуры железного века, такие как пшеворская и черняховская, мы идентифицируем, основываясь на развивавшихся длительное время формах (в особенности керамики, кстати, весьма изящной, и разнообразных изделий из металла — к примеру, оружия и украшений). Когда мы говорим, что культура прекратила свое существование, то имеется в виду, что в археологических находках четкая преемственность изменений в этих типичных формах прерывается. Означает ли это, что в то же самое время все население данной области исчезает? Об этом можно спорить. Недавно некоторые исследователи доказали, что характерные формы, традиционно служившие для идентификации пшеворской и чер-

* Некоторые относят эту дату значительно ближе к 400 г. (или даже после него): краткое изложение и полный список литературы вопроса см.: Heather, 1996, p. 117 ff.

няховской систем, стоили весьма дорого и производились только для относительно малочисленной военной элиты. Их исчезновение означает лишь то, что потребители перебрались на другое место, тогда как значительное по численности крестьянское население осталось на прежнем. Но последний факт нельзя установить по археологическим данным, так как это предполагаемое крестьянство пользовалось грубой керамикой, датировать которую невозможно, и не имело металлических украшений. Этот аргумент свидетельствует в пользу других утверждений исследователей, которые, вопреки письменным и археологическим свидетельствам, доказывают, что переселения на территорию Римской империи в конце IV — начале V в. осуществлялись в относительно малом масштабе.

Даже если согласиться с тем, что гибель культуры не означает полного исчезновения существующего населения, этот вывод представляется мне неубедительным. Если должным образом соотнести между собой с точки зрения географии и истории поход Радагайса, пересечение Рейна, вторжение Ульдина и бургундов, становится ясно, что в 405—410 гг. произошло масштабное перемещение населения из Германии на территории восточнее Карпатских гор. Мы не можем — и, несомненно, никогда не сможем — установить точную численность мигрантов или определить ее процентное соотношение ко всеобщему количеству населения областей, затронутых упомянутыми событиями. «Гибель культуры», однако, свидетельствует по меньшей мере о том, что перемещения населения были достаточно значительны, чтобы привести к серьезным изменениям материальной культуры Центральной Европы, откуда это население было родом. Письменные источники, пускай и неполные, подтверждают, что в миграциях участвовала не только социальная элита, весьма малочисленная — в отличие, к примеру, от нормандского завоевания, когда примерно в 1066 г. всего около двух тысяч семей иммигрантов вторглись в англосаксонское королевство и установили контроль над тамошними земельными владениями. Так,

силы Радагайса включали в себя два типа боевых сил, а не только военную элиту. Это важное свидетельство полностью соответствует более общим сведениям о том, что готские племена того периода всегда состояли из двух типов бойцов: «лучших» (свободных людей) и всех остальных (освобожденных)*. Более того, как мы видели в III главе, хотя в германском обществе IV в. имелась своя иерархия, в нем еще не наблюдалось господства узкой группы феодальной элиты, в отличие от посткаролингского общества.

Итак, примерно через тридцать лет после того, как тервинги и грейтунги пересекли Нижний Дунай, разразился второй кризис. За короткий промежуток времени безопасность римских границ (на этот раз в большей мере к западу, нежели к востоку от Карпат) нарушалась не менее трех раз. По римской границе был нанесен удар с четырех сторон — переправа через Рейн, походы Радагайса, Ульдина и бургундов. Радагайс двинулся на юг и на запад в Италию; вандалы, аланы и свевы, а также бургунды ворвались в приграничную полосу империи с востока и преодолели ее, тогда как Ульдин двигался на юг. Эти передвижения, начавшись примерно в одной и той же области, усилили хаос, царивший на европейских границах империи. Силы, насчитывавшие десятки тысяч воинов (а в целом — значительно более ста тысяч человек; весьма вероятно, что их было несколько сотен тысяч), пришли в движение.

Пробьет час — приидет гунн

Если масштаб и географические рамки кризиса 405—408 гг. нелегко установить по древним источникам, то реконструировать его причины еще труднее. Письменные

---

* О Радагайсе см.: Olympiod., fr. 9. Он отделяет optimatoi («лучших») от всех остальных; ср.: Heather, 1996, App. 1, где вопрос рассмотрен в более общем плане.

источники, дошедшие до нас в лучшем случае во фрагментах, в этот период практически отсутствуют. Один, созданный сто лет спустя, сообщает, что вандалов заставил покинуть Центральную Европу недостаток продовольствия, но это звучит неубедительно. Они прожили там триста лет; при этом период около 400 г. н.э. в Европе был одним из наиболее благоприятных в климатическом отношении: лета выдались теплые и солнечные. Хвастовство Ульдина (см. выше) могло означать, что он ставил перед собой только завоевательные цели; но опять-таки легкость, с которой римлянам удалось сокрушить его, свидетельствует о том, что он даже в малой мере не располагал силами, необходимыми, чтобы стать завоевателем.

С моей точки зрения, кризис 405—408 гг. нужно рассматривать как рецидив того, что происходило в 376 г., причем импульсом послужило дальнейшее продвижение гуннов-кочевников. Подобное предположение выдвигалось неоднократно, но в отсутствие свидетельств, способных четко подтвердить его, исследователи так и не пришли по этому поводу к окончательному решению*. Именно сейчас крайне важно понять, что большие массы гуннов сами по себе не принимали непосредственного участия в событиях 376 г.**. Даже в 395 г., через двадцать лет после перехода готов через Дунай, большинство гуннов по-прежнему пребывало на востоке. В тот год они предприняли массированный рейд по территории империи, однако проникли туда через Кавказ, а не через Дунай (см. карту № 7). Иногда исследователи усматривали здесь хитрый план: находившиеся на Дунае гунны якобы хотели обойти с флангов римские укрепления. Однако людям и лошадям

* К сторонникам этой идеи относятся: Lot, 1939, p. 78—79; Courtois, 1955, p. 39—40; Musset, 1965, p. 103—104; Demougeot, 1979, p. 415; к противникам: Goffart, 1980, p. 2ff., в особенности p. 16—17; ср. Maenchen-Helfen, 1973, p. 60—61, 71—72.

** Некоторые отряды гуннов, совершая набеги, добирались в 376 г. до самого Дуная (см. гл. IV), однако их опорные пункты находились значительно дальше к востоку.

пришлось бы преодолеть две тысячи километров вдоль северного побережья Черного моря, прежде чем они смогли хотя бы начать атаку, и такой марш неизбежно измотал бы их. Направление удара свидетельствует о том, что к 395 г. гунны по-прежнему в основной своей массе обитали значительно дальше к востоку, вероятно, в приволжских степях; по крайней мере частично это подтверждается тем фактом, что лет через десять после событий 376 г. готы по-прежнему были главными противниками Рима севернее Нижнего Дуная, как мы видели в четвертой главе*.

Но к началу 420-х годов значительные силы гуннов сосредоточились в Центральной Европе, заняв Большую Венгерскую равнину к западу от Карпатских гор. Этот момент хорошо освещен источниками. Так, в 427 г. римляне изгнали их из Паннонии, богатейшей римской провинции, расположенной южнее Среднего Дуная (см. карту № 7)**. А в 432 г., когда одному из римских военачальников потребовалась их помощь, он совершил путешествие «через Паннонию», чтобы достичь места их обитания; таким образом, они оставались западнее Карпат даже после изгнания***. Равным образом погребения гуннских королей, датируемые началом 440-х гг., обнаружены за Дунаем напротив города Маргус — опять-таки западнее Карпат, т.е. там, где располагалась в 440-х гг. основная база Аттилы****. Таким

* Клавдиан (Claudian. In Ruf. II. 26 sqq.) упоминает две угрозы в адрес Восточной империи в 395 г.: одну — с Кавказа, другую — с Дуная; из 36ff. становится ясно, что «дунайскую» угрозу несли готы Алариха (а не, как иногда полагают, вторая группа гуннов, поселившаяся значительно дальше к западу).

** Marc. Com., s.a. 427; ср. Iord. Getica. 32. 166.

*** Этим военачальником был Аэций, о котором мы будем подробно писать в следующих двух главах; помощь от гуннов, которой он заручился семью годами ранее, вероятно, пришла из тех же мест (ссылки смотри PLRE, vol. II, p. 22—24).

**** О погребениях королей см. Prisc., fr. 6. 1. О лагере Аттилы: Browning, 1953, p. 143—145.

образом, в период между 395 и 425 г. основная масса гуннов проделала переход длиной в 1700 километров на запад с Северного Кавказа на Большую Венгерскую равнину.

С меньшей уверенностью можно предположить, что это перемещение гунны совершили именно в 405—408 гг., но есть несколько свидетельств, побуждающих представить дело именно так. К примеру, в 412—413 гг. Олимпиодор и его попугай посетили их в составе посольства. Чтобы добраться до гуннов, им, в частности, пришлось совершить ужасное морское путешествие, во время которого их корабль заходил в Афины. Так как Олимпиодор «работал» на Восточную империю, его путешествие должно было начаться в Константинополе. А поскольку его маршрут пролегал через Афины, он, по-видимому, думал проплыть через Эгейское море и, поднявшись по Адриатике, добраться до Аквилеи. Следовательно, гунны, к которым он ехал, в начале 410-х гг. обитали на Среднедунайской низменности, так как порт Аквилея уже давно существовал, обеспечивая потребности этого района (см. карту № 7)*.

То, что в Центральной Европе около 410 г. происходили какие-то серьезные процессы, подтверждается другим свидетельством, имеющим косвенный характер. К этому времени власти Восточной империи в Константинополе осознали, что угроза в адрес их балканских территорий

* О деловых связях Олимпиодора см. Matthews, 1970. О морском путешествии: Olympiod. frr. 19 и 28 (оба они, очевидно, относятся к одному и тому же путешествию); ср. Croke, 1977, р. 353. Другие считают, что Олимпиодор посетил Понт (например, Demougeot, 1970, р. 391—392), но нам также известно, что в 409 г. Гонорий ожидал немедленного прибытия десяти тысяч гуннов (Zosim. V. 50. 1). Это произошло после смерти Ульдина, и, следовательно, мы должны предположить, что в указанный период контакты были установлены с другими гуннами; заманчиво было бы установить связь этого нового союза с фактом пребывания генерала Аэция в качестве заложника среди гуннов, имевшим место примерно в 410 г. (см.: PLRE, vol. II, р. 22).

значительно возросла. В январе 412 г. вступила в действие программа по усилению дунайского флота*. Годом позже в Константинополе, уязвимом для нападений с Балкан, с севера, были возведены новые укрепления. Именно тогда в городе появились знаменитые стены, ограждающие его с суши, — устрашающий тройной пояс укреплений, значительная часть которого сохранилась в Стамбуле до наших дней**. Эти стены оказались достаточно мощными, чтобы защищать город целое тысячелетие, и никому из нападающих не удавалось взять его с суши вплоть до 1453 г.: прошло 1040 лет после постройки этих стен, когда турецкие пушки пробили в них брешь возле того места, где теперь находится вокзал Топкапи. Упомянутые меры оборонительного характера иногда расценивались исследователями как ответ на нападение Ульдина в 408—409 гг., но в этом случае они бы странным образом запоздали, при том что Ульдин все равно потерпел сокрушительное поражение. В связи с этим мне кажется весьма уместным отождествить их с усилением угрозы со стороны гуннов, которые начали представлять наибольшую опасность для империи.

Не всегда свидетельства соотносятся с нашими предположениями. Но, как мы отметили выше, несомненно, что к 420 г. (весьма вероятно, что уже к 410 г.) гунны ушли с Кавказа, где находились примерно в 395 г., на Большую Венгерскую равнину. Их прибытие на окраины Европы в 376 г. спровоцировало появление готов на берегах Дуная; отсюда неизбежно следует, что новое продвижение гун-

---

*CTh. VII. 17. 1, 28 января: «Мы повелеваем, чтобы на мезийскую границу были отправлены девяносто недавно построенных дозорных судов и к ним добавлены десять старых из числа починенных. А на скифскую границу, которая куда больше и протяженнее, надо отправить сто десять таких новых судов, к которым прибавить еще пятнадцать за счет починки старых... Их следует снабдить всем оружием и припасами по просьбе дукса. Ответственность за все это возлагается на его канцелярию».

** Mango, 1985, p. 46 ff.

нов — на этот раз в сердце Европы — должно было породить столь же радикальный «эффект домино»*. Кроме того, у нас нет правдоподобной альтернативной версии. Общие принципы политики римлян в отношении иммигрантов не изменились. Все племенные группировки 405—408 гг. получили отпор: ни одной из них не было дано разрешения войти на территорию империи. Более того, римские приграничные территории успешно охранялись с 376 г. (и многие иммигранты 405—408 гг., как мы вскоре увидим, находились на грани жизни и смерти). Переход через Рейн в январе 406 г. произошел значительно позже разгрома Радагайса (в августе того же года его казнили), поэтому можно предположить, что известия об этом просочились за границу, и все же это не отпугнуло новую волну иммигрантов. Все это опять-таки свидетельствует о том, что события 405—408 гг. были вызваны тем, что происходило за границей империи, у варваров, и не зависело от изменения политической концепции или ослабления империи.

Сюжет наш, можно сказать, складывается из отдельных кусочков, но они подходят друг к другу. Главные моменты таковы. Вторжение гуннов в Европу представляло собой процесс из двух стадий: первая часть (занятие земель севернее Черного моря) вызвала кризис 376 г., вторая часть (занятие Большой Венгерской равнины) вызвала предшествовавшие ему перемещения с этой равнины Ра-

* В рамках рассматриваемого вопроса не имеет значения, прибыли ли орды гуннов западнее Карпат во время кризиса 405—408 гг. или в течение следующих десяти лет. После 376 г., когда тервинги и грейтунги покинули свои жилища в Северном Причерноморье, гуннам потребовалось несколько лет, чтобы достичь приграничных областей в Нижнем Придунавье. Учитывая, что их прибытию в Северное Причерноморье предшествовал масштабный демографический кризис к востоку от Карпат, можно уверенно утверждать, что вторжению гуннов на Большую Венгерскую равнину в 410—420 гг. предшествовали сходные потрясения на Востоке.

дагайса, вандалов, аланов и свевов, Ульдина и бургундов. Все эти группы пришли из области, которой в течение ближайших пятидесяти лет суждено было стать основным районом сосредоточения гуннов; их вторжение произошло непосредственно перед тем, как, согласно свидетельствам, здесь обнаруживаются большие массы гуннов. Это не может быть простым совпадением. Подобно готам в 376 г., многие обитатели Германии западнее Карпатских гор спасались бегством между 405 и 408 г.: опасность, неизбежно сопровождающая попытки начать новую жизнь на территории империи, казалась меньшей, нежели та, что грозила тем, кто оказался бы под властью гуннов. Если кризис 376 г. был вызван появлением гуннов на восточных границах Европы, за Карпатами, то кризис 405—408 гг. — их перемещением в самое сердце Европы.

Первый шаг на пути к разграблению Рима — как может показаться, имевший весьма малое отношение к тому, что случилось впоследствии, — был сделан вдали от города, на берегах Черного моря. Дальнейшее продвижение гуннов вызвало кризис на германских территориях западнее Карпат; основной же «эффект домино», свидетелями которого стали римляне, заключался в широкомасштабном вторжении на их территорию с применением оружия. Но главную тяжесть случившегося, как в тот момент, так и значительно позже, испытала на себе Западная Римская империя. Столкновения интервентов с властями Рима и местной римской элитой имели грандиозные последствия.

Грабеж и узурпация

Немедленные последствия перемещения населения, о котором шла речь, вполне очевидны. Никто из беженцев не оказался на территории империи вследствие соглашения: все вели себя как враги Рима, и со всеми обращались

как с врагами. Готы Радагайса поначалу встретили незначительное сопротивление, но, когда они достигли Флоренции, нарыв, что называется, лопнул. Они обложили город и едва не принудили его к капитуляции, когда в последний момент на выручку подоспели громадные силы римлян под предводительством Стилихона, главнокомандующего войсками Западной Римской империи. В то время Стилихон правил на Западе именем императора Гонория, младенца, сына Феодосия I. Для проведения контратаки он мобилизовал гигантские силы: тридцать «полков» армии, дислоцировавшейся в Италии, усиленной контингентом, пришедшим, вероятно, с рейнской границы*, и вспомогательными войсками аланов и гуннов**. Для того чтобы собрать столько людей, потребовалось время; это привело к задержке, объясняющей, почему Радагайс мог действовать безнаказанно на территории Северной Италии более шести месяцев. Но когда римляне наконец нанесли ответный удар, он увенчался полным успехом. Радагайс вынужден был отступить вместе со своей армией в горы, во Фьезоле; там римляне его блокировали. В конце концов готский король покинул театр военных действий и пытался бежать, но был схвачен и казнен (Oros. VII. 37. 12—15). Часть его людей разбежалась; многих продали в рабство, как упоминалось выше, тогда как лучших воинов Стилихон в какой-то момент привлек на свою сторону и включил в римскую армию. Об этом мы знаем лишь из краткого изложения фрагмента «Истории» Олимпиодора в труде Фотия; когда это произошло, неясно. Это могла быть часть операции по «зачистке местности» от противника, но можно также предположить — пожалуй, с большей ве-

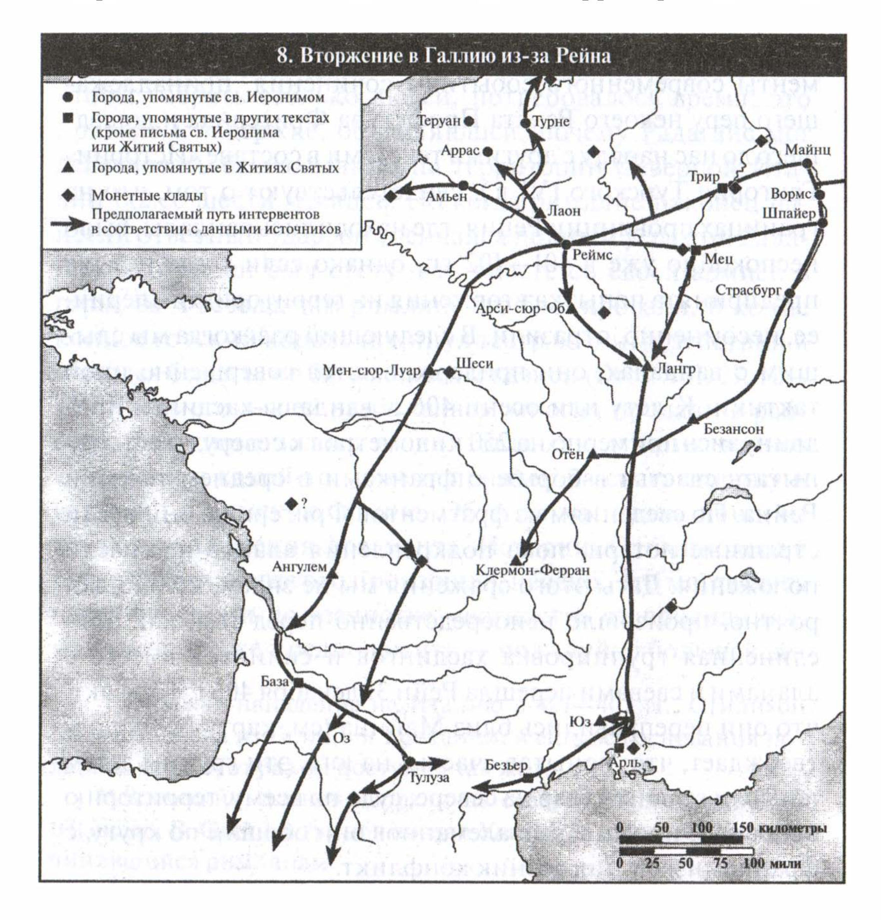
*Отражая нападение на Италию в 401—402 гг., Стилихон отозвал войска из Галлии и Британии, и есть все основания полагать, что в этот раз он поступил так же.

**Возможно, аланов набрали на севере провинции Реция (Claudian. B. Goth.), а гуннов послал Ульдин, в то время еще подчинявшийся римлянам.

роятностью, — что за этим стоял решительный дипломатический ход, в результате которого Радагайс лишился поддержки и утратил шансы выстоять против армии Стилихона. В любом случае Стилихон столкнулся с первыми проявлениями кризиса 405—408 гг.

Его действия против вандалов, аланов и свевов, однако, были куда менее эффективными. Если он увел часть армии из Галлии, чтобы нанести поражение Радагайсу, это помогает объяснить, почему вторжение в Галлию оказалось куда более успешным, если судить с точки зрения противников Рима. Как мы знаем, проблема назрела к декабрю 406 г. на ряде территорий между верховьями Рейна и Дуная. Фрагменты современного событиям сочинения, принадлежащего перу некоего Рената Профутура Фригерида и дошедшего до нас наряду с другими текстами в составе «Истории» Григория Турского (VI в.), свидетельствуют о том, что на границах провинции Реция, где находились вандалы, было неспокойно уже в 401—402 гг., однако если тогда и была предпринята попытка вторжения на территорию империи, ее, несомненно, отразили. В следующий раз, когда мы слышим о вандалах, они придерживаются совершенно иной тактики. К лету или осени 406 г. вандалы-хасдинги продвинулись примерно на 250 километров к северу, чтобы попытать счастья в борьбе с франками в среднем течении Рейна. По сведениям из фрагментов Фригерида, они несли страшные потери, пока подкрепления аланов не спасли положения. Даты этого сражения мы не знаем, но оно, вероятно, произошло непосредственно перед тем, как объединенная группировка хасдингов и силингов вместе с аланами и свевами перешла Рейн 31 декабря 406 г. Тот факт, что они переправились близ Майнца (см. карту № 8), подтверждает, что, попытав счастья на юге, эти группы затем нанесли главный удар на севере; судя по всему, территорию основного проживания алеманнов они обошли по кругу, с франками же у них возник конфликт.

Подробности вторжения через Рейн невозможно восстановить: все, чем мы располагаем, — это оставленные интервентами следы разрушений, по которым можно восстановить общую картину (см. карту № 8). «Следы» начинаются там, где интервенты пересекли реку: они разграбляют Майнц, после этого распространяются на запад и север, затрагивая крупные города в глубине римской приграничной полосы — Трир и Реймс, а затем обнаруживаются в стороне, в Турне, Аррасе и Амьене. Затем интервенты поворачивают на юго-запад, двигаясь от территорий близ Па-

рижа, Орлеана и Тура к Бордо и Нарбоннской Галлии. Все это продолжалось почти два года; наиболее живые свидетельства, имеющиеся в нашем распоряжении, содержатся в произведениях галльских поэтов-христиан, извлекших ряд моральных уроков из этой катастрофы и между тем давших нам прекрасную картину происшедшего. Самому знаменитому, Ориенту, принадлежит ужасающая по своей мрачности острота, процитированная во всех лучших исторических сочинениях: «Вся Галлия была полна дымом одного погребального костра» (Commonit. II. 184). Другой поэт, Проспер Аквитанский, в письме к жене размышляет над тем, что они стали свидетелями гибели «основ непрочного мира» (приведенный ниже отрывок может показаться искусственным, но причина здесь в том, что его автор следовал нормам жанра перечня: одну за другой он перечислял условные категории, принятые в римском обществе):

«Тот, кто некогда переворачивал землю лемехами сотни плугов, трудится теперь в поте лица своего, чтобы заработать хотя бы на пару быков; человек, то и дело проезжавший через прекрасные города в экипаже, ныне удручен и устало бредет пешком по сельской местности, разоренной врагами. Купец, привыкший бороздить моря на десяти гордых кораблях, ныне садится в крохотный ялик и сам же им правит. Нет ни стран, ни городов, которых не коснулись бы перемены к худшему; все стремительно приближается к своему концу».

Затем он прибавляет (и здесь чувствуется куда больше души): «Мечом, чумою, голодом, оковами, холодом и жарой — тысячью разных способов одна и та же смерть поражает несчастное человечество»*.

Разграбив римскую Галлию, в 409 г. силы вандалов, аланов и свевов проложили путь через Пиренеи в Испа-

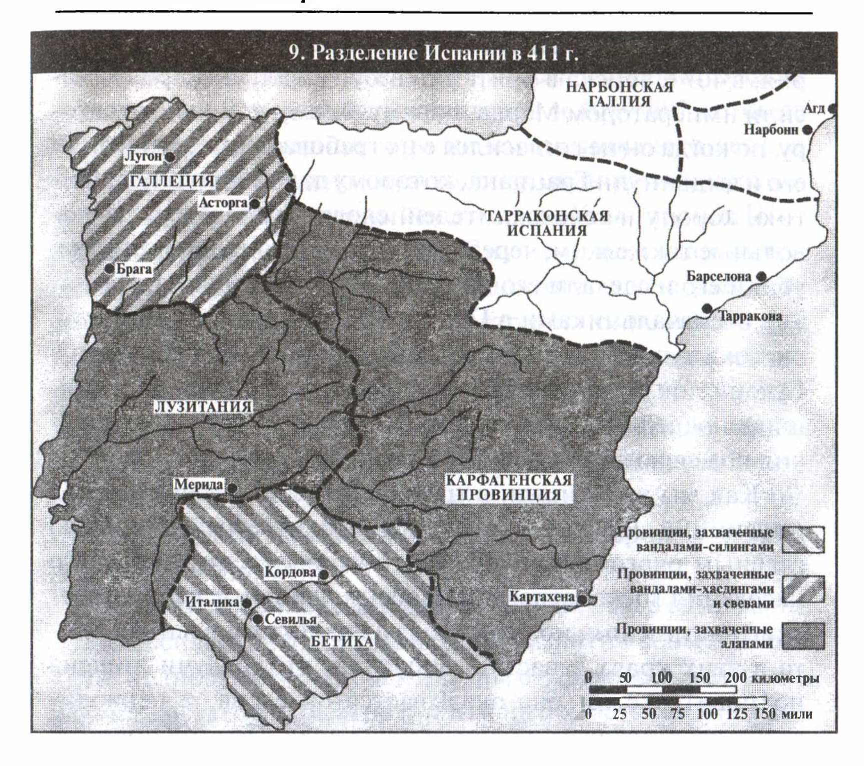
---

*Две последних цитаты взяты из «Эпиграмм» Проспера Аквитанского (17—22; 25—26). Хорошее представление об этих поэмах дается в работе Робертса (Roberts, 1992). См. также книгу Курселя (Courcelle, 1964, p. 79 suiv.).

нию, где нанесли жителям еще больший ущерб. Вот как описывает их господство на полуострове в том виде, как оно сложилось к 411 г., испанский хронист Гидаций (Chron. 49): «[Они] распределили между собой обширные области провинций, дабы селиться там: вандалы [хасдинги] завладели Галлецией, а свевы — той частью Галлеции, что расположена на самом западном берегу Океана. Аланам предназначались Карфагенская провинция* и Лузитания, а вандалам-силингам — Бетика [см. карту № 9]. Испанцы в городах и крепостях, выжившие после катастроф, покорились варварам, властвовавшим в провинциях, и подчинились участи рабов».

Рост числа разрушений в конце концов прекращается: варвары заняли и разделили между собой одну из самых богатых областей Западной Римской империи. По данным византийского источника середины VI в., сочинения историка Прокопия, их расселение иногда рассматривалось как организованное высшими властями империи, находившимися в Италии (Procop. Bella. III. 33). Однако Прокопий был, если так можно выразиться, отдален от событий и во времени, и в пространстве, тогда как испанский хронист Орозий, писавший примерно через пять лет после происшествий, совершенно ясно высказывается, что заселение было полностью незаконным (Oros. VII. 43. 14); его сообщение заслуживает большего доверия. К 411 г. варвары уже четыре года жили «на подножном корму»; они устали от тягот кочевой жизни. В куда большей степени они стремились не к тому, чтобы прокладывать себе путь в Римскую империю, отмечая его постоянными грабежами, а к тому, чтобы найти плодородные земли, где они смогли бы обеспечить себе пропитание в течение более длительного времени и поселиться там. Из сочинения Гидация (занимавшего епископскую кафедру в маленьком городке поблизости от границы — теперь это Галисия, область в современной

* Имеется в виду область в Восточной Испании, центром которой был новый Карфаген (нынешняя Картахена). — *Примеч. пер.*

Испании) не очень ясно, что в точности происходило, но представляется вероятным, что вандалы, аланы и свевы забирали себе доходы от налогов (каждое племя — от предназначенной ему провинции), которые обычно поступали в римскую казну*. Итак, за пожарами, насилием и грабежами в Галлии последовала аннексия Испании. Но то было лишь началом цепи катастроф, последовавших за нарушением неприступности границ Западной империи.

В то время, когда вандалы, аланы и свевы буйствовали на территории Галлии и Испании, нестабильность империи усугубилась новой проблемой. Непосредственно перед

* Готы Фритигерна сделали во многом то же самое примерно в 380 г. в Македонии после трех лет грабежей (см. гл. IV).

тем, как началось седьмое консульство императора Гонория, в 407 г. войска в Британии взбунтовались и провозгласили императором Марка, повинуясь ему, точно императору, но когда он не согласился с их требованиями, они убили его и выдвинули Грациана, которому дали пурпурную мантию, корону и телохранителей, словно императору. Недовольные также и им, через четыре месяца они низложили и убили его и сделали его преемником Константина. Назначив военачальниками в Галлии Юстиниана и Небиогаста, он покинул Британию и вступил на континент. Прибыв в Булонь... он остановился там на несколько дней и, заручившись поддержкой всех войск Галлии и Аквитании, получил под свою власть всю Галлию вплоть до Альп*.

Как мы уже писали в третьей главе, изо всех римских провинций Британия в период поздней империи была главным очагом мятежей. Не то чтобы среди тамошнего населения господствовали особенно сильные сепаратистские настроения, но римская гражданская и военная элита в этих краях зачастую ощущала, что, будучи лишена покровительства, она оказывается обделена, и периодически восставала в поисках лучшей доли. По этой причине нет необходимости доискиваться каких-то особенных причин данной серии мятежей, начавшихся, по-видимому, осенью 406 г. — немногим *ранее* перехода вандалов, аланов и свевов через Рейн. С другой стороны, хронологическая близость этих двух событий подозрительна, и я думаю, что между ними, во всяком случае, была одна связующая нить, а может быть, и две.

Во-первых, обычно восстания в Британии были кратковременными; они редко перекидывались через Ла-

---

*Zosim. VI. 1. 2; частично объединено с Olympiod. Fr. 13, который непосредственно использовал Зосим. Из фрагмента Олимпиодора явствует, что узурпации в Британии начались до 1 января 407 г. (начала седьмого консульства Гонория), тогда как Зосим, неверно понимая свой источник, пишет, что они начались *во время* седьмого консульства.

Манш и не затрагивали в большой мере политические и военные круги приграничной полосы империи. Участь первых двух британских узурпаторов в 406—407 гг. была куда более характерной: они не имели никакого веса, и уже первые их попытки властвовать окончились крахом. Третий — обычно известный под именем Константина III — представлял собой нечто иное. Ему не только удалось избежать линчевания через двадцать минут после восшествия на трон — он быстро распространил свою власть над Галлией вплоть до Альпийских гор и склонил на свою сторону римскую армию из прирейнской области. К тому времени как он перенес свою штаб-квартиру в Булонь, вандалы, аланы и свевы уже перешли границу, тогда как центральные власти Рима в Италии — точнее говоря, Стилихон, правивший от имени императора Гонория, — до сих пор терпели неудачи.

Что же мы наблюдаем в данном случае? Еще один вариант классической для Рима модели развития событий. Будучи полностью «италоцентричным», режим Стилихона не смог достаточно быстро прийти на помощь Галлии в тяжелую для нее минуту, и Константин III, явившийся туда весной 407 г., предложил вариант весьма удачного ответа на надвигающуюся катастрофу. Константин утвердился южнее Ла-Манша, и войска под его командованием провели ряд ожесточенных сражений против вандалов и их соратников*. Когда ответ Рима на атаки варваров стал более решительным, внимание интервентов привлекли территории, расположенные ближе к югу, подле Аквитании и Пиренеев. Орозий сообщает, что Константин заключил соглашения с рядом племен, чье проживание в прирейнской области носило наиболее стабильный характер — с алеманнами, франками и бургундами, — что позволило ему обеспечить безопасность своей позиции и одновре-

---

*Это явствует из Zosim. VI. 3, хотя информация несколько искажена.

менно защитить Галлию от дальнейших вторжений (Oros. VII. 40. 4). Следовательно, он добился поддержки населения Галлии, создав центр сопротивления имперских войск варварам-интервентам, тогда как римским властям в Италии это, очевидно, не удалось. Необходимость подобного ответа интервентам могла даже быть одним из поводов для узурпаций, имевших место в Британии. Хотя первое восстание имело место незадолго до того, как вандалы и их сподвижники пересекли Рейн, смута начала назревать за некоторое время до начала вторжения, как мы уже видели, и даже несмотря на то, что сокрушительный удар был нанесен только 31 декабря 406 г., римские военные круги на Рейне знали, что назревает тяжелый кризис. Это, как мне кажется, подогревало протест против режима Стилихона, причем главную роль здесь сыграл Константин III.

Готы Алариха

Итак, к настоящему моменту, можно сказать, собралось две трети нашего состава. К этой смеси — летучей самой по себе — нужно прибавить третий элемент — готов Алариха, в конечном итоге взявших власть над Римом. Чтобы составить представление о них и о той роли, которую они сыграли в истории, надо окинуть взглядом события тех двадцати лет, прошедших с того момента, как император Феодосий I наконец восстановил на Балканах мир через четыре года после битвы при Адрианополе.

Готы Алариха были прямыми потомками тервингов и грейтунгов, заключивших в 382 г. компромиссный мирный договор с Феодосием*. Их отношения с Римом перио-

* Полюбовный характер этого соглашения оспаривался в работе Liebschuetz, 1990, S. 45—85, однако я продолжаю придерживаться приведенной в тексте оценки (контраргументы см.: Heather, 1991, 193—199).

дически обострялись, как и следовало ожидать, учитывая вынужденность этого союза (см. гл. IV). Имперские власти со своей стороны делали все, что могли, — до известного предела, чтобы построить доверительные отношения. Когда толпа в Константинополе растерзала готского солдата, на город был наложен крупный денежный штраф. Опять же, когда римский гарнизон в Томах, в приграничной полосе близ Нижнего Дуная, выступил против готского контингента, расквартированного поблизости, офицера римской армии, командовавшего им, уволили. Очевидно, Феодосий был заинтересован в том, чтобы не допускать трений, дабы не вспыхнуло большое восстание; также мы знаем, что время от времени он развлекал готских вождей, задавая им щедрые пиры.

Тем не менее готы — по крайней мере некоторые, — очевидно, подозревали, что Рим по-прежнему ищет возможности лишить их той дозволенной им половинчатой автономии, которую они вырвали силой оружия между 376 и 382 г. В частности, по условиям мира 382 г. значительный контингент готов должен был являться по призыву на службу в вооруженных силах империи. Феодосий в борьбе с западными узурпаторами прибегал к помощи готов дважды: первый раз против Магна Максима в 387—388 гг., второй против Евгения в 392—393 гг. В обоих случаях часть готов предпочла восстать или по крайней мере дезертировать, нежели принимать участие в гражданских войнах Рима. Причина этого очевидна. Римское государство терпело половинчатую автономию готов лишь потому, что было вынуждено делать это в силу существовавшего соотношения военных сил. Они продолжали придерживаться освященной веками политики, но лишь применительно к этим иммигрантам, и только вследствие их побед над Валентом и Феодосием. Участие в гражданских войнах Рима неизбежно стоило бы готам человеческих жертв, и если бы их потери в живой силе оказались велики, ничто бы более не удерживало Римское государство от применения обыч-

ной его политики в адрес ищущих убежища. Навязывая мирный договор константинопольскому сенату в январе 383 г., как мы видели ранее, Фемистий рассчитывал на то, что в будущем готы утратят свою частичную независимость.

Росту подозрительности готов немало способствовала вторая из названных выше кампаний — против узурпатора Евгения. Феодосий пытался править всей империей из Константинополя, что привело ко вполне предсказуемому результату: недовольные элементы на Западе выдвинули своего собственного кандидата в правители. В решающем сражении на р. Фригид на окраине Италии в первый день, не завершившийся успехом, готы оказались выдвинуты в первые ряды и понесли тяжелые потери. Согласно некоторым данным — очевидно, преувеличенным, — погибло 10 тысяч готов. Автор этого сообщения, христианин Орозий, даже сообщил, что римляне одержали две победы: одну — над Евгением, а другую — над готами, потому что те понесли столь тяжелые потери (Oros. VII. 35. 19). В результате, когда в начале 395 г. император Феодосий скончался, в среде готов назрело восстание; они были готовы переписать условия соглашения 382 г., чтобы обеспечить себе большую безопасность. А подняв знамя восстания, они избрали себе предводителя, впервые со времен поражения Фритигерна, Альтея и Сафракса, что прямо противоречило договору. Их выбор пал на Алариха, который приобрел известность во время более раннего восстания меньших масштабов, имевшего место после кампании против Максима. Что касается того, как именно готы хотели переписать мирное соглашение, враждебные им римские источники, находящиеся в нашем распоряжении, не слишком информативны. В любом случае готы хотели, чтобы римляне признали их право иметь предводителя, даровав ему официальный статус полноправного римского полководца (magister militum). Предполагались ли дополнительные условия — в частности, жалованье воинам, подчиняю-

щимся этому генералу, — неясно, но вполне возможно*. Готы были сыты по горло своей половинчатой автономией, хотя, когда ее учредили четверть века назад, она выглядела большим достижением.

В отношении готов Алариха нужно отметить еще один принципиальный факт. В 376 г. готы явились на Дунай двумя отдельными группами (тервинги и грейтунги), каждая из которых имела своих лидеров. Они достаточно тесно сотрудничали во время последовавшей войны, однако некоторые проблемы в вопросах главенства продолжали возникать. Накануне Адрианополя Фритигерн попробовал выдать себя перед Валентом за лидера, признанного всеми готами. Затем, два года спустя, группировки вновь разделились, двинувшись в разных направлениях. Дальнейшие события оцениваются неоднозначно: некоторые доказывают, что тервинги и грейтунги заключили отдельные соглашения с Римом. На мой взгляд, договор 382 г. имел отношение к обеим группам. Но согласитесь, что выбор того или другого варианта не влияет на более важные события — те, что произошли в дальнейшем. В годы правления Алариха прежнее разделение между тервингами и грейтунгами исчезло раз и навсегда: две силы слились воедино**. Процесс, наблюдавшийся нами в Германии, за

* То же самое позднее наблюдалось в случае Аттилы, который получил номинальное звание военачальника, дабы облегчить выплаты в его пользу, выдав их за жалованье его войскам. Я подозреваю, что эту уловку впервые применили в ситуации с Аларихом, примерно пятьюдесятью годами ранее. О причинах и обстоятельствах восстания Алариха см. подробнее: Heather, 1991, p. 181—192, 199 ff.

** С моей точки зрения, это произошло еще в 395 г., когда разразилось восстание. Другие исследователи доказывают, что данный факт следует отнести не ранее чем к 408—409 гг., когда шурин Алариха Атаульф, возглавлявший силы гуннов и готов в Паннонии, вместе с ними присоединился к нему в Италии. Дата, однако, не имеет принципиального значения. Главное состоит в

пределами Римской империи, в период между I и IV в. — имеется в виду формирование больших группировок, отличавшихся тесной спаянностью, — теперь распространился и на имперскую территорию. Группировки эти стали силой, которую уже нельзя было не принимать во внимание. Причины объединения готов были очень просты; они также объясняют, почему те уже сотрудничали во время войны 376—382 гг. Действуя как единое (и большое) целое, они обеспечивали себе безопасность и возможность добиться большего на переговорах. Благодаря этому увеличивались их шансы на лучшее будущее в римском мире, не смирившемся с их присутствием.

Таким образом, восстание готов в начале 395 г. сыграло важнейшую роль. В игру вступила новая сила; готы жаждали отомстить за потери, понесенные ими на р. Фригиде, и пересмотреть условия мирного договора, заключенного тринадцать лет назад. Эти конфликты разрешились далеко не просто. Объединенные силы готов оказались слишком мощными, чтобы с ними можно было быстро справиться. В 395 и в 397 гг. им противостояло большое войско римлян, но сколь-либо масштабных сражений не произошло, вероятно, потому, что силы, очевидно, были равны и ни одна из сторон не хотела рисковать, ввязавшись в бой*. Вместе с тем прежнее отношение сторон друг к другу забывалось с трудом, и никто из римских политиков не рискнул бы предложить готам новые условия мира. Разочарованный Аларих, прежде желавший урегулировать

том, что старинное разделение было забыто; сделать это оказалось значительно проще после устранения прежних предводителей обеих групп (Фритигерна, Алатея и Сафракса, согласно договору 382 г.), которые, вероятно, были заинтересованы в сохранении обособленности. Подробности и отсылки к альтернативным точкам зрения см.: Heather, 1991, 213—214, App. B.

* Cameron, 1970, p. 159 ff.; ср. p. 474 ff., где убедительно показано, как произошло смешение данных источников относительно двух кампаний.

дело политическими методами, дал волю своим людям. Как и раньше, в первую очередь пострадало население римских провинций на Балканах. Вначале восстание вспыхнуло на северо-востоке Фракии, но в период с 395 по 397 г. готы проложили себе путь до Афин, затем к северо-западу вверх по побережью Адриатики до Эпира, разоряя все на своем пути и вместе с тем постоянно зондируя почву для нового политического соглашения.

Политическая ситуация при константинопольском дворе в эти годы была в высшей степени нестабильна. Старший сын Феодосия, правитель Восточной Римской империи Аркадий не правил сам (в 397 г. ему исполнилось двенадцать лет), однако вокруг него постоянно кишели амбициозные политиканы, стремившиеся добиться власти, заручившись его благосклонностью. К 397 г. наиболее влиятельный на тот момент придворный, смотритель императорской опочивальни евнух Евтропий был готов вступить в переговоры. Он даровал Алариху титул римского полководца, а готам — лучшие условия и дополнительные гарантии (чего они и желали). Он дозволил им селиться в Дакии и Македонии и, вероятно, распорядился, чтобы они взимали в свою пользу налоги с этих областей (налоги здесь уплачивались сельскохозяйственными продуктами). Судьба Евтропия в высшей степени поучительна. В римском мире евнухи по большей части были комическими персонажами, их изображали аморальными и жадными: пытаясь смягчить сердца варваров, они в то же время угрожали и требовали денег. Уязвимость позиции Евтропия, который выступал с мирными предложениями в отношении готов и к тому же был евнухом, была блестяще использована его противниками. Летом 399 г. они, как и следовало ожидать, отстранили его от власти*. Преемники его разорвали соглашение с Аларихом и отказались вести дальнейшие переговоры.

В течение ближайших двух лет в Константинополе то и дело происходили изменения режима, но никто из поли-

* О падении Евтропия: Cameron, 1970, Ch. 6; Heather, 1988.

тиков Восточной Римской империи не был готов к диалогу с Аларихом; тот, кто предложил бы готам условия, на которые те согласились бы, совершил бы политическое самоубийство. В 400 г. в Константинополе произошел политический переворот, направленный против Гайны — римского полководца готского происхождения, одного из нескольких претендентов на власть после падения Евтропия. Гайна и другие подобные ему военачальники, потомки чужеземцев, добились выдающегося положения вследствие реорганизации армии в позднеримский период. Если в ранней империи в легионы набирали лишь римских граждан, то в поздней империи в полевых армиях (*comitatenses*), имевших большое политическое значение, мог служить кто угодно. Ничто не препятствовало комитату, способному человеку неримского происхождения, подняться по должностной лестнице и стать влиятельной фигурой. В результате с начала до середины IV в. и далее в сообщениях о придворных политиках фигурирует ряд военачальников — варваров по происхождению. Подчас подобные личности стремились облечься в пурпур (или же окружающие подозревали их в этом). Примером может послужить Сильван с его франкским происхождением: один из цитировавшихся нами авторов, Аммиан Марцеллин, участвовал в предприятии по его устранению (т.е. в убийстве). Однако гораздо чаще случалось так, что «варварские» военачальники соперничали с политиками из числа штатских, дабы распространять свое влияние, так сказать, из-за трона. Но что бы ни утверждалось во враждебных источниках, нет никаких свидетельств тому, что эти генералы когда-либо проявляли хоть малейшую враждебность в адрес империи. Многие из тех, на кого повесили ярлык «варваров», были иммигранты во втором поколении, получившие классическое образование. Другими словами, они были римлянами в не меньшей степени, чем все прочие.

Гайну, занимавшего осенью 399 г. господствующее положение в Константинополе, сместили в начале следую-

щего года его же ближайшие сподвижники. По-видимому, он был готским иммигрантом в первом поколении, что делало его удобной мишенью для антиварварской пропаганды — в особенности в то время, когда готы Алариха бесчинствовали на Балканах. Однако нет никаких свидетельств тому, что он хоть в какой-то степени намеревался иметь с ними дело. Во время кровавого переворота, положившего конец его власти, Гайне удалось уйти из Константинополя живым, но множество готов, обитавших в городе и служивших в вооруженных силах Восточной Римской империи, перебили вместе с женами и детьми; число жертв достигло нескольких тысяч человек. Впоследствии готы Алариха более не сталкивались с прямой военной угрозой со стороны восточноримской армии, однако теперь они оказались исключены из политической орбиты Константинополя и вскоре утратили надежду на заключение нового договора. Стремясь вырваться из тупика, осенью 401 г. Аларих повел своих сподвижников в Италию и в течение следующих двенадцати месяцев пытался добиться от Стилихона, чтобы тот заключил с ним соглашение. Аларих вновь попытался запугать римлян, но Стилихон оказался не более уступчив, нежели преемники Евтропия на Востоке. Будучи отрезаны от надежных источников продовольствия, доступных им на Балканах, готы не могли длить свою италийскую авантюру до бесконечности*. Осенью 402 — зимой 403 гг., после двух сражений, закончившихся «вничью», они отступили через Динарское нагорье на свои прежние квартиры в Дакии и Македонии.

У Алариха не оставалось выбора. И вновь перед ним встал вопрос о том, как заставить представителей той или

---

* О политике Гайны и Константинополя см. Cameron & Long, 1993, Chs 5—6 и 8; об эпизоде, связанном с Сильваном: Amm. Marc. XV. 5. Литература о первом этапе действий Алариха в Италии необозрима, однако в качестве введения в проблему см.: Heather, 1991, p. 207 ff.

другой половины империи сесть за стол переговоров. Готы водворились на тех же балканских территориях, которые занимали в период с 397 по 401 г. (можно предположить, что при этом они вновь начали использовать свои прежние источники продовольствия). Здесь они оставались более трех лет. В ситуации политического застоя они застряли — в буквальном и переносном смысле — между западной и восточной половинами империи, ожидая, что кто-то подаст сигнал. В конце 406 г. в их адрес наконец была сделана попытка сближения — к немалому удивлению Алариха, как я подозреваю, — со стороны Стилихона из Италии. Всего четыре года назад регент Западной империи делал все возможное, чтобы держать Алариха и его готов на расстоянии. Теперь он предлагал им заключить с ним союз. Что еще более любопытно, Стилихон обратился к Алариху с предложением после того, как нанес поражение Радагайсу, когда, как мы видели, появились несомненные свидетельства того, что население приграничных территорий волнуется и вскоре хлынет на земли империи. Но Стилихон предложил Алариху союз, чтобы вступить в совместную борьбу с Константинополем, а вовсе не для того, чтобы разобраться с проблемами на Рейне. Для понимания того, чем было вызвано совершенно необъяснимое на первый взгляд поведение Стилихона и как его непредвиденные последствия повлияли на разграбление Рима, приглядимся пристальнее к фигуре римского главнокомандующего и к тому положению, которое он занимал, в рамках ситуации в целом.

Стилихон и Аларих

Флавий Стилихон — личность, мнения о которой коренным образом расходятся (это касается и его современников, и нынешних ученых). Его судьба — образец ис-

ключительно удачного продвижения по служебной лестнице, в результате которого неримляне — такие как Гайна, — занимая все более высокие военные должности, достигали политического могущества. Сын кавалерийского офицера римской армии, вандала по происхождению, и матери-римлянки, он сделал блестящую военную карьеру при дворе Феодосия I в Константинополе и получил в 380-х и в начале 390-х гг. несколько назначений на престижные посты. В 393 г. он сопровождал императора на Запад в ходе кампании против узурпатора Евгения, после чего был назначен командующим вооруженными силами Западной Римской империи (*comes et magister utriusque militiae praesentalis*). В начале 395 г. Феодосий внезапно скончался в Милане в возрасте сорока девяти лет, назначив перед тем Стилихона опекуном своего младшего сына Гонория, также прибывшего на Запад. По крайней мере именно так передал Стилихон свой разговор с лежавшим на смертном одре императором; при этом никто не попытался опровергнуть его слова. Старший сын Феодосия, Аркадий, остался править Восточной Римской империей из Константинополя. Гонорию, родившемуся в сентябре 384 г., в момент смерти отца не исполнилось и десяти лет; естественно, что бразды правления попали в руки Стилихона.

Карьера военачальника, таким образом, складывалась на Востоке, но теперь он оказался единоличным властителем Западной империи. Ему, очевидно, необходимо было налаживать связи со всеми власть имущими и влиятельными людьми — это и проявилось в том, что он энергично искал расположения у представителей старого римского сената. В мае 395 г. он провел закон, реабилитировавший всех, кто занимал посты при узурпаторе Евгении, — весьма примечательный жест (CTh. XV. 14. 11). После 395 г. наш старый приятель Симмах, наслаждавшийся золотой осенью, судя по его переписке, внезапно попал в число тех,

кому Стилихон оказывал знаки внимания*. Около двух третей его эпистолярного наследия, дошедшего до нас, датируется между 395 и 403 (год его смерти) г., и эти поздние письма свидетельствуют, что он пользовался значительным влиянием. К примеру, он смог спасти своего зятя Никомаха Флавиана, занимавшего при Евгении должность городского префекта, добившись для него политической реабилитации, увенчавшейся тем, что тот снова стал городским префектом в 399—400 гг. при Гонории и Стилихоне, сохранив и свои владения**. Формально не занимая никаких должностей, Симмах также играл важную роль в обществе; как мы увидим ниже, во многом благодаря его усилиям сенат объявил Гильдона, командующего римскими войсками в Северной Африке, который взбунтовался против Стилихона, врагом римского народа.

Более десяти лет благодаря этому умелому политическому маневрированию Стилихон удерживал власть в своих руках. Что и говорить, он проявил незаурядную ловкость, учитывая превратности его судьбы. Часть из них возникла самопроизвольно. Правду о том, каковы были в действительности пожелания умирающего Феодосия, мы никогда не узнаем. Но вскоре после его смерти Стилихон объявил, что перед кончиной император распорядился, чтобы он стал опекуном обоих его сыновей. Как сообщил сенату поэт Клавдиан, постоянный эксперт Стилихона по связям с общественностью: «Тогда тебе, о Стилихон, была доверена власть над Римом; тебе были вручены бразды правления всем миром. На тебя возложена ответственность за обоих братьев-императоров и войска обоих императорских дворов» (Claudian. In Ruf. II. 4—6). Все — по крайней мере по мнению Аркадия — свидетельствовало о том, что это была ложь, легко объяснимая тем, что Стили-

* Он занял эту должность в 383 г. и, исполняя ее, принял несколько неудачных решений: в частности, он поддержал императора Максима (Matthews, 1974).

** Symmach. Epist. V. 51; VI. 2 и 27.

хон стремился к власти над родной Восточной империей в придачу к той, которую он уже имел над Западной, где поселился лишь недавно. От слов Стилихон перешел к делу. Скрытая цель двух его вторжений на территорию Восточной империи — в 395 и 397 гг., — когда он сражался против восставших готов Алариха, состояла в том, что он стремился представить себя ее спасителем и, следовательно, законным правителем. Эти честолюбивые помыслы натолкнулись на жесткое противодействие со стороны политиков Константинополя. Как мы уже видели, они были поглощены борьбой за то, чтобы контролировать пассивного Аркадия, и менее всего им хотелось увидеть, как на горизонте появляется Стилихон, мчащийся к ним на выручку. Неудивительно, что теперь они держали его на расстоянии, бросая в него, так сказать, столько гранат, сколько имелось под рукой.

Самая опасная из этих гранат разорвалась осенью 397 г., когда уже упоминавшегося римского военачальника в Африке, Гильдона, склонили к тому, чтобы перейти на сторону Константинополя. Для Стилихона это представляло страшную опасность, поскольку Африка обеспечивала хлебом жителей города Рима. Любые нарушения поставок моментально подорвали бы его политические позиции. В этой ситуации он блестяще разрешил кризис, отправив в Северную Африку Маскацеля, брата Гильдона. Гильдон был виновен в смерти его детей, так что у Маскацеля были причины питать к нему вражду. К июлю 398 г. восстание удалось подавить, и Африка вновь подчинилась Западной империи, прежде чем созрел урожай того года. Стилихон также сумел противостоять вторжению Алариха в Италию в 401—402 гг. (хотя, вероятно, власти Константинополя не инспирировали его, как иногда предполагалось, они, разумеется, ничего не сделали, чтобы его остановить). Затем, всего три года спустя, прибыл Радагайс и его готская орда. И вновь Стилихон справился с ситуацией — достаточно ловко, по крайней мере в конце. Все это время его власть

зиждилась на многих основах: его поддерживали вооруженные силы центра и регионов, римский сенат, имперская бюрократия (ограничим наше перечисление этими тремя). Но ключевую роль играл один аспект — его отношения с сыном Феодосия Гонорием. Чтобы укрепить свое влияние на императора, Стилихон женил его на своей дочери Марии, когда тот вошел в возраст. Это несколько укрепило позиции полководца, но отношения с Гонорием неизбежно должны были требовать от Стилихона различных хитростей по мере взросления юного императора.

До августа 406 г. Стилихону прекрасно удавалось, так сказать, ходить по канату. Ему не удалось объединить Восточную и Западную империи, но он по-прежнему крепко держал Гонория в своих руках. Африку вынудили продолжать соблюдать верность Западной империи, и два нападения готов на Италию удалось отразить. Затем, после поражения Радагайса, произошел самый таинственный случай во всей карьере Стилихона. В это время события на севере приняли дурной оборот. Уже имела место первая из узурпаций в Британии; к востоку от Рейна шли бои, и все свидетельствовало о том, что волнения захлестнут и территорию империи (хотя ничто даже отчасти не намекало на масштабы грядущего вторжения через Рейн или того, какие формы оно примет). Однако, как мы видели, вместо того чтобы двинуть на север всех обученных солдат, какие только были в его распоряжении, Стилихон вступил в новую схватку со своими соперниками в Константинополе. Возобновляя военные действия в самом конце 406 г., он ставил перед собой гораздо более скромные цели, нежели в 395—396 гг. Он требовал восстановления диоцеза в Дакии и Македонии (восточной половине префектуры Иллирика, переданной под административный контроль Константинополя в период правления Феодосия). Угрожая войной в случае отказа, он искал союза с готами Алариха.

Конечно, велика вероятность того, что Стилихону катастрофически не хватило проницательности: с одной

стороны, его обуяло желание завладеть Восточной империей, с другой — он недооценил кризис на севере. Но даже если он действительно не видел, с какой скоростью этот кризис приобретает масштабы катастрофы, я не думаю, что он полностью утратил чувство реальности — и не я один. Главное здесь заключается в том, что Стилихон более не пытался захватить власть в Константинополе. Его куда более скромная цель — восстановление власти над Дакией и Македонией в Восточном Иллирике — подразумевает, что на повестке дня стоял куда более важный вопрос, нежели пустое тщеславие. Горы и долины Восточного Иллирика являлись традиционным для Римской империи местом вербовки войск (что-то вроде горной Шотландии для британской армии). Следовательно, возникло предположение, что нелепое на первый взгляд желание Стилихона взять Восточный Иллирик под контроль в конце 406 г. было связано с назревавшим кризисом на Рейне. Стилихон отчаянно нуждался в солдатах, так что возвращение власти над Иллириком могло представлять собой хитрый план, позволявший обеспечить доступ к жизненно важным территориям для вербовки. На то, чтобы обучить новобранцев, нужно время, а его-то Стилихону явно не хватало. Однако на тот момент в Восточном Иллирике существовала военная сила, состоявшая из полностью обученных, опытных воинов, закаленных в боях, — готы Алариха.

Чтобы понять, почему борьба с Константинополем за Восточный Иллирик может быть как-то связана с получением поддержки Алариха перед лицом масштабной угрозы на севере, мы также должны принять в расчет трудности, стоявшие тогда перед готами. С 395 г. Аларих неоднократно демонстрировал, что вполне готов к военному союзу с Римским государством, но лишь за хорошую цену; так, следовало исправить очевидные недостатки мирного договора 382 г. Как нам известно, это означало полное признание их общего предводителя и закрепление законом территории, которая бы обеспечивала им пропита-

ние. (Именно это они получили от Евтропия в 397 г. и продолжали добиваться в конце 400-х гг.) Единственной проблемой для Стилихона и Алариха оказался выбор места, где поселятся готы. С 397 по 406 г., если не считать краткого италийского «эпизода», они занимали Дакию и Македонию. Но Восточный Иллирик в настоящее время был частью Восточной империи (что противоречило установившемуся обычаю расселения готов). Таким образом, перед Стилихоном встала проблема. Он мог переместить готов с территорий, которые те занимали почти десять лет, на земли, находившиеся под *его* контролем. Это дало бы ему право даровать им возможность абсолютно законного проживания, чего они и добивались, однако неизбежно повлекло бы значительные разрушения и беспокойство как для готов, так и — что, вероятно, было важнее, с точки зрения Стилихона, — для римских землевладельцев, живших на тех западных территориях, на которые переселились бы готы (куда бы они ни направились). В качестве альтернативы он мог узаконить их контроль над территориями, которые они *уже* занимали: он должен был взять власть над Иллириком и тем самым припугнуть Константинополь. В конечном итоге он выбрал второе; по зрелом размышлении таким путем проще всего было привлечь готов на сторону Рима. В подобном свете политика Стилихона вовсе не кажется проявлением сумасшествия.

Союз с группировкой Алариха обеспечил бы его превосходными воинами, необходимыми, чтобы разобраться с тем безобразием, которое вот-вот готово было разразиться на севере. Ущерб западным территориям оказался бы минимален. Если для этого потребовалась бы размолвка с Константинополем, то Стилихон был готов к ней*.

* О Стилихоне в целом см.: Cameron, 1970, особенно Chs 2—3, и Matthews, 1975, Ch. 10. Это мнение насчет маневрирования Стилихона в отношениях с Аларихом доказывается более подробно см.: Heather, 1991, p. 211—213.

Падение Стилихона и дальнейшие события

В качестве одного из пунктов соглашения Стилихона с Аларихом было условлено, что для натиска на Восточную Римскую империю готов усилят значительным контингентом, находившимся в составе римской армии в Италии. Мне представляется, что Стилихон полагал, будто зрелище его военной мощи само по себе заставит Восток передать ему диоцез, ставший предметом разногласий, и детально спланированная военная операция не потребуется. С этой целью Аларих двинул свои войска в Эпир (ныне это место находится в Албании), на территорию Западного Иллирика, формально принадлежавшую Риму, и ожидал войска Стилихона, которые должны были прибыть туда из-за Адриатики. Так как зимой на Балканах невозможно проводить масштабную кампанию, нападение, вероятно, запланировали на лето следующего, 407 года. Однако все планы рухнули вследствие быстро развивавшихся событий в Британии и Галлии. К маю — июню 407 г., когда можно было вновь проводить большую кампанию на Балканах, вандалы, аланы и свевы пересекли Рейн и распространились по территории Галлии. В подобных обстоятельствах двинуть значительную часть армии, находившейся в Италии, через Адриатику было невозможно. Поэтому Стилихон предпочел не высылать Алариху подкрепление в Эпир; единственное, что он сделал в 407 г., — это направил одного из своих генералов, гота по имени Сар, в Галлию, чтобы тот попытался положить конец узурпации Константина прежде, чем тот наберет себе сторонников. Эта попытка потерпела неудачу.

К началу 408 г. позиции Стилихона пошатнулись. Войска Константина и варваров находились в ряде областей Галлии, и вся эта провинция, а также Британия вышли из-под контроля центра. Северная Африка и Испания оставались на стороне Рима, но Аларих в Эпире начал проявлять беспокойство. Его готы сидели здесь уже целый год в ожи-

дании прибытия римских легионов, а ситуация в Галлии по-прежнему оставалась критической и могла разрешиться чем угодно. Имелась и еще одна причина. Власть Алариха над готами ни в коем случае не носила безоговорочного характера; люди должны были быть довольны и счастливы. Собирался ли Стилихон на самом деле исполнить свои обещания?

К весне 408 г. Аларих всерьез задумался о необходимости их подтверждения со стороны Стилихона. Напоминая ему, и не без оснований, о том, что его силы пока не получили никакой денежной помощи, не говоря уже о военной, он потребовал 4000 фунтов золота. Угрожая войной в случае отказа, готы продвинулись к северо-западу в римскую провинцию Норик (находящуюся на территории современной Австрии) в предгорья Альп, расположившись так, чтобы в случае необходимости вторгнуться в Италию. Учитывая затруднения Стилихона, это был не слишком сочувственный жест со стороны потенциального союзника, но Аларих должен был удовлетворить пожелания своих собственных сторонников. Вспомним также, что сам Стилихон не слишком переживал, изгнав готов из Италии в 401—402 гг. Император и большинство сенаторов, как сообщают источники, были готовы начать войну с готами. Но в этом случае к интервентам на Рейне и Константину III прибавился бы третий грозный враг, и Стилихон принял иное решение. Когда римский сенат собрался для обсуждения кампании, Стилихон изложил свое мнение. Он настоял на нем, и сенат постановил выплатить требуемую сумму золотом. Однако оппозиция не дремала; некий Лампадий остался в истории, выразив свое мнение на этот счет: «Это не мирный договор — это договор о продаже в рабство» (*non est ista pax sed pactio servitutis*). К этому времени Стилихон весьма поиздержал даже те остатки политического капитала, которые еще у него оставались, но история его на этом не кончается.

1 мая 408 г. правитель Восточной Римской империи Аркадий, старший брат западного императора Гонория, скончался, оставив наследником семилетнего сына, Феодосия II. Опять-таки император и его полководец разошлись во мнениях. Стилихон хотел отправиться в Константинополь, чтобы принять участие в устройстве дел на Востоке, но туда отправился Гонорий. Что касается уплаты Алариху, то Стилихон сделал по-своему; он также настаивал на том, что Алариха, в свою очередь, следует послать в Галлию. Но расхождения между императором и генералом были слишком очевидны. Один высокопоставленный придворный, чиновник по имени Олимпий, некогда бывший ставленником Стилихона, постарался усилить их. Мнение Стилихона по всем вопросам возобладало, но Западная Римская империя по-прежнему находилась в ужаснейшем состоянии. Теперь Константин III водворился в Арле, в Южной Галлии, создавая угрозу на путях в Италию. Галлия кишела варварами, тогда как Аларих, получив деньги, по-прежнему сидел в Норике, наблюдая за альпийскими перевалами. Неудивительно, что, как сообщают источники, Стилихон провел лето 408 г., строя планы, но не исполняя их; здание империи рушилось у него на глазах. В этот момент, пишет Зосим, Олимпий разыграл свою козырную карту*: «Стилихон, — говорил он, — собирается отправиться на восток, чтобы составить заговор, свергнуть юного Феодосия и передать Восточную империю своему сыну Эвхерию».

Это известие повторялось при каждом удобном случае и тщательно распространялось среди солдат армии, находившейся в Италии, на главных квартирах, в Павии (Тицине). Когда Гонорий явился, чтобы устроить им смотр, прежде чем 13 августа послать их против Константина III, войска взбунтовались и убили многих сторонников Стилихона, чиновников, входивших в высший эшелон власти.

* Следующие две цитаты взяты из: Zosim. V. 32. 1; V. 33. 1—2.

Услышав эту новость, «[Стилихон] собрал предводителей всех союзных войск, состоявших из варваров, которые были с ним, дабы держать совет относительно того, как поступить. Все согласились, что если император убит (окончательно это еще не было известно), все варвары-союзники должны разом напасть на римских солдат, чтобы преподать урок всем прочим. Если же император жив, то, несмотря на гибель чиновников, наказать следует лишь зачинщиков бунта... Однако когда они узнали, что император не потерпел никакого ущерба, Стилихон решил более не задерживаться, наказывая солдат, но вернуться в Равенну».

Эти войска варваров, насчитывавшие примерно 12 тысяч человек, по большей части состояли из бывших сторонников готского короля Радагайса. Когда тот потерпел поражение, Стилихон взял их к себе на службу; они образовали отдельную группу в рядах римской армии. Ничто не указывает на то, что в других, регулярных частях между римлянами и варварами существовал какой-либо раскол, и после падения Стилихона многие неримляне, завербованные на службу спустя годы, продолжали в них служить. В Равенне Стилихон вначале искал убежища в храме, однако затем сдался, чем обрек себя на неминуемую смерть. При этом он не позволил своим слугам защищать его. 22 августа Стилихон был казнен.

Так погиб главнокомандующий войсками Западной Римской империи, стоявший у власти тринадцать лет. Многие из его ставленников, занимавших важные должности, были убиты во время мятежа в Павии; других выслеживали и убивали. Сына его Эвхерия арестовали и казнили; Гонорий развелся с его дочерью. Изменения режима в «римском стиле» носили весьма мрачный и жестокий характер и отличались тщательностью (что можно сказать о подобных ситуациях в политике любых стран). Последний выпад против своего бывшего покровителя Олимпий совершил, приняв в период между сентябрем и ноябрем 408 г.

ряд законов, согласно которым все имущество Стилихона подлежало конфискации, а каждый, кто пытался удержать нечто, принадлежавшее государственному преступнику, — наказанию (CTh. IX. 42. 20—22). По моему мнению, Стилихон, подобно тану Кавдорскому, умер не так, как жил. Он предпочел умереть тихо, нежели ввергнуть то, что оставалось от Римского государства, в пучину гражданской войны. До нас дошел его портрет — изображение государственного мужа высокого роста, верно служившего империи; что касается, например, Олимпиодора — одного из лучших наших источников, то он в высшей степени симпатизирует ему. Хотя Евнапий, греческий историк, настроенный против варваров, обвиняет его в том, что с начала 390-х гг. он состоял в тайном сговоре с Аларихом, нет ни малейшего намека на то, что он вел себя не так, как подобало верному Риму чиновнику, из-за того, что его отец был вандалом. Стилихону просто не повезло: бразды правления попали в его руки в тот момент, когда гунны нарушили баланс сил, на котором традиционно основывалась жизнь империи. В истории нашлось бы немного тех, кто смог бы справиться с ситуацией в тот момент, когда в событиях участвовали недовольный император, вандалы, аланы и свевы, узурпатор, привлекший на свою сторону большие силы, и мощная группировка готов*.

Мудрость, проявленная Стилихоном в его политических решениях, сказалась в событиях, последовавших за его смертью. Политика нового режима, во главе которого встал Олимпий, сделавшийся «магистром оффиций» (magister officiorum) (эта должность давала тому, кто ее занимал, широкие полномочия; отчасти она напоминает пост главы министерства государственной службы), полностью противоречила линии Стилихона. На повестке дня оказался не мир, но война с готами. Предложение Алариха

---

*О падении Стилихона и Олимпиодоре см.: Matthews, 1970; 1975, p. 270—283.

обменяться заложниками в обмен на выкуп за его уход от границ Италии было решительно отвергнуто.

Готы вновь оказались в ситуации политического застоя — куда более худшей, нежели до 406 г. Тогда у них по крайней мере была прочная база. Теперь они находились на незнакомой территории и не имели связей с местным населением, производящим продовольствие. Однако в одном — весьма важном — отношении положение готов вскоре улучшилось. Вскоре после казни Стилихона солдаты римской армии из числа коренных жителей Италии учинили серию погромов, направленных против семейств и собственности набранных Стилихоном в армию варваров (многие из которых прежде служили Радагайсу). Эти семьи, жившие в нескольких городах Италии, подверглись полному уничтожению. Охваченные яростью, мужчины перешли к Алариху, и в результате численность его войск увеличилась примерно до 30 тысяч человек. И дело не окончилось этим. Позднее, когда готы в 409 г. расположились лагерем близ Рима, к ним присоединилось достаточно рабов, и численность его сил возросла до 40 тысяч человек. Опять-таки я подозреваю, что большинство этих рабов прежде воевало вместе с Радагайсом, а не трудилось в римских кондитерских. Всего через три года после того, как их орды были проданы в рабство, Аларих предложил им способ вырваться из неволи, в которой держали их римляне*.

---

*Согласно Зосиму, 30 тысяч воинов присоединились к Алариху после погрома, но это число слишком велико. Я подозреваю, что Зосим вновь неправильно понял Олимпиодора, который наверняка являлся в данном случае его источником, думая, будто 30 тысяч представляли собой число влившихся в состав войска; тогда как в действительности речь идет о численности всей армии Алариха, включая пополнения. Тридцать тысяч, по моему мнению, — приблизительный размер сил Алариха после подхода подкреплений: т.е. по 10 тысяч — от грейтунгов и тервингов в 376 г., а также 10 тысяч бывших воинов Радагайса, которых Стилихон включил в состав римской армии.

Осенью 408 г., оказавшись во главе самой большой группировки готов изо всех, что были известны до того, Аларих повел дерзкую игру. Собрав всех своих людей, включая тех, кто находился в Паннонии под предводительством его шурина Атаульфа, он двинулся через Альпы в Италию, сея повсюду огонь и смерть и направляясь прямо к Риму. Он подошел к городу в ноябре и быстро осадил его, положив таким образом конец всем поставкам продовольствия в Рим. Вскоре, однако, выяснилось, что Аларих вовсе не собирался захватывать город. Очевидно, что в первую очередь ему была нужна добыча (и к концу года он ее получил). Римский сенат согласился заплатить ему выкуп в размере 5000 фунтов золота и 30 000 фунтов серебра, а также громадное количество шелковых тканей, кож и пряностей, что могло весьма пригодиться, поскольку он недавно набрал новую армию и должен был добиться ее расположения. Но одновременно готы продолжали ту политику, которой он придерживался с 395 г.: они стремились найти себе место в Римском государстве, и Аларих хотел, чтобы сенат помог ему исполнить эту главную цель его политической карьеры. В соответствии с этим посольство сената обратилось к Гонорию в качестве посредника, побуждая его обменяться с готами заложниками и заключить с ними военный союз. Император дал понять, что согласен, после чего готы сняли осаду и отступили к северу, в Тоскану.

Но Гонорий либо также пытался выиграть время, либо не был уверен в том, что ему делать. Влияние Олимпия было по-прежнему достаточно сильным, чтобы не дать ратифицировать соглашение, поэтому Аларих — особенно разъярило его то, что близ Пизы часть его войск попала в засаду, — вернулся в Рим, чтобы добиться своего. Под давлением готов еще одно посольство сената — на сей раз под готской охраной — отправилось в Равенну (ставшую в то время политическим сердцем империи), где находился Гонорий. Пришло время договориться, заявили готы. Этого

было достаточно, чтобы уничтожить доверие императора к Олимпию. Было просто невозможно мобилизовать римскую армию в Италии и атаковать готов: равенство сил не позволяло рассчитывать на победу, к тому же прямая римско-готская конфронтация обеспечила бы Константину III возможность перейти Альпы. Единственное, что оставалось, — начать переговоры. К апрелю 409 г. наибольшим влиянием на императора пользовался человек, некогда поддерживавший Стилихона, — Иовий, префект претория Италии, которого ранее посылали для установления контактов с готами, когда те ожидали в Эпире прибытия Стилихона, дабы начать запланированную совместную кампанию против Восточной Римской империи. Переговоры Алариха и Иовия открылись в Римини, и готы могли рассчитывать на заключение мира, поскольку «козырей» у имперской стороны было мало. Константин III по-прежнему находился в Арле; он был занят тем, что содействовал популярности своих сыновей, дабы они могли добиться пурпурных одежд. Создалась страшная угроза смены династии, если о династии в данном случае вообще можно было говорить. Теперь Гонорий так боялся Константина, что в начале 409 г. он совершил акт его формального признания — послал ему пурпурную мантию. Попытка ввести в Рим гарнизон из 6 тысяч человек, предпринятая несколькими офицерами Гонория, также окончилась катастрофой: проникнуть в город удалось всего-навсего сотне человек. Тем временем среди войск в Равенне начались волнения. Итак, у Гонория не было никакой возможности воевать. Аларих знал это, как видно из первых его требований. Зосим сообщает нам*: «Аларих требовал, чтобы [готам] ежегодно выдавалось определенное количество золота и хлеба; он и его сподвижники будут жить в двух Венециях, Норике и Далмации». Иовий уступил и, кроме того,

*Две последующих цитаты взяты из сочинения Зосима: V. 48.3 и 50.3—51.1.

обратился к Гонорию с просьбой, чтобы тот формально пожаловал Алариху старшую военную должность в империи (*magister utriusque militiae*). Соглашение сделало бы готов богачами, а их предводителя — чрезвычайно влиятельной фигурой при дворе; готская армия разместилась бы по обе стороны главных перевалов, позволяющих войти в Италию с востока, а также вблизи Равенны.

Однако здесь возникло одно препятствие. Гонорий согласен был дать зерно и золото, но не полководческий чин. Он ответил оскорбительным письмом, зачитанным в ходе переговоров. Аларих возмутился, но затем прелюбопытнейшим образом переменил свое мнение. На сей раз он нанял в качестве посланцев нескольких римских епископов. Вот какое сообщение они доставили императору: «Теперь Аларих не желает ни звания, ни почестей; он также не хочет селиться в провинциях, выбранных прежде, но лишь в двух Нориках, расположенных в дальнем течении Дуная; они постоянно подвергаются набегам и приносят мало денег в казну... Более того, он удовлетворится таким количеством зерна, какое сочтет нужным [выдавать] император, и забудет о золоте...» Когда Аларих выдвинул эти простые и благоразумные требования, всех восхитила скромность этого человека.

С предполагавшимся готским протекторатом было покончено; о выплатах золота также больше не было и речи; готы будут тихо жить в приграничной провинции, вдали от Равенны. Умеренность требований Алариха изумляет, однако она дает представление о его видении общей картины происходящего. В данный момент у него имелась военная сила, достаточная для того, чтобы получить значительную часть того, что ему хотелось, но он предпочитал уступить, дабы заключить с Римом надежное мирное соглашение. У него, видимо, было сильное ощущение того, что в какой-то момент Рим вернет себе прежнюю мощь, а это требовало в первую очередь заботиться о безопасности.

Двор Гонория, однако, по-прежнему испытывал беспокойство. Историк Олимпиодор находил пересмотренные Аларихом условия в высшей степени разумными, но их вновь отвергли. Поэтому Аларих возвратился в Рим в третий раз, вновь осадил город и решил повысить ставки. В конце 409 г. он убедил сенат избрать своего собственного императора Приска Аттала, и на некоторое время в Западной Римской империи появился третий август наряду с Гонорием и Константином III. Происходивший из известной сенаторской фамилии, Аттал был видной фигурой в общественной жизни более десятилетия. Теперь посольства, направляемые сенатом Гонорию, угрожали ему физической расправой и изгнанием; сам же Аларих — назначенный Атталом главнокомандующим — двинулся, чтобы покорить большинство городов Северной Италии и осадить Равенну; другие силы были отправлены в Северную Африку, остававшуюся верной Гонорию. В какой-то момент Гонорий был готов бежать, но в этот роковой миг 4 тысячи солдат прибыли с востока для охраны Равенны; кроме того, из Северной Африки пришли деньги, достаточные, чтобы обеспечить верность армии в Италии. Аттал дважды попытался, пусть и не особенно энергично, захватить Северную Африку, но отказался взять на службу кого-либо из людей Алариха. С предводителя готов было довольно. Возможно, его первоначальное желание состояло в том, чтобы возвести на трон своего ставленника; вероятно, выдвижение Аттала также было для него «козырем». Как бы то ни было, в июле 410 г. он низложил Аттала и возобновил переговоры с Гонорием, который ввиду прибытия войск и прихода денег из Африки вновь почувствовал уверенность в себе. Была устроена встреча, и Аларих продвинулся на расстояние 60 стадиев (примерно 12 километров) от Равенны. В то же время смутьяны в войсках Гонория были против каких бы то ни было переговоров. Пока Аларих ожидал Гонория, на него напали небольшие силы римлян под

предводительством Сара. Позднее, в середине 410-х гг., брат Сара Сергерих играл довольно значительную роль среди готов Алариха, чтобы претендовать на лидерство. Учитывая известную враждебность Сара по отношению к Алариху и его шурину Атаульфу, я полагаю, что он был соперником Алариха, которого тот одолел в борьбе за лидерство среди готов еще в 390-е гг.*.

Аларих был возмущен как нападением, так и — если я прав — личностью нападавшего. Оставив идею переговоров с Равенной, готы повернули и возвратились в Рим в четвертый раз. Там они учинили свою третью осаду. Не сомневаюсь, что на сей раз землевладельцы из окрестностей Рима уже ждали их с распростертыми объятиями. Готы ненадолго задержались близ стен, но затем Салариевы ворота открылись**.

Разграбление Рима

Согласно всем имеющимся свидетельствам, за этим последовало одно из самых цивилизованных разграблений в истории города. Готы Алариха исповедовали христианство и отнеслись ко многим святыням Рима с величайшим уважением. В их число попали две главные базилики — Св. Петра и Св. Павла. Тех, кто укрылся там, не тронули; беженцы, отправившиеся в Африку, впоследствии с изумлением сообщали, что готы даже проводили туда нескольких монахинь и, в частности, одну Марцеллу, прежде

* Сар и Аларих поссорились где-то накануне прихода последнего в Италию (Zosim. VI. 13. 2). Сар принял смерть от рук Атаульфа (Olympiod. Fr. 18), а Сергерих извлек выгоду из убийства Атаульфа и его семьи (Olympiod. Fr. 26.1).

** Более подробный рассказ о событиях, которые привели к разграблению Рима, см., например: Matthews, 1975, Ch. 11; Heather, 1991, p. 213—218 (с исчерпывающими ссылками).

чем тщательно обобрать их дома. Не всем — и даже не всем монахиням города — так повезло, но готы-христиане действительно твердо помнили о своем вероисповедании. Они унесли из Латеранского дворца одну огромную серебряную дароносицу весом в 2025 фунтов, подаренную императором Константином, но священные сосуды из собора Св. Петра не тронули. Разрушения зданий также в основном ограничились районом Саларийских ворот и старого здания сената. В конечном итоге даже по истечении трех дней огромное большинство городских памятников и зданий остались нетронутыми, разве что с них сняли то ценное, что можно было унести.

Трудно вообразить ситуацию, при которой в большей мере был ощутим контраст с предпоследним разграблением города — дело рук кельтских племен в 390 г. до н.э. Тогда, как мы знаем из Ливия, основные силы римлян оказались заперты, попав в осаду в этрусском городе Вейи (современная Изола Фарнезе), так что отряды кельтов смогли прямиком войти в Рим. Немногие мужчины, способные носить оружие, оставшиеся в городе, защищали Капитолий с помощью гусей, предупредивших о внезапном нападении, но остальная часть города оказалась покинута. Пожилые патриции отказались уходить и уселись у дверей своих домов в полном парадном облачении. Вначале кельты с благоговением взирали на тех мужей, которые «походили на богов еще и той величественной строгостью, которая отражалась на их лицах». Затем «один из стариков, Марк Папирий, ударил жезлом из слоновой кости того галла, который вздумал погладить его по бороде (а тогда все носили бороды). Тот пришел в бешенство, и Папирий был убит первым. Другие старики также погибли в своих креслах. После их убийства не щадили уже никого из смертных, дома же грабили, а после поджигали» (Liv. V. 41. 8—10. Пер. С.А. Иванова).

В 390 г. до н.э. после сожжения города уцелела лишь одна крепость на Капитолии*; в 410 г. н.э. лишь здание сената было предано огню**.

То, что готы-христиане, проявив уважение к святыне собора Св. Петра, разграбили Рим весьма цивилизованным образом, с учетом ожиданий того, как жаждущие крови варвары врываются в великую столицу империи, может вызывать глубокое разочарование. Куда большее восхищение испытываешь от мысли о разграблении Рима как о высшем воплощении мечтаний германцев о мести римскому империализму, вдохновленных гибелью легионов Вара в 9 г. н.э. Однако после тщательного изучения последствий событий между 408 и 410 г. неизбежно приходишь к выводу, что Аларих не хотел, чтобы Рим разграбили. Его готы то и дело появлялись под стенами города с начала осени 408 г. и могли бы взять его в любой момент в течение двадцати месяцев, прошедших с момента их прибытия, если бы только пожелали. Вероятно, Аларих не беспокоился насчет броских заголовков в исторической прессе и нескольких телег с награбленным добром. Его интересовало совершенно другое. С 395 г. он боролся за то, чтобы вынудить Римское государство изменить свое отношение к готам, зафиксированное в договоре 382 г. Основным его требованием, как нам известно, было дарование готам официально признанного статуса со стороны легитимного имперского режима. Коль скоро его обманули в Константинополе в 400—401 гг., это должен был сделать режим Гонория в Равенне. Осада Рима была всего лишь средством принудить Гонория и его советников к соглаше-

* Археологи не нашли пока следов пожара Рима времен галльского нашествия — это и неудивительно, ибо город был взят победителями без боя. Вероятно, легенду о сожжении Рима сочинили позднейшие римские писатели, для которых пожар являлся непременным атрибутом взятия города варварами. — *Примеч. пер.*

** Источники о разграблении Рима Аларихом собраны в работе Курселя: Courcelle, 1964, p. 45—55.

нию. Но эта уловка не сработала. В сущности, Аларих переоценил значение города для императорских властей, находившихся в Равенне. Рим оставался мощным символом империи, но утратил значение политического центра «римского мира». В конечном итоге Гонорий, следовательно, мог проигнорировать его судьбу без того, чтобы империя потерпела значительный урон. Дозволение Алариха своим войскам грабить город в течение трех дней стало признанием того, что вся его политика с момента вторжения в Италию в 408 г. была ошибочной. Ему не удалось исполнить то, к чему он стремился, — наладить отношения с Римским государством. Разграбление Рима являло собой не столько символический удар по Римской империи, сколько признание неудачи готов.

Но даже если в тот момент событие имело вовсе не тот резонанс, какого можно было ожидать, Гонорий и его советники вовсе не собирались отдавать Рим готам. Разграбление города стало частью длинного ряда происшествий, имевших куда большее историческое значение. В конечном итоге события конца августа 410 г. имели своими истоками дальнейшее продвижение гуннов в сердце Европы и роковое сочетание вторжения и узурпации, которые потрясли Западную Римскую империю. Ибо хотя разграбление не имело исторического значения, события, частью которых оно стало, имели колоссальное значение для стабильности римской Европы, поскольку они отозвались во всем римском мире. Из Святой земли, как мы видели, Иероним оплакивал падение города, который для него по-прежнему символизировал все хорошее и ценное. В других местах отклики были еще более резкими. Образованные нехристиане, к примеру, доказывали, что это событие стало явным знаком нелегитимности новой имперской религии: Рим был разграблен, потому что охранявшие его боги, ныне отвергнутые, перестали защищать его. В Северной Африке эти соображения в первую очередь поддержали эмигранты из высших классов, бежавшие туда из Италии.

Для Бл. Августина это был вызов, на который он ответил, проявив всю мощь своего интеллекта.

Многие из его проповедей можно достаточно точно датировать. В тех, которые относятся к последним месяцам 410 г., он рассматривает ряд вопросов, относящихся к данному событию. Затем он взял некоторые из этих наиболее важных идей и свел их в своем выдающемся произведении: «О граде Божием» (причем многое осталось за пределами этой вещи). Сочинение разрослось до двадцати двух книг и было закончено только к 425 г. Однако первые три книги были опубликованы в 413 г.; они содержат ответы, сразу же данные Августином на вопросы, которые вызвало у его паствы разграбление Рима, причем многие из них были вызваны колкими замечаниями язычников, очернителей христианства.

Немедленный ответ Августина в той или иной степени сводился к мысли «сами дураки». Эта кучка крикливых язычников просто не знала собственной истории! Римская империя претерпела множество катастроф задолго до рождения Христа, и при этом никто не посылал проклятий в адрес божественных сил*: «Где были они [боги], когда был убит консул Валерий, мужественно защищавший Капитолий, подожженный беглыми рабами?.. Где были они... когда, при усилении голода, был обвинен в домогательстве царской власти Спурий Мелий, раздававший хлеб голодавшей черни и [...] по настоянию того же самого префекта и распоряжению одряхлевшего от старости диктатора Квинкция был убит?.. Где были они [...] с появлением страшной моровой язвы?.. Где были они, когда римское войско, безуспешно сражаясь, терпело под Вейями в течение десяти лет постоянные и страшные поражения?.. Где были они, когда Рим взяли, разграбили, сожгли и наполнили трупами галлы?..»

Быстро перечитав «Историю города Рима» Тита Ливия, Августин оказался достаточно вооружен, чтобы выдви-

* Цитата взята из: Aug. De Civ. Dei. III. 17.

нуть веские ответные обвинения в адрес язычников с их протестами. Но, увлекшись, этот автор — один из лучших умов античности — не остановился на том, чтобы ограничиться немедленным ответом. Трактат «О граде Божием», который созревал в его уме пятнадцать лет, будет затрагивать множество вопросов и тем, но центральная тема — взгляд на историю, полностью противоположный воззрениям, увековеченным идеологией однопартийного имперского государства, — уже выдвинута на первый план в первых трех его книгах.

Христиане издавна была знакомы с представлением о «двух городах». Оно формировалось, имея в своей основе апокалиптическое видение Нового Иерусалима, где будут вечно обитать праведники после Страшного Суда в конце мира. В каком бы городе ни жили христиане и христианки в этом мире, их истинным домом был этот небесный Иерусалим. В упомянутых ранних книгах «О граде Божием» Августин берет это утвердившееся христианское понятие; апеллируя к нему, он весьма решителен и суров и приходит к весьма неприятным выводам. Прежде всего Рим, несмотря на все его блага и вопреки демонстрации его лояльности новой вере, ничем не отличался от других земных городов. То, что владения Рима были столь обширны, а господство его насчитывало столько лет, не было основанием путать его с небесным Иерусалимом. Чтобы придать вес своему доказательству, Августин вновь обращается к корпусу сочинений различных авторов о римской истории и достигает желаемого эффекта. В частности, доказывает он, при тщательном изучении истории Рима становится ясно, что империя не была обязана своим беспрецедентным успехом каким бы то ни было проявлениям высокой морали и, следовательно, соблюдению законов, правил и принципов. Заимствуя факты из Саллюстия, одного из авторов, составлявшего неотъемлемую часть курса обучения римлян, он заявлял, что все проявления подлинной морали в древнеримском государстве были связаны с давлени-

ем извне и вызваны войной с Карфагеном и что, когда в результате победы эта уравновешивающая сила оказалась устранена, в Риме воцарился порок. В основу всей империи легло не что иное, как желание господства: «Эта страсть к господству терзает и губит род человеческий великими бедствиями. Побежденный этой страстью, Рим считал в то время торжеством для себя, что он победил Альбу* [первая победа Рима] и рассказам о своем злодействе давал имя славы».

Августин не доходит до утверждения, будто вся имперская доктрина порочна или что мир на земле — это нечто дурное. Однако он подводит читателей к пониманию следующей мысли: для христиан Pax Romana — не что иное, как возможность прийти к Богу благодаря осознанию того, что истинную верность им следует хранить Царствию Небесному: «Вышний град, где победа — истина, где достоинство — святость, где мир — блаженство, где жизнь — вечность, несравненно знатнее тебя»**. В этом мире граждане Небесного Града хранят верность разным политическим объединениям, так что даже среди готов, грабивших Рим, могут быть истинные друзья, тогда как среди товарищей-римлян — враги. Граждане Небесного Града обязаны каким бы то ни было земным властям лишь преходящей верностью; в лучшем мире они объединятся: «Христос Своим спасительнейшим учением воспрещает почитание ложных и лживых богов и, осуждая с божественною властью вредные и мерзкие человеческие страсти, от тлеющего и во зле лежащего мира мало-помалу возносит Свою семью и создает из нее вечный и по суду истины, а не по суетному одобрению, славнейший град».

* Имеется в виду город Альба Лонга, откуда были родом основатели Рима — Ромул и Рем. Согласно римской традиции, римляне завоевали ее при третьем царе Тулле Гостилии. — *Примеч. пер.*

** Цитата взята из: Aug. De Civ. Dei. II. 29.

Факт разграбления Рима, с точки зрения Августина, обнаруживает беззаконную суть всех земных городов и призывает всех граждан Небесного Иерусалима искать грядущей жизни.

Шестнадцать веков спустя легко упустить революционную природу видения Августина. Заявления о том, что Римская империя будет существовать вечно (вспомним образ Вечного города, Roma aeterna), оказались беспочвенными; представление о том, что его успех обеспечила беспрецедентная благосклонность со стороны богов, кажется нам смехотворным. Однако, читая «О граде Божием», мы должны забыть все, что знаем о прошлом. Когда Августин писал свой трактат, империя существовала несколько столетий и не имела серьезного соперника. Ведь ее пропаганда всегда утверждала — сколько люди себя помнили, что она является средством в руках богов, а ныне Бога (переход к христианству произошел на удивление мирно), желающих цивилизовать человечество. Христианские епископы с радостью внедряли представление о том, что Христос и Август не случайно жили одновременно. Могло ли быть лучшее свидетельство тому, что Римская империя была предназначена для завоевания мира и обращения его в христианство? Все, от спальни до сокровищницы императора, было священно, а тщательно срежиссированная церемониальная жизнь государства подчинялась представлению о том, что Бог правит человечеством через императора, ведомого высшими силами.

Ответ Августина на разграбление Рима поставил на всех этих удобных представлениях огромный черный крест. Империя стала всего лишь одним из многих государств, существовавших на протяжении истории человечества; она не отличалась уникальными достоинствами, ее существование также не обещало быть исключительно длительным по велению судеб.

В связи с событиями до и после разграбления Рима и ответом на его падение мы сталкиваемся с двумя контрас-

тирующими между собой интерпретациями значения этих трех августовских дней 410 г. С одной стороны, и Иероним, и Августин каждый на свой лад красноречиво свидетельствуют о том, что мир перевернулся с ног на голову. С другой стороны, мы видим, что город разграбили по весьма прозаической причине: Алариху нужно было вознаградить своих сподвижников за верность, после того как более обширные его планы, имевшие целью процветание готов, оказались расстроены. В трактате «О граде Божием» Августин проявил слишком большую осторожность, чтобы выразить свое мнение о том, означает ли разграбление Рима, последовавшее за «римскими каникулами» готов, гибель империи. Это заставляет нас воздержаться от поспешных выводов: прежде необходимо пристальнее оценить стратегическое положение империи.

Возвращение домой

В октябре — ноябре 417 г. Рутилий Клавдий Намациан медленно возвращался назад, в Галлию. Этот уроженец Толозы (нынешней Тулузы) провел в Италии несколько лет: в 412 г. он занимал пост магистра оффиций при дворе Гонория (ту самую должность, которая дала возможность Олимпию «подкопаться» под Стилихона), а затем в течение короткого срока — пост городского префекта в Риме летом 414 г. Прибыв в Галлию, он создал эпическую поэму «De reditu suo» («О возвращении на родину»*), где описал свое путешествие. Первая книга содержит 644 стихотворные строки, но рукопись обрывается уже после шестьдесят восьмой строки второй книги. В этот момент Рутилий находился только где-то близ побережья северо-западной Италии. Хотя еще одна страница — что-то около сорока

* Ниже отрывки из поэмы цитируются в пер. О.В. Смыки. — *Примеч. пер.*

строк — была обнаружена в конце 1960-х гг. (в XVI в. ее использовали, чтобы починить книжный том в монастыре в Боббио), мы по-прежнему не уверены, где именно в Галлии закончилось странствие Рутилия. Путешествие проходило по морю:

Ныне, когда и Аврелиев путь, и этрусские пашни
Гетским огнем и мечом разорены, и когда
Всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось, —
Лучше неверным волнам вверить свои паруса.

Система гостиниц и стойл на Аврелиевой дороге (Via Aurelia), главной дороге, проходившей по западному побережью Италии и облегчавшей движение к Риму и обратно таких путешественников, как Феофан (см. гл. II), так и не была восстановлена с того времени, как готы заняли эту область в 408—410 гг. Но Рутилий вовсе не чувствовал себя разочарованным. Поэма открывается воспоминанием об усладах жизни в Риме, вовсе не уменьшившихся после разграбления города:

Быстрый отъезд мой тебя удивит, любезный читатель:
Как это можно — спешить римских лишиться услад?
Всем почитающим Рим и век не покажется долгим —
Всякий срок невелик для бесконечной любви.
Сколь блаженны, и как блаженны, и мне ли исчислить
Тех, кто судьбою рожден в этой счастливой земле,
Тех, кто умножил от римских отцов благородное племя
И возвеличил своей славою римскую честь!

Разграбление Рима не оставило в уме Рутилия ни малейшего сомнения в предназначении империи, в ее миссии — нести цивилизацию человечеству:

Милости, равные солнца лучам, достигают пределов,
Где обтекающий мир волны несет Океан.
Встав из твоих же земель, в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб, мчась для тебя лишь одной...

Сколь простирается ввысь животворная наша природа,
Столь же доступна земля доблести, Рома, твоей.
Разным народам единую ты подарила отчизну,
Благо — под властью твоей им беззаконье избыть;
Ты побежденным дала участие в собственном праве,
То, что было — весь мир, городом стало одним.

Здесь мы видим все старые идеи, имевшие место в период расцвета империи.

Поэма очень необычна. Мы видим Рутилия, возвращающегося в Галлию через десять лет после того, как вандалы, аланы и свевы превратили ее в огромный погребальный костер; он подробно описывает доблести Рима, хотя прошло всего семь лет после разграбления города. Однако он занимал высокую должность при дворе Гонория, потрепанного в боях, и, как и все остальные, хорошо видел размеры стоявшей перед ним задачи. Он возвратился в Галлию, готовый засучить рукава:

...своего земляка галльские пашни зовут.
Обезобразили их бесконечные войны, и все же
Чем неприглядней их вид, тем еще больше их жаль.
Можно простить небрежность к согражданам в мирное время,
Здесь же общий ущерб требует личных забот.

Вера Намациана в римские идеалы покоится на стремлении восстановить то, что разорили варвары, а не на заблуждении, будто событий последнего десятилетия просто не было:

Ты же [Рим], обиду забыв, позабудь и причину обиды —
Преодоленная скорбь скрытые раны целит...
То, что не тонет в воде, всплывает с новою силой,
Чем его глубже топить, тем оно легче всплывет;
Факел, опущенный вниз, обретает новое пламя, —
Так, просиявши, и ты к высям стремишься из бед...

Рим претерпел куда более тяжелые удары от Карфагена и кельтов. Он возродится, подобно фениксу, страдания укрепят и обновят его.

Рутилий был не единственным римлянином галльских кровей, имевшим в 417 г. такие твердые убеждения. Он был язычником, принявшим вызов истории и судьбы, но религиозные различия не играли определяющей роли в его видении. В том же году в поэме «Carmen de Providentia Dei» («Песнь о Промысле Божием») галльский поэт-христианин отразил ту катастрофу, от которой пострадала Галлия в последнее десятилетие. Этот анонимный автор принадлежит к той же традиции, что и галльские поэты, о которых мы говорили выше, и его произведение отражает целый ряд подобных тем. Однако по прошествии этих нескольких лет он видит случившееся в несколько иной перспективе:

«О ты, оплакивающий неухоженные поля, покинутые дворы и разваливающиеся террасы своей сожженной виллы, не следует ли тебе оплакивать свои собственные потери, когда ты заглядываешь в тайники своего сердца, красоту, покрытую слоями сажи, и врага, бунтующего в цитадели твоего порабощенного ума? Если эта цитадель не сдалась... то эти рукотворные красоты уцелеют, дабы свидетельствовать о добродетелях богоизбранного народа».

Этот отрывок напоминает о Ветхом Завете: богоизбранный народ подвергся уничтожению, поскольку он уклонился от путей праведных. Однако у текста есть и второй, скрытый смысл: «Если у вас остались хоть какие-то внутренние силы, давайте стряхнем рабье ярмо греха, разобьем цепи и вернем нашей родной земле свободу и славу». Из его уст едва не раздается призыв к оружию: «Не будем бояться, ибо мы потерпели поражение, ударившись в бегство в первой схватке [лишь для того, чтобы] вступить в дело и оказать сопротивление во второй битве».

Поэт подразумевал, что его идеи следует понимать в духовном смысле, однако мы также понимаем, что его текст имеет и политический смысл. Духовное обновление должно принести победу и процветание на земле, как и на небе. Мировая катастрофа представляла собой не напоминание об отличии между Небесным Градом и земным царством, но призыв к моральной реформе. Здесь нет отрицания империи и ее цивилизаторской миссии. Усилиями варваров совершилось самое худшее, но то был лишь первый раунд; во втором раунде империи предстояло добиться триумфа. В этом отношении галло-римские язычники и галло-римские христиане были единодушны. Их идеи полностью отличались от представлений Августина.

Флавий Констанций

Источником этой обновленной веры стала исключительная по масштабам перемена, происшедшая в Северной Европе в течение десяти лет после разграбления Рима. Когда мы оставили разговор на эту тему (речь шла о событиях 410 г.), перспективы выглядели устрашающими. Невозможно было двинуть римскую армию в Италии против готов Алариха, поскольку существовала опасность, что в этом случае Константин III, по-прежнему стремившийся свергнуть Гонория, так сказать, войдет с черного хода. Вандалы, аланы и свевы сосредоточили свое внимание на Испании и в тот момент были заняты дележом ее территории между собой. Константин контролировал не только британские провинции, но и военные силы Галлии; его шпионы действовали в Испании и Италии. Контроль над Западной Римской империей, таким образом, осуществляли две группировки варваров и узурпатор, чьи действия оказались неожиданно успешными. Теперь, семь лет

спустя, значительная часть имперской головоломки оказалась собрана, и все вновь выглядело прекрасно.

Главным творцом всего этого был опытный военачальник по имени Флавий Констанций*. Иллириец из балканского Наисса (современный Ниш), сердца одной из областей, где набирались римские войска, поначалу он вступил в армию Восточной империи и участвовал во многих кампаниях Феодосия I. Вероятно, он, подобно Стилихону, впервые оказался на Западе в ходе кампании против узурпатора Евгения и, опять-таки подобно Стилихону, остался там; тогда ему могло быть за тридцать. Как мы увидим, есть веские основания считать, что он был сторонником прежнего главнокомандующего, хотя он еще не добился настолько высоких чинов, чтобы заслужить поминания в источниках времен жизни Стилихона. «Во время официальных процессий Констанций был мрачен, с потупленным взором; у него были глаза навыкате, длинная шея и крупная голова, всегда неуклюже двигавшаяся над шеей лошади, на которой он ехал, искоса поглядывая по сторонам... Но на пирах и празднествах он держался столь весело и любезно, что даже соперничал с шутами, часто игравшими близ его стола» (Olympiod. Fr. 23).

Да, он был не похож на харизматического героя в нашем представлении. Однако его любезность в приватных ситуациях, о которой сообщает нам Олимпиодор, была в высшей степени ценным качеством. Кроме того, не приходится сомневаться, что к восстановлению Западной империи он приступил весьма энергично.

Флавий Констанций получил пост верховного командующего войсками Запада (magister militum), который пре-

---

* Обычно известен под своим полным именем — хотя номен «Флавий» можно отбросить, — чтобы не путать его с узурпатором Константином III. Исчерпывающие указания на источники по поводу его карьеры можно найти в: PLRE, vol. II, p. 321—325. Лучший очерк о его карьере можно найти в книге Мэтьюза: Matthews, 1975, Chs 12—14.

жде занимал Стилихон, в 410—411 гг. На его близость к последнему указывает тот факт, что он сыграл главную роль в воздаянии главному виновнику заговора против Стилихона. Олимпий встретил свой ужасный конец — его забили до смерти — почти в это самое время. Когда дела при дворе были улажены так, как хотелось Флавию Констанцию, он быстро обратился к более важным проблемам. Он мобилизовал италийскую армию, дабы повести ее в битву, и первой его мишенью стал Константин III.

К этому моменту дела в Галлии приняли интересный оборот, что помогло нашему герою в его начинаниях. Константин рассорился с одним из своих военачальников, Геронтием, который зашел так далеко, что провозгласил императором своего собственного ставленника, Максима*, и двинулся на главную квартиру Константина в Арле. Поэтому когда италийская армия Константина достигла города, ей пришлось вначале нанести поражение силам Геронтия. Это удалось осуществить должным порядком: достаточно было обратить оставшиеся войска Геронтия против него, и он покончил с собой. Еще одна проблема оказалась связана с дополнительными силами под предводительством другого крупного военачальника, Эдобиха, набравшего ауксилиариев из числа франков и алеманнов, чтобы те сражались вместе с отрядами римской армии в Галлии, оставшимися под его командованием. Констанций вновь одержал победу. Чтобы противники сдались, Константину III обещали сохранить жизнь, но обещание оказалось нарушено. По пути к Гонорию он был убит, и 18 сентября 411 г. в Равенну доставили лишь его голову на острие кола. Достаточно было провести кампанию в течение одного сезона, чтобы покончить с узурпатором, который всего два года назад заставлял Гонория бояться за свою жизнь.

* Этот узурпатор — не Магн Максим, которого разбил Феодосий в 387 г., но какой-то менее известный носитель этого имени.

Однако с проблемой узурпации еще не было покончено. В римской политике одна узурпация обычно порождала другую, особенно когда положение первого узурпатора становилось шатким. Смесь честолюбия и страха воздаяния заставляла участников первого восстания попытаться попробовать свои силы во втором. В 411 г. Геронтий не был единственным, кто чуял, что прольется кровь Константина: то же касалось галльского аристократа по имени Иовин. Он действовал на территориях, расположенных значительно дальше к северу. По-видимому, его провозгласили императором в Майнце в провинции Верхняя Германия; основу его военной мощи, по-видимому, составляли до сих пор не покорившиеся солдаты из римской Галлии вкупе с бургундами и аланами*. Кроме того, он получил значительную поддержку со стороны готов Алариха, которые теперь находились в Галлии и которыми предводительствовал шурин Атаульф. Это была мощная группировка сил, однако их союз был искусственного характера, и Констанций не стал спешить и трезво оценил ситуацию. Вместо того чтобы броситься в бой, он использовал свое дипломатическое искусство, дабы усилить разлад между элементами предполагавшегося объединения Иовина, и в 413 г. получил заслуженную награду. Готы перешли на сторону римлян, и узурпатору оставалось лишь сдаться — яркая демонстрация мощи группировки, собранной Аларихом. Казненный по пути к Гонорию, он повторил судьбу Константина. Как полагалось, его голову надели на кол 30 августа того же года.

Попытка сосредоточиться на уничтожении узурпаторов до вступления в борьбу с варварами может показаться ошибкой с точки зрения приоритетов, и историки часто критиковали ее. Но для того, чтобы противостоять смертельным угрозам, нависшим над империей, любому лиде-

---

*См.: Matthews, 1975, р. 313—315 (здесь имеются некоторые сомнения насчет географии).

ру потребовалось бы задействовать все ресурсы империи; в особенности они были бы нужны на фронте. Летом 413 г. Констанций наконец завершил борьбу с узурпаторами, в результате чего впервые с 406 г. главные армии Западной Римской империи, британские, галльские и испанские части которых ранее перешли на сторону Константина III, Геронтия и Иовина, наконец объединились. Наведя, так сказать, порядок в доме и объединив некогда разрозненные части армии под своим началом, Констанций оказался готов разобраться с прочими проблемами. Он поступил весьма разумно, пообещав увеличить жалованье войскам, которые лишь вчера сражались на стороне врага, прежде чем направить их против различных варварских племенных группировок на территории Западной Римской империи*. В различных отрядах армии Констанция было немало варваров, завербованных поодиночке, которые были счастливы служить под римскими знаменами. Но такие варвары, каждый из которых был, что называется, сам по себе, и массы независимых готов, вандалов, аланов и свевов представляли собой далеко не одно и то же. Первой задачей этой вновь объединенной армии стало подчинение готов.

Готы Атаульфа

Разграбив Рим, готы двинулись на юг. Попытка Алариха стабилизировать положение своего племени в империи провалилась, и он задумал полностью изменить свою стратегию: теперь он стремился полностью переместиться в

* О прибавке к жалованью см.: Sivan, 1985, где эта мера датируется 416 г.; однако гораздо более вероятно, что она была предпринята раньше с целью обеспечения лояльности воинов, которые последовали за узурпатором и должны были теперь сражаться с варварами.

Северную Африку. Но тут как нельзя более вовремя разыгрался шторм, разбивший собранный им флот. Вскоре после этого Аларих скончался. В 411 г. Атаульф повел готов в Галлию, где, как мы уже видели, вначале поддержал узурпатора Иовина, а затем перешел на сторону римлян.

Взаимоприемлемые отношения между готами и римлянами еще предстояло установить. Мы знаем о нескольких стычках между готами и силами Констанция близ Марселя в конце 413 г.; также известно, что готы в конце концов осели в Нарбонне. То, что текст «Истории» Олимпиодора утрачен, создает нам немалые трудности (как и во многих других случаях), все свидетельствует о том, что Атаульф продолжал требовать куда более высокую цену за соглашение, нежели Констанций был готов за него заплатить. Историк Орозий (VII. 43. 2—3) сообщает, пересказывая чью-то беседу со св. Иеронимом, что «в Нарбонне он был весьма дружен с Атаульфом и часто... слышал, как последний, будучи в хорошем настроении и добром здравии [т.е. пропустив несколько чарок], имел обыкновение отвечать на вопросы. Представляется, что поначалу он страстно желал изгладить самое имя Рима и превратить римскую землю в готскую и по имени, и по сути, так что, попросту говоря, готская держава должна занять место римской, а он, Атаульф, станет тем, чем некогда был Цезарь Август. Уяснив из должного опыта, что готы, будучи необузданными варварами, совершенно неспособны повиноваться законам, и в то же время полагая, что государство не следует лишать законов, ибо без законов государство — не государство, он [Атаульф] решил искать для себя хотя бы славы в том, что возродит и укрепит славу римлян силами готов, желая восстановить Римскую империю и тем прославиться в потомках».

Что конкретно понимал под этим Атаульф, явствует из его действий. В обозе с награбленным добром, вывезенном готами из Рима, в качестве военной добычи находились два человека: Приск Аттал (Аларих убедил сенат провоз-

гласить его императором, а в 409—410 гг. тот был низложен) и сестра императора Гонория, Галла Плацидия. В 414 г., после гибели Иовина, Атаульф извлек стратегическую выгоду из обоих своих заложников. Аттал, которого Аларих бесцеремонно лишил пурпура, чтобы заключить соглашение с Гонорием, был восстановлен в императорском сане. Настала очередь использовать Плацидию с целью шантажа. В январе 414 г., как сообщает Олимпиодор (fr. 24), Атаульф женился на ней «по совету и с благословения Кандидиана... в доме некоего Ингения; первого человека в городе [Нарбонне]. Плацидия сидела в украшенном по-римски брачном чертоге, в царском уборе; рядом с ней сидел Атаульф, облаченный в хламиду и другие римские одеяния. Среди прочих свадебных даров Атаульф подарил пятьдесят красивых юношей, одетых в шелковые одежды; каждый из них держал на руках по два больших блюда, полных одно золотом, а другое — ценными, вернее бесценными камнями, которые были похищены в Риме после взятия города готами. Затем сказаны были эпиталамии сначала Атталом, а затем Рустикием и Фивадием».

Очевидно, Атаульф следовал здесь более честолюбивому из двух планов Алариха — тому, который предполагал блестящую карьеру при императорском дворе. В должный срок Плацидия забеременела и родила сына; гордый отец нарек его Феодосием. Это было в высшей степени символично: младенец Феодосий был внуком одного римского императора с таким именем и двоюродным братом другого — правителя Восточной Римской империи Феодосия II, сына Аркадия, младшего брата Гонория. Если вспомнить, что на тот момент Гонорий не имел детей (он так и остался бездетным), это рождение обещало прямо-таки блестящие перспективы. Король готов стал отцом ребенка, который имел все основания стать наследником престола Западной империи.

Но в реальности оказалось, что Атаульф переоценил собственные возможности. Констанций и Гонорий жела-

ли возвращения Плацидии, но без мужа-гота. Они отказались заключить с Атаульфом соглашение на тех условиях, которые он предложил. Так или иначе, в стратегическом плане в одном отношении готы были весьма уязвимы: с 408 г., т.е. с того момента как они переместились в Италию, им пришлось действовать, не имея надежного источника продовольствия. В те славные для них годы, когда произошло разграбление Рима, у них было много военной добычи; теперь Констанций с характерной для него проницательностью безошибочно угадал их слабое место. Он предпочел не рисковать своей армией, двинув ее в бой, а блокировал готов и с суши, и с моря. К 415 г. в Нарбонне кончилась провизия, и готы отступили в Испанию в поисках продовольствия. Констанцию весьма помогло в его стратегии одно из редких в истории совпадений: юный Феодосий скончался вскоре после рождения и был похоронен безутешными родителями в серебряном гробу в барселонской церкви. В результате Атаульф лишился одного из своих козырей. Констанций продолжал давление на готов, и, как и следовало ожидать, они — или по крайней мере часть из них — дрогнули. Главной проблемой, мешавшей урегулированию — актуальной с того момента, как Атаульф покинул Иовина в 413 г., была решимость Атаульфа стать большим человеком в империи.

Летом 415 г. недовольство политикой Атаульфа и ее ценой для готов достаточно возросло, чтобы спровоцировать попытку переворота, в результате которой Атаульф был смертельно ранен. После его смерти (о которой в Константинополе объявили 24 сентября) его брат и дети от первого брака были перебиты Сергерихом, принадлежавшим к знатному готскому роду, который прежде соперничал за лидерство среди готов, ранее объединенных Аларихом. Но всего через семь дней Сергерих также был устранен, и власть перешла к некоему Валии. Никто из преемников Атаульфа не состоял в кровном родстве ни с ним, ни с Аларихом. Валия уступил давлению римлян и вернул Плаци-

дию, вдовую и бездетную. Взамен Констанций передал готам шестьсот тысяч модиев зерна. Итак, первые два шага на пути к мирному договору, предусматривавшему значительно меньшую роль верхушки готов в империи, были сделаны*.

Возрождение феникса?

Третий шаг, равно как и закрепление мира с готами, должен был быть связан с разрешением насущной испанской проблемы. К настоящему моменту вандалы, аланы и свевы уже пять лет пользовались доходами с испанских провинций, которые они забирали себе с 411 г. Но теперь готско-римский военный союз готов был бросить им вызов. В 416 г. военные действия начались. Гидаций в своей «Хронике» рассказывает о том, что случилось: «Король Валия стер с лица земли всех вандалов-силингов в Бетике. Аланы, господствовавшие над вандалами и свевами, понесли такие тяжелые потери от готов, что после смерти их короля Аддакса несколько выживших, даже и не думая о собственном королевстве, обратились за покровительством к Гундериху, королю вандалов [хасдингов], который поселился в Галлеции» (Hydat. Chron. 24).

Лаконичное перечисление событий в течение трех лет сражений (416—418 гг.) — невозможно было яснее выразить их суть! Разгромив узурпаторов и подчинив готов, Констанций теперь использовал тех же самых людей, чтобы разрешить другую важную проблему. И насколько же эффективной оказалась кампания! Силинги прекратили свое существование, а аланы, которые, согласно Гидацию, были прежде господствующей силой среди рейнских ин-

* Более подробно о дискуссии об отношениях Констанция и готов с исчерпывающими ссылками см.: Heather, 1991, p. 219—224. Один модий равен примерно четверти бушеля (8,754 л).

тервентов (это сообщение соответствует тому, что осенью 406 г. они спасли вандалов от рук франков), понесли такие тяжелые потери, что оставшиеся в живых присоединились к монархии хасдингов.

В этот момент Констанций отозвал готов из Испании и в 418 г. предпринял новый шаг, поселив их в Аквитании: он выделил им земли в долине р. Гаронны (в Юго-Западной Галлии) между Тулузой и Бордо. На то, чтобы проанализировать, что представляло собой это поселение и с какой целью оно создавалось, исследователи потратили немалое количество чернил. Единственная достоверная информация, которой мы располагаем, исходившая от Олимпиодора*, следующая: готам «дали землю для хозяйствования». Я с удовольствием принимаю эти сведения. Конечно, нет никаких признаков того, что в течение следующих лет Римское государство оказывало прямую поддержку готам, используя средства от сбора налогов, и действительно, события прошедшего перед тем десятилетия дали понять с полной ясностью, сколь уязвимы с точки зрения стратегии они оказались, лишившись своих источников продовольствия. Претензии Атаульфа на высокое положение потерпели крах именно потому, что Констанций смог с помощью голода довести готов до восстания против собственного короля. Передача в их пользование плодородных земель — почти таких же, как по условиям соглашения 382 г., — казалась удачным выходом для обеих сторон.

О том, что произошло в действительности, мы можем лишь догадываться. Тот факт, что жалобы со стороны лишенных имущества римских землевладельцев отсутствовали, говорит о многом. Единственное возможное объяснение заключается в том, что готов наделили общинной землей, принадлежавшей как империи, так и обществен-

* Пусть и непрямым путем — посредством дошедшей до нас через Фотия церковного историка IX в. Филосторгия, который использовал труд Олимпиодора. Ключевой пассаж можно найти в: Philostorg. Hist. eccl. XII. 4—5 или Olympiod. Fr. 26. 2.

ным объединениям, например городским сообществам, вследствие чего экспроприации не потребовалось. Как мы увидим в следующей главе, именно таким способом Римское государство разрешило аналогичную проблему в Северной Африке. Также весьма вероятно, что во многих случаях крестьяне остались на месте, а землевладельцев заменили готы, которые стали получать с них налоги. Получали ли готы в результате этого перемещения полные права собственности (продавать или завещать предназначенный им участок земли) или только узуфрукт (право пользоваться доходами с него в течение жизни) — на этот вопрос нам никогда не удастся ответить*.

Что до того, почему готов поселили именно в Аквитании, то по этому поводу было высказано множество разных точек зрения: звучали утверждения, что готов, вероятно, хотели использовать и для борьбы с сепаратистами в Северо-Западной Галлии, и для пресечения нападений саксонских пиратов**. С моей точки зрения, выбор Аквитании являлся удачным компромиссом для обеих сторон. Во-первых, готов надо было поселить хоть *куда-нибудь*, и главной проблемой было то, насколько далеко место их жительства

*О Северной Африке в 440-х гг. см. гл. VI. О значительных разногласиях в историографии, которые существуют по поводу экономических форм урегулирования вопросов, связанных с проживанием варваров в пределах империи, см. гл. IX, раздел «Старые имперские территории», с соответствующими ссылками.

**Два видных историка предшествующего поколения, профессор Э. Томпсон и профессор Дж. М. Уоллэйс-Хедрилл, разошлись во мнениях — первый считал, что речь идет о восставших селянах (Thompson, 1956), другой допускал, что о пиратах-саксах (Wallace-Hadrill, 1961). Я особо рекомендую читателям приложение к книге Томпсона (Thompson, 1982), чьи полемические высказывания начинаются словами: «К несчастью, в 1961 г. дискуссия по этому вопросу оказалась запутанна, причиной чему послужили несколько страниц, принадлежащих перу Дж. М. Уоллэйс-Хедрилла...»

окажется от политического центра Западной Римской империи. Как мы уже видели, Аларих в период своего наивысшего могущества требовал, чтобы их расселили близ Равенны и в самой Равенне, а также по обе стороны альпийских перевалов. В этом случае их местоположение позволило бы им постоянно вмешиваться в дела двора. Посмотрев на вещи более реалистично, он был готов отказаться от этой точки зрения — совершенно неприемлемой для римлян — в пользу некой территории «близ границы». Долина р. Гаронны, находящаяся недалеко от Атлантического океана и отделенная от Равенны расстоянием более 1000 километров, полностью соответствовала этому плану. Другим ее достоинством являлась близость к путям, ведущим через Пиренеи в Испанию. Делу в Испании было положено хорошее начало, однако до завершения здесь было еще далеко. Часть тех, кто перешел через Рейн, осталась неподчиненной, и к началу 420 г. готы вернулись на полуостров, где действовали совместно с римской армией против вандалов-хасдингов. С моей точки зрения, поселение в Аквитании представляло собой один из этапов продолжающегося процесса, рассчитанного на то, чтобы с возвращением готов в Испанию покончить с вандалами, аланами и свевами.

Масштаб достижений Констанция поражает воображение. Несмотря на то что в 410 г. готы бушевали по всей Италии, Константин III в Арле угрожал захватить всю Западную Римскую империю, а племена, пересекшие Рейн, делили между собой Испанию, высшие эшелоны власти не настолько пострадали, чтобы лидер со способностями Констанция не смог привести дела в порядок. Армии Галлии и в особенности Италии — силы, с помощью которых Стилихон победил Радагайса, — по-прежнему представляли собой грозную военную силу; огромный источник доходов — Северная Африка — также остался нетронутым. В период с 408 по 410 г. сменявшие друг друга премьер-министры были не способны использовать италийскую армию против готов или Константина III, поскольку невоз-

можно было сражаться против двух врагов одновременно, а борьба с одним противником неизбежно дала бы выигрышные возможности второму. Однако патовая ситуация оказалась разрешена благодаря уходу готов из Италии при Атаульфе. Центральные власти в Равенне продержались достаточно для того, чтобы угроза голода вынудила готов убраться прочь, а это вернуло Констанцию свободу маневра. Его возможности укрепились благодаря одному, а возможно, и двум источникам поддержки, пришедшим извне. Во-первых, Восточная Римская империя выслала значительную помощь Гонорию, когда Аларих разорял Италию в 410 г., а вскоре последовала и иная, моральная и финансовая, помощь (хотя данные наших источников слишком скудны, чтобы описать ее)*.

Парадоксальным образом, несмотря на то что гунны стали главной причиной всех беспорядков, Констанций также мог обратиться за поддержкой и к ним. В 409 г. Гонорий принял на службу 10 тысяч гуннских ауксилиариев. Так как они не прибыли вовремя, чтобы предотвратить разграбление Рима, некоторые современные историки предположили, что они не прибыли вовсе**. Случилось это или нет, в сезон кампаний 411 г. Констанций внезапно

---

* Иногда константинопольские власти подвергаются критике за то, что не сделали большего, но это вряд ли верно: Демужо относит полный разрыв между Востоком и Западом к слишком раннему времени (Demougeot, 1951, особенно pt. III). Более взвешенным представляется мнение Томпсона (Thompson, 1950) и Кэги (Kaegi, 1968, Ch. 1). Для более полного представления о дискуссии об отношениях между Константинополем и Западом см. гл. IX.

** Менхен-Хельфен сомневается в том, что эти гунны вообще прибыли (Maenchen-Helfen, 1973, p. 69), хотя большинство ученых считает, что данные вспомогательные силы в конечном счете нашлись. В соответствии с одним из пунктов соглашения молодой человек по имени Аэций, о котором еще не раз пойдет речь в последующих главах, провел какое-то время у гуннов в качестве заложника, из чего следует, что переговоры имели место.

избавился от своего военного паралича и уверенно двинулся в Галлию, чтобы одолеть узурпаторов. Отчасти это отражает вновь обретенную им свободу действий, позволявшую пустить в дело мощную италийскую армию, но дополнительным фактором могло оказаться то, что гунны в конце концов прибыли. Избавления от готов на территории Италии и небольшой помощи старых и новых друзей оказалось достаточно, чтобы баланс сил сместился в пользу Констанция. Неудивительно, что в 417 г. Рутилий и его анонимный единомышленник-христианин уверенно смотрели в будущее.

Однако теперь будет важно более тщательно рассмотреть, как именно Констанций восстанавливал Римское государство. Несмотря на многие его достижения, Западная империя не вернулась к прежнему состоянию в полной мере.

Расплата

В одном очевидном смысле в 418 г. восстановление не было закончено (да Констанций и не претендовал на это). Силингов и аланов, так сказать, пропустили через мясорубку, но вандалы-хасдинги, ныне получившие подкрепление, и свевы по-прежнему были сильны. Помимо того что от этих племен исходила потенциальная военная угроза, их присутствие также означало, что империя не могла непосредственно контролировать испанские территории, занятые ими, и по этой причине не могла собирать с них налоги. Действительно, в период 405—418 гг. средства от сбора налогов несколько раз были недополучены, и Констанций до сих пор не мог исправить положение. К примеру, трудно вообразить, что после того, как в 418 г. готы по-

селились в долине Гаронны, она обеспечивала государству значительный доход*.

Восстановить события 410-х гг., происходившие в римской Британии, или даже общее состояние дел на острове чрезвычайно трудно, но совершенно ясно, что он «выпал» из имперской системы. Как мы видели, узурпации 406—407 гг. начались именно там, и британские провинции обеспечили Константину III его первую «стартовую площадку». Затем, с того момента как он переместился на континент вместе с большей частью римских войск, оставшихся на острове (такие предположения делались давно), Британия исчезает из наших источников, и лишь у Зосима мы находим два кратких упоминания о ней. Первое — это сообщение, что британцы сбросили римское владычество на позднем этапе узурпации Константина, однако это произошло до разграбления Рима: они «изгнали римских магистратов и избрали правительство, какое желали»**. Второе — известие о том, что Гонорий еще до августа 410 г. писал в города Британии, «побуждая их позаботиться о себе». Можно поспорить о том, что это означало. Зосим воспринимает британское восстание как разрыв с римским миром и возврат к обычаям предков. Я подозреваю, что он, писавший в VI в., неправильно понял ситуацию, но на самом деле «римляне» в Британии, недовольные тем, что Константин сосредоточил свое внимание на Галлии и из-за этого не мог защитить их, взяли дела в свои руки. В противном случае трудно объ-

*Излишек сельскохозяйственных продуктов в империи, как предполагалось, мог делиться между землевладельцами, которые получали свою долю в виде ренты, и имперскими властями, которые получали ее в виде налогов. Чтобы удовлетворить готов, поселив их на определенной территории, Констанцию пришлось отказаться от доли империи, которая шла ей с берегов Гаронны, так что налоговые поступления, как и рента с государственных земель, могли быть направлены на поддержку готов. Нечто подобное имело место в Северной Африке.

** Эта и последующая цитаты взяты из Зосима: VI. 5. 2—3; 10. 2.

яснить, почему Гонорий должен был писать им в 410 г., признавая, что государство не может защитить их. Таким образом, вопрос состоял не столько в том, чтобы смыть прежний грим и вновь выучить кельтские языки, сколько в том, чтобы защитить себя от нападений с моря, в первую очередь со стороны саксонских пиратов. Эта проблема являлась актуальной более ста лет, и, чтобы решить ее, Римское государство выстроило ряд оборонительных сооружений, многие из которых стоят до сего дня. Вопрос о том, насколько масштабными были нападения саксов в период между 410 и 420 г., также остается открытым. Все свидетельствует о том, что настоящая катастрофа началась немного позже, однако в нашем контексте это не имеет значения. В чьих бы руках ни оказалась Британия — в руках саксов или местных сил самообороны, — она выпала из поля зрения империи примерно в 410 г. и более не приносила Равенне доходов*.

То же самое примерно в это время произошло с Арморикой (Северо-Западной Галлией). Цепь событий здесь проследить труднее, но Рутилий сообщает нам, что в 417 г., когда он возвращался домой, его родич Эксуперанций был занят восстановлением порядка (Rut. Num. Re reditu suo. I. 208—213). Поэтому может показаться, что режим Констанция спешил восстановить имперский порядок и сбор налогов хотя бы в Арморике, если в Британии это не удалось сделать. То же самое, конечно, происходило в Центральной и Южной Галлии, бóльшая часть которой, вероятно, платила налоги в пользу Константина III в течение всего периода его узурпации. О территориях близ Рейна надежных данных у нас нет. К этому времени город Трир утратил значение административного центра всей Галлии, поскольку правительство переехало южнее, в город Арль. Но

*Об обороне Саксонского берега см.: Pearson, 2002. Для представления о различных мнениях, высказывавшихся в связи с этой проблемой (с несколькими другими ссылками), см., например: Campbell, 1982, Ch. 1; Higham, 1992, особенно Chs 3—4; Salway, 1981, Ch. 15.

римляне продолжали практически без перерыва контролировать Трирскую область, так что она, по-видимому, продолжала платить налоги равеннским властям*.

Помимо того что часть территорий полностью перестала подчиняться римской государственной системе, доходы от налогов значительно понизились и в тех областях Западной империи, которые пострадали от войны и грабежей в течение прошедшего десятилетия. Значительная часть Италии оказалась разграблена готами, Испания — теми, кто уцелел после рейнского вторжения, а Галлия — и теми, и другими. Трудно сказать, какой процент этих территорий пострадал; разумеется, сельское хозяйство можно было восстановить, но есть явные свидетельства того, что война причинила серьезный ущерб долгосрочного характера. Закон императора Гонория, изданный в 412 г., предписывал префекту претория Италии, что в течение пяти лет налоги с провинций Кампания, Этрурия, Пицен, Самний, Апулия, Калабрия, Бруттий и Лукания должны быть уменьшены в пять раз. Римское государство исходило из того, что эти провинции заслужили подобное снижение налогов, поскольку именно с их земель готы получали основные свои доходы, когда в период с 408 по 410 г. вели кампанию близ Рима. Второй закон, 418 г., снизил налог с Кампании до одной девятой от первоначального, а с остальных провинций — до одной седьмой. Немногие провинции понесли столь значительный ущерб — ведь оккупация продолжалась около двух лет (где-то более, где-то менее). Что до вандалов, аланов и свевов, то их отношения с местным испано-римским населением, по-видимому, носили более упорядоченный характер. Тем не менее прямые потери, связанные с невыплатой налогов, и ущерб, нанесенный территориям, остававшимся под властью римлян, должны

* Принимая несколько более оптимистическую точку зрения, чем у Мэтьюза (Matthews, 1975, p. 336—338), на основе во многом сходного свидетельства, Кельн и Трир не попали в руки франков вплоть до 457 г. (Liber Hist. Franc. 8).

были значительно снизить ежегодный доход Западной Римской империи между 405 и 418 г. (CTh. XI. 28. 7 и 12).

Мы также можем оценить ущерб, нанесенный двум другим важнейшим опорам государства. Относительно первого свидетельства содержатся в ежегодном, имеющем исключительно важное значение для истории поздней античности источнике (упоминавшемся ранее) — «Notitia Dignitarum». Это список всех гражданских и военных чиновников поздней Римской империи с учетом ее разделения на две половины — Западную и Восточную. Документ хранился у одного из высших должностных лиц в государстве — примицерия (*primicerius notariorum*), в число обязанностей которого входила рассылка писем с уведомлениями о назначениях. Когда бюрократическая или военная структура империи претерпевала изменения, в документ вносили поправки. В «восточной» части текста зафиксировано положение дел в Восточной Римской империи примерно по состоянию на 395 г., т.е. на момент смерти Феодосия I. С другой стороны, «западную» часть вели со всей тщательностью до 408 г., а затем до начала 420-х гг. отражали в ней информацию лишь частично. Среди прочего «Notitia» (и именно поэтому мы ее упоминаем) содержит два списка соединений полевой армии (*comitatenses*) Западной империи. В первом перечислены соединения (*numeri*) с указанием их верховных командиров, командовавших пехотой и конницей; во втором (*distributio numerorum*) даются сведения об их территориальном распределении (Not. Dig. Occ. 5 и 6; 7). Детальный анализ показывает, что этот второй список дает нам моментальный срез состояния западной полевой армии на конец второго десятилетия V в.*.

*Датировка возможна потому, что порядок «полков» в рамках каждой категории соединений зависит от того, когда какой из них был создан. Полков, названных в честь Валентиниана, родившегося у Констанция и Плацидии в июле 419 г., очень мало. Обо всем этом и о дальнейшем см. прежде всего: Jones, 1964, App. II.

Пристальное рассмотрение этих списков и сравнение со списками восточной армии 395 г. позволят обнаружить много интересного. Во-первых, совершенно ясно (и неудивительно), что западная армия понесла в войнах начала V в. тяжелые потери. Общее число соединений полевой армии Восточной империи в 395 г. равнялось 157. К 420 г. западная армия насчитывала 181 «полк», но весьма значительная их часть — 97 — была создана после 395 г., и только 84 существовало с более ранних времен. Следовательно, если западная армия, как и восточная, насчитывала к 395 г. примерно 160 соединений, то в этом случае не менее 76 из них (т.е. 47,5 процента) было уничтожено за 25 лет, прошедших между восшествием Гонория на престол и 420 г. Это означало серьезное ослабление армии: ему соответствует цифра потерь от 30 тысяч человек. Наиболее тяжелый удар обрушился на римскую армию на Рейне*. В 420 г. она насчитывала 58 соединений, однако тех, что уже существовали к 395 г., было всего 21, тогда как остальные 37 (иными словами, 64 процента) появились в годы правления Гонория. Это позволяет сделать вполне конкретные выводы. Галльская армия приняла главный удар, когда варвары впервые пересекли Рейн; затем она продолжала бои против интервентов под командованием Константина III на территориях близ Пиренеев и за их пределами. Кроме того, как следует из вышесказанного, при контратаке Констанция она оказалась на стороне его противников. Неудивительно, что от нее уцелели лишь жалкие остатки; ряды многих из ее старых соединений поредели, и те были распущены**.

Также исключительный интерес представляют сведения из «Notitia» о том, как «латались дыры» после понесен-

* Из-за того что нам неизвестен размер соединений в позднеримской армии, большая точность невозможна, но минимальная численность «полка» составляет 500 человек.

** Как и в случае с потерями, понесенными при Адрианополе, мы не знаем, сколько воинов в соединении должно было погибнуть, чтобы приняли решение о его переформировании.

ных потерь. Примерно к 420 г. западные войска комитатенсов значительно пополнились благодаря 97 новым соединениям, созданным с 395 г. Действительно, если мы правы, предполагая, что в 395 г. между восточной и западной полевыми армиями существовало примерное численное равенство, то личный состав второй из них даже увеличился примерно на 20 соединений (12,5 процента). Из 97 воинских частей, однако, 62 (64 процента) представляли собой старые соединения из приграничных областей, перераспределенные, дабы пополнить полевую армию. Многие из них также упоминаются как находящиеся на прежних позициях в качестве гарнизонов в разделах «Notitia», не подвергшихся обновлению, поэтому их легко опознать. Все 28 легионов псевдокомитатенсов (legiones pseudocomitatenses) состояли из перераспределенных гарнизонных войск, так же как отличавшиеся от них в лучшую сторону 14 легионов комитатенсов (legiones comitatenses); то же справедливо относительно 20 кавалерийских частей, находившихся в Северной Африке и Тингитане. Если не считать североафриканских сил, галльские войска опять-таки понесли наибольшие потери. Из 58 соединений полевой армии в Галлии к 420 г. 21 состояло из перераспределенных гарнизонных войск. Большая часть «дыр» в полевой армии, возникших в результате военных действий, начавшихся в 405 г. и затянувшихся надолго, следовательно, «латалась» не с помощью набора новых элитных войск, но изменением статуса старых соединений, не отличавшихся высоким уровнем. А из 35 новых элитных частей примерно треть обладала названиями, производными от неримских племенных группировок: аттекотты, маркоманны, бризигавы и проч., — а это означало, что, по крайней мере на первых порах, они состояли из неримлян*.

На первый взгляд более скучный текст, нежели «Notitia Dignitatum», трудно себе вообразить, однако на основании

*По поводу «Notitia» и западноримской армии см.: Jones, 1964, App. III и ряд статей в: Bartholomew, 1976.

его данных возникает прелюбопытная картина. Если судить поверхностно, то западная армия стала куда больше, чем 25 лет назад. Увеличение численности, однако, маскировало несколько важнейших проблем. Так, необходимо отметить, что половина старых соединений оказалась весьма потрепана в результате начавшихся боевых действий. Поэтому хотя полевая армия стала больше, в целом личный состав сократился, поскольку нет оснований предполагать, что на место перераспределенных гарнизонных войск близ границ были направлены новые отряды. Имея в своем распоряжении эту армию, Констанций добился очень многого, но единственный вывод, который мы можем сделать, сравнивая последнюю с ее предшественницей 395 г., — ее численность, увы, изрядно уменьшилась. Армия продолжала разбухать; последствия столь масштабных потерь существенно уменьшили общую эффективность военной машины Западной империи, в особенности в Галлии. Если не принимать в расчет перераспределенных гарнизонных войск, численность «настоящих» комитатенсов сократилась примерно на 25 процентов в период с 395 по 420 г. (из 160 соединений осталось только 120). И здесь, как мне кажется, финансовые потери, понесенные империей в эти годы, начали сказываться самым неблагоприятным образом. В 420 г. Констанций столкнулся с большим количеством проблем военного характера, имевших к тому же более неотложный характер, чем те, которые стояли перед Стилихоном в 395 г. В принципе он мог бы пользоваться большими силами, нежели последний, но финансовые ограничения, связанные с уменьшением налоговых выплат, не позволяли ему этого.

Таким образом, за фасадом реальных успехов Констанция можно легко различить последствия того кризиса, в результате которого оказался низвергнут Стилихон. И даже если значительно сократившиеся военные силы действовали не так уж плохо, начала вырисовываться еще одна проблема. Первые ее признаки обнаружились во время осад

Рима, предпринятых Аларихом, когда ему удалось в какой-то мере добиться от сената содействия своим начинаниям (речь шла о генеральском чине для него самого, золоте для его приближенных и усилении политического влияния племени готов в целом) даже несмотря на то, что это противоречило прямо выраженным пожеланиям Гонория и центральных властей. Аттал удовлетворился тем, что сделался императором готов, хотя и стремился к тому, чтобы с помощью готских войск подчинить себе всю Африку, в результате чего Западная Римская империя лишилась бы последней опоры своей независимости. То же самое повторилось в Галлии около 414 г. Когда на сей раз Атаульф вернул Атталу императорский сан, часть галльской землевладельческой аристократии была готова, чтобы поддержать его. Что касается свадьбы Атаульфа, важно не только то, где она имела место, но и число галльских аристократов, желавших петь свадебные песнопения, а также отправиться спать при режиме, основанном на власти готов. Паулин из Пеллы, принявший пост комита священных щедрот при Аттале, позднее писал, что поступил так не потому, что верил в легитимность или долговечность этого режима, но оттого, что ему казалось, что это лучший путь к миру (Eucharist. 302—310). Вероятно, теми же мотивами руководствовались и многие сенаторы, сотрудничавшие с Аларихом, однако это не снижало опасность, которой они подвергались.

Здесь мы имеем ранний пример того, как именно внешним военным силам удавалось обнаружить слабые места в римской политической системе, существовавшие издавна. В ходе Адрианопольской кампании (см. гл. IV), а также при пересечении Рейна в конце 406 г. наименее привилегированные сословия стремились помочь варварам-интервентам или даже присоединиться к ним. Это не слишком удивительно, учитывая, как мало благ таким сословиям приносила система, в которой всем заправляли имущие классы, причем к своей же выгоде (мы писали об этом в гл. III). Желание последних иметь дело с варварами пред-

ставляло собой явление совершенно иной природы, грозившее империи куда большими неприятностями, однако и оно коренилось в природе системы. Учитывая гигантские размеры империи и ограниченные возможности бюрократии, Римская империя не могла быть ничем иным, как миром, состоящим из общин, где существовало самоуправление; они поддерживали свое существование за счет отчасти [военной] силы, отчасти политического соглашения: в обмен на уплату налогов центру тот обеспечивал защиту местной землевладельческой элите. Появление вооруженных сил, пришедших откуда-то извне в самое сердце империи, чрезвычайно осложнило выполнение этого договора. Быстрота, с которой некоторые землевладельцы устремились на защиту режимов, за которыми стояли варвары, свидетельствовала не столько о падении морали среди тех, кто жил в позднеримской империи, сколько о том, что земля представляет собой совершенно особую форму богатства. При проведении исторического анализа (не говоря уже о старинных завещаниях) богатство в виде земель обычно противопоставляется движимому имуществу, что точно отражает суть проблемы. При изменении условий в тех местах, где живешь, его невозможно просто взять и унести с собой, в отличие от мешка с золотом или бриллиантами. Если вы все-таки уедете, то лишитесь того, что составляет ваше богатство, и, следовательно, своего статуса. Итак, у землевладельцев не оставалось выбора: они должны были попробовать свыкнуться с новыми условиями, и именно это начало происходить близ Рима в 408—410 гг. и в Южной Галлии в 414—415 гг. Правда, этот процесс зашел не слишком далеко, поскольку Констанций весьма скоро взял центральную власть в свои руки. Вероятно, он также осознавал наличие здесь и политической проблемы и предпринял быстрые действия, чтобы совладать с ней.

В 418 г. Констанций увенчал свои усилия по наведению порядка в империи, воссоздав традицию ежегодного съезда представителей галльских провинций, проводившегося

в Арле. Не только провинции, но и отдельные города в близких к Арлю краях должны были направлять туда делегатов, избранных из высших классов, дабы обсуждать вопросы, как касавшиеся всех, так и частного характера, в особенности имевшие отношение к интересам землевладельцев (по-латыни — posessores). Решение Констанция предположительно совпало по времени с поселением готов в долине Гаронны, и можно с уверенностью утверждать, что на первой встрече этот вопрос был главным из тех, что стояли на повестке дня. Очевидно, что совет был устроен наподобие форума (он и вправду выполнял эту функцию), где богатые местные землевладельцы, к которым прислушивались и соседи-«помещики», имели возможность регулярно беседовать с имперскими чиновниками. Это сознательное усилие было направлено на то, чтобы утихомирить страсти или хотя бы ослабить трения, имевшие место между аристократами-галлами и центральной властью империи в течение десятилетия, прошедшего с 405 г. В результате появления посторонних (т.е. готов) между интересами местных землевладельцев и центральной администрации наметилось расхождение, и созыв совета имел целью их устранить. Он также совпал с прибытием в Арль Рутилия Намациана, который не торопясь ехал домой осенью и зимой 417—418 гг. как раз с таким расчетом, чтобы поспеть в Галлию на первый совет. Будучи тесно связан с двором Гонория и понимая, «откуда ветер дует», он представлял собой как раз такого бывшего чиновника, чье присутствие требовалось там. Быть может, собравшиеся «шишки» слушали во время обеда поэму этого верного сподвижника Гонория, взволнованные изображением грядущего возрождения на пепелищах Рима и Галлии. Подобные чувства были вполне уместны: Запад избавился от узурпаторов, готы были усмирены, землевладельцы Галлии вернулись «под крыло» империи, половина участников вторжения через Рейн потерпела поражение, все устроилось. Все готовились вкусить заслуженные плоды побед.

Глава шестая
ЗА ПРЕДЕЛАМИ АФРИКИ

Награды — победителю: успехи Констанция не остались без воздаяния. С 411 г. он стал верховным главнокомандующим западной армией. Другие почести последовали столь же быстро, сколь и его успехи. 1 января 414 г. он удостоился высшей формальной почести в римском мире — назначения первым консулом. Во времена республики ежегодно избиравшиеся два консула обладали реальной властью, но консулат уже давно не был связан с какими-либо функциями. Однако все официальные документы датировались по именам консулов, что обещало память в потомстве, а с учетом того, что одним из них был сам император, то запомниться должно было все. В следующем году к списку титулов Констанция добавили ранг патриция — это не имело практического значения, но титулов добивались потому, что они свидетельствовали о выдающемся положении их обладателя.

1 января 417 г. он стал консулом во второй раз и, что более важно, вступил в брак с Галлой Плацидией, сестрой императора Гонория, которую вынудил вестготов вернуть. Их первый ребенок, энергичная принцесса Юста Грата Гонория, родился примерно год спустя. Вскоре после этого Плацидия забеременела вновь, на сей раз сыном, Валентинианом, который появился на свет в июле 419 г. Император Гонорий по-прежнему оставался бездетным, и никто на тот момент не сомневался, что так и будет впредь. Констанций, Плацидия и их дети были первой семьей Западной империи. Однако Констанций на этом не остановился. 1 января 420 г. он стал консулом в третий раз. Наконец, 8 февраля 421 г. неумолимая политическая логика привела его к финальному шагу. Женатый на сестре императора, отец очевидного наследника и в последнее десятилетие подлинный правитель империи, он объявил себя августом

наряду с Гонорием. Казалось, на пороге стоял новый золотой век. Судьбе, однако, было угодно распорядиться иначе. 2 сентября, менее чем через семь месяцев после своей коронации, Констанций умер.

Жизнь и смерть на самом верху

Чтобы понять, насколько катастрофические последствия имела неожиданная кончина Констанция, надо рассмотреть, как протекала придворная борьба во времена поздней Римской империи. Народ видел церемониальную пышность, полагавшуюся правителю империи, избранному Богом для того, чтобы управлять державой, предназначенной тем же самым Богом для распространения христианской цивилизации в остальном мире. Все церемонии были тщательно срежиссированы, чтобы выразить единодушие их участников, веривших в то, что они являют собой часть предопределенного Богом социального порядка, который уже невозможно усовершенствовать.

От императоров ожидали, что они будут соответствовать этим чаяниям. Язычник Аммиан Марцеллин критикует языческого императора Юлиана, который во всех других отношениях для него настоящий герой, за нарушение этих норм:

«Однажды, когда он разбирал в сенате дела, ему сообщили, что из Азии прибыл философ Максим. Он выскочил, нарушая приличия, и забылся до такой степени, что быстро побежал далеко от крыльца ему навстречу, поцеловал, почтительно приветствовал и сам провел в собрание. Этим он выказал неуместную погоню за популярностью, позабыв прекрасное изречение Туллия [Цицерона], порицавшего таких людей: “Философы даже на тех книгах, которые они пишут о презрении к славе, сами подписывают свое имя и таким образом выражают желание, чтобы их

называли по имени и хвалили там, где они выражают презрение к похвале и прославлению"» (XXII. 7. 3—4. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

Отступление от принятых формальностей, по мнению Аммиана Марцеллина, являлось здесь вполне осознанной манерой поведения. Но Юлиан был отнюдь не единственным, кто тяготился обременительными требованиями имперского этикета. Олимпиодор пишет, что «Констанций... сожалел о своем возвышении в императоры, ибо больше уже не имел свободы уйти и уехать куда-либо и тем способом, каким хотел, и не мог, будучи императором, наслаждаться приятным времяпрепровождением, к которому привык» (fr. 33). Это, несомненно, включало в себя и комические выходки шутов во время обеда, которые он прежде любил наблюдать. Быть императором означало не только отдавать приказы; император также должен был удовлетворять чаяниям (отвечать ожиданиям) подданных.

Но если внешне жизнь двора напоминала свободное скольжение роскошного лебедя по водной глади, то внутри его кипело соперничество. Учитывая, что империя была слишком велика для того, чтобы один человек самостоятельно держал ее под контролем, требовались помощники — следить за текущими делами. Пребывая на вершине могущества во время правления Гонория, сначала Стилихон, а затем Констанций контролировали назначения на высшие гражданские и военные должности. При продвижении людей по службе требовалось соблюдать баланс потребностей практики и политики. При хорошо продуманном распределении милостей можно было создать группу благодарных сторонников, что ограждало высокопоставленных лиц от потенциальных соперников. Вовремя же заметить последних было не так-то легко. Так, как мы видели, именно Стилихон возвысил Олимпия, который и погубил его.

Ареной, на которой разыгрывалась борьба за должности и влияние, был главный совет империи — император-

ский консисторий. Здесь император и высшие чины, гражданские и военные, собирались на регулярные заседания, и иногда там делалась большая политика. Как сообщает Аммиан, военачальник по имени Марцелл обвинил Юлиана в стремлении к императорским пурпуру и короне, а отчаянно храбрый префект претория Италии Евпраксий указал Валентиниану I, который отрицал издание им указа, допускавшего пытки сенаторов при разборе дел по обвинению в тайной магии, что император действительно поступил так (XXVIII. 1. 24—25). Но дела в консистории велись обычно с соблюдением детально разработанного этикета. Именно здесь все придворные сановники выстраивались в соответствии со своим рангом в парадных облачениях, чтобы принять иноземных послов. Именно здесь обычно происходила церемония adoratio — целования императорской одежды. В полном составе императорский совет чаще собирался для объявления о решениях, чем для дискуссий о них*.

Многие серьезные политические дела и выработка тактики происходили вдали от пристальных взглядов посторонних на заседаниях совета в присутствии немногих доверенных сановников или в частных домах, где их не мог кто-либо видеть. Решение допустить готов на территорию империи в 376 г., например, было принято только после жарких споров Валента и его ближайших советников, на публике же, когда об этом решении объявляли на заседании консистория, все было представлено как результат истинного единодушия. Подобным образом Приск (fr. 11.1) сообщает, что когда потребовалось подкупить гуннского посла, чтобы тот убил своего властелина, восточноrim-

---

* Об императорских церемониях в целом и о неподобающем поведении Юлиана см.: Matthews, 1989, Chs 11—12; MacCormack, 1981. О примерах назначений см. вводящий в курс дела очерк: Matthews, 1975, passim, с многочисленными рассказами, собранными в работах Мэтьюза: Matthews, 1985, особ. Matthews, 1971 и 1974.

ский сановник пригласил его в частные покои после окончания официальных церемоний в консистории. На публике императорскому совету надлежало демонстрировать полное единодушие, но в менее официальной обстановке придворные всегда были готовы сцепиться друг с другом, распространялись самые различные слухи, друзей старались поддержать, врагов ниспровергнуть. В политической игре каждый прибегал к интригам, чтобы добиться влияния и удачно использовать его.

Выгода, которую приносил успех, была огромной: потрясающее воображение богатство, роскошный образ жизни наряду с общественной и политической властью, возможность участвовать в решении текущих дел и множить число ищущих твоей благосклонности. Но цена поражения была столь же высокой — римская политика представляла собой игру ва-банк. Политическая карьера высокопоставленных лиц предполагала слишком большое число врагов, чтобы он мог расслабиться хоть на миг. Мы редко слышим о том, чтобы позднеримские политики высшего ранга уходили в отставку. Единственным исходом для Стилихона, как мы видели, было преждевременное упокоение в мраморном саркофаге, что действительно и в отношении других важных персон. Перемены в верхах, особенно кончина императора, были традиционным временем для выяснения отношений. Именно такой момент, после неожиданной смерти Валентиниана I, стоил жизни комиту Феодосию, отцу будущего императора Феодосия I, а позднее и членам группировки — виновникам его гибели. При везении можно было вовремя разузнать про планы врагов, но бывало, что погибали целые семьи, а их имущество конфисковывалось — жену и сына Стилихона убили вскоре после его гибели. Даже если утрата милостей принимала форму отхода от политики, это еще не давало гарантий выживания. Как это произошло с Палладием в Лептис; неожиданное отстранение от участия в высокой политике было тем моментом, когда враги могли начать

собирать свидетельства и шептаться за вашей спиной, а потому вы никогда не знали, когда к вам в дверь постучит чиновник с приказом об аресте. Вершины позднеримской политики оказывались доступными лишь для птиц высокого полета: если вы не могли удержаться на смазанном жиром столбе, то скорее всего оказывались на столбе, смазанном кровью. К 414 г. в окрестностях Карфагена можно было увидеть головы не менее чем шести узурпаторов: двух прежних (Максима и Евгения со времен Феодосия I) плюс четырех последующих — Константина III и его сына вместе с Иовином и его сыном*.

Аммиан дает блестящий литературный портрет одного из вельмож эпохи поздней империи, Петрония Проба, занимавшего высокое положение при Валентиниане I (364—375 гг.) и в последующее время, великолепно показывая, что представляла собой власть и сколь ненадежна была жизнь на ее вершинах.

«Хотя он был весьма влиятелен в течение всей своей жизни благодаря как своим колоссальным щедротам, так и тому, что непрерывно занимал один за другим разные высокие посты, но иногда бывал труслив в отношении людей нахальных и высокомерен с робкими... И подобно тому как плавающие существа, исторгнутые из своей стихии, недолго сохраняют дыхание на сухой земле, так и он хирел без префектур, занимать которые вынуждали его раздоры между знатными фамилиями, за которыми всегда водятся грехи из-за необузданных страстей: чтобы иметь возможность безнаказанно обделывать свои дела, они всегда выдвигали своего главу на высокий государственный пост. Нужно признать, что он с присущим ему благородством никогда не приказывал совершить какой-нибудь незаконный поступок клиенту или рабу; но если доходило до его

* Представление о том, что являли собой перемены правления на римский манер: Matthews, 1975, например, p. 64 и далее о последствиях смерти Валентиниана I.

сведения, что кто-нибудь из них совершал какое-нибудь преступление, то [...] даже не разобрав дела и отрешившись от вопроса о чести и нравственности, являлся защитником. [...] Он был подозрителен и скрытен, не чужд злобной насмешки и лести с целью нанести вред, [...] неумолим и упрям. Если кого-то задумывал обидеть, то уж нельзя было уговорить его и склонить его простить вину. [...] Находясь на высоте богатства и почестей, он был всегда встревожен и озабочен, а потому подвержен легким заболеваниям» (XXVII. 11. 2—5)*.

Высокомерный и в то же время раболепный, могущественный и притом мучимый беспокойством и ипохондрией: это, судя по всему, вполне понятная реакция на сложности, с которыми была сопряжена карьера политика позднеримской эпохи. Другая особенность, которую столь удачно подметил здесь Аммиан, — это сильнейшее давление, которое испытывали на себе высшие должностные лица. Кроме того, они являлись социальными посредниками. Их власть покоилась на том, что от них ожидали тысяч мелких милостей, на осознании народом того, насколько великое могущество пресуществляется в самом факте всякого их дара. Патронов постоянно осаждали просители, причем те, кто не ожидал особого успеха в ближайшее время, приходили еще и еще**. Раз ступив на этот путь, едва ли удавалось сойти с него.

Таков был фон, на котором произошла неожиданная смерть Флавия Констанция — соправителя императора и удачливого главы западной части империи в сентябре 421 г. Как можно полагать, он был обязан своим возвышением тому, что примерно с 410 г. столь быстро и успешно восстанавливал прежнее положение империи. Отчасти это так.

---

* У автора дана ошибочная ссылка на XXVII. 22. — *Примеч. пер.*

** Во многих письмах Либания, например, звучит неожиданно вызывающий тон по отношению к потенциальным патронам — автор требует от них, чтобы они показали, чего они стоят. См., напр.: Bradbary, 2004; Let. 2, 5, 8, 9 etc.

Без такого успеха брак с Плацидией и обретение императорского титула в феврале 421 г. никогда не состоялись бы. Однако военные победы сами по себе были бы недостаточны. Констанций использовал эти успехи для того, чтобы укрепить свои позиции при дворе. Когда они упрочились, он смог избавиться от соперников и превратить свое положение из прочного в неуязвимое.

Констанций мог быть лишь второстепенным сторонником Стилихона на момент гибели последнего, коль скоро он остался в живых во время кровавой бани, последовавшей за гибелью полководца. Ранние этапы карьеры были сопряжены с не меньшим насилием. После падения Стилихона произошло несколько быстрых смен лиц в верхах, по мере того как то один, то другой политик то завоевывал благосклонность, то лишался ее. Начавшая было восходить звезда Олимпия, организатора заговора против Стилихона, закатилась, когда его политика сопротивления Аларику ничего не дала. Его сменил Иовий, который перешел на сторону Алариха и Аттала, когда Гонорий дезавуировал его дипломатические усилия во время затеянной им попытки переговоров. Господствующее положение, прежде принадлежавшее Иовию, теперь оказалось у евнуха Евсевия, который занимал пост смотрителя императорской священной опочивальни (praepositus sacri cubiculi)*. Но вскоре его вытеснил военачальник Аллобих — он убил Евсевия вместе с двумя другими крупными командирами, забив насмерть в присутствии императора**.

Именно в этот момент Констанций появился на сцене, извлекши выгоду из всех этих кровавых расправ, которые расчистили наверху место для тех, у кого хватало смелости занять его. По причине предполагаемой связи между Аллобихом и Константином III Констанций сумел дискредитировать Аллобиха и довести его до гибели. Иногда

*Досл. — препозит священной опочивальни. — *Примеч. пер.*

** Оба командира были поначалу приговорены к изгнанию, но впоследствии убиты во время путешествия.

предполагается, что Аллобих был подкуплен Константином, но скорее он выступал за мир путем переговоров, что резко противоречило курсу Констанция на жесткую конфронтацию. Затем Констанций сумел извлечь политический капитал из своих прежних успехов в борьбе с Константином и Геронтием, чтобы воздать «по справедливости» главному врагу Стилихона Олимпию — ему отрезали уши, а затем, как и Евсевия, забили насмерть на глазах у императора.

Взлет Констанция к вершинам власти основывался, кроме того, на ловких политических маневрах. К концу 411 г. с помощью казни Аллобиха и военных успехов в борьбе с узурпаторами он укрепил свое политическое положение. Но оставался один сильный соперник — Гераклиан, командующий войсками в Северной Африке. Преданный Гераклиан оказал поддержку Гонорию в самые трудные дни 409—410 гг., когда он привел резервы из Африки, чтобы обеспечить лояльность италийской армии. В 412 г. его должным образом вознаградили, назначив консулом-десигнатом на следующий год — высшая почесть после императорского пурпура. Однако Гераклиан был давним союзником Олимпия — утверждали, что он лично казнил Стилихона. Это могло быть исходной причиной раздора между двумя восходящими на полководческом небосклоне Запада звездами, однако успех Констанция лежал в совершенно иной плоскости. Дарование Гераклиану консульства раньше, чем Констанцию, который имел куда больше заслуг, показывает, что император пытался утешить того, кто защитил его от опасности. Но африканский командующий не утешился, и весной 413 г., когда Констанций предпринимал усилия по разгрому узурпатора Иовина, он привел армию в Италию. В источниках Гераклиан обвиняется в стремлении к захвату императорской власти, однако он, возможно, хотел лишить Констанция влияния на Гонория. В любом случае его постигла неудача. Один из полководцев Констанция разбил его армию, а самого Ге-

раклиана по возвращении в Карфаген* убили двое агентов Констанция.

Господствующее положение Констанция основывалось на сочетании блистательных побед, неотразимых ударов в спину и немного поколачивания дубинками. Со смертью Гераклиана все его влиятельные соперники оказались устранены. Но и последующие этапы его карьеры не оказались легкими. Фотий сохранил для нас рассказ о его браке с Плацидией:

«Когда император Гонорий получил консульство в одиннадцатый раз, а Констанций во второй [417 г.], они решили дело с браком Плацидии. Она упорно не соглашалась на него и возбудила против Констанция всех своих слуг. Тем не менее в день вступления своего в консульство император Гонорий, ее брат, насильно взял ее за руку и вручил Констанцию. Брак был отпразднован роскошным образом»**.

Некоторые предполагают, что она до сих пор любила Атаульфа, ее почившего мужа-гота, но Плацидия, очевидно, отнюдь не желала, чтобы ее использовали как заложницу в играх, сильно напоминавших ситуацию, которая позволила Стилихону выдать замуж двух дочерей подряд за Гонория. В то время как Гонорию была явно по душе передача Констанцию той власти, которой обладал Стилихон, его сестре это нравилось гораздо меньше***.

Таким образом, путь Констанция к вершинам власти отнюдь не был легким. Ему приходилось бороться за каж-

* В «Равеннских анналах» убийство датируется 7 марта 413 г., однако, как представляется, это произошло позднее. Корабли не могли совершать рейсы между Карфагеном и Италией с ноября до марта, и нужно определить, когда Гераклиан высадился, потерпел поражение и вернулся в Африку. Вероятно, он высадился в Италии 7 марта. См. очерк событий у Орозия (VII. 42. 12—14), другие источники — в PLRE, vol. II, p. 540.

** Olympiod. Fr. 34. Пер. Е.Ч. Скржинской.

*** О Галле Плацидии см.: Oost, 1968.

дый дюйм на этом пути; даже обретение им пурпура встретило оппозицию в Константинополе, и даже высшие политические круги Запада вряд ли отнеслись к этому спокойно. Женитьба на Плацидии сделала Констанция неуязвимым для соперников, но к власти он пришел, оставив за собой гору трупов. На момент его смерти в 421 г. все обладатели высших должностей являлись креатурами Констанция, а сам он находился в центре их политических расчетов (включая тех, кто вынашивал планы его смещения). Как в большинстве однопартийных государств, кронпринцев не было — Констанций позаботился об этом. Гонорий не имел способностей к политике, так что ею занимались подчиненные, занимавшие свои места в соответствии с новой негласной иерархией, которую учредил Констанций. Результатом стал политический хаос, продолжавшийся более десяти лет вплоть до середины 430-х гг., когда наконец восстановилась видимость порядка.

После Констанция: борьба за власть

Первый раунд борьбы оказался достаточно коротким — он продолжался от смерти Констанция до смерти Гонория, последовавшей менее чем через два года, 15 августа 423 г. В тот момент смысл игры по-прежнему заключался в завоевании и сохранении доверия властелина. Первенство в этом смысле принадлежало его сестре, которая имела то преимущество, что обладавший ею обретал императорский пурпур, а она становилась августой, когда ее муж — августом. Ей приходилось защищать как собственные интересы, так и ее сына от Констанция — Валентиниана, предполагаемого наследника трона. Однако он отнюдь не получал его автоматически. Система наследования, как мы видели в главе третьей, обычно основывалась на династическом принципе, но лишь в том случае, если сущест-

вовал подходящий наследник, такой, который мог опереться на всеобщее согласие. Например, Варрониан, маленький сын императора Иовиана, исчез без следа после смерти своего отца, поскольку не оказалось никого, кто счел бы выгодным для себя защитить его претензии. Поэтому Плацидия ловко пристроилась к своему брату — до такой степени тесно, что Олимпиодор доносит до нас дыхание скандала, носившегося в воздухе:

«Расположение Гонория к собственной сестре после смерти ее мужа Констанция стало таково, что их безмерная любовь и частые поцелуи в уста внушили многим постыдные подозрения. Такая же затем родилась у них вражда друг к другу стараниями Спадусы и Элпидии (она была кормилицей Плацидии), которым она многое предоставила. Этим женщинам помогал и куратор Плацидии Леонтий, так что в Равенне начались частые раздоры (Плацидию окружало множество варваров, что получилось из-за ее союза с Атаульфом и брака с Констанцием), сопровождавшиеся побоищем обеих сторон. В конце концов эта самая вражда и ненависть, равная прежней любви, привели к тому, что Плацидия, осиленная братом, была сослана вместе со своими детьми в Византий» (fr. 38).

К несчастью, здесь мы зависим от краткого изложения рассказа Олимпиодора у Фотия, поэтому не вполне ясно, кто чью сторону занимал. «Спадуса» — по-видимому, ошибка вместо «Падусии», жены армейского командира по имени Феликс*. Мы также знаем, что и другой видный военачальник, Кастин, был замешан в этом деле. Во фрагменте далее рассказывается о третьем командире, Бонифации, преемнике Гераклиана в Африке, сохранявшем лояльность Плацидии в трудные для нее времена. По крайней мере общие контуры ясны: Плацидия пыталась защитить позиции своего семейства, монополизируя привязанность брата, и небезуспешно искала поддержку в среде во-

* См.: PLRE, vol. II, p. 1024.

енных. Но возобладали интересы иных группировок, которые сумели отдалить друг от друга брата и сестру. В результате в конце 422 г. Плацидия отправилась в изгнание в Константинополь.

Интриги продолжались и в ее отсутствие, но они приостановились со смертью Гонория, случившейся за несколько дней до его тридцать девятого дня рождения. Все прежние ставки теперь потеряли силу, и на Западе начался второй раунд борьбы за власть.

После того как Плацидию с Валентинианом отправили на Восток, явных кандидатов на престол не было. Многие весьма одаренные сановники, выдвинувшиеся благодаря Констанцию, претендовали на него. В итоге через несколько месяцев власть захватил главный нотарий Иоанн. После того как он обеспечил себе необходимую поддержку военных и бюрократических верхов, 20 ноября его провозгласили августом. Находившийся в Африке Бонифаций держался в стороне. Наиболее влиятельным сторонником Иоанна был военачальник Кастин, который, как мы видели, был замешан в дворцовых интригах накануне смерти Гонория. Режим располагал еще одним важным приверженцем из числа военных в лице Аэция, который занимал видный пост смотрителя дворца (cura palatii). Аэций впервые выдвинулся, когда еще совсем молодым его дважды (до и после 410 г.) отправляли в качестве заложника к союзникам-варварам. Он провел у готов Алариха три года (405—408 гг.), а затем столько же — у гуннов (возможно, в 411—414 гг.). Как мы увидим, второе имело свои последствия.

В условиях раскола военной верхушки Запада ключевым фактором становилась позиция восточного двора Феодосия II. Иоанн сразу отправил посольство с предложением признать его, но послов приняли весьма недружелюбно и отправили в изгнание в Причерноморье. Мы не знаем, до чего дошли дебаты, но Феодосий и его советники, ободренные, по-видимому, тем, что Бонифаций отказался от-

дать Северную Африку под власть Иоанна, в конце концов решили отправить экспедиционный корпус в Равенну, чтобы защитить династический принцип и поддержать претензии своего кузена — Валентиниана. Поэтому Плацидию и ее сына отправили в Фессалоники, где 23 октября 424 г. представитель Феодосия магистр оффиций Гелион провозгласил Валентиниана цезарем. Военачальника Ардабурия, недавно одержавшего победу над персами, его сына Аспара, тоже военачальника, и третьего генерала по имени Кандидиан направили с армией на запад. Поначалу все шло согласно плану. Двигаясь по адриатическому побережью Далмации, они овладели двумя важными портами — Салоной и Аквилеей. Но затем разразилась катастрофа. Из-за бури Ардабурий сбился с курса, был взят в плен и доставлен в Равенну, где Иоанн попытался использовать его в качестве заложника. Но этот план привел к обратным последствиям, поскольку Ардабурий сумел посеять раздор среди сторонников Иоанна, вероятно, указывая на то, сколь велики силы армии, двигающейся из Константинополя. Как рассказывает Олимпиодор в своей «Истории» (fr. 43.2), «Аспар быстро явился с конницей, и после короткой борьбы Иоанна взяли в плен из-за измены его чиновников и отправили в Аквилею к Плацидии и Валентиниану. Здесь ему в наказание отсекли руку, а затем он был обезглавлен, пробыв узурпатором всего полтора года».

Затем Феодосий отправил Валентиниана в Рим, где 23 октября 425 г. Гелион провозгласил его августом — Валентинианом III — и единственным правителем Запада.

Все происшедшее знаменовало собой новое блистательное подтверждение политического единства двух частей империи. Восточноримский экспедиционный корпус возвратил престол Запада законному отпрыску, и союз был скреплен помолвкой юного Валентиниана III с Лицинией Евдоксией, дочерью Феодосия II. Олимпиодор этим событием заканчивает свой труд — историю крушения и восстановления Запада, достигшую кульминации в момент

недавних величайших триумфов*. Но оставалась одна проблема. Приход к власти Валентиниана III отнюдь не означал конца нестабильности, а лишь придал ей новую форму. Шестилетний мальчик не мог управлять империей, даже находясь в руках столь способной и опытной матери, как Галла Плацидия. Теперь соревнование шло между западноримскими вельможами и особенно военными за то, кто сможет добиться наибольшего влияния на мальчика-императора.

Его мать стала главной участницей последовавшего затем конфликта. Из фрагментарных известий следует, что она стремилась поддерживать баланс сил, при котором никто из представителей военной или бюрократической элиты не приобретал слишком значительного веса. Главными соперниками в развернувшейся после 425 г. борьбе за власть и влияние стали командующие трех главных армейских группировок Запада: Феликс, Аэций и Бонифаций. В Италии главным человеком был Феликс, чья жена Падузия могла сеять раздор между Гонорием и Плацидией, а сам он занимал пост главнокомандующего полевой армией (magister militum praesentalis). В Галлии Аэций занял место Кастина, который был здесь командующим в правление Иоанна. То, как Аэций уцелел при новом порядке, весьма примечательно. Когда Иоанн столкнулся с ошеломляющей мощью экспедиционной армии Феодосия, он отправил Аэция к гуннам, с которыми тот имел связи со времен своего заложничества, чтобы добыть их поддержку в качестве наемников. Аэций не сумел прибыть вовремя, чтобы спасти своего повелителя, но в конце концов он оказался в пределах Италии с сильным корпусом гуннов — согласно одному источнику, численностью в шестьдесят тысяч человек**. Дело было решено. Аэций убедил гуннов

* Matthews, 1970 об Олимпиодоре с Matthews, 1975, Ch. 15 об «Истории».

** Prosper Tiro, s.a. 425; Chron. Gall. 452, № 102; цифра в 60 тысяч представляется сильно преувеличенной.

за умеренную плату уйти восвояси, в обмен на что новое правительство оставляло его на службе и отправляло в Галлию в качестве командующего. Бонифаций, третий конкурент в борьбе за власть и доверие Плацидии, оставался руководить войсками в Северной Африке.

Какое-то время стратегия Плацидии вполне имела успех. Угрозу всевластия то одного, то другого вельможи удавалось контролировать, пусть и не полностью. Постепенно, однако, ситуация стала ускользать из-под контроля августы. Первым проявил активность Феликс. Обвинив Бонифация в нелояльности, он приказал ему в 427 г. вернуться в Италию. Когда тот отказался, Феликс отправил в Северную Африку войска, но они потерпели поражение. Тогда в дело вмешался Аэций. Имея в своем послужном списке некоторые успехи в борьбе с вестготами в Галлии (426 г.) и франками (428 г.) (к ним мы вернемся в свое время), он почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы выступить против Феликса. То ли его победы вновь снискали ему доверие Плацидии, то ли неудача в борьбе с Бонифацием стоила Феликсу его положения, но в 429 г. Аэций прибыл в Италию и занял пост младшего командующего центральной полевой армией. Источники не позволяют выяснить, что именно произошло потом, но ясно, что в мае 430 г. Аэций приказал арестовать Феликса и его жену за заговор против него. Их казнили в Равенне. Вместо трех соперников теперь стало двое, и вскоре настал звездный час Бонифация.

После того как Аэций устранил Феликса, он, по-видимому, утратил и ту незначительную опору при дворе, которую имел. Возможно, Плацидия вновь стала опасаться господства военачальника, чья власть окажется непререкаемой. Теперь в Италию отозвали Бонифация, в то время как Аэций, судя по всему, отсутствовал, опять уехав в Галлию. И Бонифация назначили на пост командующего главной полевой армией. Аэций немедленно двинулся в Италию с армией и столкнулся с Бонифацием в битве близ

Ариминума (Римини). Бонифаций одержал победу, но был смертельно ранен и вскоре скончался; политику Бонифация и его борьбу с Аэцием продолжил его зять Себастиан. После поражения Аэций сначала удалился в свои загородные поместья, но после совершенного на него покушения он обратился к гуннам, как уже делал в 425 г., а в 433 г. возвратился в Италию с сильными гуннскими отрядами, что делало сопротивление Себастиана бессмысленным. Он бежал в Константинополь, где ему пришлось провести более десяти лет. Затем Аэций завладел должностью главнокомандующего полевой армией, что сделало его позиции неоспоримыми. 5 сентября 435 г. он принял титул патриция, чтобы обозначить свое особое положение, которого наконец добился с таким трудом*.

Путь на Марокко

В двенадцатилетнем политическом конфликте, частью которого стали две больших войны и одна малая, наконец определился победитель. Убийство, большая битва и удача к концу 433 г. сделали Аэция фактическим правителем западной части империи. Подобного рода дворцовые перевороты не представляли собой ничего нового. Как мы уже видели, именно правила игры, существовавшие в римском мире, были тем, что приводило к затягиванию борьбы за определение наследника, когда умирали могущественные люди, будь то императоры или те, кто стоял за троном. Иногда последствия оказывались много хуже, чем то, что произошло между 421 и 433 г. Разделение влас-

---

* Об Аэции, Феликсе и Бонифации см.: PLRE, vol. II, p. 23—24, 238—240, 463—464 (со ссылками на источники). Основные точки зрения исследователей я позаимствовал из работ: Mommsen, 1901; Stein, 1959; Ch. 9; Zecchini, 1983; Stickler, 2002, излагая дискуссии по поводу деятельности Аэция.

ти во времена тетрархии Диоклетиана принесло внутренний мир империи в 285—305 гг., но цена его была страшной — многочисленные и масштабные гражданские войны в течение последующих девятнадцати лет, пока наконец Константин не вышел победителем из этой борьбы. Эта схватка была гораздо более длительной и кровопролитной, чем то, что происходило в Италии и за ее пределами во временной отрезок между смертью Констанция и возвышением Аэция.

Не было ничего необычного в схватке за власть, которая имела место в 420-х гг. Но было что-то совершенно ненормальное в ее непосредственных результатах. В то время как в Риме в конвульсиях рождался новый порядок, остальной римский мир по-прежнему оставался римским. Землевладельцы продолжали управлять своими поместьями, писать друг другу послания и стихотворения, их дети старательно овладевали сослагательным наклонением, а крестьяне пахали землю и собирали урожай. Но ко второму и третьему десятилетиям V в. на просторах Римской империи появилось множество диких иноземцев, и в течение двенадцати лет после смерти Констанция у них были дела поважнее, нежели задача стать римлянами. В результате если сами по себе события 421—433 гг. являлись повторением того, что происходило в римской истории и раньше, то нельзя того же сказать и об их последствиях. Политический паралич в Равенне дал возможность чужеземцам совершенно свободно делать то, что им заблагорассудится, и все это нанесло Римскому государству огромный ущерб. Во-первых, вестготы, совсем недавно поселившиеся в Аквитании, вновь набрались наглости и стали стремиться к более важной роли в делах империи, чем это позволял им мирный договор 418 г. Также имели место волнения среди неспокойных, по обыкновению, племен на рейнской границе, особенно алеманнов и франков*.

* См.: PLRE, vol. II, p. 22—23 (со ссылками на источники).

Вдобавок пришли в движение вандалы, аланы и свевы, которые вторглись через Рейн в 406 г.

Они, как мы видели в главе пятой, представляли собой смешанную массу. Аланы, ираноязычные кочевники, еще в 370 г. скитались по степям к востоку от Дона и к северу от Каспийского моря. Только под давлением гуннов некоторые из них начали перемещаться на запад отдельными группами, поскольку остальные были покорены. Две группы вандалов, хасдинги и силинги, каждая во главе со своими предводителями, подобно тервингам и грейтунгам у готов в 376 г., были германоязычными земледельцами, которые в IV в. обитали в южной части Центральной Польши и в северных предгорьях Карпат. Свевы представляли собой несколько небольших групп с плато на окраинах Большой Венгерской равнины. Вся эта разношерстная смесь племен могла сообща действовать в 406 г., но они были далеки от того, чтобы стать настоящими союзниками. Во-первых, хасдинги, силинги и свевы, конечно, могли понимать друг друга, поскольку говорили на мало отличавшихся германских диалектах, но аланы говорили на совершенно ином языке. Во-вторых же, насколько можно судить, у обеих групп вандалов и свевов существовала общая для Европы IV в. трехчастная структура общества. Господствующее положение занимали свободные; достаточно многочисленные, но все же составлявшие меньшинство, они властвовали над вольноотпущенниками и рабами. Однако социальная структура аланов, связанная с кочевым пастбищным хозяйством, была совершенно иной. Единственный комментарий по этому поводу, к чему бы он ни относился, есть у Аммиана Марцеллина (XXXI. 2. 25), отмечавшего, что рабство у них неизвестно и что всякий пользуется у них статусом «знатного». Какие бы конкретные термины ни использовались при соответствующем описании, более эгалитарная социальная структура естественна для кочевой экономики, где богатство, измерявшее-

ся в количестве голов скота, имело менее стабильную основу, чем при собственности на землю*.

Хотя сей союз был достаточно странным, обстоятельства подталкивали упомянутые племена учиться действовать сообща, и со временем это произошло. Как сообщает Григорий Турский в своей «Истории» (II. 9), даже перед переходом через Рейн аланы под предводительством короля Респендиала избавили хасдингов от притеснений со стороны франков. Трудно сказать, насколько тесно сотрудничали эти племена в Галлии непосредственно после перехода через Рейн, но в 409 г. перед лицом организованных Константином III ответных ударов они двинулись в Испанию сообща. К 411 г., когда угроза сколь-либо эффективных действий со стороны римлян миновала, указанные племена вновь пошли каждое своим путем, разделив испанские провинции между собой. Как мы уже видели, хасдингам и свевам досталась Галлеция, аланы взяли себе Лузитанию и Карфагенскую провинцию, а силингам-вандалам досталась Бетика (см. карту № 8). Как показывает захват двух провинций, аланы на тот момент представляли собой господствующую силу в коалиции, поскольку, как это показали события 406 г., их роль была решающей,

*От вандальского королевства не сохранилось ни одного свода законов, но в рассказе Прокопия о завоевании этого государства византийцами упоминается о наличии у германцев образца, в соответствии с которым у других германских племен этого периода существовали два отдельных военных сословия, под которыми, как я полагаю, подразумевались «свободные» и «вольноотпущенники» (см. гл. II). Остатки пшеворской культуры, из которой вышли вандалы, также показывают, что не было большой разницы между социальной структурой вандалов и других германских племен, чья история лучше обеспечена источниками. Для представления о расплывчатой и относительно эгалитарной социальной структуре кочевников см.: Cribb, 1991 (с исчерпывающими ссылками).

и испанский хронист Гидаций подтверждает это*. Этот союз сохранялся первую половину 410-х гг., когда членов коалиции оставили в покое и счастливые переселенцы с севера наслаждались солнцем и вином Испании.

Однако эта идиллия продолжалась недолго. Констанций энергично взялся за наведение порядка в Западной империи и занялся вестготами и узурпаторами в Галлии; уцелевшие после перехода через Рейн после этого были приняты на службу. Между 416 и 418 г. силинги в Бетике (часть современной Андалусии) как независимая сила перестали существовать, их король Фредибальд окончил свои дни в Равенне. Аланы потерпели столь тяжелое поражение, что, как пишет Гидаций, «после смерти их короля Аддакса немногие оставшиеся в живых, не помышляя о собственном королевстве, отдались под защиту Гундериха, вандальского короля [хасдингов]» (Hydat. Chron. 68). Эти контрудары не только вернули под контроль римских властей три испанских провинции — Лузитанию, Картахену и Бетику, но и изменили баланс сил внутри вандальско-аланско-свевской коалиции. Аланы, занимавшие прежде господствующее положение, пострадали столь жестоко, что теперь превратились в младших партнеров, и политические отношения между тремя племенами из четырех еще более укрепились. Вандалы-хасдинги, уцелевшие силинги и аланы действовали теперь под эгидой монархии хасдингов. В условиях возросшей опасности и бóльших возможностей, которые давало пребывание на римской территории, совершенно в духе алариховского племенного объединения готов расплывчатый альянс 406 г. преобразовался к 418 г. в полноценный политический союз. Так возникла вторая мощная варварская группировка.

Мы можем лишь строить предположения о том, каким образом удалось преодолеть трудности, с которыми была

* Hydat. Chron. 42, 49, 67—68, 68: Alani qui Vandalis et Sueuis potentabantur («аланы, которыми правили вандалы и свевы»).

связана интеграция германоязычных вандалов и ираноязычных аланов. Должны были также возникнуть трудности и в отношении социальной структуры. Я подозреваю, что официальный титул, принятый хасдингскими монархами с этого момента, reges Vandalorum et Alanorum, «короли вандалов и аланов», являлся чем-то гораздо бóльшим, чем вежливая уступка общественному мнению: скорее это был самый простой способ отразить ограниченный характер интеграции. Паника, которую вызвали у этих племен действия Констанция, побудила к объединению 70—80 тысяч человек, которые могли выставить армию численностью в 15—20 тысяч воинов*.

После первоначальных успехов в борьбе с силингами и аланами в Испании Констанций решил на время приостановить операции, чтобы расселить вестготов в Аквитании**. Эта передышка облегчила положение перешедших через Рейн. Гундерих, глава нового вандальско-аланского союза, по-видимому, воспользовался ею для того, чтобы попытаться взять под свой контроль свевов и их короля Гермериха. Труднопроходимая горная местность Северной Галлеции позволяла свевам оказывать сопротивление неприятелю, но они вели борьбу в условиях изоляции. Удары со стороны империи возобновились в 420 г., когда римский командир по имени Астерий прорвал блокаду, по-видимому, не желая, чтобы Гундерих увеличил число

* По поводу масштабов преувеличений, содержащихся у Виктора Витенского, см. гл. 5. Об официальной титулатуре королей см. Wolfram, 1967.

** Повествования о вандалах и аланах в Испании во многом основываются на «Хронике» Гидация. Датировка текста зависит от того, какую редакцию текста принимать. См., например: Burgess, 1993, p. 27 ff., где дается представление об обсуждении проблемы. В своих заметках я следую здесь системе ссылок, использованной Моммзеном (Mommsen, 1894); к счастью для наших целей, эти аргументы затрагивают скорее детали, чем общие представления.

своих сторонников. В этот момент последовала смерть Констанция. В 422 г. началась еще одна совместная римско-вестготская кампания против вандалов и аланов, которые теперь отступили в Бетику. Учитывая, сколько времени требовалось империи, чтобы организовать хоть что-то, вполне возможно, что необходимые меры были предприняты еще Констанцием до его смерти.

Два значительных римских войска — одно под командованием Кастина (вероятно, из галльской полевой армии), другое — Бонифация (возможно, из Северной Африки), соединились на сей раз с крупными силами вестготов для наступления на вандалов. Но если политическая неопределенность, царившая при дворе, не сорвала кампанию в самом начале, то, во всяком случае, сделала невозможной ее успех. Бонифаций поссорился с Кастином — предположительно из-за изгнания Плацидии — и ушел в Африку. Операция продолжалась, и поначалу казалось, что Кастин вот-вот добьется победы, осуществив успешную блокаду неприятелей, которая, согласно Гидацию, поставила бы их на грань капитуляции. Однако, согласно все тому же Гидацию, Кастин затем «безрассудно» ввязался в битву, которую из-за «жадности» вестготов проиграл. Гидаций, однако, не сообщает подробностей этого предательства, у него были причины для ненависти к вестготам, и я не уверен в достоверности этого сообщения*. Утрата армии Бонифация помочь делу не могла, но гораздо более вероятно, что поражение Кастина стало общим результатом объединения вандалов и аланов. Поскольку четырьмя годами ранее объединенные силы римлян и вестготов смогли нанести поражение обеим группам по отдельности, то объединившиеся вандалы и аланы обрели теперь

* Гидаций писал свой труд, когда вестготы активно грабили Испанию, и он относился к ним неизменно критически. Учитывая, с какой охотой они оказали помощь в разгроме вандалов и аланов в конце 410-х г., неясно, почему они настолько изменили свою позицию в 422 г.

гораздо большую способность к сопротивлению. После этого поражения Кастин отступил на север, в Тарракону, чтобы обдумать создавшееся положение. Но прежде чем удалось начать следующую кампанию или хотя бы выработать новую стратегию, скончался Гонорий, и Кастин возвратился, чтобы, как мы отмечали, стать главнокомандующим в Италии при узурпаторе Иоанне. Политический хаос в центре похоронил все планы ликвидации еще остававшихся после вторжения из-за Рейна варваров.

В то время как Италию раздирали распри, вандалы и аланы вновь пребывали в мире. Неудивительно, что события в Испании привлекали мало внимания хронистов, учитывая, сколько высокопоставленных лиц пострадало при дворе, и мы вообще ничего не слышим о вандалах и аланах между 422—425 гг. Однако после указанного времени они проявляют активность в течение трех лет в богатых районах Южной Испании: взятие ими Картахены и Севильи — эпизоды, особенно ярко описанные Гидацием. Однако по своему опыту, вынесенному из времен господства Констанция в 410-х гг., эти народы прекрасно знали, что когда при дворе со временем появляется новый властитель, то они становятся врагом государства номер один. Они проникли в Испанию силой и ни разу не вели с центральным имперским правительством переговоров о заключении какого-либо соглашения. Таким образом, во время, по-видимому, наиболее длительного междуцарствия они также знали, что им следует строить долговременные планы на будущее.

В 428 г., после смерти Гундериха, верховенство над вандалами и аланами перешло к его сводному брату Гейзериху. Историк VI в. Иордан в своей истории готов, известной как «Getica», набрасывает портрет нового короля, который в римских кругах восприняли как обобщенное изображение коварства варваров (33.168): Гейзерих «был невысокого роста и хромой из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жад-

ный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть» (пер. Е.Ч. Скржинской). Была ли новая политика целиком делом его рук или к тому постепенно шло дело во второй половине 420-х гг., неясно, но теперь Гейзерих положил глаз на Африку. Перемещение туда было логичным решением проблем вандалов и аланов. В чем они нуждались, так это в стратегически безопасной зоне, конкретно же — как можно дальше от мест, где проводились совместные операции готов и римлян. Африка была прекрасным выбором — совсем близко от Южной Испании и гораздо безопаснее. Операции, связанные с перевозками через море, всегда доставляли много больше трудностей, нежели сухопутные, и планы передвижений такого рода приходили на ум другим и раньше. В конце 410 г., после разграбления Рима, Аларих двинул свои силы на юг, к Мессине, предполагая произвести массовую переброску в Северную Африку. Его преемник Валия обдумывал аналогичную переброску из Барселоны в 415 г. В обоих случаях шторма привели в негодность корабли, которые вестготы собрали для переправы, и эти попытки пришлось оставить. У вандалов было куда больше времени для подготовки. Во время пребывания в Южной Испании они стали налаживать отношения с местными судовладельцами, что позволило им, помимо прочего, совершать нападения на Балеарские острова. Такие нападения были лишь разминкой перед главной операцией, позволившей им сориентироваться, составить план и освоить искусство мореплавания. В мае 429 г. Гейзерих собрал своих людей в порту Тарифа, близ современного Гибралтара, и экспедиция в Африку началась.

В нашем распоряжении достаточно много письменных источников, появившихся в пылу вражды в ходе последовавшего конфликта, но, к несчастью, в них содержится больше поношений в адрес вандалов и аланов, нежели описаний их действий. Помимо прочего, в нашем распоря-

жении есть письма Августина, который участвовал в событиях и в конце концов умер во время осады центра его епископии Гиппона Регия, вместе с собранием проповедей, написанных для карфагенской аудитории. Гейзерих недавно объявил о своей лояльности так называемой арианской форме христианства, которую проповедовал Ульфила (см. главу III). Она распространилась среди вандалов через готов в начале 410-х гг. Вандалы не только делали все, что совершают завоеватели при вторжении, но и наносили удары по христианским институтам, изгоняли некоторых католических епископов с их кафедр. Таким образом, те сведения, которые передают нам источники, представляют собой не детальную информацию, а гневные тирады добрых католиков против гонений на них со стороны еретиков.

Без ответа остается важный вопрос: как именно Гейзерих смог переправить свою армию через море? Некоторые, например, доказывают, что вандалы и аланы проделали длинный путь на восток из Тарифы по морю, высадившись близ самого Карфагена. Если так, то где была североафриканская армия римлян? Согласно спискам Notitia Dignitatum (Осс. 25), которые фиксируют состояние римских полевых сил примерно на 420 г., Бонифаций, комит Африки, имел в своем распоряжении 31 «полк» полевой армии (минимум 15 тысяч человек), а также 22 отряда гарнизонной службы (по крайней мере 10 тысяч человек), разбросанных от Триполитании до Мавритании. Обычно считается, что для успешной высадки силы десанта должны в пять-шесть раз превосходить тех, кто обороняется на берегу. Так что если, как мы думаем, у вандалов и аланов могли принять участие в бою в лучшем случае 20 тысяч воинов, то они не могли рассчитывать на успех, в особенности же потому, что с ними прибыло большое число небоеспособных.

Константинопольский историк середины VI в. Прокопий пытался объяснить эту загадку, предположив, что

римский главнокомандующий в Африке комит Бонифаций, оказавшись перед опасностью утраты собственного положения в результате трехсторонней борьбы за влияние на Валентиниана III, пригласил вандалов и аланов в провинцию, но даже Прокопий предполагает, что позднее Бонифаций раскаялся в содеянном (Bella. III. 3. 22 etc.). Однако в современных событиям западных источниках нет никаких упоминаний о предательстве со стороны Бонифация (даже после того, как его разгромил Аэций), и даже если допускать это, подобное приглашение было лишено какого-либо смысла: к 429 г. Бонифаций заключил мир с императорским двором, а посему в тот момент не имел резонов приглашать их в Африку*.

Действительное объяснение успеха Гейзериха двояко. Прежде всего по причинам технического порядка трудно представить, что он смог переправиться через море с достаточным числом судов, чтобы произвести массовую высадку своих людей. Римские корабли были не особенно вместительны. Известно, например, что во время случившегося позднее вторжения в Северную Африку восточноримского экспедиционного корпуса на один корабль приходилось в среднем 70 человек (плюс кони и предметы снабжения). Если общая численность сил Гейзериха составляла примерно 80 тысяч человек, то ему потребовалось бы более 1000 судов, чтобы переправить всех своих людей разом. Однако в 460-х гг. вся Западная Римская империя могла собрать не более 300 судов, и лишь привлечение ресурсов Восточной Римской империи позволило бы довести их число до 1000. В 429 г. Гейзерих властвовал отнюдь не над всей империей, контролируя лишь прибрежную провинцию Бетика. Поэтому наиболее вероятно, что он, не располагая необходимым количеством кораблей, не сумел за один раз переправить всех своих людей.

---

* Переговоры о мире велись с сенатором Дарием, с которым Августин обменивался шутками в своих письмах (Aug. Epist. 229—231).

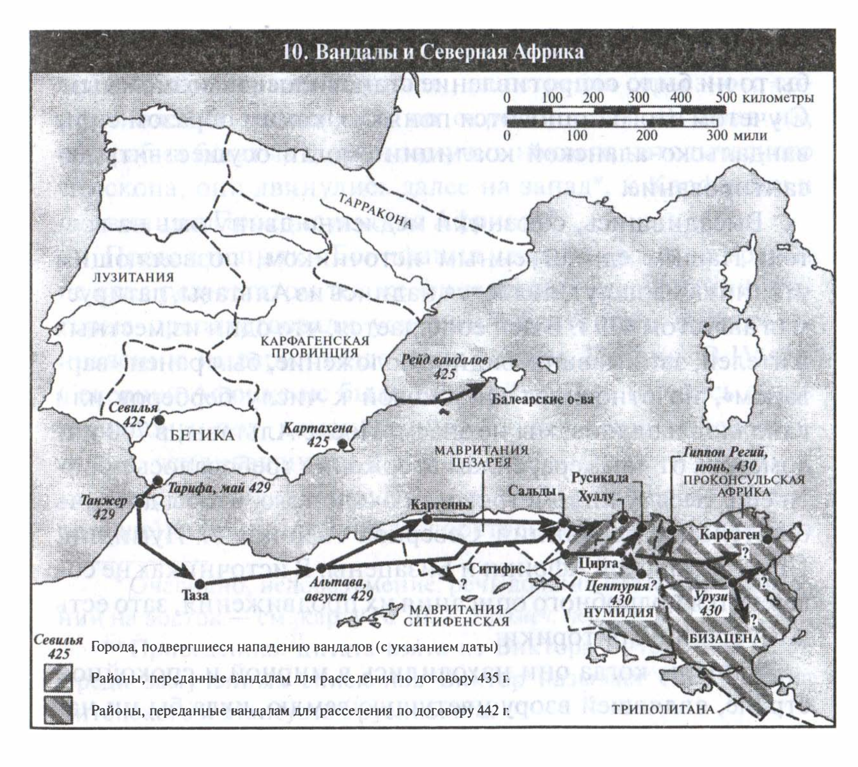
Переправлять неприятельские силы в сердце обороняемой римской Северной Африки по частям было бы самоубийством — это означало бы поднести римлянам передовые части словно на блюдечке, пока суда отправились бы за следующими отрядами. Поэтому вместо того чтобы пытаться перебросить своих людей на большие расстояния морем, Гейзерих скорее попытался бы преодолеть Средиземное море одним коротким прыжком, переплыв от современной Тарифы через Гибралтарский пролив к Танжеру (карта № 10): расстояние между ними составляло всего 62 километра — даже римское судно вполне могло за двадцать четыре часа переплыть пролив и вернуться обратно. Примерно в течение следующего месяца (начиная с мая 429 г.) в Гибралтарском проливе можно было увидеть разношерстную флотилию, на которой вандалы и аланы переправлялись через Средиземное море. Этот маршрут подтверждается хронологией последующих операций. Не ранее июня 430 г., добрых двенадцать месяцев спустя, вандалы и аланы наконец появились у стен города, где жил Августин, — Гиппона Регия, преодолев расстояние примерно в 2000 километров от Танжера по главным римским дорогам (карта № 10). Как и во времена операций здесь союзников в конце 1942 — начале 1943 г., по значительной части этой территории было вообще невозможно путешествовать, уклоняясь от дороги, а вандалы, видимо, переправили еще и обоз. Французские историки тщательно рассчитали, что, собравшись наконец летом 429 г., силы вторжения затем неспешно двинулись вдоль побережья к Гиппону Регию, делая примерно 5,75 километра в день*.

Это, таким образом, объясняет, почему высадка с моря увенчалась успехом. Выбрав Танжер, Гейзерих не высажи-

---

* Историческая реконструкция, представленная в остальной части этого раздела, основывается на работе Куртуа: Courtois, 1955, p. 155 suiv. (с соответствующими ссылками).

вал своих людей в собственно римской Африке. Танжер был столицей римских владений на крайнем западе Северной Африки, провинции Мавритания Тингитана (нынешнее Марокко). Отстоявшая к западу от центра римской Северной Африки на 2000 километров и отделенная от нее бесплодными горами Эр Риф, в административном отношении она являлась частью Испании (карта № 1). Поэтому за ее оборону отвечал комит не Африки, а Тингитании. Под его командованием находилось пять полевых армейских полков, которые могли быть усилены восемью отрядами гарнизонных войск — в общей сложности тринадцать боевых единиц, или 5—7 тысяч человек. Однако главной задачей гарнизонов было обеспечение порядка в передвижениях кочевников, а потому крайне сомни-

10. Вандалы и Северная Африка

тельно, чтобы они проводили тщательно спланированные операции против закаленных в битвах людей Гейзериха. Последние прошли с боями путь от Рейна до Испании и по крайней мере со времени своего объединения в 418 г. показали свою способность противостоять сильнейшим римским полевым армиям. Неравенство сил было даже больше, чем может показаться на первый взгляд. Как мы видели в пятой главе, из-за тяжелых потерь, понесенных западными полевыми армиями после 405 г., Констанций превратил гарнизонные части в соединения мобильной полевой армии. Что касается сил, которыми мог располагать комит Тингитании, то всего два полка были настоящими частями полевой армии; остальные три являлись бывшими гарнизонными частями (Not. Dig. Occ. 26). Это могло составить тысячу, в лучшем случае полторы тысячи человек должного уровня, с которыми ему предстояло бороться с Гейзерихом. Понятно, что в таких условиях какое бы то ни было сопротивление становилось невозможным. С учетом этого становится понятно, каким образом силы вандальско-аланской коалиции смогли осуществить десантирование.

Высадившись, союзники медленно двинулись на восток. Нашим единственным источником, позволяющим уточнить маршрут, является надпись из Альтавы, датируемая августом 429 г. В ней сообщается, что один из местных жителей, занимавших видное положение, был ранен «варваром», но относился ли таковой к числу берберов или вандалов и аланов, мы не знаем. После Альтавы, в 700 километрах от Танжера, силам вторжения требовалось пройти еще тысячу километров или около того, чтобы достичь богатейших провинций Северной Африки — Нумидии, Проконсульской Африки и Бизацены. В источниках не содержится подробного описания их продвижения, зато есть доля бранной риторики:

«Теперь, когда они находились в мирной и спокойной стране, являвшей взору цветущую землю, куда бы ни на-

правлялись их вооруженные толпы, везде, нарушая священные законы, они производили ужасное опустошение, всех повергая в бегство огнем и мечом. И нисколько не пощадили они ни плодоносящих садов, ни того, что случайно скрыли горные пещеры или другие труднодоступные и удаленные места, потому что после перехода они питались этими запасами; и вот они снова и снова свирепствовали с такой жестокостью, что в результате их действий ни одно место не осталось неразоренным» (пер. В.А. Дорофеевой).

Описание достаточно волнующее само по себе и, видимо, по своему историческому колориту, но мало помогающее, когда речь заходит о реконструкции событий. Наконец на границах Нумидии наступавшие орды встретили Бонифаций и его армия. Бонифаций потерпел поражение и отступил в город Гиппон Регий, осада которого началась в июне 430 г. и продолжалась четырнадцать месяцев. В то время как основные силы армии Гейзериха были заняты осадой, некоторые его отряды, не встречая серьезного сопротивления, рассеялись по окрестностям. Разорив их, разграбив богатые дома и замучив некоего католического епископа, они двинулись далее на запад*, к Карфагену и провинции Проконсульская Африка**.

Провал попытки Бонифация удержать врага на границе стал результатом тех же финансовых затруднений, которые препятствовали усилиям Констанция по восстановлению империи везде за пределами Италии. В IV в. в Северной Африке не было полевой армии, имелись лишь гарнизоны под командованием дукса (dux, «предводитель»), усиливавшиеся в случае необходимости частями, которые присылались из Италии. К 420 г. (и, вероятно, еще раньше) Африка получила собственного командующего

* Очевидно, недоразумение: речь должна идти о продвижении на восток — см. карту № 10. — *Примеч. пер.*

** Приведенная цитата взята из Виктора Витенского (I. 3). Среди замученных епископов Виктор называет Пампиниана Витенского и Мансуэта Урузинского.

полевой армией (скорее комита, чем дукса) и значительные полевые силы. Из тридцати одного «полка» только четыре — предположительно 2 тысячи человек — представляли собой отборные соединения имперской полевой армии. В письме, относящемся к 417 г., Августин сообщал, что Бонифаций, в то время командовавший «полком», с совсем небольшим отрядом союзников-варваров блестяще справлялся с задачей по обеспечению безопасности Северной Африки перед лицом новых угроз*. Я полагаю, что упомянутые союзники и составляли — полностью или частично — эти четыре соединения. Однако подкреплений было слишком мало: кроме названных четырех отрядов, Карфагену приходилось довольствоваться теми силами, которые империя издавна держала в Африке.

Когда Гейзерих наконец пробился в Нумидию, то повторилось то, что произошло в Тингитании, только в большем масштабе. Бонифаций сделал все, что мог, но вандальско-аланская коалиция представляла собой более грозную силу, чем кочевники-берберы, с которыми привыкло иметь дело большинство его воинов. Ключевые североафриканские провинции оказались теперь под непосредственной угрозой, и на карту было поставлено будущее Западной империи. Провинция Мавритания Тингитана, находившаяся далеко на западе, ни в каком отношении не относилась к числу главных областей империи и представляла собой нечто совершенно иное, нежели Нумидия и ее два восточных соседа, Проконсульская Африка и Бизацена, которые группировались вокруг своего главного административного центра — Карфагена. Эти три провинции по своему экономическому значению играли столь важную роль в политике империи, что не будет преувеличением сказать: когда войска Гейзериха начали осаду Гиппона Регия, они наступили на горло Западной Римской империи.

---

* Aug. Epist. 220; Olympiod. Fr. 42.

Бриллиант в короне

До нашего времени дошли два художественных изображения римской Северной Африки в средневековых копиях с позднеримских оригиналов. Оба они позволяют нам понять, какую роль играли эти края в Западной империи. Первая из них — Певтингерова таблица, копия карты римского мира, сделанная в Кольмаре (Рейнланд) около 1200 г. На ней изображен обитаемый мир, простирающийся от Испании и Британии (осталось, правда, лишь несколько фрагментов) через Средиземноморский мир до самой Индии. Свиток имеет 6,82 м в длину, но всего лишь 34 см в ширину. Мир на нем таков, каким его никогда не видели прежде. Изображение на нем очень сильно удлинено, по пропорциям очевидно, где оно было выполнено: примерно пять шестых всего объема отведено Средиземноморью и около трети — Италии. Северная Африка обозначена линией, растянувшейся книзу от западного побережья Италии. Прямо под тщательно выполненным изображением Рима почти столь же детально выписана Остия — большой римский порт. Через нее имперские налоги поступали в столицу. Ясно различимы маяк, волнорез, причалы и склады. Непосредственно под Остией — намного более скромно изображен Карфаген, главный город римской Северной Африки, обозначенный всего двумя башнями. Но несмотря на все географические странности, таблица обращает наше внимание на треугольник важнейших пунктов империи: Рим — Остия — Карфаген.

Природа этого треугольника хорошо видна благодаря другому позднеримскому изображению Африки: Notitia Dignitatum, помимо списков военных частей, содержит также и иллюстрированный перечень главных гражданских должностей империи вместе с их подчиненными. В верхней части изображения, сопровождающего упоминание о должности проконсула Африки, между чернильницей и столом, на котором лежит официальное письмо о

назначении, мы видим аллегорический образ провинции в виде женщины со снопом колосьев в руках*. Ниже по морю плывут корабли, груженные мешками с зерном. К IV в. Карфаген являлся портом, откуда подати с Северной Африки, вносившиеся зерном, потоком текли в Остию, где их перегружали на повозки и небольшие лодки и доставляли на небольшое расстояние в глубь территории, вверх по реке в Рим. Карфаген и его сельскохозяйственная округа отвечали за прокормление непомерно разросшейся столицы империи. Однако забота о пропитании населения Рима являлась лишь одной из сторон более масштабного явления. К IV в. Северная Африка стала экономической опорой римского Запада.

Учитывая ее прошлое, в этом нельзя не усмотреть иронию судьбы. Город Карфаген был основан примерно в 814 г. до н.э. финикийскими колонистами. Достигнув господства над окружающими территориями, в течение большей части последующих семи веков он соперничал с Римом за господство над Западным Средиземноморьем, дело не обходилось без жестокостей и кровопролития**. В 146 г. до н.э., когда после трехлетней осады Карфагена Третья Пуническая война подошла к концу, город разрушили, а место, на котором он стоял, символически вспахали и засеяли солью, чтобы не допустить возрождения этого великого врага Рима. С нашей современной точки зрения, странно воспринимать Северную Африку, которая теперь занимает второстепенное положение в эконо-

* Иллюстратор одной из позднейших копий этой рукописи ошибочно принял сноп за перевернутых вниз головой уток, возможно, уже окоченевших, поскольку Африка держит их за шеи, а тела их торчат вверх лапами.

** На деле соперничество между Римом и Карфагеном длилось меньше 120 лет — с 264 до 146 г. до н.э.; до 264 г. Рим вел тяжелые войны за господство в Италии, в которые Карфаген почти не вмешивался, занятый борьбой с сицилийскими греками. — *Примеч. пер.*

мике Западной Европы, как источник экономической мощи, которым она тогда являлась. Когда европейские колониальные державы начали проникновение в эти края в XIX в., европейцев той эпохи, как и многих современных туристов, поразило обилие остатков римской цивилизации, в особенности из-за контраста с голой пустыней, окружающей их*.

Бо́льшую часть Африки к северу от 15-й параллели занимает пустыня, простирающаяся на 10,25 млн кв. км. К югу, где под землей находится водный горизонт, над которым выпадает не больше 100 мм осадков в год, лежит зона разбросанных там и сям оазисов. В глубокой же древности эти края были куда более влажными, а водный горизонт находился на более высоком уровне, и в XIX в. поначалу предполагали, что причина процветания римской Северной Африки отчасти в намного более благоприятных условиях для занятий сельским хозяйством, чем впоследствии. Но почва здесь высохла задолго до возникновения Рима, примерно в 2000 г. до н.э. Лишь на территории, примыкающей к Средиземному морю, в качестве пережитка этой экологической эры сохранились львы, слоны, жирафы и другие виды животных, ныне обитающие лишь к югу от Сахары. Склоны североафриканских холмов могли покрывать леса, но в остальном природные условия были в римскую эпоху теми же, что и сегодня.

Не везде к северу от 15-й параллели царит засушливый климат: Египет, например, орошаем Нилом. Магриб, сердце римской Северной Африки, получает дождевую влагу с

* В конце 1941 г. ничего не смысливший ни в хронологии, ни в политике сержант британской 8-й армии после лекции начальника управления по общеобразовательной подготовке в Триполи о чудесах римской Северной Африки сказал: «Мы теперь знаем все об этих местах: здесь полно развалин зданий, поставленных перед войной итальянцами, но, насколько я вижу, теперь здесь полно лишь верблюдов и западных джентльменов по восточной части» (Western Oriental Gentlemen).

соседних плато*. В наше время в состав Магриба входят Тунис, Алжир и Марокко — обширная территория между горами Атласа и Средиземным морем, простирающаяся от 300 до 500 километров с севера на юг и до 2200 километров от Атлантического океана до залива Габес. Эти края холмисты, перемежаются участками пустыни, а их сельскохозяйственные возможности определяются строгим распределением дождевой влаги. Там, где средний годовой уровень осадков достигает 400 мм и выше, вполне можно выращивать пшеницу. К этой категории относятся широкие речные долины Туниса, большие равнины Алжира, а также часть территории Марокко на западе. Там, где уровень осадков колеблется от 200 до 400 мм в год, требуются определенные усилия по орошению, но средиземноморское сухое земледелие практикуется до сих пор. А там, где осадков выпадает от 100 до 200 мм в год, растут оливковые деревья — оливы требуют воды даже меньше, чем пальмы. Климат Северной Африки тогда, как и теперь, был постоянным и предоставлял возможности для производства самой различной продукции.

Поначалу после разрушения Карфагена в 146 г. до н.э. римская Африка управлялась напрямую из Рима. В ее состав входила лишь небольшая часть Магриба — примерно 13 тыс. кв. км северного и центрального Туниса, окруженных «царским рвом» (fossa regia), который тянулся от Табраки (совр. Табарка) до Гадрумета (совр. Сусс). Ее территория делилась на округа по 700 кв. км. За исключением шести небольших городов, которые оказали поддержку Риму в войне против Карфагена, многие из этих округов имели статус общественного достояния, земля сдавалась в долгосрочную аренду поселенцам, в то время как часть ее продавали со скидкой римским магнатам, которые хотели таким образом вложить свои средства. Этими большими распродажами объясняется то, что в IV в. старые сенатские

*Управление Триполитанией в римский период осуществлялось также из Карфагена.

фамилии (вроде фамилии Симмаха) до сих пор владели большими поместьями на этой территории — землями, которые из века в век передавались то одному, то другому лицу по праву наследования и в результате браков. Остальная часть Магриба по-прежнему оставалась в руках местных династов, но в следующем столетии эти правители стали все больше втягиваться в орбиту римского влияния, а римские поселенцы начали перебираться за «царский ров». Что касается большей части Средиземноморья, то эти процессы подготовили введение прямого римского правления: сначала в Нумидии (нынешний восточный Алжир) в эпоху Юлия Цезаря (46 г. до н.э.) — под тем предлогом, что последний из ее царей поддерживал Помпея, великого противника Цезаря; затем при Клавдии, когда две провинции были созданы в Мавритании (западный Алжир и Марокко). С этого времени весь Магриб стал римским, хотя по географическим соображениям управление им осуществлялось с двух разных континентов: западной Мавританией Тингитаной из Испании, а Мавританией Ситифенской, Нумидией, Проконсульской Африкой и Бизаценой — из Карфагена.

С самого начала римские власти наложили руку на потенциал наиболее орошаемых прибрежных земель, чтобы обеспечить снабжение Рима зерном. Расширенная Цезарем провинция Африка, названная Новой Африкой (Africa Nova), обязана была ежегодно отгружать в Рим 50 000 тонн зерна. Столетием позже, когда распространилось прямое правление, эта цифра повысилась до 500 000 тонн, и Северная Африка стала теперь житницей Рима вместо Египта, обеспечивая две трети его потребности в хлебе. Для обеспечения и ускорения этого потока зерна требовались серьезные усилия по развитию хозяйства*.

---

*Историки, изучавшие римскую Африку в XIX — начале XX в., предполагали, что широкомасштабная иммиграция из Италии играла важную роль в развитии этих краев. В определенных масштабах иммиграция, вероятно, имела место. Когда, на-

Главным приоритетом являлась безопасность. Учитывая тяжелый опыт XIX—XX вв., французские археологи (а некоторые из них были военными) считали, что «цивилизованной» жизни римлян в этих краях постоянно угрожали туземцы-берберы, придерживавшиеся кочевого образа жизни. Аэрофотосъемки 1930-х гг. выявили две линии укреплений и группу укрепленных домов и складских помещений на границе с пустыней, которые восприняли как свидетельство непрерывного противостояния. Не вызывает сомнений, что, как и повсюду на римских границах, небольшие набеги постоянно беспокоили население. Это могло привести к крупномасштабным волнениям. Лептисское дело, как мы указывали, началось с того, что племенного вождя сожгли заживо за какое-то преступление, и это привело к более серьезным столкновениям. Но ясно, что такие вещи происходили нечасто и большие конфликты не были многочисленными. За первые три столетия существования римской Африки требовалось не более одного легиона и некоторого числа вспомогательных сил (максимум 25 тысяч человек) для обеспечения мира и стабильности на всем ее огромном пространстве.

Более поздние исследования римских укреплений в римской Северной Африке показали, что, судя по размещению людей и строений, все это имело основной задачей управление кочевниками, а не конфронтацию с ними. Североафриканские номады уходили на зиму к югу в предпустынные районы, когда там оказывалось достаточно

пример, в 29 г. до н.э. на месте Карфагена была основана римская колония, из-за моря прибыли 30 тысяч италийских поселенцев. Кроме того, в результате того, что с 23 г. до н.э. в Африке разместился Третий легион, здесь появились поселения ветеранов, которые покупали усадьбы и основывали города — такие как Диана Ветеранорум, Тимгад, Турбурбо Майус и Джемиля. Но к III в. н.э. население подавляющего большинства из 600 римских городов Северной Африки составляли романизированные туземцы, так что роль иммигрантов не стоит преувеличивать.

воды, чтобы обеспечивать корм для их скота, и возвращались на север в земледельческие края с наступлением лета, когда предпустынная зона пересыхала. Римские солдаты и укрепления требовались здесь для того, чтобы заблудившиеся стада не вытаптывали посевы, сделанные людьми. Римляне продолжали успешно вести дела с кочевниками. Они охотно покупали их продукты и даже заметно снижали налог с продаж, что не подтверждает тезис о постоянной взаимной борьбе*. Даже в IV в. основные римские силы в Африке состояли из кавалерийских отрядов, которые больше годились для патрулирования и отражения случайных набегов, чем для больших сражений**.

Проблема безопасности была решена, и теперь местная инфраструктура могла развиваться. Римские легионеры построили в Магрибе в общей сложности более 19 тысяч километров дорог, которые служили как для военных целей, так и для облегчения перевозок товаров, в основном зерна, которое доставлялось на подводах в Карфаген и другие порты. Сам Карфаген был сочетанием красоты и практичности. По сути, это был двойной порт, доставшийся римлянам по наследству от основавших его финикийцев. От моря шел канал к внешней гавани, поначалу прямоугольной. Отсюда он тянулся уже к внутренней, круглой гавани, с «адмиральским островом» посредине. Корабли могли стоять в доке напротив внутренней стены и побли-

---

* В знаменитой надписи из Айн Зрайя (древний Зарай) сообщается, что, хотя подавляющее большинство товаров облагалось податью в 2—2,5 процента, животные и изделия номадов (текстиль, шкуры и др.) оценивались лишь на 1/3—1/5 процента выше.

** «Колониальную» точку зрения на Северную Африку можно найти в книге Бараде: Baradez, 1949. См. позднее имевший место ее пересмотр у Уиттэйкера: Whittaker, 1994, p. 145—151 и в сборнике статей Шоу (Shaw, 1995a, № 1, 3, 5, 6 и 1995b № 7). Общедоступные работы о римской Северной Африке см.: Raven, 1993; Manton, 1988.

зости от «адмиральского острова». Взяв все это за основу, римляне увеличили размеры внешней, прямоугольной гавани и во времена Траяна и Адриана в начале II в. н.э. превратили ее в шестиугольник. В античности известен и другой шестиугольный порт, весьма примечательный, — в Остии (построен при Траяне). В конце II или начале III в. круглый порт вновь был приведен в готовность, в центре острова построили классический храм, и большой бульвар с колоннадой протянулся от гавани до городского центра. Около 200 г. в городе построили сооружения, обеспечивавшие крупномасштабную навигацию. И Карфаген оказался лишь одним из многих портов на североафриканском побережье: Утика, например, могла принять 600 кораблей*. В начале III в. были также отремонтированы доки Лептис Магны.

Как мы видели в третьей главе, во все времена возможности правительства Римского государства ограничивались из-за примитивного характера бюрократических технологий. Оно имело склонность поручать исполнение жизненно важных функций от своего имени группам частных лиц. Африканские зерновые подати, или annona, представляли собой классический случай такого рода. Вместо того чтобы искать и контролировать тысячи работников, которые потребовались бы для труда на бескрайних общественных землях, оказавшихся в руках правительства в Северной Африке, оно сдавало невозделанные земли в аренду частным лицам в обмен на часть сельскохозяйственной продукции. Поскольку государство желало сдавать в аренду столько земель, сколько могло, условия аренды оно старалось сделать как можно более приемлемыми. Долгосрочная аренда позволяла наследственным держателям владеть землей более или менее постоянно, а также сдавать ее в субаренду третьим лицам.

---

*О Карфагене см.: Ennabli, 1972, p. 76—86; об Утике: Procop. Bella. III. 11. 13—15.

Проблемы навигации решались сходным образом. К IV в. империя создала могущественные коллегии судовладельцев (navicularii), которые должны были выполнять некоторые обязанности перед государством (хотя не всякий судовладелец входил в состав таких коллегий). Юридические кодексы проясняют общие принципы, на которых строились отношения между государством и навикуляриями. Главным приоритетом являлось обеспечение мореплавания — не только у берегов Африки, но и в других частях империи, особенно в Египте. Поэтому с присущим им коварством имперские власти делали членство в коллегиях наследственной обязанностью, приняв законодательные меры против всевозможных поблажек, требуя, чтобы всякая земельная собственность, единожды зарегистрированная за судовладельцем, всегда сохранялась за членом коллегии, даже если она продана, так что финансовая база коллегий в результате не могла бы истощиться. В свою очередь, государство оказывало судовладельцам поддержку, предоставляя им финансовые и иные привилегии. Они не были обязаны платить дополнительные налоги или выполнять общественные повинности, они пользовались защитой от каких-либо претензий на их собственность со стороны родственников. Наконец членов коллегий пожаловали всадническим достоинством (равнялся статусу гражданского служащего среднего ранга); их собственные сделки освобождались от налогообложения, и они должны были два года выполнять поручения государства. Иногда они получали государственную поддержку для обновления кораблей*. Государство таким образом создало мощный слой магнатов-судовладельцев с большими финансовыми и юридическими привилегиями.

Поступая так, государство, конечно, преследовало собственные цели. Но подобная крупномасштабная торговля

* В «Кодексе Феодосия» (XIII. 5 и 6) содержится длинный перечень важнейших государственных решений, относящихся к данному вопросу.

также стимулировала развитие местной экономики. Если в I в. н.э. главной задачей половины римской Африки было производство зерна (до 100 г.), то в следующем столетии это уже были оливковое масло и вино. Поскольку виноград и оливки требуют меньше воды, чем зерновые культуры, то крестьяне могли с большей выгодой использовать те особенности средиземноморского климата, которые присущи этим краям. Примерно со 150 до 400 г. Северная Африка, транспорту которой оказывали поддержку, а сельское хозяйство могло извлекать выгоды из превосходных условий, бурно развивалась.

Свидетельства этого разнообразны. Давно уже признано, что здания и надписи Северной Африки свидетельствуют о процветании здесь политической культуры, характерной для периода наивысшего подъема империи с обычным для нее соперничеством в борьбе за власть в местных городских советах, после того как в остальных частях империи начался упадок*. Недавние раскопки в сельской местности подтвердили, что процветание глубинки основывалось на расширении земледелия, когда число и благосостояние деревенских поселений значительно выросло, поскольку их обитатели продвинулись с севера в более засушливые районы, где могли произрастать лишь оливки. К IV в. оливковые рощи можно было увидеть на 150 километров в глубь от побережья Триполитании, где теперь их нет. Все это подтверждается анекдотическим, но тем не менее надежным свидетельством — надписью в честь восьмидесятилетия человека, который за свою трудовую жизнь вырастил 4000 оливковых деревьев (ILT. 243).

Также обращает на себя внимание огромное количество свидетельств того, что африканские товары свободно проникали на рынки по всему Средиземноморью. Наши

* Lepelly, 1979—1981. Даже в других краях эти перемены, как мы видели в третьей главе, были связаны скорее с перестройкой финансовой системы городов в условиях кризиса III в. и его политическими последствиями, нежели с упадком экономики.

знания об этом основываются на недавно разработанной археологами технологии по идентификации амфор для оливкового масла и вина из Северной Африки. В ее пределах были также широко распространены отличные товары, такие как столовая посуда, особенно краснолаковой разновидности. Учитывая, что транспортные издержки были обычным препятствием, не считая особо ценных товаров, то возникает вопрос, насколько прибыльной могла быть торговля за пределами Африки такими продуктами, как вино и оливковое масло, распространенными по всему Средиземноморью, или такими относительно дешевыми изделиями, как столовая посуда. Ответ на это заключается в поддерживавшейся государством транспортной системе. Она позволяла сократить связанные с мореплаванием издержки с помощью грамотно поставленной бухгалтерии, другие товары отправлялись с государственными грузами на возах, и африканские продукты свободно выдерживали конкуренцию во всем Средиземноморье. Государство обустроило экономическую инфраструктуру, преследуя собственные цели, и на местах из этого тоже извлекали выгоду, так что частное предпринимательство могло развиваться в рамках государственного варианта командной экономики.

И процветали не только переселенцы из Италии. Режим ирригации, использовавшийся в Северной Африке в позднеримский период, давно укоренился здесь: это и склоны холмов, устроенные в виде террас для удержания воды и предотвращения эрозии почвы, и водоемы, и родники, и ручьи, и тщательно обихоженные водораспределительные системы — вроде той, что упомянута в надписи из Ламасбы (Айн Мервана)*. Просто эти традиционные

---

*CIL. VIII. 18 587. Французские колониалисты считали, что именно европейские поселенцы принесли с собой новые ирригационные технологии — такие как 50-километровый акведук, который обслуживал Карфаген в позднеантичный период, — которые требовались, чтобы обеспечить расцвет Северной Аф-

способы сохранения воды использовались более активно. Возможность продавать излишки сельскохозяйственной продукции побуждала людей как можно более эффективно использовать каждую каплю воды и увеличивать производство этой продукции. Так поступали не только общины переселенцев, но и все остальные, включая старые племенные центры, такие как Волюбилис, Иоль Цезарея и Утика. Потребности побуждали африканских селян работать с размахом. И номады не оказывались в стороне от этого процесса: они выполняли по найму не только важнейшие работы в страдную пору в качестве передвижных бригад, но и их товары при этом пользовались особыми налоговыми льготами. Результаты были впечатляющими. Сохранилась надпись, в которой сообщается об успехах одного безземельного труженика, превратившегося в вожака бригады, работавшей в страдную пору, который скопил достаточно денег, чтобы купить участок земли и занять почетное место в совете родного города — Мактара*.

Со временем процветающие провинции римской Северной Африки стали обладателями внушительных капиталов. Хотя Карфаген IV в. (или, учитывая его полное римское название, Colonia Iulia Concordia Carthago) изображен в уменьшенном масштабе на таблице Певтингера, он был богатейшим римским центром. Особенно явственно это следует из текстов самого Августина и из данных недавних раскопок в тех краях. Покинутый вскоре после арабского завоевания Северной Африки в конце VII в., он стоял, словно окаменев, в ожидании, когда его откроют заново. В результате мы можем дополнить интереснейшими деталя-

рики. Однако это громоздкое сооружение поставляло воду в город для роскоши, а не для сельскохозяйственных нужд — например, для огромных бань Антонина.

*О надписи из Мактара, распространении сельского хозяйства и оливководства см.: Raven, 1993, p. 84—86, 92—96. Общий обзор находок, связанных с сельским хозяйством, см.: Mattingly, Hitcher, 1995.

ми описание Карфагена, сохранившееся в обзоре IV в. «Описание всего мира» (Expositio totius mundi):

«План [города] в высшей степени великолепен. И впрямь правильностью его улицы напоминают древонасаждения. [...] В нем есть Одеон* и порт чрезвычайно любопытного вида, где, как кажется, спокойное море совершенно позволяет кораблям пребывать в нем без страха в совершенной безопасности. Кроме того, ты найдешь здесь замечательную общественную постройку, квартал серебряных дел мастеров (vicus argentariorum). Что касается развлечений, то жителей интересует только одно — игры в амфитеатре» (Expos. totius mindi. 61).

Вы не найдете здесь то, что можно прочитать в современных путеводителях, но жизнь древнего города представлена в нем как рациональный, цивилизованный порядок на фоне варварской дикости (см. карту № 1), и ничто не символизирует это лучше, чем прекрасная правильная сеть городских улиц. Как показано в «Expositio totius mundi», в Карфагене было много больше обычного общественных зданий. Не считая Одеона и амфитеатра, это также предметы гордости — театр и цирк начала III в. н.э. на 70 тысяч мест для колесничных бегов. Ниже в приморском районе находился большой комплекс бань Антонина II в., а в центре города вокруг холма Бурса располагались суды, муниципальные здания и дворец наместника. Здесь также стоял куполовидный храм Памяти, где был убит Бонифаций.

Вокруг общественных зданий находилось множество частных домов. Некоторые из них, более крупные, обнаружили во время раскопок, несколько из них занимали большое пространство и отличались богатой многоцветной мозаикой, особенно «Дом греческого колесничего» и ношя-

---

* В английском переводе — music-hall (!). Остается поражаться отсутствию вкуса у английского переводчика (возможно, самого автора книги, который в любом случае этим «переводом» не постеснялся воспользоваться). — *Примеч. пер.*

щая поэтическое название «Вилла с частной баней». Но основная часть городских районов, где, видимо, проживало подавляющее большинство населения, не раскопана, и нам известно относительно немного «обычных» домов. Однако все говорит за то, что в Карфагене проживало порядка 100 тысяч человек — в IV в. больше было лишь население Рима и Константинополя, оно искусственно увеличивалось по причине поддержки продовольствием, которую оказывали их обитателям.

Общественные здания удовлетворяли многообразные культурные нужды*. Здесь исповедовались самые различные религии — от христианства в разных его формах до традиционных языческих культов со всякого рода восточными таинствами. И среди всего этого классическая культура. Например, Августин был латинистом высочайшего класса, который завершал свое образование в Карфагене. Он остался здесь для продолжения преподавательской карьеры, однажды одержав победу в состязании латинских поэтов. Награду ему вручил проконсул Африки Виндициан, сам человек большой учености, один из той группы тесно связанных между собой римлян, которые проводили короткий срок, обычно год, в качестве префекта города. (Наш старый знакомый Симмах исполнял эту долж-

* Зрелища в амфитеатре включали в себя что угодно — начиная от травли диких зверей, в которой двое охотников могли сражаться насмерть против девяти медведей, до непристойного изображения любовных похождений Юпитера и новых трюков вроде драм, разыгрывавшихся акробатами на натянутых канатах. В цирке можно было наблюдать чрезвычайно популярные колесничные бега, но молодой Августин особенно любил театр. В возрасте шестнадцати лет он приехал в Карфаген, вокруг него «кипела котлом позорная любовь»; об отношении к театру: «Но я тогда, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали: игра актера, изображавшего на подмостках чужое, вымышленное горе, больше мне нравилась и сильнее меня захватывала, если вызывала слезы» (Confess. III. 1 и 4. Пер. М.Е. Сергеенко).

ность в 373 г.) Такие события, как поэтические состязания, давали молодым честолюбивым людям возможность обратить на себя внимание наместника и использовать свою образованность и культурный уровень для продвижения в обществе. Покинув Карфаген, Августин приехал в Рим, а оттуда в Милан, ко двору Валентиниана II, окрыленный рекомендациями, которые обеспечили ему связи с такими людьми, как Виндициан и Симмах.

Карфаген IV в., таким образом, был крупнейшим культурным и, кроме того, экономическим центром Западной империи. Огромный и шумный, это был город, где стиснутые дома десятков тысяч простых людей являли резкий контраст с величественными общественными зданиями и особняками богачей. Но главное: много дававшая и мало требовавшая, Северная Африка была той курицей, которая несла золотые яйца для казны Западной империи.

«Последний истинный римлянин Западной империи»

Избыток налоговых поступлений из Северной Африки играл важную роль в подведении баланса империи. Без него Запад не смог бы содержать армию, достаточно мощную для того, чтобы оборонять другие, куда менее защищенные области. После смерти Констанция в 421 г. не только в Африке, но и повсюду на римском Западе иммигрантам предоставили полную свободу грабить где и что угодно. Франки, бургунды и алеманны совершали рейды через границу в Прирейнской области, что не облегчало ситуации; то же самое касалось ютунгов, действовавших в предгорьях Альп. На юге Франции восстали вестготы; их действия вызывали тревогу в главном административном центре области — Арле. В Испании на северо-западе активизировались свевы; их бесчинства затронули весь полуостров. С прибытием вандала Гейзериха в 430 г. на границу

Нумидии над всей Западной империей навис дамоклов меч.

И здесь главный удар принял на себя последний великий герой Западной Римской империи V в. — Флавий Аэций. Как мы уже видели, он возвысился в 433 г., одержав окончательную победу в яростной борьбе, последовавшей за восшествием на престол Валентиниана III. Нам также известно, что в молодости он провел немало времени в качестве заложника у Алариха в период, предшествовавший взятию Рима, и у гуннов в 410-е гг.; завязавшиеся тогда отношения впоследствии оказались ему полезны: он договорился с гуннами о помощи после гибели узурпатора Иоанна, а затем они помогли ему нанести поражение его противнику Себастиану. Разумеется, его никогда не выбрали бы в заложники, если бы он не имел политических связей на весьма высоком уровне. Его отец Гауденций, подобно Флавию Констанцию, происходил из семьи римских военных, выходцев с Балкан, точнее, из провинции Малая Скифия в Добрудже (современная Румыния). В начале своей карьеры, отправленный ко двору правителя Восточной империи, он занимал ряд штабных должностей. Но в 399 г., в период правления Стилихона, мы видим его командующим войсками в Африке. Опять-таки, подобно Констанцию, он, по-видимому, был военным с Востока, обратившим на себя внимание своими выдающимися качествами и вставшим на сторону Стилихона после смерти Феодосия I. Затем Гауденций женился на очень богатой наследнице сенаторского италийского рода; вершиной его карьеры стало назначение на должность командующего полевой армией в Галлии (*magister militum per Gallias*) в конце 410-х гг. Там он погиб во время событий, связанных с узурпацией (возможно, имевших отношение к узурпации Иоанна в 420-х гг.).

Сам Аэций также сделал военную карьеру, но возвысился до куда больших высот. Хотя он никогда не был императором, его можно назвать Октавианом своего време-

ни. Достигнув власти, он показал себя искусным политиком и сделал многое для восстановления благосостояния империи. Его современник, некий Ренат Фригерид, в отрывке, дошедшем до нас благодаря Григорию Турскому, так описывает этого человека:

«Он был среднего роста, крепок, хорошего сложения, т.е. не хилый и не тучный; бодрый, полный сил, стремительный всадник, искусный стрелок из лука, неутомимый в метании копья, весьма способный воин и прославлен в искусстве заключать мир. В нем не было ни капли жадности, ни малейшей алчности, от природы был добрым, не позволял дурным советчикам уводить себя от намеченного решения; терпеливо сносил обиды, был трудолюбив, не боялся опасностей и очень легко переносил голод, жажду и бессонные ночи»*.

Искусство в управлении конем и обращении с луком он, вероятно, также приобрел в то время, когда жил у гуннов, и он использовал оба свои умения, как и другие описанные выше качества, трудясь над исполнением своего великого плана: делом всей его жизни стало объединение империи Октавиана для следующего поколения.

Когда в 433 г. Аэций наконец установил свой контроль над Западной Римской империей, почти десятилетний паралич центральной власти оставил заметный след на всех ее территориях. Каждая из групп иммигрантов на западных и приграничных территориях, не подчиненных имперским властям, использовала открывшиеся возможности, чтобы укрепить свои позиции; так же поступали и те, кто находился вне границ империи. Кроме того, как уже было после пересечения Рейна, волнения, вызванные появлением иммигрантов, побудили местные римские общины к попыткам узурпации. В Северной Галлии, в осо-

---

*Greg. Hist. II. 8, цитата из Рената Фригерида. Пер. В.Д. Савуковой. Из новейших работ о происхождении, биографических данных, связях и окружении Аэция см.: Stickler 2002, 20—25, с указанием литературы и источников.

бенности в Бретани и в ее окрестностях, зачинщиками раздора стали так называемые багауды. Зосим упоминает другие группы с таким названием, пребывавшие в предгорьях Восточных Альп в 407—408 гг.; Гидаций сообщает в своей «Хронике», что они появились в Испании в начале 440-х гг.*. Историки с давних времен горячо обсуждают вопрос о том, что собой представляли эти люди. Сам термин восходит к III в., когда их именовали «деревенщиной и бандитами». Историки марксистской ориентации неизбежно видели в них революционеров, чья деятельность была связана с возникавшей время от времени волной народного протеста против неравенства, существовавшего в римском мире; по их мнению, они появлялись на сцене в периоды ослабления контроля со стороны центра. Конечно, багауды действительно появлялись в основном там, где контроль центра слабел из-за враждебных действий варваров, но сведения об их социальном составе не всегда свидетельствуют о том, что среди них были революционеры. Легкая нажива — это по определению то, что становится главным соблазном для смутьянов. Иногда те, кого именовали багаудами, представляли собой обычных бандитов. К примеру, те, что находились в Альпах в 407—408 гг., угрожали насилием и требовали денег у отступавшего через их территорию тогдашнего римского полководца. Но багаудами, по-видимому, именовали и группировки самозащиты, имевшие целью сохранить общественный порядок в местах своего проживания, куда более не могла дотянуться длинная рука государства. В 410-е гг. Арморика уже получила независимость, стремясь урегулировать беспорядки; позднее нечто подобное происходило в Испании**.

---

* Zos. VI. 2. 4—5; Hydat. Chron, 125, 128.

** Ревизионистские представления о багаудах см.: Drinkwater, 1993; Halsall, 1993; в них ведется спор с более давней, марксистской тенденцией интерпретации (см. ее пример в: Thompson, 1956).

Так или иначе, багауды вместе с варварами представляли собой повод для беспокойства. К лету 432 г. угроза распространилась и стало ясно, что конфликт неизбежен. В Северо-Западной Галлии ее создавали багауды; в Юго-Западной — вестготы; в приграничных областях Рейна и у подножия Альп — франки, бургунды и алеманны; в Северо-Западной Испании — свевы; в Северной Африке — вандалы и аланы. Строго говоря, большая часть территории Испании в течение 410-х гг. находилась вне контроля Рима. Учитывая также, что Британия уже давно отделилась от Западной империи, среди территорий, состояние которых с точки зрения империи можно было считать удовлетворительным, оставались лишь Италия, Сицилия и Юго-Восточная Галлия.

Чтобы хотя бы частично осветить выдающиеся достижения Аэция в урегулировании беспорядков в 430-е гг., обратимся к немногочисленным записям в хрониках, в которых, как правило, на события, происходившие в течение целого года, отводится не более двух-трех строк. Но кроме того, в нашем распоряжении имеется один памятник исключительной важности — Санктгалленский Кодекс (*Codex Sangallensis*) 908 г. — весьма потрепанная книга из древнего монастыря Св. Галла в Швейцарии, южнее озера Констанц. Она датируется примерно 800 г. н.э.; в ней имеется обширный перечень латинских вокабул — чрезвычайно уместный в хорошем монастыре эпохи Каролингов, где монахи знали классическую латынь. Однако частично этот перечень написан на страницах, которые уже использовались ранее, и в результате тщательного исследования (проведенного в 1823 г.) было установлено, что один из текстов палимпсеста, записанный сверху вокабулами, состоит из восьми фолио из рукописи V или VI в., созданной латинским ритором по имени Меробавд. Он родился в Северной Испании и был потомком имперского военачальника франкского происхождения, носившего то же имя и известного в 380-е гг. Труд Меробавда уцелел в этой един-

ственной копии (если не считать одного короткого стихотворения на религиозную тему), так что нам следует поблагодарить каролингского монаха, выполнявшего грязную работу по выскабливанию листа, за то, что хоть что-то из писаний Меробавда уцелело. Правда, к несчастью, чтобы страницы годились по размерам для новой книги, монахи их обрезали: первоначально размер составлял 260 мм на 160 мм, тогда как в обрезанном виде — 200 мм на 130 мм. Поэтому ученым удалось прочитать лишь четыре коротких стихотворения и фрагменты двух более длинных панегириков: около 100 строк из первого и 200 из второго. (Аналогичные тексты того времени насчитывают около 600 строк.)

Виртуозность работ Меробавда* свидетельствует о том, что он получил полное латинское образование, прежде чем отправиться ко двору правителя Западной Римской империи в Равенне. Здесь мы можем различить его след благодаря еще одной находке. Будучи не только искушенным в словесности человеком, но и, подобно своему предку, военным, он сделался преданным сторонником Аэция: он сражался под его началом на войне, а позднее воспевал ему хвалу, выступая как оратор. За все эти услуги он был вознагражден: 30 июля 435 г. ему воздвигли бронзовую статую на форуме Траяна (!)**. В том же году его возвели в сенаторское достоинство в награду за ранее написанный панегирик Аэцию (который не дошел до нас); он отлично сражался в Альпах. Впоследствии его наградили титулом патриция; в конце концов он стал верховным военачальником *(magister militum)* полевой армии в Испании. Дело не только в том, что случай Меробавда показывает, что *Romanitas* — идея римского духа — по-прежнему владела

* Меробавд использовал разнообразные формы: от латинской прозы до гекзаметра, элегического дистиха, фалекийского стиха.

** База статуи и посвятительная надпись до сих пор сохранились (CIL. VI. 1724).

отдельными варварами к вящей славе римской литературы, но и в том, что близость этого автора к Аэцию дает нам счастливую возможность узнать, какое восприятие и какую интерпретацию своих достижений последний считал удачными, какое впечатление он хотел произвести на окружающих*.

Наиболее раннее из уцелевших сочинений — около 100 строк первого панегирика — датируется приблизительно летом 439 г. Для того чтобы более или менее восстановить присутствовавшее в тексте доказательство, от него сохранилось слишком мало, но то, как в нем представлен Аэций, говорит само за себя**:

«Твое ложе — голый камень или тонкий слой земли; ты проводишь ночи, бодрствуя, дни — в трудах; более того, ты добровольно переносишь невзгоды; твои доспехи — не столько защита, сколько [повседневное] одеяние... не величественное зрелище, но образ жизни... И если тебе выпадает передышка от войн, ты осматриваешь позиции, или города, или перевалы, или широкое раздолье полей, или переправы через реки, или глядишь в даль дорог, изыскивая, какое место подходит более всего для пехоты или кавалерии, где лучше атаковать, безопаснее отступать, где лучшие условия для стоянки. Так, даже перерывы между боями ты обращаешь на пользу в деле войны».

Ношение доспехов как черта образа жизни — мастерский «пиаровский» ход, равно как и то, что Аэций использует любой перерыв в военных действиях, чтобы расширить с точки зрения стратегии и тактики свои представления о возможных местах битв. Но то был не только имидж — то была правда. В 430-х гг. Аэций вел одну кампанию за другой, многие заканчивались успешно, и все

---

* Общие сведения о Меробавде см.: Clover, 1971, где рассматривается и рукопись, и вопросы издания и перевода поэм; дальнейшее обсуждение см. в PLRE, vol. II, p. 756—758.

** Ниже (если не указано иное) цитируются первый и второй панегирики Меробавда.

свидетельствовало о том, что вскоре империя вновь поднимется на ноги, как было при Констанции двумя десятилетиями ранее.

Хроники содержат краткие упоминания многих из этих кампаний; во втором панегирике Меробавда, написанном в 443 г. в честь второго консульства Аэция, они перечисляются в хронологическом порядке. Общий итог за период с момента получения власти Аэцием в 432 г. и до конца десятилетия впечатляет. Правду сказать, он начал одерживать победы одну за другой задолго до того, как покончил с Феликсом и Бонифацием; достигнутые им успехи сыграли важную роль в его борьбе за власть. Он осуществлял общее командование войсками в Галлии с 425 по 429 г. и выиграл кампании против вестготов в 425 или 426 г., оттеснив их от Арля, а также отвоевал часть прирейнских земель у франков в 427 г. В 430—431 гг., приняв вслед за Феликсом командование войсками в Италии, он нанес поражение ютунгам-алеманнам и подавил волнения в Норике, а затем уничтожил банду разбойников-вестготов близ Арля; в 432 г. он вновь разбил франков*.

С 433 г., когда его господство в политике упрочилось, Аэций смог предпринять более масштабные действия по стабилизации империи. Рассудок подсказывал ему, что хотя армии Запада по-прежнему были сильны, с их помощью нельзя решить все проблемы одновременно. В особенности его тревожили конфликты, развернувшиеся на двух театрах военных действий сразу: с одной стороны, с враждебными партиями в Галлии и на ее границах, с другой — с Гейзерихом и коалицией вандалов и аланов в Северной Африке. Он предпочел не делить свои силы — такой шаг всегда опасен и оставляет мало надежд на успех, — а попросить помощи у Константинополя. Помощь явилась

* Восставшие именуются «норы», но о существовании этого племени, жившего здесь до римского завоевания, не упоминается в течение нескольких столетий, так что они вполне могли представлять собой очередную группу псевдобагаудов.

в лице военачальника Аспара, одного из предводителей армии, которая возвела Валентиниана на трон в 425 г.; с ним пришло многочисленное войско. Аэций извлек урок из ошибки Констанция. Не пытаясь занять трон, что вызвало бы неудовольствие помешанного на династическом вопросе восточного императора Феодосия, он удовлетворился тем, что пользовался властью на деле, но не номинально, продолжая благодаря этому пребывать в хороших отношениях с Константинополем и пользоваться помощью Восточной империи. О том, что произошло далее, мы практически ничего не знаем. Нам известно, что Аспар, базировавшийся в Карфагене, начал боевые действия, дабы сдержать вандалов и аланов; этого оказалось достаточно, чтобы вынудить Гейзериха пойти на переговоры. 11 февраля 453 г. были обнародованы их итоги: вандалы и аланы получали часть территории Мавритании и Нумидии и в том числе города Калама и Ситифис (см. карту № 9), но по условиям договора Аспару удалось защитить большую часть Нумидии, а также две богатейшие африканские провинции — Проконсульскую Африку и Бизацену*.

Теперь, когда Аспар прикрыл один фланг Аэция, тот смог взяться за решение проблем в Галлии. Для этого ему потребовалась дополнительная помощь — настолько они были серьезны. Констанций использовал вестготов, чтобы установить контроль над другими группами интервентов. Однако теперь амбиции вестготов значительно возросли, к тому же они в любом случае представляли собой часть общей проблемы: на римской территории находилось слишком много вооруженных группировок иноземцев. Аэций нуждался в военной помощи извне, по крайней мере до тех пор, пока вестготов не удастся ввести в прежние рамки. Из Константинополя она прийти не могла, так как Восточная Римская империя уже оказалась вовлечена

*О чем сообщается в таких источниках, как PLRE, vol. II, 166; ср. Courtois, 1955, 155—171; Stickler, 2002, 232—247.

в североафриканские события. Единственные, к кому ему оставалось обратиться, были гунны — силы, которые, возможно, также привлекал Констанций. Гунны уже сыграли важнейшую роль в карьере Аэция. То, что он сумел обеспечить их отход из Италии в 425 г., спасло его от неминуемой смерти (ведь он поддерживал узурпатора Иоанна); кроме того, гуннская армия помогла ему вернуть власть после того, как он потерпел поражение от Бонифация. Итак, первым его побуждением, как сказано в первых строках уцелевшего фрагмента второго панегирика, написанного Меробавдом, было вновь обратиться к ним за помощью: Аэций «вернулся на Дунай с миром и освободил Танаис [на реке Дон] от безумия; он повелел раскаленным землям и почерневшим небесам освободиться от привычного для них пожара войны. Кавказ дал отдых мечу, и его свирепые цари прекратили бои».

Возможности Аэция, разумеется, простирались вовсе не так далеко, как следовало из слов Меробавда. Он пытался создать у аудитории представление, будто Аэций установил порядок на землях Скифии, Северного Придунавья и на востоке Германии. Эта область, как мы видели в пятой главе, подпала под власть гуннов самое позднее с 420 г. О том же, что они заставили Аэция заплатить высокую цену за свою помощь, Меробавд умалчивает. Прежде гунны служили в римской армии за плату. На сей раз Западная империя, по-видимому, окончательно разорилась — ведь ей пришлось провести так много дорогостоящих войн, и к тому же значительная часть территорий, принадлежавших ей в прежние времена, более не приносила доходов. Или, быть может, гуннам на сей раз хотелось чего-то иного? Так или иначе, Аэций вынужден был уступить гуннам, передав под их контроль территорию вдоль р. Сейв в Паннонии. Меробавд нигде не упоминает об этом, хотя все его слушатели должны были знать, что случилось. Лучший способ справиться с затруднениями зачастую состоит в том, чтобы вовсе не говорить о них. В любом случае

в обмен на территориальные уступки Аэций получил продолжительную военную помощь от гуннов, а это позволило ему совершить немало хорошего в Галлии*.

Как сообщает Меробавд, в ходе событий угроза приграничным районам Галлии оказалась практически сведена на нет: «Зимний Рейн, прибавивший угодные [нам] соглашения и довольный тем, что управляется отныне удилами Запада (Рима), радуется тому, что воды Тибра поднялись меж своих берегов».

В одном случае Аэций предпринял особенно решительные действия. Он был сыт по горло вторжениями бургундов в Бельгику, которые те предприняли в 436 г., и вновь обратился к гуннам за помощью. На следующий год королевство бургундов понесло урон от серии опустошительных нападений (один источник, Гидаций, сообщает о гибели 12 тысяч бургундов), и Аэций расселил оставшихся в живых (теперь — наказанных союзников Рима) по соседству с Женевским озером. Обезопасив границу, он обратил свое внимание на внутренние территории Галлии. Римские войска вместе с союзниками-аланами провели аналогичную «работу» с багаудами Арморики, которые подняли восстание под предводительством некоего Тибатто в 435 г. Таким образом, к 437 г. власть Рима была восстановлена на всем северо-западе империи. Как отмечает Меробавд, «местный житель, ныне куда более кроткий, пересекает пустоши Арморики. Земля, привыкшая скрывать в своих лесах награбленное добро, добытое в кровожадных преступлениях, начала новую жизнь [букв. утратила свои прежние пути] и учится вверять зерно нетронутым [прежде] полям». Аэций также предпринял шаги для долгосрочной стабилизации в области, простирающейся от Орлеана до бассейна Сены.

---

* Prisc. Fr. 11. 1, p. 243; датировка и продолжительность этой концессии вызвала множество споров; для получения общего представления см.: Maenchen-Helfen, 1973, p. 87 и след.

Теперь у него появилась возможность усмирить вестготов. Пока он разбирался с бургундами, в 436 г. разразилось второе восстание вестготов, куда более опасное, нежели предпринятое ими прежде наступление на Арль в середине 420-х гг. Теперь они вновь двинулись на юг, но на сей раз осадили Нарбонн. И вновь Аэций принял вызов. Набрав из числа гуннов побольше войск ауксилиариев, он предпринял мощную контратаку и вынудил вестготов отойти к Бордо. Кровопролития прекратились в 439 г. — со стороны римлян не обошлось без тяжелых потерь, — однако условия договора 418 г. были подтверждены. Относившаяся сюда часть второго из сохранившихся панегириков 443 г. утрачена, но поражение вестготов, очевидно, было делом недавнего прошлого, когда Меробавд писал первый панегирик в 439 г. В уцелевшем от него отрывке детально описывается поражение вестготов от руки Аэция близ Змеиной горы («которую древние назвали Змеиной, будто движимые предчувствием, ибо здесь яд, [отравлявший] государство, ныне был уничтожен») и «ужас, внезапно охвативший короля вестготов», когда тот увидел «растоптанные тела» своих погибших соратников*. Это племя варваров не было уничтожено, однако его натиск удалось сдержать, и с некоторой помощью своих друзей-гуннов Аэций буквально сотворил чудо, чтобы стабилизировать обстановку в данной области по прошествии более чем десяти лет со времен конфликта.

Сходные события разворачивались в Испании. Значительному облегчению ситуации способствовало удаление отсюда вандалов и аланов; лишь свевы оставались здесь во множестве на северо-западе. Там, где, как пишет Меробавд, прежде «ничто более не находилось под нашей властью... воинственный мститель [Аэций] открыл занятую [прежде] дорогу; изгнал мародеров» — на самом деле они покинули Африку по собственной воле — «и отвоевал за-

* Merobaud. Paneg. fr. IIB.

гражденные прежде дороги, и возвратил людей в покинутые ими города». Некоторые из местных жителей, в особенности хронист-епископ Гидаций, хотели, чтобы Аэций спустился с Пиренеев во главе армии, но тот, по-видимому, оказал помощь в основном в форме дипломатического давления. Вскоре свевы и коренное население Галлеции урегулировали отношения между собой, достигнув своего рода компромисса, и в провинциях, оставленных Гейзерихом, вновь восстановилось некое подобие порядка.

Достижения Аэция в течение 430-х гг. поражают. Франки и алеманны оказались оттеснены за Рейн, бургунды и багауды повсеместно усмирены; Аэций не дал осуществиться намерениям вестготов; большая часть Испании вновь перешла под контроль империи. Не случайно во мнении Константинополя Аэций был последним истинным римлянином Западной империи*.

Но как раз в тот момент, когда Меробавд ставил последнюю точку в последнем из своих сочинений во славу Аэция, а сам Аэций собирался отправить столь верно служившие ему доспехи в чистку, на горизонте вновь показалась грозовая туча. В октябре 439 г., по прошествии четырех с половиной лет мирной жизни, силы Гейзериха вырвались из своей резервации в Мавритании и вторглись в богатейшие провинции Северной Африки. Но это не стало для них легкой прогулкой. Им пришлось с боями прокладывать себе путь в Карфаген; как сказано в речи, созданной сразу по прошествии этих событий, «где Африка, та, что была для всего мира словно сад наслаждений?.. Не наказан ли наш город [Карфаген] за то, что он не пожелал извлечь урок из наказания, понесенного другими провин-

*Соответствующие упоминания в источниках см., например: PLRE, vol. II, p. 24—25; новейший комментарий с исчерпывающими сносками на источники см.: Stickler, 2002, p. 48 ff. Прокопий в «Войнах» именует Аэция (и Бонифация) последними римлянами.

циями? Не осталось никого, чтобы похоронить мертвецов; ужасная смерть осквернила все улицы и здания, весь город. И подумайте, о каком зле мы ведем речь! Матери семейств уведены в плен; беременные женщины перебиты... дети исторгнуты из рук кормилиц и брошены умирать на улице... Нечестивые власти варваров дошли до того, что потребовали, чтобы женщины, некогда владевшие множеством рабов, были унижены настолько, что стали служанками варваров... Всякий день до наших ушей доходят вопли тех, кто при их натиске лишился мужа или отца» (Quodvultdeus. II. 5).

Хотя этот отрывок представляет собой скорее морализаторскую риторику, нежели непосредственное описание событий, тем не менее в нем достоверно воссоздана картина разрушений, о которых сообщают другие римские источники. Ни один удар не наносил империи такого урона. В один миг Гейзерих вырвал из-под контроля Аэция богатейшие провинции Западной Римской империи, что грозило финансовым кризисом. Как власти могли допустить это? Вероятно, из-за того, что четыре с половиной года царил относительный мир, люди, думая, что Гейзерих собирается и дальше соблюдать условия договора 435 гг., утратили бдительность. Я подозреваю, что из-за нестабильности в других областях империи держать войска в Карфагене, руководствуясь принципом «а что, если?..», было просто невыгодно. В частности, война против вестготов, закончившаяся как раз перед тем, как Гейзерих нанес свой удар, потребовала участия буквально всех и каждого, кто был способен носить оружие. Поэтому в ситуации, когда гарнизон Карфагена оказался ослаблен до минимума, хитрый вандал получил все карты в руки.

Но осенью 439 г. римлянам было не до взаимных обвинений и тем более не до учреждения комиссий по расследованию случившегося. Нужно было решительно действовать, чтобы вернуть Карфаген и его провинции под контроль Рима. Примерно в это время в небольшом стихотво-

рении, написанном ко дню рождения сына Аэция, Гауденция (ему исполнялся год), Меробавд замечает, что «пламенный вождь» римлян «заслужил отдых» и может на один день передать свой жезл Гауденцию*. Но в тот момент это было невозможно — и Аэций вновь не уклонился от выполнения своего долга. Ряд законов, изданных от имени Валентиниана III весной 440 г., свидетельствует об ощущении близости кризиса. 3 марта восточным торговцам были дарованы особые привилегии, дабы гарантировать поставки продовольствия в Рим: тот факт, что подвоз зерна из Африки прекратился, беспокоил Аэция не в последнюю очередь. Тот же закон предписывал принять меры по приведению в порядок римских оборонительных сооружений и убедиться, что каждый знает, в чем состоят его обязанности в вопросах охраны города. 20 марта другой закон возвещал о начале мобилизации и грозил строжайшими наказаниями тем, кто будет укрывать у себя дезертиров (Nov. Val. 5.1, 6.1). Третий закон — от 24 июня — дозволял людям носить оружие, «поскольку неясно, учитывая летние возможности для мореплавания, к каким берегам могут пристать вражеские корабли».

Однако эти меры носили частный характер и предназначались для того, чтобы предотвратить набеги вандалов, начавшиеся, как и следовало предположить, когда открылась навигация. В частности, Гейзерих предпринял ряд нападений на Сицилию; так, он осадил главную военно-морскую базу острова в Паноpме; осада продолжалась больше месяца. Аэций, однако, мыслил шире. Указания на его планы по восстановлению ситуации различимы в законе от 24 июня: несмотря на все насущные проблемы, в нем выражалась уверенность в том, что «армия непобедимейшего императора [Восточной империи] Феодосия, Отца нашего, вскоре явится и... Мы верим, что Доблестнейший Патриций Аэций вскоре прибудет сюда с боль-

* Merobaud. Carmen IV.

шими силами» (Nov. Val. 9). Аэций находился за пределами Италии, собирая все доступные ему силы, но ключом к успеху, учитывая сокращение ресурсов Западной империи с 406 г., должны были стать переговоры с Константинополем о помощи. И здесь вновь проявилась мудрость Аэция, который не пытался добиться пурпура для самого себя.

В конце 440 г., когда погода испортилась и вандалам пришлось вернуться в Карфаген, на Сицилии начала собираться объединенная имперская армия: 1100 кораблей для перевозки людей, лошадей и провианта. «Большие силы» Аэция прибыли на остров, и здесь к ним присоединились значительные по численности экспедиционные части с востока. Количественные данные относительно римских войск отсутствуют в источниках, но такого множества судов было достаточно, чтобы перевезти несколько десятков тысяч человек. О величине восточной армии можно также судить по тому факту, что командование ею разделили между собой пять военачальников: Ареовинд, Ансила, Иновинд, Аринфей и Герман. Пентадий, везучий чиновник из Константинополя, ответственный за снабжение, впоследствии получил повышение в награду за то, что сумел одолеть кошмарные трудности, связанные с отправкой экспедиции*. Все было подготовлено для контрудара, в результате которого Карфаген должен был вернуться под власть Рима. Конец марта, когда можно было возобновить мореплавание между Италией и Северной Африкой после обычного зимнего перерыва, должен был стать свидетелем величайшего триумфа Аэция. Но армада так и не отплыла, западные и восточные войска вернулись на свои базы, и множество сил администраторов оказалось потрачено впустую.

---

* О силах, прибывших с востока, см.: Theophan. AM. 5941; о Пентадии CJ. 12. 8. 2. Позднейшие комментарии см.: Courtios, 1955, p. 171—175.

Причины и следствия

Почему же объединенные экспедиционные силы так и не тронулись в путь? Подсказка для ответа на этот вопрос содержится в панегирике Меробавда, написанном в ознаменование второго консульства Аэция в 443 г. После того как Меробавд перечисляет старые победы Аэция 430-х гг., а затем обсуждает его качества как руководителя в мирное время, его тон внезапно меняется. Он обращается к образу Беллоны, богини войны, сожалеющей о временах мира и изобилия, наступивших благодаря Аэцию:

«Меня презрели. Итак, все уважение к моему царству прекратилось из-за бед, которые следовали одна за другой [имеются в виду победы Аэция и мир с вандалами]. Я изгнана из волн [морских] и не могу властвовать на земле»*.

Но, будучи уважающей себя богиней войны, она не собирается мириться с таким положением дел и отправляется на поиски Энио, своей давней союзницы:

«Сидя здесь на выступающем утесе, жестокая Энио затаила свое безумие, обращенная в бегство из-за длительного мира. Она была несчастна, ибо мир был свободен от несчастий. Она стонет в печали, глядя на радость [других]. Ее уродливое лицо покрыто отвратительной грязью, а одежда до сих пор выпачкана засохшей кровью. Ее колесница перевернулась, а упряжь повисла без движения. Перья на ее шлеме поникли».

Затем Беллона побуждает Энио возвратить «безумие» войны, и панегирик заканчивается тем, что все призывают Аэция к тому, чтобы он занял свое обычное место во главе римских армий:

«Пусть Аэций не доверяет другим ратный труд, но воюет сам, пусть он возродит к новой жизни славу прежних побед; пусть военные трофеи не станут его наставниками,

* Paneg. II. 51—53. Далее приводятся две цитаты из Paneg. 61—67, 2. 98—104.

и безумная жажда золота не побудит его отказаться от [прежнего] духа во имя забот о несущественном; вместо этого пусть достойная награды любовь к оружию и мечу, не ведающему крови [жителей] Лация, но омоченному в крови из горла врага, явят его непобедимость — и вместе с тем нежность».

Смысл этого пассажа безошибочно угадывается. Возникла новая угроза, совершенно не имевшая отношения к тому, что могли натворить вандалы, и Аэцию нужно было возвратиться и облачиться в доспехи, дабы вновь спасти римский мир. Именно эта угроза вынудила войска, собравшиеся на Сицилии, вернуться на свои базы, оставив тем самым Карфаген в руках вандалов. И Западной Римской империи предстояло самой справиться с последствиями успешных действий Гейзериха.

Таким образом, в 442 г. возникла угроза со стороны вандалов, позволившая Гейзериху взять под контроль Проконсульскую Африку и Бизацену, а также, вероятно, часть Нумидии. Западная Римская империя вернула себе власть над территориями, дарованными ему в 435 г.; законы свидетельствуют о том, что Рим впоследствии установил свое правление в обеих Мавританиях (Ситифенской и Цезареи) и в оставшейся части Нумидии*.

После заключения мирного договора Гейзерих, получив то, что желал, хотел проявить великодушие. Дань в виде зерна (хотя, вероятно, его количество значительно уменьшилось) продолжала поступать в Рим из провинций, оказавшихся под властью вандалов; его старший сын Гунерих был послан к имперскому двору в качестве заложника. Однако успех Гейзериха невозможно переоценить. Если по закону от 24 июня 440 г. он объявлялся «врагом Нашей Империи», то после 442 г. его формально признали царем-клиентом империи и даровали ему титул *rex socius et amicus* («союзный король и друг»). Более того, римляне

* Nov. Val. 34: 13 июля 451 г.

пошли на вопиющее нарушение традиции «заложничества»: Гунерих обручился с Евдокией, дочерью императора Валентиниана III. Как мы видели ранее, примерно за тридцать лет до этого шурин Алариха Атаульф женился на матери Валентиниана, Плацидии, сестре правившего императора Гонория. Но этот союз не был одобрен двором. Теперь впервые между представителями королевской семьи варваров и императорской фамилией заключался законный брак. По-видимому, стоило претерпеть подобное унижение, дабы поставки продовольствия в Рим продолжались*.

Фрагменты сочинений Меробавда содержат два фрагмента, написанных после заключения этого мира. В панегирике 443 г. комментируется происшедшее:

«Занявший Ливию [Гейзерих] осмелился разрушить роковым оружием трон царства Дидоны [Карфаген] и заполонил цитадели Карфагена ордами северян. С тех пор он сбросил личину врага и возгорелся пламенным желанием поскорее укрепить веру римлян [в его дружелюбие], заключив соглашения уже от себя лично, сочтя римлян за своих родственников и соединив своих потомков и их потомков брачными узами. Итак, в то время как вождь [Аэций], облачившись в тогу, наслаждается благами мира и отдает распоряжения, заняв консульское кресло, пребывает в мире, избегая звуков военных труб, даже эти войны повсюду отступили, восхищаясь его нарядом триумфатора» (Paneg. II. 25—33).

Меробавд намекает, что с захватом Северной Африки ничего нельзя было поделать, и в то же время подчеркивает, что Аэций блестяще вышел из трудной ситуации, склонив Гейзериха (выступившего в роли просителя) к мирному союзу с империей. Пропагандистские ноты звучат и в коротком стихотворении о мозаике:

---

* Основные условия договора 442 г. см.: Procop. Bella. III. 14. 13, а также Clover, 1971.

«Сам император в полном блеске своего величия вместе со своей супругой изображен в центре потолка [в императорской столовой], словно две звезды в небесной выси; он — спасение земли и достоин поклонения. В присутствии нашего защитника новый изгнанник внезапно начинает рыдать об утраченной власти. Победа возвратила мир тому, кто получил его по праву рождения, а блестящая свита доставила ему невесту из дальних краев» (Carm. 1. 5—10).

«Изгнанник» — это Гунерих, присутствие которого при дворе символизировало подчинение его народа Риму. Однако урон, нанесенный его чести, будет частично возмещен предполагаемым браком, столь милостиво дозволенным Римом. В 442 г. утрата Карфагена, перешедшего в руки вандалов и аланов, была представлена как победа Рима, точь-в-точь как сдача провинций и городов Иовианом персам в 363 г., причем по тем же самым причинам. Невозможно было даже предположить, что империя, хранимая Богом, потерпела поражение: нужно было сохранять видимость контроля над ситуацией, а там будь что будет.

Все это, разумеется, не смягчало катастрофических последствий нового договора. В Африке Гейзерих продолжал делать выплаты своим соратникам, чего они ожидали, и это было насущно необходимо для его политического выживания. Чтобы добыть необходимые суммы, он конфисковал владения сенаторов в Проконсульской Африке — к примеру, те, что принадлежали потомкам Симмаха, — и перераспределил их между своими соратниками. Эти поместья назвали *sortes Vandalorum* («наделы вандалов»*). Существует влиятельная точка зрения, сторонники которой утверждают, что вандалы получали доходы с государственных земель, а не вступали в полно-

---

* При слове «наделы» у нас возникают образы вандалов и аланов на окраинах Карфагена: они ухаживают за участками, где посадили овощи, строят сараи и сравнивают, чьи кабачки крупнее. И на самом деле эти ассоциации не так уж неуместны: см. следующее примечание.

правное владение недвижимостью. Но этому решительно противоречит тот факт, что в 484 г. Виктор из Виты пишет о преследованиях христиан-католиков в их «владениях», которые начал Гунерих*. Это, безусловно, доказывает то, что они получали именно земельные наделы. Мы также располагаем еще одним свидетельством в пользу нашей точки зрения, во временно́м отношении куда более близким к началу 440-х гг. В юридических текстах, относящихся сюда, упоминается значительное число сенаторов, изгнанных из Северной Африки в то время; в других источниках также встречаются отдельные примеры. В переписке одного сирийского епископа находится досье, включающее в себя не менее восьми рекомендательных писем для одного изгнанного из Северной Африки землевладельца, Целестиака, и дело женщины по имени Мария, которая, проведя некоторое время на Востоке, наконец встретилась со своим отцом на Западе. Земли, конфискованные у этих изгнанников, давали средства, необходимые для основания поселения.

Важно также рассмотреть политику расселения с точки зрения вандалов. Имелась группа иммигрантов, которые более тридцати трех лет следовали за своими предводителями из Центральной Европы через Францию, Испанию, а затем далее по Северной Африке. Они преодолели расстояния в тысячи километров и выиграли бесчисленное множество сражений против римских войск. Многие из этих кампаний закончились успешно, но эти вандалы и аланы понесли тяжелые потери, в особенности в Испании

---

*Vict. Vit. II. 39. Эти сведения я заимствую у Модерана (Moderan, в печати), который — с излишними, на мой взгляд, подробностями — пересказывает точку зрения Гоффарта (Goffart, 1980, not. 67—68), что вандалы, поселившиеся [в Африке] после 439 г., просто-напросто перераспределили налоги. Предположение Гоффарта основывалось скорее на доказательстве по аналогии, нежели на тщательном анализе североафриканских данных. Касательно историографии этого вопроса см. далее.

между 416 и 418 г. в боях с объединенными силами вестготов и римлян под командованием Констанция. Теперь же, или по крайней мере после заключения в 442 г. мирного договора, они получили в полное свое распоряжение богатейшие провинции Западной Римской империи, причем их власть не оспаривалась никем. Неудивительно, что теперь они предвкушали величайшую награду за все, что испытали, и за верность своим вождям, которую они хранили с 406 г. Если бы Гейзерих не удовлетворил их ожиданий, его голова, вероятно, оказалась бы по соседству с головами римских узурпаторов, которые по-прежнему гнили на кольях где-то на окраинах Карфагена. Учитывая эти обстоятельства, я считаю, что вандалы и аланы ни в коей мере не могли ограничиться присвоением налоговых выплат — они желали стать полноправными хозяевами земли. Но я в то же время не думаю, что им хотелось всерьез заниматься сельским хозяйством. В конце концов, изгнанию подверглись римские землевладельцы, а не крестьяне-арендаторы, так что можно с уверенностью утверждать, что все те же самые крестьяне продолжали хозяйствовать на тех же самых участках земли, что и прежде. Разница была лишь в том, что ренту теперь платили новым землевладельцам.

Но вышесказанное относится только к Проконсульской Африке. На остальной территории Северной Африки, оказавшейся под контролем Гейзериха (то были Бизацена и часть Нумидии), дальнейшие конфискации земли не проводились. Проконсульская Африка представляла собой наилучшее место для расселения по двум причинам. Во-первых, прошлое этой территории было таково, что среди тамошних землевладельцев насчитывалось немало римских сенаторов, которые постоянно проживали за пределами провинции (например, семья Симмаха и другие), так что их изгнание оказалось бы сопряжено с наименьшими скандалами. Во-вторых, Проконсульская Африка обладала тем стратегическим преимуществом, что находилась вблизи Сицилии и Италии, а военные угрозы

со стороны Рима в дальнейшем могли исходить именно оттуда.

Очевидно, для многих землевладельцев в Африке прибытие вандалов и последовавший в 442 г. мирный договор означали финансовую и личную катастрофу. Государство делало, что могло, дабы облегчить их положение. В четвертую годовщину дня взятия Гейзерихом Карфагена Валентиниан временно ввел иммунитет против финансовых законов для тех, кто «выселен, нуждается и изгнан из своей страны». Они не должны были подвергаться преследованиям ростовщиков, если не обладали «богатством в других местах и не сохраняли платежеспособность». Равным образом их нельзя было преследовать в связи с финансовыми делами, связанными с событиями, имевшими место до их изгнания, и никто не имел права взимать с них проценты за их займы. Вполне вероятно, что сразу по прибытии в Италию в 439—440 гг. изгнанники часто прибегали к займам, так как в тот момент все ожидали, что Карфаген вскоре вернется в руки римлян. После заключения в 442 г. мирного договора эти надежды развеялись, и Валентиниан предпринял действия по защите изгнанников, не способных выполнить долговые обязательства. Примерно семь лет спустя, вероятно, после дальнейшего лоббирования, государство проявило еще большее великодушие. 13 июля 451 г. Валентиниан издал новый закон:

«Постановляю, что... следует предпринять разумные меры по отношению к дигнитариям [сановникам] и землевладельцам, лишившимся имущества в результате опустошений, учиненных врагом, а именно: великодушие императора-августа, насколько это возможно, компенсирует то, что было отъято жестокой судьбой».

В Нумидии, часть которой находилась в руках вандалов в течение семи лет, разделявших заключение двух мирных договоров, император даровал налоговые послабления на пять лет владельцам тринадцати тысяч наделов в надежде на то, что это позволит им вновь наладить произ-

водство. Он также предоставил денежные займы. В двух провинциях Мавритании — Ситифенской и Цезарее — те, кто лишился владений в Проконсульской Африке или Бизацене, получили преимущество при раздаче внаем общинных земель, тогда как у других землевладельцев, пострадавших меньше, были отняты прежде арендованные ими территории. Через двенадцать лет после взятия вандалами Карфагена некоторые землевладельцы, изгнанные из Проконсульской Африки, получили надежду на хотя бы частичное возвращение своих богатств за счет получения земель в Мавритании; опять-таки мы видим, что Римское государство защищало класс землевладельцев.

Но ущерб, нанесенный государству в целом, невозможно было возместить так легко. После 442 г. часть налоговых выплат из Северной Африки — они составляли главную статью доходов в бюджете Западной империи — полностью прекратилась, а оставшиеся уменьшились на 7/8. По условиям договора, как мы уже видели, Бизацена и Проконсульская Африка полностью вышли из-под контроля центральных властей империи, и если подвоз зерна оттуда все-таки продолжался, то налоги перестали поступать; прочие же провинции Северной Африки либо продолжали оставаться под властью империи, либо были возвращены ей. 21 июня 445 г. Валентиниан издал налоговый эдикт, касавшийся этих последних, из которого мы узнаем, что Нумидия и Ситифенская Мавритания на тот момент выплачивали в качестве налогов лишь одну восьмую от прежних сумм. Вдобавок обычно они облагались некоторыми дополнительными налогами в виде средств к существованию, которые выдавали солдатам, и здесь жители Африки также выиграли от сокращений. Формально это вспомоществование следовало взимать в виде продовольствия и фуража, но зачастую вместо этого выплачивалось золото; на обитателей Африки распространили специальный тариф в четыре солида (т.е. золотые монеты) — они взимались с каждого плательщика вместо обычных пяти. По сути дела, выплаты уменьшили на 20 процентов!

Утрата лучших провинций Африки в сочетании с сокращением налоговых поступлений из остальных африканских территорий на 7/8 стала для Западной Римской империи финансовой катастрофой. Ряд директив, изданных в 440-е гг., содержит безошибочно узнаваемые свидетельства последовавших финансовых затруднений. Первоначально, т.е. в 440—441 гг., были предприняты усилия по максимальному увеличению налоговых поступлений с тех территорий, которые продолжали приносить доходы. В том же русле администрация действовала, издав закон от 4 июня того же года, направленный на частичное искоренение практики имперских чиновников — палатинов, взимавших при сборе налогов дополнительные проценты в свою пользу. 14 марта 441 г. администрация закрутила гайки еще сильнее: земли, арендованные на год у фиска (императорской казны) на льготных налоговых условиях, теперь предписывалось сдавать в аренду за обычную плату; то же касалось и церковных земель. Вдобавок закон затрагивал всю совокупность не столь значительных податей, ранее не распространявшихся на владения высших сановников: в число входили сборы на «строительство и починку военных дорог, изготовление оружия, восстановление стен, annona* и прочие общественные работы, позволяющие нам защищать государство наилучшим образом». Впервые ни для кого не делалось исключений, и вот как это объяснялось:

«Императоры прежних времен... даровали эти привилегии лицам, пользовавшимся всеобщей известностью в эпоху [всеобщего] процветания; ущерб другим землевладельцам был наименьшим... Однако в нынешнее трудное время подобная практика не только несправедлива, но и... невозможна».

Таким образом, Западная Римская империя, государство, где учитывались прежде всего интересы землевладельцев, в 440-х гг. было вынуждено значительно сокра-

---

*Хлебное обеспечение Рима и соответствующий налог. — *Примеч. пер.*

тить примечательный список налоговых льгот, так долго предоставлявшихся наиболее ценимой им группе электората. Когда отсутствие налоговых выплат дало себя знать, «грандам» при дворе пришлось урезать привилегии и права, которые они обычно сами себе предоставляли. Что могло красноречивее свидетельствовать о глубине кризиса фискальной системы!

Историки Рима зачастую полагают, что поздняя империя тратила примерно две трети своих доходов на армию, и эта цифра более или менее верна. Следовательно, когда доходы империи катастрофически упали, армия должна была пострадать от этого в наибольшей степени. Другие сферы, где можно было бы урезать финансирование, отсутствовали. И, как и можно было ожидать, частичных мер 440—441 гг. оказалось недостаточно, чтобы компенсировать общие потери, происшедшие из-за сокращения поступлений доходов из Африки. В последней четверти 444 г. в очередном имперском законе признавалось:

«Мы не сомневаемся: всем людям приходит на ум, что нет ничего более важного, чем подготовить многочисленную сильную армию... на случай, если для государства настанут трудные времена. Но из-за различных расходов мы не смогли провести соответствующие приготовления... кои должны явиться залогом всеобщей безопасности... и ни для тех, кто недавно дал присягу, поступив на военную службу, ни даже для закаленной в боях армии тех вспомоществований, что разоренные налогоплательщики выделяют с великим трудом, по-видимому, не хватает, и, судя по всему, из этого источника невозможно получить достаточно поступлений, чтобы одеть и прокормить [солдат]».

Признавая «разорение» налогоплательщиков, правительство предприняло смягчающие ситуацию меры, дабы завоевать их симпатии: изданный центром закон вводил новый налог с продаж величиной примерно в 4 процента, который в равных долях выплачивали покупатель и продавец. Закон недвусмысленно гласил, что, учитывая теку-

щее состояние ситуации с налогами, империя не может поддерживать армию такой величины, которую требуют обстоятельства. Нет оснований сомневаться в том, что это было действительно так.

Невозможно сказать, насколько значительная дыра в бюджете Западной Римской империи возникла вследствие утраты Северной Африки, но мы можем рассчитать уменьшение военных сил, вызванное прекращением налоговых выплат из Нумидии и Ситифенской Мавритании. Основываясь на цифрах, приведенных в законе 445 г., можно сделать вывод, что общую потерю в деньгах в последнем случае, вследствие новых послаблений, следует оценить в 106 200 солидов ежегодно. Пехотинец-комитатенс, постоянно находящийся на службе, получал приблизительно 6 солидов в год, а кавалерист — 10,5. Это означает, что сокращение налогов, поступавших только из Мавритании и Нумидии, повлекло за собой уменьшение армии примерно на 18 тысяч пехотинцев или на 10 тысяч кавалеристов. Здесь, конечно, не принимается в расчет полное прекращение налоговых поступлений из гораздо более богатых провинций — Проконсульской Африки и Бизацены, так что в целом сокращение выплат из всей Северной Африки должно было ознаменоваться уменьшением армии на 40 тысяч пехотинцев или 20 тысяч кавалеристов. И разумеется, эти потери последовали сразу за теми, что произошли раньше, начиная с 405 г. К 420 г., как мы видели в пятой главе, тяжелые потери полевой армии удалось смягчить, улучшив войска гарнизона (а не в результате набора в элитные соединения полевой армии). Мы не располагаем версией списков войск Notitia Dignitatum (по-латыни — *distributio numerorum*) для 440-х гг., но если бы мы имели их, то в них, безусловно, отразилось бы дальнейшее ухудшение состояния армии с 420-х гг. Следовательно, лишь масштабная новая угроза могла вынудить Аэция отозвать объединенную экспедицию войск Востока и Запада и принять эти катастрофические последствия.

Откуда исходила эта угроза? Меробавд, по крайней мере в уцелевших фрагментах панегирика 443 г., не выражается точно, ограничиваясь намеками. Беллона, богиня войны, замечает: «Я призову народы, обитающие далеко на севере, и фасисский странник станет плавать в устрашенном Тибре. Я смешаю народы, я разорву договоры, связующие царства, и придворная знать будет ввергнута в смятение моими бурями». Затем она отдает приказы Энио: «Заставь толпы дикарей воевать, и пусть Танаис, бушующий в неведомых странах, выпустит стрелы из скифских колчанов».

Полчища лучников-скифов? В середине V в. это могло означать лишь одно — гуннов. И именно гунны создали новую проблему; именно они стали причиной того, что экспедиция в Северную Африку так и не отплыла с Сицилии. Как раз тогда, когда происходили последние приготовления к ее отправке, гунны вторглись через Дунай на территорию Восточных Балкан, принадлежавшую Риму. Константинопольские войска, предназначенные для похода на Карфаген — все они были взяты из Придунавья, — пришлось немедленно отозвать, бросив всякие попытки уничтожить Гейзериха. Однако в 420—430-х гг. гунны были главным союзником, помогавшим Аэцию удерживать власть и давшим ему сокрушить бургундов и укротить вестготов. За этим изменением отношений стоит еще один персонаж, сыгравший важнейшую роль в падении Римской империи. Пришло время обратиться к личности Аттилы.

Глава седьмая

АТТИЛА ГУНН

В течение более чем десятилетия, с 441 по 453 г., главным содержанием истории Европы стали беспрецедентные по масштабу военные акции; это было делом рук Аттилы, «бича Божия». Мнения историков о нем самые раз-

личные, вплоть до самых противоположных. После Гиббона в нем готовы были видеть гениального полководца и дипломата. Эдвард Томпсон, писавший в 1940-х гг., прямо-таки стремился установить рекорд, выставляя его совершенной бездарностью. Современникам-христианам полчища Аттилы представлялись бичом в руках Творца. Эти массы язычников прокатились по Европе, гоня перед собой войска избранных Богом римских императоров. Римская имперская идеология могла с успехом обосновать победу, но объяснить поражение, к тому же понесенное от рук язычников, ей было уже не так просто. Почему Господь попустил неверным одолеть Его народ? В 440-е гг. Аттила Гунн, опустошив пространство от Константинополя до ворот Парижа, поставил этот вопрос так, как он не стоял никогда прежде. Как выразился один из современников, «Аттила почти всю Европу втоптал в прах»*.

Утрата Африки

Аттила появляется на страницах истории как соправитель, деливший власть над гуннами со своим братом, Бледой. Оба унаследовали власть от своего дяди, Руа (или Руга; в ноябре 435 г. он был еще жив)**. Первое из зафиксированных источниками восточноримских посольств к Ат-

* Мнения об Аттиле см.: Thompson, 1996, p. 226—231; Maenchen-Helfen, 1973, p. 94 ff. Труды Томпсона и Менхен-Хельфена являются наиболее значимыми из работ на английском языке. Цитата взята из «Хроники» Марцеллина Комита (447. 2). Несколько лет назад меня попросили заново переработать старую статью, посвященную Аттиле, в «Оксфордском словаре христианской церкви». Мне сообщили, что я могу изменять все, что пожелаю, но должен сохранить эпитет «бич Божий».

** Один из наших источников датирует смерть Руа 434 г., но это очевидная ошибка (Maenchen-Helfen, 1973, p. 91—94).

тиле и Бледе было направлено спустя некоторое время после 15 февраля 438 г., так что, похоже, братья пришли к власти лишь в конце 430-х гг., возможно, в 440 г. Их дебют принес с собой перемены в политике, как обычно и бывает при смене правления. Первые контакты с Константинополем увенчались решением о возобновлении существовавших прежде отношений между обеими сторонами. Их представители встретились близ города Марга на Дунае в Верхней Мезии (карта № 11). Историк V в. Приск сообщает нам детали этой встречи*: «Гунны считали для себя неприемлемым вести переговоры, сойдя с лошадей, поэтому римляне, блюдя собственное достоинство, решили встретить их таким же образом, чтобы не вышло так, что одна сторона держит речь верхом, а другая — спешившись».

Главным пунктом нового соглашения стало увеличение суммы ежегодных выплат, причитавшихся гуннам, с 350 фунтов золота до 700 фунтов. Кроме того, в договоре были прописаны условия, на которых мог состояться возврат римских пленников, а также где и каким образом должны были проводиться ярмарки; наконец, было оговорено, что с территории гуннской державы перебежчиков римлянам выдавать не будут. Однако обновленные статьи соглашения, за исключением возросших платежей, не удовлетворяли новых властителей гуннов. Вскоре после этих событий, во время ярмарки, вероятно, зимой 440/41 гг., гуннские «торговцы» внезапно обнажили мечи и захватили римский форт, в котором проводилась ярмарка, убив солдат и несколько римских купцов. Согласно Приску, когда римское посольство заявило протест, гунны в ответ заявили, будто «епископ Марга проник на их территорию в поисках захоронений их королей и присвоил ценности, хранившиеся там». Однако наш Индиана Джонс в образе епископа был всего лишь предлогом. Воспользовавшись возможностью еще раз поднять проблему перебежчиков,

* Следующие три цитаты взяты из Приска: Prisc., frr. 2, 6.1, 6.2.

Аттила и Бледа угрожали войной в том случае, если те гуннские перебежчики, которых в то время удерживали римляне и епископ, не будут немедленно выданы. Когда же этого не произошло, гунны дождались наступления сезона военных действий, с большими силами переправились через Дунай и захватили форты и города вдоль границы, включая главную военную базу римлян в Виминации.

В этой ситуации епископ Марга запаниковал и заключил с гуннами сделку, посулив сдать им свой город, если они откажутся от обвинений в его адрес. Аттила и его брат ухватились за шанс овладеть еще одним опорным пунктом и воспользоваться теми возможностями, которые предоставлял этот захват. Марг был тем ключом, который отмыкал главную римскую военную дорогу через Балканы, и гунны поспешили осадить следующий ключевой пункт вдоль этой дороги — город Наисс (современный Ниш). Близ Наисса дорога разветвлялась: одна ветка уходила более или менее прямо на юг, в сторону Фессалоник, другая вела на юго-восток, через Сердику (София) к Константинополю. Это пересечение путей стоило того, чтобы им овладеть, и на этот раз мы располагаем (благодаря Приску) подробным рассказом о последовавшей осаде: «Когда... огромное множество [гуннских осадных] орудий было придвинуто к стене... защитники на бастионах пришли в замешательство под градом метательных снарядов и оставили свои позиции; были подведены и так называемые «бараны». Это очень большое орудие. Бревно подвешено на цепях, свисающих с брусов, которые наклонены друг к другу, и снабжено острым металлическим наконечником и щитами... для защиты тех, кто им действует. С помощью коротких канатов, прикрепленных к тыльной части бревна, воины с силой тянут его в противоположную сторону от цели, предназначенной для удара, а затем отпускают... Со стен защитники обрушивали вниз валуны размером с повозку... Несколько [«баранов»] они уничтожили вместе с прислугой, однако они не могли выстоять против огром-

ного множества орудий. Затем враг приставил к стене штурмовые лестницы... Варвары проникли внутрь там, где окружавшая город стена была разрушена ударами «баранов», а также благодаря штурмовым лестницам... и город был взят».

Впоследствии этот отрывок возбудил большие подозрения. Он содержит явные отсылки к самому знаменитому античному описанию осады из всех известных: это рассказ Фукидида об осаде Платей в 431 г. до н.э. в самом начале Пелопоннесской войны. Традиционно проведение подобных параллелей воспринималось как свидетельство того, что весь текст был сфабрикован. Однако от античных авторов ожидали подобных проявлений их эрудиции, и аудитория всегда получала удовольствие, узнавая эти аллюзии. Нет никакой нужды отвергать сам факт осады как некую фантазию только из-за того, что Приск заимствовал несколько фраз из труда хорошо известного историка*. Во всяком случае, нам известно, что Наисс был взят гуннами в 442 г.

В ходе своей первой военной кампании против Восточной Римской империи Аттила и Бледа показали, что они обладают военным потенциалом, достаточным для захвата всех крепостей римского оборонительного рубежа. Маргом им удалось овладеть благодаря военной хитрости; однако Виминаций и Наисс являлись крупными и хорошо укрепленными центрами, и тем не менее гунны сумели их захватить. Это свидетельствовало о серьезном нарушении баланса военной мощи между римским миром и варварским на европейском театре войны. Как мы уже видели, последний мощный натиск на Балканы был предпринят готами между 376 и 382 г.; и тогда, хотя им удавалось захватывать небольшие форпосты или вынуждать римлян к их эвакуации, большие укрепленные города они оставляли за спиной. В результате, даже порой претерпев жестокий голод,

* Ср. мнения на сей счет в Thompson, 1945 и Blockley, 1972.

римские города на Балканах пережили ту войну более или менее невредимыми (см. гл. IV). То же самое относится к Западной Германии. В то время как римские силы были скованы гражданскими войнами, варварские объединения на рейнской границе получили возможность наводнить обширные участки имперской территории; пример — алеманны после гражданской войны между Магненцием и Констанцием II в начале 350-х гг. Правда, все, что им удалось тогда сделать, — это занять городские предместья и разрушить небольшие форты. Они даже не пытались захватить крупные укрепленные города, такие как Кельн, Страсбург, Шпейер, Вормс или Майнц, которые остались более или менее нетронутыми*. Теперь же гунны были в состоянии предпринимать успешные осады подобных твердынь.

Ни один источник не сообщает нам об истоках этой мощи. Принесли ли гунны ее с собой из степи, стала ли она их недавним достижением? Осадные орудия едва ли могли им пригодиться в борьбе против готов или других племенных объединений севернее Черного моря — сообщения о гуннских военных акциях начиная с 370-х гг. фокусируют внимание на их искусстве как конных стрелков в открытом бою. Однако если наши гунны являлись осколком прежней конфедерации хунну (см. гл. IV), последней, безусловно, приходилось предпринимать осады городов в ходе войн с Китайской империей. Кроме того, к концу античной эпохи даже наиболее отсталым племенным объединениям степняков приходилось захватывать богатые укрепленные города вдоль Великого Шелкового пути или по крайней мере облагать их данью. Таким образом, и здесь способность предпринять правильную осаду должна была иметь важное значение**. С другой стороны, до нача-

---

*Iulian. Ep. ad Athen. 279 A-B; Amm. Marc. XVI. 2 sqq.; ср. Matthews, 1989, Ch. 6.

**Очерк, посвященный городам, расположенным вдоль Великого Шелкового пути, см. в работе: Boulnois, 1966.

ла 440-х гг. гунны определенно состояли на службе у Аэция, а до него, вполне возможно, у Констанция, так что близкое знакомство с римской военной организацией легко могло стать источником их опыта: в иные времена римская техника и вооружение быстро заимствовались неримлянами. Не далее как в 439 г. гуннские вспомогательные войска находились в составе западноримской армии, осаждавшей готов в Тулузе, и могли непосредственно наблюдать за ходом осады. Подводя некий итог, отметим, что, вполне очевидно, захват гуннами Виминация и Наисса свидетельствовал о появлении новой военной силы. Наконец, не менее важным для успешной осады на войне было наличие людских ресурсов. Люди требовались для постройки и обслуживания осадных орудий, рытья окопов и участия в решающем приступе. Как мы увидим ниже в этой главе, даже если постройка осадных орудий была возможна благодаря давнему опыту, людские ресурсы в таких масштабах оказались в распоряжении гуннов лишь недавно.

Каковы бы ни были ее истоки, способность варваров овладеть ключевыми укрепленными центрами явилась тяжелым стратегическим потрясением для Римской империи. Неприступные города-крепости были важнейшей опорой той власти, которую империя осуществляла на своих землях. Однако сколь бы серьезное значение ни имел захват Виминация и Наисса, самым главным в этот момент было то, что гунны выбрали для своего первого конфликта с Константинополем то самое время, когда на Сицилии концентрировались объединенные экспедиционные силы Востока и Запада с целью попытаться отвоевать Карфаген у вандалов. Как мы уже отмечали, большая часть восточноримских войск, предназначенных для участия в этой экспедиции, была взята из состава полевых армий на Балканах, и об этом, вне всяких сомнений, гуннам было хорошо известно. Информация слишком свободно пре-

одолевала римскую границу, чтобы можно было сохранить в тайне переброску значительного количества войск из пунктов их обычной дислокации*. Я полагаю, что, с такой готовностью согласившись поднять размер ежегодной дани до 700 фунтов золота в начале правления Аттилы и Бледы, власти в Константинополе попытались купить себе достаточно длительную передышку, чтобы осуществить африканскую экспедицию. Если так, то эти планы с треском провалились. Откупиться от гуннов не удалось; напротив, те решили еще больше воспользоваться временным ослаблением римлян и, предвкушая грабеж, двинули свои полчища через Дунай. Таким образом, властям в Константинополе не оставалось иного выбора, кроме как отозвать войска с Сицилии; после беспрецедентной утраты трех крупных баз — Виминация, Марга и Наисса (хотя последний, вероятно, еще не был взят, когда отдавались соответствующие приказы) — едва ли можно их за это винить. Теперь гуннские войска прочно оседлали главную военную дорогу через Балканы и нацелились непосредственно на Константинополь. Даже не приближаясь к Северной Африке, первая военная акция Аттилы вынудила обе половины империи отказаться от проекта чрезвычайной важности. Гунны нанесли римскому миру стратегический удар, последствия которого по своим масштабам ничем не отличались от того, который был нанесен персами двумя столетиями раньше. Однако история Аттилы Гунна на этом, разумеется, не кончается. У него был длинный послужной список, и в течение следующего десятилетия обеим половинам Римской империи предстояло ощутить его мощь.

---

*Аммиан Марцеллин (XXXI. 10. 3—5) дает отличный пример разведывательной деятельности по обе стороны границы начиная с зимы 377/78 г. Алеманны узнали о перемещениях римских войск от отставного гвардейца; кроме того, они осуществляли наблюдение своими силами.

Порфирогенет

Первый стратегический удар, нанесенный римскому Западу начавшейся гуннской агрессией в 440-х гг., достаточно хорошо освещен в источниках, тогда как в отношении других аспектов правления Аттилы ясности меньше. Будучи неграмотными, когда они впервые обрушились на границы Европы в 370-х гг., гунны оставались такими же и 70 лет спустя, поэтому их повествований даже о величайших своих правителях не существует. Наши римские источники, как всегда, в гораздо большей степени посвящены политическому и военному натиску чужеземных племенных объединений на границы империи, нежели рассказу об их внутренних делах, поэтому всегда есть сугубо интересные моменты (особенно в области внутренней истории этих объединений), которые получают мало освещения или не получают никакого. Как и в случае с Олимпиодором для первых двух десятилетий V в., нам остается лишь оплакивать утрату «Истории» одного римского автора: это человек по имени Приск (уже цитированный в этой книге), выходец из города Пания во Фракии. Однако нам вновь повезло, поскольку несколько значительных извлечений из его «Истории» сохранилось в трудах лишенного реальной власти византийского императора X в., которого звали Константин VII Порфирогенет.

Прозвание «Порфирогенет» является ключом к пониманию драмы этого средневекового императора. Рожденный в 905 г., он был сыном императора Льва VI Мудрого, который умер, когда Константину было всего лишь семь лет. X в. стал временем имперской экспансии, когда политическое единство исламского мира рухнуло, а его обломки в приграничных областях Малой Азии и на Ближнем Востоке сделались легкой добычей византийских армий. Военные победы влекли за собой регулярное распределение добычи и земельных владений, в результате чего в Константинополе появился слой самоуверенных и често-

любивых военачальников, которые конкурировали друг с другом в борьбе за политическую власть. Константин, однако, обладал неоспоримым преимуществом, действительно родившись в пурпуре. Это обстоятельство сделало его идеальным источником легитимности, впоследствии распространенной на одного победоносного полководца (в результате брачного союза или вследствие возведения его в ранг соправителя). Однако именно здесь и коренилась проблема. Протеже императора стал настолько могущественным, что лишь в течение последних 14 лет своей жизни, с 945 по 959 г., Константин VII формально являлся единственным правителем империи, хотя даже тогда был скорее номинальной фигурой*. Во время длительных промежутков политической бездеятельности, перемежавшихся случайными событиями, достойными упоминания, его царствование походило на правление императора Гонория, о драме которого мы говорили в V и VI главах. Но если Гонорий, насколько нам известно, почти ничем не занимал свой досуг, за исключением переживаний по поводу очередной узурпации, то Константин VII посвятил себя Культуре с большой буквы. В частности, его тревожило то обстоятельство, что Византия теряла связь со своим классическим наследием.

Он замыслил фантастический проект сохранения классического знания посредством объединения извлечений из всех значительных трудов античности: «Осознав всю необъятность этих сочинений, о которой затруднительно даже помыслить и которая представляется мне совершенно непреодолимой и тяжкой, я почел за благо разделить ее и расположить в порядке, чтобы сделать широко доступным все то, что она содержит полезного» — так он сам говорит в предисловии к одной из своих компиляций. Предполагалось создание грандиозного свода в составе

---

*О его жизни и событиях того времени см.: Toynbee, 1973; Runciman, 1929.

53 книг с такими несопоставимыми названиями, как «Извлечения о победах» или «Извлечения о народах». Нам известны названия 23 книг, однако целиком или частично из них сохранились лишь четыре*. Они одни составляют шесть объемистых томов в прекрасном современном издании; считается, что это лишь 1/35 изначального проекта Константина. Единственной из всех этих книг, пережившей Средние века без потерь, оказался уникальный манускрипт под номером 27 — «Извлечения о посольствах». Этот труд делится на две части: «Посольства от римлян к чужеземцам» и «Посольства от чужеземцев к римлянам». Впрочем, даже эта книга уцелела лишь чудом. Рукописный оригинал погиб во время пожара в королевской библиотеке Эскориала (Мадрид) в 1671 г., но, к счастью, прежде с него была снята копия**. Обе половины рукописи под номером 27 содержат обширные выдержки из «Истории» Приска, навеки обязывая нас перед памятью Константина. Без них наши знания об Аттиле были бы практически сведены к нулю.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Названия книг в труде Константина VII были точными, если не краткими, и «Извлечения о посольствах» посвящены именно последним. Сведения военного и иного характера попадаются там время от времени, однако главной темой эксцерптов является дипломатия. Поэтому, в то время как мы прекрасно осведомлены о дипломатических отношениях между Аттилой и Константинополем, в которых — как мы скоро увидим — Приск сам играл важную роль, нам очень мало известно об акциях гуннской военной машины, а также о внутренней политике создавшего ее племенного

* То, что мы располагаем частью 50-й книги, свидетельствует о том, что из корпуса в 53 книги некогда существовала большая часть; цитата взята из «Предисловия» к извлечениям Константина «О добродетелях и пороках».

** Подробнее о проекте Константина см. Lemerle, 1971, p. 280—288.

объединения. Предполагается (отчасти это очевидно), что в значительной степени данная тематика была неплохо освещена в утерянном тексте Приска. Однако что нам не помешало бы и чего у нас нет — это утраченные «Извлечения о крупных сражениях между римлянами и чужеземцами», если Константин VII вообще написал такую книгу. Одна из потерянных книг была озаглавлена «Извлечения о победах», но, если иметь в виду, что гунны оставались победоносными, то, очевидно, этот труд не мог содержать в себе много материала из «Истории» Приска. В то время как мы располагаем большей частью его великолепного описания дипломатических отношений между римлянами и гуннами, нам приходится внимательно изучать тексты, гораздо меньшие по объему, в поисках подробностей походов Аттилы и других событий его правления.

Как ниспровергается могущество

Транспортная система в античности была такова, что восточноримский контингент экспедиционных войск, предназначенный для операций в Северной Африке в 441 г. и отозванный с Сицилии в том же году, не сумел вернуться на Балканы вовремя, чтобы избавить Константинополь от унижения, которое заключалось в необходимости заключить мир после падения Наисса в 442 г. Его статьи нам точно неизвестны, поскольку помощники Константина VII не удосужились извлечь соответствующий фрагмент из «Истории» Приска, однако их общий смысл вполне ясен благодаря ссылкам на этот договор в ходе последующих переговоров. Как и следовало ожидать, сумма ежегодных платежей вновь возросла: по-видимому, она составляла 1400 фунтов золота в год; в 447 г. эта сумма увеличилась до 2100 фунтов, что делает цифру 1400 промежуточной (накануне вторжений 441—442 гг. платежи оставались на уровне 700 фунтов в год). Эта

цифра также должна быть достаточно высокой, поскольку к 447 г. накопился долг в 6000 фунтов. Кроме того, гуннское руководство снова подняло вопрос о перебежчиках и римских пленных, и эти вопросы, без сомнения, были также решены в пользу гуннов*.

Методы работы Константина VII означают для нас то, что целостное повествование Приска о событиях 440-х гг. утеряно безвозвратно, поэтому уцелевшие фрагменты истории дипломатии надлежит расположить в хронологическом порядке в соответствии со сведениями из других источников. В этом случае реконструкция зависит от степени достоверности сочинения византийского хрониста Феофана, писавшего в IX в. Если в общих чертах принять на веру сообщаемые им данные и в соответствии с ней расположить фрагменты Приска, то можно заключить, что после военных акций 441—442 гг. Аттила провел еще две успешные операции против восточноримских войск на Балканах: одну — в 443 г., когда римская армия была разбита на Херсонесе Фракийском, вторую — в 447 г., когда гунны угрожали стенам Константинополя. Впрочем, достоверность Феофана была всерьез поставлена под сомнение Отто Й. Менхен-Хельфеном**. Этот неординарный ис-

* Здесь я следую главным образом Менхен-Хельфену: Maenchen-Helfen, 1973, p. 116—117.

** Работа с его книгой отчасти напоминает работу с «Историей» Приска. Как объясняет во введении издатель этой книги, в начале января 1969 г. ее автор принес «превосходно напечатанную» на машинке рукопись в издательство California University Press, однако спустя всего несколько дней он скончался. Оказалось, что рукопись представляла собой не законченное произведение, а лишь несколько глав, так что, несмотря на множество изданий, книга в том виде, в котором она была в конечном счете опубликована, остается в высшей степени отрывочной, ибо автор опустил большое количество связанных с его темой эпизодов. Однако все это (опять-таки, как и в случае с фрагментами Приска) отнюдь не сказалось на качестве текста.

следователь, занимавшийся историей гуннов, в 1929 г. провел несколько месяцев среди тюркоязычных кочевников в Северо-Западной Монголии; он свободно владел греческим и латинским, русским, персидским и китайским языками. Добавим к этому редкую наблюдательность и аналитический склад ума. Менхен-Хельфен не был первым историком, поставившим под вопрос достоверность сведений Феофана, однако он не оставил на ней камня на камне. Он обратил внимание на то, что Феофан написал один обобщающий очерк о гуннах в эпоху Аттилы, датировав все, что тогда произошло, 449—450 гг., несмотря на то что в действительности он имел дело с материалами, относящимися к целому десятилетию (440-е гг.). Если рассмотреть имеющиеся в нашем распоряжении данные сквозь призму взглядов Менхен-Хельфена и сопоставить их со всеми остальными сведениями, которыми мы располагаем, то станет очевидно, что еще двух войн между Аттилой и Восточной Римской империей после 442 г. не было, а была лишь одна — в 447 г. (см. карту № 11)*.

Путь, приведший к этой конфронтации, можно легко проследить. Восточноримские власти пошли на заключение соглашения 442—443 гг. с оговоренным в нем увеличением ежегодных денежных выплат в момент ослабления империи, когда большая часть ее балканской армии была направлена на Сицилию. Как только войска вернулись, позиция правительства стала более жесткой. В какой-то момент в 443 г. или немногим позже восточноримские власти приостановили выплату дани. Отсюда проистекает долг в 6000 фунтов золота, накопившийся к 447 г. Таким образом, если выплаты начались в 442 г., когда был заключен мирный договор, и сумма платежей действительно составляла 1400 фунтов в год, римляне выплатили лишь одну часть из двух ежегодных выплат до того, как приостано-

---

*Maenchen-Helfen, 1973, p. 86—103 (дискуссия по поводу Theophan. AM 5942).

вить этот процесс*. Последовали и другие контрмеры. 12 сентября 443 г. вступил в силу новый указ, имевший своей целью обеспечить боеготовность войск: «Мы повелеваем, чтобы каждый военачальник [dux, командир пограничной заставы]... довел численность солдат до того уровня, который существовал издревле... и занялся их ежедневным обучением. Кроме того, мы вверяем означенным военачальникам также содержание и ремонт укрепленных лагерей и судов речных патрулей»**. Восточноримские полевые войска также были усилены за счет набора значительного числа исавров (традиционно занимавшихся разбоем) из горных местностей Киликии на юго-западе Малой Азии***. Теперь все и вся были на своих местах, и восточноримские власти были уверены в том, что они сумеют низвергнуть гуннскую мощь.

Они к тому же смогли укрепиться в своей уверенности благодаря серьезным раздорам в высших эшелонах гуннской власти. В 444—445 гг. Аттила убил своего брата Бледу и захватил безраздельную власть над своим народом. От рассказа Приска об этом убийстве не сохранилось ничего, поэтому все, что у нас есть, — это дата; как и почему это произошло, мы не знаем. Впрочем, по времени убийство Бледы совпадает с контрмерами, предпринятыми восточноримскими властями с целью пересмотра мирного договора 442—443 гг. Константинополь, без сомнения, ухватился за представившуюся ему возможность прекратить ежегодные платежи, не опасаясь немедленного возмездия, поскольку новому единоличному властителю гуннов теперь слишком долго предстояло заниматься укреплением своей власти, чтобы быть в состоянии предпринять круп-

* Если исходить из того, что период 442—447 гг. включает 6 лет, то за это время платежи должны были составить 8400 фунтов, однако то, что недоимки насчитывали 6000 фунтов, предполагает тот факт, что выплачены были лишь 2400 фунтов.

** Nov. Theod. 24.

*** О вербовке исавров см.: Thompson, 1946.

номасштабную военную акцию. Однако обе стороны спешили испытать свои силы, и столкновение последовало в 447 г.

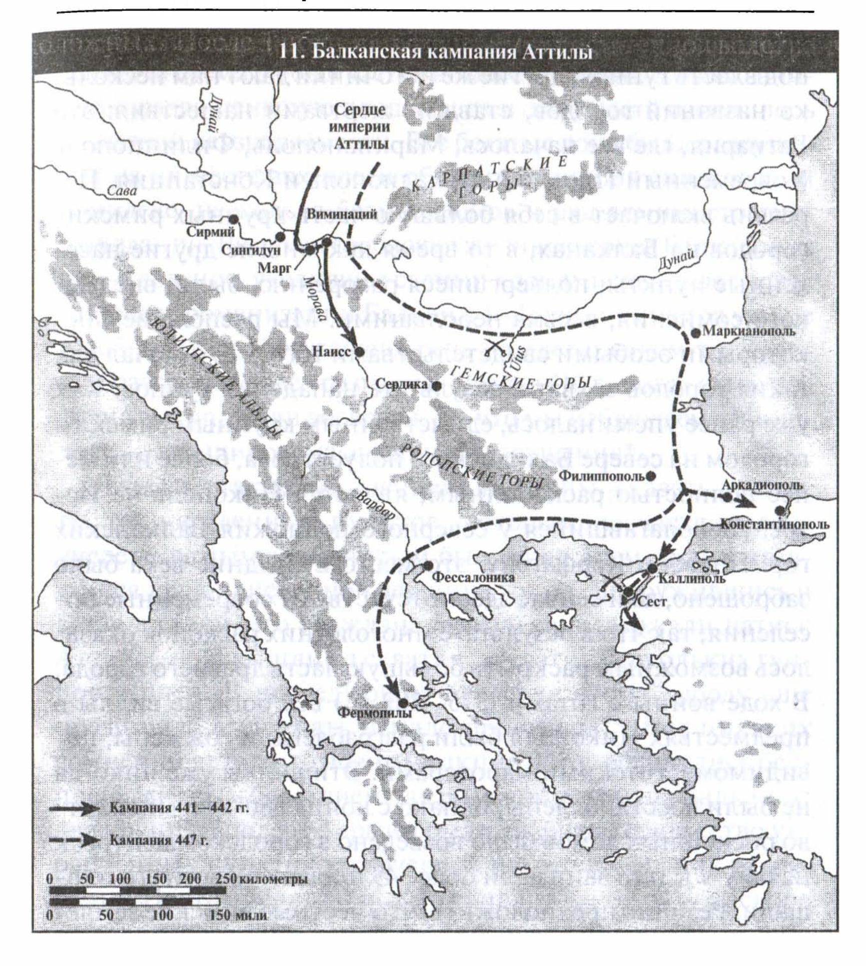
Первый шаг сделал Аттила, направив посольство в Константинополь, чтобы заявить протест в связи с просроченными платежами и тем обстоятельством, что перебежчики не были выданы. Восточноримские власти заявили в ответ, что они готовы вести переговоры, но не более того. Тогда Аттила двинул в наступление свои полчища, перейдя Дунай и уничтожив все пограничные форты, встретившиеся ему на пути. Это было суровое испытание для тех по-прежнему немногочисленных гарнизонов, которым указ 443 г. предписал испытать храбрость гуннов. Первой крупной крепостью, с которой столкнулся Аттила, была Ратиария, важная база, расположенная близ Дуная в провинции Дакии. Вскоре она пала. Затем гуннская орда двинулась в западном направлении вдоль Дуная, к северу от Балканских гор. Там гунны впервые столкнулись с римской армией. Арнегискл, командующий полевыми войсками империи в восточной части Балканского полуострова (magister militum per Thraciam), выступив из своей резиденции в городе Маркианополе со всеми наличными силами на северо-восток, дал сражение на реке Уте. Как сообщают источники, римляне доблестно бились, однако потерпели поражение; сам Арнегискл пал, продолжая сражаться даже после того, как под ним была убита лошадь. Одержанная победа открыла для гуннов проходы в горах; воспользовавшись ими, орда двинулась на юг, в направлении Фракийской равнины. Главной целью Аттилы была столица Восточной Римской империи.

27 января 447 г. во втором часу пополуночи в Константинополе произошло землетрясение. Целый район вокруг Золотых Ворот был превращен в развалины, и, что еще хуже, частично обрушились грандиозные городские укрепления. Аттила так или иначе намеревался начать военные действия, однако весть о землетрясении вполне могла

изменить направление главного удара. К тому времени, когда он подошел к городу, кризис уже миновал. Префект претория Востока, Константин, мобилизовал цирковые партии на расчистку рвов от обломков и восстановление ворот и башен. К концу марта все разрушения были устранены, и, как утверждает надпись того времени, «даже Афина не смогла бы отстроить это быстрее и лучше»*. Задолго до того как войска Аттилы показались на подступах к городу, возможность овладеть им была утрачена, и появление гуннов привело не к началу осады, а ко второму значительному столкновению в том году. Хотя фракийская полевая армия была разбита и рассеяна, восточноримское командование все еще располагало войсками центральной группировки, дислоцированными возле столицы на другом берегу Боспора. Эта вторая армия была отмобилизована на Херсонесе Фракийском, где вскоре последовало второе крупное сражение, закончившееся вторым страшным разгромом римлян.

Аттиле не удалось проложить себе дорогу в Константинополь, однако, достигнув берегов Черного моря и Дарданелл, близ Сеста и Каллиполя (современный Галлиполи) соответственно (карта № 11), он во всех отношениях стал властелином Балкан. Аттила продолжил расширение сферы своего господства, к ужасу римских провинциальных общин. Сразу после одержанной победы гуннские полчища распространились повсюду, на юге дойдя до Фермопильского прохода, того самого места, где примерно за тысячу лет до этого Леонид со славой защищал Грецию от персов. Сведения об опустошениях легко доступны, как, например, рассказ, содержащийся в «Житии» в большей или меньшей степени современника описываемых событий, фракийского святого Ипатия: «Варварский народ гуннов... стал настолько могущественным, что они захватили более ста городов и уже почти угрожали Константи-

* Цит. по: Maenchen-Helfen, 1973, p. 121.

нополю, и многие бежали от них. Даже монахи решили спасаться в Иерусалиме... Они так опустошили Фракию, что [империя] уже никогда не воспрянет и не станет такой, как прежде»*.

Сто — подозрительно круглое число, однако нет никаких сомнений в том, что многие укрепленные пункты были захвачены и разрушены. Феофан сообщает, что вся мест-

* Vita St. Hypat. 104.

ность, за исключением Адрианополя и Гераклеи, подпала под власть гуннов, другие же источники дают нам несколько названий городов, ставших жертвами нашествия: это Ратиария, где все началось, Маркианополь, Филиппополь (современный Пловдив), Аркадиополь и Констанция. Перечень включает в себя большую часть крупных римских городов на Балканах, в то время как многие другие населенные пункты, подвергшиеся разорению, были, вне всякого сомнения, весьма небольшими. Мы располагаем некоторыми особыми свидетельствами того, что означал для таких городов захват в результате нападения гуннов. Как уже ранее упоминалось, единственным крупным римским городом на севере Балканского полуострова, более или менее полностью раскопанным, является Никополь на Истре, располагавшийся у северного подножия Балканских гор. Подобно Карфагену, это место в Средние века было заброшено, да и сейчас здесь отсутствуют современные поселения, так что в результате многолетних раскопок оказалось возможным раскрыть большую часть древнего города. В ходе войны с готами (376—382 гг.) все богатые виллы в предместьях Никополя были разграблены и сожжены, по-видимому, готскими мародерами. Эти виллы уже никогда не были восстановлены, однако с конца 380-х гг. множество роскошных домов было возведено в городском центре; к началу V в. они занимали более 49 процентов всей его площади. Резонно предположить, что местные римские землевладельцы отреагировали на возникшие после 376 г. угрозы переселением в дома, расположенные в черте городских стен, в то время как сами продолжали управлять своими имениями на расстоянии. Раскопки показали, что существование этих домов, как и самого городского центра, завершается слоем со следами тотального разрушения; прекращение более или менее непрерывной монетной чеканки надежно датирует эту драму второй половиной 440-х гг.

Таким образом, практически нет сомнений в том, что картина полного разрушения древнего города являет собой

последствия его разгрома гуннами Аттилы в 447 г. Спустя какое-то время он был частично восстановлен, однако занимал гораздо меньшую площадь, да и само место изменилось до полной неузнаваемости. Все богатые дома были разрушены; на их месте археологи обнаружили лишь епископский комплекс, несколько бедных домов и ряд административных зданий. Римская городская жизнь севернее Балканских гор — явление, уходившее своими корнями на 300 лет назад в процесс романизации Балкан в I—II вв., — никогда уже не возобновилась. Безусловно, речь не идет о каком-то условном разгроме вроде «разгрома» Рима в 410 г., когда готы, получив выкуп, ушли восвояси. То, что мы наблюдаем в Никополе, — это широкомасштабные разрушения*.

Было ли так везде, где прошли гунны, сказать нельзя. Из тех населенных пунктов, которым посчастливилось уцелеть, самым знаменитым был город Азем, располагавшийся на неприступной вершине холма. Вооружившись и встав в строй, его граждане не только выдержали натиск Аттилы, но и вышли из схватки, захватив нескольких гуннов в плен. В последующие столетия этому городу еще предстояло выдержать немало приступов**. Нет никаких сомнений в том, что военные акции 447 г. обернулись беспрецедентным бедствием для римской жизни на Балканах: две крупные полевые армии были разбиты, множество укрепленных пунктов захвачено, а некоторые из них разрушены. Поэтому едва ли можно удивляться тому, что вскоре после второго поражения на Херсонесе Фракийском восточноримские власти были вынуждены просить о мире. Извлечение из «Истории» Приска информирует нас о его условиях: «[Все] перебежчики должны были быть переданы гуннам, а 6000 фунтов золота выплачены в возмещение просроченных платежей; дань отныне устанавливалась в

* Poulter, 1995, 1999.

** Prisc., fr. 9. 3, p. 238; ср. об отражении им 150 лет спустя аварских приступов: Theophyl. Simocatta. Hist. VII. 3. Следующие две цитаты взяты из Prisc., fr. 9. 3.

размере 2100 фунтов золота в год; за каждого римского военнопленного [захваченного гуннами], бежавшего из плена и добравшегося до имперских владений без выкупа, надлежало заплатить по 12 солидов [1/6 фунта золота]... а также... римляне не должны были впредь принимать у себя тех варваров, которые бежали к ним». Далее Приск с грустью добавляет: «Римляне утверждали, что они пошли на заключение этого договора по доброй воле, однако из-за непреодолимого страха, охватившего их командиров, они, страстно желая мира, были вынуждены с радостью принимать любые условия, невзирая на всю их суровость».

Несомненно, пропагандистская машина постаралась объяснить причины и предпосылки этой последней римской «победы», но, когда в дверь стучал сборщик налогов, никто уже не мог питать никаких иллюзий в отношении ее истинной подоплеки. Приск продолжает описывать, как трудно было найти деньги для выплаты долгов: «Даже сенаторы внесли определенное количество золота в соответствии со своим рангом». Как и в случае с Западной Римской империей после падения Карфагена, условия мира 447 г. были достаточно суровыми, чтобы налоговые льготы были отменены, по крайней мере частично. Тот факт, что правительство ударило по карману людей, которые являлись его главной политической опорой, со всей ясностью свидетельствует об отчаянном положении, в котором оказались константинопольские власти в результате нашествия Аттилы.

Таким образом, масштабы успехов Аттилы в 440-х гг. ясно просматриваются даже в дошедших до наших дней сокращенных источниках. Однако в чем мы все-таки ни на шаг не приблизились к пониманию сути, это в том, каким образом Аттила добился таких успехов, или почему, прежде довольствуясь немногим более, чем умеренными ежегодными выплатами дани, он так радикально изменил динамику отношений гуннов с империей. Мы должны начать с самого Аттилы, человека, создавшего царство террора.

По следам Аттилы

Мы можем познакомиться с Аттилой ближе, чем со многими другими «варварскими» предводителями конца IV—V в., потому что историк Приск, следуя по пути, проложенному Олимпиодором и его попугаем 40 годами ранее, написал полный отчет о посольстве, в составе которого он впервые попал на территорию гуннов, а в конечном счете и на прием к самому властителю. В 449 г. одному из друзей Приска, высокопоставленному штабному офицеру по имени Максимин, выпал жребий стать последним в длинной череде восточноримских послов, совершавших трудный путь на север, чтобы попытаться умиротворить Аттилу. Максимину был дан наказ уладить два спорных вопроса: первый представлял собой многолетнюю проблему гуннских перебежчиков; второй касался полосы земли шириной «в пять дней пути» к югу от Дуная, на которую Аттила претендовал как на результат своих побед в 447 г. Гунны требовали эвакуировать эту территорию, вероятно, с целью создать нечто вроде буферной зоны между римскими и гуннскими владениями; они выражали свое недовольство тем, что часть местного населения все еще продолжает заниматься хозяйством на этих землях. Римская стратегия заключалась в том, чтобы попытаться вступить в переговоры с главным советником Аттилы, Онегесием, в надежде, что тот имеет достаточно влияния на своего господина, чтобы убедить его прийти к соглашению. Впрочем, римляне прекрасно осознавали, что эти два вопроса могут предоставить Аттиле, если у него будет настроение, предлог для новой войны.

Следовало осуществить немало приготовлений, прежде чем посольство могло отправиться в путь. Мы видели в III главе на примере Феофана, как непросто было римскому должностному лицу путешествовать даже по землям империи, несмотря на средства передвижения, предоставлявшиеся государственной транспортной службой (cursus

publicus). Передвижения за пределами империи были сопряжены с еще большими трудностями. Феофан должен был взять с собой не только всевозможные предметы домашнего обихода вместе с отрядом рабов, которые должны были всем этим заниматься, но также рекомендательные письма и подарки для всех тех влиятельных людей, с кем ему предстояло встретиться. Выполнение дипломатической миссии, особенно столь деликатной, направленной ко двору потенциального врага, чью враждебность Максимин и Приск должны были свести на нет, требовало немалого запаса богатых и изысканных даров. Я насчитал не менее пяти отдельных эпизодов, когда Приск описывает вручаемые дары, и этих эпизодов вполне могло быть больше. Шелка и жемчуг были переданы гуннским посланникам, в окружении которых путешествовали наши герои. Жена Бледы, оказавшая римлянам гостеприимство, получила неофициальные «подношения», как и сам Аттила, когда послы наконец предстали перед его очами. Чтобы снискать расположение Онегесия, его одарили золотом; еще больше даров было передано жене Аттилы, Гереке. Золото, шелка, жемчуг, возможно, также серебро и драгоценные камни непременно входили в состав обычного посольского багажа. Кроме того, наряду с рабами, вскользь упомянутыми Приском, делегацию, по-видимому, сопровождал вооруженный эскорт.

Требовалось также, чтобы послы были проинструктированы в отношении дипломатических тонкостей. Некоторые потенциальные камни преткновения были достаточно очевидны. Если вам доводилось передвигаться по той же дороге, что и Аттила, следовало сделать так, чтобы вы ехали позади него, а никак не спереди. Располагаясь лагерем рядом с его ставкой, вам надлежало проследить, чтобы ваши палатки не стояли на более высоком уровне, чем его. (Эти тонкости имели немаловажное значение, если учесть, что послы направлялись как раз в ставку Аттилы.) Максимин и Приск однажды допустили подобную

оплошность, и им пришлось отбыть ни с чем*. Однако не менее важным для римского посла было не уронить своего достоинства. Нежелательно, чтобы увидели, как он слоняется близ резиденции Аттилы в надежде попасться на глаза влиятельным гуннам. В этом заключались задача и линия поведения Приска, которой он следовал неукоснительно. То, что послы играли заранее определенные роли, прекрасно видно из его собственных слов, относящихся к первой встрече с Онегесием: «Объявив о том, что я буду обсуждать с ним те вопросы, с которыми мы намеревались к нему обратиться, — поскольку продолжительный визит не подобал Максимину, занимавшему официальный пост, — [Онегесий] удалился»**. Короче говоря, Приск выступал в роли посредника Максимина, чтобы придать достоинство и значимость самому факту присутствия римского посла; однако и он играл в этом действе свою немаловажную роль, поэтому был соответственно проинструктирован. Все это предоставляло ему отличную возможность делать заметки для своего будущего труда.

Мы не знаем, сколько римлян тогда отправилось в путь. Рассказ Приска сосредоточился лишь на трех: это Максимин, сам Приск и их переводчик Вигила, который принимал участие в мирных переговорах после разгрома 447 г.***. Вместе с ними ехали также два гуннских посла, Эдекон и Орест; последний был римлянином из Паннонии, который перешел на службу к Аттиле после того, как Аэций передал провинцию гуннам. Эти двое в сопровож-

* О дороге см.: fr. 11. 2, p. 263; о палатках см.: fr. 11. 2, p. 251.

** Prisc., fr. 11. 2, p. 275.

*** Сохранившийся текст Приска, которым мы располагаем, представляет собой, по сути, совокупность разных по объему фрагментов. Они расположены в хронологическом порядке и переведены в Gordon, 1960, Ch. 3 (с комментариями), а также Blockley, 1983, frr. 11. 1—15. 2, чей перевод цит. ниже. За исключением особо отмеченных случаев, далее в тексте вплоть до конца главы приведены цитаты из Приска.

дении большой свиты прибыли в Константинополь в начале 449 г., чтобы поднять те вопросы, ответить на которые теперь должен был Максимин. Таков был темп челночной дипломатии в античности.

Выехав вместе из Константинополя в северо-западном направлении, два кортежа проследовали по главной военной дороге через Балканы. После 13-дневного пути, проделанного с хорошей скоростью, они достигли города Сердики, находившегося в 500 километрах от столицы Восточной Римской империи. Здесь римляне решили растопить лед взаимного отчуждения, устроив пирушку, для которой они купили у местных жителей баранов и быков. Все шло превосходно, пока дело не дошло до тостов: «Когда мы стали пить, варвары провозглашали здравицы в честь Аттилы, а мы — в честь Феодосия [восточноримского императора]. Однако Вигила заявил, что не подобает ставить рядом бога и человека, подразумевая, что Аттила — человек, а Феодосий — бог. Это возмутило гуннов, и постепенно они стали все больше преисполняться гневом и яростью». Немного находчивости, и положение было спасено: «Мы перевели разговор на другие темы и благодаря нашему дружелюбию успокоили их раздражение, а после того, как мы встали из-за стола, Максимин завоевал расположение Эдекона и Ореста, одарив их шелковыми одеждами и драгоценными камнями».

Снова установилась тишь да гладь, однако тут произошел один довольно странный инцидент — или таким он показался в то время. Когда гунны уже собирались вернуться в свои шатры, Орест заметил: он очень доволен тем, что Максимин и Приск не повторили ошибку, допущенную константинопольскими властями: те пригласили на обед Эдекона, а его, Ореста, — нет. Ни Приск, ни Максимин толком не поняли, что именно Орест хотел этим сказать, однако впоследствии смысл этого высказывания раскроется в полной мере*.

* Prisc., fr. 11. 2, pp. 247—249.

В течение следующих нескольких дней караван медленно продолжал свой путь на северо-запад через Балканы, минуя Петроханский перевал, в направлении Наисса. Там повсюду бросались в глаза свидетельства разгрома города гуннами в 441—442 гг. Обеим группам пришлось долго бродить вдоль реки за городскими стенами, прежде чем им удалось найти место для лагеря, которое не было усеяно костями убитых. На следующий день их полку прибыло: появились пятеро из семнадцати гуннских перебежчиков, по поводу которых Аттила заявил претензии Константинополю. Они были переданы Максимину Агинфеем, командующим римскими полевыми войсками в Иллирике. Все прекрасно понимали, что эти люди возвращались домой на верную смерть, поэтому данный эпизод должен был быть эмоционально окрашен; Приск отмечает, что Агинфей обращался с ними весьма учтиво. Близ Наисса дорога поворачивала на север, и кавалькада продолжила свой путь через лес и равнину к берегам Дуная. Здесь они обнаружили не прекрасные суда римского флота, о которых еще совсем недавно шла речь в указе от сентября 443 г., а лишь «варварских паромщиков». Те переправили кортеж через реку в челноках, каждый из которых был выдолблен из целого ствола дерева. Теперь для участников посольства наступил последний этап их путешествия. Еще 70 стадий (около 14 километров), затем еще один переход длиной в полдня, и, наконец, они подъехали к ставке Аттилы.

Тут произошел новый странный случай, на этот раз сопряженный с еще большими волнениями. Прибыв наконец к месту назначения, после почти месячного пребывания в пути послы были готовы приступить к исполнению своей миссии. Только они успели разбить лагерь, как прибыла группа гуннов, в составе которой, помимо Эдекона и Ореста, находился Скотта — еще один представитель ближайшего окружения Аттилы. Онегесий, потенциальный посредник в ходе переговоров, отсутствовал, уехав с одним из сыновей Аттилы. Само по себе это было скверно, одна-

ко дальше события развивались от плохого к худшему. Вновь прибывшие пожелали узнать, чего хотели послы, а когда римляне в ответ заявили, что их послание предназначено лишь для ушей Аттилы, уехали доложить об этом своему господину. Затем они вернулись, и, как сообщает Приск, на этот раз гуннские эмиссары «пересказали нам все то, из-за чего мы сюда явились в качестве послов, после чего велели уезжать как можно скорее, если нам больше нечего им сказать».

Римляне были ошеломлены. Во-первых, их встретили с неожиданной враждебностью; во-вторых, гунны каким-то образом узнали обо всем, ради чего они приехали. Послы не нашлись что сказать, хотя переводчик Вигила впоследствии упрекал Максимина за то, что тот ничего не предпринял по горячим следам, чтобы продолжить переговоры. Это было бы лучше, нежели немедленно отправиться восвояси, даже если (какая бы судьба ни постигла их миссию) ложь позднее вышла бы наружу. Казалось, что месяцы, ушедшие на сборы и само путешествие, пошли прахом. Затем, когда рабы стали навьючивать животных и послы уже собрались в путь, хотя уже сгущались сумерки, прибыл еще один гонец от Аттилы. Он привез им быка, немного рыбы и объявил, что распоряжение Аттилы состоит в следующем: поскольку уже слишком поздно, послы могут поесть и расположиться на ночлег. Тогда они поужинали и легли спать в приподнятом настроении, полагая, что Аттила, должно быть, решил вести себя более миролюбиво.

Как только послы пробудились, их оптимизм испарился. Новое распоряжение Аттилы недвусмысленно гласило: если им более нечего сказать, они должны уехать. Приуныв, послы снова стали собираться в дорогу. Что касается Максимина, то он впал в совершенное отчаяние. И тогда Приск сделал свой первый позитивный вклад в общее дело. Разыскав Скотту, одного из эмиссаров, приезжавших накануне вечером, он совершил отчаянную попытку удержать посольство на плаву. Весьма ловко он предложил

Скотте вознаграждение, если тот сумеет устроить встречу римлян с Аттилой, причем само предложение носило провокационный характер: если Скотта и в самом деле обладал тем влиянием, которым так кичился, то ему, вне всяких сомнений, ничего не стоило это сделать. Скотта поддался искушению, и римляне удостоились первой аудиенции. Однако, вручив письма и дары, они вскоре столкнулись с еще одной проблемой: Аттила не пожелал вновь обсуждать те вопросы, о которых собирались говорить римляне; вместо этого он с гневом обратился к их переводчику. По словам Аттилы, Вигила отлично знал, что ни о каких римских посольствах не могло быть и речи до тех пор, пока не будут выданы все перебежчики. Когда Вигила ответил, что те уже выданы, Аттила «пришел в еще большую ярость и жестоко обругал [Вигилу], крича, что он посадил бы его на кол и выбросил на корм птицам, если бы не считал, что таким образом нарушит право послов покарать его... за... бесстыдство и наглость». Затем Аттила велел Максимину задержаться, пока он будет отвечать на письма императора, Вигиле же приказал поспешить восвояси, чтобы передать его требования относительно перебежчиков. На этом аудиенция завершилась.

Обескураженные, римляне вернулись в свои палатки, недоумевая, что же привело Аттилу в такую ярость. Особенно был расстроен Вигила, поскольку во время предыдущего посольства Аттила демонстрировал ему свое сугубое расположение. Затем явился Эдекон, чтобы переговорить с Вигилой с глазу на глаз, подчеркнув (по крайней мере так впоследствии утверждал переводчик), что Аттила непременно начнет войну, если перебежчики не будут возвращены. Ни Максимин, ни Приск не знали, стоит ли верить этому рассказу о том, что говорилось в той приватной беседе, но, прежде чем они решили, что делать дальше, вновь прибыли гуннские вестники. Они объявили, что римляне не должны совершать дорогих покупок или выкупать пленников; пока между обеими сторонами ведутся

переговоры, им позволено лишь приобретать себе пропитание. Что оставалось делать римлянам со всем этим? Раньше чем они успели дать ответ, Вигила их покинул.

В течение следующей недели или около того римлянам пришлось унизиться до того, чтобы тащиться вслед за Аттилой, когда он отправился в северные области своей державы. Путешествие едва ли было комфортабельным. Однажды послы попали в бурю с дождем, от которого спаслись лишь благодаря участию одной из жен Бледы, располагавшей собственным селением. Ее гостеприимство включало в себя даже предоставление привлекательных девушек на ночь, но поскольку римляне старались вести себя с величайшей учтивостью, они отправили девушек обратно.

Наконец послы добрались до места назначения: это была одна из постоянных дворцовых резиденций Аттилы. Теперь дипломатические контакты возобновились, на этот раз на более дружественной основе, и у Приска появилось больше досуга, чтобы наблюдать и самого властителя, и его окружение. Из этих наблюдений, даже пропущенных сквозь кривое зеркало римских культурных предрассудков, вырастают потрясающий портрет Аттилы, двор, над которым он царил, и те средства, с помощью которых он осуществлял свою власть.

На взгляд Приска, поселение, состоявшее из целого ряда окруженных стенами владений, было похоже всего лишь на «очень большую деревню». Жилище Аттилы было самым просторным и искусно выстроенным; его украшали башни, тогда как нигде более башен не было. Высокопоставленные лица, такие как Онегесий, также имели здесь свои дома, из которых каждый был окружен стенами, «сложенными из бревен»; как подчеркивает Приск, стены строились для красоты, а не для безопасности*:

---

*О кольце стен см.: Prisc., fr. 11. 2, p. 265; о зданиях см.: fr. 11. 2, p. 275; о местах для сидения см.: fr. 13. 1, p. 285; о мебели см.: fr. 11. 2, p. 275; о приветствиях см.: fr. 11. 2, p. 265.

«За стеной было немало строений, причем некоторые были сколочены из досок, распиленных и подогнанных одна к другой в виде орнамента, другие же были возведены из бревен, ровно сложенных и оструганных. Эти сооружения по всему периметру опирались на каменные сваи, поднимавшиеся невысоко от земли».

Когда римские послы были приглашены на обед, Приск наконец-то получил доступ в жилые апартаменты Аттилы:

«Все скамьи были расставлены вдоль стен... В самом центре зала Аттила восседал на кушетке. Позади нее находилась еще одна кушетка, обойдя которую, можно было подойти к ложу Аттилы; оно было покрыто прекрасными тканями и разноцветными вышитыми драпировками, подобными тем, которые греки и римляне готовят для новобрачных».

Жена Аттилы, Герека, мать его старшего сына, обладала своим собственным жилищем, которое, хотя и не было предназначено для многолюдных приемов, как оказалось, было обставлено сходным образом:

«Я... нашел ее возлежащей на мягкой кушетке. Пол был устлан шерстяными коврами, по которым ходили. Несколько рабов стояло вокруг своей госпожи, а перед ней сидели рабыни, вышивая разноцветными нитями на прекрасных тканях, которые носят как украшения поверх варварских одежд».

По виду это место немногим отличалось от палаточного лагеря кочевников, несмотря на то что строения были возведены из прочных материалов. Приск дает понять, что у Аттилы было несколько таких дворцовых резиденций, разбросанных по всей его державе, однако не сообщает, сколько именно. Кроме того, историк позволяет нам представить себе ту придворную жизнь, которой жили эти резиденции. По прибытии он стал свидетелем приветственной церемонии по случаю приезда Аттилы:

«Когда Аттила вступал [в резиденцию], навстречу ему явились юные девушки и пошли перед ним рядами под

узкими полотнищами белой ткани, которые поддерживались руками женщин с обеих сторон. Эти полотнища были натянуты на такую длину, что под каждым из них умещались семь и более идущих девушек. Таких женских шеренг под полотнищами было много, и все они пели скифские песни».

За трапезой, как отмечает Приск, все места были тщательно распределены. Кушетки располагались подковой, в центре которой восседал Аттила, причем считалось более почетным сидеть справа от него, нежели слева. Затем начинался пир. Кравчий подавал Аттиле кубок, с которым тот приветствовал гостя, сидевшего ближе всех к нему с правой стороны. Этот человек вставал и в ответ либо отпивал глоток, либо осушал кубок до дна, после чего садился на место; аналогичным образом каждый гость пил за здоровье того, кого в самом начале почтил хозяин. Аттила продвигался от одного гостя к другому вниз стола сначала с правой стороны, затем с левой, оказывая честь по очереди всем своим гостям. Ничто не могло бы лучше проиллюстрировать формальное единство, которое, как предполагалось, существовало между всеми собравшимися за его столом, вместе с тем демонстрируя место каждого в пиршественной иерархии*.

Приск также знакомит нас с самим Аттилой. Его рассказ о появлении гуннов не сохранился в своем оригинальном виде среди фрагментов, собранных Константином VII Порфирогенетом, однако дошел до нас благодаря посреднику — историку VI в. Иордану, который сослался на предшественника**:

«Походка [Аттилы] была горделивой, он метал взоры туда и сюда, так что степень его надменности проявлялась

---

* Подобно старинной примете из истории кремлевской жизни, этот церемониал абсолютно точно показывал, когда кто-либо шел на повышение или же, напротив, попадал в опалу.

** Следующие две цитаты взяты из «Гетики» Иордана (34. 182; 35. 183 = Prisc., fr. 12. 2).

во всех его телодвижениях. Любя войну, сам он не отличался склонностью к насилию. Он отличался немалым здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. Его отличали низкий рост, широкая грудь, большая голова и маленькие глаза, редкая бородка с проседью, плоский нос и смуглое лицо».

Неясно, то ли это прямой перевод того, что написал Приск (он писал на греческом, Иордан — на латыни), то ли пересказ; тем не менее благодаря этому тексту возникает в некотором роде неожиданный портрет великого завоевателя. Можно было предполагать, что Аттила не из тех, кто избегает войн, но разве могли мы ожидать, что кто-нибудь назовет его «здравомыслящим» и «милостивым»? Противоречивость характера Аттилы неоднократно проявляется в повествовании Приска. С одной стороны, мы узнаем, что он построил свой личный культ на убеждении, будто боги предначертали ему стать завоевателем; между тем в других отношениях он был весьма непритязательным человеком. Приск рассказывает историю о пастухе, который направился по кровавому следу, оставленному раненой телкой, и нашел припрятанный меч, на который она наступила:

«Он его выкопал и тут же принес Аттиле. Тот обрадовался подарку и, будучи человеком высокомерным, возомнил, что поставлен властителем всего мира и что через Марсов меч ему дарована непобедимость в войнах».

Я не сомневаюсь в том, что обретение меча, если только это правда, стало всего лишь довеском к той завоевательной идеологии, которую вынашивал Аттила. В то же время его привычки и поведение были вовсе не таковы, как можно было бы ожидать. Приск сообщает о пиршестве у Аттилы:

«В то время как другим варварам и нам подавались на серебряных блюдах великолепно приготовленные кушанья, Аттиле было подано только мясо на деревянной тарелке... На пиру гостям вручались золотые и серебряные кубки, тогда как его кубок был из дерева. Одеяние его было

самым простым и ничем не отличалось от остальных, кроме как своей опрятностью. Ни меч, висевший у него на боку, ни застежки на его варварской обуви, ни уздечка его коня не были украшены, как у других скифов, золотом или драгоценными камнями». Археологические находки, как мы увидим ниже в этой главе, свидетельствуют о том, что Приск отнюдь не преувеличил богатство отделки предметов быта, которыми пользовалась элита гуннской державы. Однако возвеличенный богами завоеватель любил простоту.

Что из этого всего относится к «настоящему» Аттиле, вопрос спорный. Все, что мы имеем, — это, так сказать, взгляд со стороны, и ничего о его внутреннем мире. Но даже этого достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с незаурядной и, в известном смысле, непростой личностью, весьма заботившейся о своем «публичном имидже». Абсолютно уверенный в своем предназначении, он не нуждался во внешнем оформлении своей власти. Отказ от богатых одеяний и роскошной снеди показывал, что подобные предметы вожделений простых смертных недостойны того, кто предназначен богами к великому жребию. Это был один из секретов могущества Аттилы Гунна; «История» Приска, дополненная одним или двумя источниками, позволяет нам открыть для себя еще один или два других. Как мы могли бы ожидать, он был беспощаден, когда расправлялся с потенциальными врагами. Приск так и не поведал нам о том, что произошло с пятерыми гуннскими перебежчиками, которых послы забрали с собой в Наиссе; однако те двое, что были выданы Аттиле прежде, Мама и Атакам, охарактеризованные им как «дети королевского двора», были посажены на кол (fr. 2, p. 227). Казнь на колу, по-видимому, являлась у гуннов основным способом решения большей части проблем. Позднее Приск стал свидетелем казни на колу пойманного лазутчика и повещения двух рабов, которые убили своих господ-гуннов во время сражения (fr. 14, p. 293). И хотя наши источники не сооб-

щают никаких подробностей, они единодушны в том, что Аттила был так или иначе повинен в смерти своего брата Бледы.

В то же время жестокость смягчалась, когда это было возможно. Хотя сам Бледа был убит, одна из его жен сохранила собственное селение; как мы помним, она весьма радушно приняла у себя Максимина и Приска, когда тех застиг ливень с ураганом. Тот факт, что вместе с братом Аттилы не была уничтожена вся его семья, в выгодную сторону отличается, к примеру, от той участи, которая ожидала жен Стилихона и Феликса после постигшего их мужей политического краха, как мы видели в главе V. Почему такое было возможно, становится понятным, если принять во внимание матримониальную политику Аттилы. Он взял себе много жен, причем некоторых из них, вне всяких сомнений, по политическим мотивам, используя брачные союзы, чтобы снискать себе поддержку со стороны влиятельных лиц «второго плана» из числа гуннов. По-видимому, Бледа поступил аналогичным образом, так что, похоже, королевские жены обладали могущественными родственниками, с которыми, даже если один из королей погибал, разумнее было не враждовать. Из рассказа Приска также видно, что Аттила не забывал воздавать почести своим главным сторонникам. Церемониальное провозглашение здравиц, с которого он начинал свои обычные трапезы, не только устанавливало иерархию, но и воздавало каждому по заслугам. Приск стал свидетелем характерной сцены, когда он во время исполнения посольской миссии явился во дворец. Жена Онегесия, главного помощника Аттилы, вышла тому навстречу, «неся еду и... вино (это очень высокая честь у скифов), поприветствовала его и предложила отведать того, что она принесла как знак дружбы. Желая доставить удовольствие жене своего близкого друга, Аттила ел, сидя на коне». Хорошие отношения с главными сторонниками, несомненно, требовали немало подобных тонкостей в поведении. (Аттила также мог

вести себя с очевидным безрассудством, однако зачастую это случалось тогда, когда он хотел любым путем найти повод для ссоры.) Если смотреть на дело с материальной точки зрения, высокое родство также обеспечивало регулярное получение доли в военной добыче*.

Все вышеизложенное едва ли глубоко раскрывает перед нами внутренний мир Аттилы, зато позволяет хотя бы отчасти проникнуть в тайну его успеха: это абсолютная уверенность в себе и та харизма, которая зачастую ею обусловлена; беспощадность, когда она была необходима, и вместе с тем способность к милосердию, соединенная с расчетливостью; наконец, подчеркнуто милостивое отношение к тем из своих подданных, в чьей преданности он особенно нуждался. Характер власти, которой обладал Аттила над своим ближайшим окружением, прекрасно прослеживается по результатам посольства Приска. С одной стороны, миссия закончилась полным провалом. Историк предлагает нашему вниманию изумительный портрет Аттилы, кочующего по Среднедунайской равнине, немало очерков, посвященных функционированию управленческого аппарата его империи, и рассказ о той «битве», которую пришлось выдержать ради того, чтобы только попасть к гуннскому двору. Затем закон драматического жанра требует словесного поединка, в ходе которого Максимину и Приску каким-то образом удается расположить к себе Аттилу и вернуться домой героями. Действительность была более прозаичной. Добившись с таким огромным трудом личной аудиенции, в дальнейшем Максимин и Приск были вынуждены скучать в ожидании, пока Аттила даст ответ на письма императора, и единственным их до-

* Prisc., fr. 11. 2, p. 267. Принцип распределения добычи, как мы увидим в свое время, прекрасно прослеживается на археологическом материале; впрочем, об этом, хотя и мимоходом, говорится также в письменных источниках: например, Prisc., fr. 11. 2 p. 263 f.

стижением оказалось освобождение за 500 солидов одной знатной римской женщины, Силлы, вместе с ее детьми, которых освободили в качестве жеста доброй воли. Затем послы были выдворены в сопровождении еще одного представителя ближайшего окружения Аттилы, Бериха, который поначалу был настроен достаточно дружелюбно, однако в дороге, опять же по непонятной причине, выказал послам свою враждебность, забрав обратно коня, которого сам им дал, и отказавшись ехать рядом, а также вкушать пищу вместе с ними. Таким образом, это посольство не привело ни к миру, ни к войне, и какой-никакой вклад, который Приск и Максимин могли внести в развитие отношений между римлянами и гуннами, оказался пустым звуком.

Впрочем, эта миссия получила другую, более драматичную развязку, хотя она и не коснулась непосредственно Приска. Пока Максимин и Приск с трудом тащились в компании ворчливого гунна через Балканы, по дороге их нагнал переводчик Вигила, спешивший в обратном направлении, на север, будто бы с целью передать ответ императора по вопросу о перебежчиках. Но как только Вигила достиг резиденции гуннского властителя, на него набросились люди Аттилы, которые обнаружили в его багаже огромную сумму в 50 фунтов золота. Вигила начал возмущаться, утверждая, что эти деньги были предназначены для выкупа пленников, а также для приобретения свежих вьючных животных, однако, как мы помним, Аттила распорядился, чтобы римские послы не покупали ничего, кроме провизии, пока не будут окончательно согласованы условия мирного договора, тогда как на 50 фунтов золота можно было купить столько хлеба, что его хватило бы для содержания небольшой армии. Когда же Аттила пригрозил казнить сына Вигилы, который сопровождал в поездке своего отца, переводчик сдался. Дело объяснилось следующим образом. Еще раньше в Констан-

тинополе, когда посольство Максимина и Приска только готовилось, тогдашний «серый кардинал», евнух Хрисафий, договорился с послом Эдеконом об устранении Аттилы, и деньги предназначались Эдекону в качестве награды. Подлинная задача Приска и Максимина, хотя они об этом не знали, заключалась в обеспечении дипломатического прикрытия, за которым мастера грязных дел намеревались осуществить свой план.

В реальности ситуация оказалась если не слишком опасной, то в гораздо большей степени запутанной. Как только Эдекон, завершив свой первый вояж, переправился через Дунай, он все рассказал Аттиле. Описывая эту историю задним числом, Приск мог видеть, что существование заговора объясняло все те странные эпизоды, которые он и Максимин отмечали во время их путешествия. Именно по этой причине Орест, второй гуннский посол, в тот раз не удостоился приглашения на обед в Константинополе вместе с Эдеконом: это был тот самый момент, когда заговор еще только возник. Кроме того, существование заговора объясняло, откуда гунны могли узнать об официальной цели посольства. Эдекон, будучи посвящен также и в это, передал Аттиле подробности. Отсюда опять-таки и разговор с глазу на глаз между Вигилой и Эдеконом; разговор, которому Вигила пытался дать такое объяснение, какое Приск даже тогда счел неубедительным, — враждебность Аттилы по отношению к Вигиле и, кроме всего прочего, странное распоряжение, воспрещавшее римлянам покупать что-либо за исключением продовольствия. Это была западня для Вигилы, который попался с поличным, когда в следующий раз приехал с золотом. Заговор Хрисафия тщательно готовился, однако был обречен на провал с самого начала: влияние Аттилы на Эдекона, несомненно, замешанное на страхе и восхищении, оказалось слишком сильным, чтобы он смог сделать что-либо во вред своему господину.

Если принять во внимание уровень интриги, рассказ Приска на удивление прозаичен и сух. Аттила мог в любой момент посадить их всех на кол, поскольку римляне сами нарушили все обычные правила неприкосновенности дипломатов во время исполнения ими посольских миссий. К счастью для них, Аттила оказался на редкость расчетлив. Как нечто большее, чем удовольствие лицезреть их всех повешенными, он увидел в этом заговоре еще один способ укрепить свое психологическое превосходство над восточноримскими властями. Вигиле дозволили выкупить своего сына, взяв с него еще 50 фунтов золота, а в Константинополь были направлены два гуннских посла, вновь Орест и Эсла: «[Аттила] приказал Оресту предстать перед императором [Феодосием II], повесив себе на шею ту самую вьючную суму, в которой Вигила вез золото, предназначенное для Эдекона. Оресту следовало предъявить императору и евнуху [Хрисафию] эту суму и спросить их, узнают ли они ее. Эсла должен был прямо заявить, что Феодосий — сын благородного отца и Аттила тоже знатного происхождения... Однако если Аттила сохранил благородство, то Феодосий его утратил и является рабом Аттилы, обязанным платить дань. Таким образом, он поступает нехорошо, действуя тайными кознями, подобно негодному рабу, против того, кто лучше его, кого судьба сделала его господином» (Prisc., fr. 15. 2, p. 297).

Что это был за момент! Императорский двор собрался в полном составе, придворные стояли в пышных одеяниях, точно демонстрируя порядок старшинства — живой образ божественной милости, обусловившей верховенство Римской империи, — когда в шаге от них два варварских посла разыгрывали свой спектакль. Свидетельство Приска о реакции восточноримских властей не сохранилось, однако ничто не может лучше свидетельствовать о той уверенности, с которой Аттила перемещался по своим владениям, чем это публичное унижение правителя Восточной Римской империи.

Империя множества оттенков

Впрочем, созданное Аттилой европейское царство террора представляло собой нечто несоизмеримо большее, нежели его личная харизма и бьющие точно в цель демонстрации могущества. Подобные проявления силы были как результатом, так и причиной тех двух трансформаций, которые на протяжении жизни всего лишь одного поколения превратили гуннов из верных союзников Констанция и Аэция в завоевателей мирового господства. Рассказ Приска безошибочно указывает нам на предпосылки этих перемен, без которых взлет Аттилы как завоевателя не мог бы состояться.

Как мы видели, Приск не был первым восточноримским историком и по совместительству дипломатом, посетившим владения гуннов. В 411—412 гг. Олимпиодор вышел в море вместе со своим попугаем, мужественно перенес сильные бури по пути в Константинополь, затем, плывя вдоль берега, добрался до Афин, а оттуда направился по Адриатическому морю в Аквилею на его северном побережье. К сожалению, сохранился лишь краткий очерк, посвященный этой миссии, однако он содержит в себе один интереснейший отрывок:

«Олимпиодор рассказывает о Донате, о гуннах и о врожденном искусстве, с которым их предводители стреляли из лука. Историк описывает, как он был направлен послом к ним и к Донату, а также... повествует, как Донат был коварно обманут клятвой и преступно умерщвлен, как Харатон, первый из их королей, распалился гневом за это убийство и как императорские дары смягчили и успокоили его» (Olympiod., fr. 19).

Фрагмент не вполне понятен; не в последнюю очередь проблема заключается в том, кто такие Донат (мнения разделились по вопросу о том, был ли он гунном или нет) и его убийцы. Некоторые исследователи полагают, что прибытие миссии Олимпиодора не только было непосредственно

связано с убийством Доната, но и являлось частью более ранней и более успешной реализации заговора вроде того, в который оказался втянут Приск*. Однако ключевой момент состоит в том, что в 411—412 гг. гуннское сообщество управлялось несколькими «королями» (сколько их было, точно неизвестно), и эти «короли» осуществляли свою власть в соответствии с той иерархией, которая явно выделяла Харатона как старшего. Это положение вещей живо напоминает иерархию, существовавшую в другом кочевом объединении — у акациров, чья судьба обратила на себя внимание Приска в бытность его послом. Когда римляне прибыли в ставку Аттилы, Онегесий вместе со старшим сыном Аттилы отправился приводить к покорности эту общность. Возможность реализации поставленной цели проявилась в курьезной ситуации, о чем пишет Приск:

«У акациров было много предводителей отдельных племен и родов, которым император Феодосий послал дары, чтобы они единодушно отвергли союз с Аттилой и жили в мире с римлянами. Посланец, которому были вручены эти дары, распределил их между «королями» не по достоинству, в результате чего Куридах, старший по положению, получив дары второго разряда, счел себя оскорбленным и лишенным причитавшейся ему награды. Он обратился к Аттиле за помощью против остальных «королей» своего племенного объединения».

Если оставить за скобками удовольствие вообразить себе донесение римского посла, ухитрившегося подобным образом провалить порученное ему дело**, этот отрывок

---

* Некоторые исследователи критикуют Мэтьюза (Matthews, 1970) за то, что он просто принял эту версию за установленный факт (см. Matthews, 1985, с соответствующими ссылками), тогда как текст можно понимать двояко и его изначальный смысл легко может быть пересмотрен.

** «Увы, да — боюсь, я вручил лучшие дары не тому королю, и акациры отныне наши смертельные враги. Прости меня, государь». Это был почти столь же крупный дипломатический про-

дает нам некоторое представление о той политической модели, которая существовала у гуннов в начале 410-х гг.*.

Более разительный контраст с ситуацией, сложившейся во времена Аттилы (успело смениться не более одного поколения), едва ли можно себе представить. Приск провел много времени при гуннском дворе и посвятил немало слов его структуре и образу жизни. Как мы видели, существовало ближнее окружение из влиятельных людей — прежде всего это Онегесий, а потом уже другие, такие как Эдекон, Скотта и Берих, — к которым Аттила относился с большим уважением; однако ни один из них не обладал даже малой толикой королевского достоинства. В наших источниках нет ни малейшего намека на то, что у гуннов имелись и другие правители, кроме самого Аттилы. Многочисленные «короли» образца 411 г., правившие совместно, проложили путь к власти монарху в точном смысле этого слова. До нас не дошло ни одного связного рассказа о том процессе, который завершился сосредоточением всей полноты власти в одних руках. Впрочем, как можно было ожидать, все указывает на то, что это не была мирная эволюция. Финальным актом драмы стало убийство Аттилой своего брата Бледы. К тому времени число носителей власти уменьшилось всего лишь до двух представителей одного рода: это означает, что Руа (или Руга), дядя, которому наследовали братья, должен был сыграть главную роль в сокращении количества гуннских «королевских» династий.

вал, как и тот случай, когда королева привела битву при Ватерлоо в качестве блестящего примера англо-германского сотрудничества, к великой досаде французов.

* Кроме всего прочего, данный текст окончательно хоронит идею о том, что Ульдин вплоть до 411 г. обладал властью, в какой-то степени схожей с властью Аттилы. Существуют, как мы видели, и другие основания, чтобы отказаться от этой мысли, однако не менее важно осознание того факта, что ни один правитель гуннов не обладал подобным могуществом на столь раннем этапе.

Открытое насилие в случае с убийством Бледы, по-видимому, красноречиво свидетельствует о том, каким образом устранялись короли, становившиеся «лишними». Первый раунд переговоров между Константинополем, с одной стороны, и Аттилой и Бледой, с другой (перед тем как они напали на Виминаций в 441 г.), увенчался выдачей двух беглых членов гуннского королевского дома, Мамы и Атакама, которых немедленно посадили на кол. Они могли быть кузенами Аттилы и Бледы, поскольку у Руа было по меньшей мере два брата, однако с тем же успехом они могли происходить из тех «королевских» династий, которые прежде были ликвидированы Руа. По-видимому, в целом проблема перебежчиков, которая создавала столь сильную напряженность в дипломатических отношениях между гуннами и римлянами в 440-х гг., всякий раз обострялась из-за того или другого члена правившего тогда или в прежние времена «королевского» рода. Максимину и Приску пришлось выслушать имена семнадцати беглецов, которые были им зачитаны; совсем немного, так что здесь мы, очевидно, имеем дело с людьми, представлявшими собой довольно серьезную угрозу. Кроме того, возможно, кое-кто из мелких «королей» предпочитал признание чужой власти физическому уничтожению. (Когда в течение десятилетия, последовавшего за смертью Аттилы, нечто подобное происходило у готов, хотя в большинстве своем мелкие «короли» погибли в борьбе или сошли со сцены, по крайней мере один изъявил готовность быть пониженным в статусе до положения «первого среди равных»*.)

Идущая вразрез со всем тем, что нам известно об антропологии кочевников, политическая централизация — первая из тех двух трансформаций, о которых здесь пойдет

* Heather, 1996, p. 113—117, о том, как Валамер овладел властью над готами Паннонии: он убил Винитария, главу одной из линий его рода (в то же время женился на его внучке), и вынудил бежать Беремуда, представителя другой ветви; тем не менее Генземунд, дядя Беремуда, признал его власть. См. далее, гл. VIII.

речь, — в свою очередь, должна была быть связана с более масштабными переменами в гуннском обществе. Существование разделенных властных структур представляется вполне естественным для кочевых объединений, поскольку нельзя было создавать больших скоплений скота ввиду вероятности чрезмерного истощения пастбищ. В кочевом мире главная задача любой значительной политической структуры состоит в том, чтобы время от времени созывать «форумы», на которых можно договориться о правах на выпас скота, и в случае необходимости сплачивать силы для защиты этих прав от посягательств со стороны чужаков. Если иметь это в виду, существование на постоянной основе централизованной политической власти у гуннов определенно свидетельствует о том, что они более не испытывали тесной экономической зависимости от продукции своего животноводства. Приск дает нам ключ к пониманию причин этих изменений в хозяйстве. Как мы видели в IV главе, кочевникам всегда приходится налаживать экономические отношения с оседлым населением, занимающимся сельским хозяйством. В случае с гуннами, очевидно, так оно и было, и товарообмен продолжался еще и в 440-х гг.*. Однако ко времени правления Аттилы преобладающая форма контактов между кочевниками-гуннами и римским оседлым населением представляла собой не зерновые в обмен на продукты животноводства, а деньги в качестве оплаты военной помощи в том или ином виде. Подобная схема обмена уходила своими корнями в предшествующие десятилетия, когда гунны поставляли Римской империи контингенты наемников. Ульдин и его люди были первыми, кто, как мы знаем, выступил в этой роли в начале 400-х гг.; более значительные гуннские формиро-

* Частью хитроумной ловушки для Вигилы был запрет римлянам впредь покупать гуннских лошадей, и первым случаем агрессии со стороны Аттилы и Бледы стало внезапное нападение в базарный день (Prisc., fr. 6. 1).

вания, возможно, помогали Констанцию в 410-х гг. и, безусловно, воевали под знаменами Аэция в 420-х и 430-х гг.

Очень скоро военная служба за плату превратилась в вымогательство. Когда именно гунны перешли эту черту, трудно сказать, однако известно, что дядя Аттилы, Руа, ослепленный алчностью, совершил крупный набег на земли Восточной Римской империи, одновременно поставляя контингенты наемников западноримским властям. Ко времени правления Аттилы желанная помощь от варваров обернулась выплатой дани; из рассказа Приска о дипломатических отношениях между римлянами и гуннами ясно следует, что главное, чего ждали гунны от всех этих контактов, а также от своих периодических рейдов по ту сторону границы, — это деньги и еще раз деньги. Как мы уже видели, первый договор, заключенный между Аттилой и Бледой, с одной стороны, и восточноримскими властями, с другой, зафиксировал размер ежегодных выплат на уровне 700 фунтов золота, и с этой отметки запросы могли только ползти вверх. Военные действия гуннов против римлян повлекли за собой и другую, столь же одностороннюю, экономическую выгоду: это захваченная добыча, рабы и выкупные суммы вроде той, о размерах которой вели переговоры Приск и Максимин*.

Итак, к началу 440-х гг. военное давление на Римскую империю стало источником постоянно расширяющегося потока денежных средств в направлении гуннской державы. Чтобы низвергнуть иерархию ранжированных, но более или менее равноправных «королей», предводитель, намеревавшийся стать главным королем, должен был убедить подданных других «королей» признать его власть. Овладение контролем над потоком денежных средств из пределов империи явилось идеальным способом сосредоточить верховную власть в руках одного человека и одно-

* Сама по себе она составила ни много ни мало около 7 фунтов золота.

временно сделать ненужными старые политические структуры. Лишь благодаря контролю над новыми финансовыми поступлениями один король мог превзойти других в борьбе за власть. Уже во второй половине IV в. гунны, по-видимому, совершали набеги и терроризировали как других кочевников, так и занимавшихся земледелием германцев в Северном Причерноморье, однако подлинная централизация стала возможной лишь тогда, когда гунны в большинстве своем обосновались в непосредственной близости от границ Римской империи. Практикуя грабительские набеги и террор в отношении готов, можно было захватить некоторое количество рабов, немного серебра и какое-то количество сельскохозяйственной продукции, однако всего этого было недостаточно, чтобы обеспечить полномасштабную политическую трансформацию. Между тем реализация аналогичных задач лицом к лицу с Римской империей привела к огромному притоку золота; сначала речь шла о сотнях фунтов ежегодно, затем о тысячах. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы трансформировать как экономическую, так и политическую структуры гуннского общества.

Хотя данное предположение нелегко доказать, мы можем понять эти трансформации скорее как адаптацию вне кочевого быта, нежели как полный разрыв с прошлым. Уже говорилось о том, что в обычных условиях кочевники занимаются животноводством, стараясь максимально использовать самые разные виды доступного им корма. Лошадь здесь фигурирует прежде всего в качестве дорогого животного (почти предмета роскоши), которое используют для езды, на войне, в качестве транспортного средства и объекта торговли; мясо и молоко лошади дают лишь очень незначительную отдачу в плане полезного белка, что сопоставимо с качеством и количеством потребляемого корма. Посему кочевники в целом держат относительно немного лошадей. Однако если война становится в финансовом отношении привлекательным делом, как это случи-

лось, когда гунны вторглись в пределы Римской империи, тогда кочевники вполне могли начать разводить в растущих масштабах лошадей для войны, попутно превращаясь в особый тип военного кочевого объединения, ориентированного на ведение грабительских войн. Этот принцип никогда не смог бы реализоваться в качестве серьезной стратегической линии в степи, где потенциальные выгоды от войны были существенно меньше.

Невозможно доказать, что все произошло именно так, однако относящимся к делу фактором являются размеры района проживания гуннов в V в. — Венгерской равнины: хотя она и являлась превосходной кормовой базой, сама по себе эта равнина была гораздо меньших размеров, нежели равнины Великой Евразийской степи, которую гунны оставили позади. Площадь в 42 400 кв. км составляет менее 4 процентов пастбищ, существующих, например, в одной Монгольской республике. Поскольку кормовая база отныне была весьма ограниченна, некоторые историки задаются вопросом: не потому ли гунны эволюционировали в направлении совершенно оседлого образа жизни в V в.? Это вероятный аргумент, но не единственный. Венгерская равнина теоретически могла бы обеспечить кормом 320 тысяч лошадей, однако эту цифру следует уменьшить, имея в виду диких животных, лесные массивы и т.д.; таким образом, резонно предположить, что равнина могла прокормить приблизительно 150 тысяч лошадей. Если учесть, что каждому воину-кочевнику необходимо как минимум 10 лошадей, чтобы периодически давать им отдых и не загнать насмерть, то следует, что Венгерская равнина являла собой достаточное пространство, чтобы прокормить лошадей не более чем для 15 тысяч воинов. Я сильно сомневаюсь, что гуннов вообще когда-либо было больше, тем более что нет ни одного относящегося ко времени правления Аттилы внятного свидетельства о том, что гунны не сохранили хотя бы отчасти своего кочевого образа

жизни*. Как бы там ни было, в действительности дело заключается в том, что, как только они обосновались в непосредственной близости от Римской империи, гунны усвоили себе новый и более подходящий для них образ жизни, в основе которого лежало военное давление на относительно богатую экономику Средиземноморья.

Сочинение Приска точно фиксирует и другую метаморфозу, которая сделала возможным возникновение империи Аттилы. При его дворе Максимин и Приск контактировали прежде всего с ближайшим окружением Аттилы (по своей значимости эти люди занимали второе место в империи после самого властителя), причем чаще, чем с самим Аттилой. Идентификация языковых групп, к которым относятся древние личные имена, зачастую является сомнительной, однако имена этих людей крайне любопытны. Нет никаких сомнений в том, что Онегесий и Эдекон носили германские или германизированные имена, тогда как Берих и Скотта, возможно, носили имена того же происхождения. Кроме того, Аттила («Маленький отец») и Бледа — тоже германские имена. Это вовсе не означает, что все упомянутые лица обязательно были скорее германского, нежели гуннского происхождения (хотя могли бы быть), поскольку мы знаем, что к середине V в. «готский» — вероятно, собирательный термин для нескольких

* Цифры взяты в работе Линднера (Lindner, 1981), который в своей известной статье пришел к выводу о том, что, поскольку гуннские полчища во времена Аттилы, несомненно, насчитывали десятки тысяч человек, гунны более не могли оставаться кочевниками, поскольку в Венгрии не было достаточно места для столь большого количества лошадей. Он упустил из виду тот важный момент, что значительная часть личного состава полчищ Аттилы состояла из зависимых от него германцев, а не из самих гуннов, следовательно, нет никакой необходимости предполагать наличие такой большой массы лошадей. Проблема личного состава гуннского войска в полной мере проанализирована ниже в этой главе.

родственных германских диалектов, на которых говорили в Центральной и Восточной Европе, — был одним из основных языков гуннской державы, на нем говорили и при дворе Аттилы. Поэтому, кроме полученных ими при рождении гуннских имен (в этой связи возникает вопрос: на каком языке гунны говорили изначально?), высокопоставленные фигуры в гуннской империи, по-видимому, носили еще и германские или германизированные имена*. Почему же германские языки играли столь важную роль в жизни гуннской империи?

Объяснение лежит в сфере общих закономерностей эволюции державы Аттилы. Еще в 370-х гг., когда они нападали на готов в Северном Причерноморье, гунны вынуждали те племена, которые уже были ими покорены, воевать на их стороне. Когда они впервые напали на грейтунгов, низвергнув ту лавину, которая докатилась до битвы при Адрианополе (см. гл. IV), гунны действовали в союзе с ираноязычными кочевниками-аланами. И когда бы мы ни сталкивались с ними впоследствии, мы обнаруживаем, что гуннские войска всегда сражались вместе с союзниками иного происхождения. Хотя Ульдин, как мы видели в V главе, не был завоевателем масштаба Аттилы, тем не менее, когда восточноримские войска разоружили его людей, большая часть этой массы, которую надлежало вновь расселить, оказалась германоговорящими скирами**. Похожая ситуация имела место в начале 420-х гг., когда восточноримские войска, развязав боевые действия с целью ликвидировать гуннскую власть западнее Карпат-

---

*О языках см.: Prisc., fr. 11. 2, p. 267 («Являясь смешением племен, кроме своих собственных языков, они использовали гуннский или готский либо, как в случае с теми, кто вступал в контакты с римлянами, латынь»). Об именах см.: Maenchen-Helfen, 1973, p. 386 ff.; ср. Iord. Getica. 9. 58, по поводу заимствований имен между разными языковыми группами.

**Sozom. Hist. eccl. IX. 5; CTh. 5. 6. 3.

ских гор, столкнулись лицом к лицу с большим количеством готов*.

В годы, предшествовавшие возвышению Аттилы, процесс инкорпорирования продолжался быстро. К началу 440-х гг. беспрецедентное количество германских племенных объединений оказалось в орбите, очерченной суровой властью Аттилы Гунна. К примеру, его империя включала в себя по меньшей мере три готских племенных объединения. Из них одно, находившееся под властью представителей династии Амала и их соперников, в дальнейшем стало тем ядром, вокруг которого сформировался второй готский суперсоюз — остготы. Во главе другого готского объединения в середине 460-х гг. стоял человек по имени Бигелис, тогда как третье оставалось под жестким контролем со стороны сыновей Аттилы вплоть до конца 460-х гг. Кроме того, германоязычные гепиды, руги, свевы (покоренные в 406 г.), скиры и герулы к тому времени все находились под прямым гуннским контролем; наконец, более мягкая власть, вероятно, распространялась также на лангобардов с тюрингами, равно как и на суперсоюзы — по меньшей мере некоторые — алеманнов и франков**. Мы не в состоянии охарактеризовать в цифрах столь многочисленное сообщество германоязычных племен, однако одни готы Амала могли выставить свыше 10 тысяч воинов, и, следовательно, их общая численность должна была со-

*Theophan. AM 5931; ср. Procop. Bella. III. 2. 39—40, а также Croke, 1977. Датировать эти события можно как 421-м, так и 427 г.

** Гепиды, руги, свевы, скиры и герулы фигурируют в череде событий на Большой Венгерской равнине после смерти Аттилы (см. гл. VIII), в то время как сам Аттила вмешивался во внешнюю политику франков (Prisc., fr. 20. 3); это обстоятельство делает весьма вероятным то, что он осуществлял нечто вроде протектората над лангобардами и тюрингами, а также, возможно, и над алеманнами; все они проживали в непосредственной близости к гуннскому домену.

ставлять около 50 тысяч человек. Нет никаких оснований полагать, что численность других племенных объединений, если брать в целом, была намного меньше. Таким образом, ко времени Аттилы в гуннской империи насчитывались многие десятки, а возможно, даже несколько сот тысяч германоязычных подданных. Фактически к 440-м гг. германцев было, вероятно, гораздо больше, чем гуннов; этим обстоятельством объясняется тот факт, что готский язык стал языком общения в пределах гуннской державы. Впрочем, одними германцами перечень подданных Аттилы, не являвшихся гуннами по происхождению, отнюдь не исчерпывается. Ираноязычные аланские и сарматские племенные объединения, как мы уже видели, в течение длительного времени были союзниками гуннов; Аттила всегда старался использовать любую возможность, чтобы привлечь на свою сторону новых союзников.

Как свидетельствует этот перечень, гуннская империя представляла собой скорее совокупность племен, нежели некое территориальное единство: отсюда вытекает фактическая незаинтересованность Аттилы в присоединении более или менее обширных областей Римской империи. Как мы видели в VI главе, он получил от западноримских властей две провинции в Среднем Подунавье в качестве платы за свой союз с Аэцием, однако в других случаях он проявлял интерес лишь в отношении формирования «санитарного кордона» между своими владениями и территорией Восточной Римской империи. Хотя в хрониках существует немало кратких обозначений вооруженных сил Аттилы как «гуннов» или (когда автор стремится к нарочитой архаизации) «скифов», все наши источники, которые более или менее углубляются в детали, свидетельствуют о том, что полчища Аттилы, подобно формированиям его менее могущественных предшественников, всегда были пестрыми по составу, ибо включали в себя, помимо гуннов, также контингенты, состоявшие из представите-

лей множества других племен, которые входили в империю Аттилы*.

Археологические находки подтверждают справедливость этого тезиса (карта № 12). После 1945 г. в ходе раскопок захоронений на Большой Венгерской равнине и в сопредельных областях подняли немало материала, датированного периодом гуннского господства в регионе. (Было найдено несколько кладов, но никто и никогда не обнаружил ни одной ставки Аттилы, ибо все, что могло от них сохраниться, — это ямы от столбов.) Оказалось, что идентифицировать «собственно» гуннов на основании этого материала крайне сложно. Всего — включая регион степного Причерноморья между Дунаем на западе и Доном на востоке наряду с Венгерской равниной — археологи с известной долей вероятности определили как принадлежавшие гуннам не более 200 захоронений. Они идентифицируются благодаря лукам, нетипичным для Европы предметам одежды**, деформированным черепам (некоторые гунны бинтовали головы детей, что приводило к характерному удлинению черепа) и наличию так называемых гуннских котлов. Таким образом, либо гунны в большинстве своем хоронили своих покойников, не оставляя никаких следов, либо стоит поискать какое-то иное объяснение скудости гуннского археологического материала***. Что

---

* Я нахожу терминологию Приска вполне адекватной; напротив, Болдуин считает, что все эти этнонимы употреблялись неверно и путано (Baldwin, 1980).

** О том, как люди одевались, можно судить в зависимости от того, где они носили застежки — в большинстве могил это все, что уцелело из одежды.

*** Причины трудностей с археологической идентификацией самые разные: от весьма драматических, когда тела усопших становились добычей стихии или диких зверей, до вполне прозаических: либо умершего кремировали, а его прах пускали по ветру, либо хоронили без каких бы то ни было поддающихся датировке предметов погребального инвентаря; последнее об-

дают нам в большом количестве захоронения V в. из района Среднего Подунавья, это погребальный инвентарь — или то, что напоминает погребальный инвентарь, — гуннских германоязычных подданных (к сожалению, выявить их племенную принадлежность невозможно на основании одних лишь археологических данных)*. Этот погребальный инвентарь имеет близкие аналоги, датированные IV в. и обнаруженные на территориях восточнее и севернее Карпатских гор, где обитали готы и другие германские племенные объединения. Те находки, которые нас здесь интересуют, — находки V в., — свидетельствуют о появлении того, что окрестили «дунайским стилем» в германском погребальном обряде**.

Для дунайского стиля характерно скорее трупоположение, нежели трупосожжение***, с большим количеством предметов, погребенных в сравнительно немногочисленных богатых захоронениях. (Множество других людей было предано земле либо с крайне немногочисленным

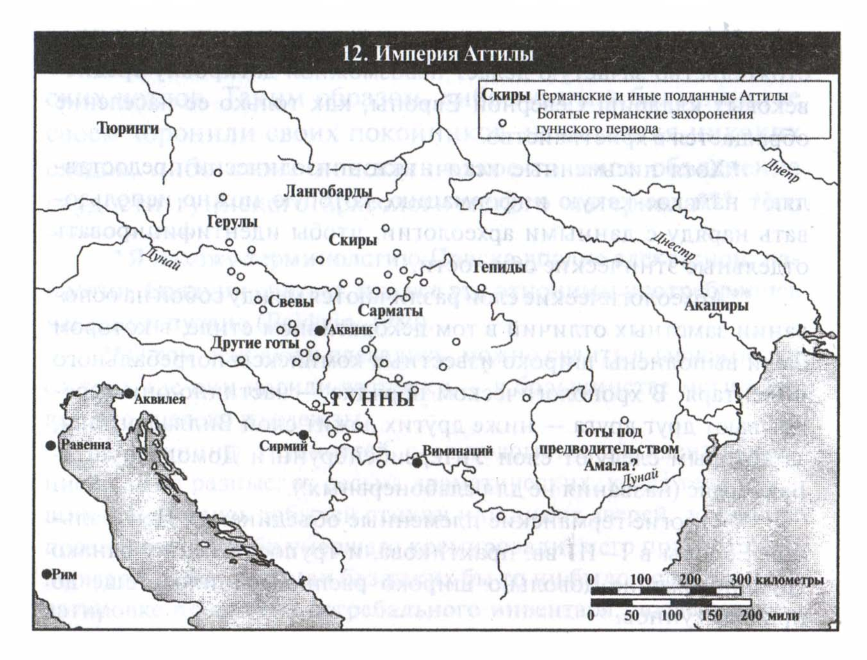
стоятельство зачастую делает невозможной датировку средневековых кладбищ Северной Европы, как только ее население обращается в христианство.

*Хотя письменные источники эпизодически предоставляют нам кое-какую информацию, которую можно использовать наряду с данными археологии, чтобы идентифицировать отдельные этнические общности.

**Археологические слои различаются между собой на основании заметных отличий в том декоративном стиле, в котором были выполнены широко известные комплексы погребального инвентаря. В хронологическом порядке — частично они перекрывают друг друга — ниже других лежит слой Виллафонтана, за которым следуют слои Унтерзибенбрунн и Домолоспушта-Баксордас (названия не для слабонервных!).

***Многие германские племенные объединения Центральной Европы в I—III вв. практиковали трупосожжение, однако трупоположение довольно широко распространилось еще до прихода гуннов.

погребальным инвентарем, либо вообще без него.) Среди этих характерных предметов встречаются уникальные ювелирные украшения: в частности, это массивные полукруглые броши, позолоченные пряжки, серьги с многогранными подвесками и золотые ожерелья. Также практически повсеместно встречаются оружие и доспехи: седла, окованные металлом, длинные прямые мечи, применявшиеся в коннице, и стрелы. Погребальный инвентарь также демонстрирует некоторые весьма странные детали ритуала; довольно обычным делом было, к примеру, хоронить вместе с покойником деформированные металлические зеркала. Типы вещей, обнаруженные в могилах, позы, в которых лежат погребенные, и, кроме всего прочего, способ ношения, в частности, женщинами их одежды — закрепленной застежками, или фибулами, на плечах, а другим концом свободно ниспадающей спереди, — все повторяет образцы, характерные для безусловно германского

погребального инвентаря IV в. Эта традиция ритуалов и приношений оформилась тогда и развивалась в дальнейшем среди самых широких кругов подданных Аттилы на Большой Венгерской равнине в V в.

Итак, факт почти полного отсутствия гуннских погребений, вероятно, объясняется довольно просто: гунны стали одеваться так же, как покоренные ими германцы, подобно тому как они овладели готским языком. Если это так, то отличить гунна от гота или представителя какой-либо другой этнической общности на основании материала захоронений было бы практически невозможно. Однако даже если допустить, что наши «подлинные гунны» лежат здесь, перед нами, в «замаскированном» виде, тем не менее это отнюдь не отменяет того факта, что в эпоху гуннского владычества и на самой Большой Венгерской равнине, и вокруг нее существовало огромное множество германских погребений. Что мы обнаруживаем в богато убранных захоронениях в «дунайском стиле», так это останки многих представителей окружения Аттилы из числа его подданных германского происхождения. Датировка и географическая локализация делают данное утверждение бесспорной истиной*.

Всякий раз, когда очередное варварское объединение вливалось в состав державы Аттилы, человеческие ресурсы этого объединения мобилизовывались для участия в военных предприятиях гуннов. Это обстоятельство обусловило рост гуннской военной организации, и рост очень быстрый, за счет поглощения все больших масс германцев Центральной и Восточной Европы. В краткосрочной исторической перспективе данный факт способствовал укреплению обороноспособности римского Запада. Как полагают многие историки, причина того, что поток германских

*Об этих находках см.: Bierbrauer, 1980, 1989; Kazanski, 1991; Tejral, 1999. У Вольфрама (Wolfram, 1985) имеется несколько замечательных иллюстраций.

переселенцев иссяк после кризиса 405—408 гг. (см. гл. V), заключалась в том, что те, кто не пересек границу приблизительно до 410 г., оказались поглощены империей гуннов; существует обратная связь между масштабом переселений на территорию Римской империи и ростом гуннского могущества*.

Однако на более длительном временном этапе мирная передышка оказалась всего лишь иллюзией, и череда гуннских властителей добилась чего-то вполне сопоставимого с тем, чего добились Сасаниды на Ближнем Востоке. Впервые в истории Римской империи гуннам удалось сплотить большое количество европейских соседей Рима в нечто похожее на противостоящую империи сверхдержаву.

«Весь север на Галлию»

Всю мощь этой вновь возникшей экстраординарной военной машины первой ощутила на себе Восточная Римская империя, чьи города на Балканах сильно пострадали в 441—442 гг. и вновь в 447 г. После двух поражений в ходе кампании 447 г. восточноримские власти были не в состоянии нанести удар по державе Аттилы. Поэтому в 449 г. они были вынуждены прибегнуть к той самой попытке устранения Аттилы, к которой невольно оказались причастны Максимин и Приск. Впрочем, Аттила не позволил Константинополю «соскочить с крючка». Отказавшись обсуждать проблему перебежчиков и повторив свое требование создать санитарный кордон по ту сторону дунайской границы, теперь он потребовал еще и того, чтобы восточноримские власти сосватали его секретарю, римлянину по рождению, жену знатного происхождения с подобающим ей приданым. В том случае, если бы эти требования не были удовлетворены, они, вероятно, могли бы послужить

---

*Эту точку зрения впервые высказал Бьюри (Bury, 1928).

в качестве повода к войне, и постоянная активность Аттилы свидетельствует о том, что он деятельно готовил еще одно крупномасштабное вторжение на Балканы.

В 450 г. дипломатическая тональность должна была резко измениться. Очередное римское посольство направилось по тому самому пути, который в предыдущем году проторили Приск и Максимин. В состав этой миссии входили Анатолий, один из двух высших военных чинов при восточноримском дворе (magister militum praesentalis), и Ном, магистр оффиций (magister officiorum). Анатолий был хорошо знаком Аттиле, поскольку вел с ним переговоры о заключении перемирия, которое последовало за гуннскими победами в 447 г. Едва ли стоит представлять себе более блестящий дипломатический дуэт: одно из условий Аттилы заключалось в том, что он будет иметь дело лишь с самым знатным послом.

Римская версия того, что произошло далее, изложена Приском: «Поначалу Аттила говорил с ними надменно, но в дальнейшем он был обезоружен обилием их даров и смягчен их льстивыми речами». В итоге «Аттила поклялся, что будет соблюдать мир на прежних условиях, очистит римские владения вплоть до берегов Дуная и перестанет поднимать вопрос о перебежчиках, если римляне ему гарантируют, что впредь не станут принимать у себя бежавших от него людей. Он отпустил и Вигилу... и многих пленников без выкупа, из уважения к Анатолию и Ному, которым были подарены кони и шкуры диких животных» (Prisc., fr. 15. 4, p. 299).

Нечасто переговоры на столь высоком уровне завершаются столь удачно. В Константинополь послы возвращались в приподнятом настроении, везя с собой секретаря Аттилы, которому предстояло обрести достойную супругу. Впрочем, вскоре выяснилось, что Аттила урегулировал свои отношения с Константинополем не потому, что он, в соответствии со стереотипным восприятием варвара, был побежден хитроумием своих восточноримских партнеров,

но потому, что он стремился обезопасить свой восточный фронт, замыслив осуществить широкомасштабное вторжение в пределы Западной Римской империи.

Как пишет Приск, задумать очередной набег Аттилу подвигла жажда новых великих завоеваний, в которых он видел осуществление той самой судьбы, что была предначертана ему богами и удостоверена обнаружением Марсова меча, — судьбы завоевателя всего мира. Во время своей посольской миссии Приск летом 449 г. стал свидетелем того, как Аттила, по его мнению, с безрассудной гордыней отнесся к послам, прибывшим из Западной Римской империи. После этого повествование естественным образом обратилось к оценке Аттилы, и Приск с удовольствием процитировал то, что один из послов высказал по этому поводу: «Великая удача [Аттилы] и то могущество, которое она ему даровала, сделали его настолько надменным, что он не принимает никаких советов, если не уверен в том, что они идут ему на пользу. Ни один из прежних правителей Скифии... никогда не достигал столь многого за столь краткий срок. Он властвует над островами в океане [Атлантическом, или Западном] и, помимо всей Скифии, даже римлян заставил платить ему дань... Чтобы расширить пределы своей державы, теперь он намерен идти войной на персов» (Prisc., fr. 11. 2, p. 277).

Затем кто-то спросил, каким образом Аттила предполагает добраться до Персии из Центральной Европы, на что последовал ответ: гунны помнят о том, что, двигаясь все время вдоль северного побережья Черного моря, можно попасть в Персию, обойдя стороной римские владения. Безусловно, это так, однако переход через Кавказ требовал очень много времени, когда же гунны осуществили этот переход в последний раз (насколько нам известно, это произошло в 395—396 гг.), они кочевали в Северном Причерноморье, а не на Большой Венгерской равнине, которая расположена намного западнее. Таким образом, грандиозные завоевательные планы строились на основании полу-

забытой географии: здесь налицо было исключительное стремление к завоеваниям, намеревавшееся поглотить весь известный тогда мир.

Впрочем, как нам известно, Аттила предпочел двинуться на запад. Источники предлагают множество объяснений, почему он поступил именно так. Согласно одному особенно пикантному слуху, рожденному в придворной среде, Аттила двинул свои полчища против Западной Римской империи, потому что сестра западноримского императора Валентиниана III, весьма энергичная и предприимчивая дама по имени Юста Грата Гонория, предложила себя ему в жены вместе с половиной Западной Римской империи в качестве приданого. Предположительно, она послала ему камею со своим портретом, а также письмо, и этого оказалось достаточно, чтобы его заинтриговать. Гонория была дочерью знаменитой Галлы Плацидии, которая сама нашла свою любовь у варваров (как мы видели в VI главе), в 410-х гг., выйдя замуж за Атаульфа, шурина Алариха, и родив ему сына, Плацидия, располагавшая готской гвардией, обладала тем, что было необходимо для активного участия в политической жизни, пока к власти не пришел Аэций.

Ее дочь Гонорию, когда она забеременела, уличили в преступной связи со своим дворецким, неким Евгением. Этот Евгений был казнен, а Гонорию посадили под домашний арест и обручили с заурядным сенатором по имени Геркулиан. На свою беду, она обратилась к повелителю гуннов с просьбой о помощи. Однако в развитии событий наступила пауза. Даже после того как выяснилось, что Гонория написала письмо Аттиле, она избежала казни и была взята под опеку своей матерью; однако соответствующий фрагмент Приска, прежде чем, к нашей досаде, оборваться на середине фразы, намекает на то, что последовали новые эскапады. Выходки Гонории слишком хорошо известны нам по источникам, чтобы в рассказах о них не было хотя

бы крупицы истины*, однако я не считаю, что именно Гонория явилась тем стимулом, из-за которого Аттила в конечном счете предпочел поход на римский Запад персидскому варианту. Обратим внимание хотя бы на географию. Как мы скоро увидим, решив двинуться на запад, Аттила не пошел в Италию, где томилась в заключении Гонория, но сначала вторгся в Галлию. Знание Аттилой европейской географии, хотя и было, без сомнения, поверхностным, тем не менее являлось достаточным для того, чтобы мы были уверены в том, что он знал, по какую сторону Альп он имел больше шансов отыскать свою предполагаемую невесту. Мы не располагаем сведениями о том, что же в конечном счете приключилось с Гонорией. Направившись к западу от Венгрии, гунны повернули направо, в сторону Галлии, а не налево, в Италию, и этого уже достаточно, чтобы «отправить» Гонорию в примечания к историческим текстам.

Источники свидетельствуют о том, что желание спасти Гонорию являлось лишь одной из целого ряда причин нашествия Аттилы на римский Запад. Еще одной причиной стал инцидент, вызвавший вспышку его гнева накануне переговоров летом 449 г., в ходе которых выявились его амбиции в отношении Персии. Уже упомянутая западноримская дипломатическая миссия была направлена спе-

---

* См., например: PLRE, vol. II, p. 568—569. Кроме всего прочего, подобная модель поведения типична для человека богатого и пребывающего в праздности (особенно если речь идет об энергичной и предприимчивой личности), скованного по рукам и ногам пустыми церемониями изысканного придворного быта. Так, в Непале в 2001 г. находившийся в состоянии алкогольного опьянения принц впал в исступление и расстрелял 10 своих родственников, включая правившего монарха, после чего покончил с собой; читатель, обладающий хорошей памятью, наверное, припомнит таинственную смерть одной саудовской принцессы, которая отказалась от уготованного ей праздного образа жизни.

циально для того, чтобы ответить на заявленную претензию, будто римский банкир по имени Сильван завладел каким-то количеством золотой утвари, принадлежавшей Аттиле по праву войны. Сколь бы тривиальной ни казалась проблема, Аттила грозил войной, если ее не урегулируют в его пользу. Опять-таки точно неизвестно, однако вполне вероятно, что в том же году имели место некие контакты между Аттилой и Гейзерихом, королем вандалов, который, как считается, подкупил Аттилу, чтобы тот двинул свои войска на запад. В конце 450 г. Аттила поддержал одного из претендентов на опустевший престол короля рипуарских франков, тогда как Аэций остановил свой выбор на другом кандидате. Наконец, незадолго до этого Аттила даровал убежище одному из руководителей восстания в Северо-Западной Галлии, подавленного Аэцием в 448 г. Это обстоятельство позволяет предположить, что Аттила рассчитывал использовать этого человека с целью нагнетания напряженности и обеспечения движения гуннского войска во время похода на запад. Пока его полчища готовились к выступлению, Аттила, действуя в своей обычной манере, направил разным адресатам письма противоположного содержания, из которых одни давали понять, что целью его похода являлось нападение вовсе не на Западную Римскую империю, а на вестготов, обосновавшихся в Юго-Западной Галлии, в то время как другие убеждали тех же самых вестготов присоединиться к нему для участия в совместном нападении на империю*.

Таким образом, налицо тот факт, что в 449—450 гг., подготавливая свой следующий ход, Аттила одновременно манипулировал несколькими удобными предлогами для нападения на Западную Римскую империю. Я сомневаюсь в том, что вторжение в Персию вообще когда-либо

* О серебряной посуде см.: Prisc., fr. 11. 2, p. 263, 265, 277. О наследовании власти у франков см.: Prisc., fr. 20. 3. О контактах с Гейзерихом и общей дипломатической обстановке см.: Clover, 1972.

рассматривалось всерьез, однако в 449 г. Аттила еще не решил, нанести ли ему очередной удар по восточной или же по западной части империи; он не только нагнетал напряженность в отношениях с Западом, но и отказывался урегулировать наиболее болезненные из противоречий с Константинополем. Тот великодушный договор, который Аттила в конечном счете даровал Константинополю, явился свидетельством того, что он был готов свести концы с концами на Востоке, сосредоточив свое внимание на Западе.

Весной 451 г. огромное войско Аттилы направилось на запад от Среднего Подунавья, вероятно, двигаясь по тому самому пути, которым в 406 г. следовали варвары, пришедшие из-за Рейна. Как сообщает Иордан, «говорят», что эта армия насчитывала, страшно сказать, полмиллиона человек (Getica 33. 182); впрочем, слово «говорят» показывает, что на этот раз даже Иордан не принял на веру эту цифру. Однако не приходится сомневаться в том, что численность войска была огромной, поскольку Аттила задействовал на полную мощность ресурсы гуннской военной машины. Как свидетельствует галльский поэт Аполлинарий Сидоний, живший примерно в те времена, когда происходили описываемые события, «внезапно варварский мир, расколотый мощным сдвигом, обрушил весь север на Галлию. Вслед за воинственным ругом появляется свирепый гепид, бок о бок с гелоном; бургунд подгоняет скира; вперед напирают гунн, беллонот, невр, бастарн, тюринг, бруктер и франк» (Poem. VII. 319 sqq.). Поэзия Сидония была метрической, и, чтобы уложиться в стихотворный размер, ему требовались слова с определенным количеством ударных и безударных слогов. Здесь он предоставляет нам любопытную смесь древних племенных объединений, тех, кто не имел никакого отношения к гуннской державе (гелон, беллонот, невр, бастарн, бруктер), и тех, которые являлись подданными Аттилы (руг, гепид, бургунд, скир, тюринг и франк), не говоря уже, разумеется, о самих гуннах. Однако, в сущности, Сидоний дал неполный список. Мы знаем

из других источников, что в событиях участвовали еще и значительные массы готов*.

Ни один из дошедших до наших дней источников не дает нам детального описания того похода, однако мы примерно знаем, что тогда произошло. Пройдя по течению Верхнего Дуная на северо-запад от Большой Венгерской равнины, орда переправилась через Рейн в районе Кобленца и двинулась дальше на запад (карта № 13). Согласно некоторым, по общему мнению, весьма сомнительным источникам, Мец пал 7 апреля, а вскоре его участь разделила и древняя имперская метрополия, Трир. Затем полчища Аттилы вторглись в самое сердце римской Галлии. К июню они дошли до Орлеана, где дислоцировалась крупная группировка аланов, находившихся на римской службе. Город был подвергнут планомерной осаде; имеются смутные указания на то, что Аттила рассчитывал привлечь на свою сторону Сангибана, предводителя части аланов, находившихся в городе (Iord. Getica. 195). В то же самое время, согласно другому весьма сомнительному источнику, некоторые отряды из войска Аттилы достигли даже ворот Парижа, где они были обращены вспять благодаря чудесному заступничеству покровительницы города, св. Женевьевы. Создается впечатление, что войско гуннов прошло всю римскую Галлию вдоль и поперек, грабя и опустошая все на своем пути.

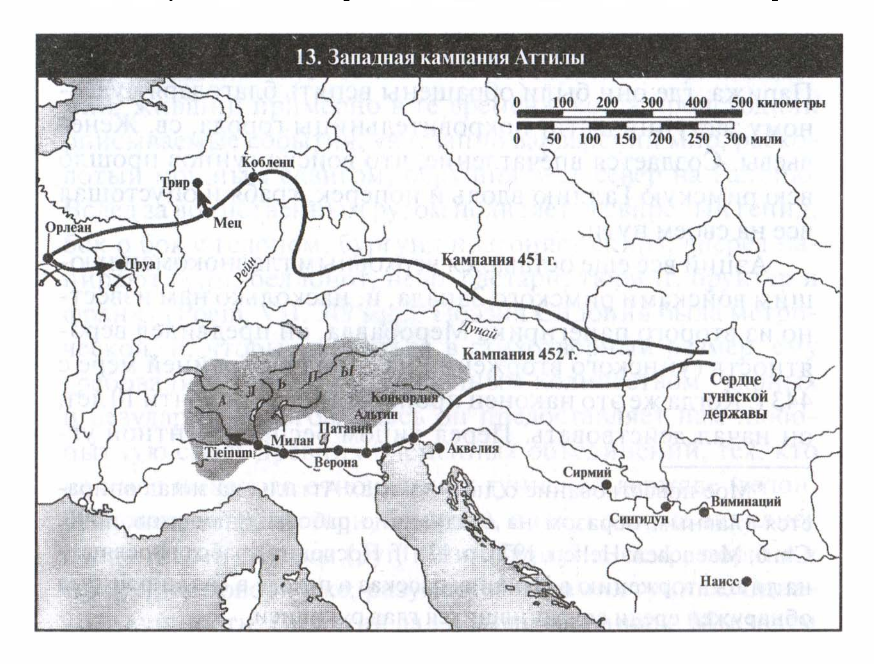
Аэций все еще оставался верховным главнокомандующим войсками римского Запада, и, насколько нам известно из второго панегирика Меробавда, он предвидел вероятность гуннского вторжения на Запад по крайней мере с 443 г. Когда же это наконец произошло спустя почти 10 лет, он начал действовать. Перед лицом беспрецедентной уг-

* Мое повествование о двух походах Аттилы на запад опирается главным образом на следующие работы: Thompson, 1996, Ch. 6; Maenchen-Helfen, 1973, p. 129 ff. Последняя работа посвящена лишь вторжению в Италию: рассказ о походе в Галлию не был обнаружен среди сохранившихся глав рукописи.

розы Аэций стремился сколотить такую коалицию, у которой был бы шанс на успех. Раннее лето 451 г. застало его в походе на север через всю Галлию во главе соединений римской армии, дислоцированных в Италии и Галлии, а также отрядов, выставленных многочисленными союзными племенными объединениями, такими как бургунды и вестготы короля Теодориха из Аквитании. Приближение этой весьма пестрой по своему составу группировки вынудило Аттилу уйти 14 июня от стен Орлеана. В конце того же месяца отряды Аэция настигли отступавшую орду где-то в районе Труа, т.е. примерно в 150 километрах к востоку.

На равнине, которую разные источники называют Каталаунскими полями или campus Mauriacus и которая никогда не была с точностью локализована, произошла грандиозная битва:

«Поле битвы представляло собой равнину, круто поднимавшуюся по направлению к цепи холмов, которой

стремились достичь оба войска... Полчища гуннов заняли правую сторону, римляне, вестготы и их союзники — левую... Боевой строй гуннов был расположен таким образом, что Аттила вместе с отборными воинами находился в центре... Бесчисленные представители разных племен, которые он подчинил своей власти, стояли на флангах».

Римляне и вестготы первыми достигли холмов и пресекали любую попытку выбить их оттуда — так повествует наш основной источник, однако затем он впадает в риторику (хотя риторика эта довольно изящна):

«Завязался бой — яростный, беспорядочный, жестокий и беспощадный, — бой, подобного которому не помнили с давних времен... Ручей, протекавший между низкими берегами... оказался переполнен чужеродными струями и из-за потока крови превратился в бурную стремнину. Те, кого раны вынуждали утолять мучившую их жажду, пили воду, смешанную с кровью».

Теодорих был убит в бою; то ли его поразили копьем, то ли затоптали насмерть, когда он упал с коня, — сведения о его гибели не отличаются ясностью. Опять-таки в соответствии с нашим основным источником всего погибло 165 тысяч человек, однако эта цифра совершенно невероятна. К концу того дня Аттила пребывал в подавленном настроении. Будучи вынуждено отступить и занять оборону за поставленными в кольцо повозками, его войско впервые потерпело серьезное поражение. Первым побуждением Аттилы было собрать в кучу седла, чтобы возвести для себя погребальный костер*. Однако военачальники Аттилы убедили его в том, что это сражение — лишь тактическая неудача, и он успокоился. Патовая ситуация, когда оба войска стояли друг против друга, длилась до тех пор, пока гунны не начали медленно отступать. Аэций воздержался от их активного преследования и распустил свою коалиционную армию так скоро, как только смог, —

* Описание сражения взято из Iord. Getica. 38. 197 — 41. 218.

задача, исполнение которой было значительно облегчено тем фактом, что вестготы торопились вернуться в Тулузу, чтобы выбрать преемника своему погибшему королю. Аттила смирился с продолжавшимся отступлением своих полчищ; поджав хвост, гунны бежали в Венгрию. Хотя цена, заплаченная теми римскими городами, которые находились на пути следования гуннского войска, оказалась чрезвычайно высока, первый натиск Аттилы на римский Запад был отбит. И вновь в кризисный момент Аэций оказался на высоте. Несмотря на всю ограниченность находившихся в его распоряжении ресурсов, Аэций сумел сколотить ту коалицию, которая спасла Галлию.

В гневе и досаде Аттила Гунн провел зиму 451/52 гг., готовясь к еще большему кровопролитию. На этот раз удар пришелся на Италию. Весной 452 г. войска Аттилы прорвались через альпийские перевалы. Первым препятствием на их пути была Аквилея. Здесь гунны были остановлены мощными городскими укреплениями — Аттила даже собирался прекратить поход. В тот момент, когда он уже был готов снять затянувшуюся тщетную осаду, он заметил аиста, извлекавшего своих птенцов из гнезда, которое тот свил в одной из городских башен, и переносившего одного за другим тех, кто еще не умел летать. Заметив это, как сообщает Приск, Аттила «приказал своему войску оставаться на прежнем месте, заявив, что птица никогда бы не покинула своего гнезда... если бы не знала наперед, что в скором времени это место постигнет какое-то бедствие»*. Разумеется, аист (не говоря уже об Аттиле) оказался прав. Высокое мастерство гуннов в деле завоевания укрепленных городов возобладало, и в скором времени Аквилея пала. Ее падение открыло перед гуннами главный путь в Северо-Восточную Италию.

Затем орда направилась по старинным римским дорогам на запад через долину По. Будучи одной из политиче-

* Iord. Getica. fr. 22. 2, p. 313 = Procop. Bella. III. 4. 33—34.

ских метрополий Западной Римской империи и являясь к тому же ее житницей, этот регион изобиловал богатыми городами. Теперь, как и на Балканах, один за другим эти города попадали в руки гуннов, которые стремительно овладели Падуей, Мантуей, Виченцей, Вероной, Брешией и Бергамо (см. карту № 13). И вот уже Аттила стоял у ворот Милана, в течение длительного времени являвшегося имперской столицей. Осада затянулась, однако Аттила вновь взял верх, и очередной имперский центр был разграблен и опустошен. Фрагмент «Истории» Приска сохранил для нас такую любопытную деталь:

«Когда [Аттила] увидел [в Милане] живописное изображение, где римские императоры восседали на золотых тронах, а скифы лежали мертвыми у их ног, он разыскал художника и приказал ему запечатлеть Аттилу сидящим на троне, тогда как римские императоры взваливают на свои плечи мешки и сыплют золото к его ногам».

Однако, как и годом ранее в Галлии, италийский поход Аттилы не во всем пошел так, как предполагалось заранее. Ватиканские источники и голливудские сценаристы любят фокусировать внимание на одном частном эпизоде, когда после падения Милана папа Лев как участник миротворческой миссии, в которую входили префект Тригеций и консуляр Авиен, встретился с Аттилой, чтобы попытаться убедить его не нападать на Рим. В конечном счете гунны повернули вспять, в очередной раз убравшись в Венгрию.

В определенных кругах это событие было подано как выдающаяся личная победа папы в области тайной дипломатии. Действительность оказалась более прозаичной. Помимо вдохновленного Господом Льва, здесь были задействованы другие силы. Во время похода Аттилы в Италию — похода, который, в сущности, свелся к серии осад, — отсутствовала надежная система снабжения; в тех зачастую стесненных условиях гуннское войско оказалось уязвимо во многих отношениях. Хронист Гидаций скупо поведал об этом так: «Гунны, которые разграбили Италию

и взяли приступом немало городов, понесли Божью кару, претерпев ниспосланные небом испытания — голод и мор». К тому времени, когда пал Милан, мор уже собирал обильную жатву, да и ситуация с продовольствием становилась критической. Кроме того, в Константинополе теперь был новый властитель, император Маркиан, и его войска (наряду с теми силами, которые сумел собрать Аэций) вовсе не бездействовали: «В довершение всего [гунны] были наголову разбиты направленными императором Маркианом вспомогательными частями под командованием Аэция, и они одновременно гибли в своих становищах как от ниспосланных небом испытаний, так и от рук солдат Маркиана» (Hydat. Chron. 154). По-видимому, пока Аэций, возглавлявший объединенные силы Востока и Запада, изматывал гуннские полчища в Италии, другие восточноримские войска совершали рейд в области к северу от Дуная, в глубь владений Аттилы. Это были смертельные тиски, поэтому, как и годом ранее, у Аттилы Гунна не оставалось иного выбора, кроме отступления. После заключения некого подобия мира или перемирия полчища Аттилы откатились в Центральную Европу*.

Если 451 г. ознаменовался не более чем тактической неудачей, два крупных поражения, понесенных впервые за много лет, причинили существенный ущерб репутации

---

*Тот факт, что Аэций не мог и не хотел выступить против Аттилы во главе еще одной конфедерации, как он сделал это в Галлии, нередко вызывает комментарии. Проспер Тирона (s.a. p. 451) считает, что Аэций был застигнут врасплох, и некоторые полагают, что так оно и было. Maenchen-Helfen, 1973, p. 135 ff., убедительно реконструирует контрмеры Аэция и помещает их в контекст других римских мероприятий того времени по укреплению обороны в долине По. Я также согласен с Maenchen-Helfen в интерпретации текста Гидация (Hydat. Chron. 154) таким образом, что Аэций принял восточноримскую военную помощь в Италии, равно как и воспользовался военной акцией восточноримских войск на Дунае.

великого завоевателя. Эти военные акции на римском Западе в действительности оказались для Аттилы гораздо более тяжелыми, нежели его балканские предприятия десятилетием раньше. Гуннская империя не располагала бюрократическим аппаратом своей римской соседки, каким бы несовершенным он ни был. Насколько нам известно, вся гуннская бюрократия в то время сводилась к одному присланному римлянами секретарю и еще пленнику по имени Рустиций, которого взяли на службу за его умение вести переписку на греческом и латыни. Поэтому невозможно представить себе, чтобы гунны располагали чем-то, хотя бы отдаленно напоминающим присущую римлянам способность планировать и обеспечивать на месте систему снабжения продовольствием и фуражом, необходимую для проведения крупномасштабных военных операций. Несомненно, когда раздавался клич, звавший в поход, предполагалось, что каждый воин возьмет с собой определенный запас провианта, однако в том случае, если военные действия затягивались, гуннское войско было вынуждено существовать в основном благодаря подножному корму. Поэтому во время походов на дальние расстояния трудности, возникавшие в связи с сохранением армии в качестве эффективной боевой силы, возрастали многократно. Усталость, равно как и вероятность нехватки продовольствия, и возможность возникновения эпидемии повышались по мере того, как увеличивалось расстояние. Кроме того, существовала большая вероятность того, что, если войскам придется рассредоточиться по незнакомой местности в поисках продовольствия и фуража, будет затруднительно вновь собрать их для битвы. В 447 г. во время самого глубокого из всех рейдов на Балканы полчища Аттилы, чтобы дать первое большое сражение, прошли на запад вдоль северного хребта Балканских гор, перевалили через него, затем двинулись на юг, к Константинополю, потом на юго-запад, к Херсонесу Фракийскому, чтобы дать второе сражение: в целом это расстояние примерно в 500

километров. В 451 г. войску гуннов пришлось покрыть расстояние от Венгрии до Орлеана, т.е. около 1200 километров, а в 452 г. — от Венгрии до Милана, приблизительно 800 километров, однако на этот раз гуннам пришлось вести осаду, что сделало их более уязвимыми для болезней*. Как полагают многие исследователи, во время походов, столь значительно углублявшихся на территорию Западной Европы, Аттила и его войска были практически обречены на то, чтобы претерпевать серьезные неудобства.

Однако Аттиле урок не пошел впрок. В начале 453 г. он намеревался предпринять еще один опустошительный рейд по просторам Европы, когда Божья кара настигла наконец того, кого прозвали «бичом Божьим». Только накануне Аттила взял себе очередную жену (мы не знаем,

*Даже в гораздо более поздние времена армии, выступавшие в поход на столь значительные расстояния, терпели неудачу. Так, летом 1914 г. германские армии дошли до ворот Парижа, однако затем откатились обратно (нет никаких данных о том, что св. Женевьева приняла в этих событиях какое-то участие). Их наступательный порыв иссяк в результате не только смелого тактического маневра, предпринятого французской армией на реке Марне, но и физического утомления, облегчившего французам их задачу. Британский кавалерист, отступавший перед немецким натиском, писал: «Самой большой проблемой... была... усталость... Я неоднократно падал с лошади и видел, что с другими происходит то же самое; они медленно наклонялись вперед, хватаясь за шеи своих лошадей, едва оставаясь в сознании и почти невменяемые. Во время любой остановки люди засыпали мгновенно» (цит. по: Keegan, 1988, p. 107). Разумеется, между ситуациями 451 и 1914 г. было немало различий. В 1914 г. расстояние от Бельгии до Парижа было покрыто примерно за две недели; люди проходили ежедневно по 40 километров, и так день за днем. Гуннское нашествие продвигалось гораздо медленнее. В 1914 г. до границы Германии с Бельгией немцы доехали по железной дороге, так что им оставалось преодолеть в пешем строю и на лошадях всего лишь около 500 километров, причем они располагали системой снабжения и везли с собой обозы.

сколько их было всего). Напившись допьяна, он возлег на брачное ложе; тогда с ним случился инсульт, и он умер. Невеста Аттилы была слишком напугана, чтобы поднять тревогу; утром ее нашли рядом с трупом. Похороны Аттилы превратились в некое действо, исполненное скорби и возвеличивания, как об этом пишет Иордан:

«Его тело было помещено... на возвышение в шелковом шатре... Лучшие наездники из числа гуннов скакали кругами снаружи... и возвещали о его деяниях: "Владыка гуннов, царь Аттила, рожденный своим отцом Мундиухом, господин храбрейших племен, единственный обладатель скифского и германского царств — держав прежде неизвестных — завоевал города и устрашил обе половины римского мира; умиротворенный их мольбами, он взимал с них ежегодную дань, избавляя остальное от разграбления. И когда он все это осуществил... он умер не от руки врага и не вследствие предательства друзей, а среди своего народа, в мирной обстановке, наслаждаясь своим счастьем и не помышляя о печали"».

Когда свершилась тризна, «под покровом ночи гунны предали его тело земле. Они запечатали его гробы — первый из золота, второй из серебра, третий из железа... железо — потому что он покорял народы, золото и серебро — поскольку принял почести от обеих империй. Гунны также погребли вместе с ним вооружение врагов, побежденных в сражениях, конскую сбрую невероятной ценности, сверкавшую разнообразными драгоценными камнями, и различные украшения... а затем... они перебили тех, кто выполнил эту работу» (Getica. 49. 256—258).

Гунны и Рим

Глубокое воздействие, оказанное на римский мир возникновением Гуннской державы, можно разделить на три фазы. Первая (как мы видели в IV и V главах) породила два

серьезных кризиса на границе Римской империи, в 376—380 и 405—408 гг., вынудив последнюю смириться с образованием на своей территории независимых варварских анклавов. В свою очередь, эти анклавы порождали новые и, как мы видели в VI главе, значительно усугубляли действие центробежных сил внутри «тела» империи. В ходе второй фазы, в течение жизни одного поколения до Аттилы, гунны из захватчиков превратились в создателей империи в Центральной Европе, в результате чего иссяк поток беженцев на римскую территорию. Гуннам требовались подданные, чтобы их эксплуатировать, поэтому они стремились подчинить своей власти потенциальных кандидатов на эту роль. Тогда же Констанцию и Аэцию удавалось использовать гуннскую мощь, чтобы держать под контролем те племенные объединения, которые в прежние времена пересекали границу империи, спасаясь от гуннов. Однако, поскольку ни одно из этих объединений фактически не было ликвидировано, паллиативные результаты второй фазы гуннского воздействия на римский мир, безусловно, оказались пагубнее, чем вред, нанесенный ему в рамках первой фазы.

Осуществленные Аттилой крупномасштабные военные акции 440-х и начала 450-х гг. отмечают третью фазу в отношениях между гуннами и римлянами. Результаты этих походов, как и следовало ожидать, оказались из ряда вон выходящими. Балканские провинции Восточной Римской империи были опустошены, тысячи людей убиты, когда гунны захватывали один город за другим. Как на редкость красноречиво свидетельствуют находки в Неаполе на Истре, восстановить можно было римскую администрацию, но не тот класс говорящих на латыни и греческом землевладельцев, который формировался в течение предшествующих четырех столетий. Поход в Галлию в 451 г. и особенно нашествие на Италию в 452 г. нанесли огромный ущерб тем, кто имел несчастье оказаться на пути гуннов.

Однако если мы отвлечемся от этой драмы и шире взглянем на состояние Римской державы, походы Аттилы, хотя и были разрушительными, не представляли собой угрозу самому существованию империи. Восточная половина Римской империи зависела от налогов, которые она собирала с тех богатых провинций, что протянулись дугой от Малой Азии до Египта; эти территории находились вне пределов досягаемости гуннов. Несмотря на все их искусство в деле осады городов, тройное кольцо стен вокруг Константинополя делало столицу Восточной Римской империи неприступной; между тем у гуннов не было флота, чтобы перевезти их через проливы, которые отделяли Балканы от процветавших провинций Азии. Похожая ситуация сложилась на Западе. Ко времени Аттилы уже ощущались значительные финансовые затруднения, но, осознав проблемы со снабжением, присущие военной организации гуннов, Аттила ни на шаг не приблизился к их решению. В действительности гораздо более серьезный ущерб был косвенно нанесен имперским структурам в результате наплыва варварских вооруженных формирований между 376 и 408 г. Более того, опять-таки именно косвенное воздействие державы Аттилы явило собой реальную угрозу единству Западной Римской империи. Поскольку Аэцию пришлось сосредоточиться на борьбе с Аттилой, у него оставалось меньше времени и ресурсов, чтобы противостоять другим угрозам римскому Западу, возникшим в 440-х гг. И вот эти-то другие угрозы обошлись Западной Римской империи гораздо дороже, чем вторжения гуннов в 451 и 452 гг. Первой и куда более серьезной потерей стал вынужденный отказ от планов отвоевания у вандалов Северной Африки.

К сожалению, в этой ситуации Аэций едва ли мог оказать действенную помощь Иберийскому полуострову. Здесь уход вандалов в 429 г. означал определенное восстановление римского порядка наряду с частичным освоением тех доходных статей, которые были утрачены в 410-х гг.

Испанские провинции являлись богатыми и развитыми, а также хотя и не шли ни в какое сравнение по богатству с Северной Африкой, тем не менее все еще оставались очень ценными «донорами» для западноримской казны. В 410-х гг. большая часть полуострова вышла из-под прямого римского контроля, за исключением Тарраконской Испании на северо-востоке, тогда как вандалы, аланы и свевы поделили между собой остальное. После 429 г. только свевы оставались на полуострове в большом количестве, осев в довольно бедной гористой области на северо-западе под названием Галлеция. Аэций, как и его предшественники, был рад оставить их в покое, не видя необходимости в том, чтобы рисковать столь ценными теперь войсками ради отвоевания этой области*. Напротив, он сосредоточил свои усилия на восстановлении порядка и обеспечении притока денежных средств из более богатых провинций, оставленных вандалами и аланами, до тех пор, пока его не отвлек захват Карфагена Гейзерихом.

Находясь под властью их нового короля Рехилы, который наследовал своему отцу в 438 г., свевы воспользовались тем, что все внимание Аэция оказалось приковано к Северной Африке, чтобы расширить свои владения. В 439 г. они выступили из Галлеции с целью захвата Мериды, главного города соседней провинции Лузитании. В 440 г. они пленили комита (comes) Цензория, военачальника и главного представителя Аэция на полуострове. В 441 г. они захватили Севилью и распространили свою власть на всю Бетику и Картахену. Отсутствие каких бы то ни было осмысленных ответных действий со стороны Аэция, который в то время опрометчиво концентрировал свои войска на Сицилии, предоставило местным вооруженным формированиям багаудов возможность ликвидировать цент-

* Впрочем, все они пытались выступать в роли посредников при заключении мира между свевами и провинциалами Галлеции.

ральную власть в областях Тарраконской Испании — единственной провинции, которая в тот момент еще оставалась под контролем имперской администрации. Как и в случае с Галлией, указанные акции, по-видимому, являли собой осуществление притязаний местных властей в то время, когда казалось, что имперская власть погрузилась в летаргию. По крайней мере одно из этих мятежных формирований, во главе которого в 449 г. в Тириассо (Тиразона) встал некий Василий, как кажется, приветствовало нашествие свевов, вероятно, потому, что мятежники видели в нем наиболее действенный способ установления мира, подобно тому как галльские землевладельцы в начале 410-х гг. оказали поддержку вестготу Атаульфу.

Между 439 и 441 г. положение в Испании менялось от плохого к худшему, так что поток денежных средств в конечном счете пересох. Даже после заключения мира с вандалами Аэций мало что мог с этим поделать. О широкомасштабном вторжении не могло быть и речи. В Испанию был послан целый ряд полководцев: в 442 г. Астурий, в 443 г. сам Меробавд, в 446 г. Вит. Астурий и Меробавд сконцентрировали свои усилия на борьбе с багаудами, по-видимому, стараясь удержать хотя бы Тарраконскую Испанию. Задача, стоявшая перед Витом, была более амбициозной. Реанимируя стратегию 410-х гг., он повел объединенные силы римлян и вестготов на Картахену и в Бетику. Наш главный информатор, епископ и по совместительству автор хроники Гидаций сетует по поводу учиненного этим войском «разорения», однако его оценка, вполне возможно, определялась исходом всего предприятия. Когда отряды Вита сошлись в бою со свевами, они были наголову разбиты. Аэций с огромным трудом собрал для Вита войско, которое Гидаций называет «немалым», что в подобных обстоятельствах является красноречивым свидетельством той значимости, которую Аэций придавал возобновлению денежных поступлений из Испании. Впрочем, не подлежит никакому сомнению, что он не мог двинуть на свевов

всю мощь еще остававшихся в его распоряжении западноримских полевых армий, поскольку те должны были оставаться в резерве, чтобы защищать империю от Аттилы. Одержанная победа утвердила господство свевов на большей части полуострова; в очередной раз львиная доля испанских доходов была потеряна для империи*.

Римская Британия тоже агонизировала. Хотя, несмотря на письмо Гонория от 410 г., «убеждавшее [британцев] о себе позаботиться», и на то, что империя более не претендовала на сохранение в регионе своего прямого управления, римский образ жизни в этой провинции кое-где сохранился; кроме того, продолжались тесные бытовые контакты между романо-британцами и жителями континента. В 429 г., а затем еще раз в начале 440-х гг. епископ Герман Оксеррский предпринял поездку на острова, чтобы помочь местным христианам преодолеть влияние еретиков-пелагиан**. Однако ересь не была единственной проблемой, с которой столкнулось последнее поколение романо-британцев: переселенцы из Ирландии (скотты) и Шотландии (пикты) тревожили своими набегами западное и северное побережье Британии; саксы, приплывшие из-за Северного моря, также воспользовались изоляцией римской Британии в своих собственных интересах. Саксы представляли собой реальную угрозу, по крайней мере начиная с III в., и их набеги стали причиной сооружения мощных укреплений вдоль восточного и южного побережья Британии. Некоторые из них сохранились до наших дней, в частности форты Портчестер и Карлеон. Мы не

---

*Источником любых сведений об Испании 430—440-х гг. является труд Гидация (Chron. 91—142).

** Пелагианская ересь получила свое название по имени богослова Пелагия, выходца из жителей римской Британии, утверждавшего (не в последнюю очередь в ходе полемики с Августином), что спасение требует не только Божьей благодати, на чем настаивали другие богословы, но и серьезных индивидуальных усилий, направляющих жизнь по пути добродетели.

знаем, кто осуществлял власть в охваченном смутой пространстве постримской Британии, однако на протяжении жизни примерно одного поколения городские общины все еще существовали, продолжая давать по крайней мере какую-то часть от прежнего объема налоговых поступлений*.

Британский автор VI в. монах Гильдас в своем сочинении, носящем подходящее название «На руинах Британии», сообщает о том, что власть в конечном счете попала в руки безымянного тирана, которого Беда называет Вортигерном. Он и «совет» (вероятно, представители уцелевших городских советов) пришли к убеждению, что использование наемников-саксов решит проблемы романобританцев, подвергавшихся серьезным опасностям и страдавших от набегов варваров. О том, что случилось дальше, вкратце поведал Гильдас, создававший назидательное произведение для своих современников, однако это свидетельство, насколько можно судить, вполне достоверно**:

«[Саксы]... требовали, чтобы их обеспечили всем необходимым, лживо называя себя воинами, готовыми противопоставить самым серьезным опасностям свои великолепные боевые порядки. Снаряжение было им выдано и надолго «заткнуло собачью пасть». Затем они снова стали жаловаться на то, что их месячное довольствие недостаточно... и поклялись, что нарушат соглашение и опустошат весь остров, если им не будет выплачено более щедрое жалованье. Последствия не заставили себя ждать: саксы немедленно привели свои угрозы в исполнение».

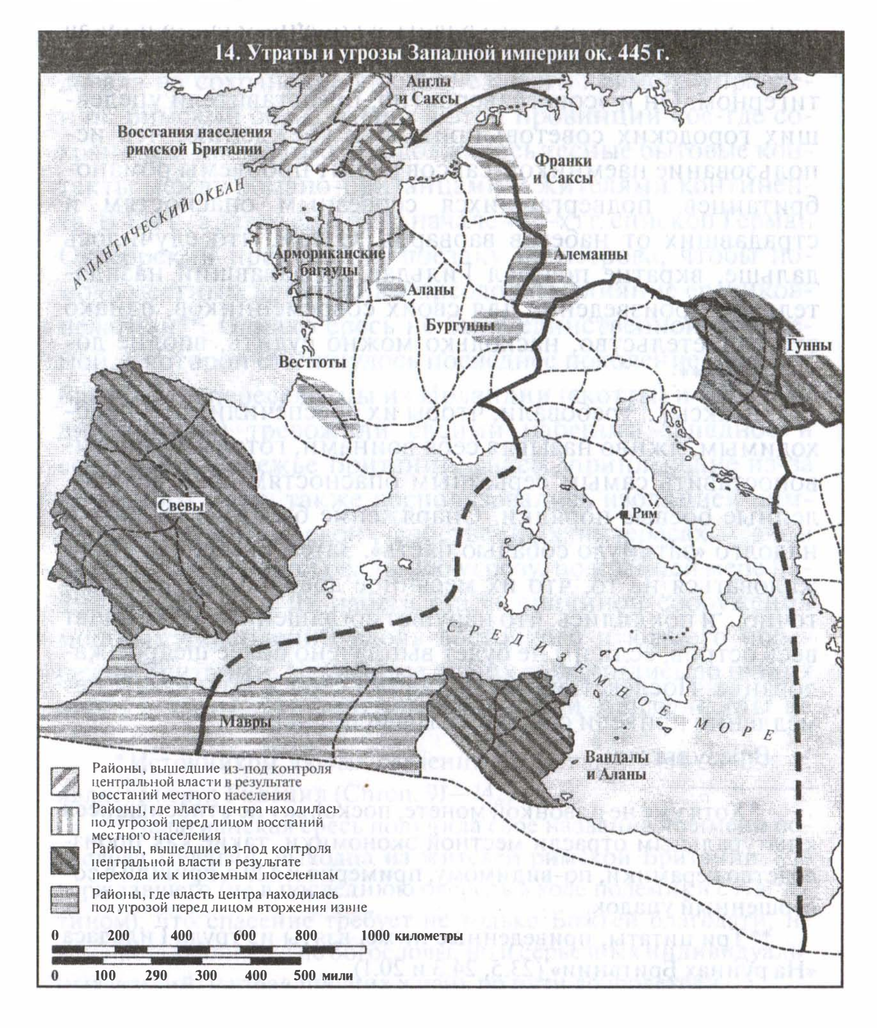
В результате:

---

* Хотя уже не в звонкой монете, поскольку не относившиеся к натуральным отрасли местной экономики, такие как производство керамики, по-видимому, примерно к 420 г. пришли в совершенный упадок.

** Три цитаты, приведенные ниже, взяты из труда Гильдаса «На руинах Британии» (23.5, 24.3 и 20.1).

«Все крупные города были повергнуты наземь непрестанными ударами вражеских таранов; повергнуты были и все их обитатели — князья церкви, священнослужители и их паства, ибо всюду сверкали мечи и шумело пламя... Среди площадей камни, некогда положенные в основание высоких стен и башен, а теперь исторгнутые из их величественной кладки, священные алтари, части мертвых тел,

покрытые пурпурной коркой запекшейся крови, казалось, попали под некий чудовищный пресс, которым давят виноград».

Гильдас никак не датирует этот мятеж — впрочем, он вообще не дает точных датировок, — однако два хрониста, писавших в Галлии, чья осведомленность о событиях в Британии говорит о продолжавшихся сношениях через пролив, что, в свою очередь, засвидетельствовано в «Житии св. Германа», отмечают, что положение на том пространстве, которое осталось от римской Британии, стало поистине угрожающим где-то около 440 г. Оказавшись перед лицом постоянно ухудшавшейся ситуации, жители римской Британии в последний раз обратились с просьбой вновь принять их под крыло империи (официальное послание было адресовано Аэцию). Датировка этого обращения остается спорной, однако Гильдас дает понять, что Аэций на тот момент был «трехкратным консулом». В третий раз Аэций стал консулом в 446 г., поэтому, если считать указание Гильдаса достоверным, послание дошло до адресата в то самое время, когда тот с тревогой смотрел в сторону Дуная, пытаясь разглядеть первые признаки надвигавшейся гуннской угрозы. Даже если Гильдас ошибся, тем не менее примерную дату можно считать установленной. Аэцию пришлось иметь дело с чересчур многими угрозами в других местах, чтобы быть в состоянии ответить на последний отчаянный призыв римской Британии*.

Картина вышла мрачная. К 452 г. Западная Римская империя потеряла существенную часть своих провинций (см. карту № 14): всю Британию, большую часть Испании, богатейшие провинции Северной Африки, те области Юго-Западной Галлии, которые пришлось уступить вест-

---

*О кризисе 440-х гг. и конце римской Британии см., например: Campbell, 1982, Ch. 1; Higham, 1992, Chs 5—8; Salway, 1981, Ch. 16; Esmonde Cleary, 2000.

готам, а также Юго-Восточную Галлию, отданную бургундам. Кроме того, большая часть из оставшихся территорий пережила серьезные потрясения за последнее десятилетие или около того, и доходы с этих земель также должны были весьма существенно сократиться*. Проблема сокращения финансовых ресурсов стала непреодолимой. Косвенная роль гуннов в этом процессе истощения, выразившаяся в том, что они изначально вынудили толпы вооруженных переселенцев двинуться через границу, нанесла гораздо больший вред, нежели какой бы то ни было прямой ущерб, причиненный Аттилой.

* Речь идет о том, что осталось от Северной Африки, а также о Южной Галлии, простиравшейся на восток до Арля, и Северо-Западной Галлии, которые подверглись бесчинствам багаудов, тогда как Центральная Галлия и Северная Италия немало претерпели в результате походов Аттилы.

Часть третья

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИЙ

Глава восьмая

РАСПАД ГУННСКОЙ ИМПЕРИИ

Распад империи Аттилы сам по себе представляется из ряда вон выходящим явлением. Вплоть до 350 г. гунны не имели никакого отношения к европейской истории. В течение 350—410 гг. римляне, как правило, сталкивались лишь с немногочисленными отрядами промышлявших набегами гуннов. Спустя 10 лет гунны в огромном числе расселились западнее Карпатских гор на Большой Венгерской равнине, однако в большинстве своем они все еще оставались верными союзниками Рима. В 441 г., когда Аттила и Бледа впервые предприняли прорыв через римскую границу, «союзники» показали себя по-иному. За 40 лет гунны, начав с нуля, поднялись до уровня европейской сверхдержавы. С какими критериями мы бы к нему ни подходили, это был ошеломляющий результат. Однако крах империи Аттилы был еще более ошеломляющим. В 469 г., всего лишь через 16 лет после его смерти, последние гунны искали спасения в пределах Восточной Римской империи. Развал их державы должен был весьма серьезно отразиться на судьбах римского Запада.

Империя на пути к гибели

Реконструкция истории краха гуннского господства в Центральной Европе представляет собой трудную задачу.

Наш старый знакомый Приск описал эту историю в деталях, но, поскольку в повествовании об упадке империи нашлось совсем немного места для дипломатии, от его рассказа, сохранившегося в эксцерптах Константина VII «О посольствах», мало что уцелело. В основном нам придется опираться на одно из самых увлекательных исторических сочинений поздней античности, дошедших до наших дней. Это «История готов», или «Гетика» Иордана, чей голос мы уже слышали в предыдущих главах. Около 10 страниц текста (половина из них примечания) в стандартном издании представляют собой единственное на сегодняшний день связное повествование о падении империи Аттилы (Iord. Getica. 48. 246—55. 282).

Иордан был готом по происхождению, жившим в Константинополе около 550 г.; таким образом, он писал спустя примерно сто лет после тех событий, которые нас интересуют. В ту пору Иордан являлся монахом, однако в прежние времена он успел послужить секретарем у римского военачальника на Дунае и, следовательно, не был лишен необходимого опыта. В предисловии к «Гетике» он сообщает о том, что его «История готов» является, по сути, сокращением утерянного исторического сочинения, написанного римлянином из Италии по имени Кассиодор. В 520-х гг. Кассиодор был советником Теодориха Амала, остготского короля Италии. Иордан говорит, что имел доступ к «Истории» Кассиодора в течение всего лишь трех дней, когда работал над своим «сокращением», и что, как он утверждает, «хотя я и не припоминаю самих слов этих книг, однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел, и описанные события». Некоторые усмотрели в этом нечто сомнительное, предположив, что либо у Иордана было гораздо больше времени для работы с первоисточником, нежели он уверяет, либо он очень мало взял из этого труда, попытавшись использовать имя Кассиодора в собственных целях. Впрочем, эти гипотезы совершенно беспочвенны, поскольку их авторы не в состоянии найти убе-

дительную причину, которая побудила бы Иордана солгать*. Я уверен в том, что почти всегда он сообщает достоверную информацию, стараясь непосредственно следовать схеме Кассиодора. Текст «Гетики» достаточно хорошо согласуется с теми скудными данными об «Истории» Кассиодора, которые нам известны из других источников**.

Но даже если в предисловии Иордана нет никакого серьезного подвоха, это не делает «Гетику» абсолютно достоверным источником. Кассиодор написал свою «Историю готов» для двора остготского короля, Теодориха Амала, и это обстоятельство накладывает свой неизгладимый отпечаток на повествование о крахе гуннского могущества, которое дошло до наших дней на страницах «Гетики». Кроме

---

* Момильяно (Momigliano, 1955) и Гоффарт (Goffart, 1988) приходят к противоположным выводам относительно зависимости Иордана от труда Кассиодора исходя из более или менее одинаковых предпосылок. Предположения относительно того, почему Иордан мог солгать, в основном опираются на тот факт, что он писал накануне византийской военной экспедиции, сокрушившей Остготское королевство в Италии. Было высказано мнение о том, что в «Гетике» содержится важный политический призыв (Кассиодора или якобы Кассиодора) к населению не оказывать сопротивления византийским войскам. Авторы этих гипотез сознательно игнорируют вопрос о том, каким образом мнимый политический призыв «Гетики» должен был распространяться. Единственный способ превратить литературную историю в политическую пропаганду — это представить себе, что землевладельцы подобраны и изображены в «Гетике» точно так же, как эти люди изображены в речах Фемистия, Меробавда или Аполлинария Сидония. Это совершенно невероятно. Более подробную аргументацию см.: Heather, 1991, Ch. 2.

** Кассиодор сосредоточил свое внимание на королевской династии, из которой происходил его патрон Теодорих, т.е. на доме Амалов, и подчинил историю готов географическому критерию, разделив ее в соответствии с теми регионами, где готы жили в разные периоды времени. Оба этих аспекта присутствуют в сочинении Иордана. Подробнее см.: Heather, 1993.

всего прочего, как и следовало ожидать, этому рассказу присущ ярко выраженный «готоцентризм». Одна лишь история о том, как готы избавились от гуннского господства, изложена на страницах «Гетики» относительно подробно, и даже гунны от случая к случаю появляются в этом повествовании. Наконец, что характерно, Кассиодор должен был излагать историю готов так, как того желал упомянутый готский король. Как результат, этот труд содержит в себе две погрешности против исторической правды.

Во-первых, автор утверждает, что все те готы, которые не сумели спастись от гуннов в 376 г. благодаря переселению на земли Римской империи, сразу же подпали под гуннское владычество. Это абсурд. В действительности нам известны семь объединений готов, помимо грейтунгов и тервингов, которые искали убежища у императора Валента в 376 г. (и нет оснований полагать, что даже этот список является исчерпывающим):

1. Готы Амала, которые ко времени Аттилы находились под гуннским господством, а впоследствии стали подданными Теодориха.

2. Готы Радагайса, которые вторглись в Италию в 405—406 гг. и в дальнейшем влились в новое племенное объединение вестготов под предводительством Алариха (см. пятую главу).

3. Готы в Паннонии, отрезанные от области гуннского господства римской военной акцией в 420-е гг. и поселенные римлянами во Фракии; вполне вероятно, что они были предками племенного объединения, зафиксированного ниже в пункте 6.

4. Готы короля по имени Бигелис, который осуществил неудачное вторжение в пределы Восточной Римской империи где-то между 466 и 471 г.

5. Готы, действовавшие под началом Денгизиха, сына Аттилы, когда он вторгся на территорию Восточной Римской империи в конце 460-х гг.

6. Большое объединение готов, поселившихся во Фракии в качестве римских союзников около 470 г.

7. Два других, меньших по численности, готских объединения обосновались в анклавах на побережье Черного моря: тетракситы в районе Боспора Киммерийского и готы Дори в юго-западной части Крыма*.

Сосредоточившись исключительно на объединении, зафиксированном в пункте 1, исторический подход автора «Гетики», таким образом, в значительной степени упрощает готскую историю.

Во-вторых — и этот факт непосредственно связан с первым, — в «Гетике» преувеличено историческое значение династии Амалов, из которой происходил патрон Кассиодора Теодорих. Поделив готов на тех, кто подпал под власть гуннов в 376 г., и тех, кто избежал этой участи, автор «Гетики» получил возможность утверждать, будто род Амалов в течение длительного времени царствовал над всеми теми готами, которые не оказались на римской территории в годы правления Валента. Впоследствии Амалы, как уже говорилось, имели непосредственное отношение к созданию племенного объединения остготов, однако это произошло где-то между 460 и 490 г. Ничто не свидетельствует о том, что династия Амалов представляла собой нечто выдающееся до той поры, когда она овладела этим новым залогом своего могущества. Династы-выскочки зачастую утверждают, что они вовсе не худородные, и, что

---

* Группа 1: самое раннее упоминание о ней происходит из рассказа Иордана о крахе гуннской державы; впоследствии эта группа фигурирует во многих более поздних источниках (подробнее см.: Heather, 1996, p. 111—117). Группа 2: см. с. 193—194. Группы 3 и 6: отчетливое свидетельство о них имеется у Малха из Филадельфии (относится к 470-м гг.); вероятно, об их возникновении говорится у Theophan. AM. 5931 (подробнее см. Heather, 1996, p. 152 ff.); см. выше, гл. 7. Группа 4: Iordan. Romana 336. Группа 5: Prisc., fr. 49. Группа 7: Procop. Bella. VIII. 4. 9 ff. («немногочисленные»), Aedif. III. 7. 13 (числом 3 тысячи воинов).

касается Теодориха, это был тот самый случай. В своих письмах Кассиодор постоянно называет род Теодориха «порфирородной династией»; эта идея пронизывала «Историю» Кассиодора, чем объясняется ее присутствие в «Гетике». Кроме того, нет никаких оснований считать, что наш перечень семи готских объединений является исчерпывающим: существовало множество готских «королевских» родов, представители которых воевали друг с другом во главе собственных дружин*. В действительности падение гуннской империи сопровождалось гораздо большим смятением, нежели утверждает Иордан.

Как считает автор «Гетики», причины краха гуннской державы восходят к разгоревшемуся вскоре после внезапной смерти Аттилы спору за престолонаследие между его сыновьями. По крайней мере трое из них фигурируют в разных источниках в качестве известных и вполне самостоятельных лидеров — это Денгизих, Эллак и Ернак, — однако мы не можем даже предположить, сколько было всего этих сыновей, а также все ли они либо только некоторые из них были потенциальными кандидатами на трон своего отца. Конфликт вскоре перерос в междоусобную войну, вследствие чего зависимое германское племя гепидов под предводительством короля Ардариха избавилось от гуннского господства. По-видимому, это означало, что гепиды отказались платить дань или оказывать гуннам военную помощь. Этот мятеж гунны не оставили без последствий, и, как повествует «Гетика», в результате произошло сражение в Паннонии при реке, которая до сих пор не идентифицирована, под названием Недао**:

«Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевс-

---

* Валамер и его племянник Теодорих объединили по крайней мере группы 1 и 6, впрочем, возможно, также 3 и 4; см.: Heather, 1991, Ch. 1, со всеми ссылками.

** Данная ссылка и следующая цитата из «Гетики» Иордана: 50. 261—262; 50. 260.

тва с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают мучению целого, но, по отсечении головы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных в бою, если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать на части. Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротик в своей ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула — с легким оружием. Итак, после многочисленных и тяжелых схваток победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам».

Этот драматический материал по-своему хорош, однако не очень информативен, хотя сам по себе очерк довольно правдоподобен. Безусловно, династическая борьба была нормой в королевском роду гуннов, однако вместе с тем в V в. держава стала более централизованной. В VII главе мы видели, что в итоге прежних схваток за престолонаследие изгнанники королевской крови в конечном счете оказывались в пределах Римской империи, например, в 440-х гг., причем некоторых из них выдавали для казни. Кроме того, непохоже, чтобы Иордан отвел гепидам ведущую роль, если только это вообще было возможно, особенно ввиду того, что к VI в. между готами и гепидами не осталось и тени взаимной приязни*.

Однако, что совсем уж неясно, так это то, кто на чьей стороне принимал участие в битве, а также имело ли место лишь одно крупное сражение или ряд менее значительных столкновений. Да и Иордан несколько темнит относительно исхода всего этого кровопролития. Историк скупо сообщает, что «своим отпадением освободил он [Ардарих] не

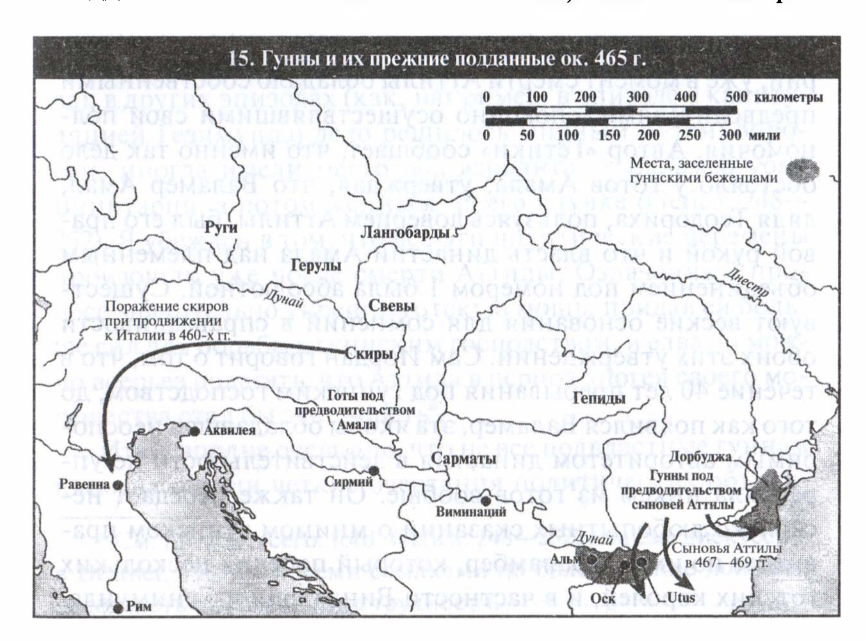
*Теодорих Амал, остготский король Италии, воевал с гепидами, к примеру, в 488—489 гг. и вновь в начале 500-х гг.

только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные». Однако то, как именно произошло это освобождение, остается под вопросом. После того как в ходе битвы (или битв) сын Аттилы, Эллак, был убит, как повествует Иордан, остальные немедленно покинули свои жилища на Среднем Дунае и направились в земли восточнее Карпат и севернее Черного моря, даровав свободу всем подданным гуннов, вне зависимости от того, на чьей стороне те сражались (Getica. 50. 262—264). Приблизительно к 460 г. расположение наиболее мощных племенных объединений на просторах самой Среднедунайской равнины и вокруг нее (насколько мы можем его реконструировать) было примерно таким, как показано на карте № 15. Готы Амала занимали территорию в виде дуги южнее Дуная в бывшей римской Паннонии, — территорию, протянувшуюся от озера Балатон до города Сирмия. Гепиды контролировали земли к северо-востоку, включая большую часть старой римской провинции Дакии, оставленной римлянами в III в. Между этими двумя племенными объединениями, севернее излучины Дуная, обретались свевы, а кроме них — скиры, герулы, руги и сарматы (аланы). В соответствии с дословным прочтением текста Иордана, благодаря восстанию гепидов все эти племенные объединения быстро превратились из гуннских данников в независимые королевства. Впрочем, в отрывках, сохранившихся на страницах других источников, а также в дополнительных деталях повествования самого Иордана присутствует немало ясных указаний на то, что мы имеем дело опять-таки с чересчур упрощенной картиной.

Например, мнение, будто гунны внезапно исчезли из пределов Карпатского региона в 453—454 гг., является глубоким заблуждением. В конце 450-х — начале 460-х гг. они дважды вторгались в земли к западу от Карпат, сталкиваясь в Паннонии с готами Амала, как свидетельствует Иордан (Getica. 268—269, 272—273), а в конце 460-х гг. уцелевшие сыновья Аттилы были все еще в состоянии предпринимать

набеги на территорию Римской империи, пересекая Дунай. Если бы, как сообщает Иордан, гунны покинули Средний Дунай после битвы при Недао, они не двинулись бы дальше. И в то время как битва при Недао освободила гепидов, она, безусловно, не могла освободить всех остальных. Когда гунны под предводительством сына Аттилы Денгизиха в 467—468 гг. в последний раз напали на Восточную Римскую империю, в его распоряжении, как сообщает Приск (fr. 49), все еще было немалое число готов. Иордан также рассказывает о том, как Денгизих мобилизовал несколько племен — ултзинзуров, ангискиров, биттугуров и бардоров — для повторного нападения на готов Амала (Getica. 272—273). Это вовсе не означает, что битва при Недао не была важным поворотным пунктом, однако показывает нам, что гуннское господство над другими этническими общностями Карпатского региона вовсе не сошло на нет в одночасье.

Путь к свободе готов Амала и большинства гуннских подданных также не был вполне таким, каким его изобра-

15. Гунны и их прежние подданные ок. 465 г.

жает Иордан. Никакой единовременный акт освобождения никогда никого не освобождал в тот же миг. Как мы видели, ко времени смерти Аттилы под властью гуннов находились по крайней мере три обособленных объединения готов, а еще раньше существовало четвертое, вырванное из-под гуннской власти военной акцией Восточной Римской империи и поселенное во Фракии в 420-е гг. Объединение под номером 1 стало свободным к концу 450-х гг., под номером 4 — к середине 460-х гг., тогда как объединение под номером 5 вообще никогда не обрело свободу, приняв участие в последнем нападении гуннов на империю в 467—468 гг. Мы не располагаем соответствующими сведениями в отношении других подвластных гуннам народов, однако за каждым конкретным этнонимом — свевы, руги, герулы, гепиды, аланы и т.д. — может стоять несколько аналогичных политических объединений, которые избавились от гуннского господства, по разным предположениям, между 453 и 468 г.

Не стоит полагать, будто каждое из суверенных объединений, появившихся на развалинах гуннской империи, уже в момент смерти Аттилы обладало собственными предводителями, спокойно осуществлявшими свои полномочия. Автор «Гетики» сообщает, что именно так дело обстояло у готов Амала, утверждая, что Валамер Амал, дядя Теодориха, пользуясь доверием Аттилы, был его правой рукой и что власть династии Амала над племенным объединением под номером 1 была абсолютной. Существуют веские основания для сомнений в справедливости обоих этих утверждений. Сам Иордан говорит о том, что в течение 40 лет пребывания под гуннским господством, до того как появился Валамер, эта якобы обладавшая неоспоримым авторитетом династия в действительности не управляла никем из готов вообще. Он также передает несколько любопытных сказаний о мнимом гуннском правителе по имени Баламбер, который победил нескольких готских королей, и в частности Винитария и Гунимунда.

Множество явных хронологических неувязок можно объяснить тем, что рассказы о подвигах Баламбера, по-видимому, описывают то, как Валамер впервые объединил готов Амала под своей властью. Баламбер более не упоминается ни в каких других источниках; между тем по-гречески Валамер пишется как «Баламер». Эти сказания повествуют о том, как он одержал верх над двумя соперничавшими с ним королевскими династиями готов в лице Винитария и Гунимунда вместе с сыном последнего, Торисмундом. Гезимунд, брат Торисмунда, предпочел признать верховную власть Валамера, нежели продолжать борьбу, тогда как сын Торисмунда, Беремунд, бежал на запад, в пределы Римской империи.

Оставив династию Амалов с ее уникальным, к моменту смерти Аттилы уже давно накопленным авторитетом, обратимся к некоторым из соперничавших с ней мелких готских вождей, у каждого из которых имелась собственная дружина. Как кажется, именно Валамер впервые их объединил, в некоторых случаях посредством прямого вооруженного насилия (как в случае с убийством Гунимунда); в других эпизодах (как, например, в эпизоде с капитуляцией Гезимунда) дело решилось мирным путем; впрочем, иногда имели место оба варианта — Валамер убил Винитария, а потом женился на его внучке (Getica. 248—252). Я убежден в том, что все эти политические перемены произошли уже после смерти Аттилы. Означенный процесс значительно укрепил готскую мощь, придав ей больше сил для борьбы с гуннским господством, и едва ли можно всерьез полагать, что Аттила в период апогея своего могущества стал бы это терпеть*.

Итак, вполне очевидно, что не все подвластные гуннам племена обрели четкие очертания политических объеди-

---

* См. прежде всего: Iord. Getica. 248—252, а также дискуссию в Heather, 1989), со всеми ссылками на более ранние попытки преодолеть эти очевидные трудности.

нений во главе с собственными предводителями, терпеливо ожидавшими в полной готовности, чтобы начать борьбу за независимость, как только великий правитель умрет. Вероятно, у гепидов все так и было, и данным обстоятельством можно объяснить тот факт, что им удалось столь скоро восстановить свою независимость. Однако другие общности, которые, как мы видели, включились в борьбу за освобождение после смерти Аттилы, в то время едва сложились — так сказать, впопыхах и под руководством новых вождей. Например, образование королевства скиров пошло далеко не прямым путем. В 460-х гг. ими правил тот самый Эдекон, которого мы уже встречали в предыдущей главе в роли одного из доверенных людей Аттилы, принадлежавшего к его ближайшему окружению, — человек, которого римляне из Восточной империи пытались подкупом склонить к убийству тогдашнего гуннского правителя. Эдекону наследовали двое сыновей, Одоакр и Гунульф. Когда гуннская империя распалась, Эдекон, конечно же, сумел перестроиться, превратившись из верного приверженца гуннов в короля скиров. Любопытно, что он, по всей видимости, не был скиром по рождению. О его сыновьях говорили, что их мать была скирианка, сам же Эдекон считался либо гунном, либо тюрингом. Последнее, будучи более вероятным, по-видимому, все-таки ближе к истине. Если что-то и дало Эдекону право стать королем скиров, то вовсе не его происхождение, а брачный союз, заключенный им скорее всего с дочерью какого-то знатного скира, наряду с его высокопоставленным положением при дворе Аттилы. О других объединениях у нас нет сведений; однако я полагаю, что в основном политическое переустройство такого рода имело место с середины и до конца 450-х гг., до того как королевства, ставшие наследниками гуннской империи, смогли выйти на авансцену истории*.

---

*См.: PLRE, vol. II, p. 385—386. Менхен-Хельфен отрицает идентичность двух Эдеконов (Maenchen-Helfen, 1973, p. 388, n. 104), однако мнение об их идентичности является общеприня-

Если сопоставить все эти фрагменты, перед нами возникнет совершенно иная картина краха гуннской империи, нежели та, которую нам предложил Иордан. Если отвоевание независимости со стороны по крайней мере некоторых из подвластных племен должно было предваряться серьезными политическими перегруппировками, это свидетельствует о том, что гуннская империя медленно шла к своей гибели, так как гунны постепенно теряли контроль над этими племенами.

Появление новых независимых племенных объединений дало импульс финальной стадии в процессе гибели гуннской державы. Большинство из них гунны некогда собрали вместе на Большой Венгерской равнине, и эта беспрецедентная концентрация вооруженных формирований образовала невероятно мощную военную машину*. В римский период, когда эта территория была поделена между сарматами, свевами и вандалами, римские политики строго следили за тем, чтобы не допустить скоплений варваров на приграничных землях, из опасения, что это приведет к войне. Исчезновение гуннского господства создало именно то положение, которого традиционная римская политика стремилась избежать: речь идет о концентрации на сравнительно небольшой территории соперничающих между собой вооруженных племенных объединений. В результате борьба за независимость естественным образом переросла в войну 460-х гг. за гегемонию в регио-

тым; наряду с общим обзором истории возникновения королевств, пришедших на смену державе гуннов, см.: Pohl, 1980.

* Возможно, за исключением готов Амала. Иордан сообщает, что они расселились западнее Карпат после того, как гунны бежали на восток, потерпев поражение в битве при Недао (Getica. 50. 263—264). Это сообщение представляется неправдоподобным; я полагаю, что готы были расселены гуннами в Паннонии, и не по своей инициативе, однако подтвердить это не представляется возможным.

не, поскольку вновь созданные королевства втянули друг друга в борьбу за господство на Дунае.

Итак, на страницах «Гетики» мы обнаруживаем единственное связное повествование, которое, разумеется, представляет события как триумф готов Амала (Iord. Getica. 53. 272—55. 282). Как сообщает Иордан: «Они энергично повели в борьбу со свевами, над которыми одержали крупную победу. Тогда свевы настроили против готов другие региональные племенные объединения, и прежде всего скиров, которым удалось убить Валамера в первой же стычке. Однако готы жестоко отомстили им, уничтожив объединение скиров как суверенное образование. Это вынудило большинство остальных — свевов, уцелевших скиров, ругов, гепидов, сарматов «и других» — объединиться против готов. Результатом явилась еще одна великая битва при еще одной неидентифицированной реке в Паннонии, Болии, где, как свидетельствует Иордан, «готам удалось одержать верх настолько, что поле, смоченное кровью павших врагов, казалось красным морем, а оружие и трупы были нагромождены наподобие холмов и заполняли собой пространство более чем на десять миль. Увидев это, готы возрадовались несказанным ликованием, потому что таким величайшим избиением врагов они отомстили и за кровь короля своего Валамера, и за свою обиду» (Getica. 54. 279).

Иные источники сообщают нам достаточно сведений, чтобы подтвердить версию Иордана. Как свидетельствует фрагмент «Истории» Приска, накануне решительных действий скиры и готы Амала направили посольства в Константинополь с целью заручиться поддержкой Восточной Римской империи (fr. 45). О разгроме скиров также упоминается в других источниках. Однако всегда ли готы Амала побеждали, и если да, то насколько полными были одержанные ими победы, мы не знаем.

Насилие и нестабильность в регионе только тогда начали постепенно сходить на нет, когда некоторые из про-

тивоборствовавших племенных объединений были уничтожены. Королевство скиров лишилось независимости в конце 460-х гг., а в 473 г. готы Амала покинули эту землю, чтобы попытать счастья в пределах Восточной Римской империи. Однако ни одно из этих событий не произошло в тот момент, который мог бы спасти сыновей Аттилы. Когда разразились события 450—460-х гг., их позиции уже были непоправимо ослаблены. Каждый случай завоевания независимости означал, что еще одно некогда подвластное племя прекратило выплату ежегодной дани. Уже одно это было плохо; однако вскоре вновь образовавшиеся королевства начали переходить к активным действиям, стремясь улучшить собственные позиции за счет друг друга и тех же гуннов. Как победитель превращался в жертву, прекрасно видно на примере двух войн, которые, по Иордану, сыновья Аттилы вели против готов Амала. Сперва гунны напали на них как на «беглых рабов» с целью восстановить свою власть над ними и порядок платежей. Впоследствии гунны уже всего лишь стремились не дать некоторым из менее значительных племенных объединений, обосновавшихся в Паннонии, оказаться под готским господством (Getica. 52. 268; 53. 273). Все прочие более крупные объединения, о которых мы знаем, делали практически то же самое, поэтому основы гуннского владычества постепенно рушились.

К середине 460-х гг. двое оставшихся в живых сыновей Аттилы, Денгизих и Ернак, находились в отчаянном положении. Потеря некогда подвластных им племен наряду со все возраставшей мощью объединений, подобных готам Амала, сделала защиту их позиций севернее Дуная безнадежным делом. Единственный выход, который у них был, состоял в том, чтобы заключить соглашение с Римской империей. Однако Денгизих упустил этот шанс — может быть, из-за того, что потребовал слишком многого. В 469 г. он был разбит римским полководцем Анагастом, и его голову выставили в Константинополе на всеобщее обозре-

ние. Ернак и его люди, вероятно, менее алчные, были в конечном счете поселены на берегах Дуная в Северной Добрудже (современная Румыния); некоторые из уцелевших гуннов обосновались в крепостях на реках Эск, Ут, Алм и в их окрестностях. Суверенная гуннская власть севернее Дуная сошла на нет. Таким образом, крах империи Аттилы оказался скорым и полным.

Оседлать тигра

Несмотря на свои многочисленные недостатки, материал «Гетики» позволяет нам реконструировать некоторые из ключевых этапов в процессе развала гуннской державы. Спустя годы было предложено немало объяснений этого из ряда вон выходящего явления. Историки предшествующих столетий склонялись к мысли, что все дело заключалось в незаурядных личных качествах Аттилы: якобы империя могла существовать только до тех пор, пока он оставался у кормила власти. Эдвард Томпсон, напротив, видел причины краха гуннской державы в социальных конфликтах, которые были вызваны притоком денежных средств, полученных от римских властей*. Рациональное зерно присутствует в обеих версиях. Аттила Гунн, как мы видели, был выдающимся деятелем, а золото, полученное от римлян, вне всякого сомнения, отнюдь не было поровну распределено между всеми его подданными. Однако для того чтобы до конца уяснить себе самую сущность гуннской империи, необходимо обратиться к теме отношений гуннов с их подданными, которые в массе своей были германцами. Как уже говорилось, на наш взгляд, именно то, что гунны сумели «поглотить» так много этих воинственных племен, объясняет внезапный рост гунн-

---

* Thompson, 1996, особенно Ch. 7; см.: Maenchen-Helfen, 1973, p. 95 ff.

ского могущества в 420—440-х гг. Опять-таки падение после смерти Аттилы его наследников было обусловлено их усугублявшейся неспособностью осуществлять контроль над теми же самыми племенами.

Ключевым обстоятельством является то, что гуннская империя не была в общем и целом создана на добровольной основе. Все наши источники свидетельствуют о том, что племена иного этнического происхождения включались в состав державы либо в результате завоевания, либо путем устрашения. Во времена Аттилы акациры стали последним племенем, подпавшим под власть империи. В VII главе мы остановились на полуслове, когда посол Восточной Римской империи вручал великолепные дары языческому королю. Приск повествует о том, что было дальше:

«Куридах, старший король, правивший акацирами... обратился к Аттиле за помощью против других королей. Аттила безотлагательно направил большое войско, некоторых разбил, а остальных вынудил покориться. Затем он пригласил Куридаха разделить с ним плоды победы. Однако тот, заподозрив злой умысел, заявил, что затруднительно человеку предстать перед взором божества... Так Куридах остался со своим народом и сохранил собственную власть, тогда как все остальные акациры подчинились Аттиле»*.

Впоследствии Аттила направил своего старшего сына управлять покоренным племенем. Этот отрывок показывает, что, в то время как Аттила был способен на ловкие политические маневры, когда ситуация того требовала, основным инструментом имперской экспансии гуннов было завоевание. Безусловно, в первую очередь с целью избежать подчинения гуннам тервинги и грейтунги летом 376 г. оказались на берегах Дуная. Именно после того как бургунды в 430-е гг. претерпели жестокие страдания от гуннов, они также искали спасения в пределах Римской

---

* Prisc., fr. 11. 2, p. 259.

империи. Все это вполне согласуется с тем фактом, что, как мы видели, существовал лишь один — и только один — способ спастись от империи Аттилы: война*.

Мы не располагаем, как хотелось бы, всей полнотой информации, посвященной отношениям между гуннскими завоевателями и их подданными. Обычно почетное место предоставляют в рассказанной Приском истории, которая зачастую расценивается как иллюстрация этнической и социальной мобильности, существовавшей в гуннской империи. Прогуливаясь рядом со ставкой Аттилы, Приск встретил хорошо одетого гунна, который приветствовал его по-гречески. Когда ситуация разъяснилась, «гунн» оказался бывшим римским пленником, купцом, захваченным после падения Виминация в 441 г. В ходе последовавшего дележа добычи он достался Онегесию и участвовал в последующих военных кампаниях против римлян и акациров. Он храбро сражался и захватил богатую добычу, которую ему пришлось отдать Онегесию, а впоследствии получил свободу. Женившись на гуннской женщине, этот человек стал компаньоном и доверенным лицом своего бывшего господина, обычно разделяя с ним трапезу. Таким образом, раб, проявивший отвагу в бою, мог получить свободу и приобщиться к весьма высокопоставленным кругам гуннского общества. Другая история, о которой не столь часто вспоминают, раскрывает перед нами другую сторону отношений между господами и рабами в гуннском обществе. Также во время своего пребыва-

* О тервингах и грейтунгах см. гл. IV, о бургундах — гл. V. Из числа разных готских объединений группа 3 (см. выше), которую, по-видимому, можно отождествить с позднейшей группой фракийских готов, была освобождена от гуннского владычества благодаря римской военной экспедиции; что же касается готов Амала в Паннонии (группа 1), то совершенно ясно, что они были силой включены в состав гуннской державы, даже если «сказания о Баламбере» в «Гетике» путают реальные факты.

ния при дворе Аттилы Приск стал свидетелем повешения двух рабов, которые воспользовались возможностью, представившейся им в сумятице битвы, и убили своего господина. Суть заключается в том, что в большинстве своем зависимые люди в гуннском обществе подвергались разным видам эксплуатации, и за каждым прочно закреплялся его социальный статус*.

В обнаруженном фрагменте «Истории» Приска рассказывается об инциденте, происшедшем в 467—468 г. во время последнего нападения Денгизиха на Восточную Римскую империю, когда объединенное войско готов и гуннов было разбито римлянами порознь; последние напомнили воинам из готских отрядов о том, как именно гунны обычно поступали по отношению к ним: «Эти люди не заботятся о земледелии, но, подобно волкам, нападают и захватывают принадлежащие готам запасы продовольствия, в результате чего готы остаются на положении рабов и сами испытывают нехватку продуктов» (fr. 49). Захват продовольственных запасов зависимых племен был, разумеется, только эпизодом в этой истории. Означенным племенам, как мы уже видели, также приходилось принимать участие в войнах, которые велись гуннами. По-видимому, лишь немногие из гражданских военнопленных проявляли себя в бою с лучшей стороны, и размеры потерь в ходе гуннских военных кампаний, вероятно, были огромны. Превратившийся в гунна купец из «Истории» Приска, безусловно, достиг процветания, однако его случай, несомненно, был единственным в своем роде.

Далее, не подлежит никакому сомнению, что гуннская империя изначально являлась непрочным политическим образованием, которое раскалывали изнутри противоречия между правителями и подданными. Разного рода противоречия существовали также внутри самих покоренных

*О купце см.: Prisc., fr. 11. 2, p. 269 l. 419 — p. 272 l. 510. О повешении см.: Prisc., fr. 14, p. 293 ll. 60—65.

племен, за плечами которых была долгая история нападений друг на друга, имевших место еще до прихода гуннов. Эта исключительная нестабильность обычно получает минимальное освещение в трудах историков, поскольку большая часть дошедшего до нас нарративного материала вышла из-под пера римлянина Приска и относится ко времени, когда держава Аттилы находилась на пике своего могущества. Впрочем, стоит изучить вопрос внимательнее, как в скором времени начинают обнаруживаться новые свидетельства. Величайшая сила Гуннской империи — способность укреплять свою мощь благодаря быстрому поглощению покоренных племен — была также и ее величайшей слабостью. Римляне, к примеру, когда только могли, с готовностью использовали то обстоятельство, что эти покоренные племена оказались там не по своей воле. В 420-е гг. превентивная акция войск Восточной Римской империи, направленная против растущей гуннской державы в Паннонии, привела к изъятию из-под контроля гуннов большого числа готов, которых римляне затем расселили во Фракии*. Наконец, ранний фрагмент Приска свидетельствует**: «Когда Руа был королем гуннов, амилдзуры, таунзауры, итимары, боиски и другие племена, которые жили по берегам Дуная, сходились для войны на стороне римлян». Эти события относятся к концу 430-х гг., когда Руа добился значительных успехов, и показывают, что даже побед было недостаточно, для того чтобы гарантировать лояльность зависимых племенных объединений. Начало нового правления было временем особенного напряжения. Первая военная кампания наследников Руа, Аттилы и Бледы, когда они пришли к власти в 440 г., вовсе не была направлена против римлян: «Когда [в начале свое-

*Группа 3: Theophan. AM 5931. Это место со всей очевидностью показывает, можно или нет отождествить группу 3 с группой 6.

**Три следующие цитаты взяты у Приска (fr. 2, p. 225; p. 227; p. 227).

го правления] они заключили с римлянами мир, Аттила, Бледа и их войска двинулись через Скифию, покоряя тамошние племена, а также развязали войну с сорогсами». Подтвердить господство над зависимыми племенными объединениями сразу же после своего утверждения у власти — такова была, по-видимому, первостепенная по важности задача для каждого нового правителя Гуннской империи.

Конфликты, вспыхнувшие после смерти Аттилы, были не случайным явлением, а закономерным следствием отношений между гуннами и их подданными. Когда они могли, гуннские предводители пытались добиться гарантий, что римляне не станут причинять им беспокойство в этой сфере. В своем первом договоре с Восточной Римской империей, когда последняя стремилась к миру на Дунае, чтобы получить возможность реализовать свои планы в Северной Африке, Аттила и Бледа сумели оговорить, «что римляне не станут заключать союз с варварским племенем против гуннов, когда те будут готовиться к войне с этим племенем». В отличие от Римской империи, которая в течение столетий преодолевала негативные последствия своих завоеваний путем превращения подданных — или по крайней мере землевладельцев из их числа — в полноправных римских граждан, гуннам не хватало необходимой стабильности и бюрократического аппарата, чтобы непосредственно управлять своими подданными*. Вместо того чтобы перестраивать общественно-политические структуры покоренных племен или насаждать у них свои собственные, им приходилось полагаться на местную правящую верхушку, чтобы обеспечивать повседневное управ-

---

*Римляне обеспечили Аттилу целым рядом секретарей, включая попавшего в плен Рустиция, который и написал одиозное письмо (Prisc., fr. 14, p. 289). Этот управленческий аппарат составлял списки князей-ренегатов, бежавших к римлянам, и, возможно, следил за поступлением денежных сумм, выплачиваемых покоренными племенами.

ление подвластными племенными объединениями. В результате гунны сумели выйти лишь на весьма средний уровень контроля и непосредственного участия в управлении, но даже этот уровень варьировался от одного зависимого племени к другому. Гепиды, как мы видели, ко времени смерти Аттилы имели своего единого правителя и поэтому оказались в состоянии довольно быстро добиться независимости. Другие объединения, подобно готам Амала, сперва должны были обрести собственного предводителя, прежде чем бросить вызов гуннскому владычеству. Некоторым, как, например, готам, находившимся под властью Денгизиха, когда он в 460-е гг. вторгся на территорию Восточной Римской империи, так никогда и не удалось этого сделать. Однако даже у готов, все еще подчинявшихся Денгизиху в 468 г., были свои племенные вожди.

Если бы наши источники были более многочисленными и более информативными, я полагаю, что эти тексты показали бы нам гуннскую империю после 453 г. облезающей, подобно луковице, когда разные зависимые «слои» добивались независимости в разные сроки, в обратной связи с тем уровнем подавления, которого гунны до этого придерживались в отношении их. Существовали две ключевые переменные: первая — степень, до которой политическая структура подвластных племен оставалась нетронутой; и вторая, — я сильно это подозреваю, однако до конца не уверен, — степень их удаления от центра империи, где располагалась ставка Аттилы. Некоторые общности, обосновавшиеся вблизи от собственно гуннских территорий, находились, что называется, на коротком поводке, когда любые поползновения в направлении единоначалия жестко пресекались. Объединения, находившиеся на значительном удалении, сохраняли больше своих собственных политических структур, и контролировать их было труднее. Во времена Аттилы франки и акациры обозначали географические пределы его власти на окраинах империи, в то время как общности, занимавшие про-

странство между ними, такие как тюринги, готы, гепиды, свевы, скиры, герулы, сарматы и аланы, столкнулись с разными уровнями более строгого контроля*.

Археологические свидетельства, относящиеся к империи Аттилы, еще больше раскрывают перед нами перспективу отношений между правителями и подданными. Как мы видели в VII главе, в основном эти свидетельства сводятся к германским или близким к германским захоронениям. Бросается в глаза такая характерная особенность раскопанных объектов, как контраст между большим количеством лишенных инвентаря погребений и гораздо меньшим числом богатых могил. Эти богатые захоронения не *просто* богатые, а баснословно богатые. Они содержат огромную массу золотых вещей и украшений; жемчужинами коллекции являются ювелирные изделия из золота с гранатами, выполненные в технике перегородчатой эмали, когда камни вмонтированы каждый в свою золотую оправу, так что возникает эффект сходства с мозаикой. Впоследствии этой ювелирной технике суждено было повсеместно стать своего рода визитной карточкой элиты как в позднеримский период, так и после падения Римской империи. К примеру, стиль украшений с перегородчатой эмалью, найденных в погребальной ладье из Саттон-Ху (начало VII в., Восточная Англия), изначально поразил воображение представителей элиты в гуннской Европе**. Одно захоронение в Апахиде (современная Трансильвания) дало свыше 60 золотых предметов, включая полно-

* Под наиболее жестким контролем находились готы, которые фигурируют у Приска (fr. 49); о некоторых из них упоминалось выше. В наименьшей степени были угнетены гепиды, которые возглавили выступление против сыновей Аттилы (Iord. Getica. 50. 260—262). Промежуточное положение занимали паннонские готы Валамера (Iord. Getica. 48. 246—253; 52. 268 ff.). См. также комментарии в работе: Heather, 1996, p. 113—117, 125—126.

** Каждый из археологических «горизонтов» гуннского периода назван в честь одного из этих богатых захоронений.

весного золотого орла, который был прикреплен к седлу хозяина погребения. Все остальные детали конской упряжи из этого захоронения также были сделаны из золота, и сам покойный был увешан с головы до ног золотыми украшениями. Известны и другие, похожие по богатству погребения, но содержащие меньшее количество золотых предметов*.

Наличие такого количества золота в некогда занятой германцами Центральной и Восточной Европе весьма показательно само по себе. Вплоть до начала новой эры социальная дифференциация в германском мире проявлялась в похоронном обряде (если вообще проявлялась) лишь благодаря присутствию в некоторых могилах большего, чем обычно, количества вылепленных от руки сосудов или более изысканных бронзовых и железных фибул. К III—IV вв. некоторые роды хоронили своих покойников вместе с серебряными фибулами, множеством бусин и, возможно, с несколькими сосудами, изготовленными при помощи гончарного круга; однако золото не использовалось — с целью как-то их выделить в этом отношении — даже в погребениях представителей элиты: самое большее, на что хватало родственников, — это немного серебра**. Гуннская империя изменила эту традицию, и, в сущности, довольно скоро. Наполненные золотом погребения «дунайского стиля» свидетельствуют о внезапном наплыве золотого погребального инвентаря в эту часть Европы. Нет никаких сомнений относительно того, откуда прибыло это зо-

* Блестящий очерк, посвященный Апахиде и другим богатым погребениям данного периода, помещен в каталоге: Menghin et al., 1987.

** Золото в Германии IV в., разумеется, имелось и использовалось при золочении. Знаменитый клад V в. из Румынии, Pietroasa horde (Harhoiu, 1977), содержит одно или два изделия, которые, безусловно, являлись древними уже в момент сокрытия клада и, вероятно, были созданы в середине IV в. Римские золотые монеты также не были редкостью.

лото: то, что мы видим в погребальном инвентаре V в., обнаруженном на территории Венгрии, является материальным свидетельством перемещения сокровищ из пределов римского мира на север, о чем мы читаем в труде Приска и в других письменных источниках. Гунны, как мы видели в последней главе, стремились к золоту и другому движимому имуществу, которое приносила империя, — в форме торговых пошлин, добычи или, особенно, ежегодной дани. Безусловно, значительное количество золота выпадало из обращения в виде ювелирных украшений и предметов прикладного искусства, найденных в гуннских погребениях. Тот факт, что многие из этих могил были богатыми захоронениями германцев, свидетельствует о том, что гунны не только сами стремились обладать золотом, но и распределяли его в известном количестве среди предводителей зависимых от них германских племенных объединений. Впоследствии эти предводители и в самом деле стали очень богатыми людьми.

Причина такой политики заключалась в следующем: если бы германских предводителей удалось сделать опорой гуннской империи в период ее военных побед, то недовольство подданных было бы сведено к минимуму и жизнь в империи протекала бы относительно спокойно. Раздаривание золота зависимым князьям должно было сделать имперскую политику более гибкой и исключить помыслы о мятеже. Поскольку захоронений, содержащих золотые вещи, довольно много, эти князья должны были передавать часть золота избранным из числа своих приближенных*. Таким образом, золото отражает политику двора Аттилы. (Можно предположить, что князь, погребенный в Апахиде, был одним из тех, о ком упоминает Приск.) Не менее важно и то, что роль подобных раздач золота в предотвращении внутренней нестабильности в державе наряду с тем, что мы знаем о происхождении этого золота, под-

* См.: Bierbrauer, 1980.

черкивает роль грабительских войн в поддержании на плаву давшего течь судна, которым являлся тогда государственный корабль гуннской империи.

Прежде всего победа в войне создавала правителю репутацию человека, обладающего необычайным могуществом. Свидетельство тому — история с Аттилой и Марсовым мечом. Однако есть все основания полагать, что военные победы были столь же важны и для его предшественников. Молва о могуществе правителя позволяла держать в страхе покоренные племена; кроме того, разумеется, победа в войне была источником золота и другой добычи, что обеспечивало лояльность предводителей этих племен. Впрочем, та стремительность, с которой зависимые племенные объединения выходили из состава империи после смерти Аттилы, показывает, что материальные поощрения не компенсировали бремени господства. В отличие от Римской империи, которая, как мы видели, стремилась ограничить численность населения на приграничных территориях, чтобы свести к минимуму опасность мятежа, гуннская империя поглощала попавшие от нее в зависимость племена в огромных количествах*. Концентрация столь значительного объема власти произвела на свет мощную военную машину, которую надлежало пустить в ход — в ней было заключено слишком много внутренних противоречий, чтобы позволить ей пребывать в бездействии. Численность покоренных гуннами племенных объединений превышала численность собственно гуннов примерно в несколько раз. Было необходимо держать подвластные племена под неусыпным контролем, в противном случае разного рода беспокойные элементы непрестанно искали бы выход для своей энергии, и тогда непрочное здание империи стало бы разрушаться.

* Например, см.: Amm. Marc. XVII. 12—13; 19. 11, где говорится о поселении конца 350-х гг., времен Констанция II, на Среднем Дунае; см. также комментарий в работе: Heather, 2001.

Мы пришли к совершенно нестандартному взгляду на Аттилу Гунна. Как часто случается, тот самый фактор, который сделал его столь могущественным, в то же время стал его самой большой проблемой. Та военная сила, которая в 440-х гг. отбросила армии Восточной Римской империи, сама оказалась крайне неустойчивой. Победы, одержанные им благодаря этой силе, на короткий срок укрепили власть Аттилы, однако ее подрывало внутреннее противоречие: чтобы поддерживать господство, требовались все новые и новые победы. Если бы его репутация начала терять вес, его подданные стали бы перебегать в римскую армию, где их с радостью принимали. Аттила был величайшим в европейской истории варваром-завоевателем, однако он оседлал тигра беспримерной жестокости. Если бы его хватка ослабела, он бы неминуемо погиб.

На мой взгляд, это обстоятельство, в свою очередь, объясняет его ничем другим не объяснимый поворот на запад в конце 440-х гг. Между 441 и 447 г. полчища Аттилы опустошили Балканы за исключением нескольких небольших областей, спасенных двумя основными препятствиями: географической изоляцией (Пелопоннес) и мощными укреплениями (Константинополь). Восточная империя была поставлена на колени: ежегодная дань, которую она обязалась выплачивать, была самой значительной из всех, что когда-либо выплачивались из расчета 1/10 всех доходов. Гунны добились от Константинополя практически всего, чего хотели, по крайней мере дальнейшие боевые действия против Византии неминуемо должны были развиваться в соответствии с «законом убывающей полезности». Между тем Аттила оставался на Венгерской равнине, все еще находясь во главе мощной военной машины, которая не могла пребывать в бездействии. Поскольку на Балканах больше не было объектов для нападения, следовало найти другую цель. Иными словами, Аттила двинулся на запад, потому что на востоке уже не имелось подходящих и доступных целей.

Это означало вынесение гуннской империи окончательного приговора. Будучи зависимой в политическом плане от победоносных войн и притока золота, она была вынуждена вести войны вплоть до своего собственного поражения, чтобы затем это поражение повергло ее в состояние внутреннего кризиса. Два захлебнувшихся наступления — в 451 г. в Галлии и в 452 г. в Италии — так или иначе нанесли первый удар по репутации Аттилы, считавшегося до той поры непобедимым. Безусловно, эти события привели к некоторому уменьшению притока золота, и на периферии уже тогда могли начаться волнения среди отдельных зависимых племен. Похоже, что смерть Аттилы и братоубийственная война между его сыновьями создали для этих племен ту самую ситуацию, которую они ожидали. В общем, не может быть более яркого доказательства наличия неразрешимых противоречий между гуннскими правителями и их угнетенными подданными, чем само по себе поразительное крушение империи Аттилы. Между тем странная гибель гуннской Европы была также неотъемлемой частью краха всей Западной Европы.

Новый баланс сил

Вместо одной огромной державы с центром на Большой Венгерской равнине, — державы, протянувшей свои щупальца с одной стороны к Рейну, а с другой — к Черному морю, — теперь Римская империя как на востоке, так и на западе обнаружила перед собой целый ряд пришедших на смену этой державе государств. Чаще всего воюя друг с другом, они также время от времени оказывали давление на римские границы. Поскольку процесс распада империи резко усилился в результате краха гуннской державы, содержание римской внешней политики на дунайской границе стало меняться. Столкнувшись с новой для них об-

становкой, римские власти выделили для себя два приоритета. Их задача заключалась в том, чтобы не дать развалившемуся на части политическому единству к северу от Дуная разлиться по римской территории в виде вторжений или набегов и одновременно сделать так, чтобы из хаоса не появилась еще одна монолитная империя.

Утрата полного текста «Истории» Приска не позволяет нам воссоздать связный рассказ о тех событиях с римской точки зрения, однако можно достаточно легко выявить его суть. Сохранившиеся источники сообщают о многочисленных вторжениях на римскую территорию, явившихся результатом яростной борьбы за «жизненное пространство» на другом берегу Дуная. В пределы Западной Римской империи теперь стремилось огромное множество беглецов, в одиночку и группами, которые решили для себя, что жизнь к югу от Дуная была предпочтительнее непрестанной борьбы к северу от него. Самым знаменитым из этих беглецов был Одоакр, сын Эдекона и князь скиров. После того как готы Амала разгромили королевство скиров, он вторгся на римскую территорию с отрядом преданных ему людей, направившись сперва в Галлию, а затем в Италию, где он поступил на службу в римскую армию в качестве наемника. Его примеру последовали многие другие лица менее знатного происхождения. К началу 470-х гг. в составе римской армии, находившейся в Италии, преобладали беглецы из Центральной Европы: уже упомянутые скиры вместе с герулами, аланами и торкилингами, — все рекрутированные в ее ряды*. Дошедшие до нас источники не дают нам никаких цифр и никаких точных дат для перемещений людских масс, которые принесли с собой в Италию всех этих беглецов. Вероятно, это свидетельствует о том, что мы должны вести речь скорее о постоянном потоке пе-

---

*Об Одоакре в Галлии см. у Григория Турского (Hist. II. 18; время приблизительно между 463 и 469 г.); также см.: PLRE, vol. II, p. 791—793. О герулах, аланах и торкилингах см.: Procop. Bella. III. 1. 6, а также: Ennod Vita St. Epiphan. 95—100.

реселенцев и наемников, нежели о единовременном крупномасштабном вливании, хотя такие факторы, как ликвидация независимости скиров, вероятно, ускоряли процесс.

Если одни племенные объединения, вытесненные в голые степи и буераки, лишь бежали от резни, развернувшейся к северу от Дуная, то другие стремились создать собственные анклавы на римской территории, видя в этом, как кажется, более легкий выбор, нежели продолжение соперничества на Венгерской равнине. В середине 460-х гг. это соперничество между разными племенными объединениями было слишком сильным, чтобы они могли договориться между собой, и вскоре произошли три локальных вторжения на территорию Восточной Римской империи. В 466 г. или немного времени спустя готский король Бигелис (пункт 4 из упомянутых выше) повел своих людей к югу от Дуная, где, по сообщению Иордана, он был разбит*. Примерно в то же самое время отряд гуннов под предводительством некоего Гормидака совершил набег на Дакию, дойдя до города Сердики. Здесь гунны были разгромлены восточноримским полководцем Антемием (Apoll. Sidon. Poem. II. 239 sqq.). Тогда же сын Аттилы, Денгизих, вступил в схватку за свою часть территории Восточной Римской империи; как мы видели, его также постигла неудача. Нашествие упомянутых полчищ практически совпало по времени с войнами между готами Амала и их соперниками на среднедунайской равнине и, подобно менее значительным потокам беглецов в пределы Западной Европы, по-видимому, было обусловлено этой новой вспышкой насилия**.

В то же самое время вновь возникшие королевства продолжали свой натиск в какой-то степени с тех самых рубе-

* Romana. 336.

** Другим, несомненно, осложнившим ситуацию фактором стало появление севернее Черного моря новой кочевой державы. Так, к началу 480-х гг. булгары обосновались в непосредственной близости к дунайской границе империи. См.: Ioann. Antioch. Fr. 211. 4.

жей, на которых остановились гунны. Благодаря одному из двух сохранившихся фрагментов «Истории» Приска, посвященных последствиям крушения империи Аттилы, мы знаем, что Валамер и его готы вторглись в пределы Восточной Римской империи с целью добиться от нее выплаты ежегодной субсидии. К началу 460-х гг., как сообщает Приск, эта сумма доходила до 300 фунтов золота (fr. 37) — гораздо меньше, чем получал Аттила в период расцвета своего могущества (2100 фунтов), и вдвое меньше, чем та сумма, что выплачивалась Гунну в начале его правления. Однако это была вовсе не маленькая сумма, и если бы Валамер преуспел в дальнейшем расширении своего домена, всегда был бы шанс, что он сумеет удовлетворить свои притязания, как некогда это сделали гунны. Поскольку власти в Константинополе, по-видимому, уже обязались выплачивать ежегодные субсидии некоторым из королевств — наследников гуннской державы, им приходилось действовать крайне осторожно. Новые королевства в перспективе могли слиться в нечто столь же ужасное, как империя Аттилы. Возможность отчасти приподнять завесу над отношением римских политиков к этой потенциальной проблеме предоставляется нам благодаря еще одному сохранившемуся фрагменту «Истории» Приска (fr. 45.). В промежутке между первым и вторым раундами борьбы готов со скирами обе стороны направили посольства в Константинополь с просьбой о помощи. Никто не хотел помогать готам, однако по вопросу о том, какой выбор предпочтительнее, мнения разделились. Одна из точек зрения заключалась в том, что римлянам вообще следует держаться в стороне от этого конфликта. В конечном счете было решено оказать ограниченную поддержку скирам. Иордан ничего не говорит о масштабах этих конфликтов после смерти Аттилы, однако очевидно, что все их участники не только выступали за или против друг друга, но также пытались заручиться поддержкой римлян. Тот факт, что никто в Константинополе не желал их субсидировать, свиде-

тельствует о возраставшем могуществе готов Амала, которые ближе всех остальных подошли к созданию новой сверхдержавы.

Римляне приветствовали известие о смерти Аттилы, видя в ней начало новой эпохи. Рассказывали, что той самой ночью, когда умер великий гунн, восточноримский император Маркиан увидел вещий сон: ему привиделось, будто лук Аттилы раскололся надвое*. Однако исчезновение враждебной сверхдержавы означало вовсе не конец всех бед, а очередное изменение политической ситуации, породившее целый ряд новых проблем. Перспектива грядущего столкновения двух империй исчезла только затем, чтобы на смену ей явилось множество сложных региональных конфликтов, в которые оказались глубоко вовлечены обе половины римского мира. И я сильно подозреваю, что все то, о чем мы знаем благодаря пестрой коллекции наших источников, представляет собой не что иное, как вершину айсберга. Кроме того, многочисленные и разнообразные проблемы, связанные с беглецами и агрессорами, не шли ни в какое сравнение с гораздо более масштабными последствиями крушения империи Аттилы. Помимо всего прочего, оно нарушило баланс сил, от которого к середине V в. всецело зависело существование Западной Римской империи.

Падение Аэция

Как мы видели в VI главе, император Валентиниан III, сын Флавия Констанция и Галлы Плацидии, взошел на трон в 425 г. в шестилетнем возрасте. Он был водворен туда войсками Восточной Римской империи и в реальности никогда не держал в руках бразды правления. Длившееся 8

---

*Iordan. Getica. 49. 255; этот фрагмент, вероятно, восходит к Приску, а потому был переведен Blockley как Prisc., fr. 24. 1.

лет регентство его матери, чьи попытки лавировать между командующими разными группировками имперской армии в конце концов завершились полным крахом, расчистило путь господству Аэция. В 430-е гг. исключительные военные дарования этого человека, во-первых, позволили удержать на плаву Западную Римскую империю и, во-вторых, укрепили его собственные позиции во власти. По римским понятиям, юноша в возрасте 14 лет являлся совершеннолетним и мог в ограниченных законом рамках распоряжаться собственностью, однако достигший этого возраста в 433 г. Валентиниан был совсем не готов к борьбе за власть с жестким и опытным полководцем, особенно в ситуации, когда империя столкнулась с целым рядом военных угроз. А к тому времени, когда он был в состоянии проявить свою власть, т.е. пятью или шестью годами позже, положение Аэция было окончательно упрочено. К 440 г. вовсе не император, а командующий принимал ключевые решения, касавшиеся внешней политики и назначений, — то самое положение дел, которого так стремилась избежать Галла Плацидия.

Таким образом, обманутый знаками власти, за которыми не было реальных полномочий, номинальный император римского Запада осознал, что он является лишь фиктивным правителем. Трудно поверить в обременительность подобного существования. Никогда не покидавший пределов Италии, Валентиниан делил свое время между частной жизнью, наполненной блеском необычайной роскоши, и официальными церемониями. Работа императора, как мы видели, состояла в том, чтобы воплощать саму суть идеологии Римского государства. Он считался вместилищем сверхчеловеческой, поистине установленной Богом сущности римского миропорядка, представляя в придворном церемониале ту божественную силу, которая санкционировала само бытие Римской империи. Являясь, подобно звезде, во время многочисленных церемоний, процессий, церковных служб и аудиенций, император никогда не да-

вал своему ореолу потускнеть. Те обязанности, которые он должен был исполнять изо дня в день, были в высшей степени утомительны своей повседневностью. Империя, являя собой упрощенный вариант однопартийного государства в действии, не терпела никаких разногласий в обществе. Единство — это было все. Постоянно проводившиеся церемонии должны были утвердить эту идею в умах. Вспомним, что именно при Валентиниане «Кодекс Феодосия» был внесен в сенат (см. гл. III). Сам Валентиниан воздержался от участия в этом знаменательном событии; впрочем, оно стояло в ряду тех мероприятий, которые ему приходилось ежедневно выносить. Аккламации, предварявшие, судя по всему, каждую более или менее значительную церемонию при дворе, включали 245 возгласов одобрения из уст присутствовавших при этом сенаторов. Небольшой эксперимент, который я однажды провел с моим одиннадцатилетним сыном, показал, что за минуту вы можете выкрикнуть до 18 подобных восхвалений, так что церемония, сопровождавшая принятие «Кодекса», должна была занять по меньшей мере сорок минут — и это не учитывая самого́ утомительного заседания, а также то, что ближе к концу любое действо обычно замедляется.

Предшественники Валентиниана исполняли ту же самую нудную повседневную работу, однако они по крайней мере получали удовлетворение от принятия политических решений и назначений на должности за закрытыми дверями, после того как заканчивались помпезные мероприятия. Мы уже были свидетелями того расстройства, в которое подобный образ жизни поверг сестру Валентиниана, Гонорию: роман с главным распорядителем императорского дворца, неожиданная беременность и опасные сношения с Аттилой Гунном (см. гл. VII). Да и Валентиниану было нелегко изменить положение вещей. Жизнь становится в тягость для августейших юношей, которые достигают совершеннолетия лишь для того, чтобы осознать, что они все еще остаются в стороне от реальной власти. Они

могут забыть об осторожности, подобно семнадцатилетнему Эдуарду III, который в полночь 19 октября 1330 г. ворвался в Ноттингемский замок, чтобы отстранить от власти свою мать, королеву Изабеллу, арестовать ее любовника Мортимера и захватить бразды правления в свои руки. Однако в большинстве своем коронованные юноши не столь отважны, и в 440-х гг. Аэций был единственным оплотом юного императора в борьбе с гуннами.

Если в 430—440-х гг. Валентиниан ничего не мог поделать со своими неприятностями, то крах гуннской империи породил тот ветер перемен, который начал витать среди придворных кругов Запада. В 450 г. или около этого времени дважды яблоко раздора прокатилось между Аэцием и его императором. 28 июля того года восточноримский император Феодосий II умер после падения с лошади. Валентиниан принадлежал к той же династии, что и Феодосий, будучи женат на одной из его дочерей, Евдоксии, и именно войска Феодосия посадили его на трон Западной Римской империи в знак восстановления единства династии (см. гл. VI). Феодосий был последним мужским ее представителем на Востоке, его единственный сын Аркадий умер раньше своего отца. Узнав о смерти своего кузена, Валентиниан возымел намерение, как передают, отправиться в Константинополь, чтобы предъявить претензии на власть над всем римским миром в качестве единственного императора. Аэций выступил против этого плана. Безусловно, это была плохая идея. У Валентиниана не было связей в Константинополе, и политические круги Восточной Римской империи вовсе не горели желанием его принять. Дела там направлялись сестрой Феодосия, Пульхерией, чей голос был решающим в течение всего правления ее брата. В конечном счете она вышла замуж за военачальника по имени Маркиан. 25 августа именно Маркиан стал новым императором Востока. Валентиниан упустил свой шанс, каким бы он ни был, и возражения, которыми Аэций встретил его план, усугубили горечь обиды.

Второй повод для разногласий между этими двумя людьми возник в связи с матримониальными планами. В браке Валентиниана и Евдоксии родились лишь две дочери: Евдокия (родилась в 438 или 439 г.) и Плацидия (родилась между 439 и 443 г.). В начале 450-х гг., после 15 лет совместной жизни, казалось, что едва ли царственная чета способна иметь еще детей. Это означало, что наследование престола Западной Римской империи было открыто для узурпаций, и наиболее вероятный способ избежать этого заключался в том, чтобы выдать замуж одну или другую из дочерей Валентиниана. Как мы видели в VI главе, Евдокия была обручена с Гунерихом, сыном Гейзериха, короля вандалов, в рамках мирного соглашения 440-х гг., и он не считался серьезным претендентом на престол. Таким образом, именно Плацидия стала ключом к будущему римского Запада, поэтому в начале 450-х гг. Аэций всеми силами старался убедить Валентиниана обручить ее с его сыном Гауденцием. Этот брачный союз должен был укрепить позиции Аэция во власти, сделав в высшей степени вероятным то, что именно Гауденций станет преемником Валентиниана. Ввиду отсутствия у Валентиниана наследника мужского пола породниться с династией благодаря браку было бы достаточным условием, для того чтобы стать легитимным наследником, тем более что аналогичная комбинация совсем недавно осуществилась в Константинополе. Неясно, отдавал ли себе Аэций, добиваясь заключения этого брака, отчет в том, что исход истории с наследованием трона на Востоке уже ослабил его влияние на Валентиниана. Однако брачный проект, безусловно, усилил уже мучившее императора чувство досады в той степени, в которой тот был унижен в собственной империи*.

Более того, со смертью Аттилы и крушением его империи Аэций, как теперь могло показаться, стал гораздо тер-

---

*Лучшие очерки общего характера, посвященные падению Аэция, см. в работах: Stein, 1959, p. 347 ff.; Stickler, 2002, p. 150 ff.

пимее к попыткам самоутверждения со стороны Валентиниана, и в конечном счете не Аэций, а именно император был тем человеком, который воплощал в себе преемственность власти в империи. Впервые после достижения им совершеннолетия Валентиниан осмелился распоряжаться собственной жизнью без участия своего главнокомандующего. Вероятно, Аэций чувствовал приближение опасности, и в этом, возможно, заключалась другая причина, почему он рискнул добавить результат своего сватовства к списку всех обид Валентиниана. Несмотря на все заверения в том, что между Аэцием и императором сохраняется полное согласие, акулы, всегда скрывавшиеся в глубоких водах римской имперской политики, т.е. лица в императорском окружении, почувствовали первый слабый запах крови. О заговоре, который в конце концов низверг Аэция, мы довольно хорошо осведомлены, и вновь благодаря трудам Константина VII Багрянородного. Рассказ об этих событиях сохранился в таком его произведении, как сборник эксцерптов «О заговорах против василевсов». Повествование о падении Аэция сохранилось в извлечении из «Истории» некоего Иоанна Антиохийского, однако он был поздним компилятором и, вероятно, опирался в первую очередь на «Историю» Приска. Итак, вновь перед нами пара Приск — Константин, которая сообщает нам то, что мы хотели бы знать.

Главных заговорщиков было двое. Один — римский сенатор знатного происхождения по имени Петроний Максим. Он начал свою карьеру еще до того, как Аэций пришел к власти, однако считался вполне преданным Аэцию человеком. Между 439 и 441 г. он занимал важный пост префекта претория Италии, а в 443 г. вторично получил звание консула — оба назначения состоялись в период всевластия Аэция*. Второй заговорщик вышел из числа тех людей, которые были первыми претендентами в участ-

* О карьере Петрония, со всеми ссылками, см.: PLRE, vol. II, p. 749—751.

ники любого придворного заговора в позднеримский период: это евнух, главный распорядитель императорского дворца, Ираклий, носивший титул смотрителя священной опочивальни (primicerius sacri cubiculi). Вооружив два отряда, чтобы тем самым укрепить решимость Валентиниана, и вдохновившись тем обстоятельством, что гуннская угроза сошла на нет, заговорщики сделали свое черное дело*.

«Когда Аэций говорил о денежных делах и налогообложении, внезапно Валентиниан с криком вскочил со своего трона и воскликнул, что он более не позволит бесчестить себя подобным предательством... В то время как Аэций был ошеломлен столь неожиданным приступом гнева и пытался успокоить эмоциональную вспышку императора, Валентиниан вытащил из ножен свой меч и вместе с Ираклием, который под одеждой держал наготове кинжал... напал на него».

Подвергшийся нападению одновременно императора и евнуха, Аэций пал мертвым во дворце 21 или 22 сентября 454 г. За его гибелью последовало обычное в таких случаях кровопролитие. Список жертв открыл назначенный Аэцием префект претория Италии, сенатор по имени Боэций, дед знаменитого философа.

Валентиниану пришлось ждать до своего 35-летия, однако в конечном счете он все-таки обрел свободу. К несчастью для него, он вовсе не был столь удачлив, как юный Эдуард спустя почти 900 лет в деле последующего упрочения своего положения. Началось с того, что заговорщики перессорились между собой:

«После убийства Аэция Максим явился ко двору Валентиниана в надежде, что его сделают консулом, а когда ему не удалось этого добиться, он пожелал стать патрицием. Однако Ираклий... руководствуясь теми же амбициями и не желая создавать противовес своей личной власти, свел

* Следующие несколько цитат взяты из Prisc., fr. 30.

на нет все усилия Максима тем, что убедил Валентиниана: если теперь он освободился от влияния Аэция, то впредь не должен передавать свою власть другим».

Тяжело расставаться со старыми привычками, поэтому даже после гибели Аэция Валентиниан не обрел реальной власти. Неприятности подстерегали его, особенно ввиду отсутствия у него мужского потомства, а это означало, что в течение более или менее длительного срока проблема престолонаследия останется нерешенной. Как только выяснилось, что убеждениями от императора ничего не добьешься, Максим вновь обратился к насильственным методам, на сей раз сговорившись с двумя гвардейскими командирами, Оптилой и Фраустилой, которые были близки к Аэцию. Как сообщает Приск, 16 марта 455 г.:

«Валентиниан решил выехать верхом на прогулку по Марсову полю... Когда он слез со своей лошади и направился пострелять из лука, Оптила и его сообщники... напали на него. Оптила сбоку нанес Валентиниану удар по голове и, когда тот повернулся, чтобы посмотреть, кто его ударил, поразил его вторым ударом в лицо. Фраустила сразил Ираклия, после чего оба, взяв императорскую диадему и коня под уздцы, отправились к Максиму».

Так погиб Валентиниан, менее чем через шесть месяцев после убийства Аэция. Это событие было проявлением политической анархии, которая всегда следовала за сменой власти в империи. После долгих лет авторитарного правления (правда, в данном случае скорее регентства) не нашлось новой власти, способной заменить прежний режим. Как обычно бывает, заговор был поспешно организован людьми, которые в дальнейшем не собирались делиться властью друг с другом. Однако если в самом факте падения Аэция не было ничего невероятного и едва ли стоит удивляться тому, что не удалось сразу найти ему преемника, то все прочие детали этого дела были в высшей

степени необычайными. В данной связи заслуживает внимания эпитафия Аэцию, появившаяся в «Истории» Приска вскоре после убийства временщика:

«Благодаря своему союзу с варварами он защищал Плацидию, мать Валентиниана, и ее сына, пока тот был ребенком. Когда Бонифаций приплыл из Северной Африки во главе большой армии, Аэций взял над ним верх... Военачальника Феликса, который был его соратником, он коварно убил, когда узнал о том, что тот намеревается его устранить по наущению Плацидии. Он сокрушил [вестготов], которые разоряли римские земли, и подчинил [багаудов]... Короче говоря, он располагал огромной властью, так что не только короли, но и соседние народы являлись по его приказу».

Как и подобает эпитафии, она весьма сжата и представляет собой смесь придворных интриг и военных кампаний, из чего, собственно, и складывалось политическое бытие Аэция. Особый интерес вызывает упоминание в начале эпитафии о зависимости Аэция от союза с варварами. Имеются в виду не просто какие-то варвары, а вполне конкретное племенное объединение — гунны. Как свидетельствует данный отрывок, карьера Аэция пошла в гору благодаря союзу с гуннами. Именно гунны оказывали ему поддержку, когда он, казалось, уже почти терпел поражение в гражданских войнах — первый раз в 425 г., когда бесславно завершилась узурпация Иоанна, и вновь в 433 г., когда Бонифаций одолел его в результате их первого столкновения. Как мы видели в VI главе, гуннские войска сыграли решающую роль в ходе предпринятого Аэцием в 430-х гг. восстановления порядка в Галлии, и особенно в разгроме бургундов и вестготов. Гибель Аэция — это гораздо больше, нежели личная трагедия одного человека. Она также ознаменовала конец целой эпохи. Смерть Аттилы и исчезновение гуннской империи не только позволили Валентиниану представить себе жизнь без Аэция, но и разрушили хрупкий баланс власти, благодаря которому

Аэций удерживал политические позиции Западной империи. Аэций без гуннов перестал быть незаменимым. Его преемникам пришлось создавать новый механизм для поддержания Запада на плаву.

Отважный Новый Мир

Ключ к пониманию нового политического порядка, вызванного к жизни крушением гуннской державы, нам дает, в сущности, первое же деяние недолговечного режима Петрония Максима.

Устранив Валентиниана III 16 марта 455 г., он был провозглашен императором на следующий день. Едва императорский скипетр оказался в его руках, как он отправил посла просить о помощи могущественных вестготов, которые с 418 г. заселили земли Юго-Западной Франции. Человек, на которого пал его выбор, был одним из вновь назначенных им армейских командиров, возможно, командующим войсками в Галлии (magister militum per Gallias), Епархий Авит. Авит был галльским аристократом с безупречной репутацией и образованием. Происходя из семьи высокопоставленных чиновников, он был связан с целым рядом влиятельных семей, а его поместья располагались в районе современного города Клермон-Ферран в Оверни. В 430-е гг. Авит отличился под началом Аэция в походах против нориков и бургундов, а затем на короткое время сменил военную службу на должность высшего гражданского администратора в Галлии, став префектом претория где-то между 439 и 441 г. В этом сане он оставил службу, вероятно, в результате естественной ротации или из-за размолвки с Аэцием, для того чтобы вновь выйти из тени десятилетие спустя. В дальнейшем он сыграл важную роль в переговорах о помощи с вестготами, что помогло Аэцию

отразить нападение Аттилы на Галлию в 451 г.*. Итак, в любой должности Авит проявлял себя с лучшей стороны. Будучи близок к Аэцию, но не слишком, он имел хороший послужной список и связи как с галльской аристократией, так и с готской.

От самого Авита до нас не дошло ни строчки. Однако в порядке более чем частичной компенсации мы располагаем сборником стихотворных произведений и писем его зятя, некоего Гая Соллия Модеста Аполлинария Сидония (о котором в этой книге уже шла речь). Имя обычно для удобства сокращают до Сидония. Поскольку мог состояться брачный союз, благодаря которому Сидоний породнился с семьей Авита, то мы заключаем, что Сидоний происходил из галльского рода землевладельцев того же круга — его основные владения были расположены вокруг Лиона в долине Роны. Его отец сам был префектом претория Галлии примерно через 10 лет после Авита, занимая эту должность в 448—449 гг.**. В прежние времена тексты Сидония должны были снискать ему довольно скверную репутацию. Во времена, когда всякий добропорядочный человек придерживался стандартов классической латыни (I в. до н.э. или I в. н.э.), на которых он был воспитан, сложность и иносказательность произведений Сидония могли лишь вызывать раздражение, если не шок. В сравнении с ясностью и деловитостью стиля того же Цезаря его пристрастие к внешним эффектам казалось пределом падения. В конце Викторианской эпохи сэр Сэмюэль Диль высказал на сей счет следующее суждение: Сидоний — «интеллектуал до мозга костей, представитель того сорта людей, которым больше всего восхищалось это столетие упадка [V в.]. Он стилист, а не мыслитель или исследова-

---

*О начале карьеры Авита, со всеми ссылками, см.: PLRE, vol. II, p. 196—198.

**Из недавних работ о Сидонии, его жизни и времени см.: Harries, 1994; работа Стивенса (Stevens, 1933) сохраняет свое значение по сей день.

тель. Не приходится сомневаться в том, что он высоко ставил свои собственные сочинения вовсе не из-за их содержания, а из-за их стилистических характеристик, которые, как мы теперь понимаем, представляют собой наименьшую ценность и даже отталкивают в них, эти по-детски причудливые образы, бессмысленные антитезы, нарочитое коверканье языка с целью придать видимость интереса и оригинальности избитым общим местам в бесцветном и монотонном повествовании»*.

Даже в переводе Сидоний способен безумно утомить своей неспособностью называть вещи своими именами; несомненно, он тратил немало времени, стараясь излагать предмет как можно сложнее. В одном из его поздних писем содержится весьма показательное высказывание, сделанное в тот момент, когда он осознал, что та образованная аудитория, к которой он привык обращаться, исчезла навсегда: «Последние из моих писем я пишу в большей степени повседневным языком; это не стоящие изящной отделки фразы, которые никогда не станут известны большинству»**. Однако было бы неверно оценивать стиль V в. по меркам I в., поэтому в последнее время исследователи в своих оценках поздней латыни (не говоря уже о позднем греческом) не спешат критиковать стилистические трудности, являвшие собой верх художественного шика в IV—V вв.***. Эпоха, которая видела бешеных коров в презервативе в качестве «искусства», по определению не имеет права оценивать художественные изыски других эпох в соответствии с жесткими стандартами универсального характера.

* Dill, 1899, p. 324; подборку аналогичных суждений см.: Harries, 1994, p. 1—2.

** Epist. 4. 10. 2, цит. по: Harries, 1994, p. 3.

*** Многие внесли свой вклад в означенную переоценку ценностей; назовем в этой связи прекрасную работу: Roberts, 1989 (со ссылками на другие исследования по данной проблематике).

Во всяком случае, заключение о том, писал Сидоний на «хорошей» латыни или нет, не входит в нашу задачу, поскольку в исторической значимости его сочинений сомнений нет. Наиболее раннее из его сохранившихся произведений датируется начиная с середины 450-х гг., позднейшее — вплоть до 480 г., однако основная их часть приходится на 20-летний период после 455 г. Он довольно много знал о каждом, кто что-то собой представлял в Южной и особенно в Юго-Восточной Галлии, могущественные и влиятельные люди весьма выразительно изображены в его письмах, которые, в противоположность письмам Симмаха, не чужды обсуждению тем политического свойства, когда это уместно. Его стихотворные произведения, или по крайней мере некоторые из них, не менее интересны. Сидоний был достаточно влиятелен, чтобы участвовать в политической жизни и чтобы императоры обхаживали его с целью добиться от него лояльности, однако он не занимал настолько важных должностей, чтобы подвергнуться репрессиям после смены власти. Признанный как один из наиболее выдающихся стилистов своего времени, он оказывал услуги целому ряду императоров, которые использовали его талант автора панегириков — хвалебных речей — в свою честь. Прежде мы уже встречались с подобными текстами, и хотя они, безусловно, далеки от реальности, насколько вы или я можем судить, у этих произведений есть одно немаловажное достоинство: они знакомят нас с тем миром, запечатлеть который желали отдельные правители. Сидоний, подобно Фемистию или Меробавду до него, был непосредственно причастен к пропаганде.

Из рассказа Сидония без тени сомнения следует, что Петроний Максим направил Авита к вестготам просить их о военной помощи. Сидоний, разумеется, слегка приукрасил данный факт сам по себе. Как он это описывает, вестготы, узнав об убийстве Валентиниана III, готовились предпринять военный поход, угрожавший всему римско-

му Западу, когда известие о прибытии Авита внезапно вызвало у них замешательство*:

«Один из готов, который, перековав свой серп, молотом выковал меч на наковальне и камнем точил его, — человек, готовый к тому, чтобы по зову трубы, исполнившись ярости, стремиться в любой момент в кровавой битве покрыть землю трупами оставленных без погребения врагов, — он, лишь только громко прозвучало имя приближавшегося Авита, воскликнул: “Войне конец! Дайте мне вновь мой плуг!”».

Вы сами можете судить, почему те, кто был воспитан на правилах классической латыни, находили многословие Сидония раздражающим, однако риторика — это все, что угодно, но только не бессмыслица. Здесь она предоставляет нам яркое изображение тестя Сидония как единственного человека, способного убедить вестготов не начинать войну. Все тот же воображаемый гот продолжает с пафосом говорить о том, что его соотечественники вовсе не намерены оставаться сторонними наблюдателями и окажут военную помощь новому императору — именно потому, что его поддерживает Авит: «Более того, если верны сведения, которыми я располагаю о твоих прежних деяниях, Авит, то я вступлю в ряды вспомогательных войск под твоим началом; таким образом по крайней мере я получу возможность сражаться». Что поражает в этом отрывке, так это преувеличенное изображение значимости Авита. Кроме того, еще раньше в одном из своих стихотворений, говоря о победах Аэция 430-х гг., Сидоний превзошел сам себя: «Он [Аэций], как ни был славен на войне, не совершил ни одного деяния без тебя [Авит], хотя ты совершил многое без него». Несомненно, Авит оказал ему важные услуги, однако Аэций весьма удачно действовал без него в 440-х гг., когда Авит был не у дел. Нет оснований сомневаться в том, что Аэций в этой паре преобладал.

* Следующие несколько цитат взяты из: Apoll. Sidon. Poem. VII.

Однако раздражение по поводу гипербол Сидония не должно отвлекать нас от исторического значения первого деяния Петрония Максима в качестве императора. И Флавий Констанций, и Аэций использовали все имевшиеся в их распоряжении политические возможности, для того чтобы не допустить усиления влияния вестготов на политику Западной Римской империи. Аларих и его шурин Атаульф в своих мимолетных мечтах видели готов в роли доминирующей силы в Западной империи. Аларих предложил Гонорию соглашение, в соответствии с которым он должен был занять при дворе пост главнокомандующего, а его готы получали для поселения земли недалеко от Равенны. Атаульф женился на сестре Гонория и назвал своего сына Феодосием. Однако Констанций и Аэций, эти стражи Западной империи, выступали против подобных притязаний; они хотели бы использовать готов в качестве «младших» союзников против вандалов, аланов и свевов, но эти планы были далеки от осуществления. Аэций предпочел заплатить гуннам и использовать их войска, чтобы удержать готов внутри вполне реальной политической границы, нежели позволить последним играть более значимую роль в делах империи. Посольство Авита, которое, как объясняет Сидоний, добивалось от вестготов не просто покорности, а военной помощи, одним ударом опрокинуло ту политику, которая в течение 40 лет удерживала империю на плаву.

Неожиданные последствия этого шага лишь усугубили дело. Когда Авит все еще находился у вестготов, вандалы под предводительством Гейзериха отплыли от берегов Северной Африки, и в скором времени их полчища уже находились на подступах к Риму. Не в последнюю очередь эта экспедиция имела своей целью погромы и грабеж, однако у нее существовали и более основательные мотивы. В рамках политики дипломатии, последовавшей за крушением попыток Аэция отвоевать Северную Африку, Гунерих,

старший сын короля вандалов Гейзериха, был обручен с Евдокией, дочерью Валентиниана III. Однако после своего прихода к власти Петроний Максим, стремясь придать больше легитимности своему режиму, выдал Евдокию за собственного сына Палладия. Таким образом, нападение вандалов на Рим было совершено еще и с целью отомстить за нанесенное оскорбление (как считал Гейзерих) и, пользуясь случаем, сыграть свою важную роль в имперской политике. Узнав о приближении вандалов, Максим «пришел в ужас, вскочил на коня и умчался. Императорские телохранители и те свободные люди из его окружения, которым он особенно доверял, покинули его, а те, кто видел его бегство, ругали и поносили его за малодушие. Когда он уже почти выехал из города, кто-то метнул камень, попал ему в висок и убил его. Толпа собралась вокруг тела, растерзала его на куски и с ликующими возгласами носила отдельные члены на шесте» (Prisc., fr. 30. 2).

Так 31 мая 455 г. закончилось правление Петрония Максима; он пробыл императором не более двух с половиной месяцев.

Когда столица империи была опустошена во второй раз, нанесенный ей ущерб был более серьезным, нежели в 410 г. Вандалы Гейзериха рыскали повсюду и грабили; захватив огромные сокровища и множество пленников, они вернулись в Карфаген, привезя с собой вдову Валентиниана III, двух ее дочерей и Гауденция, оставшегося в живых сына Аэция*. Узнав об этом, Авит немедленно выдвинул собственные притязания на престол и провозгласил себя императором, все еще находясь при вестготском дворе в Бордо. Позднее, 9 июля того же года, его притязания были поддержаны группой галльских аристократов в Арле, а вскоре после этого Авит триумфально двинулся к Риму и начал переговоры с Константинополем о своем призна-

* Полную реконструкцию событий см.: Courtois, 1955, p. 185—186.

нии. Военачальники, стоявшие во главе римских войск в Италии, — Майориан и Рицимер, — были готовы признать его, поскольку опасались военной мощи вестготов, которая находилась в его распоряжении*.

Так родился новый режим. В то время как западноримские императоры старались держать на почтительном расстоянии вестготов и других иммигрантов, вновь заявившая о себе варварская общность позиционировала себя как часть политического тела Западной империи. Впервые король вестготов сыграл ключевую роль в решении вопроса о наследовании императорского престола.

Необходимо подчеркнуть подлинное значение этого переворота. Чтобы без гуннов держать под контролем готов и других иммигрантов, переселившихся в пределы римского Запада, имперским властям не оставалось иного выбора, кроме как принять их в подданство. Источники пополнения войск в Западной Римской империи слишком оскудели, чтобы и далее можно было придерживаться курса на исключение иммигрантов из сферы имперской политики. Честолюбие, которое впервые проявили Аларих и Атаульф, а позднее Гейзерих, пожелавший женить своего сына на принцессе императорской крови, дало результаты. Современники вполне понимали значение поворота в политике, ознаменовавшегося возвышением Авита. С незапамятных времен в культурной традиции варвары (включая вестготов) изображались как «чужаки», неразумные и необразованные, как некая разрушительная сила, постоянно угрожавшая Римской империи. В этом смысле, что касается вестготов, к тому времени уже в течение целого поколения служивших в качестве «младших» римских союзников в Юго-Западной Франции, почва была достаточно хорошо подготовлена. Тем не менее одна лишь администрация Авита в полной мере отдавала себе отчет в том, что ее союз с вестготами не мог быть

* Prisc., fr. 32 = Ioann. Antioch. Fr. 202.

прочным. Нигде это понимание не отражено лучше, чем в произведениях Сидония, особенно в письме, написанном им в первые месяцы царствования Авита при дворе вестготского короля Теодориха II. Письма Сидония никак нельзя считать личными документами. Он писал их в расчете на то, что их содержание будет широко известно. Короче говоря, письма являлись для него отличным средством распространения его точки зрения среди единомышленников из числа галльских землевладельцев*.

Адресованное сыну Авита, Агриколе, как описание жизни при вестготском дворе, это письмо начинается с портрета Теодориха: «В его телосложении Божья воля и замысел природы соединились вместе, для того чтобы одарить его высшим совершенством; его характер таков, что даже зависть, которая окружает государей, не в состоянии лишить его присущих ему добродетелей». Далее мы читаем о распорядке дня короля. Начав день с приема одного или двух просителей, он проводит утро, принимая посольства и разбирая судебные тяжбы; далее, после полудня он может поехать поохотиться, и в этом, как и во всем остальном, король превосходит всех. Вечером наступает время основной трапезы:

«Когда присутствуешь вместе с ним за обедом... там не увидишь безвкусного нагромождения потерявшего свой первоначальный цвет старинного серебра, подаваемого запыхавшимися слугами на прогибающиеся под его тяжестью столы; самым важным делом на собраниях такого рода является беседа. Яства вызывают восторг искусным приготовлением, а не ценой. Кубки наполняются через столь длительные промежутки времени, что возникает больше причин для жаждущего выразить свое недовольство, нежели для пьяного воздержаться от пития. Короче говоря, вы найдете там греческую изысканность, галль-

---

*О ситуации в образованном обществе Галлии, к примеру, см.: Harries, 1994, Chs 1—2.

ское изобилие и италийскую непринужденность наряду с достоинством государства, гостеприимством частного дома и установленным церемониалом королевского двора» (Apoll. Sidon. Epist. 1. 2).

Письмо заканчивается легкой шуткой в адрес короля. После обеда Теодорих любил сыграть партию в кости и бурно выражал свое негодование, если понимал, что его партнер позволил ему выиграть. С другой стороны, если бы вы захотели добиться расположения короля, замечает Сидоний, надо было дать ему выиграть, но так, чтобы он не понял, что вы ему поддались. Если оставить в стороне этот маленький пример снисходительности, то смысл письма Сидония в высшей степени очевиден. Теодорих II вовсе не являлся типичным образцом грубого варвара, раба своих страстей, приверженного к употреблению алкоголя с последующим притоком адреналина. Он был, по сути, «римлянином» в собственном смысле слова, человеком, который овладел способностью мыслить и самодисциплиной, подчинив свой двор и свою жизнь — строго говоря, всего себя — освященному временем римскому образцу. С Теодорихом можно было иметь дело. Я не знаю, какой на самом деле была жизнь при вестготском дворе, однако для того, чтобы объяснить сближение Авита с Теодорихом, последнего следовало представить как обладателя всех мыслимых добродетелей, и Сидоний сделал свое дело как нельзя кстати. Новый поворот в политике набирал темп. Варваров теперь представляли как «римлян» с целью обосновать тот неизбежный факт, что, поскольку и далее держаться от них особняком было невозможно, пришлось их инкорпорировать в политическую структуру Западной империи.

На первый взгляд это инкорпорирование чужеродного элемента не выглядело смертельным ударом по единству империи. Теодорих был в достаточной степени романизован, чтобы охотно подыгрывать имперской администрации; он понимал необходимость демонстрировать свои

проримские чувства, чтобы оправдать собственные территориальные притязания. Тем не менее существовало два очень серьезных препятствия, которые делали римско-вестготский военный союз не таким полноценным, как можно было думать вначале. Во-первых, политическая поддержка никогда не оказывается просто так. Безусловно, Теодорих был рад поддержать Авита в его притязаниях на власть, однако он не без оснований ожидал чего-нибудь взамен. В этом случае награда, которой он желал, заключалась в предоставлении ему свободы рук в Испании, где, как мы видели, буйствовали свевы с тех самых пор, как в начале 440-х гг. Аэций переключил свое внимание на Дунайский регион. Просьба Теодориха была удовлетворена, и он немедленно направил в Испанию вестготскую армию под знаменами императора Авита, формально с целью прекратить бесчинства свевов. До сих пор, разумеется, когда вестготы появлялись в Испании, они всегда действовали вместе с римскими войсками. На этот раз Теодориху было разрешено поступать всецело по собственному усмотрению; в нашем распоряжении имеется аутентичное — испанское — описание того, что произошло далее. Как известно, вестготская армия разгромила свевов, захватив в плен и предав смерти их короля. Вестготы использовали любую возможность, — как во время собственно вторжения, так и в ходе операций по зачистке местности, которые начались позднее, — заполучить столько добычи, сколько они могли, захватив и разграбив в числе других города Брагу, Астурику и Паленцию. Готы не только разрушили королевство свевов, они не слишком-то постеснялись присвоить себе богатства Испании*. Подобно Аттиле, Теодорих должен был ублажать своих воинов. Его решимость оказать поддержку Авиту основывалась на подсчете веро-

*История этой кампании изложена в «Хронике» Гидация (Chron. 173—186). О более ранних совместных римско-готских походах в Испанию см. выше, гл. V и VI.

ятных выгод, и доходная «увеселительная прогулка» в Испанию была одной из них.

Во-вторых, включение варваров в политическую игру по созданию правящих режимов на римском Западе означало, что отныне там значительно увеличивалось число группировок, боровшихся за свои позиции при императорском дворе. До 450 г. каждой западноримской администрации приходилось всецело отвечать интересам трех армейских формирований — двух главных в Италии и Галлии, одного в Иллирике, а также земельной аристократии Италии и Галлии, представители которой занимали ключевые посты в имперской бюрократии. Позицию Константинополя тоже следовало учитывать. Как было в случае с Валентинианом III, стоило войскам Запада разделиться между разными претендентами на престол, как восточноримские императоры пускали в ход достаточно мощную и грубую силу, чтобы навязать Западу собственного кандидата. Вовсе не думая управлять Западом непосредственно, Константинополь был в состоянии наложить свое решающее вето на выбор всех прочих заинтересованных «партий». Согласование такого множества интересов в конечном итоге могло привести к затягиванию всего дела на длительный срок.

После распада Гуннской империи бургунды и вандалы были следующими, кто начал выпрашивать себе место в имперской системе и требовать за это вознаграждения. Бургунды в середине 430-х гг. были поселены Аэцием вокруг Женевского озера. Спустя 20 лет они воспользовались новой расстановкой сил на Западе, чтобы завладеть некоторыми римскими городами и теми доходами, которые они взимали с этих городов и их округи в долине Роны; это были Безансон, Вале, Гренобль, Отен, Шалон-сюр-Сон и Лион*. Разгром Рима в 455 г. коалицией вандалов и аланов, как мы видели, поставил крест на их стремлении активно

---

* Реконструировать в деталях историю бургундов невозможно; впрочем, более полное изложение дискуссии и сноски см. в работе: Favrod, 1997.

участвовать в имперской политике. После смерти Валентиниана, как сообщает Виктор Витенский (Hist. persec. I. 13), Гейзерих, расширяя свой домен, захватил контроль над Триполитанией, Нумидией и Мавританией наряду с Сицилией, Корсикой и Балеарскими островами. Включение лишь некоторых из варварских племенных объединений в политическую жизнь империи крайне осложнило политику Запада; и чем больше их становилось, тем труднее было изыскивать для них достойное вознаграждение, чтобы создать долгосрочный союз.

Подлинный смысл отмеченных противоречий, в корне подорвавших стабильность власти Авита, выясняется благодаря еще одному из произведений Сидония, дошедших до нас от той эпохи. 1 января 456 г., когда император в Риме вступил в консульство, его неизменно лояльному зятю было поручено произнести речь от своего имени. Она начиналась, что неудивительно, с тезиса о редком соответствии императора занимаемой им должности. Говоря так, Сидоний воспользовался возможностью сделать несколько очевидных сравнений. В частности, он заклеймил Валентиниана III как «сумасбродного евнуха» (semivir amens) и противопоставил его стиль руководства тому военному и политическому искусству, которое привнес в исполнение своих обязанностей Авит. Обратившись к ключевому вопросу отношений Авита с королем вестготов, Сидоний с осторожностью подошел к этому потенциально взрывоопасному предмету, однако его мысль была достаточно ясна. Во-первых, он с жаром утверждал, что Авит никогда не был слишком близок к вестготскому двору. Все знали, что в 420-х гг., будучи еще молодым человеком, он там побывал, когда вестготский король «весьма настойчиво предложил тебе [Авит] стать одним из близких к нему людей, но ты отверг звание друга как менее почетное, чем звание римлянина»*. Затем Сидоний заострил внимание на од-

* Эта и след. цитаты взяты из Sidon. Poem. VII. 233—236; 286—294.

ном небольшом инциденте, происшедшем в 430-х гг., когда Авит жестоко отомстил грабителю-вестготу, который ранил одного из его слуг:

«Когда они в первый раз сошлись, грудь в грудь, лицом к лицу, один [Авит] дрожал от гнева, другой [гот] от страха... Но вот, гляди-ка, последовал один удар, второй, третий! Поднялось копье и пронзило этого кровожадного человека; его грудь была пробита, а панцирь расколот надвое, треснув даже там, где он прикрывал спину; и когда кровь забила ключом из двух отверстий, две раны по отдельности исторгли из тела жизнь, которую могла забрать каждая из них».

Если перевести это на английский (или даже на латынь), то Сидоний говорит, что Авит нашел вестготского мерзавца, который ранил его человека, и своим копьем ударил его так, что оно вышло с другой стороны. Переведенное на политический язык, это творение убеждает в том, что Авит был не переметнувшимся на сторону вестготов предателем, а настоящим римлянином, который дал варварам такой жесткий отпор, какого только мог пожелать самый лютый их ненавистник.

Все это было направлено на то, чтобы рассеять подозрения внимавшей Сидонию аудитории, состоявшей из итало-римских сенаторов и военачальников, — как, впрочем, и его рассказ о возвышении нового императора. Узнав о смерти Аэция и Валентиниана, вестготы начали замышлять собственные завоевательные походы*. Тогда в вестготский стан направляется Авит, и все тут же меняется. Одним своим присутствием он поверг их в панический страх; именно этот страх привел к тому, что вестготы внезапно решили попытаться ублажить его, вступив в военный союз с Римом. Но провозглашать ли Авиту себя императором — это было его личным делом. Что же касается вестготского короля, Сидоний говорит от его имени следующее:

* Sidon. Poem. 361 sqq. Следующая цитата: ст. 510—518.

«Мы не навязываем тебе царский пурпур, но мы просим тебя его принять; если ты станешь вождем, я стану другом Рима, если ты станешь императором, я стану его солдатом. Ты ни у кого не крадешь тайком верховную власть; нет Августа, владеющего холмами Лация, дворец, оставшийся без хозяина, твой... Мое дело лишь служить тебе; но если Галлия заставит тебя принять власть, на что она имеет право, то весь мир с радостью тебе покорится, опасаясь, что в противном случае он погибнет».

Здесь мы видим и особое обращение к Авиту, и намек на вакуум власти в Италии — все в точном соответствии с политическими настроениями аудитории. Слушателями, к которым обращался Сидоний, были италийцы. Авит мог оказаться всего лишь креатурой вестготов, по примеру Приска Аттала при Аларихе и Атаульфе. В речи Сидоний, напротив, утверждал, что Авит был самостоятельной политической фигурой. Стоило хотя бы принять во внимание историю его продолжительного обхаживания вестготами! Авит все-таки принял от них царский пурпур, может быть, даже против своей воли, ибо он был тем единственным человеком, кто мог их обуздать. В эти смутные времена военный потенциал варваров был необходим для обеспечения безопасности империи, Авит же оставался истинным римлянином.

Попытка оказалась удачной. Особенно если учесть мнение, будто Сидонию недостает идей. Однако слушатели-италийцы, особенно военные среди них, вообще не имели никаких идей. Как мы видели, наши источники свидетельствуют о том, что римская армия в Италии терпела Авита только до тех пор, пока он опирался на военный потенциал вестготов. Когда в 456 г. вестготы настолько глубоко увязли в Испании, что в обозримом будущем были не в состоянии вторгнуться в Италию, два главных римских военачальника, Майориан и Рицимер, расторгли союз с ними. 17 октября того же года они дали сражение тем малочисленным войскам, которые сумел наскрести

Авит, — вероятно, это были остатки римской полевой армии в Галлии, — рядом с городом Плаценцией в Северной Италии. Авит потерпел поражение и был вынужден стать епископом города, а вскоре после этого умер при странных обстоятельствах*.

Итак, если говорить кратко, здесь мы наблюдаем ту проблему, с которой теперь столкнулся Запад. Авит пользовался поддержкой вестготов, а также поддержкой, по крайней мере некоторых, галльских сенаторов и какой-то части римской армии в Галлии. Однако, столкнувшись с оппозицией италийских сенаторов и в особенности с оппозицией командующих италийской полевой армией, эта коалиция не имела шансов победить. К началу 460-х гг. масштабы разразившегося на Западе кризиса, вызванного крушением империи Аттилы, стали очевидны. Было слишком много заинтересованных «партий» и недостаточно «призов», за которые они боролись. Однако Константинополь решился последний раз испытать судьбу.

Глава девятая

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

Некоторые историки порицали Константинополь за то, что он ничего не предпринял для спасения погибавшего Запада. Из Notitia Dignitatum (см. гл. V) мы узнаем, что восточноримские вооруженные силы, оправившиеся после поражения при Адрианополе, к концу IV в. включали в себя полевую армию в составе 131 легиона, распределенных между четырьмя военными группировками: одна держала фронт против персов, другая размещалась во Фракии и две — в центре (так называемые презентальные войска, от латинского выражения, означающего «находящиеся в

* См. ссылки: PLRE, vol. II, p. 198.

боеготовности имперские силы»). Таким образом, мобильные войска империи насчитывали от 65 до 100 тысяч человек*. Кроме того, римский Восток располагал многочисленными подразделениями пограничных войск (limitanei). К тому же археологические раскопки последних 20 лет показали: нет ни малейшего намека на то, что характерный для IV в. расцвет сельского хозяйства в главных восточных провинциях — в Малой Азии, на Среднем Востоке и в Египте — на протяжении V в. постепенно сошел на нет. Некоторые полагают, что, таким образом, Восточная империя располагала необходимыми средствами, для того чтобы осуществить успешное вторжение на Запад, однако она этого не сделала. Сторонники наиболее радикальных суждений на сей счет предполагали, что в Константинополе были рады видеть варваров, осевших на территории Западной империи, из-за того пагубного воздействия, которое данная ситуация оказывала на военный потенциал Запада, ибо оно исключало всякую возможность появления там амбициозного претендента на верховную власть, который захотел бы свергнуть своего восточного «коллегу» и объединить империю. Это не раз случалось на протяжении IV в., когда императоры Константин и Юлиан объединяли под своей властью империю, изначально используя в качестве базы для борьбы за власть именно Запад**. Однако

---

*В зависимости от количественного соотношения между подразделениями по 500 и 1000 человек. См.: Jones, 1964, vol. III, 364, 379. «Восточный» раздел Notitia датируется не позднее середины 390-х гг., но впоследствии вооруженные силы Восточной империи не несли серьезных потерь. В 395 г. восточноримская администрация также контролировала всю полевую армию Иллирика (еще 26 легионов), однако в дальнейшем Западный Иллирик и дислоцированные там войска были переданы в распоряжение западноримского правительства.

** Точка зрения Гоффарта (Goffart, 1981). Константину, чтобы объединить империю, между 306 и 324 г. пришлось разгромить ряд соперников, причем вначале под его властью находились

на самом деле, если учесть те проблемы, с которыми Константинополю пришлось столкнуться на границах Восточной империи, сведения о его попытках оказать помощь Западу в V в. вполне заслуживают внимания.

Константинополь и Запад

Военно-политическое положение Восточной Римской империи было прочным, однако значительные контингенты войск приходилось постоянно держать на двух ключевых участках восточной границы — в Армении и Месопотамии, где Рим противостоял Персии. Если бы вы спросили любого римлянина IV в., откуда исходит главная угроза безопасности империи, то услышали бы в ответ: из Персии, от ее властителей из династии Сасанидов. Начиная с III в., когда сасанидский переворот произвел это удивительное превращение, Персия была второй сверхдержавой античного мира. Как мы уже видели, новая военная угроза со стороны Сасанидов ввергла Римскую империю в состояние военного и финансового кризиса, который продолжался около 50 лет. Ко времени Диоклетиана, в 280-е гг., империя мобилизовала необходимые силы и средства, однако процесс подготовки адекватного ответа очевидному могуществу ее восточного соседа был долгим и тяжелым. Кроме того, усиление Персии сделало в большей или меньшей степени неизбежным то, что отныне один император постоянно находился на Востоке, и, таким образом, превратило разделение власти в характерную особенность имперской политической структуры позднеримского периода. В результате этих трансформа-

лишь Галлия и Британия. Юлиан получил назначение цезарем Запада от своего кузена Констанция II в 355 г., однако в 360 г. поднял мятеж и объединил всю империю под своей властью после внезапной смерти Констанция в 361 г.

ций Рим начал восстанавливать утраченные позиции, и в IV в. уже не повторялись такие бедствия III в., как захват персами Антиохии.

Когда оцениваешь уровень военной помощи Восточной империи Западу в V в., важно учитывать, что в целом сведенная к минимуму около 300 г. угроза со стороны Персии никогда не исчезала совсем. Даже если военные действия велись реже, — да и борьба тогда сводилась в основном к бесконечным изнурительным осадам и незначительным территориальным приращениям, — Сасаниды неизменно присутствовали в стратегических планах восточноримских политиков и полководцев. В результате неудачи предпринятого в 363 г. похода Юлиана в Персию, а также в условиях затянувшейся войны на Дунае, развязанной гуннами в середине 370-х гг., последующие римские императоры дважды были вынуждены пойти на заключение с сасанидскими правителями мирных договоров, о которых те в другое время могли только мечтать. После поражения Юлиана император Иовиан пошел на унизительные уступки территорий и баз в Месопотамии. Валент сделал несколько предварительных заявлений и даже предпринял некоторые шаги, чтобы вернуть эти земли, однако после его гибели при Адрианополе Феодосий не только подтвердил тот факт, что римляне смирились с этими утратами, но и заключил соглашение, касающееся Армении — еще одного серьезного предмета разногласий, и вновь в целом в пользу Персии (см. карту № 3)*.

Эти уступки обусловили наступление относительно мирной фазы в римско-персидских отношениях, поскольку цели Сасанидов на данном этапе были в основном достигнуты. Во всяком случае, Персия столкнулась с набегами кочевников на двух участках своей северной границы:

* Феодосий согласился с тем, что Персия получит контроль над 2/3 территории Армении, тогда как за Римом останется лишь 1/3.

на востоке в Трансоксании (современный Узбекистан) и на Кавказе, где у Константинополя тоже имелись свои интересы. Пути через Кавказ вели в глубь римской территории, если повернуть направо, и в глубь персидских владений, если двигаться прямо. Гунны двинулись в обоих направлениях. Великий гуннский поход 395 г. обернулся опустошением не только римских провинций к югу от Черного моря, но и неожиданно обширных территорий Персидской державы. Так началась новая эпоха компромиссов, когда обе империи перед лицом гуннской угрозы пришли к беспрецедентному соглашению о совместной обороне. Персы должны были возвести укрепления и разместить гарнизон в ключевом Дарьяльском ущелье на Кавказе, а римляне обязались помочь оплатить издержки. Римско-персидские отношения в этот период были настолько безоблачными, что возник миф, будто персидский шах усыновил Феодосия II по просьбе его покойного отца императора Аркадия, чтобы тем самым обеспечить мальчику спокойное восшествие на престол (тому было всего лишь шесть лет, когда умер его отец).

Однако все это вовсе не означало, что Константинополь мог позволить себе сокращение своих вооруженных сил. Возможно, численность войск в V в. несколько сократилась, а на строительство укреплений выделялось меньше средств; тем не менее главные силы по-прежнему приходилось держать на восточной границе. Notitia Dignitatum, чей «восточный» раздел датируется примерно 395 г., т.е. уже после соглашения по Армении, сообщают нам о полевой армии в составе 31 легиона (около четверти от их общего количества), дислоцированной на Востоке, наряду со 156 подразделениями пограничных войск, размещенных в Армении и в провинциях, лежавших в непосредственной близости к месопотамскому фронту (из 305 подразделений по всей Восточной империи). И это в период относительной стабильности! Время от времени случались конфликты с Персией, которые иногда приводили к военным дейст-

виям, как в 421 и 441 гг. Единственной причиной, по которой персы не извлекли существенных выгод из ситуации, когда в 440-х гг. Константинополь был занят борьбой с гуннами, по-видимому, явилась их собственная борьба с кочевниками*.

Как Персия была для Рима серьезным противником, точно так же серьезным противником был для Персии Рим, и каждый из них особенно гордился победами, одержанными над своим визави. Как мы уже отмечали, провинции от Египта до западной части Малой Азии были для Восточной империи основным источником доходов, поэтому ни один император не мог позволить себе рисковать безопасностью региона. В результате Константинополю приходилось держать свыше 40 процентов своих вооруженных сил на границе с Персией, а еще 92 подразделения пограничных войск предназначались для защиты Египта и Ливии. Единственные войска, которые восточноримские власти теоретически могли использовать на Западе, были представлены шестой частью их пограничных сил, дислоцированных на Балканах, и тремя четвертями их полевых войск, сконцентрированных во Фракии, плюс две «презентальные» армии**.

Вплоть до 450 г. способность Константинополя оказать помощь Западу в значительной степени определялась тем фактом, что он принял на себя главный удар гуннов. Еще в 408 г. (см. гл. V) Ульдин быстро овладел восточноримской крепостью Кастра Мартис в Прибрежной Дакии, а к 413 г. восточноримские власти оценили угрозу в достаточной мере, чтобы начать реализацию программы по сооружению речных заграждений на Дунае*** и возведению трой-

---

* См. неплохой обзор римско-персидских отношений в работе: Blockley, 1992. Рубин (Rubin, 1986) выявляет относительно миролюбивый характер отношений между Римом и Персией в V в., в противоположность ситуации IV или VI в.

** Not. Dig. Or. 5, 6, 8.

*** CTh. VII. 17. 1 (412 г.).

ной линии стен вокруг Константинополя (см. гл. V). Затем, всего лишь несколько лет спустя, восточноримские войска попытались непосредственно пресечь территориальный рост гуннской державы. По-видимому, в 421 г. они предприняли крупномасштабную экспедицию в Паннонию, которая уже была, пусть и временно, в руках гуннов, вызволив из-под гуннской власти большую группу готов и поселив их на территории Восточной Римской империи, во Фракии. Следующие два десятилетия прошли в противодействии амбициям Аттилы и его дяди, и даже после смерти Аттилы восточноримским властям вновь пришлось иметь дело с большей частью «обломков», оставшихся после крушения гуннской империи. Как мы видели в VIII главе, именно Восточную империю уцелевшие сыновья Аттилы выбрали в качестве объекта для нападения в конце 460-х гг. В то же десятилетие, только немногим раньше, восточноримские войска опять-таки были вовлечены в боевые действия против воинственных «обломков» развалившейся военной машины Аттилы под предводительством Гормидака и Бигелиса. Подобно им, в 460 г. готы Амала в Паннонии вторглись во владения Восточной империи, чтобы получить свои 300 фунтов золота*.

Если принять во внимание этот стратегический фон, когда на персидском фронте военные приготовления не могли быть сведены к минимуму, а дунайская граница по вине гуннов требовала больше сил и средств, чем когда-либо раньше, сведения о попытках Константинополя оказать помощь Западу в V в. выглядят как вполне достойные внимания. Несмотря на все тяготы, связанные с отражением Ульдина, Константинополь направил войска Гонорию в 410 г., когда Аларих взял Рим и угрожал Северной Африке. Всего шесть отрядов, общей численностью в 4 тысячи человек, прибыли в критический момент, вдохнув в Гонория боевой дух именно тогда, когда он уже собирался

*О 421 г. см.: Theophan. AM 5931 (см. гл. 8). См. также: Maenchen-Helfen, 1973, p. 81—94.

либо бежать, либо разделить власть с узурпаторами. Этих войск вполне хватило, для того чтобы отстоять Равенну, чей гарнизон помышлял о мятеже, и выиграть достаточно времени, что помогло императору спасти положение (Zosim. VI. 8. 2—3). Аналогичным образом в 425 г. Константинополь отправил свои «презентальные» войска в большом числе с целью утвердить на троне Валентиниана III, а в 430-х гг. военачальник Аспар в Северной Африке сделал немало, чтобы побудить Гейзериха заключить первый договор (435 г.), который не позволил ему завоевать Карфаген и богатейшие провинции региона. В 440—441 гг. Восток вновь направил так много своих дунайских и «презентальных» войск для участия в запланированной совместной экспедиции в Африку, что тот чиновник, который участвовал в ее организации, особо отметил это обстоятельство в своем донесении, тогда как Аттила и Бледа получили уникальную возможность двинуть свои полчища на римские земли.

Хотя, как мы видели в VII главе, в 450 г. Аттила пошел на заключение с Восточной империей необычайно великодушного с его стороны договора, Восток даже тогда не уклонился от своего намерения оказать помощь римлянам. Войска — мы не знаем, в каком числе, — были направлены на помощь Аэцию, когда он тревожил гуннские армии, проносившиеся по Северной Италии в 452 г., тогда как остальные вооруженные силы Востока достигли значительных успехов в ходе нападения на земли самих гуннов*. Это вовсе не говорит о том, что Восточная Римская империя не была заинтересована в оказании поддержки Западу. Нет здесь и малейшего намека на то, что в Конс-

*Так, Гидаций в своей «Хронике» (Chron. 154) пишет: «Гунны... были истреблены вспомогательными войсками, направленными императором Маркианом и воевавшими под началом Аэция, и в то же самое время они [гунны] были сокрушены в своих поселениях как бедствиями, ниспосланными небом, так и армией Маркиана». См. также гл. VII.

тантинополе приветствовали расселение варваров на территории Западной Римской империи, имея в виду ослабление власти западных императоров, не говоря уже (как принято считать) о поощрении Алариха и его готов к переходу с Балкан в Италию в 408 г. Как отметил Эдвард Томпсон, сам факт выбора в пользу вооруженной борьбы и всего того, что могло повлечь за собой в 451—452 гг. весьма тяжелые последствия, вместо того чтобы принять великодушный мир из рук Аттилы и отступить, стал свидетельством готовности Константинополя к решительным действиям*.

Безусловно, в Константинополе императоры и в особенности их советники приходили и уходили, а политический курс в отношении Запада претерпевал изменения. Как уже говорилось, вплоть до смерти Феодосия II в июле 450 г. помощь Западу отчасти объяснялась тем фактом, что восточный и западный императоры принадлежали к одному и тому же дому Феодосия I. Следовательно, оказывая поддержку своему кузену Валентиниану, Феодосий II подтверждал права своей семьи на власть. Поэтому в 425 г. самая многочисленная за все это время восточная экспедиционная армия была направлена на Запад для участия в римской гражданской войне с целью посадить на трон Валентиниана III. Однако объем помощи Западу от Восточной Римской империи не может быть сведен лишь к узкодинастическим интересам. Помощь продолжала оказываться и после смерти Феодосия II, в частности, когда Ат-

---

*А. Кэмирон (Cameron, 1970, p. 176 ff.) оспаривает традиционное мнение, будто на поход в Италию Алариха вдохновили из Константинополя. Позицию Эдварда Томпсона см. в работе: Thompson, 1996, 161 ff.; особенно он заострил внимание на той мести, которую Аттила намеревался обрушить на Восточную империю в 453 г., если бы его собственная смерть не положила конец войне. Таким образом, в тщательно разобранном ходе событий я не нахожу ни одного довода в пользу точки зрения Гоффарта: Goffart, 1979.

тила напал на Италию в 452 г. Важный во всех своих компонентах, этот перечень актов вспомоществования составлен на основе самых разных источников и едва ли может считаться исчерпывающим. В частности, я полагаю, что регулярные денежные субсидии направлялись на Запад все эти годы наряду с периодическими предложениями военной помощи. Таким образом, принятое в 460-х гг. решение константинопольских властей об увеличении размеров финансовой помощи Западу не стало внезапным исключением из правила.

Смена власти. Антемий и Северная Африка

Наиболее очевидной проблемой, с которой столкнулся римский Запад около 460 г., была проблема наследования власти; с момента смерти Аттилы в 453 г. дела с преемственностью обстояли неважно. Валентиниан III был сражен телохранителями Аэция, действовавшими по наущению Петрония Максима, который захватил трон, однако немного времени спустя сам был убит римской чернью. Вскоре после этого Авит провозгласил себя императором, договорившись с вестготами, представителями галло-римской земельной аристократии и военными. Затем последовало его смещение Рицимером и Майорианом, которые командовали италийскими полевыми войсками. Этой армии предстояло стать самой мошной военно-политической силой на римском Западе, а двум военачальникам было суждено сыграть решающую роль в замещении престола.

Из этих двух особенно любопытной личностью являлся Рицимер. Его дедом был вестготский король Валия, который в 416 г. заключил договор с Флавием Констанцием, тогда как со стороны матери он происходил от свевской принцессы. Его сестра была выдана замуж за одного из представителей бургундского королевского дома. Таким

образом, в родственных связях Рицимера отразились те серьезные сдвиги, которые к тому времени уже привели на римскую землю так много независимых племенных объединений со стороны. Впрочем, карьера Рицимера была типично римской и чисто военной; впервые он выдвинулся при Аэции. Кое-кто усмотрел в его политике антиримские тенденции, направленные в пользу варваров, но это явно не так. Подобно Аэцию и Стилихону, Рицимер в случае необходимости был готов заключать союзы с новыми варварскими политическими образованиями, появившимися на Западе, однако нет и намека на то, что генетическая наследственность побуждала его действовать в их пользу и в ущерб интересам центральной римской власти, фактически как раз наоборот. Он во многом был наследником Стилихона: варвар с большими связями, стремившийся сделать в Риме карьеру, но вместе с тем выказавший безупречную преданность по отношению к имперским ценностям. Майориан также служил при Аэции, однако, в отличие от Рицимера, он происходил из весьма известной римской семьи потомственных военных. Его дед по отцу в 370-х гг. занимал должность главнокомандующего, тогда как отец был при Аэции высокопоставленным сановником. Сам Майориан в конечном счете рассорился с Аэцием, однако Валентиниан III вновь призвал его на службу после убийства временщика*.

* В науке оценки деятельности Рицимера всегда были неоднозначными, поскольку сам факт его варварского происхождения, казалось бы, ставил под сомнение его лояльность по отношению к Риму. Однако дело в том, что наследование власти у вестготов находилось в руках другой династии, происходившей от преемника Валии, Теодориха I, так что Рицимер, по-видимому, едва ли стяжал бы себе широкую популярность, если бы вдруг оказался в вестготской Аквитании; кроме того, политика Рицимера, проводившаяся им, разумеется, в собственных интересах, в целом вовсе не была направлена в пользу варваров. Общий очерк см. в работе: O'Flynn, 1983, Ch. 8. О Майориане см.: PLRE, vol. II, p. 702—703, с соответствующими ссылками.

Рицимер и Майориан стали союзниками в борьбе с Авитом, но, свергнув его, они не знали, что им делать дальше. В результате междуцарствие затянулось на несколько месяцев. Наконец эти двое решили, что императором станет Майориан, и его коронация была отпразднована 1 апреля 457 г. Несмотря на некоторые успехи в самом начале, новой администрации не удалось окончательно решить те проблемы, с которыми столкнулся Запад, поэтому Рицимер и Майориан в конечном счете рассорились. 2 августа 461 г. Рицимер сместил своего бывшего сообщника, а пять дней спустя казнил. После этого он остановил свой выбор на пожилом сенаторе по имени Либий Север, который отныне должен был выступать в роли его марионетки. 19 ноября, по окончании очередного междуцарствия, Север был облачен в пурпур. Однако нигде на Западе он не получил поддержки. Более того, Эгидий и Марцеллин, командовавшие тем, что осталось от галльской и иллирийской полевых армий, были настолько недовольны, что подняли мятеж.

Итак, смерть Валентиниана III повлекла за собой один из тех периодов затяжной нестабильности, которыми была чревата римская политическая система. Столкнувшись с неприкрытой анархией, Константинополь делал все возможное для обеспечения стабильности. В случае с Авитом восточноримский император Маркиан отказался заявить о своем признании его императором, однако переговоры с Константинополем по поводу вступления на престол Майориана в конце концов увенчались успехом. Уже после своей коронации 28 декабря 457 г. он был вторично провозглашен императором, скорее всего после получения документа о его признании, присланного преемником Маркиана, императором Львом I. То, что сан Майориана был признан на Востоке, свидетельствует о том факте, что он пользовался гораздо более широкой поддержкой, нежели Авит. Этого, напротив, нельзя было сказать о Либии Севере — на этот раз Лев не был склонен к сотрудничеству, и

Севера до конца своих дней категорически не признавали в Константинополе.

Поскольку императоры на Западе приходили и уходили, восточноримские правители, по-видимому, пытались распознать и впредь поддерживать те режимы, которые, как можно было надеяться, будут более или менее стабильными. Рицимер сделал императором бесцветного Севера с целью сохранить свои позиции в Италии. Однако, как показал еще Аэций, политическое долгожительство было неразрывно связано с военными победами, и Рицимеру также приходилось эффективно оборонять Италию, как, впрочем, и весь остальной римский Запад. Для выполнения этих задач были жизненно необходимы признание и помощь со стороны Константинополя. Как только стало ясно, что фигура Севера неприемлема для Льва — не в последнюю очередь из-за того неприятия, которое он вызывал у Эгидия и Марцеллина, — Север стал препятствием для осуществления политики Рицимера. В конечном счете Север умер в подозрительно подходящий момент — в ноябре 465 г. Некий источник, датированный началом VI в., допускает, что Север был отравлен, в то время как Сидоний с жаром пытается доказать, что тот умер естественной смертью. Это отступление столь резко выделяется в тексте, посвященном совсем другим предметам, что уж слишком сильно смахивает на опровержение. Какова бы ни была истина в этой истории, после смерти Севера переговоры можно было возобновить*.

Однако согласие или отказ в признании никак не влияли на решение другой и гораздо более серьезной проблемы, с которой столкнулся римский Запад. Как мы видели в VIII главе, исчезновение гуннов в качестве эффективной силы не оставило западноримским имперским властям

---

* Poem. II. 317—318. Неплохой очерк на эту тему см. в работе: Stein, 1959, p. 380 suiv.; см. также: O'Flynn, 1983, p. 111—117. Об отношении в Галлии ко всем этим маневрам см.: Harries, 1994, Chs 6—7.

иного выбора, кроме как покупать поддержку по крайней мере некоторых из племенных объединений иммигрантов, обосновавшихся на территории империи. Авит привлек на свою сторону вестготов, посулив им свободную землю — как оказалось, к вящей их выгоде — в Испании. Майориан был вынужден принять требование бургундов о расширении их владений и разрешил им занять еще несколько новых городов (civitates) в долине Роны; кроме того, он и дальше позволял вестготам делать в Испании все, что им заблагорассудится. Чтобы обеспечить поддержку Либию Северу, Рицимер аналогичным образом передал вестготам старинный римский город Нарбонн со всеми его доходами*. Однако теперь стало слишком много «полевых игроков», и это обстоятельство наряду с частой сменой императоров создало ситуацию, при которой уже значительно оскудевшие денежные ресурсы Запада и дальше продолжали истощаться в ходе отчаянной борьбы за стабилизацию положения. Три вещи должны были произойти на Западе, чтобы его крушение было предотвращено. Следовало восстановить легитимную власть; число «игроков», которых приходилось умиротворять каждому новому правительству, надлежало сократить; наконец, было необходимо поднять уровень доходов империи. К такому же заключению пришли аналитики Восточной империи, и в середине 460-х гг. они разработали план, у которого был вполне реальный шанс восстановить нормальную жизнь на всем пространстве погибавшего Запада.

Смерть Севера позволила возобновить переговоры между Рицимером и Константинополем. Они были продолжительными и весьма непростыми. Ни один источник не сообщает нам деталей, однако последовало 17-месячное междуцарствие, оказавшееся самым продолжительным, прежде чем 12 апреля 467 г. был провозглашен очередной западноримский император. Этот временной промежуток,

* Hydat. Chron. 217.

равно как и личность нового императора, заставляет нас обратить внимание на дипломатические хитросплетения, которые пришлось преодолеть во время этого междуцарствия. Выбор пал на Антемия, восточноримского полководца известных способностей и высокого происхождения, являвшегося кандидатом восточного императора Льва (что касается Рицимера, то он, разумеется, принял эту кандидатуру!). Дед Антемия по матери, которого тоже звали Антемием, был фактическим правителем Восточной империи в течение 10 лет (405—414 гг.), занимая должность префекта претория в последние годы правления императора Аркадия и в начале царствования его сына, Феодосия II. Отец нового императора, Прокопий, был не менее известным человеком. Являясь потомком Прокопия, узурпатора 360-х гг., и, следовательно, имея отдаленные родственные связи с домом Константина, в середине 420-х гг. он занимал пост командующего римскими войсками на персидском фронте (magister militum per Orientem). Молодой Антемий последовал за своим отцом в армию, где отличился, сыграв в середине 450-х гг. решающую роль в сдерживании того потока, который хлынул из пределов гуннской империи после смерти Аттилы*. Вскоре после этого он стал консулом 455 г., патрицием и был назначен командующим одной из центральных полевых армий (magister militum praesentalis). Кроме того, его обручили с единственной дочерью императора Маркиана, Элией Марцией Евфимией. Сидоний сообщает, что после смерти

---

*Сидоний говорит об этом так: «Получив полномочия комита, он [Антемий] укрепил берег Дуная и грандиозную пограничную линию по всей длине, всех ободряя, все устраивая, осматривая и снаряжая» (Poem. II. 199—201). В качестве comes rei militaris (в полевой армии должность военачальника второго разряда) Антемий столкнулся с хаосом на Дунае в 453—454 гг., когда разрасталась междоусобная война между сыновьями Аттилы и стали появляться королевства — наследники гуннской империи.

Маркиана в конце 457 г. Антемий едва не стал императором, и на этот раз сообщение Сидония не выглядит как преувеличение. Женитьба Антемия предполагала, что он станет наиболее вероятным наследником Маркиана. Однако пурпур обошел его стороной. Сидоний утверждает, что Антемий сам отказался принять власть (впрочем, это очередной прием, типичный для панегирика). Вместо него императором стал Лев — один из гвардейских командиров, за спиной которого другой magister militum praesentalis, Аспар, намеревался управлять империей. Впрочем, Антемий едва ли был сильно обижен, ибо он продолжал служить новому императору в качестве полководца*.

Короче говоря, репутация Антемия в империи была безупречна; он являлся настолько очевидным претендентом на восточноримский престол, что Лев и Аспар могли бы взяться за внимательное изучение колонки под названием «вакантные должности в Италии» в константинопольской «Таймс»** задолго до столь своевременной кончины Севера. Хотя они были рады отделаться от Антемия, это обстоятельство не повлияло на уменьшение объема той помощи, которую они намеревались ему оказать. Весной 467 г. Антемий прибыл в Италию во главе военного отряда, выделенного ему командующим римскими полевыми войсками в Иллирике (magister militum per Illyricum), Марцеллином***. Изначально Марцеллин был креатурой

---

*Он по-прежнему имел дело с долгосрочными последствиями краха Гуннской державы, сражаясь с Валамером, когда тот в 460 г. вторгся в Иллирик, добиваясь выплаты субсидии и отражая нападение гуннской орды во главе с Гормидаком, который вторгся в пределы империи в 460-х гг.

**Характерный образчик не слишком тонкого юмора автора. — *Примеч. пер.*

***В 390-х гг., как сообщается в Not. Dig. Or. 19, полевая армия Иллирика включала в себя 26 подразделений (свыше 10 тысяч человек). Затем, после вступления в должность Стилихона в 395 г., Иллирик был поделен между Востоком и Западом; чис-

Аэция, а после его убийства взял всю эту область под свой контроль. Император Майориан утвердил его в должности, однако после смерти Майориана он предпочел обратиться в Константинополь, нежели к Либию Северу, за санкцией на продление срока его полномочий. Вот почему Марцеллин оказывал помощь Антемию с одобрения восточного императора Льва. Лев также обеспечил согласие Рицимера на возвышение Антемия, и их отношения были скреплены брачным союзом: как только Антемий прибыл в Италию, его единственная дочь Алипия вышла замуж за Рицимера. Соединив способности и происхождение с опорой на Запад (в лице Рицимера) и Константинополь, Антемий стал фигурой, призванной восстановить (если это вообще было возможно) политическую стабильность на римском Западе.

Антемий отправился в Италию с намерением заняться решением наиболее сложных проблем, с которыми столкнулась его новая империя. Во-первых, он быстро навел элементарный порядок в Трансальпинской Галлии. Трудно сказать, какая часть Галлии еще находилась в составе Западной империи в 467 г. На юге вестготы и, разумеется, бургунды признали власть Антемия; их земли номинально оставались в составе империи. Нам известно, что такие институты, как cursus publicus, еще сохранялись на этой территории. Как обстояли дела севернее, полной ясности нет. Римская армия на Рейне, или то, что от нее осталось, подняла мятеж после низложения Майориана, и часть этой

ленность западной иллирийской армии уже к 420 г. сократилась до 22 подразделений (Not. Dig. Occ. 7. 40—62). В дальнейшем регион переживал непростые времена (в частности, Паннонию пришлось уступить гуннам), так что к 460-м гг. римская власть ограничивалась главным образом одной Далмацией, да и вооруженные силы, надо полагать, значительно сократились, несмотря на то что Марцеллин усилил свои регулярные войска за счет варварских вспомогательных частей (Prisc., fr. 29, 30). Общий очерк о Марцеллине см.: MacGeorge, 2002, pt 1.

группировки все еще составляла ядро полунезависимого объединения западнее Парижа. Беглецы из опустошенной войной римской Британии, по-видимому, тоже внесли свой вклад в образование нового мощного политического объединения в Бретани; наконец, отряды воинственных франков впервые показали свою силу на римской земле. В IV в. франки играли на северном участке границы по Рейну ту же самую роль, какую на южном рубеже играли алеманны. Наполовину независимые клиенты, они совершали набеги и торговали с Римской империей, а также в значительной степени обеспечивали личным составом имперские вооруженные силы; некоторые выдающиеся представители этой среды, такие как Баутон и Арбогаст, достигли высших командных постов в римской армии. Как и алеманны, франки представляли собой объединение более мелких групп, каждая из которых имела собственного лидера. К началу 460-х гг., когда римская власть в северных регионах прекратила свое существование, некоторые из этих предводителей вооруженных отрядов впервые начали действовать исключительно на римской стороне границы, продавая свои услуги, как кажется, по наивысшей цене*.

Ни одно из этих объединений в Галлии не являлось достаточно сильным, чтобы представлять собой непосредственную угрозу тому, что осталось от римского Запада, когда он был вдохновлен поддержкой Востока, и прибытие Антемия по крайней мере их всех умиротворило. Однако Галлия не была главной проблемой. Еще Майориан делал в этом регионе практически то же, что и Антемий, в плане привлечения симпатий и даже поддержки со стороны галло-римских землевладельцев. К примеру, галл Сидоний сыграл свою роль в захвате бургундами Лиона, и за это Майориан поначалу наказал его тем, что повысил для него

* О вестготах и бургундах см.: Harries, 1994, Ch. 6. О римской армии на Рейне см.: MacGeorge, 2002, pt 2. О Британии см.: Galliou, Jones, 1991, Chs 1—2. О франках см.: James, 1988, Chs 2—3; Wood, 1994, Ch. 3.

ставку налоговых платежей. В ответ Сидоний послал императору сочиненную им поэму, в которой жаловался в вычурной и исполненной нарочитого самобичевания манере: «Ибо теперь мою словоохотливую музу заставил замолчать налог, и на смену строкам Вергилия и Теренция явились денарий и полденария, которые надлежит внести в казну» (Poem. XIII. 35—36). В итоге Майориан его простил, и, наряду со многими людьми своего круга, Сидоний пополнил ряды тех, кто поддерживал императора в Галлии. В письме, относящемся к тому времени, отражена обстановка веселого ужина, когда император вкушал пищу и обменивался шутками с Сидонием и его друзьями (Epist. I. 11).

Появление среди них заинтересованного в их поддержке Антемия привело к тому, что вереницы галло-римских землевладельцев потянулись ко двору и были приняты новым императором. Мы знаем, что cursus publicus все еще функционировал, поскольку Сидоний воспользовался им во время своего путешествия для встречи с Антемием, находясь во главе галльской депутации. Антемий любезно их принял. Сидоний сумел добиться расположения двух самых влиятельных сенаторов Италии того времени, Геннадия Авиена и Флавия Цецины Деция Базилия, и с их помощью получил возможность 1 января 468 г. произнести панегирик в присутствии императора (Epist. I. 9). В результате он был назначен Антемием на высокий пост городского префекта Рима. Освященный временем механизм работал исправно: помышляя о своей карьере, честолюбивые магнаты стремились к императорскому двору, чтобы в начале нового царствования предложить свои услуги и получить в ответ щедрое воздаяние*. Однако пустая возня вокруг

* Майориан вынудил бургундов передать ему некоторые города (civitates) в долине Роны вместе с их доходами; наиболее значимым из этих городов был Лион, который они захватили в правление Авита; он заставил вестготов признать свою власть, равно как и привлек на свою сторону галльских землевладельцев. Об Антемии и галло-римлянах см.: Harries, 1994, Ch. 7.

властных полномочий в Галлии не могла внести даже минимального вклада в дело восстановления Западной империи.

Существовал лишь один план, который давал сколько-нибудь реальный шанс вновь вдохнуть жизнь в римский Запад; это был план отвоевания Северной Африки. Коалиция вандалов и аланов никогда не была принята в сообщество союзных Риму племенных объединений, первые признаки которого обозначились в середине V в. Договор 442 г., который признал завоевание этой коалицией Карфагена, был заключен в то время, когда дела у Аэция обстояли хуже некуда. Этот случай являлся исключительным в истории отношений вандалов и Римской империи, которые были проникнуты непримиримой враждебностью. Западная империя, как мы видели, начиная с 410-х гг. постоянно состояла в союзе с вестготами против вандалов и аланов; история последних после 450 г. тоже была исключительной. В противоположность вестготам или бургундам вандалы и аланы не присоединились к военной коалиции Аэция, которая воевала с Аттилой в Галлии в 451 г.; разумеется, их не привечали при дворе и не осыпали наградами в правление императоров Авита, Майориана и Либия Севера. Предводитель вандалов и аланов Гейзерих, безусловно, не являлся членом вышеуказанного сообщества, что самым ужасным образом доказал учиненный им разгром Рима при Петронии Максиме. Это событие отчасти было вызвано тем обстоятельством, что Максим аннулировал договор о браке сына Гейзериха, Гунериха, и старшей дочери Валентиниана III. После разграбления Рима в 455 г. вандалы продолжали тревожить своими набегами побережье Сицилии и острова в Средиземном море. Эти акции предпринимались главным образом ради наживы, однако у Гейзериха были еще и далеко идущие политические планы. Среди захваченной им в Риме добычи находились женщины из семьи Валентиниана III: его вдова Лициния Евдоксия и дочери, Евдокия и Плацидия. Евдокия

была предназначена в жены старшему сыну Гейзериха, Гунериху. Вероятно, в 462 г. Евдоксия и Плацидия были отпущены в Константинополь, где Плацидия вышла замуж за римского сенатора по имени Аниций Олибрий, который прибыл в восточную столицу, спасаясь от римского погрома. После 462 г. Гейзерих намеревался сделать Аниция Олибрия наследником западноримского престола. С точки зрения вандала, было бы желательно, чтобы очередной западный император являлся свояком будущего короля вандалов: это был еще один путь к политическому признанию, к которому столь явно стремился Гейзерих*.

История, которая привела вандалов в Северную Африку, была с римской точки зрения лишь отчасти менее достойной внимания, чем та, в результате которой вестготы и бургунды оказались в Галлии. Все три народа вынудили Римское государство заключить с ними договоры путем либо военной силы, либо угрозы ее применения. Если бы у западноримских имперских властей был выбор, они предпочли бы не иметь никаких дел ни с одним из этих народов. Настоящая проблема, подрывавшая стремление Гейзериха быть принятым в сообщество племенных объединений, заключалась не столько в чрезмерной дерзости этого стремления самого по себе, сколько в том факте, что он, как это ни было ужасно, овладел богатейшими и самыми плодородными провинциями Западной империи. Начиная с 440-х гг., кроме тех земель, которыми он уже владел в Северной Африке, Гейзерих захватил Триполитанию и ряд островов в Средиземном море. Его ежегодные набеги сеяли страх и трепет повсеместно вдоль италийской бере-

* Источники сообщают противоречивые сведения о том, что этот брак состоялся до вандальского погрома и после прибытия Плацидии в Константинополь. Возможно, они были помолвлены в 454—455 гг., свадьба же состоялась в 462 г. (PLRE, vol. II, p. 796—798; очерк, посвященный Олибрию, см. в Clover, 1978. О разгроме Рима вандалами см. выше, гл. VIII.

говой линии. Разгром вандалов означал бы достижение одним сокрушительным ударом двух в высшей степени желанных целей, как то: выведение из строя одного из трех наиболее мощных варварских военно-политических образований на территории римского Запада и, что более существенно, возвращение неоценимого источника денежных поступлений в имперскую казну.

Здесь стоит сделать отступление, чтобы поведать об одной истории, которая может показаться не совсем правдоподобной. Сокрушительного эффекта решающей победы над Гейзерихом, что само по себе вовсе не являлось чем-то невероятным*, было трудно добиться. После воссоединения Италии и Северной Африки следовало ожидать, что Испания тоже примкнет к этому вновь появившемуся остову Западной империи. В отличие от коалиции вандалов и аланов свевы, которые оставались в Испании, отныне были не более чем сравнительно мелким раздражителем. Их могущество приходило в упадок или, напротив, возрастало в зависимости от того, сколько римских сил и средств отвлекал на себя полуостров в тот или иной период времени, поэтому нет никаких оснований думать, что свевы смогли бы противостоять крупномасштабному контрнаступлению имперских войск. После того как доходы, получаемые из Испании, вновь стали бы расти, появилась бы возможность осуществления серьезных перемен в Галлии. По крайней мере вестготов и бургундов можно было бы низвести до уровня гораздо меньших по размерам анклавов, лишив их части недавних приобретений, таких как Нарбонн и города в долине Роны. Аналогичным образом и неугомонных багаудов на севере можно было бы привести к покорности.

Восстановленный в таком виде Запад должен был выглядеть скорее как конфедерация, включавшая на деле ав-

* Полководец Юстиниана, Велизарий, сумел завоевать Северную Африку в 532—533 гг.

тономные готскую и бургундскую сферы влияния, которые существовали рядом с областями под прямым римским управлением, нежели как единое централизованное государство, подобное империи образца IV в. Несмотря на это, Рим вновь стал бы доминирующей державой, причем стратегическая обстановка стабилизировалась бы на уровне, сопоставимом хотя бы с ситуацией 410-х гг., т.е. до потери Северной Африки, или даже лучше, поскольку тогда коалиция вандалов и аланов не получила бы свободы действий в Испании. Спустя еще 20 лет даже романизованные бритты, противостоявшие набегам саксов, смогли бы изменить ситуацию в лучшую сторону. Разумеется, это оптимистический сценарий. Вестготов оказалось невозможно сокрушить даже во времена Феодосия I и Алариха, когда империя располагала гораздо более значительными ресурсами, так что вестготы представляли собой едва ли разрешимую проблему. Как бы то ни было, в конце 460-х гг. в Галлии и Испании оставалось все еще немало ориентированных на Рим магнатов (как показала поездка Сидония в Италию для встречи с Антемием), которые с энтузиазмом встретили бы восстановление некоего подобия Западной империи. И с какой бы точки зрения на это ни посмотреть, возрождение Западной империи на основе воссоединения Италии, Северной Африки, большей части Испании и обширных областей Галлии выглядело заманчивой перспективой. Даже в 460-х гг. еще не все было потеряно: одна удачная кампания против вандалов могла бы разорвать порочный круг деградации и гарантировать Западной Римской империи активную политическую жизнь в обозримом будущем.

Разгром вандалов был бы наиболее удачным решением проблем, стоявших перед Западом, хотя бы на какое-то время. Единственной западноримской администрацией, продемонстрировавшей свою готовность к борьбе после убийства Аэция, стало правительство Майориана, кото-

рый руководствовался именно такой стратегией. Если говорить о начале его царствования, то мы располагаем стихотворным панегириком, который был произнесен Сидонием в честь императора во время его пребывания в Лионе в 458 г. После обычных восхвалений, призванных доказать, что Майориан был наделен всеми качествами идеального императора, сюжетная линия обращается к Риму, персонифицированному в лице вооруженной богини, обозревающей свои владения. Все было в порядке до определенного момента*:

«Внезапно Африка рухнула наземь в слезах, царапая свои смуглые щеки. Склонив голову, она сорвала с себя венок из хлебных колосьев, — тех самых колосьев, чье изобилие отныне стало ее проклятьем; начала она так: “Я, третья часть света, стала несчастной из-за счастья одного человека. Этот человек [Гейзерих], сын рабыни, в течение длительного времени был разбойником; он уничтожил наших законных землевладельцев и на многие дни простер свой варварский скипетр над моей землей; изгнавший всю нашу знать, этот пришелец не терпит ничего из того, что чуждо безрассудству”».

Этим монологом открывается многословный призыв к Риму очнуться от сна и навести в Африке порядок; Сидоний поместил сюда рассказ о военном прошлом Майориана, опять-таки с целью представить его как вполне компетентного государственного деятеля. Речь богини завершается отталкивающим описанием Гейзериха:

«Он погряз в праздности и благодаря несметным сокровищам более не помышляет о мече. Его щеки покрыла бледность; вследствие пьянства его поразило оцепенение, мертвенная вялость овладела им, а его чрево, отягощенное беспрестанным обжорством, не в состоянии освободиться от дурных ветров».

---

*Следующие три цитаты взяты из Sidon. Poem. V. 53—60, 338—341, 349—350.

Это всего лишь несколько фривольная шутка, призванная разрядить обстановку, пусть даже во время придворного торжества. Однако в словах Сидония присутствовал и более серьезный смысл. Пришло время Майориану отомстить Африке, «чтобы Карфаген более не мог воевать с Италией».

Это была открытая декларация о намерениях. Никогда ни одному придворному панегиристу не дозволялось, стоя перед императором, обращаться к нему с призывом совершить то или иное деяние, если у императора не было намерения поступить именно так*. О Сидонии уже говорилось, что одна из целей его панегирика заключалась в том, чтобы подготовить умы магнатов к наступательной операции против вандалов. Все это происходило в начале 458 г. Как дал понять Сидоний, предстояло осуществить обширные приготовления. В первую очередь, прежде чем сосредоточиться на экспедиции в Северную Африку, следовало навести порядок в Галлии; надлежало также построить флот**. Как бы то ни было, с самого начала администрация Майориана взяла на себя миссию разгрома вандалов.

В 461 г. все было готово к началу операции. Майориан намеревался с основными силами проследовать по тому самому пути, по которому в свое время проследовали сами вандалы. К весне 300 судов были размещены в гаванях вдоль морского побережья бывших карфагенских владений в Испании, от Картахены до Илликов (Эльче), на протяжении около 100 километров к северу. Предполагалось, что Майориан и его армия в назначенное время прибудут в Испанию, переправятся оттуда в Мавританию, чтобы затем двинуться в боевом порядке в глубь владений ванда-

*Я хотел бы особо подчеркнуть это обстоятельство, хотя кое-кто, как кажется, не осознает, насколько сильно общественная жизнь периода поздней империи была похожа на общественную жизнь в однопартийном государстве. См.: Heather and Moncur, 2001, esp. Ch. 1.

**Sidon. Poem. V. 349—369, 441—469.

лов в Африке*. В то же самое время Марцеллин начинает боевые действия на Сицилии силами своей иллирийской полевой армии, вытесняя вандалов из опорных пунктов, устроенных ими на острове. Акция на Сицилии имела значение сама по себе, но, кроме того, она могла ввести Гейзериха в заблуждение относительно направления главного удара. Понимая, что его загнали в угол, Гейзерих предложил начать переговоры о мире, но Майориан был настолько уверен в успехе, что отверг его предложения. Кроме того, император слишком многое поставил на кон в этом предприятии, чтобы рассматривать какой бы то ни было вариант компромисса. Однако, узнав о планах Майориана, Гейзерих первым нанес удар: его флот направился к берегам Испании и уничтожил корабли Майориана. Императорской армии оставалось наслаждаться морской прохладой на испанских отмелях; кампания, в начале 458 г. объявленная главным пунктом политики Майориана, провалилась.

Майориан лишился своего мандата на власть. Он покинул Испанию в разгар лета, предприняв сухопутное путешествие обратно в Италию. В дороге 2 августа он был по приказу Рицимера арестован и низложен, а пять дней спустя убит. Для Майориана африканская авантюра за-

---

*Это обстоятельство породило ту же самую проблему, которая рассматривалась в гл. V в связи с Гейзерихом, а именно: сколько рейсов требовалось для транспортировки войск Майориана, один или несколько? Велизарию понадобилось 500 судов, для того чтобы перевезти 16 тысяч воинов, соответственно те 300 кораблей, которыми располагал Майориан, могли принять на борт около 9600 человек за один рейс, и я сомневаюсь, что он собирался вступить в бой со столь незначительными силами. В этой связи я полагаю, что он планировал осуществить транспортировку войск как минимум в два захода и, следовательно, вряд ли намеревался высадить свой авангард слишком близко от Карфагена. Об экспедиции Майориана см.: Courtois, 1955, p. 199—200.

кончилась трагически, однако стоявшие за ней мотивы были весьма основательны. Когда несколько лет спустя на Запад прибыл Антемий, никого уже не могло удивить то, что его внимание было приковано к Карфагену.

Византийская армада

Хотя Лев был рад возможности удалить из Константинополя столь опасного для него Антемия, помощь восточноримского императора в деле отвоевания Антемием захваченной вандалами Африки была практически безграничной. Вероятно, в этом заключался один из пунктов заключенной ими сделки. Несколько источников дают нам ясное представление о суммах, фигурировавших в соглашении. Наиболее подробную информацию на сей счет содержат фрагменты сочинения еще одного историка, обосновавшегося в Константинополе. Вышедшие из-под пера некоего Кандида в конце V в., эти фрагменты сохранились в византийском энциклопедическом труде «Суда», относящемся к концу X в. Здесь мы читаем: «Глава финансового ведомства доложил, что от префектов поступили 47 000 фунтов золота, от казначея — дополнительно 17 000 фунтов золота и 700 000 фунтов серебра, а также деньги, вырученные в результате конфискаций и полученные от императора Антемия»*. Фунт золота равнялся приблизительно 18 фунтам серебра, так что в целом получается около 103 000 фунтов золота, причем эти средства были получены из всех возможных источников дохода: из собранных налогов (компетенция префектов), из доходов с императорских поместий (прерогатива казначея), а также из сумм, полученных в результате конфискаций, плюс то, что сумел собрать на Западе Антемий. Что же касается осталь-

* Candidus fr. 2 = Suda X. 245.

ных наших источников, то один дает приблизительно ту же сумму, что и Кандид, тогда как другие два называют более значительные цифры: соответственно 120 000 и 130 000 тысяч фунтов золота. В целом это близкие показатели (у Кандида общая сумма не включает те деньги, которые, как он указывает, были собраны самим Антемием на Западе). Общий порядок цифр также вполне правдоподобен. К примеру, сооружение при Юстиниане, в 530-х гг., храма Св. Софии в Константинополе обошлось казначейству Восточной Римской империи в 15 000—20 000 фунтов золота. Император Анастасий (царствовал в 491—518 гг.), обладавший блестящими способностями финансиста, при том что в его правление империя наслаждалась относительным миром, оставил преемнику после своей смерти 320 000 фунтов золота. 103 000 фунтов — это 46 тонн. Цифра огромная, но вполне достоверная; она красноречиво свидетельствует о масштабах обязательств Льва перед Западом*.

Военная мощь, организованная на эти средства, соответственно оказалась весьма впечатляющей. Армада из 1100 судов, почти вчетверо превосходившая по численности флот, сколоченный Майорианом, собиралась со всей Восточной империи. Цифра опять-таки представляется правдоподобной. Если совершенно обескровленная Западная империя сумела изыскать 300 судов в 461 г.**, то

* Об этом см.: Ioann. Lyd. De magistrat. 3. 43, Procop. Bella. III. 6. 1; см. также, Courtois, 1955, p. 201; Stein, 1959, p. 389—391.

** 1100 кораблей: Prisc., fr. 53 = Theophan. AM 5961; в MS читается «100 тысяч кораблей», цифра 1100 — результат исправления, основанного на цифре 1113, предложенной Cedrenus, 613. Исправленная цифра уравняла численность армады 468 г. с численностью эскадры, предназначенной для экспедиции 441 г., — эскадры, которая так и не вышла в море. В 532 г., когда император Юстиниан направил к берегам вандальской Африки в большей степени разведывательную экспедицию, Восточная

цифра в 1100 кораблей применительно к столь грандиозному предприятию в целом выглядит соразмерной. Мы не располагаем сведениями о тоннаже судов, задействованных в экспедиции 468 г., однако известно, что водоизмещение кораблей восточноримского флота в 532 г. колебалось между 20 и 330 тоннами. Большинство судов, если подходить к ним с современными мерками, были мелкими. В массе своей они являлись купеческими кораблями, ходившими исключительно под парусом, однако было среди них и какое-то количество собственно военных судов — дромонов, которые к месту боя шли под парусом, а в бой вступали на веслах*. Численность личного состава эскадры, по-видимому, была соразмерной. Прокопий называет цифру в 100 тысяч человек, однако она представляется нам, с одной стороны, завышенной, а с другой — подозрительно круглой. Позднее, в 532 г., флот в составе 500 судов имел на борту армию в 16 тысяч человек; соответственно 1100 кораблей в 468 г. могли перевезти немногим более 30 тысяч солдат (помимо матросов). Кроме того, как и в 461 г., Марцеллин с частью своих иллирийских войск также двинулся на Запад. На этот раз они изгнали вандалов с Сардинии, после чего захватили Сицилию. Третья группировка, сформированная из войск, находившихся в Египте, и со-

империя собрала 500 обычных судов наряду с 92 военными кораблями (дромонами), что в пропорции при условии 100-процентной мобилизации опять-таки дает цифру 1100.

* Об эскадре 532 г. см.: Casson, 1982 со ссылками на литературу по теме античного кораблестроения в целом. Чтобы оценить усилия Восточной Римской империи в исторической перспективе, отметим, что «Непобедимая Армада», отплывшая от берегов Испании поздней весной 1588 г., имела в своем составе 90 крупных кораблей водоизмещением в 300 и более тонн, а также 40 вспомогательных судов разного тоннажа. Однако это была всего лишь эскадра прикрытия для армии герцога Пармского, который должен был обеспечить дополнительное количество транспортных кораблей для переправы его людей через пролив.

стоявшая под командованием полководца Ираклия, одновременно была высажена в Триполитании, где она при поддержке местных жителей приступила к вытеснению вандалов, которые господствовали в их городах с 455 г. Если считать матросов и все вспомогательные силы, то общая численность войск, предназначенных для участия в экспедиции, должна была составлять свыше 50 тысяч человек*.

Руководство этим грандиозным предприятием было возложено на шурина императора Льва, Василиска, который незадолго перед этим добился значительных военных успехов на Балканах, отражая последние попытки сыновей Аттилы найти убежище к югу от Дуная. К началу 468 г. уже все знали о том, что намечалось, поэтому панегирик, который Сидоний произнес в Риме 1 января этого года по случаю вступления Антемия в консулат, был исполнен великих надежд. Один авторитетный историк заявил, что в западноримских источниках слишком мало упоминаний о византийской армаде. В этом я с ним не согласен**. Образы, связанные с морем и мореходством, переполняют речь Сидония, начиная с характеристики Антемия***:

«Это, государи мои, тот самый человек, в котором так нуждались доблестный дух Рима и ваша любовь, человек, которому наше государство, подобное судну, истерзанному бурей и оставшемуся без лоцмана, поручило свой разбитый остов, чтобы им более искусно правил достойный кормчий, так что оно может уже не бояться ни шторма, ни пиратов».

---

* О живой силе см.: Procop. Bell. 3. 6. 1. О Марцеллине см. такие источники, как PLRE, II, 710. О Гераклии см.: Theophan. AM 5963.

** В отличие от Courtois, 1955, 201, который в целом прекрасно справился со своей задачей, однако попытался приуменьшить масштаб усилий, предпринятых в 468 г.

*** Следующие три цитаты взяты из Poem. II. 14—17, 537—543, 315—316.

Панегирик начинается и заканчивается морской метафорой:

«Однако слишком крепчают ветры, прежде наполнявшие мои паруса. О муза, укроти мои жалкие потуги и, поскольку я ищу гавань, позволь наконец моей поэзии бросить якорь в тихой заводи. Однако о флоте и войске, которыми предводительствуешь ты, государь [Антемий], равно как и о великих деяниях, которые в скором времени ты совершишь, я, если будет на то милость Божья, поведаю подобающим порядком».

Возникает явственное ощущение того, что в недалеком будущем ожидается морская экспедиция. Речь Сидония содержит важный тезис: «Антемий прибыл к нам с соглашением, заключенным двумя августейшими домами; ради мира в империи он послан вести наши войны». Антемий обещал спасти Запад от военных угроз, и в 468 г. это обещание стало воплощаться в жизнь. Сидоний идеально уловил этот момент. Формирование подобной армады само по себе было сложным делом. Теперь ей предстояло пройти серьезную проверку. В Западном Средиземноморье в очередной раз должна была разразиться военная буря. Флот, главный символ единства империи, вышел в море.

Римский план вовсе не предусматривал непременного столкновения на море. Как и в 461 г., римляне намеревались в один прием переправить свою армию в Северную Африку и затем уже воевать на суше до самого конца. Боевые действия разворачивались в соответствии с этим планом. Флот Василиска направился по главному торговому маршруту к югу от Италии. Выбор этого маршрута с незапамятных времен диктовался ветрами и течениями Центрального Средиземноморья. В этих водах собственно период навигации длился с июня по сентябрь, и Василиск, вероятно, отплыл в июне. С хорошим попутным ветром требовалось не более одного дня плавания, чтобы доплыть от Сицилии до Северной Африки. Армада встала на якорь в безопасном месте близ мыса Бон — как сообщает один из

наших источников, не более чем в 250 стадиях (около 60 километров) от Карфагена. Таким образом, флот стоял у побережья где-то между Рас эль-Мар и Рас Аддар в современном Тунисе — удачное решение, поскольку в летние месяцы здесь господствуют восточные ветры. (Флот, вставший на якорь с другой стороны полуострова, должен был бы двигаться вдоль берега.) Что планировалось предпринять дальше, мы точно не знаем. Армада направлялась в пункт, намеченный для высадки войск на берег. Гавань близ Карфагена была защищена цепью от вражеских судов; может быть, поэтому местом назначения для Василиска стал залив рядом с Утикой, откуда до Карфагена оставался лишь короткий переход*.

Нечего и говорить о том, что вандалы не собирались следовать римскому сценарию развития событий. Захватив Карфаген в 439 г., они овладели одним из важнейших портов римского Средиземноморья и в полной мере воспользовались кораблями и опытными мореходами, которых они там нашли. После 439 г. морские рейды стали их излюбленной тактикой, а в боевых действиях на море они не имели себе равных. Мы не будем здесь рассматривать вопрос о внезапном появлении из ниоткуда вандалов в роли бывалых морских волков. Работу матросов исполняли туземцы, рожденные в Северной Африке, о чем как-то витиевато свидетельствует Сидоний в том месте своего панегирика в честь Майориана, где он драматизировал их невзгоды. Так, сама Африка жалуется: «Теперь он вооружает против меня в своих целях моих собственных детей, так что после всех этих лет оккупации я жестоко страдаю под его властью от порожденной мною же отваги; плодовитая в бедствиях, я приношу сыновей, чтобы они причиняли мне страдание» (Poem. V. 332—335). С этим явлением мы

* Впоследствии флот Велизария отплыл от берегов Италии в сторону Африки 21 июня 532 г. и в конечном счете бросил якоря недалеко от Карфагена в заливе Утики, который был достаточно обширным, чтобы вместить его 600 судов.

сталкивались и в других местах. В III в. готам и другим германским пришельцам, овладевшим Северным Причерноморьем, удалось убедить местных моряков в обмен на долю в добыче помочь им в осуществлении крупномасштабных морских набегов на римские общины в южном направлении. В «Кодексе Феодосия» даже имеется закон, предписывающий сжигать живьем того, кто стал бы учить варваров искусству кораблестроения, однако кое-кого, очевидно, эта кара не пугала*. В большинстве своем морские операции вандалов носили характер молниеносных рейдов, когда войска высаживались на побережье, чтобы грабить и разрушать. К 468 г. они и их помощники в мореходном деле имели в своем активе тридцатилетний опыт проведения военных операций на море. Располагая такой серьезной силой, Гейзерих начал действовать, придерживаясь, подобно любому опытному полководцу, той тактики, которая менее всего устраивала его врага.

Когда восточноримская армада стояла на якоре, показался флот вандалов. Здесь мы имеем дело с фактором, который оказывался решающим во многих сражениях, — это элемент случайности, стечения обстоятельств. Вопреки ожиданиям ветер дул с северо-запада. Вандалы, двигаясь со стороны Карфагена, воспользовались попутным ветром, что дало им возможность самим решить, когда и где вступить в бой, в то время как римляне, которым ветер дул в лицо, могли двигаться лишь медленно и с креном. Источники не дают нам сведений о том, у кого из противников корабли были лучше; ветер, который так и не изменил своего направления, прижал римский флот к западной оконечности мыса Бон. Воспользовавшись представившейся им возможностью, вандалы в 468 г. сделали в точности то же самое, что спустя 1120 лет, в 1588 г., сделали

* Применительно к ситуации III в. см.: CTh. 9. 40. 24; Zosim. I. 31—33, с комментариями Heather, 1996, p. 38—43. Зосим определенно свидетельствует о том, что корабли и моряки поставлялись городами Северного Причерноморья.

англичане, когда они обнаружили, что испанская армада оказалась в аналогичной ситуации. Они применили брандеры. Античные источники, посвященные ведению боевых действий на море, вовсе не изобилуют упоминаниями об использовании брандеров; несмотря на это, такая военная хитрость существовала, и время от времени ее применяли при условии наличия благоприятных обстоятельств, особенно тогда, когда неприятельский флот стоял на якоре или находился в гавани, будучи не в состоянии передвигаться с более или менее значительной скоростью. Наиболее раннее упоминание о брандерах появляется в связи с сицилийской экспедицией афинян в 413 г. до н.э.; впоследствии римляне и карфагеняне веками использовали брандеры друг против друга, причем карфагеняне особенно успешно применили их против римского флота весной 149 г. до н.э.*.

Чтобы осознать, какую угрозу представляли собой брандеры, надо вспомнить о том, какие суда состояли на вооружении римской армии. Ставшее классическим повествование об испанской армаде проясняет этот момент: «Из всех опасностей, угрожавших деревянным парусным судам, самой страшной был огонь; их паруса, их покрытый дегтем такелаж, их высушенные солнцем палубы и борта огонь мог охватить в течение минуты; у них не было почти ничего, что не могло бы гореть»**. В ночь с 7 на 8 августа 1588 г. англичане применили всего лишь 8 брандеров. Ни один автор не сообщает, сколько брандеров имел в своем распоряжении Гейзерих, однако Прокопий, вероятно, опираясь на «Историю» Приска, предлагает нам яркое описание произведенного ими эффекта***:

«Когда [вандалы] подплыли ближе, они подожгли те суда, которые тянули за собой, и, после того как ветер на-

* Viereck, 1975, 165—166, со всеми сносками.

** Mattingly, 2002, 313.

*** Следующие три цитаты взяты из Procop. Bell. 3. 6. 18—19, 20—21, 22—24.

полнил их паруса, они направили их в сторону римского флота. И поскольку там собралось великое множество кораблей, эти суда с легкостью распространили огонь везде, где они ударялись о вражеские борта, и скоро гибли сами вместе с теми кораблями, с которыми сталкивались».

Купеческие парусники римского флота попали в очень сложное положение. Все, что они могли сделать, — это попытаться избежать опасности, сомкнувшись с теми гребными судами, которые они были в состоянии собрать (долгое дело!). Гребные военные корабли эскадры, дромоны, которых было значительно меньше, располагались гораздо более удачно. Главное достоинство этих судов заключалось в том, что они в случае необходимости могли двигаться прямо против ветра — по крайней мере до тех пор, пока гребцы были в состоянии сохранять ход. Прокопий повествует о том, что произошло дальше близ мыса Бон: «Когда огонь таким образом распространился, римский флот охватила паника (что было вполне естественно), сопровождаемая громкими криками, которые перекрывали шум ветра и пламени, ибо солдаты и матросы баграми отталкивали брандеры от своих судов, которые в общем беспорядке таранили друг друга. Тут как раз подоспели вандалы; они топили корабли и захватывали солдат, пытавшихся спастись бегством, а также их вооружение в качестве добычи».

Это описание свидетельствует о том, что в 468 г. вандалы со своими брандерами, по-видимому, нанесли вражескому флоту более значительный урон (если говорить о подожженных кораблях), чем англичане в 1588 г. Классический способ борьбы с брандерами состоял в том, чтобы выдвинуть вперед гребные суда, которые должны были взять брандеры на буксир и оттащить их от кораблей. В 1588 г. испанцы вступили в борьбу не с 8 брандерами, а всего лишь с двумя, однако затем они потеряли присутствие духа, и в скором времени вся армада в панике скрылась в ночи. Недалеко от Дюнкерка испанцы поймали попутный

ветер и могли по крайней мере отступать под парусами, так что единственной случайной жертвой во всем этом эпизоде с брандерами оказался один уже потрепанный галеон, который сел на мель, пытаясь найти свое спасение в Кале. Однако испанские корабли отступали настолько беспорядочно, что потеряли всякую способность действовать как единая эскадра, тем самым уступив победу англичанам.

В 468 г. на римских судах не могли прибавить парусов, ибо в таком случае противный ветер мог увлечь корабли на мель; между тем античные суда не обладали достаточной прочностью, чтобы уцелеть, сев на мель. Кроме того, у Гейзериха, по-видимому, было не 8 брандеров, а гораздо больше. Однако если прямой ущерб, нанесенный брандерами неприятельскому флоту в 468 г., был более значительным, то нет никаких сомнений в том, что, как и в 1588 г., возникшая в этой связи паника явилась по крайней мере столь же пагубным фактором, как и гибель в огне нескольких римских кораблей. Все морские сражения античности заключались в том, чтобы любыми способами зайти в тыл врагу (либо обойдя его с фланга, либо прорвав его линию), после чего обрушиться на него сзади. В случае фронтального удара сила столкновения гасила наступательный порыв. Вторая фаза атаки состояла в том, чтобы отрезать и взять на абордаж неприятельские суда. Из рассказа Прокопия следует, что флот вандалов, следуя за брандерами, быстро вступил в бой, сея опустошение в рядах потерявших строй римских кораблей. Парусные суда, с трудом пытавшиеся избежать лавины огня, представляли собой легкую добычу.

Результатом всего этого стала катастрофа. Некоторые корабли византийской армады стойко держались и оказывали сопротивление:

«Особенно отличился Иоанн — один из командиров, служивших под началом Василиска... Когда огромная толпа окружила его корабль, он встал на палубе и, поворачи-

ваясь то в одну сторону, то в другую, поразил сверху великое множество врагов. Осознав, что корабль захвачен, он в полном вооружении бросился в море, ...воскликнув, что он, Иоанн, никогда не попадет в лапы собак».

История драматичная и, в общем, характерная для наших античных источников, которые обычно фокусируют внимание на деяниях отдельных незаурядных людей. Отсюда вытекает то обстоятельство, что мы оказываемся не в состоянии уяснить себе разные детали, относящиеся к этому сражению, как то: сколько кораблей было уничтожено огнем, а сколько впоследствии было повреждено в бою и взято на абордаж. Таким образом, ни один источник нам не сообщает, сколько в общей сложности было уничтожено римских судов. С этого времени позднеримская и раннесредневековая история превращается в не поддающуюся расшифровке таинственную криптограмму и начинает все чаще вызывать у нас досаду. Если мы что-то и знаем наверняка, так это то, что вандалы одержали решительную победу — безусловно, тем более решительную, что потеря каждого транспортного судна, которое они захватили или потопили, означала потерю нескольких подразделений римской армии. Военные столкновения в античности были довольно кровопролитными, так что римляне вполне могли потерять более 100 кораблей и свыше 10 тысяч человек. Тем не менее я подозреваю, что в действительности потери были меньше, чем те, о которых сообщает склонный к риторическим преувеличениям Прокопий; кроме того, мне думается, что в основе своей эти события весьма схожи с событиями 1588 г. Уцелевшие римские силы были настолько рассредоточены, что более не могли представлять собой никакой угрозы; римляне оказались не в состоянии осуществить высадку экспедиционного корпуса под командованием Василиска, поскольку этот корпус уже не был эффективной боевой единицей. Константинополь напряг все силы, чтобы отвоевать королевство вандалов, однако экспедиция провалилась. Когда спустя 5 лет,

18 января 474 г., Лев I умер, казна Восточной империи была пуста. Император мобилизовал все свои ресурсы, не оставив никаких средств для повторной попытки.

Согласно Прокопию, разгром византийской армады был обусловлен предательством Василиска: получив крупную сумму от Гейзериха, он согласился на пятидневное перемирие, в котором тот нуждался единственно из расчета на то, что ветер переменится в направлении, благоприятном для брандеров. Впрочем, в римской историографии причины крупных военных поражений часто списывались на измену — еще один частный случай той тенденции, которая в поиске причин тех или иных событий обращалась к добродетелям или порокам отдельных личностей. Аналогичным образом Прокопий объяснил вторжение вандалов в Северную Африку в 429 г. предательством Бонифация, однако это обвинение, несомненно, лишено каких бы то ни было оснований. В свою очередь, Василиск в январе 475 г. отнял восточноримский престол у преемника Льва, Зенона, и удерживал его вплоть до лета 476 г., когда Зенон сумел вернуть себе трон. Благодаря этому обстоятельству Василиск вошел в историю как узурпатор, и возложить на него вину за катастрофу 468 г. было легко. Однако причины поражения римлян, по-видимому, были более прозаичными. Это совокупность нескольких факторов, как то: невезение с ветром, немыслимая с точки зрения тактики попытка осуществить высадку в такой близости от Карфагена, что элемент внезапности оказался исключен, и, наконец, излишняя самоуверенность*.

* Procop. Bella. I. 6. 10—16. Стоит сопоставить неудачу Василиска в 468 г. с победой Велизария в 532 г. Велизарий отплыл с меньшими силами, благополучно высадился на берег и покорил королевство вандалов в течение года, одержав две решающие победы на суше. Он осуществил высадку у Капутвады, южнее мыса Бон, т.е. гораздо дальше от Карфагена, нежели предполагалось в планах Василиска, каковы бы они ни были. Кроме того, с точки зрения стратегии Велизарий добился эффекта полной

Идет ли речь о предопределенном исходе порочного замысла или о непредвиденных последствиях невезения с погодой, разгром византийской армады обрек на гибель часть римского мира. Далеко не все сразу это осознали. Когда некое положение вещей сохраняется в течение 500 лет — вре-

внезапности. Со стороны его патрона, императора Юстиниана, экспедиция в Северную Африку явилась неожиданным ловким ходом, который стал возможен благодаря спору о престолонаследии в королевстве вандалов, — спору, приведшему к раздроблению вандальских сил. Поэтому когда прибыл Велизарий, 120 кораблей вандалов и 5 тысяч отборных воинов были заняты подавлением мятежа на Сардинии, вследствие чего Велизарий сумел осуществить высадку своих войск без битвы на море. В соответствии с современными военными доктринами во время десантирования на морское побережье (одна из труднейших военных операций!) атакующая сторона должна иметь как минимум шестикратное превосходство в силах над обороняющимися. Василиск вполне мог попытаться осуществить высадку в чрезмерной близости от Карфагена, в результате чего римляне оказались бы как раз в центре дислокации вандальского флота. Однако Василиск никак не смог бы сделать это скрытно. Сведения о его флоте, появление которого с таким воодушевлением в январе 468 г. предвосхитил Сидоний, едва ли можно было утаить. Гейзерих не мог не знать заблаговременно о прибытии упомянутого флота, поэтому сомнительно, чтобы он, как бы ни был огромен, обладал достаточным превосходством в силах и средствах, для того чтобы одержать победу над изготовившимся к обороне и отмобилизованным противником. Аналогичным образом в 1588 г. были спутаны планы испанцев: Медина Сидония не располагал достаточно мощным флотом, чтобы одержать полную победу над англичанами, тогда как герцог Пармский не имел в своем распоряжении достаточного количества транспортных судов и кораблей прикрытия, чтобы, миновав прибрежный голландский флот, двинуться к берегам Англии. Герцог прекрасно это понимал, поэтому он даже не пытался привести своих людей в боевую готовность, несмотря на то что обладал всей полнотой данных о приближении армады.

мя, отделяющее нас от Христофора Колумба, — трудно поверить в то, что оно может вдруг исчезнуть. Тем не менее ситуация была безнадежна. У Константинополя больше не было денег, чтобы продолжать оказывать Риму помощь. Владения, находившиеся отныне в распоряжении Антемия и Рицимера, немногим превышали территорию Италийского полуострова и Сицилии — в качестве источника доходов этого было совершенно недостаточно для содержания армии, достаточно мощной, чтобы сохранять контроль над вестготами и бургундами, вандалами и свевами, не говоря уже о римских группировках на местах, — над всеми теми центробежными элементами, которые теперь стали фактически хозяевами положения в пределах Западной Римской империи. Поражение Василиска свело на нет последнюю возможность восстановить центральную имперскую власть. В течение десятилетия, прошедшего после 468 г., несмотря на ту политическую и культурную инерцию, которая не позволяла представить мир без Рима, разные народы в разных областях постепенно осознали тот факт, что Западной империи более не существует.

Агония империи в 468—476 гг.: граница

Первыми, кто осознал реальное положение вещей, были римские провинциалы, жившие на границе. Письменные и археологические источники позволяют нам особо выделить такую общность, как население Норика. Эта провинция занимала территорию предгорий между внешними склонами Альп и руслом Дуная, где теперь расположена Нижняя Австрия. Здесь живописные, плодородные долины притоков Дуная тянутся к самым высоким горам в Европе — потрясающий пейзаж! В этой волшебной, «певучей» стране где-то во второй половине 450-х гг. странствовал загадочный святой по имени Северин (мельком мы

уже встречались с ним в VIII главе). Северин ничего не сообщает о своем происхождении, за исключением того, что он подвизался в качестве отшельника в далеких пустынях на Востоке; однако нам известно, что он прекрасно знал латынь*. От него самого до нас не дошло ни строчки, но спустя лишь одно поколение после его смерти один из его помощников, монах по имени Евгиппий, описал жизнь святого. Северин умер в январе 482 г., а Евгиппий написал свое сочинение в 509—511 гг. Евгиппий вовсе не являлся одним из близких к святому людей, однако он был свидетелем кончины Северина и слышал рассказы о нем тех, кто знал его лучше. То, что сделал Евгиппий, представляло собой отрывочный рассказ о жизни Северина и его чудесах. Едва ли это можно назвать биографией, однако повествование Евгиппия изобилует эпизодами, которые живо воспроизводят жизнь в приграничной области в тот период, когда время империи стало уходить в прошлое.

Древнее царство Норика было основано около 400 г. до н.э., когда кельтоязычные норики установили свою власть над автохтонным, т.е. иллирийским, населением. С точки зрения геополитики эта страна представляла собой нечто

*Молчание самого Северина обусловило волну неубедительных спекуляций, порожденных впечатлительными современными историками. Самой драматичной гипотезой, посвященной Северину, является версия Лоттера (Lotter, 1976), который предполагает, что события «Жития» в действительности начинаются после 460 г., а не в 453 г. (год смерти Аттилы), и что Северин на самом деле был консулом 461 г. с внушительной административной карьерой за плечами. Я с этим не согласен (см. соответствующие суждения в работе: Thompson, 1982), однако полагаю, что упомянутые события начинаются скорее в 460 г., нежели в 453 г., поскольку они отражают реальность, современную не столько империи гуннов, сколько тем политическим образованиям, которые пришли ей на смену (в частности, это руги и готы Валамера) и которым потребовалось какое-то время для формирования.

вроде «тихой заводи». Она поставила под свой контроль некоторые маршруты, которые вели через Альпы, однако среди них не было тех главных путей, которые шли на запад, и в особенности тех, что лежали на восток, через Юлийские Альпы, чьи пологие склоны и широкие перевалы обеспечивали более удобные связи между Италией и бассейном Среднего Дуная. Здесь имелось несколько стратегически важных железных рудников, поэтому со II в. до н.э. активно развивались торговые отношения между этой областью и Северной Италией, особенно с Аквилеей. Это обстоятельство обусловило в целом добрые отношения между Нориком и Римской республикой, что проявилось не в последнюю очередь в постоянном присутствии значительного числа римских торговцев в царской резиденции, из которой и выросло царство — Магдаленсбург.

Норик оставался римским союзником вплоть до времени Августа, когда в 15 г. до н.э. он был мирным путем включен в состав империи. Поскольку он никогда не враждовал с Римом и не контролировал важнейшие альпийские маршруты, которые вели в Италию, романизация приняла здесь иные формы, нежели в других дунайских провинциях Рима. Например, в этом регионе никогда не размещались крупные воинские соединения римской армии, и, следовательно, здесь не было той «тепличной» экономики, которую питали созданная государством инфраструктура и деньги из солдатского жалованья. Тем не менее дороги строились, и города в римском стиле возникали точно так же, как и (мы это видели) повсюду в империи: примерно в одном случае это было результатом распоряжения из центра, в восьми случаях — следствием инициативы на местах. Провинция была жестоко разорена в ходе Маркоманнских войн 160—170-х гг. (см. гл. II) и в дальнейшем нуждалась в гораздо большем количестве пограничных войск, однако это не оказало большого влияния на основную тенденцию ее развития. В начале позднеримского периода Норик представлял собой провинцию не-

больших и не очень богатых городов с сельской округой. Провинциальная землевладельческая элита знала латынь, в более крупных городах можно было получить сносное начальное образование, и в целом регион по-прежнему следовал в фарватере империи. Наиболее сенсационным из археологических открытий, относящихся к позднеримскому периоду в этой области, стал центр христианского паломничества (конец IV—V в.), обнаруженный на вершине Хеммабурга. В ходе недавних археологических изысканий здесь были раскопаны три огромные базилики и найдены посвятительные надписи местных донаторов, взявших на себя их сооружение*.

Для Норика, как и для многих других областей римского Запада, V в. принес тяжелые потрясения. По-видимому, область относительно благополучно пережила наиболее значительные вторжения. В конце 400-х гг. был момент, когда Аларих положил глаз на провинцию, сочтя ее подходящей для расселения подвластных ему готов (см. гл. V), однако этот замысел так никогда и не был реализован, а вестготы вместо Норика осели в Аквитании. Именно вследствие того, что существовали иные, более удобные пути через Альпы, жителям Норика оставалось лишь наблюдать, как волны варварских нашествий катятся мимо них. В 406 г. завоеватели двинулись севернее долины Дуная и, форсировав Рейн, вторглись в Галлию; Аттила в 451 г. поступил аналогичным образом. Радагайс, Аларих и их готские племена вторгались в Северную Италию через Паннонию с намерением воспользоваться перевалами в Юлийских Альпах, как сделал Аттила в 452 г. Тем не менее первая половина V в. стала свидетелем нараставшей деградации той системы безопасности, которой пользовались провинциалы Норика.

---

*О развитии провинциальной жизни в Норике см.: Alföldi, 1974, passim.

Основа цивилизованной жизни и порядка в Норике — сеть городов и сельское хозяйство — была заложена благодаря военной мощи Римской империи. Где-то около 400 г., как свидетельствуют Notitia Dignitatum, провинцию охраняли подразделения пограничных войск (limitanei). Группировка в составе двух легионов являлась костяком тех сил, которые были предназначены для защиты провинции: II Италийский легион был расквартирован в Лауриаке (Лорш) и Ленции (Линц), I Нориков — в Адъювенсе (Ибс). Обоим легионам были приданы подразделения речной полиции (liburnarii), размещенные в трех отдельных пунктах на реке, а также другие флотские части. Кроме того, в провинции дислоцировались 3 пехотные когорты, 4 соединения регулярной кавалерии и два отряда конных стрелков, насчитывавшие в совокупности до 10 тысяч человек с внушительным запасом вооружения*.

В «Житии» Северина, чья хронология начинается со второй половины 450-х гг., имеются кое-какие сведения об этом воинском контингенте. Одна неустановленная воинская часть находилась в Фавиане (современный Маутерн, где, как отмечают Notitia Dignitatum, дислоцировалась речная полиция из состава I легиона Нориков), другая — в Батавии (Пассау), совсем рядом с границей Норика в провинции Реции (где, согласно Notitia, размещалась пехотная когорта). Это все; итого лишь около 10 тысяч человек, несмотря на тот факт, что в «Житии» имеется немало примеров столкновений между нориками и другими варварами. Безусловно, нас не может не озадачить столь очевидное отсутствие сколько-нибудь внушительного воинского контингента. Поскольку главная цель «Жития» заключалась в прославлении Северина именно за то, что тот сумел

* Not. Dig. Occ. 39: речная полиция в Бойодуре (Пассау Инштадт), Астурии (Зайсельмауэр) и Каннабиаке; регулярные кавалерийские части в Комагене (Туллн), Августиане (Тральсмауэр), Арелапе (Похларн) и Ад Мауросе (Эфердинг); конные стрелки в Лентии и Лакуфеликсе.

положить конец нападениям варваров на жителей Норика, сообщение о присутствии в провинции крупных воинских соединений могло бы поставить под сомнение эту сюжетную линию. Я сильно подозреваю, что, по крайней мере в начале пребывания Северина в провинции, там находилось больше военных частей, нежели те две, которые были мимоходом упомянуты в «Житии». Как бы то ни было, существует немало данных, которые свидетельствуют о том, что к моменту смерти Аттилы армия Норика была значительно сокращена. Эти сведения также позволяют нам разобраться в том, каким образом и почему это произошло.

Прежде всего археологические находки, в особенности добытые в ходе раскопок военных сооружений, свидетельствуют о том, что монетное обращение на территории провинции почти сошло на нет вскоре после 400 г. Единственным исключением стал старый легионный лагерь в Лауриаке. Как мы знаем, римские власти чеканили монету в первую очередь для того, чтобы платить жалованье военным, поэтому пауза в денежном обращении красноречиво свидетельствует о прекращении выплат военнослужащим. Единственное исключение только подтверждает эту закономерность: поскольку Лауриак являлся штаб-квартирой размещенного в провинции воинского контингента, естественно предположить, что здесь армейские подразделения оставались даже тогда, когда их не было больше нигде. Факт сокращения военного присутствия также подтверждается очевидными археологическими свидетельствами значительного снижения уровня безопасности. Вскоре после 400 г. виллы на территории Норика были повсеместно разграблены или уничтожены. Изолированные, наполненные разным имуществом и притом беззащитные сельские усадьбы (чем, в сущности, и являлись виллы сами по себе) представляли собой предмет вожделения грабителей и не имели шансов уцелеть в условиях отсутствия определенного уровня безопасности. Как мы уже видели, виллы

исчезли одинаково быстро на большей части Балкан во время войны с готами (376—382 гг.).

Это вовсе не значит, что все их бывшие владельцы были перебиты, а класс землевладельцев уничтожен. Напротив, изучение сельской округи в Норике показало: в V в. строительство здесь свелось к сооружению фортов, которые получили от немецких археологов название Fliehburgen («форты-убежища»). Это окруженные внушительными стенами поселения, порой выстроенные в расчете на длительное проживание, возведенные в местах, исключительно удобных для обороны, обычно на вершинах холмов и с церковью в центре. Несколько Fliehburgen было построено в подходящих для них местах на севере, ближе к Дунаю, однако большинство расположено гораздо южнее, в альпийских предгорьях, к югу от реки Дравы в Восточном Тироле и Каринтии. Самый крупный из них был сооружен в Лавант-Кирхбихле. Это поселение возникло на месте древнего римского города Агунта; на вершине практически неприступной скалы его мощные укрепления окружали территорию площадью 2,7 га с домами, амбарами и епископальной церковью, длина которой составляла 40 метров*. «Житие» (460-е гг.) повествует о совете, который был дан Северином обитателям сельской местности близ Лауриака**:

«Святой муж, который благодаря божественному вдохновению обрел дар прозорливости, посоветовал им снести все свои скромные запасы под защиту стен, чтобы враги во время своего ужасного нашествия, не найдя никаких средств для пропитания, вследствие голода вскоре были бы вынуждены отказаться от своих жестоких замыслов».

Археологические находки свидетельствуют о том, что жители Норика вовсе не нуждались в рекомендациях Се-

* Обзор археологического материала см.: Alföldi, 1974, Ch. 12.

** Эта и следующая цитаты взяты из Vita St. Severini. 30. 1; 20. 1—2.

верина, ибо они уже с самого начала столетия занялись возведением подобных фортов. Такова была вполне адекватная реакция на неспособность тех армейских подразделений, которые дислоцировались в провинции, обеспечить безопасность мирного населения.

События, изложенные в «Житии» Северина, по большей части протекают там, где небольшие укрепленные поселения, castella (термин, которым в наше время обозначаются раскопанные археологами Fliehburgen), являли собой основной тип поселения, который использовался для защиты мирных граждан. «Житие» также показывает, что к 460-м гг. жители этих небольших городков взяли в свои руки обеспечение собственной безопасности, формируя немногочисленные отряды для защиты их стен (по сути, это были народные ополчения). Стены и/или отряды ополченцев засвидетельствованы для Комагены, Фавианы, Лауриака, Батавии и Квинтании. Другой способ защиты граждан (аналогичный тому, который использовался римским населением Британии в схожих обстоятельствах) состоял в том, чтобы нанимать вооруженные отряды варваров, которые обороняли бы их город вместо них самих. Такая ситуация имела место (по данным «Жития») лишь в Комагене на границе Норика и, как и в Британии, привела к беде. «Житие» начинается с рассказа о том, как жители Комагены оказались под тяжким гнетом непомерных притязаний собственных «защитников». Впрочем, гражданам настолько повезло (не без Божьей помощи, вымоленной св. Северином), что они сумели изгнать варваров*. (Если бы римскому населению Британии удалось сделать то же самое, то в наше время не английский, а валлийский язык мог бы стать языком компьютеров, а также языком международного общения.)

---

*О стенах и ополчении Комагены см.: Vita St. Severini. 2. 1; Фавианы: 22. 4; Лауриака: 30. 2; Батавии: 22. 1; Квинтании: 15. 1; о варварах: 2. 1.

В начале 460-х гг. кое-какие римские войска еще оставались в провинции, однако не было и намека на тот внушительный контингент, о котором шла речь в Notitia. Одна из причин того, что армия Норика перестала существовать, бросается в глаза благодаря этому самому документу. Полевая армия в Иллирике около 420 г., во времена Флавия Констанция, имела в своем составе, помимо легионов неполного состава, две алы копейщиков (lancearii), которые прежде были расквартированы в Лауриаке и Комагене. Их передислокация входила в число мер, предпринятых Констанцием вследствие тяжелых потерь, которые понесли западноримские полевые армии после 406 г.*. После 420 г. проследить в деталях историю вооруженных сил Западной империи невозможно, однако утрата Северной Африки, несомненно, вынудила Аэция еще туже затянуть пояс; это должно было означать для имперских властей в Италии необходимость вывести из состава контингента в Норике еще несколько подразделений. Безусловно, так поступали и в других кризисных ситуациях. Не менее тяжелыми для Норика, равно как и для всех остальных провинций, оказались последствия резкого сокращения доходов, поступавших в центр. В «Житии» присутствует часто цитированный, однако оттого не менее фантастический рассказ о последних днях существования некоего подразделения пограничных войск:

«В те времена, когда еще существовала Римская империя, гарнизоны во многих городах получали от властей деньги за то, что несли службу на всем протяжении стены [на дунайской границе]. Когда эти средства иссякли, во-

* Not. Dig. Occ. 7. 40—62. Мы в состоянии проследить эволюцию иллирийской полевой армии, поскольку можно сравнить ее списочный состав 395 г. (или даже более раннего времени) в восточном разделе Notitia со списочным составом периода ее западноримского подчинения по состоянию на 420 г. в distributio numerorum. Ясно, что эти lancearii были завербованы в полевую армию где-то между 395 и 420 г.

инские отряды были распущены, и стена в результате была брошена на произвол судьбы. Однако гарнизон Батавии остался на позициях. Несколько воинов отправилось в Италию, чтобы добиться для своих товарищей последних денежных выплат, но по пути они были захвачены варварами, и никто об этом не знал. Однажды, когда св. Северин читал у себя в келье, внезапно он закрыл книгу и стал тяжко вздыхать и лить слезы. Тем, кто был рядом с ним, он велел скорее идти на реку [Инн], которая, как он объявил, в этот час была красна от человеческой крови. И в тот самый момент пришла весть о том, что тела вышеуказанных воинов были прибиты к берегу течением реки».

Как и все остальные эпизоды «Жития», этот эпизод невозможно точно датировать. Когда имперские источники финансирования стали оскудевать, остатки пограничных войск начали разбегаться. Поскольку денежный поток превратился в тонкую струйку, воинам платили все реже и реже (причина злосчастной инициативы гарнизона Батавии), арсеналы и прочие запасы также находились в плачевном состоянии. Из другого эпизода мы узнаем о том, что военный трибун, стоявший во главе сохранившей боеспособность воинской части в Фавиане, не решился преследовать отряд грабителей-варваров, поскольку людей у него было мало, а их вооружение оставляло желать лучшего. Северин сказал им, что все будет хорошо и они легко смогут взять оружие побежденных варваров*. Эта история дает нам представление о том, что происходило с теми подразделениями пограничных войск, которые не влились в состав полевых армий и не погибли в схватках с врагом. Поскольку финансовый кризис углублялся, выплата жалованья и материальное снабжение в конечном счете совершенно прекратились.

В Норике воины оставили службу где-то в 460-х гг., и мне кажется наиболее вероятным, что это произошло

* Vita St. Severini. 4. 1—4.

вскоре после разгрома византийской армады. Однако у воинов пограничных частей были жены и дети, которые жили с ними, так что даже тогда, когда воины перестали служить, они остались там же. Прежние гарнизоны не исчезли, а постепенно превратились в добровольные формирования граждан, которые, как мы уже видели, продолжали защищать свои укрепленные поселения, в то время как регулярные римские войска в провинции прекратили свое существование. Такое положение вещей отражено в большей части эпизодов из «Жития» Северина. Впрочем, поскольку Норик представлял собой относительно спокойный регион, лежавший в стороне от главных потрясений той эпохи, провинциальная римская жизнь продолжалась здесь почти как прежде. Из «Жития» мы знаем, что дороги оставались в хорошем состоянии и торговля поддерживалась как с Италией, так и с ближайшими соседями провинции выше и ниже по течению Дуная. Римские землевладельцы продолжали наведываться на свои поля из укрепленных поселений. Вместе с тем в тексте фигурируют новые политические объединения, доминировавшие в районе Северных Альп после крушения гуннской и римской империй, как то: герулы, алеманны, остготы, а также руги, поскольку они являлись ближайшими соседями провинции. Важнейшая проблема, с которой столкнулись жители Норика в этой ситуации, заключалась в следующем: как сохранить римскую провинциальную жизнь без империи, в рамках которой она сформировалась?

Из «Жития» мы узнаем, что усилия общин Норика по созданию самообороны не пропали даром — как пытается показать Евгиппий, в значительной степени благодаря помощи Северина, обладавшего даром пророка и прозорливца. Местные общины выработали эффективные способы борьбы с варварами, выставляя дозоры, которые заранее предупреждали сограждан о готовящемся нападении, так что все могли быстро укрыться за стенами. Горожане отби-

вали даже организованные по всем правилам штурмы, вроде тех, которые были обрушены алеманнами на Квинтанию и Батавию. Если варвары захватывали в плен провинциалов, тех могли отбить или выкупить*. В целом же если варвары, пришедшие издалека, особенно алеманны, а также герулы и остготы, смотрели на население Норика как на источник добычи и рабов, то проживавшие с Нориком по соседству руги были заинтересованы в более цивилизованных отношениях. Некоторые города Норика стали платить им дань, и руги оставили их в покое. Короли ругов почитали Северина и всегда прислушивались к его советам (по крайней мере так гласит «Житие»); оживленная торговля шла выше и ниже по течению реки.

С Божьей помощью, к которой, как свидетельствует Евгиппий, имел непосредственное отношение св. Северин, отдельные города Норика смогли *какое-то время* поддерживать тот образ жизни, который сохранял многое от их прежней «римскости». Здесь необходимо отметить следующее. Одна из тем, звучащих в «Житии св. Северина», решимостью населения оставаться и впредь римлянами даже в большей степени, чем прежде напоминает нам Лондон периода массированных бомбардировок. Другая тема более пессимистична. Чувство опасности и угрозы ощущалось повсеместно. Тот, кто осмеливался выйти за стены даже в полдень, чтобы собрать урожай, рисковал попасть в рабство. Граждане Тибурнии были вынуждены откупиться от готов Валамера ценой почти всего своего движимого имущества, включая старую одежду и милостыню, собранную для бедняков. Гораздо ужаснее то, что целые общины одна за другой уничтожались свирепствовавшими в округе бандами варваров, которые уводили с собой всех тех, кого они решили оставить в живых. Северин пытался предупредить жителей Астурия о надвигавшейся беде,

---

*О пророчестве см.: Vita St. Severini. 30; об отражении приступов: 25, 27; о спасении захваченных в плен: 4, 31.

когда он уезжал в Комагену, однако к нему не прислушались, и этот город, на землях которого Северин некогда основал свою первую обитель, в соответствии с пророчеством был разрушен, причем спасся лишь один человек — тот самый, который сообщил в Комагену о случившемся несчастье. Позднее герулы, внезапно напав на Иовиак, разрушили его, а тюринги уничтожили последних обитателей Батавии.

Большинство жителей Батавии заблаговременно укрылись в Лауриаке, еще одном уцелевшем поселении, и форт такого типа стал третьей темой «Жития». Отдаленные места, слишком изолированные и опасные, все больше приходили в запустение. В частности, обитатели Квинтании ушли в Батавию, после чего две общины вместе искали убежища в Лауриаке. Впрочем, и здесь они не оказались в полной безопасности. Что касается ругов, хотя они и были заинтересованы в долгосрочных отношениях, тем не менее рассматривали жителей Норика в качестве объекта эксплуатации. Не довольствуясь лишь взиманием с них дани, разные вожди ругов искали случая переселить большие массы людей севернее Дуная, где они попали бы под их прямой контроль. Северин пресек эти попытки, но это была пиррова победа*.

Примерно до 400 г. войска Римской империи защищали территорию между Альпами и Дунаем, в целом сумев не допустить туда те силы, которые концентрировались к северу от реки. С исчезновением этой военной мощи регион в том виде, в котором он так долго существовал, более не мог сохраняться как некая самостоятельная единица. Его населению в будущем предстояло стать важным источником живой силы для целого ряда новых политических образований. Поселения Норика (даже Fliehburgen) были не

---

*О захвате людей работорговцами см.: Vita St. Severini. 10; о Тибурнии: 17; об опустошительных набегах герулов: 24, 27; руги и попытки переселений: 8, 31.

в состоянии сохранять свою независимость сколь угодно долго; устоявшаяся модель римской провинциальной жизни была обречена на гибель, либо вследствие насильственного слома, либо в результате менее жесткого воздействия извне.

Чтобы все это проявилось, требовалось какое-то время. Св. Северин скончался 5 января 482 г., и на тот момент некоторые города на дунайской границе все еще продолжали существовать. Однако на близлежащей территории многие города уже пали, и те новоявленные общности, которым предстояло в конечном счете превратить эту область в регион, лишенный всего римского, инициировали этот необратимый процесс. Норик как таковой позволяет нам осуществить предметное исследование, создав модель того, что произошло с римской провинциальной жизнью в тех областях, где римское военное присутствие сошло на нет вследствие прекращения финансирования. Провинциалы были далеко не беспомощны, да и «римскость» не исчезла в одночасье. Однако они сами и их образ жизни зависели от того постоянного воздействия, которое оказывала на их регион имперская власть, и, когда это воздействие прекратилось, прежний образ жизни оказался обречен. Норик также предоставляет нам вероятную модель того положения вещей, которое имело место в постримской Британии, где, таким образом, некогда подвластное римлянам население боролось, чтобы выжить в условиях отсутствия защиты со стороны центральной власти, сперва воспользовавшись услугами пришедших извне германских военных отрядов, но впоследствии вступив с ними в борьбу. Это не случилось в одночасье, однако в конечном счете римские виллы и города были разрушены, а их население должно было служить нуждам новых господ: и это были уже не императоры в Италии, а руги в Норике (хотя они воздерживались от прямого насилия) или англосаксонские короли в Британии.

Старые имперские территории: Галлия и Испания

В Норике прощание с имперским прошлым носило своеобразный характер, что было обусловлено стратегическим положением этой провинции, игравшей роль «тихой заводи», наряду с отсутствием богатого и сплоченного элитарного слоя римских землевладельцев, который мог бы рассчитывать на защиту со стороны того, что еще оставалось от империи. В результате римская имперская власть в провинции постепенно как будто испарилась. В старейших и важнейших регионах Западной империи, таких как Галлия и Испания, финал римской имперской системы никогда не обещал стать столь же незаметным событием. Разгром византийской армады поставил крест на мечтах о возрождении, вызванных к жизни воцарением Антемия, однако эти два региона все еще оставались оплотом богатых и могущественных семейств римских землевладельцев. В Италии и в некоторых областях Галлии сохранялось несколько довольно мощных группировок имперских войск наряду с варварскими королевствами, к тому времени уже достаточно могущественными, — прежде всего это королевства вестготов и бургундов*. Таким образом, судьба Галлии и Испании не могла повторить судьбу провинций вроде Норика или Британии, где относительный вакуум власти заставил провинциалов бороться за выживание. Напротив, Галлия и Испания стали свидетелями борьбы, пожалуй, слишком многих заинтересованных «партий». Поэтому описание конца имперской власти

---

* Несмотря на то что процент варваров в рядах римской армии в Италии все возрастал, она избежала той лавины, которую породил крах гуннской державы, и продолжала свое существование при Рицимере; в известной степени то же самое относится и к римской армии в Галлии, отдельные соединения которой были вовлечены в мятеж под руководством Эгидия в 462 г. (MacGeorge, 2002, Ch. 6).

здесь, безусловно, следует создавать на уровне менее известных нам дипломатических хитросплетений при королевских дворах. Однако благодаря сохранившемуся сборнику писем Аполлинария Сидония это описание получится не менее ярким, чем судьба Норика в «Житии св. Северина».

Одним из первых, кто осознал значение краха предпринятой императором Антемием экспедиции в Северную Африку, был вестготский король Эйрих. Этот младший брат Теодориха II, подкрепившего своим авторитетом власть западноримского императора Авита в далеком 455 г., понял, что мир изменился. Если Теодорих удовольствовался тем, что связал будущее вестготов с римским миром, который, как тогда казалось, был нерушим, и испросил у императора санкцию на власть, то Эйрих был слеплен из другого теста. В 465 г. он организовал переворот, в результате которого Теодорих был убит, а Эйрих захватил власть. Он немедленно направил послов к королям вандалов и свевов, решив отказаться от враждебной по отношению к ним политики своего брата (Hydat. Chron. 238—240). Теодорих состоял в союзе с тем, что осталось от империи, против этих королевств; теперь Эйрих намеревался заключить с ними союз против того, что было некогда империей. Появление Антемия с крупными восточноримскими подкреплениями тотчас же положило конец этим планам, и Эйрих немедленно отозвал своих послов, чтобы не дать вовлечь себя в прямой конфликт с вновь возрожденной Западной империей. Однако после разгрома византийской армады стало ясно, что Антемий не сумел стать той силой, которой так боялся Эйрих. Автор «Гетики» кратко резюмирует: «Узнав о частой смене римских императоров, Эйрих, король вестготов, возымел намерение подчинить своей власти галльские провинции» (Iord. Getica. 45. 237). Он понимал, что теперь уже можно было не бояться центральных римских властей. После своего последнего поражения они утратили всякую способность к проведению эффек-

тивных военных операций севернее Альп. У Эйриха были развязаны руки, так что он мог преследовать свои собственные, вестготские, интересы.

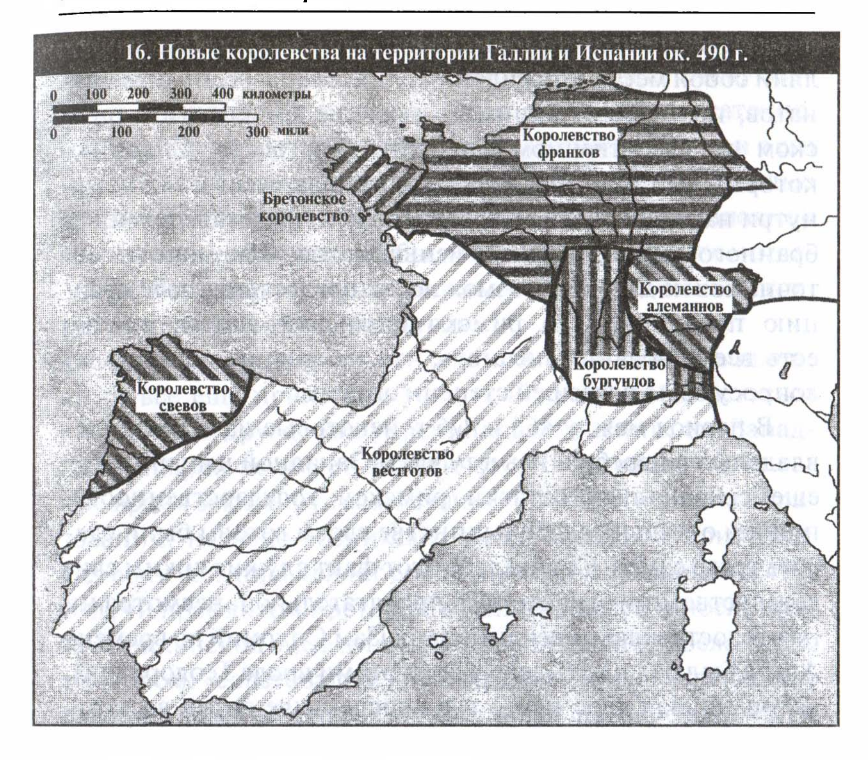
Едва осела пыль после краха африканского предприятия, Эйрих взялся за дело. В 469 г. он развязал первую из целого ряда завоевательных войн, которые привели к созданию суверенного Вестготского королевства. В этом году его войска двинулись на север, напав на бретонцев короля Риотама, являвшихся верными союзниками Антемия. Победа вестготов вынудила Риотама искать спасения в землях бургундов и предоставила Эйриху контроль над Туром и Буржем; таким образом, он раздвинул северные границы своего королевства вплоть до реки Луары (карта № 16). Дальнейшие походы в этом направлении предпринимались остатками римских войск на Рейне под командованием военачальника Павла, действовавшего совместно с салическими франками короля Хильдерика. Впрочем, Галлия по ту сторону Луары представляла собой для Эйриха лишь второстепенный интерес. В 470—471 гг. он направил свои войска на юго-восток, в направлении долины Роны и Арля, столицы римской Галлии. Здесь в 471 г. он нанес *coup de grâce** затухавшим надеждам Антемия, разгромив италийскую армию под командованием сына Антемия, Антемиола, который пал в бою. Однако следует помнить, что взятие укрепленных римских городов вовсе не являлось сильной стороной вестготов. Например, каждое лето на протяжении четырехлетнего периода (471—474 гг.) вестготы, словно намереваясь начать осаду, появлялись под стенами города Клермон-Ферран в Оверни, даже не пытаясь силой ворваться внутрь. До 476 г. Эйрих сумел овладеть двумя крупнейшими городами региона, Арлем и Марселем; к тому времени он уже контролировал Овернь, уступленную ему италийскими властями, тщетно пытавшимися остановить его экспансию в направлении

* Смертельный удар (*фр.*).

Арля. В то же самое время еще более стремительные завоевания осуществлялись к югу от Пиренеев. В 473 г. войска Эйриха захватили Таррагону и города на средиземноморском побережье Испании, а к 476 г. уже весь Иберийский полуостров находился под его властью, за исключением небольшого принадлежавшего свевам анклава на северо-западе. Вестготские владения наконец стали королевством, которое простиралось от Луары на севере и Альп на востоке до Гибралтарского пролива на юге*.

Вестготы не были единственной силой, осуществлявшей экспансию в те годы. Завоевания Эйриха осуществлялись вразрез с притязаниями королевства бургундов, возникшего в верховьях Роны. Бургунды тоже давно положили глаз на Арль. Не обладая достаточной мощью, чтобы выиграть у вестготов борьбу на юге, тем не менее они достигли некоторых успехов в расширении границ своего королевства в этом направлении. К 476 г. они овладели множеством городов и землями между Альпами и Роной, продвинувшись на юг вплоть до Авиньона и Кавейона (см. карту № 16). Гораздо севернее франки тоже впервые появились как мощная сила на римском берегу Рейна. Подлинная история окутана легендами и вымыслом, в целом же произошло следующее. Прежде область расселения франков ограничивалась землями к востоку от Рейна и была поделена между несколькими военными предводителями, которые расширяли свои владения на западном берегу реки и в то же самое время постепенно склонялись к мысли об объединении под началом наиболее могущественных военных вождей. Наряду с двумя крупнейшими объединениями готов, созданными Аларихом и Валамером, племенной союз франков становился державой, обладавшей беспрецедентной мощью и способной соперничать с другими на качественно новом уровне и вскоре выдви-

* Все детали и ссылки см. в книге Вольфрама: Wolfram, 1988, p. 181 ff.

16. Новые королевства на территории Галлии и Испании ок. 490 г.

нувшей притязания на обладание новыми землями из числа бывших римских владений. К началу 470-х гг. процесс был еще далек от завершения, однако Хильдерик уже стал видной политической фигурой, и к концу десятилетия, если не раньше, он со своими салическими франками овладел старой римской провинцией Бельгикой II со столицей в Турне*. В дальнейшем несколько племенных объединений поделили между собой старые имперские владения в Галлии и Испании. Некоторые из этих объединений, такие как вестготы и бургунды, были уже привычными деталями политического ландшафта; другие, вроде франков или бретонцев, являлись совсем недавними образова-

* О бургундах см.: Favrod, 1997. О франках см.: James, 1988, p. 72 ff.; Wood, 1994, p. 38 ff.

ниями. Захваченные ими земли к югу от Луары представляли собой место проживания влиятельных семейств магнатов, привыкших занимать высокие должности в римском государственном аппарате. Благодаря Сидонию, который был одним из них, мы располагаем взглядом изнутри на значимость этих сдвигов для представителей избранного галло-римского меньшинства. Ни один из источников не дает нам возможности представить себе позицию представителей римско-испанской элиты, однако есть все основания полагать, что их мнение по данному вопросу было в высшей степени схожим.

В период между 468 и 476 г. некоторые из этих землевладельцев перебрались в ту часть Западной империи, где еще сохранялись остатки римской государственности, причем остальные в большинстве своем готовы были сделать то же самое. Сам по себе этот факт служит ярким свидетельством того, насколько притягательной, несмотря ни на что, оставалась идея империи. Сам Сидоний во времена Авита был рад иметь дело с вестготами вроде Теодориха II, который знал свое место и в перспективе видел вестготскую сферу влияния в рамках продолжавшего существовать римского мира. В то время как остальные вестготы, подобно Эйриху, стремились создать свое собственное независимое королевство, Сидоний, напротив, был готов бороться за то, чтобы *не* быть одним из его подданных. В начале 470-х гг. он и его единомышленники, включая шурина Экдиция, сына императора Авита (уроженца Оверни), сделали все, что могли, для того чтобы Клермон-Ферран остался римским. В частности, они дали денег на формирование вооруженного отряда для защиты от повторявшейся несколько лет кряду осады города войсками вестготов. В дальнейшем противостояние приобрело характер мелких стычек. Клермон-Ферран вовсе не являлся главным предметом устремлений Эйриха, так что Экдиций однажды пробился сквозь готские позиции всего лишь с 18 воинами. Как бы то ни было, желание этих землевла-

дельцев оставаться и впредь римлянами оставалось непоколебимым. Им удалось продемонстрировать свою верность с оружием в руках, и этого оказалось достаточно, чтобы вдохнуть мужество сперва в Антемия, а затем и в его преемников; они сделали все, что было в их силах, с целью сохранить Овернь в составе сильно урезанной Западной империи, вместо того чтобы, напротив, добиться ее отделения, тем самым сделав Овернь легкой добычей вестготской или бургундской экспансии*.

Однако в то время как Сидоний и его единомышленники все еще прилагали усилия к тому, чтобы остаться римлянами, другие уже укрепились во мнении, что Западная империя не имеет политического будущего и что самое время заключить союз с одним из политических образований, недавно возникших на ее бывшей территории. История Арванда являет собой яркое тому свидетельство. Будучи префектом претория в Галлии, он сразу после краха африканской экспедиции направил Эйриху послание**, в котором: «советовал ему не сохранять мира с «греческим императором» [Антемием], настаивал на необходимости нанести удар по бретонцам, осевшим на землях к северу от Луары, и утверждал, что галльские провинции, в соответствии с «правом народов», следовало бы поделить с бургундами; к этому остается добавить еще более безумный вздор в том же духе, способный ввергнуть воинственного короля в состояние ярости, а у миролюбивого — вызвать чувство стыда».

Арванд, который в ходе последовавшего затем судебного разбирательства с готовностью признал себя автором этого, безусловно, изменнического послания, явно предпочитал власти Антемия власть Эйриха или короля бургундов. Впрочем, возможно, он, как и некоторые галль-

* Harries, 1994, 222 ff.; об Экдиции см.: Sidonius Epist. 3. 3.

** Следующие пять цитат взяты из Sidonius Epist. 1. 7. 5; 5. 5; 8. 3; 8. 9.

ские землевладельцы в 410-х гг., считал этот вариант территориального раздела оптимальным на пути к миру и поддержанию некоего подобия общественного порядка. Каковы бы ни были его причины, данный эпизод свидетельствует о том, что мнения среди окружавших Сидония землевладельцев совершенно разошлись. Как мы видели, точка зрения Сидония разительно отличалась от мнения Арванда. Однако Арванд был его другом, и Сидоний делал все, что было в его силах, чтобы защитить Арванда, когда тот попал под суд, несмотря на то что дело рассматривалось в Италии тремя другими влиятельными магнатами, также являвшимися его друзьями (а один даже родственником), — это Тонанций Ферреол, в 451 г. занимавший пост галльского префекта претория; Таумастий, дядя Сидония со стороны отца; наконец, юрист и высокопоставленный сенатор (illustris), Петроний из Арля. Тем не менее Арванд не был одинок, думая так. К 473 г. войска Эйриха в Восточной Испании находились под совместным командованием одного гота и некоего Винцентия, который ранее, в 460-х гг., возглавлял последние собственно римские войска в этом регионе. Другие представители римской провинциальной иерархии, занимавшие в ней более высокие или, напротив, более низкие посты, совершали аналогичные восхождения по карьерной лестнице. В начале 470-х гг. некий Викторий был командующим войсками Эйриха в Галлии. Еще одно громкое судебное дело было возбуждено в отношении помощника префекта Галлии, Сероната, который в 475 г. был обвинен в содействии Эйриху в ходе завоевания им галльских земель, в конечном счете признан виновным и казнен*.

---

*Об Арванде см.: Sidon. Epist. I. 7. О Винцентии см.: Chron. Gall. 511, s.a. 473; см.: PLRE, II, 1168; описание судебного процесса Арванда также было создано Сидонием для Винцентия, однако неизвестно, было ли это то же самое лицо. О Виктории см.: PLRE, vol. II, p. 1162—1163; о Серонате см.: Sidonius Epist. II. 1; IV. 13; VII. 2. В отличие от Арванда Серонат не был другом Сидония,

Еще восточнее появление независимого королевства бургундов имело схожие последствия. В переписке Сидония сохранилось послание некоему Сиагрию, который обладал исключительным влиянием при бургундском дворе, не в последнюю очередь благодаря тому, что он говорил на бургундском наречии лучше, чем сами бургунды:

«Я... несказанно удивлен тем, что ты так скоро в совершенстве овладел германским языком... Ты не можешь себе представить, как меня, да и других тоже, забавляет, когда я слышу, что в твоем присутствии варвар опасается допустить какую-нибудь неправильность в своем собственном языке. Маститые старцы из числа германцев восхищаются тобой, когда ты переводишь письма, и они видят в тебе третейского судью и арбитра при заключении сделок. В обсуждении законов ты стал для бургундов новым Солоном*... Тебя любят, твоего общества ищут, к тебе часто являются с визитами, тобой восхищаются, тебя выделяют, тебя приглашают, ты решаешь споры, и к тебе прислушиваются».

Сидоний восхвалял Сиагрия за то, что тот сумел стать частью постримского мира, в котором господствовали варварские короли: это было именно то, чего сам он всячески старался избежать**. Даже возрастной фактор мог сказаться на отношении молодых людей к тому, что близился конец старого порядка. Среди приверженцев Сидония в Оверни был некий Евхерий, который, по-видимому, пожертвовал деньги для обороны города, в то время как его сына Калминия можно было видеть с городских стен в рядах осаждавших город готов. Сын Сидония, Аполлинарий,

---

поэтому его постигла иная участь. Еще в начале 410-х гг. некоторые галло-римские землевладельцы перешли на службу к Атаульфу, видя в нем наиболее надежного гаранта мира.

* Солон был легендарным афинским законодателем, который дал афинянам их самые первые писаные законы. Писаное право имело для римлян чрезвычайно важное культурное значение.

** Однако сам Сидоний всегда оставался «в ореоле святости».

тоже принявший с энтузиазмом новый готский порядок, в конечном счете получил высокую военную должность при сыне Эйриха*. Таким образом, после 468 г. в среде галло-римских землевладельцев произошел раскол, имевший место даже на уровне семей. Тем временем Эйрих мастерски воспользовался сложившейся ситуацией. Ослабление центральной римской власти позволило королю использовать военную мощь подвластных ему вестготов для создания обширной державы. Однако в распоряжении Эйриха не было никакой другой модели управления его новыми владениями за исключением той, которую ему оставила в наследство погибавшая Римская империя.

Таким образом, Вестготское королевство в том виде, в котором оно существовало к 476 г., было совершенно римским по своему внутреннему устройству. Оно продолжало функционировать, подобно своей римской предшественнице, благодаря отлаженной структуре городов, провинций и наместников. Это государство располагало писаным правом (чаще всего речь шла о продлении действия римских законов) и системой налогообложения в сфере сельскохозяйственного производства — практика, оказавшаяся возможной лишь при условии сохранения таких слоев римского общества, как землевладельцы и крестьянство. Землевладельцы должны были сохранять свои хозяйства, чтобы получать от крестьян излишки продукции, удерживая часть в качестве ренты, тогда как остаток шел в доход государству. Сохранение в силе римского права и системы налогообложения требовало участия римских управленцев, чтобы эти институты функционировали и дальше.

В то время как создать свое королевство Эйрих мог с помощью оружия вестготов, для того чтобы удержать его в своей власти, он нуждался в римлянах. Чем больше пред-

* О Евхерии см.: Sidon. Epist. III. 8. О Калминии см.: Epist. V. 12 (он утверждал, что Калминий был там не по своей воле). О сыне Сидония см.: PLRE, II, 114.

ставителей римской аристократии и управленцев ему удалось бы привлечь на свою сторону, тем легче было бы превратить свои завоевания в эффективно функционирующее королевство. Поэтому он в высшей степени любезно принимал любые предложения услуг от римских аристократов, позволяя им восхвалять себя в ямбических пентаметрах, если им этого хотелось. Эйрих был рад увековечить эту традицию, начало которой было положено в правление Теодориха, и продемонстрировал то уважение к римской культуре, которое было необходимо для стимулирования потока столь нужных ему управленцев. У него имелся свой собственный Сиагрий; это был поэт и юрист из Нарбонна по имени Лев, о котором Сидоний писал в 476—477 гг. как о составителе писем и речей для Эйриха:

«С помощью [Льва] великий король [Эйрих] вселяет ужас в сердца народов, обитающих далеко за морем, или же с высоты своего могущества заключает после одержанной им победы хитроумный договор с варварами, трепещущими на берегах Ваала, или, обуздав народ оружием, теперь обуздывает оружие законами на всем пространстве своих обширных владений».

Будучи весьма в них заинтересован, Эйрих стремился продвигать по службе тех римлян, которые предлагали свои услуги*.

Поистине он обладал редким даром вознаграждать за верную службу. Исчезновение римской государственности поставило под вопрос само существование класса римских землевладельцев, поскольку вместе с государственностью исчезла и та правовая система, которая защищала его от внешних врагов. И хотя этот привилегированный класс сохранился, например, в королевствах вестготов и бургундов, так происходило далеко не везде. Политический переворот зачастую сопровождается социальной революцией,

---

*Очерк, посвященный Вестготскому королевству, со всеми ссылками см. в Heather, 1996, Ch. 7.

как это было в других регионах римского Запада. В постримской Британии, например, старый класс римских землевладельцев полностью исчез. Таким образом, даже если они всего лишь позволяли римским землевладельцам на местах жить по-прежнему, новые государственные образования, такие как королевства бургундов или готов, оказывали им величайшее благодеяние.

Историков порой приводит в изумление очевидная готовность представителей этого класса отказаться от своей лояльности по отношению к империи и заключить компромиссное соглашение с ближайшей более или менее значительной варварской властью. Предполагается, что это свидетельствует о катастрофической нелояльности по отношению к Римскому государству — наблюдение, ставшее частью повествования о крахе империи. Следовательно, римская Европа исчезла вследствие того, что ее элита перестала поддерживать прежний строй. На мой взгляд, сторонники подобных представлений не учитывают особенностей того слоя людей, чьи позиции в обществе базировались почти исключительно на землевладении. Земельная собственность является недвижимой по определению. Если вы не принадлежали к числу богатейших магнатов римского мира, которые владели землями на Востоке, в Галлии или Испании, когда римская государственность стала разваливаться, у вас оставался небогатый выбор. Вам предстояло либо наладить хорошие отношения с ближайшим варварским королем-завоевателем, чтобы гарантировать себе сохранение владельческих прав, либо проститься со своим элитарным статусом, которым вы обладали по праву рождения. Если в тот момент, когда империя рушилась у них на глазах, римские землевладельцы осознали, что у них есть очень незначительный шанс сохранить свою земельную собственность, они были обязаны им воспользоваться.

В своих отношениях с провинциальной аристократией Южной Галлии и Испании Эйрих располагал важным ко-

зырем. Все, что он должен был делать, — это неуклонно расширять подвластную ему территорию, — сравнительно легко, поскольку сокращение денежных поступлений означало, что римская администрация сможет выставить в поле очень немного солдат, — и землевладельцы поспешат к нему отовсюду. Кого-то не надо будет особо подгонять, некоторых придется долго уговаривать, однако большинство в конечном счете подчинится. Даже сам Сидоний перешел этот Рубикон. Возглавив сопротивление готской экспансии в Клермон-Ферране, он едва ли мог ожидать, что Эйрих будет к нему благосклонен, когда в 474—475 гг. город наконец оказался в руках готов. Разумеется, его отправили в ссылку, сначала в крепость близ Каркассона, а затем в Бордо. Там он пытался продолжить свои литературные занятия, однако, по его словам, «сон едва мог смежить мои отяжелевшие веки из-за шума, который тут же устраивали прямо над моей спальней две готские старухи — самые сварливые, пьяные и отвратительные создания из тех, что когда-либо видел свет». В Италии выражение «biberunt ut Gothi» — «пьют, как готы» — к VI в. вошло в поговорку. Письмо, из которого взят этот фрагмент, было отправлено Льву из Нарбонна — поэту, юристу и главному советнику Эйриха, вместе с экземпляром сочинения «Жизнь Аполлония Тианского», который был послан Сидонием по просьбе Льва. По сути, здесь и пролегла для Сидония дорога к освобождению. Эйрих был настолько занят, что сумел лишь мимоходом увидеться с Сидонием в Бордо — дважды за три месяца, однако у Сидония были друзья при дворе: Лев и еще один знаток литературы по имени Лампридий. Благодаря их заступничеству в конечном счете он легко отделался. Его имущество в Клермоне, которое очень просто могло быть конфисковано, было ему возвращено. В ответ Сидоний написал хвалебную оду:

«Наш повелитель и господин [Эйрих], даже он располагает совсем малым временем для отдыха, тогда как завоеванный им мир смиренно припадает к его стопам. Здесь, в

Бордо, мы видим голубоглазого сакса... Здесь твой давний знакомый сигамбр*, который после понесенного поражения рассек мечом твой затылок... Здесь бродит герул с сине-серыми глазами... Здесь бургунд семи футов роста, преклонив колени, часто молит о мире... К этому источнику припадает и римлянин, ища защиты от скифских орд... К твоим ополчениям, Эйрих, взывают все».

Сидоний сначала послал эту оду Лампридию, в надежде, что тот покажет ее королю. Лампридий так и сделал. Эйрих, пожинавший плоды столь многих завоеваний, принял эту капитуляцию, выраженную в литературной форме, и мог себе позволить быть великодушным**. Скорее всего вряд ли он столь же легко прощал всех своих бывших врагов. Несомненно, в менее могущественных королевствах, чьи ресурсы были куда скромнее, римские землевладельцы оказались вынуждены принять от своих новых господ более жесткие условия, нежели те, что были предоставлены Сидонию.

Например, если сравнить с вестготами бургундов, то между 468 и 476 г. им весьма незначительно удалось расширить свои владения. Как и Эйрих, бургундский король нуждался в привлечении на свою сторону приверженцев из числа римлян, однако у него имелись и собственные служилые люди, которых надо было поощрять. И все это в условиях гораздо более скромной экономической базы! Результатом явился компромисс, отражение которого мы наблюдаем в одном из юридических кодексов вновь образованного Бургундского королевства — в «Книге конституций»:

«В соответствии с опубликованным указом было постановлено, что наши люди [бургунды] должны получить 1/3 рабов и 2/3 земли; всякий же, кто получил в дар землю и рабов от наших предшественников или от нас, не должен

* Общепринятое литературное обозначение франков.

** О заключении и последующем освобождении Сидония см. из числа относительно недавних работ Harries, 1994, p. 238 ff.

требовать себе 1/3 рабов и 2/3 земли там, где ему было оказано гостеприимство»*.

Хотя было бы желательно знать об этом больше, юридическая норма, к которой мы здесь обратились, позволяет понять, каким образом бургундские короли приступили к решению проблемы политического равновесия, которого требовало положение вещей. Около 20 лет назад историк Уолтер Гоффарт высказал мнение, что здесь стоит говорить скорее о распределении доходов, поступавших в виде налогов с римских городских общин (civitates), которые оказались под контролем бургундов, нежели о разделе земельной недвижимости. Это в высшей степени натянутая интерпретация, и, как высказывались с тех пор многие исследователи, нет никаких сомнений в том, что в данном случае следует вести речь именно о разделе земельной недвижимости, часть которой должна была перейти в руки свободных общинников из числа бургундов**.

---

* Liber constitutionum. 54. 1.

**См.: Goffart, 1980, которого особенно горячо поддержал Дюрлиа (Durliat, 1988, 1990). О контраргументах, особенно же в отношении Бургундского королевства, см.: Heather (в печати); Innes (в печати). Из общих очерков см.: Wickham, 1993; Liebeschuetz, 1997, Barnish, 1986 и примеч. 75 к гл. VI (О королевстве вандалов). Свободные общинники из числа бургундов имели своих собственных зависимых людей — рабов и вольноотпущенников, — поэтому они получали меньшую долю рабочей силы. Впоследствии бургундское законодательство оговорило, во-первых, те обстоятельства, которые влияли на изменение стоимости одной из частей имения, находившегося в совместной собственности (например, вырубка леса или насаждение виноградника, более выгодное в плане урожайности, нежели выращивание зерновых), и, во-вторых, преимущественные права римского собственника на покупку земли, если вдруг его бургундский «партнер» решал продать свою часть имения. Все эти юридические нормы, как новые, так и старые, относятся скорее к реалиям земельной собственности, нежели к налогообложению, вторичному по своей сути (ВС 31, 55. 1—2, 67, 84).

В Бургундском королевстве произошел кардинальный передел земельной собственности. И, как свидетельствует упомянутый закон, это был опять-таки скорее процесс, нежели событие. Норма, в соответствии с которой новые владельцы получали 2/3 земельных владений и 1/3 работавших на земле держателей, относилась лишь к тем бургундам, у кого прежде не было ни земли, ни рабов. Кроме того, мы не знаем, касались ли указанные меры всех римских землевладельцев или в этом деле король практиковал избирательный подход. Впрочем, цена вопроса (возможность сохранить в своих руках хотя бы часть своих владений) была на первый взгляд сравнительно высока для римских собственников. С другой стороны, в позднейшем бургундском законодательстве странным образом отсутствуют какие бы то ни было упоминания о налогообложении, что само по себе может также иметь значение. В целом условия сделки, по-видимому, заключались в том, что взамен 2/3 своей земли собственник не только сохранял оставшуюся 1/3, но также освобождался от уплаты поземельного налога*. Если дело обстояло таким образом, то ситуация вовсе не была столь драматичной, как может показаться на первый взгляд. Начиная с 470-х гг., как свидетельствуют юридические памятники, Эйрих и его сын и наследник, Аларих II, тоже награждали своих приверженцев в Вестготском королевстве земельными пожалованиями**. Однако это королевство было гораздо обширнее, так что отбирать у римских землевладельцев столь значительную часть их земельной собственности вовсе не требовалось.

Так или иначе, в последний период существования римской власти на старых имперских территориях Южной Галлии и Испании засвидетельствован грандиозный раз-

---

* Это крайне маловероятное допущение, коль скоро сбор и перераспределение налогов играли ключевую политическую роль в жизни Бургундского королевства, как считает Гоффарт.

** CE frr. 276, 277; см. Liebeschuetz, 1997.

дел всей наличной недвижимости. Заинтересованные военные объединения играли мускулами, развязывая войны, в результате которых появлялись новые политические границы. Вестготы создали обширное королевство, тогда как бургундам пришлось удовольствоваться лишь Юго-Восточной Галлией. Севернее ситуация оставалась нестабильной. На северо-востоке формировалось государство салических франков, на северо-западе определялись границы королевства бретонцев. По-видимому, в то же время римское командование, под чьим началом находились остатки рейнской армии, по крайней мере на какой-то срок заложило основу политического образования к востоку от Парижа. Разгром армады Василиска в 468 г. положил начало завоевательным войнам Эйриха, походам франков и бургундов, а также последующему кардинальному разделу земельной собственности. В конечном итоге все это привело к перевороту в умах, равно как и к перекраиванию политических карт. Прежние варварские анклавы стали королевствами, римским землевладельцам пришлось сделать судьбоносный выбор, а центральная римская власть агонизировала.

Имперский центр

В то время как остатки старых имперских территорий и приграничных владений в 468 г. были либо уже отторгнуты, либо постепенно исчезали, в имперском центре — как в Италии, так и в Константинополе — царила растерянность и нерешительность. В Италии после разгрома византийской армады Антемий и Рицимер погрязли в борьбе друг с другом за власть. Согласие Рицимера на воцарение Антемия, безусловно, привело к ослаблению его собственной власти. Однако надежды на то, что помощь, вместе с которой Антемий прибыл с Востока, станет толч-

ком к восстановлению Запада, пошли прахом. Теперь Антемию было нечего предложить, и он стал всего лишь помехой для амбициозного Рицимера. Конфликт между ними вспыхнул в 470 г. Рицимер зашел настолько далеко, что, набрав войско в 6 тысяч человек, угрожал применить силу, однако в начале 471 г. оба деятеля помирились. В дальнейшем последовавшие в том же году поражение и гибель Антемиола, сына императора, когда были потеряны все войска, собранные им и Антемием для похода против вестготов в Галлии, лишили имперскую администрацию последней военной опоры, и Рицимер этим воспользовался. Антемий заперся в Риме, и Рицимер осаждал его там в течение нескольких месяцев, пока город не пал. Император был схвачен и убит племянником Рицимера, бургундским князем Гундобадом, 11 июля 472 г.

Олибрий, свояк вероятного наследника престола в королевстве вандалов, Гунериха, уже давно выдвигался Гейзерихом как кандидат на трон Западной Римской империи. В 472 г. он был направлен в Италию из Константинополя императором Львом в качестве посредника между Рицимером и Антемием, однако вместо этого стал очередной креатурой Рицимера, которой был уготован императорский пурпур. Сделавшись императором Запада в апреле 472 г. (еще до гибели занимавшего тогда этот пост Антемия), Олибрий скончался 2 ноября того же года, вскоре после смерти самого Рицимера, последовавшей 18 августа. В результате главным «делателем королей» стал Гундобад, чей выбор пал на комита доместиков (comes domesticorum) Глицерия, занимавшего важное положение в гвардии. Он был провозглашен императором 3 марта 473 г. Пока в Риме продолжалась вся эта возня, вестготы, бургунды и вандалы были заняты тем, что расширяли свои королевства. Таким образом, земли, над которыми Глицерий властвовал в качестве императора Запада, ограничивались Италией и небольшой территорией к северу от Альп в Юго-Восточной Галлии. Борьба за то, что все еще оставалось номи-

нально императорским троном, превратилась в кровавое соперничество из-за почти что пустого звука. Таким по крайней мере, как представляется, был вывод Гундобада. Ненадолго приняв на себя роль своего дяди как «делателя королей», после смерти отца, Гундиоха, короля бургундов (в конце 473 или в начале 474 г.), он вернулся на родину. Очевидно, Гундобад решил, что борьба за власть в Италии была менее заманчивым предприятием, нежели предъявление претензий на свою долю Бургундского королевства в ходе дележа с братьями — Хильпериком, Годигизелом и Годомаром. Что может служить более ярким показателем агонии Западной Римской империи?

Отъезд Гундобада создал вакуум власти, который заполнил Юлий Непот, племянник и преемник комита Марцеллина, управлявшего Далмацией начиная с 450-х гг. После гибели своего дяди на Сицилии в 468 г. Юлий унаследовал власть над Далмацией наряду с тем, что осталось от иллирийской полевой армии. Заручившись поддержкой Восточной империи (правда, не получив от нее никакой реальной помощи), в начале лета 474 г. он со своим войском высадился в Остии, т.е. в устье Тибра недалеко от Рима. Низвергнув Глицерия без борьбы, 19 или 24 июня 474 г. он провозгласил себя императором Запада. Однако Непоту так и не удалось добиться от командующих войсками в Италии лояльности по отношению к своей власти, которая вследствие этого просуществовала лишь немногим более года. Одной из его креатур был полководец Орест; его мы уже встречали в VII главе в совершенно невероятной роли посланца Аттилы Гунна, который в конечном счете от него избавился. Назначая Ореста, Непот надеялся навести порядок в том хаосе, который царил в Италии, однако вместо этого Орест повернул свои войска против самого Непота. 28 августа 475 г. Непот оставил Равенну и отплыл в Далмацию, покинув римский Запад*.

---

*Лучший рассказ об этих событиях см.: Stein, 1959, 393 ff. О «внезапном» отъезде Гундобада из Италии см.: Malalas. 375.

Пока все это совершалось в Италии, в Константинополе император Лев, оказавшийся совершенно бессильным в результате краха экспедиции 468 г., взирал на происходящее со все возраставшим отчаянием. После своего возвращения на Восток командующий армадой Василиск в поисках убежища укрылся в храме Св. Софии (не в современном, а в его предшественнике, сожженном в ходе восстания «Ника» в 532 г.) и отказывался выйти до тех пор, пока Лев не объявил публично, что тот прощен. Властям в Константинополе пришлось решать, что делать дальше. Они сделали все, что могли, для того чтобы стабилизировать ситуацию в Италии, желая (вполне естественно), чтобы ею управлял союзник. Хотя с момента разгрома армады должно было быть очевидно, что Западная империя обречена, лишь после смерти Антемия в Константинополе со всей определенностью осознали, что отныне у них уже не было поля для маневра. Поскольку победить вандалов не представлялось возможным и они уже вторгались в пределы Восточного Средиземноморья, приходилось заключить с ними мир. Итак, начались переговоры. Их результатом стал договор, заключенный между императором Львом и вандалами в 474 г. Кто теперь мог усомниться в том, что Константинополь утратил всякую надежду реанимировать римский Запад?*

Соответственно в Италии армия стала последней силой, отказавшейся от идеи империи. Изгнав Непота, Орест возвел на трон своего сына Ромула. Орест дважды ездил в Константинополь в составе гуннских посольств. Его отец, Татул, и тесть, Ромул, в то время (конец 440-х гг.) были ближайшими соратниками римского полководца Аэция и являлись членами дипломатической миссии, прибывшей ко двору Аттилы в тот момент, когда там находился Приск. После краха гуннской державы Орест вернулся в Италию, где последовательно занимал все более высокие импер-

---

* Детали см.: Courtois, 1955, p. 209.

ские посты — до тех пор пока Юлий Непот не назначил его главнокомандующим. Носивший то же самое имя, что и основатель Рима, сын Ореста, Ромул, был объявлен императором 31 октября 475 г., однако Орест и его брат Павел являлись настоящими «серыми кардиналами». Несомненно, кто бы ни был тот панегирист, который держал речь на церемонии коронации, он говорил о наступлении нового «золотого века», возвещенного вторым Ромулом. Действительность оказалась несколько иной, и Ромул, этот последний западноримский император, вошел в историю как Augustulus — «Августенок».

Тогда никто не мог допустить и мысли, что продолжавшаяся борьба за власть в Италии приведет к господству на полуострове внешних сил. В то время как обломки Западной империи находились под властью других держав, а остатки вооруженных сил в Италии были в большей или меньшей степени небоеспособны, какие еще осложнения в дальнейшем могли здесь возникнуть?

Когда в середине 460-х гг. рухнула гуннская империя, многочисленные мигранты германского происхождения, в особенности скиры, а также руги и другие, оказались в Италии и были завербованы Рицимером в качестве союзных войск. В первой половине 470-х гг. они оказали немало услуг военному командованию в Италии, и их предводитель Одоакр, происходивший из старинной королевской семьи скиров, стал весьма влиятельной фигурой в италийской политике. Сыграв решающую роль в ходе гражданской войны между Рицимером и Антемием, при Непоте он стал комитом доместиков (comes domesticorum) и, по-видимому, получил от него сан патриция*. По дороге в Италию Одоакр задержался в Норике, чтобы навестить Северина: святой сообщил ему, что тот станет знаменитым.

«Когда он прощался с ним, Северин снова ему сказал: "Иди в Италию, иди теперь, когда ты одет в жалкие шку-

---

* О звании комита доместиков см.: Procop. Bell. 5. 1. 6. О сане патриция см.: Malchus. fr. 14 (не упомянуто в PLRE, II, 791—793).

ры, скоро ты получишь возможность оделять многих богатыми дарами”»*.

К началу 470-х гг., как мы видели, главная проблема Римского государства заключалась в нехватке денег. Уже в 460-х гг. армия, дислоцированная в Италии, оставалась единственным крупным военным формированием в Западной Европе — думается мне, гораздо более крупным, нежели доходы одной Италии могли позволить содержать. И как только финансирование начало ухудшаться, войска (особенно скиры) стали выходить из повиновения. У Одоакра было достаточно воображения и рассудительности, чтобы он смог понять такую вещь: с войсками, которыми становилось все труднее управлять, пытаться установить еще один недолговечный режим означало напрасно терять время. В августе 476 г. он заручился достаточно серьезной поддержкой, чтобы начать действовать. Сначала он захватил в плен и убил Ореста (28 августа близ Плаценции), а затем — его брата Павла в Равенне (4 сентября). Теперь, став хозяином положения, как свидетельствует Прокопий, Одоакр приступил к решению самой главной проблемы. Поскольку об увеличении денежных выплат не могло быть и речи, следовало найти другой способ вознаграждения. В этой связи Одоакр начал делить между воинами некоторые из земельных владений в Италии: «Передав третью часть земли варварам и, таким образом, в высшей степени надежно обеспечив их верность, [Одоакр] прочно удерживал в своих руках верховную власть» (Bella. V. 1. 8). Как часто бывает, о том, что тогда происходило, мы знаем гораздо меньше, чем хотелось бы. Наделение землей осуществлялось римским сенатором по имени Либерий, хотя, безусловно, не вся Италия была вовлечена в этот процесс. Войска должны были находиться в стратегически важных районах полуострова, особенно на севере, чтобы охранять альпийские проходы и, возможно, побережье Адриатики, поскольку Непот все еще не был обезврежен и оставался в

* Vita St. Severini. 7. 1.

Далмации*. Неизвестно, пришлось ли Одоакру, как это было в Бургундии, отобрать у римских землевладельцев часть их поместий или же он сумел найти достаточно земли путем перезаключения договоров о долгосрочной аренде государственных земель, как поступил Аэций в интересах сенаторов, изгнанных из Проконсульской Африки Гейзерихом (см. гл. VI). Не подлежит сомнению, что в отличие от Бургундского королевства налогообложение в постримской Италии оставалось существенно важной частью управления, поэтому Одоакр, как и Эйрих, по-видимому, обладал большей свободой маневра и не нуждался в проведении крупномасштабных конфискаций частных поместий. Другими словами, он изыскал достаточно земли, для того чтобы не обмануть ожиданий своих приверженцев, — верный способ удержаться у власти в те неспокойные времена.

К осени 476 г. в целом концы сошлись с концами. Перемены, ставшие следствием прихода к власти Одоакра, подводили Италию к новому периоду политической стабильности, даже если никаких земельных раздач более не осуществлялось. Оставалась лишь одна проблема. На тот момент Италия все еще имела императора в лице Ромула Августула, однако Одоакр не был заинтересован в сохранении этого номинального правителя, который не контролировал никаких территорий за пределами Италийско-

* Это была дислокация войск, использованная остготом Теодорихом, который стал следующим правителем Италии после Одоакра (Heather, 1996, Ch. 7) с соответствующими ссылками. Гоффарт (Goffart, 1980, Ch. 3) высказал предположение, что в обоих случаях награды нашли свое выражение скорее в праве взимать налоги, нежели в земельных пожалованиях, однако это не так важно. Вся суть переворота заключалась в том, что Италия более не обеспечивала необходимого объема налоговых поступлений. После победы над Одоакром Теодорих, разумеется, занялся раздачей земель, вместе с тем сохранив часть прежней системы налогообложения (Barnish, 1986).

го полуострова. Опросив своих приверженцев в сенате, Одоакр принял решение. Делегация сената отправилась в Константинополь, где тогда царствовал преемник Льва, император Зенон, и «поставила на вид, что отныне нет нужды в разделении власти и что одного общего императора было вполне достаточно для обеих частей империи. Более того, эти люди заявили, что они остановили свой выбор на Одоакре, человеке выдающихся военных и государственных дарований, способном отстаивать их интересы, и что Зенон мог бы даровать ему звание патриция и доверить управление Италией» (Malch., fr. 2).

В выражениях, схожих с теми, что сопровождали начало Фолклендской войны в 1980-х гг., Зенону предлагалось довольствоваться суверенитетом над Италией в качестве римского императора, тогда как Одоакр сохранял реальную власть. На деле это означало лишь то, что, возведя Одоакра в ранг патриция, Зенон узаконил бы захват им власти; это был титул, который деятельные правители Италии, такие как Стилихон и Аэций, носили к тому моменту уже в течение большей части столетия. Зенон некоторое время колебался: только что прибыло посольство от Непота, просившего у него помощи, чтобы вернуть престол. Для Зенона это был случай задействовать всю мощь Востока в последней попытке восстановления Западной Римской империи. Он тщательно проанализировал ситуацию, после чего написал благосклонное послание Непоту. Заключение, к которому он пришел, было ясно всем и каждому. Западной империи более не существовало. В письме Зенона к Одоакру деликатно выражалась надежда, что тот вернет власть Непоту, но, что более важно, император обращался к Одоакру как к патрицию, отмечая, что он возвел бы его в этот ранг, однако в том не было нужды, поскольку Одоакр уже получил это звание при Непоте. Ответ казался двусмысленным, однако это было не так. На самом деле Зенон не был готов прибегнуть к силе ради Непота — он официально обращался к Одоакру как к правителю Италии.

Одоакр понял намек. Он сместил Ромула, выслав его (редкое в имперской политике проявление милосердия!) в одно из кампанских имений. После этого Одоакр отправил в Константинополь знаки власти западноримских императоров, включая, разумеется, диадему и мантию, которую имел право носить только император. Этот единовременный акт положил конец существованию полутысячелетней империи.

Глава десятая
ПАДЕНИЕ РИМА

В 476 г. Восточная Римская империя благополучно пережила гибель своей западной соседки и, по всем признакам, продолжала процветать на протяжении всего следующего столетия. При императоре Юстиниане I (527—565 гг.) она даже приступила к реализации экспансионистской программы завоеваний в Западном Средиземноморье — программы, которая сокрушила королевства вандалов и остготов в Северной Африке и Италии, а также отторгла у вестготов часть Южной Испании. Гиббон пришел к выводу, что Римская империя продолжала свое существование в Восточном Средиземноморье практически в течение тысячелетия, и связал ее падение с завоеванием турками Константинополя в 1453 г. Однако, на мой взгляд, появление в VII в. ислама повлекло за собой резкий разрыв с римской традицией в Восточном Средиземноморье. Оно лишило империю Юстиниана 3/4 ее доходов и привело к крупномасштабным переменам институционального и культурного характера. Несмотря на то что константинопольские владыки продолжали именовать себя «императорами римлян» еще долго после 700 г., в действительности они управляли тем, что лучше всего определяется не как некое продолжение Римской империи, а как совер-

шенно другое государство, пришедшее ей на смену*. Итак, по моему мнению, римская государственность в прямом смысле слова сохранялась в Восточном Средиземноморье более 150 лет после низложения Ромула Августула.

В течение этого периода в Западной Европе и в Северной Африке проживало немало людей, которые продолжали смотреть на себя (и другие смотрели на них) как на римлян. В 510—520-х гг. римляне (Romani) все еще фигурировали в качестве особой категории в официальных документах (в том числе и в сборниках законов) Вестготского, Остготского, Бургундского и Франкского королевств. В последние годы высказывались предположения, что это понятие было лишено своего подлинного смысла, но, укрепляя позиции суверенных королевств на бывших римских землях, оно фигурировало в связи с крупными земельными пожалованиями военным приверженцам (не римлянам!) новых королей. Означенный процесс превратил упомянутых приверженцев в наделенный немалыми привилегиями социальный слой во вновь возникших королевствах, тем самым придав новый смысл различиям между пришельцами и утратившими свои привилегии римскими землевладельцами. Со временем различия сошли на нет, однако этот процесс растянулся на несколько поколений**. Итак, после 476 г. мы все еще наблюдаем «истинных» римлян как на Востоке, так и на Западе. Что же, собственно говоря, изменилось?

---

* О сокращении налоговых поступлений см.: Hendy, 1985, p. 613—669; более общую картину изменений в VII в. см.: Whittow, 1996; Haldon, 1990.

** Наиболее экстравагантной из недавних попыток принизить значение групповой идентичности является попытка Эймори (Amory, 1997; см.: Amory, 1993). Впрочем, стоит обратить внимание на возражения, к примеру, Heather, 2003 или Innes (в печати). Римляне упоминаются в судебниках, происходящих из Вестготского, Бургундского и Франкского королевств, а также, как свидетельствуют «Variae» Кассиодора, из королевства остготов.

Развал римской централизации

Если чему-то и пришел конец в 476 г., так это всяким попыткам сохранить Римскую империю в качестве объединяющей, наднациональной политической структуры. Мы уже отмечали существенное различие между «римским» применительно к централизованному государству и «римским» по отношению к характерному укладу провинциальной жизни, существовавшему в его рамках. Римская государственность состояла, проще говоря, из политического центра (император, двор и бюрократия), системы налогообложения и профессиональной армии, чей военный потенциал фиксировал границы государства и защищал территорию, на которую простиралась римская власть. Не меньшим значением обладали созданные политическим центром правовые институты, которые формулировали права римских провинциальных землевладельцев и защищали их. В недрах этого социального слоя было выработано большинство тех культурных норм, которые сделали «римскость» выдающимся феноменом, тогда как присутствие магнатов в высших эшелонах бюрократии, при дворе и (до известной степени) в армейских рядах связало воедино имперский центр и многочисленные местные общины. После 476 г. все это сошло на нет. В то время как на Западе еще сохранялась значительная часть прежнего римского класса землевладельцев, причем их традиционный жизненный уклад оставался почти неизменным, ключевые институты римской имперской власти перестали существовать. Не осталось легитимной законодательной власти, не было централизованной системы налогообложения, благодаря которой финансировалась состоявшая под единым командованием профессиональная армия, да и политическая составляющая, заключавшаяся в бюрократии, армии и дворе, совершенно сошла на нет. Уцелевшие римские землевладельцы были озабочены отстаиванием собственных интересов при дворах вновь образованных коро-

22 — 27

левств и вовсе не помышляли о централизованных структурах единой империи. Провинциальная «римскость» сохранялась в некоторых областях на Западе и после 476 г., тогда как в центре римское начало ушло в прошлое.

Исчезновение институтов центральной имперской власти не везде произошло в один момент. По крайней мере в британских провинциях центральная римская власть окончательно прекратила свое существование в 410 г., тогда как определенный уровень провинциальной римской жизни сохранялся там, вероятно, на протяжении еще одного поколения, вплоть до 440-х гг. Североафриканские провинции (Проконсульская Африка, Бизацена и Нумидия) аналогичным образом отпали от империи в результате завоевания Карфагена вандалами в 439 г. Однако для большей части римского Запада конец наступил довольно стремительно. На момент прибытия императора Антемия из Константинополя в 467 г. Италия, почти вся Галлия, значительная часть Испании, Далмация и Норик все еще сохраняли политическую лояльность по отношению к центру. Одни области были более тесно связаны с Италией, чем другие, однако Антемия как правителя всерьез рассматривала обширная часть старой Западной империи, которая была почти такой же, что и 100 лет назад, во времена Валентиниана I. Спустя восемь лет связи распались, и Западная империя рассыпалась на множество независимых государств. Поскольку мне не хотелось бы включаться в давнюю игру по поиску одной-единственной даты исключительной важности, представляется важным рассмотреть фантастический калейдоскоп событий, свидетельствующих, как империя в течение неполных десяти лет из некой реальности превратилась в ничто. Иными словами, в действительности здесь имел место исторически важный процесс, кульминацией которого стало отстранение от власти в сентябре 476 г. последнего западноримского императора.

Более того, важнейшая идея этой книги заключается в том, что в процессе развала Западной Римской империи просматривается некая закономерность, которая связывает окончательный крах империи с более ранними утратами территорий. Эта закономерность вытекает из сочетания трех линий аргументации.

Во-первых, вторжения 376 г. и 405—408 гг. являлись вовсе не случайными событиями, а двумя симптомами кризиса, порожденного все той же революцией в сфере геополитики: речь идет о возникновении гуннской державы в Центральной и Восточной Европе. В целом представляется бесспорной точка зрения, что появление тервингов и грейтунгов на берегах Дуная летом 376 г. имело своей причиной нашествие гуннов. То, что они вызвали еще и вторую волну вторжений примерно одно поколение спустя — нападение Радагайса на Италию в 405—406 гг., переправа через Рейн вандалов, аланов и свевов в конце 406 г., а вскоре после этого и движение на запад бургундов, — иногда постулировалось, однако никогда не являлось общепринятым мнением. Более полная картина возникновения в Европе гуннской державы, нарисованная в V главе, представляет собой серьезный аргумент в пользу данной точки зрения. В 376 г. отнюдь не наблюдалось, как обычно утверждается, продвижения больших масс гуннов на запад вплоть до дунайской границы. Что же касается следующего десятилетия, то вовсе не гунны, а готы являлись главными врагами римлян в этом регионе, тогда как около 395 г. гунны в основном дислоцировались ближе к Кавказу*. Примерно к 420 г., в самые последние годы, а может быть, и в течение большей части предыдущего десятилетия, они в массе своей обосновались в самом сердце Центральной Европы, на Большой Венгерской равнине. Ни

* В этом году гунны предприняли крупномасштабное вторжение на территорию Римской империи, однако скорее к востоку, чем к западу от Черного моря (гл. IV).

один письменный источник не сообщает определенно, что гунны совершили это перемещение в 405—408 гг. и что это событие повлекло за собой вторую волну вторжений. Однако тот факт, что в 395 г. они все еще оставались близ Кавказа и что к 420 г. им пришлось бы каким-то образом переместиться на 1500 километров западнее, с большой долей вероятности свидетельствует о том, что события 405—408 гг. стали результатом второй стадии переселения гуннов. Итак, территориальный рост гуннской державы сам по себе является исчерпывающим объяснением 35-летнего периода непрестанных нападений на европейские границы Римской империи.

Во-вторых, приняв во внимание, что отрешение от власти Ромула Августула отделяет от последнего из этих вторжений около 65 лет, отметим два явления, тесно связанные между собой. Разнообразные кризисы, с которыми столкнулась Западная империя в те годы, представляли собой не более чем постепенно дававшие о себе знать политические последствия прежних вторжений. Ущерб, нанесенный западным римским провинциям перманентной борьбой с внешней агрессией, а также безвозвратные утраты территорий обусловили, как мы видели, ощутимое сокращение доходов имперской администрации. К примеру, вестготы между 408 и 410 г. причинили прилегающим к Риму областям столь тяжкий урон, что около 10 лет спустя эти земли все еще вносили в государственное казначейство лишь 1/7 своих прежних платежей. Аналогичным образом вандалы, аланы и свевы в течение пяти лет после 406 г. совершали опустошительные рейды по территории Галлии, еще до того как почти за два десятилетия большая часть Испании вышла из-под контроля со стороны центральной имперской власти. Хуже всего было то, что после этого вандалы и аланы перенесли свои операции в Северную Африку, захватив в 439 г. богатейшие провинции римского Запада. Каждая временная, как и безвозвратная, утрата территории означала сокращение имперских доходов,

этой животворной крови государства, и уменьшала возможности Западной империи по финансированию своих вооруженных сил. Из Notitia Dignitatum мы узнаем, что уже к 420 г. Флавий Констанций компенсировал потери полевой армии, понесенные в ходе ожесточенной борьбы в течение предшествующих 15 лет, за счет гарнизонных войск, а не благодаря новым воинским наборам. Потеря доходов, поступавших из Северной Африки, усугубила затруднения администрации Аэция, предпринявшей ряд отчаянных попыток удержать на плаву западноримскую армию и империю*.

Как только Римское государство утеряло былую мощь и осознание этого факта утвердилось в умах, провинциальные элиты римских землевладельцев, в разное время в разных областях, столкнулись с новой, неудобной для них ситуацией. Истощение жизнеспособности Римского государства угрожало всему, что делало этих людей тем, чем они были. Поскольку их благосостояние зависело от земли, даже самым упрямым и наиболее лояльным землевладельцам не оставалось ничего другого, как осознать наконец, что лучше всего на пользу их интересам послужило бы приспособление к той новой власти, которая господствовала в их местности. Если учесть, что империя просуществовала 450 лет, а Восток продолжал оказывать помощь Западу, неудивительно, что упомянутым разрушительным процессам потребовалось время, чтобы сделать свое дело. На старых имперских территориях многие, как, например, галльские приверженцы Атаульфа в 420-х гг. или Сидоний в 450-х гг., быстро пришли к соглашению с готами или бургундами как автономными племенными объединениями в рамках единого Римского государства, которое все еще сохраняло военную силу и политическое влияние. Однако сменилось два или три поколения, прежде чем стало ясно,

---

*О римской армии около 420 г. см. гл. V. О кризисе в сфере налогообложения и утрате Африки см. гл. VI.

что это было лишь переходное состояние и что эволюция римского Запада неуклонно шла в направлении создания полностью независимых Готского и Бургундского королевств.

Третий ряд аргументов касается той парадоксальной роли, которую сыграли гунны в этих революционных событиях. В 440-е гг., в эпоху Аттилы, гуннские полчища прокатились по Европе от Железных ворот Дуная до Константинополя, Парижа и самого Рима. Эти подвиги снискали Аттиле бессмертную славу, однако его славное десятилетие явилось не более чем интермедией в драме гибели Западной Римской империи. Гораздо более значимым было косвенное воздействие гуннов на Римскую империю в предшествующие десятилетия, когда нестабильность, созданная ими в Центральной и Восточной Европе, вынудила различные варварские племена пересекать римскую границу. Хотя Аттила время от времени наносил тяжкие поражения имперским войскам, он никогда не угрожал безвозвратным отчуждением значительной части налогоплательщиков Западной империи. С другой стороны, те племенные группы, которые пересекали границу в кризисные ситуации 376—378 гг. и 405—408 гг., добивались именно этого. В течение жизни одного поколения до воцарения Аттилы гунны даже поддерживали существование Западной империи, препятствуя дальнейшим переселениям на ее земли после 410 г. и особенно помогая Аэцию отражать наиболее опасные вторжения германских племенных объединений, уже перешедших через границу. Вторым существенным вкладом гуннов в дело развала империи фактически стал сам феномен их внезапного исчезновения после смерти Аттилы в 453 г. Это была та соломинка, которая сломала хребет Западной империи. Ей, лишенной военной поддержки со стороны гуннов, не оставалось ничего другого, кроме как создавать такие политические образования, которые включали бы в себя хотя бы некоторые из варварских племенных объединений. Это

обстоятельство повлекло за собой то роковое противостояние, в котором последние силы и средства, еще находившиеся в распоряжении Запада, были растрачены в бесплодных попытках собрать вокруг себя достаточное число сильных сторонников, чтобы обеспечить политическую стабильность. Однако к концу 460-х гг. самые амбициозные предводители варварских племенных объединений, особенно Эйрих, король вестготов, осознали: то, что называлось Западной Римской империей, теперь контролировало слишком небольшую территорию, чтобы помешать им основать собственные независимые королевства. Именно это обстоятельство и привело к стремительному распаду последних остатков империи между 468 и 476 г.

Одним словом, именно военные варварские объединения, участвовавшие в вооруженных конфликтах на римской территории, играли ключевую роль. Последовательность событий была такова: разные племенные союзы сначала пересекли границу, затем вынудили имперские власти заключить с ними договоры и в конечном счете отторгли от империи столь значительную территорию, что ее финансовые ресурсы иссякли. В 376 г. некоторым из числа первых готских племен было разрешено переправиться через Дунай в результате соглашения с императором Валентом, однако это оказалось возможным только из-за того, что его армия была все еще скована боевыми действиями на войне с персами. Иными словами, всем этапам этого процесса сопутствовало насилие, хотя оно и сопровождалось теми или иными дипломатическими соглашениями. Однако эти соглашения были не более чем признанием последних по времени территориальных приобретений, осуществленных благодаря применению силы, и вовсе не принадлежали к тому роду дипломатии, который влиял на развитие событий. Поэтому я придерживаюсь совершенно иного мнения, нежели тот автор, который так отозвался о событиях V в.: «То, что мы называем падением Римской империи, на деле было воображаемым процессом, кото-

рый слегка вышел из-под контроля»*. Как мне представляется, к такому выводу можно прийти лишь в том случае, если не давать себе труда замарать руки, обратившись к историческим источникам. Всякая попытка реконструкции событий V в. только убеждает нас в том, насколько насильственным был этот процесс. На мой взгляд, невозможно отрицать следующий факт: Западная Римская империя погибла из-за того, что на ее землях обосновалось слишком много варварских племенных объединений, которые расширяли свои владения вооруженным путем.

Процесс, погубивший Западную империю, принципиально отличался, к примеру, от того процесса, который привел к краху другую великую империю Европы — империю Каролингов — в конце IX в. В последнем случае имперский центр, даже после широкомасштабных завоеваний Карла Великого (768—814 гг.), не располагал ресурсами, достаточными для поддержания собственного существования долее, чем в течение двух или трех поколений. В частности, он никогда не обладал теми возможностями перераспределения доходов, которые на протяжении пяти веков поддерживали на плаву римскую государственность. Необходимость обеспечивать политическую поддержку на местах (то, что роднило империю Карла Великого с ее римской предшественницей) быстро довело государство Каролингов до кризиса. В течение менее чем столетия после его создания местные элиты весьма настойчиво стремились к собственной независимости от центра, причем иногда им даже не приходилось подкреплять силой свои притязания. В этом плане крах империи Каролингов отчасти схож с окончательным распадом Западной Римской империи после гибели экспедиции против вандалов в 468 г. Однако в целом этот процесс протекал совершенно иначе: не было крупномасштабных вторжений извне, и правители вновь образованных на месте империи Каролингов го-

* Goffart, 1980, p. 35.

сударств были в основном представителями местной знати, а вовсе не предводителями враждебных военно-политических образований. В сущности, государство Каролингов распалось прежде всего из-за того, что оно располагало незначительными ресурсами, а вовсе не потому, как было в случае с Западной Римской империей, что завоеватели лишили его вековой базы налогообложения*.

Местные очаги римской цивилизации

В то время как римское начало в центре сошло на нет, провинциальную «римскость» ожидали разные судьбы. Как мы видели, худший (с римской точки зрения) сценарий реализовался севернее — на Британских островах. Здесь мы не располагаем возможностью привлечь какой-либо связный письменный источник, когда же около 600 г. историческая традиция вновь возобновляется**, оказалось, что обращенный в христианство, романизованный, говоривший на латыни класс землевладельцев, еще около 400 г. преобладавший в Центральной и Южной Британии, ис-

---

* О распаде империи Каролингов см.: Reuter, 1985; 1990; см. разные очерки в Gibson and Nelson, 1981. Более общий обзор см.: Dunbabin, 1985, обзоры по регионам — в Hallam, 1980. Гоффарт начинал свой путь в науке как специалист по эпохе Каролингов, и я нередко удивлялся, что процессы распада империи Каролингов не оказывали слишком большого влияния на его концепцию падения Рима. Единственным исключением из «интерналистского» правила стало герцогство Нормандское, основанное викингом Роллоном, однако суть в том, что земельных пожалований такого рода не делалось вплоть до 911 г., когда процесс распада империи Каролингов в основном уже исчерпал себя.

** Прибытие христианской миссии, направленной в Кентербери папой Григорием I в 597 г., довольно точно определяет нижний хронологический рубеж оставленного Бедой Достопочтенным детального повествования об истории англосаксов.

чез. Вместе с ним исчезли типичные для его стиля жизни виллы, тогда как хозяйственное производство уменьшилось в объеме и деградировало. Население существенно сократилось, деньги вышли из обращения, городская жизнь пришла в упадок, а продукты производились главным образом не на продажу, а для собственного потребления. К примеру, позднеримская керамика в Британии производилась гончарами, распространявшими свою продукцию в радиусе около 40 километров вокруг нескольких центров керамического производства, таких как Оксфорд и Ипсуич. После 400 г. керамика производилась исключительно для нужд собственного потребления. Кроме того, старые имперские провинции Британии были поделены между мелкими королевствами (сначала их было, вероятно, двадцать или более), чьи границы в большинстве своем не имели ничего общего с политической географией римской Британии. Как именно все это произошло, является предметом дискуссии. В Викторианскую эпоху считалось, что англосаксонские завоеватели вытеснили все подвластное кельтское население римской Британии на запад, в Уэльс и Корнуэлл, а также за море, в Бретань. Более поздние источники зафиксировали немало местных уроженцев из числа бриттов, которые «стали» англосаксами точно так же, как прежде они становились римлянами. Как бы мы к этому ни относились, собственно римские обычаи и образ жизни в Южной Британии исчезли довольно быстро, после того как были порваны связи с остальным римским миром*.

---

*См. общие обзоры: Campbell, 1982, Ch. 2; Esmonde Cleary, 2002; Higham, 1992. Королевство Кент, возможно, сохраняло границы древнеримской civitas кантиев; вероятно, это справедливо также в отношении Линкольна и англосаксонского Линдсея. Однако в большинстве своем ранние англосаксонские королевства были гораздо меньше по размерам, чем древнеримские civitates, и, очевидно, являлись их наследниками лишь отчасти: см. очерки в Bassett, 1989.

Впрочем, британский катаклизм не был типичным. Что касается областей Северо-Восточной Галлии, в которых археологическая картина схожа с той, что наблюдается в Южной Британии, в них устоявшиеся формы провинциальной жизни вовсе не исчезли столь внезапно и полностью. В Галлии к югу от Луары, каковы бы ни были их первоначальные опасения, местные римские землевладельцы практиковали разнообразные формы сотрудничества с новой властью. Как мы видели в IX главе, существовала определенная цена, которую следовало уплатить. Находясь в зависимости от ряда факторов, не в последнюю очередь от наличия финансовых средств во вновь образованных королевствах, эти люди должны были поступиться большей или меньшей частью своей земли. В небольшом Бургундском королевстве, по-видимому, имели место более значительные конфискации, чем у его лучше обеспеченных соседей — вестготов, но, возможно, бургундские власти подсластили пилюлю, снизив налоги. Однако римские землевладельцы могли много чего предложить варварским правителям, и, как результат, администрация последних в целом старалась сохранить то неравномерное распределение собственности, которое являлось главным залогом существования класса землевладельцев. Поэтому к югу от Луары мы наблюдаем удивительно мало подвижек в социальном плане. Сидоний и его друзья пережили трудные времена, однако сохранили в своем распоряжении достаточно собственности, чтобы вернуть себе позиции в обществе. Аналогичным образом в Испании и Италии римский землевладельческий класс в целом пережил первый шок, вызванный падением империи. В то время как в занятой вандалами Африке захват Гейзерихом Карфагена сопровождался широкомасштабными конфискациями собственности в Проконсульской Африке, римских землевладельцев в двух других провинциях, подпавших под власть Гейзериха в 439 г., а именно в Бизацене и Нумидии, оставили в покое, и, поскольку к империи вандалов при-

соединялись другие территории, конфискации более не повторялись.

Итак, во многих областях местные очаги римской цивилизации сумели неплохо сохраниться. Католический клир, образованные миряне, виллы, города и более сложные формы хозяйственного производства и обмена — все это до известной степени продолжало существовать (везде, кроме Британии) наряду с классом землевладельцев. В результате на большей части территорий старого римского Запада распаду государственных форм и структур сопутствовало сохранение римской провинциальной жизни*.

Впрочем, даже если судить по ситуации в Южной Галлии, местный образ жизни на постримском Западе вовсе не оставался все тем же «римским». Подробное изложение всего того, что произошло в этих провинциях после падения Рима, является темой другой книги, однако, для того чтобы во всех красках представить себе падение Западной Римской империи, важно отметить некий существенный момент. Одна из многочисленных дискуссий, связанных с проблемой гибели империи, посвящена вопросу о том, какое значение следует придавать тем политическим переменам, которые имели место на протяжении V в. Являлся ли крах римской государственности действительно судьбоносным событием в истории Западной Евразии, или же он представлял собой всего лишь поверхностное явление, гораздо менее важное, чем более глубокие процессы (такие как возрастание роли христианства), которые протекали, не будучи существенно затронуты событиями, связанными с крушением империи? Традиционная историография не сомневалась в том, что 476 год обозначил (по крайней мере в Западной Европе) водораздел между античностью и Средневековьем. В последнее время постулат о том, что

* Историки порой спорят, следует ли рассматривать гибель империи как процесс разрушения или эволюции. Чаще всего, чтобы разрешить эту мнимую дилемму, следует выяснить, о чем конкретно идет речь в каждом отдельном случае.

гибель Римской империи отметила начало резкого упадка, породил несколько более детальных концепций, которые гораздо теснее связаны с историческими реалиями. Как мы видели, не было никакого внезапного и повсеместного переворота, и этот факт заставил вновь обратить внимание и на теорию преемственности, и на представление о том, что лучший способ понять ход исторического развития в поздне- и постримском периодах состоит в том, чтобы рассматривать его с точки зрения органичной эволюции, а не катаклизма*.

У меня нет никаких сомнений в том, что эти новые историографические установки в целом представляют собой закономерную реакцию на прежние исторические догмы, и я не разделяю мнения (которое берет начало, безусловно, от самих римлян), будто, поскольку Римская империя представляла собой более высокий уровень общественного развития, после того как он сошел на нет, единственно возможным путем дальнейшего развития был упадок. Однако согласиться с недооценкой исторической значимости гибели Западной Римской империи, на мой взгляд, тоже было бы ошибкой. Безусловно, это было уже обветшавшее здание. Занимавшее столь обширную территорию при наличии слабо развитых путей сообщения и малоэффективной бюрократии, оно едва ли могло быть иным. Коррупция царила повсюду, о законах вспоминали лишь от случая к случаю, и значительный объем властных полномочий сохранялся у местных общин. Тем не менее, поскольку это было многовековое унитарное государство, ему удалось, порой коренным образом, изменить те установки, в соответствии с которыми протекала жизнь на местах. Оз-

---

*Типичным для традиционного подхода можно считать название работы Фрэнка Уолбанка, опубликованной в 1969 г.: «Грандиозная революция». Новые веяния отчетливо проявились в названии, которое было присвоено проекту Европейского научного фонда, посвященному той же тематике: «Трансформация римского мира».

наченный феномен проявился прежде всего в разнообразных процессах, которые (не вполне справедливо) именуются «романизацией». Для того чтобы воспользоваться теми выгодами, которые несла с собой империя, провинциальным элитам требовалось получить римское гражданство. Простейший способ осуществить это заключался в том, чтобы добиться для своего родного города прав латинского гражданства и занять в нем высокий пост. Таким образом, переход к данному типу городской жизни сопровождал установление римского господства. Кроме того, вы были обязаны говорить на «правильной» латыни (поэтому изучение латинской литературы тоже широко распространилось) и показывать всем, что вы приобщились к ценностям классической цивилизации. Общественные сооружения, в которых можно было вместе с равными себе вести эту самую «цивилизованную жизнь» (базилики, термы и т.д.), а также представленный на виллах стиль «домашней» архитектуры были конкретными проявлениями этого римского взгляда на вещи. В то же самое время Pax Romana принес с собой такой важнейший позитивный фактор, как мир, положив начало тому взаимодействию между разными регионами, которое породило множество новых экономических возможностей.

В значительной степени то, что называют романизацией, вовсе не было процессом, направляемым «сверху» государственной властью. Скорее она представляла собой результат частных «ответов» покоренных элит на непреложный факт существования империи, поскольку они старались приспособиться к новым условиям римского господства, тяготевшего над ними. Впрочем, существенной стороной дела было то, что, в то время как эти элиты меняли свой быт, чтобы принять участие в той жизни, которую им предлагало Римское государство, их безопасность обеспечивали имперские войска. Таким образом, римский образ жизни на местах был неразрывно связан с самим фактом существования империи.

Взаимовыгодная природа таких отношений очевидна. Как мы видели, в значительной мере бремя, ставшее результатом стремления Римского государства в III в. существенно повысить уровень налогообложения в провинциях, легло на старые городские советы. Чаще всего именно в этих советах медленно угасали традиционные формы римской провинциальной политической жизни. Вы тратили деньги для занятия той или иной должности, приобретая друзей и сближаясь с людьми, чья поддержка в свое время обеспечила бы ваш приход к власти и контроль над провинциальными финансами. В результате перераспределения этих доходов произошла полная смена приоритетов, и провинциальные элиты не замедлили на это отреагировать: так, в середине III в. почти совершенно исчезают надписи, свидетельствующие о щедрых актах благотворительности, благодаря которым в прежние времена отдельные лица делали карьеру. К IV в. от должностей в городских советах отказываются ради постов в системе имперской бюрократии, которая отныне стала новым средством достижения власти на местах. Как только имперский центр изменил свою политику, местные римские элиты, в свою очередь, изменили тактику, причем зачастую, особенно в долгосрочной перспективе, совершенно непредвиденным образом.

Слишком многое в провинциальной жизни зависело от политической ситуации и состояния культуры в империи, чтобы их можно было обойти вниманием. Возьмем, к примеру, образование. Филологическое образование, ставшее неотъемлемым признаком позднеримских элит — латинской на Западе, греческой на Востоке, — доставалось недешево. Оно требовало почти целого десятилетия интенсивных занятий с грамматиком, и лишь представители класса землевладельцев могли позволить себе вложить столь значительные средства в обучение своих детей. Как мы уже отмечали, они шли на это, поскольку правильное латинское (или греческое) произношение тотчас же выде-

ляло человека из общей массы как «цивилизованного». Кроме того, оно было необходимо чаще всего для личного продвижения в чинах. В большинстве своем новые чиновники вышли из недр прежних городских советов, т.е. из числа куриалов, для которых классическое образование оставалось de rigueur*.

Однако на постримском Западе парадигма карьерного роста представителей элит начала претерпевать изменения. В новых условиях речь шла скорее о воинской службе у одного из королей, нежели о продвижении по бюрократической лестнице в качестве основной возможности сделать карьеру для большинства представителей светских элит, даже в тех областях, где римское землевладение сохранялось и после 476 г. и где преобладала «южногалльская модель». В результате затратное филологическое образование перестало быть необходимым. Потомки как римских, так и варварских элит на деле продолжали хранить древние традиции. Редко кто из франкских или вестготских королей попадал в анналы истории благодаря своей любви к латинской поэзии. Когда «настоящий» латинский поэт по имени Венанций Фортунат прибыл ко двору из Италии, он привел в восхищение придворных сановников как римского, так и франкского происхождения. Этот субъект уже к ужину сделал карьеру благодаря своему пению, а на десерт все получили его сольное выступление, состоявшее из исполнения изящных куплетов. Если оставить за скобками этот эпизод, никто из сановников более не заботился о получении полноценного римского образования. Эти люди обучали своих детей чтению и письму, однако их цели стали более скромными. В результате к

* В период расцвета империи эта форма образования была нацелена на обучение искусных публичных ораторов, которые блистали в городских советах. В эпоху поздней империи классическая латынь (и до известной степени греческий) стала языком имперской бюрократии и той новой чиновной иерархии, которая пришла на смену городским советам.

600 г. письменность была доступна почти исключительно клирикам, в то время как представители светской элиты все более тяготели к тому, чтобы довольствоваться лишь умением читать, в частности Библию; они более не рассматривали владение пером в качестве важной составляющей своего имиджа. Именно Римское государство, опять-таки не вполне осознанно, создавало и обеспечивало те условия, в которых достаточно широкое распространение светской образованности являлось неотъемлемым признаком элитарности, тогда как с исчезновением этого государства появились новые критерии образованности*.

Нечто подобное можно сказать и в отношении христианства. Христианизация, во-первых, средиземноморских стран и, во-вторых, более обширных областей Центральной, Восточной и Северной Европы в I тысячелетии иногда рассматривается как та трансформация, на которой падение Рима в целом никак не отразилось. Отчасти это мнение справедливо, однако оно может ввести в заблуждение. Христианская религия всегда развивалась (особенно в отношении церковных институтов) в соответствии с условиями того времени. Как мы видели в третьей главе, романизация христианства явилась важным историческим фактором в процессе христианизации империи. Благодаря императору Константину и его преемникам созываемые с начала IV в. под эгидой императора церковные соборы смогли выработать большинство догматов веры. Кроме того, Церковь выстроила совершенно особую иерархию епископов, архиепископов и патриархов; географическое расположение их резиденций во многом отражало имперскую административную структуру с ее местными и региональными центрами. Да и римские императоры-христиане ни на йоту не отступали от того самого притязания, кото-

* По теме в целом см.: Heather, 1994. О Венанции см.: George, 1992. Свидетельства на этот счет, собранные со всей бывшей территории римской Европы, обобщены в работе Riché, 1975.

рое выдвигали их предшественники-язычники, а именно, что власть им вручало божество — они просто переосмысливали это божество как христианского Бога. Поэтому, как им казалось, они имели полное право вступать в отношения с Церковью на всех уровнях. На деле они так и поступали, созывая соборы, издавая нормативные акты и вмешиваясь в назначение старших клириков.

Христианство, как оно развивалось внутри имперских структур, таким образом, очень сильно отличалось от того, каким оно было до обращения Константина, и исчезновение Римского государства опять-таки оказало на него очень серьезное воздействие. Прежде всего границы новых королевств в некоторых случаях не совпадали с границами позднеримского административного деления. Таким образом, епископы порой оказывались в одном королевстве, тогда как архиепископы — в другом. Один за другим архиепископы Арля (он находился на территории Вестготского королевства, однако его церковная юрисдикция простиралась на земли бургундов) попадали в опалу у своих королей, которые, питая подозрения в связи с их контактами по ту сторону границы, лишали архиепископов их постов. Кроме того, имели место перемены в интеллектуальной сфере. В римском обществе авторитетные миряне, которые были образованны не хуже (если не лучше), чем клирики, нередко принимали участие в диспутах о вере. Однако по мере того как широкая образованность сходила на нет, миряне в скором времени оказались не в состоянии этим заниматься, поэтому интеллектуальное пространство раннесредневековой Церкви стало исключительно клерикальным. Этого не случилось бы, если бы миряне оставались столь же образованными, как и клирики. Не менее важно и то, что короли на постримском пространстве унаследовали от своих предшественников притязания на авторитет в вопросах веры и присваивали себе право назначать епископов и созывать соборы. Результатом всего этого стало то, что христианство в те времена существова-

ло в рамках неких образований, которые Питер Браун назвал «христианскими микрокосмами». Единой Церкви не существовало; более того, границы постримских королевств обусловили появление региональных церковных организаций, и эти общины на территории разных королевств практически не нуждались друг в друге*.

Прежде всего возвышение средневекового папства как высшего авторитета для всего западного христианства невозможно себе представить без разрушения Римской империи. В Средние века папы стали играть в Церкви многие из тех ролей, которые римские императоры-христиане считали своей прерогативой, как то: издание нормативных актов, созыв соборов и осуществление (или инициирование) назначений на высокие должности. Если бы на Западе по-прежнему правили римские императоры, невозможно себе представить, чтобы папы сумели отхватить себе столько суверенитета. На Востоке, где все еще правили императоры, сменявшиеся один за другим патриархи Константинопольские, чей правовой и административный статус соответствовал статусу римских пап, считали для себя невозможным поступать иначе, нежели как покорные слуги императоров. Назначаемые по воле императора, они постепенно превратились в имперских чиновников, всецело покорных императорским повелениям**.

Слагаемые краха

Формулируя свою собственную позицию по поводу причин краха Западной Римской империи, я понял, что вступил в противоречие с одной из старейших исторических традиций — по крайней мере в британской историо-

* Эти изменения исследованы в работе Брауна (Brown, 1996).

** О восточной Церкви см.: Hussey, 1990; см. специальные исследования, в частности: Alexander, 1958.

графии. Так, Эдуард Гиббон подчеркивал значение внутренних факторов:

«Упадок Рима был естественным и неизбежным следствием чрезмерного величия. Процветание стало причиной кризиса; предпосылки распада умножались по мере увеличения масштабов завоеваний, и, как только время или военные поражения расшатали искусственные опоры, изумительное сооружение рухнуло под тяжестью собственного веса».

Гиббон приступил к исследованию там, где его завершил Полибий. Как и большинство античных историков, Полибий рассматривал личные добродетели или пороки в качестве основной движущей силы исторического процесса. По его мнению, Римская республика достигла величия благодаря добродетели своих политических лидеров и вступила в полосу упадка, когда порожденные победами излишества привели к нравственной деградации их потомков. Полибий писал свою «Историю» во II в. до н.э., задолго до того, как империя достигла своих максимальных размеров, не говоря уже о начале процесса утраты территорий. Заимствовав у него основную линию аргументации, Гиббон, обратившийся к феномену христианства, рассматривал его главным образом как источник материала для повествования об утратах. По его мнению, новая религия посеяла в империи семена раздора посредством диспутов о вере, поощряла отказ общественных деятелей от участия в политической жизни и уход в монахи, наконец, исповедуя учение о непротивлении злу, она способствовала деградации римской военной машины*.

В пользу этой концепции можно привести кое-какие доводы, однако есть один контраргумент, который низводит ее до положения не более чем примечания на полях. Любое мнение о причинах падения Западной Римской империи в V в. должно в полной мере учитывать тот факт,

* Gibbon, 1897, p. 160 ff. (цит. по с. 161).

что Восточная империя не только сумела выжить, но и достигла известного процветания в VI в. Все те проблемы, с которыми столкнулась Западная империя, в равной (если не в большей) степени относятся и к Восточной. В частности, римский Восток был в большей мере христианским и более склонен к богословским спорам. Кроме того, на Востоке существовала та же самая система управления и аналогичный тип хозяйства. Тем не менее Восточная империя уцелела, тогда как Западная пала. Один этот факт делает весьма сомнительным предположение, будто позднеримской имперской системе был присущ настолько серьезный врожденный порок, что она была обречена на слом под давлением собственного веса. Если же вы зададитесь целью выявить те различия между Востоком и Западом, которые могли бы объяснить их разные судьбы, то первое, что сразу же приходит на ум, — это особенности географического положения. Богатейшие провинции Востока, протянувшиеся чередой от Малой Азии до Египта, Константинополь вполне эффективно оборонял от варварских нашествий с севера и с востока, в то время как Западной империи приходилось защищать границу по Рейну и Дунаю почти на всей ее протяженности, и мы видели, с какими опасностями была сопряжена эта защита.

Оба приведенных соображения еще прежде были высказаны такими исследователями, как Н.Г. Бейнз и А.Х.М. Джонс*; однако в то время, когда работал Джонс, — сорок лет назад, — как мне представляется, в любом исследовании, посвященном краху Западной Римской империи, было принято фокусировать внимание на тематике варварских вторжений. По двум причинам. Во-первых, единственным фактором, который, по мнению Джонса, сыграл сколько-нибудь заметную роль в том, что исторические судьбы Востока и Запада разошлись, было их далеко не равнозначное экономическое положение. По его мнению,

* Baynes, 1943; Jones, 1964, Ch. 25.

непомерное налоговое бремя нанесло тяжкий вред позднеримской экономике. Той доли урожая, которая оставалась у крестьян, было совершенно недостаточно для прокормления их самих вместе с их семьями, так что имел место постоянный, хотя и не бросавшийся в глаза, процесс разорения крестьян и сокращения сельскохозяйственного производства. Этот процесс, как считал исследователь, был особенно ярко выражен на Западе*. Взгляд Джонса на позднеримскую экономику основывался главным образом на письменных (прежде всего правовых) источниках. Когда он писал это, французский археолог Жорж Чаленко опубликовал отчет о своих сенсационных раскопках некогда процветавших позднеримских деревень на известняковых холмах сразу за Антиохией (см. гл. III). Так что когда Джонс создавал свои труды, раскопки деревень, как мы уже видели в III главе, полностью изменили наш взгляд на позднеримскую экономику. Мы знаем, что в IV в. налоги, безусловно, не были настолько высоки, чтобы подорвать крестьянское хозяйство. На Западе, как и на Востоке, период поздней империи был временем подъема сельского хозяйства, без малейших признаков более или менее крупномасштабного разорения крестьянства. Безусловно, Восток мог быть более богатым, чем Запад, однако до начала V в. на территории Римской империи не было никакого сколько-нибудь серьезного экономического кризиса. Аналогичным образом представление о том, что оба кризиса на границе, 376—380 гг. и 405—408 гг., также имели чисто внешние причины, наряду с детальной реконструк-

---

*Сверхобложение, с точки зрения Джонса, было обусловлено главным образом необходимостью содержать достаточно многочисленную армию, чтобы противостоять варварам и Персии; таким образом, и этот фактор, хотя и косвенным образом, возник благодаря варварам; впрочем, Джонс, кроме того, отметил «праздные уста» новой имперской бюрократии (в большей степени, нежели Церкви, как считал Гиббон) в качестве еще одного источника издержек (Jones, 1964, Ch. 25).

цией хода событий, относящихся к распаду империи в 405—476 гг., отводят пришедшим извне варварам главную роль в истории гибели Западной Римской империи.

Если учесть все это, ни один серьезный историк не станет утверждать, что Западная империя пала исключительно из-за внутренних затруднений или же, напротив, исключительно по причине ударов извне. В настоящем исследовании акцент сделан преимущественно на последнем факторе, поскольку, с моей точки зрения, неверную оценку получило возникновение в Европе Гуннской державы и, наряду с ним, тесная связь между появлением гуннов и детронизацией Ромула Августула. Впрочем, для того чтобы глубже понять характер воздействия инициированных гуннами вторжений на самые устои римской имперской системы, попытаемся еще раз бросить взгляд на участников этих вторжений.

В конце IV—V в. вторжения на территорию империи осуществлялись довольно значительными силами. Находящиеся в нашем распоряжении античные источники, которые освещают события столетия (376—476 гг.), не дают нам никаких точных данных о численности варварских племенных союзов, вовлеченных в этот процесс, не говоря уже об оценке той геополитической угрозы, которую они собой представляли. Как полагает кое-кто из исследователей, сведения источников на сей счет настолько скудны, что даже попытка оценить численность этих племенных союзов является делом бесперспективным. Это суждение вполне справедливо, однако некоторые из наших наиболее информативных источников предоставляют нам правдоподобные сведения, которые дают по крайней мере порядок величин для части племенных союзов, а иногда и косвенные способы оценки их численности. Ниже изложены мои выкладки, сделанные с учетом тех указаний, о которых я сказал.

Тервинги и грейтунги, появившиеся на северном берегу Дуная в 376 г., вполне могли выставить в поле примерно

по 10 тысяч воинов. Полчища Радагайса, которые вторглись в Италию в 405—406 гг., по численности скорее всего превышали силы каждого из этих племенных союзов в отдельности: по-видимому, речь здесь должна идти о 20 тысячах человек. Взятые вместе, эти цифры в целом соответствуют сообщениям о том, что, когда Аларих объединил все три контингента, он смог мобилизовать свыше 30 тысяч бойцов*. Когда вандалы и аланы переправились в Северную Африку, их совокупная военная мощь, вероятно, составляла что-то около 15—20 тысяч воинов — правда, после тяжелых боев и без учета численности свевов. Таким образом, в целом перешедшие через Рейн в 406 г. варварские полчища могли насчитывать свыше 30 тысяч бойцов. Численность бургундов, которые вышли к Рейну в 410 г., установить сложнее. Когда этот племенной союз сопоставляли с вестготами образца 450-х гг., ему всегда отводили второе место; следовательно, военная мощь бургундов должна была быть меньше и составляла, возможно, что-то вроде 15 тысяч или более воинов, однако это было уже после страшного поражения, понесенного ими от гуннов в 430-х гг.**. Кроме того, мы просто не знаем, сколько скиров, ругов и герулов во главе с Одоакром влились в ряды римской армии в Италии в 460-х гг., когда развалилась гуннская держава. Несомненно, их численность измерялась тысячами (возможно, до 10 тысяч человек). Итак, по самым приблизительным подсчетам, основные силы варваров на Западе могли насчитывать до 40 тысяч готов (имеются в виду две волны вторжения — 376 г. и 405—406 гг.), 30 тысяч человек, переправившихся через Рейн, вероятно, 15 тысяч бургундов и еще 10 тысяч воинов, бежавших из пределов гибнувшей державы Аттилы. К этой цифре (95 тысяч бойцов) следует прибавить также всех тех, кто был представ-

---

* О тервингах и грейтунгах см. гл. IV, о Радагайсе и Аларихе — гл. V.

** О пересекших Рейн варварах см. гл. V, о бургундах — там же.

лен самыми разными менее значительными племенными союзами, в особенности аланов, которые не последовали за Гейзерихом в Африку, и, кроме того, полчища франков, которые с середины 460-х гг. играли чрезвычайно важную роль в политической жизни Галлии. Хотя после 476 г. франки довольно быстро стали достаточно могущественными, чтобы бороться с вестготами за господство над Галлией, в событиях, которые привели к низложению Ромула Августула, приняли активное участие, возможно, не более 10—15 тысяч франков. Итак, из всего этого следует, что около 110—120 тысяч вооруженных варваров сыграли некую роль в разрушении Западной Римской империи*.

С одной стороны, изучение письменных источников не оставляет места сомнениям в том, что центробежные силы, вызванные к жизни вторжениями извне, к концу V в. раздробили Западную Римскую империю на целый ряд вновь образованных королевств. С другой, каждый из этих племенных союзов насчитывал всего лишь несколько десятков (не сотен!) тысяч бойцов. На первый взгляд этот порядок цифр вовсе не свидетельствует о подавляющем превосходстве в силах, особенно если вспомнить, что даже по наиболее скромным подсчетам численность римской армии к 375 г. оценивается в 300 тысяч человек, а некоторые увеличивают это число вдвое. В известном смысле античная нарративная традиция подтверждает оценки такого рода. Западная Римская империя не погибла в результате одного массированного нашествия, что впоследствии произошло, например, с Китайской империей, разгромленной монголами. Изначально варвары-переселенцы располагали достаточной военной силой, для того чтобы создать на территории империи свои анклавы, однако последующая экспансия, приведшая к возникновению неза-

*Я ничего не пишу о вторжении в Британию англосаксов, поскольку оно не стало непосредственной причиной отпадения британских провинций.

висимых королевств, представляла собой весьма длительный процесс: сменились два, а то и три поколения, прежде чем мощь Римского государства окончательно сошла на нет. Другой аргумент в этой связи заключается в том, что даже в совокупности варвары, обрушившиеся на империю в V в., не были столь многочисленны, чтобы сокрушить какую бы то ни было державу из тех, что можно себе представить, — державу, имевшую в своем распоряжении людские и любые другие ресурсы на всей территории от Адрианова вала до Атласских гор. Они сумели низвергнуть Западную Римскую империю из состояния относительной стабильности во мрак небытия лишь благодаря тому, что в известном смысле их разрушительная деятельность наложилась на присущие римской имперской системе пороки в военной, экономической и политической сферах, — пороки, ставшие результатом полутысячелетней эволюции самой системы.

Прежде всего обратимся к военному потенциалу империи. Инициированные гуннами вторжения должны рассматриваться в связи с обретением в III в. Сасанидской Персией статуса сверхдержавы. Как мы видели во II главе, экспансию Персии Риму в конечном счете удалось приостановить. Тем не менее это не означало ослабления Персидской державы. Даже после того как к 300 г. на восточной границе была восстановлена стабильность, римляне не могли позволить себе ослабить здесь свой воинский контингент, так что свыше 40 процентов войск Восточной империи (20—25 процентов от общей численности вооруженных сил Востока и Запада) должны были постоянно дислоцироваться на персидской границе. Таким образом, кризис конца IV в. на европейских границах империи лег тяжким бременем на всю имперскую военную машину, которая и без того уже подвергалась суровым испытаниям.

Значительная часть того, что осталось от римской армии, как и раньше, представляла собой пограничные войска (limitanei), которые, в сущности, предназначались для

отражения мелких случайных нападений на границу. То обстоятельство, что все они имели иное предназначение, а некоторым из них недоставало выучки и вооружения, сделало эти войска малоэффективными в противостоянии с заранее отмобилизованными полчищами гуннов. В целом же военный потенциал варваров, вторгавшихся на территорию империи, следует оценивать в сопоставлении не со всеми имперскими вооруженными силами в их совокупности, поскольку многие подразделения были предназначены для выполнения совершенно других задач, а лишь с полевыми армиями Запада. Последние были сосредоточены главным образом в Галлии, Италии и Западном Иллирике; к 420 г. они состояли из 181 подразделения (на бумаге эти подразделения насчитывали свыше 90 тысяч человек). В начале кризиса западноримская полевая армия состояла, по-видимому, не более чем из 160 подразделений (т.е. свыше 80 тысяч человек). В сравнении с этими силами численность варварских полчищ начинает выявляться гораздо отчетливее, так что нетрудно понять, почему им в конечном счете удалось взять верх. Будучи далеко не слабейшей стороной, они, по-видимому, обладали (кроме всего прочего) весьма значительным численным превосходством над имперскими войсками. Поначалу это обстоятельство не было столь очевидным вследствие отсутствия у варваров политического единства, однако в течение V в. их многочисленность мало-помалу дала себя знать.

Если численность варварских полчищ, вторгавшихся на территорию империи, со временем стала настолько велика, что они оказались в состоянии преодолеть сопротивление тех контингентов римских войск, которые могли быть им противопоставлены на их пути, почему имперские власти просто не выставили больше войск? Ответ на этот вопрос лежит в сфере пределов экономических возможностей империи. Как мы видели, позднеримское сельское хозяйство в IV в., можно сказать, переживало подъем; однако не было заметно признаков быстрого или резкого

роста производства. Во многих провинциях доходность сельского хозяйства достигла в то время своих максимальных показателей. Так что едва ли к 400 г. оставались еще какие-то дополнительные ресурсы, за счет которых можно было бы увеличить численность войск, — и это после того, как столетием раньше резко возросло налогообложение, что было обусловлено необходимостью сформировать новые войска, которых требовала война с персами. Кроме того, получение империей ее доходов было отчасти лимитировано возможностями бюрократического аппарата и готовностью местных элит платить, однако мало что свидетельствует о сколько-нибудь значительных конфликтах с налогоплательщиками вплоть до 440-х гг., когда Аэцию пришлось урезать налоговые льготы после потери Северной Африки. Наиболее веской причиной уменьшения налоговых поступлений, как нам представляется, стала экономика, едва державшаяся на плаву.

В то же время отрицательные факторы политического свойства со своей стороны имеют прямое отношение к истории падения Западной Римской империи. Сравнительно простая по сути политическая сделка, как мы уже видели, связывала воедино римскую метрополию и провинции. Взамен налоговых платежей государственная машина, военная и гражданская, защищала сравнительно немногочисленный класс землевладельцев от внешних и внутренних врагов. Поскольку его преобладание зиждилось на землевладении, данный слой населения был весьма уязвим. Эти люди не могли бесстрастно наблюдать за тем, как имперский центр мало-помалу утрачивает способность гарантировать их безопасность, так что едва ли можно удивляться тому, что они пытались заручиться расположением верхушки расширявшихся варварских держав. Данный деструктивный фактор, существовавший внутри самой системы, сыграл важную роль, обусловив те формы, которые принял крах империи на старых римских

территориях в Центральной и Южной Галлии, а также в Испании.

Еще один негативный фактор политического свойства связан с дипломатией на самом высоком уровне. Вследствие огромных размеров империи, а также ее прежних достижений в деле романизации провинциальных элит позднеримские правящие режимы столкнулись с перманентным давлением со стороны местных группировок с их собственными интересами, причем все эти группировки тянули в разных направлениях. К IV в. оказалось, что верховную власть необходимо поделить между несколькими императорами, однако не существовало ни одного проверенного и надежного рецепта, чтобы сделать это достаточно эффективно; в этом смысле все политические режимы в империи являли собой пример импровизации. В центре власть можно было делить по-разному, например, между двумя или более императорами; либо управлять посредством марионеточных императоров, которых «водили на помочах» влиятельные лица вроде Аэция или Стилихона. Периоды политической стабильности протяженностью в одно или даже два десятилетия могли иметь место, однако обнаруживали тенденцию к тому, чтобы перемежаться периодами жестокой борьбы, зачастую перераставшей в гражданскую войну. Нестабильность в центре предоставляла варварам прекрасные возможности преследовать свои собственные интересы.

Итак, следует отдать должное значению внутренних деструктивных факторов, однако всякий, кто полагает, что они сыграли главную роль в падении империи и что варвары являлись не более чем внешним раздражителем, всего лишь ускорившим разрушительный процесс, должен внятно объяснить, каким образом здание империи рухнуло в отсутствие массированного военного натиска извне. Мне представляется, что сделать это весьма непросто. И дело вовсе не в том, что поздняя империя представляла собой совершенную политическую систему. Еще до

нашествия варваров ей были присущи многочисленные центробежные тенденции, а некоторые из отдаленных областей были гораздо слабее интегрированы в ее структуры, нежели древние регионы Средиземноморья. В особенности Британия проявила ярко выраженную склонность организовывать антиправительственные политические выступления; ей уподобилась (если судить по количеству отмеченных здесь мятежей) Северо-Западная Галлия (Арморика). Примечательно, чем сопровождались эти выступления. Прежде всего они вспыхивали только тогда, когда в центре имела место политическая нестабильность; в случае с Британией имперским властям достаточно было направить туда сравнительно небольшой экспедиционный корпус, чтобы вернуть провинцию в лоно империи. В 368 г. военачальник Феодосий, отец будущего императора, выполнил эту задачу всего лишь с четырьмя легионами (Amm. Marc. XXVII. 8). Таким образом, для того чтобы империя распалась сама по себе, местные общины в большинстве своем должны были одновременно восстать, причем каждая из них сковала бы достаточно римских войск, чтобы центр оказался не в состоянии подавить все эти мятежи поочередно.

Ход событий, аналогичный тому, который взорвал западную половину мира Каролингов в IX в., невозможно себе представить в IV в., именно из-за того, что Римская империя по целому ряду признаков коренным образом отличалась от империи Каролингов. В последней вооруженные силы состояли из местных землевладельцев, возглавлявших отряды своих вассалов, тогда как в распоряжении Римской империи находилась профессиональная армия. Когда местные сепаратисты отпадали от империи Каролингов, у них под рукой уже были готовые к бою формирования. Напротив, римские землевладельцы не располагали военными отрядами, поэтому им приходилось немало потрудиться, чтобы на подвластных им землях сколотить

достаточные контингенты для защиты самих себя от злоупотреблений со стороны центральных властей.

Итак, для того чтобы оказался возможен распад изнутри, не только Британия, но и Северная Галлия, Испания и Северная Африка должны были одновременно отпасть, в то время как нет ни одного указания на то, что в недрах поздней империи зрел взрыв сепаратизма в подобных масштабах. На мой взгляд, вместо того чтобы вести речь о внутренних проблемах Римской империи, предопределивших крах позднеримской имперской системы, имеет смысл поговорить о деструктивных факторах — военного, экономического и политического характера, — не позволивших Западу справиться с тем кризисом, с которым он столкнулся в V в. Все эти факторы внутреннего свойства явились необходимой предпосылкой, но отнюдь не достаточно веской причиной краха империи. Если исключить варваров, нет ни единого признака того, что Западная Римская империя прекратила свое существование в V в.

Удар извне

Завершая предпринятое мной исследование гибели римского Запада, я хотел бы осветить еще одну, заключительную, концептуальную линию. Удар извне, о котором уже говорилось выше, состоял из двух компонентов: это нашествие гуннов, с которого все началось, и главным образом германские племенные союзы, которые воспользовались благоприятным моментом и своими вторжениями в конечном счете пустили ко дну государственный корабль Западной Римской империи. Насколько я представляю себе, не установлено такой основательной причины, которая могла вынудить гуннов вторгнуться в земли к северу от Черного моря в тот самый момент, когда они это сделали. В античную и средневековую эпохи Великая евразийская

степь время от времени извергала из себя волны переселенцев, весьма мощные в военном отношении. Иногда они устремлялись на восток, в сторону Китая, иногда — на запад, по направлению к Европе. Динамика этого движения все еще недостаточно нам ясна, чтобы можно было сформировать четкое представление о неких определяющих причинах общего характера, которые могли бы объяснить, почему эти волны возникали тогда, когда они возникали, или о том, имела ли вообще каждая из них свое собственное и в целом индивидуальное объяснение. В случае с гуннами нам остается лишь наметить несколько возможных объяснений. Они лежат в диапазоне от экологических (степи высыхали и все менее были пригодны для выпаса скота) до социально-политических перемен и чисто военного аспекта (использование гуннами более мощного лука). Однако на деле мы точно так же не можем объяснить, почему гунны двинулись на запад в конце IV в., как и то, почему сарматы поступили аналогичным образом на рубеже старой и новой эр*.

Тем не менее гунны представляли собой лишь часть проблемы. Более насущной и опасной составляющей «гуннского кризиса» стали по преимуществу германские племенные объединения, которые преодолели имперскую границу двумя большими волнами — в 376—380 гг. и 405—408 гг. Поскольку к тому, что касается гуннов, нам более нечего добавить, обратим наше внимание на взаимодействие между кочевником-степняком и германцем-земледельцем, ибо его результаты с точки зрения более широкой исторической перспективы были совершенно уникальны. В I в. кочевые сарматские племена, подобно гуннам, вторглись в область, прилегавшую к восточной оконечности

* Некоторые из более поздних нашествий кочевников (в частности, аваров в VI в.) лучше освещены в источниках; эти кочевники бежали от западных тюрок (см., например, Pohl, 1988. Для первого ознакомления с историей кочевников евразийских степей см.: Sinor, 1977; Khazanov, 1984).

Карпат, где осели германцы, занимавшиеся земледелием; в конечном счете часть этих сарматов, как и впоследствии гунны, переселилась на Большую Венгерскую равнину. Впрочем, этим сходство исчерпывается; нашествие сарматов не повлекло за собой грандиозных последствий, хотя бы отдаленно напоминающих исход готов, вандалов, аланов и других, обрушившихся на земли империи около четырех столетий спустя*. Почему так?

Возможное объяснение этого феномена заключается в той трансформации германского мира, которая произошла между I и IV в. Как мы видели во второй главе, Германия I в. представляла собой совокупность множества мелких, враждовавших между собой политических объединений, чья поголовная бедность была такова, что римляне не считали эти общности достойными того, чтобы их завоевывать. В это время германцы были в состоянии создавать как небольшие отряды для набегов, так и мощные оборонительные союзы, которые могли с успехом устраивать засады римским войскам, блуждавшим по лесам, как поступил Арминий с легионами Вара в 9 г. Однако в Германии не существовало политической структуры, способной противостоять римской военной мощи и дипломатическим ухищрениям в ходе продолжительного открытого конфликта. К тому времени, когда появились гунны, многое изменилось. Экономический рывок, прежде всего в области сельского хозяйства, но, кроме того, также и кое-где в сфере ремесленного производства породил рост населения и новых богачей. Углубилось социальное расслоение, а господствующую роль в обществе стал играть класс свободных людей, состоявший из наследственных магнатов и их дружин. Эти перемены в жизни общества получили свое наивысшее вы-

---

* Письменные и археологические источники свидетельствуют о том, что затронутые нашествием племенные союзы, в которых преобладали германцы (например, бастарны), были покорены или рассеяны (Shchukin, 1989, pt 1, Chs 7—9; pt 2, Chs 7—8).

ражение в виде более прочных политических структур. К IV в. объединения алеманнов и готов существовали в числе прочих как зависимые государственные образования на окраинах римского мира. В большинстве своем лояльные, тем не менее они, когда считали необходимым, могли предпринять шаги вразрез с теми обязательствами, которые налагала на них имперская администрация.

Как только германские племена, спасаясь от нашествия гуннов, хлынули на римские земли, этот длительный процесс общественно-политического взаимодействия вступил в новую фазу. Одна из наиболее существенных (и неоднократно упомянутых на страницах этой книги), но вместе с тем лежащих на поверхности идей относительно хода событий в V в. заключается в том, что все самые значительные государства, возникшие на руинах Западной Римской империи, образовались благодаря военной мощи вновь созданных варварских объединений, появившихся в ходе всех этих событий. Племенной союз вестготов, в 410-х гг. осевших в Аквитании, вовсе не был изначально частью готского сообщества, но являлся новым образованием. До появления гуннов на границах Европы вестготов не существовало, и пусть устаревшие карты варварских вторжений не убеждают вас в обратном. Племенной союз вестготов возник в результате объединения тервингов и грейтунгов, которые вышли к Дунаю в 376 г., с остатками полчищ Радагайса, вторгшихся в Италию в 405—406 гг. Воля Алариха сплотила воедино представителей всех трех группировок, создав новое и гораздо более многочисленное образование, чем любое из тех, что когда-либо возникали в недрах готского мира*. Аналогичным образом ван-

* Как мы уже видели, наша арифметика немногим надежнее предположений; тем не менее союзы тервингов и грейтунгов могли насчитывать свыше 10 тысяч воинов каждый, тогда как войско Радагайса, вероятно, было вдвое сильнее. Вновь возникшее объединение должно было насчитывать более 30 тысяч бойцов. Подробнее см.: Heather, 1991, pt 2.

далы, которые в 439 г. завоевали Карфаген, также являлись новым политическим объединением. В данном случае новый племенной союз возник на волне всего лишь одного миграционного потока, состоявшего из тех полчищ, которые пересекли Рейн в конце 406 г. Изначально они включали в себя временное объединение двух вандальских племен — хасдингов и силингов, некоторое количество аланских племен (главные силы группировки) и, наконец, свевов, чей племенной союз, по-видимому, появился в результате возобновления союзных отношений между некоторыми из германских племен на Среднем Дунае. Под натиском со стороны римлян и готов в середине 410-х гг. возникло новое объединение: силинги и разрозненные аланские племена добровольно присоединились к хасдингам, которые играли в новом союзе доминирующую роль.

Впоследствии возникновение королевства франков в Галлии стало возможным исключительно благодаря сходной перегруппировке среди франкских племен. Франки нечасто фигурировали в нашем повествовании о падении Римской империи, главным образом потому, что они явились скорее результатом, нежели причиной этого процесса. Они выступали серьезной силой на римской почве лишь с середины 460-х гг.; к тому времени римская власть в Северной Галлии уже пошатнулась. То, что объединение франков было непосредственно связано с крахом Римской империи, недоказуемо, но весьма правдоподобно. В IV в. римская политика по отношению к соседям франков на юге, в приграничном регионе на Рейне, а именно к алеманнам, была отчасти направлена на предотвращение возникновения опасных в военном отношении политических конфедераций. Если сказанное справедливо в отношении франков, то для политического объединения франкских племен должны были наступить значительно более благоприятные условия, когда римское господство в регионе пришло в упадок. Факт заключается в том, что франкское войско, которое Хлодвиг использовал после 480 г. для создания единого

Галльского королевства от Гаронны до Ла-Манша, было создано в результате объединения по меньшей мере 6 отдельных воинских формирований. К войску, унаследованному от своего отца, Хильдерика, Хлодвиг присоединил формирования Сигиберта (и его сына Хлодерика), Харариха, Рагнахара и Рикхара (братьев, но, по-видимому, со своими собственными дружинами), а также Ригномера*. Аналогичным образом остготы, которые в 493 г. низложили Одоакра, чтобы создать последнее по времени государство на руинах Западной Римской империи, также представляли собой недавнее политическое образование. Теодорих Амал, первый остготский король Италии, завершил процесс, начатый его дядей Валамером. В 450-е гг. Валамер объединил ряд готских вооруженных формирований (подобно Хлодвигу у франков), чтобы создать одно из королевств, пришедших на смену гуннской державе в районе Среднего Подунавья. На этом этапе группировка насчитывала свыше 10 тысяч человек или около того. В 480-е гг. Теодорих объединил это войско с другим, более или менее равной численности: речь идет о фракийских готах, прежде расселившихся на востоке Балканского полуострова. Именно это объединение впоследствии завоевало Италию**.

* Римская политика в отношении алеманнов (см. гл. II) напоминает нечто вроде тех превентивных мер, которые были приняты против франкских племенных объединений, как об этом сообщает Григорий Турский в своей «Истории» (II. 9). Последующая централизация при Хлодвиге освещается Григорием Турским (Hist. II. 40—42). Исходя из контекста можно заключить, что историк относит это объединение ко времени после 507 г., однако у нас имеются веские основания полагать, что процессы завоевания и централизации протекали параллельно в период между 482 и 507 г.

** Подробнее см.: Heather, 1991, pt 3. Единственным вновь возникшим королевством, которое, насколько нам известно, не являлось результатом грандиозной политической перестройки, было королевство бургундов. Это была держава второго разряда,

Стоит бросить более пристальный взгляд на процесс создания более крупных и сплоченных объединений, на основе которых возникли новые королевства. Во всех этих случаях объединение проходило в условиях хаоса династического соперничества. С одной стороны, означенный процесс был инициирован военными предводителями, которые с легкостью убивали друг друга. В особенности Хлодвиг, как кажется, испытывал удовольствие от приятного для него звука боевого топора, раскраивающего череп, и личная кровная месть, разумеется, получила широкое распространение. С другой стороны, хотя обычай убивать друг друга всегда был принят в среде германских военных вождей, никогда прежде он не становился причиной столь важных перемен в жизни германского общества. Дело в том, что не менее важным, чем личные притязания вождей, было настроение воинов, являвшихся свидетелями драмы. Рассказ Григория Турского об объединении франков Хлодвигом обращает наше внимание на тот факт, что почти после каждого убийства подданные погибшего вождя изъявляли готовность признать власть Хлодвига. Безусловно, у них был выбор. То же самое относится ко всем остальным политическим объединениям. Племенной союз вестготов был создан не только по воле Алариха, но и по желанию большей части тервингов и грейтунгов, а

которой удавалось сохранять свою независимость только до тех пор, пока она могла играть на противоречиях между франками и остготами, и подпала под власть франков, когда в результате завоевания Юстинианом Италии было ликвидировано Остготское королевство. Здесь есть два варианта (оба вполне вероятные, насколько позволяют судить находящиеся в нашем распоряжении разрозненные данные источников). Либо в V в. за созданием Бургундского королевства не стояло серьезной политической перестройки, чем можно объяснить его относительно небольшой военный потенциал, либо перемены имели место, но не в таких масштабах, как те, что привели к образованию других королевств.

также разбитых приверженцев Радагайса, изъявивших готовность встать под знамена Алариха. Объединение вандалов, как мы видели, возникло в тот момент, когда силинги и аланы решили связать свою судьбу с хасдингами, тогда как племенной союз остготов образовался благодаря тому позитивному резонансу, который произвели личные успехи, достигнутые на протяжении двух поколений Валамером и Теодорихом. В некоторых из этих случаев нам известны немногие вожди, которые отказывались вливаться в новые объединения. Итак, вместо того чтобы фокусировать наше внимание исключительно на соперничестве германских вождей, следует обратиться к проблеме выбора, сделанного свободными общинниками, чьи настроения обратили традиционное соперничество предводителей в процесс политического объединения*.

Из доступных нам источников мы знаем, что Римская империя в двух отношениях сыграла в означенном процессе роковую роль. Во-первых, являясь самой мощной военной державой своего времени, она на протяжении веков совершенствовала испытанные и надежные методы ограничения прав и свобод даже тех мигрантов, которых она охотно принимала. Столкнувшись лицом к лицу с этой державной мощью, сочетавшейся с имперской парадигмой общества, якобы превосходившего все остальные, многие из мигрантов, недавно обосновавшихся в пределах империи, вскоре осознали, что существуют очень веские причины для объединения сил (каковы бы ни были в дальнейшем результаты их дробления). Тервинги и грейтунги объединились еще летом 376 г., когда Валент попытался их

*О классе свободных общинников см. гл. II. Многие из тех, кто, как нам известно, вышел из состава племенных объединений, были потерпевшими неудачу претендентами на лидерство, как, например, вестготы Модар, Фравитта и Сар. Среди фракийских готов, которые предпочли остаться на востоке, нежели последовать за предводителем остготов Теодорихом в Италию, были Беса и Годисдикл (Procop. Bella. I. 8. 3).

разделить, чтобы властвовать над ними, допустив в пределы империи одних лишь тервингов. Те из людей Радагайса, что были проданы в рабство вскоре после его разгрома или видели истребление своих жен и детей в италийских городах после убийства Стилихона, в скором времени сочли за благо для себя пойти под знамена Алариха. Именно после серьезных поражений силинги и аланы объединились с хасдингами — прежде всего для того, чтобы оказать более эффективное сопротивление военным экспедициям, организованным против них Констанцием. Сходным образом возникновение остготского союза было ускорено драматическими событиями лета 478 г., когда император Зенон попытался натравить Теодориха Амала на фракийских готов. Император уверял, будто он намерен передать в распоряжение Теодориха значительный воинский контингент, чтобы помочь ему справиться с его соперниками, тогда как в действительности он стремился к тому, чтобы два готских объединения причинили друг другу серьезный ущерб, прежде чем он направит имперскую армию с целью их добить. В конечном счете, несмотря на взаимную неприязнь между предводителями обоих объединений, рядовые воины в массе своей отказались сражаться, прекрасно осознавая перспективу взаимного уничтожения, уготованную им Зеноном*.

Во-вторых, Римская империя обладала мощным механизмом, позволявшим перераспределять налоговые поступления. Этим обстоятельством воспользовались готы и другие варвары, которые вынуждали империю (более или менее осознанно) признавать их в качестве союзников или же отрывали от нее куски в виде доходных земель (городов с округой), чтобы обеспечить себе уровень доходов, недоступный вне пределов империи. Несмотря на все свои до-

---

*О людях Радагайса см.: Oros. VII. 37. 17 sq. (обращение в рабство); Zosim. V. 35. 5—6 (резня). О вандалах и аланах см.: Hydat. Chron. 67—68. Об остготах см.: Malch., frr. 15; 18. 1—4, а также Heather, 1991, Ch. 8.

стижения в области экономики, германский мир IV в. оставался относительно бедным по сравнению с империей. Как мы видели в VII главе, золото в относительном изобилии появляется в германских погребениях лишь со времен Аттилы, который изымал его у римлян в беспрецедентных количествах. Отважным мигрантам Римская империя, представлявшая собой угрозу самому их существованию, вместе с тем предоставляла редкую возможность обогащения. Когда дело дошло до насильственной экспроприации чужого добра, варварские объединения, которые могли мобилизовать крупные вооруженные формирования, вновь получили отличный шанс достигнуть желаемого. Страх и предвкушение поживы сочетались в разных долях, однако, так или иначе, оба этих ощущения толкали всех варваров к объединению. Таково было истинное положение вещей, при котором, как только гунны вынудили крупные массы варварских племен пересечь границы империи, Римское государство стало их главным врагом. Его военная мощь и финансовая система стимулировали тот процесс, в результате которого толпы варваров превратились в сплоченные объединения, сумевшие создать свои королевства на территории Римского государства.

Это соображение, я полагаю, также можно развить и далее. Если бы гунны появились в I в., а не в IV в. и вынудили бы те германские племена, которые тогда существовали, перейти границу Римской империи, результат был бы совершенно иным. Из-за более скромных размеров своих политических объединений в I в. слишком многие из них оказались бы вовлечены в исключительно сложный процесс перемен, чтобы сделать создание крупных союзов вообще возможным. Три или четыре, может быть, полдюжины племенных союзов, которые лежали в основе каждого из крупных объединений V в., располагали вполне достаточными возможностями, чтобы мобилизо-

вать войско в составе 20—30 тысяч воинов (вероятно, это был тот минимум, который гарантировал политическое выживание на длительном временном этапе). Для того чтобы собрать такое войско в том же регионе в I в., пришлось бы объединить, вероятно, около дюжины соперничавших между собой племенных союзов, что должно было породить огромную политическую проблему. Вот почему, как мне кажется, вторжения сарматов в I в. произвели гораздо меньший эффект, нежели нашествие гуннов 300 лет спустя.

Таким образом, изменения, происшедшие в германском сообществе между I и IV в., становятся решающим фактором в истории падения Западной Римской империи. Но чем они были вызваны? Как и почему это общество изменилось столь радикально?

Относительно внутренних перемен, происходивших в недрах германского общества на протяжении этих столетий, наши источники (разумеется, исключительно римские) ограничиваются лишь намеками. Тацит в I в. и Аммиан Марцеллин в IV в. сообщают об ожесточенных столкновениях, происходивших между разными германскими племенами в условиях римского невмешательства, и нет оснований считать это явлением исключительным. В действительности, на мой взгляд, ключевую роль в развитии событий сыграли отношения между германским миром и Римской империей — отношения на многих уровнях, из которых кое-какие уже были нами затронуты. Даже если воздержаться от сравнения двух этих миров по существу — не будем забывать о том, что римляне пользовались центральным отоплением, однако не видели ничего предосудительного в скармливании человеческих жертв диким зверям на потеху толпе, — германский мир можно охарактеризовать как сравнительно примитивное общество, находившееся на периферии другого, более сложного. Тесная географическая близость столь несопоставимых

общностей с неизбежностью вызвала те самые изменения, которые мы наблюдали в германском мире.

Наиболее очевидные связи между двумя этими общностями — связи, которые привлекли к себе повышенное внимание археологов, — лежали в сфере экономики, и свидетельства широкого хозяйственного обмена между германскими общинами и Римской империей впечатляют. Высококачественные изделия римского ремесла с самого начала данного периода постоянно встречаются в богатых захоронениях в глубине германского мира, вдали от приграничной зоны. В самой приграничной зоне, в полосе шириной около 200 километров, выполненные римскими ремесленниками предметы широкого потребления стали неотъемлемой частью повседневной жизни. В свою очередь, Римская империя, как сообщают письменные источники, получала немалое количество сырья из приграничной области. Как-то раз в IV в. император Юлиан воспользовался соглашением с побежденными им варварами, чтобы получить от нескольких алеманнских общин лес, продовольствие и людей (как рабов, так и рекрутов для своей армии); в иных ситуациях подобные поставки и повинности оплачивались. В течение столетий римские пограничные гарнизоны являлись центрами потребления той продукции, которую производили соседние германские общины. Недолговечные предметы германского экспорта археологически не прослеживаются, однако германский мир, безусловно, производил достаточно много того, что находило спрос. Например, из Германии шел обильный поток рабов на продажу. Еще в I в. соседи Рима на Рейне использовали римские серебряные монеты в качестве средства обмена, и даже когда 300 лет спустя отношения между империей и тервингами были менее тесными, пункты торговли продолжали функционировать. Кроме того, нам известно, что обычным делом была такая практика: люди с той стороны границы нанимались на службу в римскую армию, а впоследствии возвращались

на родину с теми деньгами, которые выплачивались им после отставки*.

Экономика германского мира на рубеже старой и новой эр характеризовалась главным образом как натуральное хозяйство. Результат последующих четырех столетий товарообмена по большому счету был двояким. Во-первых, материальные ценности в новых формах и в беспрецедентных количествах хлынули в Германию с этой стороны римской границы. Экономические связи с Римом обеспечивали неслыханную выгоду для всех, начиная от работорговцев и заканчивая земледельцами, поставлявшими продовольствие римским гарнизонным войскам. В результате денег впервые оказалось достаточно, для того чтобы реально изменить характер богатства. Во-вторых, более существенным, нежели сам по себе фактор богатства, стало то, что новый характер товарообмена привел к социально-политическим переменам, поскольку отдельные племена соперничали друг с другом за право контроля над новыми денежными потоками, которые потекли через границу. В 50 г. Ванний, король маркоманнов, чье королевство было расположено в Подунавье, там, где сейчас находится Чешская республика, был изгнан в результате дерзкой акции, осуществленной неким племенным союзом, мигрировавшим с территории Центральной и Северной Польши. Как повествует Тацит**, эти варвары двинулись на юг, претендуя на часть тех доходов от торговли, которые Ванний скопил за 30 лет своего царствования. Как и во времена мафии и сухого закона, предстояла борьба за новый финансовый поток, вплоть до того момента, когда все аргументы были приведены и все заинтересованные стороны согласились с тем, что распределение доходов на том этапе отражало сло-

---

* О соглашениях, заключенных Юлианом, см.: Amm. Marc. XVII. 1. 12—13; 10. 3—4; 8—9; XVIII. 2. 5—6; 19. Данные об экономических связях собраны и проанализированы, например, в работе Hedeager, 1978. О тервингах см. гл. 11.

** Tac. Ann. XII. 25.

жившуюся расстановку сил. В целом мы, конечно же, ничего не знаем о том, как функционировали коммерческие каналы и кто принимал в этом участие с германской стороны, поскольку среди германцев не было образованных людей. Тем не менее за последние годы польские археологи, изучающие северные участки Янтарного Пути, по которому в римский период этот полудрагоценный камень доставлялся с берегов Балтики в мастерские Средиземноморья, обнаружили целый ряд гатей и мостов. Радиоуглеродный и дендрохронологический методы датировки позволяют отнести их к первым столетиям новой эры и свидетельствуют о том, что они эксплуатировались в течение более чем 200 лет. Кто-то на территории Северной Польши получал достаточно приличные деньги в качестве своей доли доходов от торговли янтарем, чтобы немало об этом позаботиться. Существует также довольно остроумное предположение, что основные денежные суммы зарабатывались вовсе не теми, кто рубил лес и укладывал плахи в трясину. Организация и контроль за товарообменом естественным образом привели к углублению социальной дифференциации, поскольку отдельные племена в германском сообществе пытались овладеть этими доходами*.

Военные и дипломатические контакты подталкивали германское общество в том же направлении. В течение первых двадцати лет I в. легионы Рима пытались покорить его новых восточных и северных соседей. Политика империи в этом отношении была откровенно грабительской, на что германцы отвечали вполне предсказуемым образом. Первую мощную политическую коалицию в регионе Рейна, о которой мы знаем, создал Арминий для борьбы с римской экспансией. Эта коалиция одержала крупную победу над легионами Вара, однако затем распалась. Как мы видели во II главе, в течение трех последующих столетий политика Рима в отношении тех его германских соседей, которые жили в пределах приблизительно 100 километров

* О северных участках Янтарного Пути см.: Urbanczyk, 1997.

от границы, включала в себя силовые акции (в среднем одну на протяжении жизни одного поколения), которые создавали основу для мирных соглашений на период между военными конфликтами. Иными словами, четыре раза за столетие римские легионы вторгались в глубь этой территории, громя все и всех, кто оказывал им сопротивление. В этой связи вряд ли может удивлять то, что мы видим здесь повсеместную враждебность по отношению к римлянам. Началось с того, что готское племя тервингов отказалось принять христианство из рук императора Констанция II и в течение трех лет под руководством Атанариха вело успешную борьбу с целью избавиться от обязательства посылать воинские контингенты в римскую армию для войны с Персией. У нас есть все основания полагать, что стремление противодействовать худшим проявлениям римского империализма было самым тесным образом связано с процессом становления более мощных племенных объединений (что было характерно для IV в.), которые, в свою очередь, сделали возможным появление новых варварских коалиций, сложившихся в V в. на территории Римской империи. Разумеется, агрессия не носила одностороннего характера. Богатая пожива ожидала того, кто оказывался в состоянии организовать успешный набег на земли по ту сторону границы (провинции, находившиеся в приграничной зоне, в экономическом плане, как правило, развивались быстрее, чем их германские соседи). Этот момент явился еще одним стимулом к созданию политических объединений, поскольку, если говорить в целом, чем многочисленнее отряд, который совершает набег, тем больше у него шансов на успех. Между тем, как мы знаем, подобные набеги были частью римско-германских отношений на протяжении всего имперского периода. За 24 года (354—378 гг.), которые освещены в труде Аммиана Марцеллина, алеманны прорывали границу на Рейне не менее 14 раз. На мой взгляд, нельзя считать случайным то обстоятельство, что алеманнские конунги IV в., такие как

Хнодомар, которого император Юлиан разгромил в битве при Страсбурге в 357 г., были не прочь перейти границу с целью устроить грабительский набег. Богатство и слава, достававшиеся в результате деятельности такого рода, являлись неотъемлемой частью поддержания их реноме. Таким образом, шла ли речь об отражении римской агрессии или о том, чтобы урвать кусок от римского благосостояния, создание коалиции было эффективным способом добиться успеха. Внутренние подвижки, обусловленные как положительными, так и негативными аспектами римско-германских отношений, привели к тому, что германское сообщество выросло вширь и стало более сплоченным. Были ли новые коалиции, возникшие в Западной Германии в начале III в., порождены в первую очередь страхом или предвкушением поживы, не подлежит сомнению то, что военную мощь и материальные богатства Римской империи все они имели в виду.

Как только появились эти более мощные коалиции, римская дипломатия стала всячески стимулировать данный процесс. Испытанная и надежная тактика заключалась в том, чтобы сделать ставку на лидера, готового оказать реальное содействие в поддержании мира, а затем стараться укрепить его господство над подвластными ему племенами путем оказания целенаправленной помощи извне, чаще всего наряду с предоставлением торговых привилегий. Ежегодные субсидии были характерной чертой римской внешней политики с первых веков новой эры. Однако в такого рода отношениях всегда присутствовала некая двойственность; «прикормленным» правителям приходилось отвечать ожиданиям как собственных подданных, так и новоявленных имперских покровителей. Не одного конунга алеманнов подданные заставили выбирать: либо присоединиться к восстанию Хнодомара, либо лишиться власти*. Разумеется, те предводители, которым

*Например, Amm. Marc. XVI. 12. 17; из общих работ см.: Klöse, 1934 о субсидиях.

удавалось воспользоваться римской щедростью, получали больше возможностей расширить круг своих подданных.

Сыграло свою роль и римское вооружение. Неясно, каким образом велась торговля оружием, однако в датских кладах, обнаруженных в болотной трясине, найдено больше римского вооружения, чем где бы то ни было в Европе*. Отсюда следует однозначный вывод: данный тип изделий римского производства нашел себе применение в ходе локального конфликта довольно далеко от границы. Получив контроль над новыми источниками материальных ресурсов и с успехом осуществляя грабительские набеги, добившись легализации и других выгод от империи, а также овладев первоклассным римским вооружением, германский династ нового поколения отныне мог позволить себе расширять свое господство уже не столь мирными средствами. Его помыслы были отчасти направлены в сторону Рима, однако жесткое соперничество между германскими племенами также должно было сыграть свою роль в создании более мощных политических объединений в рамках германского мира. В частности, Аммиан Марцеллин сообщает о том, что бургунды изъявили готовность напасть на алеманнов, если им за это заплатят, а также о том, что один выдающийся предводитель алеманнов, Макриан, нашел свой конец на землях франков, когда очередной рецидив локальной агрессии закончился неудачей (Amm. Marc. XXX. 3. 7). На протяжении нескольких веков подобных конфликтов произошло несметное множество. Таким образом, следует иметь в виду, что по ту сторону границы Римской империи происходило огромное количество непредсказуемых событий, представлявших собой своеобразную реакцию местных племен на те опасности и возможности, на которые так щедра к ним была повседневная жизнь. Когда тот процесс консолидации племен и племенных союзов, который в течение столь длительного

* Ørsnes, 1968.

времени проходил по ту сторону римских рубежей, дополнился внешним потрясением, каковым стало нашествие гуннов, возникли те самые объединения, которым предстояло разорвать на части Западную Римскую империю.

Такова, по моему мнению, тенденция, внутренне присущая той модели господства, которую создают империи, — тенденция порождать обратную реакцию, благодаря которой подданные в конечном счете оказывались в состоянии избавиться от своих оков*. Итак, Римская империя сама посеяла семена своей грядущей гибели, причем речь идет не о внутренних проблемах, которые углублялись в течение веков, и не о тех, что возникли недавно, а о последствиях отношений империи с германским миром. Подобно тому как Сасаниды сумели реорганизовать ближневосточное общество, с тем чтобы освободиться от римского господства, германское сообщество делало то же самое на Западе, когда его столкновение с гуннской державой ускорило этот процесс гораздо сильнее, нежели могло быть в иных условиях. Западная Римская империя пала вовсе не под тяжестью собственного «изумительного сооружения», но из-за того, что ее германские соседи оказали этой державе такое противодействие, которое римляне никогда не смогли бы предвидеть. В целом такой вот замечательный итог. Вследствие своей беспредельной агрессивности римский империализм в конечном счете явился причиной собственного краха.

---

*То, о чем я здесь вскользь упоминаю и что получит свое дальнейшее развитие в другом исследовании (Heather, в печати), это модель «центр — периферия», модель протекания различных процессов вокруг границ Римского мира. Для предварительного ознакомления с этой концепцией см.: Rowlands et al., 1987; Champion, 1989. На мой взгляд, было бы полезно дополнить эти аналитические работы солидным приложением практического свойства (см., например, Prakash et al., 1994). Соседи Рима вовсе не являлись пассивной стороной перед лицом римской политической активности, но энергично отвечали на римские вызовы в соответствии со своими собственными интересами.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август — первый римский император (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.). Получил этот титул в соответствии с постановлением сената в 27 г. до н.э. Он стал наследником Юлия Цезаря и вскоре после его убийства быстро взял бразды правления в свои руки* (между 44 и 27 г. до н.э. он обычно известен под своим собственным именем — Октавиан)**.

Авзоний — преподаватель риторики университета в Бордо, который стал учителем юного императора Грациана в 360-х гг., а затем, особенно в годы правления Грациана (с 375 г.), приобрел огромное влияние при дворе. Корреспондент Симмаха и автор поэмы «Мозелла», которая отчасти была ответом на позицию последнего в отношении пограничной рейнской области, где тот побывал в 369—370 гг.

Акациры — кочевое племя, захватившее земли в Северном Причерноморье и попавшее под власть Аттилы в

---

* Весьма вольное толкование событий — будущий принцепс лишь пытался прибрать власть к рукам, но ему долго приходилось делиться ею с Антонием и в меньшей степени с Лепидом (второй триумвират). — *Примеч. пер.*

** Под этим именем он известен преимущественно в историографии, ибо сам он именовал себя только Цезарем, чтобы не напоминать лишний раз о прежнем, менее звучном имени. — *Примеч. пер.*

440-х гг. Если говорить об их политической структуре, то во главе акациров стояла группа царьков. Их порядки напоминают порядки гуннов до того переворота, который привел к власти династию Руа и Аттилы.

Аланы — общее наименование для группы ираноязычных кочевых племен, захвативших земли в Северном Причерноморье и Западном Подонье в IV в. В ходе кризиса, порожденного появлением гуннов, некоторые из них были быстро завоеваны гуннами и стали частью их империи вплоть до смерти Аттилы. Другие бежали на запад, на римскую территорию, и влились в состав римских военных структур. Большая группа алан участвовала в переходе через Рейн в 406 г. и после тяжелых поражений, понесенных в конце 410-х гг., присоединилась к вандальско-аланской конфедерации, которая двинулась в Северную Африку и захватила Карфаген.

Аларих — король (вест)готов. Предводитель вспыхнувшего в 395 г. восстания тервингов и грейтунгов, которые вторглись на территорию империи в 376 г. и в 382 г. заключили договор с императором Феодосием I. Создал новое мощное объединение, слив эти племена с уцелевшими после нападения на Италию в 406 г. людьми Радагайса. Увел готов с Балкан на запад в поисках политического компромисса с Римским государством. Аларих скончался после разграбления Рима, имевшего место в 410 г., но до того, как удалось достичь длительного соглашения.

Алатей — наряду с Сафраксом вождь готов-грейтунгов, которые пересекли Дунай в 376 г. Исчезает из источников — вероятно, ко времени заключения договора в 382 г. скончался.

Алеманны — конфедерация германоязычных племен, захвативших земли напротив нижнерейнского участка границы Римской империи в IV в. Несколько королей правили ими одновременно, каждый своим округом, передавали власть по наследству, но в каждом поколении правителей появлялся свой ненаследственный верховный вождь.

Аммиан Марцеллин — позднеримский историк, сохранившаяся часть труда которого охватывает 354—378 гг. Его сочинение является главным источником по истории поздней Римской империи и гуннского кризиса, приведшего к битве при Адрианополе.

Антемий (Анфимий) — восточноримский полководец, которому удалось преодолеть последствия распада империи Аттилы и который позже стал императором Западной Римской империи (468—472 гг.). Под его руководством в 468 г. была предпринята последняя попытка отвоевать у вандалов Северную Африку и вдохнуть жизнь в Западную империю. Когда она провалилась, империя быстро прекратила свое существование.

Аркадий — восточноримский император (395—408 гг.). Сын Феодосия I, который скорее царствовал, чем правил. В конце концов Аларих не смог прийти к соглашению с теми, кто руководил от его имени Восточноримской империей, и двинулся в Италию.

Арминий (Герман у немцев) — вождь германоязычного племени херусков, жившего на северных берегах Рейна у римской границы. Организовал временную конфедерацию, которая разгромила римскую армию Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. Ошибочно рассматривается как один из первых германских националистов.

Аспар — восточноримский военачальник, который возвел на трон Валентиниана III и вынудил Гейзериха к заключению первого договора с Западноримским государством в 437 г. Начиная с 437 г. обрел большое влияние при константинопольском дворе после смерти восточноримского императора Маркиана.

Атанарих — вождь («судья») готского племени тервингов, захватившего земли в Молдавии и Валахии в середине IV в., успешно отразил попытку восточноримского императора Валента (367—369 гг.) утвердить полное господство на его территории и договорился о соглашении на менее обременительных условиях, чем те, что были наложены

Константином в 332 г. Утратил доверие своих сторонников, когда они отказались осуществлять меры для преодоления кризиса, вызванного нашествием гуннов (см. также *Фритигерн*).

Атаульф — вестготский правитель (411—415 гг.). Шурин и преемник Алариха. Повел вестготов из Италии на юг Галлии, где прибег к различным уловкам, вступил в брак с Галлой Плацидией, сестрой западноримского императора Гонория, чтобы принудить империю к выгодному для вестготов соглашению. Слишком далеко зашедший в своих представлениях о том, чего он мог бы добиться, Атаульф в конце концов был убит в результате возмущения, вызванного недостатком продовольствия из-за римской блокады.

Аттал Приск — римский сенатор и узурпатор власти в Западной Римской империи, пользовавшийся поддержкой двух вестготских предводителей — Алариха в Италии в 409—410 гг. и Атаульфа в 413—414 гг. в Галлии.

Аттила — правитель гуннов (ок. 440—453 гг.). Унаследовав огромную власть над гуннами и подвластными им народами от своего дяди Руа, он поначалу правил совместно с братом Бледой. Перенацелив гуннов на политику агрессии против Римской империи, совершил крупные нашествия в 441—442 гг. и 447 г. против Восточной и в 451—452 гг. против Западной Римской империи. В 445 г. устранил своего брата, а в 448—449 гг. принял римское посольство, в состав которого входил историк Приск. Гуннская империя распалась после его смерти (см. *Денгизих*).

Аэций — полководец, патриций, «серый кардинал» Западной империи в период между 433 и 454 г., когда его убили по приказу Валентиниана III. Увидел необходимость в привлечении чужеземной силы, гуннов, для контроля над племенами, которые вторгались в Западную империю в 405—408 гг. Достиг значительных, хотя и кратковременных военных успехов, но его стратегию подорвала агрес-

сия Аттилы в 440-х гг., а его политические позиции — крах гуннской империи, последовавший за смертью Аттилы.

Бигелис — предводитель готов — бывших подданных гуннов, которые вторглись на Балканы в середине 460-х гг. после гибели гуннской империи.

Бледа — см. *Аттила.*

Бонифаций — командующий римскими войсками в Северной Африке во время вторжения туда Гейзериха. В позднейших источниках ошибочно обвиняется в том, что пригласил вандалов вторгнуться из Испании через Средиземное море. Соперничал с Аэцием из-за влияния на юного императора Валентиниана III после 425 г. Погиб в сражении с Аэцием в Италии в 432 г.

Бургунды — германоязычное племя, захватившее земли к востоку от владений алеманнов в IV в. Впоследствии, в 406 г. пересекли Рейн и двинулись на запад по рейнской области близ Майнца, Шпейера и Вормса (около 411 г.). Разбитые гуннами по приказу Аэция, в середине 430-х гг. они немедленно переселились в земли вокруг Женевского озера. После смерти Аэция они распространили свою власть на долину Роны, создав королевство, которое стало одним из наследников Западной Римской империи. По могуществу оно уступало королевствам вестготов, франков и остготов.

Валамер — остготский вождь. Начал формирование второго обширного племенного объединения готов — остготов, объединив несколько военных отрядов готов, подчинявшихся властям гуннской империи Аттилы. Это обеспечило ему достаточно значительную политическую опору, чтобы создать независимое королевство готов после краха гуннского государства и получать умеренную помощь от Восточной Римской империи. Был убит в ходе войн на Среднем Дунае в 460-х гг., после которых его племянник Теодорих Амал продолжил усиление военной мощи этого нового племенного объединения.

Валент — император Восточной Римской империи (364—378 гг.), которого назначил своим преемником его брат, Валентиниан I. Правление Валента ознаменовалось борьбой против узурпаторов, готов-тервингов под предводительством Атанариха и персов. Крупнейший кризис в годы его царствования разразился в 376 г., когда в результате агрессии гуннов готы — тервинги и грейтунги — пришли на Дунай. Через два года, сражаясь с ними при Адрианополе, Валент погиб.

Валентиниан I — император Западной Римской империи (364—375 гг.). Принимал посольство сената, возглавлявшееся Симмахом, которое привезло «коронное золото» на север, в Трир, в 369 г. Также проводил расследование, дабы узнать правду относительно злоупотреблений со стороны властей в Северной Африке, в том числе в городе Лептис Магна. Известен своей нетерпимостью по отношению к варварам; она была настолько сильна, что он скончался от апоплексического удара, когда послы сарматов и квадов проявили к нему недостаточную почтительность. Однако нетерпимость не помешала ему пойти на компромисс с верховным королем алеманнов Маркианом, когда этого потребовала ситуация.

Валентиниан III — император Западной Римской империи (425—455 гг.). Сын Галлы Плацидии и Флавия Констанция, он стал императором в возрасте шести лет, чему способствовали отправленные Феодосием II экспедиционные силы римской армии. По большей части его роль сводилась к участию в церемониях; реальной властью он не обладал, поскольку большую часть его правления она находилась в руках Аэция. Валентиниана хватило на то, чтобы убить Аэция в 454 г., когда возникла возможность низвергнуть последнего в результате смерти Аттилы, но даже тогда он не стал подлинным правителем империи. На следующий год он также был убит.

Валия — король вестготов (415—418 гг.). С переходом власти к нему завершился политический хаос, вызванный

крахом чрезмерно самонадеянных представлений Атаульфа относительно роли вестготов в Западной империи. Проводил переговоры с Флавием Констанцием насчет возможности расселения вестготов в Аквитании, если те, в свою очередь, примут участие в боях против вандалов, аланов и свевов, перешедших Рейн в 406 г. и на тот момент находившихся в Испании. Реализация достигнутых соглашений после его смерти выпала на долю Теодориха I (который не был его родственником). Дочь его стала матерью Рицимера.

Вандалы-силинги — одно из двух вандальских племен, пересекших Рейн в 406 г., дабы избежать опасности, возникшей в результате усиления власти гуннов в Центральной Европе. До кризиса, спровоцированного гуннами, они обитали на территориях к северу от Карпат, но к 402 г. переместились в Верхнее Придунавье — область, расположенную напротив тех владений Рима, где ныне находится Швейцария. Силинги понесли тяжелые потери в ходе совместных римско-вестготских кампаний, организованных Флавием Констанцием после 416 г., в результате которых их король Фредибальд попал в плен. Уцелевшие вверили свою судьбу династии Хасдингов.

Вандалы-хасдинги — одна из двух групп вандалов, которые, ища спасения в нестабильной ситуации, сложившейся в Центральной Европе из-за усиления державы гуннов, перешли Рейн в конце 406 г. Затем правившая династия Хасдингов возглавила новую коалицию, куда вместе с этими вандалами вошли уцелевшие вандалы-силинги и аланы, потерпевшие поражение от объединенных сил римлян и вестготов в Испании между 416—418 гг. До наступления кризиса, вызванного гуннами, они населяли территории к северу от Карпатских гор, но переместились в верховья Дуная на земли, находившиеся напротив владений Рима в Реции (современная Швейцария) к 402 г.

Вар Публий Квинтилий (Квинктилий) — римский военачальник и политик. Известен тем, что его армия (три

легиона вместе с войсками ауксилиариев, что в общей сложности составляло около 20 тысяч человек) потерпела полное поражение от коалиции Арминия в 9 г. н.э. в битве при Тевтобургском лесу. Сам Вар покончил жизнь самоубийством.

Венанций Фортунат — латинский поэт. Получил классическое образование в Италии; был исключительно популярен как у франкских, так и у римских аристократов при дворах нескольких франкских королей в Галлии в конце VI в. н.э. Успех его свидетельствует о том, что классическая литература продолжала цениться в Галлии, несмотря на разрушение системы классического образования.

Вестготы — первая из новых готских группировок в V в. Создана Аларихом в 395 г., в правление которого состоялось объединение среди прочего с тервингами и грейтунгами в 376 г. и уцелевшими после нападения на Италию (405—406 гг.) людьми Радагайса. После того как у них сменился вождь, вестготы в конце концов поселились в долине Гаронны, в Аквитании, в 418 г., откуда начали расширять пределы своей державы, в частности, при Теодорихе II и Эврихе после 450 г., чтобы из союзников стать независимым королевством, по мере того как центральные структуры Западноримского государства перестали получать доходы от налоговых поступлений.

Галла Плацидия — сестра императора Гонория; Аларих взял ее в плен во время разграбления Рима готами в 410 г. Впоследствии она вышла замуж за преемника Алариха — Атаульфа; этот брак стал частью стратегии последнего, нацеленной на внедрение его самого и его сподвижников-готов в сердце империи. В конце концов ее возвратили к брату после смерти мужа и сына, и она снова вышла замуж, на сей раз за Флавия Констанция. После его смерти она сосредоточила все усилия на охране интересов своего сына, Валентиниана III. Ей принадлежит главная заслуга в том, что Феодосия II удалось убедить возвести юного Валенти-

ниана на трон Западной Римской империи в 425 г. Затем она пыталась уравновесить влияние военачальников, соперничавших между собой за власть при дворе. Когда Аэций добился превосходства на Западе в 433 г., эти попытки окончились неудачей.

Гейзерих — король вандало-аланской коалиции (428—479 гг.). Пришел к власти в Испании, но вскоре решил, что в Северной Африке его последователям будет безопаснее. В мае 429 г. переправился морем, высадившись в Танжере, и повел своих приверженцев на запад. После интенсивных боев в 437 г., согласно первому договору, они поселились в Мавритании и Нумидии. В сентябре 439 г. взял штурмом Карфаген и наконец добился признания своей власти над завоеванными им богатейшими провинциями Северной Африки, что нашло отражение во втором договоре 442 г. Разграбил Рим в 455 г. после узурпации Петрония Максима, угрожавшего перспективе брака между его сыном Гунерихом и Евдокией, относительно чего существовала договоренность. Пережил две масштабные экспедиции, предпринятые Западной империей с целью уничтожения его королевства в 461 и 468 гг., и смог впоследствии заключить окончательный мирный договор с Константинополем в 473 г.

Гепиды — германоязычный народ, подчинявшийся империи гуннов под властью Аттилы. Подняли восстание и одержали победу в битве при Недао, что послужило началом процесса, приведшего к краху гуннов. После войн 450—460-х гг. создали королевство в Трансильвании и заняли восточную (в особенности северо-восточную) часть Большой Венгерской равнины.

Гераклиан — командующий силами римлян в Северной Африке ок. 410 г. Был противником Стилихона, но сохранял верность Гонорию. Обеспечивал императора необходимыми средствами в наиболее трудные для того времена. Затем в 413 г. вторгся в Италию с целью либо забрать власть над империей в свои руки, либо положить предел

растущему влиянию Флавия Констанция. Потерпел поражение и был убит по возвращении в Карфаген.

Германцы — общее наименование для нескольких племенных объединений, говоривших на родственных языках и господствовавших на большей части территорий Северной и Центральной Европы между Рейном и Вислой и Карпатами и Балтикой в последние столетия до нашей эры. По большей части не стали подданными расширявшейся Римской империи на рубеже эр по причине преобладания у них слаборазвитой экономики. Первые четыре столетия нашей эры стали свидетелями глубоких перемен в их социально-экономических и политических структурах, а также значительного увеличения их численности.

Гернак — сын Аттилы, правивший частью гуннов после 453 г. Время его правления пришлось на период распада империи его отца, когда народы, покоренные гуннами, сбросили их господство; в конце концов попытался создать собственные владения к югу от Дуная на территории Восточной Римской империи. В отличие от своего брата Денгизиха сумел в конечном итоге договориться с Константинополем, и его приверженцы были расселены в Добрудже.

Герулы — германоязычное племя, происходившее с севера Центральной Европы, часть которого мигрировала в области, расположенные севернее Черного моря, вместе с готами и другими племенами в III в. Они стали подданными гуннов и продвинулись к западу от Карпатских гор на Большую Венгерскую равнину под водительством Аттилы. Вернули себе независимость и создали собственное королевство в ходе войн 450—460-х гг.

Гидаций — испанский епископ и хронист. Его сочинения — наш основной источник по части событий на полуострове с момента прибытия племен, пересекших Рейн, вплоть до 460-х гг.

Гонорий — император Западной Римской империи (395—423 гг.). Взошел на трон шестилетним мальчиком и

так никогда и не смог взять бразды правления в свои руки. Период его правления ознаменовался господством двух значительных фигур: Стилихона (395—408 гг.) и Флавия Констанция (411—421 гг.). Эра Стилихона и эра Флавия Констанция ознаменовались многочисленными придворными интригами, сопровождавшимися значительным кровопролитием; кровопролитной была и смута по их завершении. В правление Гонория в 405—408 гг. разразился масштабный кризис, вызвавший ряд узурпаций; наиболее значительной оказалась узурпация Константина III, который около 409—410 гг. угрожал сбросить его с престола. Умер бездетным.

Гонория Юлия Грата — дочь Галлы Плацидии и Флавия Констанция. Известна тем, что предложила себя в жены Аттиле, дабы выйти из одной щекотливой ситуации.

Готы — германоязычное племя, впервые встречается на территории Северной Польши в I в. н.э. В конце II — III в. распалось первоначально существовавшее у них политическое единство (каким бы оно ни было), и несколько групп готов оказалось вовлечено в миграции по направлению к Северному Причерноморью (территория современных Украины и Молдавии). Там они создали ряд новых королевств (см. *тервинги* и *грейтунги*), уничтоженных в ходе беспорядков, связанных с усилением державы гуннов в конце IV в. Затем прежде разделенные группы готов объединились для создания двух новых и значительно более масштабных племенных союзов в V в. (см. *остготы* и *вестготы*).

Грациан — император Западной Римской империи (375—383 гг.). Сын императора Валентиниана I, он определял общее направление действий в кампании против готов после гибели своего дяди Валента в битве при Адрианополе в 378 г. Эти действия включали возведение на трон Феодосия I и подчинение готов вслед за поражением последнего летом 380 г.

Грейтунги — либо (что, с моей точки зрения, наиболее вероятно) общее наименование ряда независимых готских королевств, созданных на территории современной Украины, восточнее р. Днестр, до 375 г., либо название одной колоссальной империи готов, протянувшейся от р. Днестр до р. Дон и распавшейся на части в результате агрессии гуннов. Одна из групп грейтунгов пришла на Дунай в 376 г. под предводительством Алатея и Сафракса. Они приняли участие в битве при Адрианополе, а также, вероятно, в заключении мирного договора 382 г. В конечном итоге они примкнули к новому крупному племенному объединению — вестготам, во главе которого стоял Аларих. Еще одна группа грейтунгов пришла на Дунай в 386 г., однако потерпела сокрушительное поражение, а уцелевшие ее члены были расселены на территории Малой Азии. Остается неясным, представляли ли обе эти группы грейтунгов часть одного и того же политического объединения до прихода гуннов.

Григорий, епископ Турский — историк королевства франков конца VI в. Его труд содержит уникальные сведения о правлении Хлодвига и важные извлечения из утраченных сочинений римского историка V в. Рената Фригидера, хорошо осведомленного о периоде правления Аэция.

Гундобад — король бургундов (473/474—516 гг.). Сделал военную карьеру под началом Рицимера в Италии, затем вернулся в долину Роны, чтобы (вместе с тремя своими братьями) заявить права на трон Бургундского королевства, возникшего после окончательного падения Западной Римской империи.

Гунерих — сын Гейзериха, король вандальско-аланской коалиции (474—484 гг.). Обручился с дочерью Валентиниана III Евдокией согласно договору 442 г. и некоторое время жил при дворе Валентиниана в 440-х гг. в качестве заложника.

Гунны — племя степных кочевников; происхождение их языка и их самих остается неясным. Их усиление с 350 г.

н.э. на территориях, расположенных северо-восточнее Черного моря, привело к началу кризиса 375—376 гг. на землях современной Украины, где по большей части господствовали готы. Большая часть гуннов оставалась севернее Черного моря, однако лишь примерно до 410 г., когда они вновь переместились на запад, на Большую Венгерскую равнину. Здесь они создали империю: во-первых, они покоряли другие племена, во-вторых, отбирали средства у подданных Рима и обращали их себе на пользу и, в-третьих, осуществили централизацию собственной политической власти. После смерти Аттилы в 453 г. процесс пошел в обратном направлении, и через двадцать лет независимое государство гуннов перестало существовать, а покоренные ими народы вернули себе независимость.

Денгизих — сын Аттилы, властвовал над частью гуннов начиная с 453 г. и до своей смерти, последовавшей в 469 г. Правил в период распада империи своего отца, когда народы, покоренные гуннами, сбросили их господство, и в конечном итоге попытался выкроить владения для самого себя к югу от Дуная на территории Римской империи. Потерпел поражение и был убит.

Диоклетиан — римский император (285—307 гг.). Провел множество реформ, позволивших империи содержать большую армию, требовавшуюся для противостояния сасанидской Персии. Также экспериментировал с разделением власти между двумя старшими и двумя младшими императорами (тетрархия). Это устройство оправдывало себя, пока он был жив, однако после его смерти стало причиной гражданских войн, продолжавшихся почти 20 лет.

Евдокия — старшая дочь императора Валентиниана III. Была помолвлена с Гунерихом, старшим сыном короля вандалов Гейзериха, что составляло одну из статей договора последнего с Аэцием, относящегося к 442 г. В конце концов она вышла за него замуж после 455 г., когда после разграбления Рима вандалами ее увезли в Карфаген.

Евнапий — позднеримский историк IV — начала V в., чьи тексты частично сохранились во фрагментах, а частично — благодаря их использованию историком VI в. Зосимом.

Зенон — византийский император (474—491 гг.). Происходил из племени исавров. Будучи полководцем, поднялся к вершинам власти, став с помощью брака членом императорского семейства. После долгой борьбы разгромил узурпатора Василиска (474—476 гг.) и принимал послов Одоакра, которые известили о гибели Западной империи. В последние годы правления стал свидетелем того, как Теодорих Амал объединил остготов на территории Восточной империи, и вел с ним переговоры об их уходе в Италию в 488—489 гг.

Зосим — византийский историк VI в. Его труд — важный источник по истории Рима IV — начала V в., поскольку он активно использовал современные событиям исторические сочинения Евнапия и Олимпиодора.

Иовиан — римский император (363—364 гг.). Наследовал Юлиану. Был вынужден сдать значительные территории большого стратегического значения, чтобы спасти попавшую в окружение армию Юлиана. Умер от отравления угарным газом.

Иовин — узурпатор в Галлии (411—413 гг.). Режим, созданный им на территориях близ Рейна, первоначально опирался на поддержку бургундов и вестготов. Флавий Констанций привлек готов на свою сторону и тем роковым образом подорвал его позиции.

Иордан — историк, писавший о готах. Работал в Константинополе примерно в 550 г. Утверждал, что близко следовал утраченной «Истории» готов Кассиодора, которая мне представляется в основном достоверной, но которая породила множество споров в историографии. Наибольшей ценностью с исторической точки зрения обладает его рассказ о событиях, относящихся ко временам Аттилы, а

также более поздних, поскольку часть сведений заимствована им из «Истории» Приска.

Карпы — контролировавшееся римлянами дакоязычное племя, занимавшее в III в. земли у Карпатских гор. Многие перебрались на территорию Римской империи, а другие были завоеваны готами, когда те явились в их края в конце III — начале IV в.

Кассиодор — римский сенатор и высокопоставленный администратор Остготского королевства в Италии в период между 522—523 гг. и 540 г. Написал историю готов, которая опосредованно является нашим главным источником по данному вопросу после распада империи гуннов.

Квады — германоязычное племя, занимавшее в римский период земли на северо-западной окраине Венгерской равнины. Часть их присоединилась к свевам, которые переправились через Рейн вместе с вандалами и аланами в 406 г.

Кельты, Celti — обобщенное наименование для группы племен, говоривших на родственных языках, которые в последние века до н.э. господствовали на севере Италии, в Галлии, на Британских островах, значительной части Иберийского полуострова и Центральной Европы. Многие попали под власть расширившейся Римской империи, не в последнюю очередь потому, что относительно развитая экономика таких племен возмещала затраты, связанные с их завоеванием.

Константин I — римский император (306—337 гг.). Возвысился в результате победы в войнах, которые привели к крушению тетрархии (см. *Диоклетиан*), чтобы править всей империей с 324 г., хотя и делил власть со своими сыновьями. Водворил спокойствие на рейнской и дунайской границе, установил римское господство над такими племенами, как тервинги (см. *Атанарих*). Завершил многие военные и административные реформы, которые позволили империи выдержать соперничество с Персией, стремившейся стать сверхдержавой, и положил начало процессу, в

результате которого христианство превратилось в ключевой компонент культуры позднеримского мира.

Константин III — узурпатор (406—411 гг.), который быстро распространил свою власть на Британию, Галлию и окраины Испании и Италии. Обрел широкую популярность, дав достойный отпор варварам, вторгшимся через Рейн в 406 г., и даже угрожал смещением императору Гонорию, но пал, когда империя вновь окрепла благодаря усилиям Флавия Констанция.

Константин VII Багрянородный — византийский император (911—957 гг.). Номинальный глава государства, который использовал свободное время для создания труда, в котором в извлечениях было бы сохранено классическое наследие Византии: более чем в пятидесяти томах, сочинения античных авторов под различными рубриками. Сохранилось немногое, однако трактат «Об управлении империей» содержит множество извлечений из «Истории» Приска. Это наш важнейший источник сведений об Аттиле и гуннах.

Констанций II — римский император (337—361 гг.). Аммиан Марцеллин изображает его как императора, который великолепно смотрелся во время церемоний. Он боролся за то, чтобы найти способы избежать разделения власти, хотя его царствование показало, что один человек не в состоянии управляться со всеми делами на территории от Рейна до Месопотамии. Значительно продвинул вперед дело христианизации империи.

Констанций Флавий — западноримский военачальник, который преобразовал Западную империю в условиях хаоса, порожденного кризисом 405—408 гг. Разгромил узурпаторов в 411 и 413 гг., усмирил к 416 г. вестготов, а затем провел удачную кампанию против тех, кто перешел Рейн и вторгся в Испанию (416—418 гг.). Добился главенствующего положения при дворе, женившись на Плацидии, сестре императора Гонория. Став императором в 421 г., он умер в

том же году, не дождавшись признания из Константинополя.

Лев I — император Восточной Римской империи (457—474 гг.). Пытался оказать поддержку Западной империи, выразив солидарность с режимами, внушавшими доверие, когда после убийства Валентиниана III и Аэция на Западе воцарился хаос. Прежде всего его помощь заключалась в том, что он организовал переговоры с Рицимером по поводу Антемия и предоставил огромную армаду судов для участия в экспедиции против вандалов в 468 г.

Либаний — греческий оратор, проживавший в Антиохии, товарищ Фемистия. Огромное собрание его писем дает возможность бросить пристальный взгляд на ценности и внутреннюю жизнь римской элиты периода упадка.

Либий Север — италийский сенатор и император Западной Римской империи (462—466 гг.). Марионетка Рицимера (тот возвел его на престол, казнив Майориана). Так и не был признан Константинополем; умер в самый подходящий момент (что весьма подозрительно), позволив провести переговоры, в результате которых Антемий пришел на Запад.

Майориан — император Западной Римской империи (458—461 гг.). Вместе с Рицимером командовал римской армией в Италии после смерти Аэция. Помог уничтожить режим Авита в 457 г. и затем был избран императором после периода междуцарствия. Будучи в конце концов признан Константинополем, Майориан объединил значительную часть уцелевших территорий Западного Римского государства и, предваряя стратегию Антемия, попытался возродить его, отвоевав Северную Африку у вандальско-аланской коалиции. Когда экспедиция потерпела неудачу, Рицимер сместил его и казнил.

Макриан — лидер среди королей алеманнов в конце 360-х — начале 370-х гг. Валентиниан I пытался уничтожить его, но в конце концов узаконил его позицию в 374 г.,

когда ему пришлось отлучиться с Рейна, дабы навести порядок в Среднем Придунавье.

Маркиан — император Восточной Римской империи (450—457 гг.). Военный высокого ранга, пришедший к власти после смерти Феодосия II в результате женитьбы на сестре Феодосия Пульхерии. Оказал значительную помощь Аэцию в 451 г., когда тот пытался отразить нападение Аттилы на Италию.

Марцеллин, комит — командующий полевой армией Западной Римской империи в Иллирике начиная с середины 450-х гг., как раз когда территория Далмации от Паннонии и далее к северу оказалась аннексирована гуннами; первоначально был назначен Майорианом; после его казни стал служить Константинополю. Впоследствии поддерживал режим Антемия и предоставил войска для экспедиции 468 г. в Северную Африку. После падения был убит на Сицилии, владения погибшего перешли к его племяннику Юлию Непоту.

Меробавд — поэт и полководец середины V в. н.э. Родился в Испании; получил классическое образование, несмотря на то что происходил из семьи франка, поднявшегося в середине IV в. по служебной лестнице и ставшего римским военачальником. Был близок к Аэцию, являлся его сподвижником; сохранившиеся фрагменты его поэтических сочинений дают ценные представления о политике Аэция и о том, как последний стремился представить свой режим; Меробавд был при нем не только активно действовавшим военным, но и политтехнологом.

Непот Юлий — император Западной Римской империи (474—475 гг.). Племянник и наследник комита Марцеллина; его власть также основывалась на уцелевших войсках Рима на Дунае. Был римским императором недолго; смещен Орестом, вернулся в Далмацию, где в конце концов был убит в 480 г.

Одоакр — «король» в Италии (476—493 гг.). Сын Эдекона, сподвижника Аттилы; правитель скиров, вынужден-

ный удалиться в изгнание, когда остготы уничтожили королевство его отца в Среднем Придунавье (это случилось после смерти Аттилы). В конце концов прибыл в Италию, где организовал государственный переворот, использовав последнюю римскую армию в Италии, которая сама в значительной мере состояла из тех, кто бежал, спасаясь от конфликтов, вспыхнувших, когда не стало Аттилы. Он получил их поддержку с помощью земельных пожалований в награду за их службу. Низложил (но не убил) последнего императора Западной Римской империи Ромула и правил как «король», формально признавая суверенитет императора Восточной империи в Константинополе. В конце концов был смещен и убит Теодорихом Амалом.

Октавиан — см. *Август*.

Олимпий — влиятельнейший политик Западной империи, организовавший государственный переворот, который привел к свержению Стилихона в 408 г. Был сторонником враждебной политики по отношению к Алариху, однако ему недоставало войск, чтобы реализовать ее. Когда его политика потерпела неудачу, был, в свою очередь, свергнут и забит палками в присутствии императора Гонория.

Олимпиодор Фиванский — историк Восточной Римской империи, дипломат, живший в V в. н.э. В труде Фотия сохранилось лишь краткое изложение его сочинения, но Зосим скопировал значительные его фрагменты, относящиеся к событиям ок. 405—410 гг. Будучи проницательным и хорошо осведомленным современником, Олимпиодор является главным источником сведений о дипломатических и военных конфликтах, приведших к разграблению Рима Аларихом в 410 г.

Онегесий — старший из представителей знати при дворе гунна Аттилы, чьи услуги римскому посольству, в состав которого входил Приск, видимо, были рассчитаны на то, чтобы подстраховать его.

Орест — землевладелец из Паннонии; гунн Аттила пригласил его для участия в посольстве в Константинополь. После гибели империи гуннов направился в Италию; вместе со своим братом Павлом приобрел большое влияние после смерти Рицимера и возвращения Гундобада в Бургундию. Они создали оппозицию, в результате чего Непот был вынужден удалиться в Далмацию в 475 г., и провозгласили Ромула, сына Ореста, императором. Оба были казнены Одоакром в конце лета 476 г.

Остготы — второе крупное объединение готских племен, возникшее в V в. вокруг династии Амалов; особую роль здесь сыграли Валамер и его племянник Теодерих Амал. Валамер организовал несколько самостоятельно действовавших готских отрядов (вероятно, после смерти Аттилы в 450-е гг.); его племянник прибавил к этой первоначальной группе, ставшей опорой для их власти (вероятно, она насчитывала около 10 тысяч воинов), дополнительные силы той же численности; это произошло на римских Балканах ок. 484 г. Именно эти объединенные силы Теодорих привел в Италию в 489 г.; к 493 г., опираясь на них, он взял власть в свои руки. Согласно традиционной точке зрения, подобно вестготам, остготы (их приравнивали к грейтунгам IV в.) уже существовали как политическое объединение до прибытия гуннов в Северное Причерноморье в IV в., но это мнение ошибочно.

Петроний Максим — италийский сенатор и узурпатор (455 г.). Побудил Валентиниана III к убийству Аэция в 454 г. и затем составил заговор с целью убийства императора и захвата высшей власти. Убит во время вандальского погрома Рима.

Приск Панийский — византийский историк середины V в. Знаменит своим рассказом о посольстве к вождю гуннов Аттиле; бóльшая часть его сочинения сохранилась в извлечениях Константина VII Багрянородного; оно является источником значительной части находящихся в нашем распоряжении сведений о событиях V в.

Радагайс — готский король. Вторгся в Италию с огромными силами в 405—406 гг. Сообщение Зосима подразумевает, что его войска имели многонациональный характер, однако в других источниках он назван готом; с другой стороны, у Зосима отсутствует сообщение о переходе через Рейн многонациональных сил в 406 г. Это заставляет предположить, что он объединил в одно целое два вторжения, происшедших независимо друг от друга. В конечном итоге Стилихон нанес ему поражение и включил значительную часть лучших его войск в свою армию. Радагайс был казнен близ Флоренции.

Ренат Фригидер — см. *Григорий*, епископ Турский.

Рицимер — патриций, римский военачальник; в его жилах текла кровь различных варварских народов, причем предки его были очень высокого ранга (так, он был внуком вестготского короля Валии). После смерти Аэция начал получать ведущие командные должности в Италии, затем приобрел исключительную политическую власть, став в начале 460-х гг. «делателем королей» после осуществленной им казни Майориана. Иногда его обвиняют в том, что он проводил политику, вредившую интересам Римского государства, однако (разумеется, преследуя и собственные интересы) он также содействовал режиму Антемия и его планам отвоевания Северной Африки. Все свидетельствует о том, что, действуя в конце V в., Рицимер был вторым Стилихоном: он отчаянно пытался удержать Западную империю на плаву, что требовало политического компромисса хотя бы с частью новых сил иммигрантов, водворившихся на землях Рима. Умер в 473 г.

Ромул «Августул» — последний император Западной Римской империи (475—476 гг.). См. *Орест* и *Одоакр*.

Руа (или **Руга**) — гуннский король в 420-е (?) и 430-е гг. Вероятно, сыграл ключевую роль в процессе создания новой системы централизованной монархической власти среди гуннов, пришедшей на место прежней, в рамках которой власть принадлежала многим королям разных ран-

гов. Старая система еще существовала в 411 г., но примерно к 440 г. полностью исчезла, когда он передал власть своим племянникам Аттиле и Бледе. Руа также предпринял по крайней мере один карательный рейд по Восточной империи с целью получения добычи и дани, необходимых ему, дабы осуществить централизацию власти и взять ее в свои руки.

Руги — германоязычная племенная группа, обитавшая в I в. на берегах Балтийского моря. По крайней мере некоторые ее представители переселились к Черному морю вместе с готами в III в. Их потомки затем попали в подчинение к Гуннской империи и были оттеснены к западу, в область Среднего Придунавья. После смерти Аттилы они вновь создали независимое королевство к северу от Дуная на окраинах Норика; об этом упоминается в «Житии Северина».

Саксы — собирательное наименование германоязычных племен, занимавших территории восточнее франкских земель в IV в. Существовало ли у них функционировавшее политическое объединение, как у алеманнов, или же это общее название было чистой условностью, неизвестно.

Сар — римский военачальник, гот знатного происхождения. Брат Сара Сергерик организовал государственный переворот, в результате которого был убит готский король Атаульф, а сам он на короткое время также стал королем и, в свою очередь, погиб. О Саре известно, что он служил при Стилихоне и Гонории около 410 г.; примечательна его непреклонная враждебность по отношению к Алариху и его зятю Атаульфу. Мне представляется, что Сар, подобно другим знатным готам, ставшим римскими полководцами, входил в число претендентов на лидерство в новом крупном племенном объединении готов, которых удалось одолеть Алариху; вместо того чтобы возглавить готов, он сделал впоследствии карьеру на римской службе.

Сарматы — ираноязычное племя, первоначально кочевое, завоевавшее территории к северу от Черного моря примерно на рубеже эр. Часть из них поселилась к востоку от Карпат; другие в конце концов переместились западнее на Большую Венгерскую равнину, где в течение длительного времени находились в подчинении у римлян, пока, в свою очередь, не были завоеваны гуннами.

Сарфакс — см. *Алатей.*

Свевы — собирательное наименование германоязычных племен, обитавших в северо-западном «углу» Большой Венгерской равнины. Длительное время являлись римскими подданными, однако некоторые из них участвовали в переходе через Рейн в 406 г. и в конце концов обосновались на северо-западе Испании. Прочие остались на прежнем месте и были завоеваны гуннами; в конце 450-х гг. на короткое время восстановили свою независимость. Это объединение состояло из ряда более мелких племен, таких как квады, которые до 406 г., по-видимому, не существовали как группировка в составе конфедерации. И переселившиеся, и оставшиеся создали более сплоченные политические объединения в V в.

Северин — святой из Норика (ок. 460—480 гг.). Святой человек, чья жизнь, исполненная таинственных событий, описана Евгиппием, содержит ряд весьма любопытных эпизодов жизни империи времен ее заката, происшедших как на территории метрополии, так и в отдаленных приграничных провинциях, когда у центральной власти кончились деньги.

Сергерик — см. *Савр.*

Сидоний Аполлинарий — галльский землевладелец, поэт, от которого также сохранилась переписка; в его трудах зафиксирована жизнь последнего поколения подданных Западной Римской империи, обитавших в Северной Галлии. В его письмах отражена разнообразная реакция людей его круга на гибель империи; его панегирики нескольким императорам (Авиту, Майориану и Антемию)

обеспечивают прекрасную возможность бросить взгляд на политику, проводившуюся их режимами, и на то, что можно назвать их «самопрезентацией».

Симмах Квинт Аврелий — римский сенатор; до наших дней дошло обширное собрание его писем, а также ряд значительно хуже сохранившихся речей. Его жизнь и труды дают нам огромный материал о взаимоотношениях между римлянами времен поздней империи, об их стиле жизни, быте и проч.

Скиры — германоязычное племя, вероятно, каким-то образом выделившееся в процессе германской экспансии на территорию Причерноморья, куда они перебрались вместе с готами в III в. Готы завоевали по крайней мере два существовавших самостоятельно друг от друга племени скиров. Одно последовало за Ульдином в 408—409 гг. и затем поселилось на территории империи после его поражения; второе основало независимое королевство на Среднем Дунае. Оно просуществовало недолго: Эдекон создал его в период краха гуннской империи, а погибло оно под ударами остготов в 460-е гг. Сын Эдекона Одоакр и другие беженцы затем перебрались в Италию, все еще остававшуюся под властью Рима.

Стилихон Флавий — полководец, главнокомандующий войсками Западной Римской империи между 395 и 408 г. Потомок римского военачальника вандальского происхождения во втором поколении, он возвысился при дворе Восточной империи, а затем взял в свои руки власть на Западе после скоропостижной кончины императора Феодосия I и правил от имени его юного сына Гонория. Поначалу он пытался объединить Западную и Восточную империи, однако оставил эти замыслы примерно в 400 г.; затем он попытался сосредоточить свои усилия на удержании власти в условиях двух не связанных между собой нападений готов на Италию: первое, происшедшее в 406 г., возглавлял Аларих, второе, имевшее место в 405—406 гг., — Радагайс. Он выстоял в этих бурях, но не смог справиться

с разрушениями, вызванными вторжением варваров через Рейн в 406 г. и узурпациями, которые те породили в Британии и Галлии (см. Константин III). Утратил доверие Гонория, когда Аларих возвратился на окраины империи в 407—408 гг., и был низложен в результате государственного переворота, организованного Олимпием. Смирился с утратой власти и борьбе за выживание предпочел принять смерть.

Теодорих I — король вестготов (418—451 гг.). Унаследовал престол от Валии; был убит в сражении против гуннских орд Аттилы на Каталонских полях.

Теодорих II — король вестготов (453—466 гг.). Финансировал режим Авита и, в общем, преуспел, обеспечивая расширение сферы интересов вестготов и вместе с тем поддерживая Римское государство, продолжавшее существовать. Был убит сместившим его родным братом Эйрихом, видевшим будущее вестготов свободным от умиравшего медленной смертью Римского государства.

Теодорих Амал — завершил дело своего дяди Валамера по созданию нового особо крупного готского объединения: к силам готов, которые он от него унаследовал, он присоединил войско приблизительно такой же численности. Привел эту армию в Италию в 489 г., нанес поражение Одоакру и утвердился в качестве короля в Италии, где правил с 493 по 526 г.

Тервинги — наименование готского племени, обитавшего в непосредственной близости от границы Римской империи, проходившей по Нижнему Дунаю в Молдавии и Валахии. Одно из племен, о котором мы имеем сведения начиная с экспансии готов в область Причерноморья, имевшей место в III в. Политическая структура тервингов представляла собой объединение королей, управлявшееся «судьей»; власть «судей», по-видимому, передавалась из поколения в поколение в рамках одной семьи. Будучи римскими подданными, они изо всех сил стремились облегчить обязательства, которые налагали на них римляне (см.

Атанарих). Конфедерация распалась в условиях натиска гуннов; большинство тервингов в конечном итоге вошло в состав нового племенного объединения — вестготов (см. *Фритигерн* и *Аларих*).

Треверы — германоязычное племя, первоначально покоренное Цезарем и поднявшее восстание, в результате которого в 54 г. до н.э. были уничтожены силы Котты. Впоследствии прошли типичный путь романизации, в результате чего знатные треверы стали римскими гражданами, соревновавшимися между собой за право одарить свой новый столичный город — Трир — общественными зданиями, создававшимися по римскому образцу, и строившими для себя загородные резиденции в римском стиле (виллы).

Тюринги — германоязычное племя, существовавшее в позднеримскую эпоху; от их названия происходит современное наименование Тюрингии — одной из областей Германии. Возможно, частично подпали под власть Аттилы; в числе других племен потерпели поражение от Хлодвига, когда тот создавал королевство франков.

Ульдин — гуннский вождь первого десятилетия V в. О нем известно немногое: он создал свою державу севернее Дуная, подчинив себе ряд племен (в частности, скиров); был союзником Рима и обеспечил Стилихону помощь в увенчавшейся успехом борьбе с Радагайсом. Затем вторгся на территорию Римской империи, где потерпел полное поражение. Легкость, с которой его удалось одолеть, свидетельствует о том, что он не был предтечей Аттилы, контролировавшим, как тот впоследствии, значительные силы объединившихся гуннов: большая часть гуннов в то время по-прежнему обитала значительно дальше к востоку.

Ульфила — крупнейший распространитель христианства среди готов. Родился в общине римских пленных, живших среди готов-тервингов, в начале IV в. Когда христианство стало важным фактором готско-римской дип-

ломатии, поначалу был назначен епископом в области, где обитали тервинги, но вскоре был изгнан оттуда. Создал письменную форму готского языка; продолжал после изгнания переводить Библию. Сыграл значительную роль в середине IV в. в диспутах по поводу христианского учения.

Фемистий — философ и политтехнолог из Восточной Римской империи. Служил нескольким восточным императорам с середины 350-х до середины 380-х гг. Речи его были направлены на то, чтобы представить в наиболее выгодном свете (в особенности перед константинопольским сенатом) политику императора; в них содержится огромный объем информации, проливающей свет на эволюцию политики, проводимой по отношению к готам, в период правления императоров Валента и Феодосия I.

Феодосий I — римский император (379—395 гг.). Не принадлежа к династии, был избран Грацианом в качестве наследника императора Валента, правителя Восточной Римской империи, дабы возглавить военные действия против готов после Адрианополя. Действия Феодосия не имели успеха, однако ему удалось укрепить свои позиции в Константинополе и взять под контроль всю империю, нанеся поражение Максиму и Евгению, грозившим узурпировать власть на Западе. Использовал в этих войнах готов (такую возможность давал ему договор 382 г.) и в период своего правления потратил немало времени на то, чтобы наладить связи между ними и Римским государством. Его имя также ассоциируется с заключительным этапом христианизации Римского государства: он принял немало жестоких законов против язычников и разрушал их храмы.

Феодосий II — римский император (408—450 гг.). Внук Феодосия I; унаследовал державу от своего отца Аркадия во младенчестве и никогда не правил самостоятельно. В его правление Восток оказал немалую помощь Западной

империи (в особенности Гонорию примерно в 410 г.), в том числе в возведении Валентиниана III на трон в 425 г. и отправке Аспара в Африку в 430-х гг. Последние годы жизни был занят решением проблем, возникших в связи с угрозой со стороны Аттилы. Также в период его правления было завершено создание «Кодекса Феодосия» (438 г.).

Феофан — чиновник, служивший в Египте ок. 320 г. Архив Феофана содержит огромный объем сведений о работе громоздкой государственной машины поздней империи.

Фотий — византийский библиофил IX в., недолгое время был константинопольским патриархом. Созданное им обширное описание его огромного книжного собрания («Библиотека») является важнейшим источником сведений о многих текстах, на которых основываются наши знания о позднеримском мире.

Франки — общее наименование германоязычных племен, обитавших в IV в. на территориях за приграничной областью близ Рейна, принадлежавшей Римской империи, Очевидно, состояли из нескольких меньших групп, часть которых (например, бруктеры), судя по всему, имела длительную историю, уходившую корнями в I в. н.э. О франках в истории Аммиана Марцеллина немного упоминаний, поэтому непонятно, носило ли их политическое устройство характер конфедерации, как у современных им алеманнов. Подлинное политическое единство образовалось в их среде только в конце V в. после падения Римской империи (см. *Хлодвиг*).

Фритигерн — правитель тех тервингов, которые пришли на Дунай в 376 г., гонимые гуннами, и просили убежища на территории Римской империи. Позднее пытался добиться признания в качестве правителя всех готов — тервингов и грейтунгов, — появившихся на территории империи в 376 г. Однако несмотря на то что он одержал победу при Адрианополе, ему не удалось пережить войну и принять участие в заключении мира в 382 г.

Хильдерих — предводитель салических франков в период падения Западной Римской империи. Действовал к западу от Рейна, а также на исконных франкских землях к востоку от этой реки. К 482 г., когда он умер, Хильдерих контролировал старую римскую провинцию Бельгику II с центром в Турне. Возможно, занимал господствующую позицию по отношению к другим франкским вождям, но подлинное объединение франков состоялось лишь при его сыне (см. *Хлодвиг*).

Хлодвиг — король салических франков (482—511 гг.). Создал Франкское королевство после распада Западной Римской империи. Накануне своей смерти властвовал над территорией современной Франции, исключая ее средиземноморское побережье, а также Бельгии и значительными территориями к востоку от Рейна. Это королевство было создано благодаря победам, одержанным над остатками римской армии на Рейне (см. *Эгидий*) бретонцами, алеманнами, тюрингами и вестготами, и в процессе централизации, в результате которого Хлодвиг уничтожил предводителей отрядов и объединил под своей властью их людей.

Хнодомар — выдающийся верховный предводитель алеманнов в 350-х гг. Располагал личной свитой из 300 воинов. Утратил власть после поражения, нанесенного ему императором Юлианом в битве при Страсбурге в 357 г.

Шапур I — сасанидский правитель Персии (240—272 гг.). Продолжал деятельность своего отца Ардашира по превращению Ближнего Востока в сверхдержаву, способную бросить вызов властям императорского Рима. Это позволило ему одержать решающие победы над тремя римскими императорами; одной из наиболее значительных стала победа над Валерианом (он взял его в плен, а затем содрал с него кожу). Натиск Сасанидов стал причиной масштабного стратегического кризиса Римского государства, который вынуждены были преодолевать два поколения политиков (см. *Диоклетиан*).

Эйрих — король вестготов (466—484 гг.). Убил своего брата Теодориха II с целью захвата власти. Следовал новой политике, направленной на создание королевства готов, полностью независимого от Западной Римской империи, в каком бы виде она ни существовала. После поражения экспедиции вандалов в 468 г. он предпринял широкомасштабные кампании, благодаря которым его владения к 476 г. распространились вплоть до Луары и Арля в Галлии и до южного побережья Иберийского полуострова.

Эгидий — командующий римскими войсками в Галлии при императоре Майориане в начале 460-х гг. После убийства последнего поднял восстание, в ходе которого подвластная ему территория стала основой для независимого владения на рейнской границе и за ее пределами, которое охраняло независимость вплоть до того момента, когда его завоевал франкский король Хлодвиг в середине 480-х гг.

Эдекон — ближайший сподвижник Аттилы, провозгласил себя вождем скиров, когда последние вернули себе независимость после смерти Аттилы. Он сделался правителем в результате династического брака; был предком тюрингов или гуннов (возможно, и тех и других). Погиб в результате действий остготов, положивших конец независимости скиров в 460-е гг. Ранее люди из Восточной Римской империи пытались подкупить его во время посольства в Константинополь, дабы он убил Аттилу (что осталось неизвестно Приску, вместе с которым он путешествовал).

Эллак — сын Аттилы, правивший частью гуннов после смерти своего отца, последовавшей в 453 г. Погиб в битве при Недао (454?), после которой покоренные его отцом племена (по большей части германские) начали возвращать себе независимость.

Юлиан Флавий Кладий — римский император (355—363 гг.), вначале носил титул цезаря и подчинялся августу — своему двоюродному брату Констанцию II; с 362 г. сам сделался единоличным правителем-августом. Одержал полную победу в битве при Страсбурге; успешно кон-

тролировал государство, созданное конфедерацией алеманнов, во главе которого стоял Хнодомар. Получив власть, перестал скрывать свои языческие пристрастия, которые прежде держал в тайне; предпринял масштабное вторжение в Персию, закончившееся его смертью и стратегическим поражением (см. *Иовиан*).

Юстиниан I — император Восточной Римской империи (527—568 гг.). Известен тем, что вел завоевательные войны в Западном Средиземноморье, в результате которых пали королевства вандалов в Северной Африке и остготов в Италии. Занял участок территории вдоль южного побережья Испании. Выстроил множество зданий, наиболее известным из которых является Айя-София, сохранившаяся в Стамбуле до наших дней.

СЛОВАРЬ

adoratio — придворная церемония, когда целовали край пурпурной одежды императора. Предназначалась для наиболее высокопоставленных и приближенных сановников.

agri deserti — «заброшенные земли». Этот термин применялся по отношению к землям, которые когда-то обрабатывались, но в позднеимперский период перестали использоваться. Теперь они рассматривались с податной точки зрения как земли, которые не приносят и, вероятно, никогда не приносили дохода императорскому фиску.

alae — римская вспомогательная кавалерия, в раннеимперский период состоявшая из неграждан.

annona militaris — новый натуральный налог, упорядоченный при Диоклетиане в конце III в., часто взимавшийся именно натурой, хотя его можно было заменить выплатами в золоте.

aurum coronarium — «коронное золото». Теоретически добровольное подношение, делавшееся в виде короны, от отдельных городов. Делалось при вступлении императора на престол и затем каждые пять лет.

Baiae — курорт для богатых и знатных римлян на Неаполитанском заливе. Это место очень любил Симмах.

barbaricum — «варварская страна». Обобщенное наименование для любой территории за пределами Римской империи.

cohortales — императорские чиновники (иногда богатые), представители провинциальной бюрократии.

cohortes — римская вспомогательная пехота раннеимперского периода, состоявшая из неграждан.

coloni — крестьяне-арендаторы, понемногу прикреплявшиеся к земле в позднеримский период.

civitas (мн. ч. **civitates**) — городская территория; основная административная единица, объединявшая город и сельскую округу, характерную для поздней империи*.

clarissimus (мн. ч. **clarissimi**) — досл. «славнейший». Первоначально так называли римских сенаторов. Впоследствии это наименование стало почетным титулом, который стремились получить все — и военные, и чиновники — после реформ Валентиниана и Валента в 367 г. Несмотря на свое пышное название, это был низший из трех сенаторских рангов в IV в. (см. *illustris* и *spectabilis*).

clarissimate — обобщенный термин для *clarissimi*.

Codex argenteus — роскошная копия VI в. сделанного Ульфилой перевода четырех Евангелий на готский язык. Ныне находится в библиотеке Уппсальского университета в Стокгольме.

Codex Theodosianus — «Кодекс Феодосия». Сборник имперских узаконений, выпущенных императором Феодосием II, охватывавший правления с 300 по 440 г.

comes rei militares — старший, но не главный военачальник римской полевой армии (см. *comitatentes, magister militum*). Некоторые отвечали за оборону определенных территорий, такие как comes Africae или comes Thraciae. Некоторые командовали соединениями центральной полевой армии.

comes domesticorum — «комит доместиков». Командир отборной гвардейской части в полевой армии.

---

*Сельская округа (хора) была неотъемлемой частью полиса не только в период поздней империи, но и на всем протяжении его существования. — *Примеч. пер.*

comes ordinis tertii — досл. «комит третьего ранга». Комиты (comites) представляли собой группу сопровождавших императора лиц, созданную Константином. Комиты бывали трех рангов.

comitatentes — мобильные полевые силы империи. Одни располагались в ее центре, другие — в важнейших приграничных зонах (Рейн, Дунай, восточная граница). Получали большее жалованье, чем солдаты гарнизонов (см. *limitanei*).

consul — первоначально глава исполнительной власти в Римской республике, избиравшийся ежегодно. Во времена поздней империи должность консула по-прежнему оставалась ежегодной, однако теперь их уже назначал император. Хотя консулы не обладали более исполнительной властью, консулат являлся наиболее почетной должностью в государстве, выше стоял только император.

contubernium — наименьшая единица римской армии в раннеимперский период — восемь человек, живших в одной палатке.

cura palatii — досл. «смотритель дворца». Высший римский придворный сановник в IV—V вв.

curia — городской совет, состоявший из римских землевладельцев, которые управляли civitas. Его члены назывались декурионами или куриалами (curiales).

cursus honorum (досл. «путь почестей») — карьера римского сановника из числа сенаторов.

cursus publicus — транспортная сеть со станциями для снабжения государственных служащих, когда они совершали поездки в пределах империи.

deditio — капитуляция варваров перед Римской державой; условия, вступавшие в силу после сдачи, могли быть весьма различными.

denarius (мн. ч. **denarii**) — основная римская серебряная монета, использовавшаяся до конца III в., когда она обесценилась.

distributio numerorum — раздел западноримской Notitia Dignitatum (см. ниже), где сообщается о размещении частей западноримской полевой армии по состоянию на 420 г.

duumviri — досл. «двое мужей», от слова duo — «два». Обычно должностные лица, которых курия облекала исполнительной властью.

dux — «дукс», «вождь». Командующий *limitanei* определенной территории.

fibula (мн. ч. **fibulae**) — декоративная застежка, использовавшаяся для того, чтобы скреплять плащ.

Fliehburgen -- досл. «укрепленные убежища». Немецкий археологический термин для обнесенных стеной поселений V в., располагавшихся в незащищенных областях империи.

foedus — досл. «договор». Отсюда термин *foederati*, обозначавший чужеземцев, которые служили по договору. Часто используется современными историками как технический термин в одном узком смысле, однако, по моему мнению, он обладал целым комплексом значений.

Fürstengraber — досл. «княжеские могилы». Немецкий археологический термин для захоронений столь богатых, что создается впечатление об их принадлежности к царям или претендентам на царскую власть.

Germania, Germani — римский термин для обозначения территории между Рейном и Вислой и ее обитателей. Господствовали в этих краях германоязычные племена, которые, однако, на протяжении всего римского периода так и не образовали какой-либо единой силы.

gladius — короткий меч римских легионеров.

honoratus (мн. ч. **honorati**) — вышедший в отставку высокопоставленный римский чиновник. В IV в. постепенно росло число honorati, относившихся к числу clarissimate, и они все более вытесняли куриалов как господствующую силу в местных общинах.

illustres (мн. ч. **illustres**) — высший из сенаторских рангов в конце IV в. (см. *clarissimus* и *spectabilis*).

imperator — «император». Этот термин восходит к титулу полководца республиканского периода.

iudex — досл. «судия». Титул, появившийся под влиянием примера повелителя всех царей, который создал коалицию готов-тервингов в IV в.; существовал до прихода гуннов.

iugum (мн. ч. **iugera**) — единица ценности, в которой измерялось богатство империи при Диоклетиане; на ее основе производился расчет annona militaris.

ius Latinum, ius Latii — «латинское право», «латинское гражданство». Его обладатели имели примерно те же имущественные права, какие имели римские граждане. Магистраты в городах с таким статусом автоматически получали римское гражданство. — *Примеч. пер.*

largitionales — штат финансовых чиновников императора, «священные щедроты».

legiones comitatentes — пехотные соединения, приписанные в эпоху поздней империи к полевой армии.

legiones pseudocomitatentes — *limitanei*, преобразованные в войска полевой армии в начале V в.

lex Irnitanum — конституция римского города Ирни, характерный пример так называемой Флавиевой муниципальной конституции; действовала в большинстве римских городов в раннеимперский период.

libertas — досл. «свобода». Подразумевает технический смысл «свобода в рамках закона».

limitanei — войска приграничных гарнизонов, расквартированные на постоянной основе и получавшие меньшее жалованье, чем comitatentes.

magister (мн. ч. **magistri**) — полное название должности — militum magister utriusque militiae. Командующий полевой армией высшего ранга. Magistri militum praesentalis командовали центральными полевыми армиями, а magistri militum per Gallias, per Thraciam, per Orientem и per Illyricum возглавляли армии в важнейших приграничных об-

ластях — в Галлии, Фракии, на Востоке, в Иллирике соответственно.

magister officiorum — магистр оффиций. Что-то вроде руководителя государственной гражданской службы, один из наиболее высокопоставленных чиновников.

navicularii — пользовавшаяся поддержкой государства коллегия, занимавшаяся перевозкой по империи продуктов, взимавшихся в качестве государственных налогов.

Notitia Dignitatum — список всех высших военных и гражданских руководителей со штатом их подчиненных в эпоху поздней империи, датируемый примерно 395 г., однако раздел, относящийся к Западной Римской империи, частично велся до 420 г. (см. *distributio numerorum*).

numeri — «полки», основной термин для обозначения частей римской армии поздней империи.

palatini — чиновники Римской империи позднего периода (от слова palatium — дворец).

pars melior humani generis — «лучшая часть человечества», так называл Симмах сенаторскую аристократию Рима.

pars rustica, urbana — «сельская» (т.е. ферма) и «городская» (для «цивилизованных» развлечений) части усадьбы у римлян.

patricius — патриций. Почетный титул, которым обладали высшие военачальники или представители бюрократии, пользовавшиеся значительным влиянием при дворе (V в.).

Pax Romana — «римский мир». Это название относится к периоду расцвета империи — после великих завоеваний, но до кризиса III в., т.е. приблизительно ко второй половине I — началу III в. н.э.

possessores — класс землевладельцев, с опорой на который и ради которого существовала империя.

praepositus sacri cubiculi — «препозит священной опочивальни», старший евнух, ведавший хозяйством императорского дворца.

primicerius notariorum — «главный нотарий». Высокопоставленный представитель имперской бюрократии.

primicerius sacri cubiculi — старший евнух из числа чиновников императорского хозяйства.

principales — представители узкого круга позднеримской куриальной элиты, для которых служба в городском совете являлась средством карьерного продвижения и извлечения прибыли.

proskynesis — придворная церемония падения ниц, когда человек появлялся перед священной особой императора.

quaestor — высокопоставленный чиновник, специализировавшийся на юридических вопросах.

quinquennalia — празднование каждых пяти лет правления императора (см. *aurum coronarium*).

rationalis Aegypti — финансовый чиновник, ответственный за производство оружия и другие государственные мероприятия в римском Египте.

receptio (мн. ч. **receptiones**) — санкционированное римскими властями широкомасштабное переселение иноземцев на землю империи.

relationes (ед. ч. **relatio**) — официальные письма Симмаха императору в бытность его городским префектом Рима.

rescript — ответы императора в нижней части папируса на обращенные к нему вопросы юридического характера в верхней части папируса. За год давались сотни ответов на такие вопросы.

Res Gestae Divi Saporis — «Деяния божественного Шапура», царя Персии, сообщения о его победах над римскими императорами (III в. н.э.). Сделаны в виде надписи в Накширустаме, в семи километрах к северу от Персеполя.

Romanitas — латинский термин для обозначения римских культурных матриц; римский дух.

solidus (мн. ч. **solidi**) — ведущая начало со времен Константина стандартная римская золотая монета, 1/72 фунта. Чеканились также монеты достоинством в половину и треть солида.

sortes Vandalorum — досл. «жребии вандалов». Пожалования поместий в провинции Проконсульская Африка, сделанные Гейзерихом своим сторонникам после взятия Карфагена в 439 г. и последующей конфискации имущества сенаторов-землевладельцев.

spectabilis (мн. ч. **spectabiles**) — промежуточный сенаторский ранг в конце IV в. (см. *clarissimus* и *illustris*).

testudo — «черепаха», классический строй римской пехоты, при котором стена из щитов прикрывала ее со всех сторон.

Teutoburgiensis Saltus — Тевтобургский лес, где Арминий заманил в засаду и уничтожил три легиона Квинтилия Вара.

вельбаркская культура — зона распространения археологических находок, охватывавшая значительную часть Северной Польши в I—II вв. н.э., а позднее распространившаяся на восток и юг в III—IV вв.

вестготы — часть племени готов, обособившаяся при Аларихе I (король в 385—410 гг.). В состав ее вошли тервинги и грейтунги, которые прибыли в Подунавье, прося прибежища в 376 г., и готы Радагайса, вторгшегося в Италию в 405—406 гг. Этот термин часто используется как синоним тервингов до 376 г., когда их возглавлял Атанарих, но это ошибка.

дромоны — особые палубные гребные суда в восточноримском флоте.

латенская культура — зона, для которой характерны остатки относительно развитой культуры, датируемой последними веками до н.э. и в целом совпадающей с распространением кельтоязычных племен в тот период.

остготы — часть племени готов, которую в качестве самостоятельной силы сформировали Валамер (455—467 гг.) и его племянник Теодорих Амал (474—526 гг.) из нескольких прежде независимых групп. Иногда их отождествляют с грейтунгами, которыми раньше предводительствовал

Германарих и которые пришли к Дунаю в 376 г., но это ошибочное мнение.

презентальные армии — см. *magister militum.*

пшеворская культура — зона распространения археологических находок, относящихся к IV в. до н.э. — I в. н.э., которая находится на большей части территории Южной и Центральной Польши, где обнаружены археологические находки.

Сасаниды — ближневосточная династия, которая объединила Иран и Ирак в III в. н.э. с целью создания сверхдержавы, способной соперничать с Римом.

черняховская культура — зона археологических находок, простирающаяся от Карпатских гор через Валахию и юг Украины до Дона. Относится к концу III—IV в. На ее территории располагалась держава готов, а также проживало значительное число коренных жителей.

эмфитевтическая аренда — предпочитаемое землевладельцами пожалование, обеспечивавшее арендаторам более или менее постоянное, наследственное владение землей, которое могло продаваться третьему лицу.

ясторфская культура — зона, для которой характерны остатки относительно примитивной материальной культуры, датируемой последними веками до н.э. и в целом совпадающей с распространением германских племен в тот период.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Правители*

ЗАПАДНОРИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Валентиниан I (364—375 гг.)
Грациан (375—383 гг.)
Магн Максим (383—388 гг.)
Валентиниан II (383—392 гг.)
Евгений (392—394 гг.)
Гонорий (395—423 гг.)
Константин III (ок. 406—411 гг.)
Флавий Констанций (421 г.)
Иоанн (423—425 гг.)
Валентиниан III (425—455 гг.)
Петроний Максим (455 г.)
Авит (455—456 гг.)
Майориан (457—461 гг.)
Либий Север (461—465 гг.)
Антемий (467—472 гг.)

---

* Курсивом выделены имена узурпаторов — императоров, не признанных в другой половине империи. Некоторые мелкие узурпаторы на Западе, чья власть распространялась лишь на незначительные территории, в список не включены.

Олибрий (472 г.)
Глицерий (473—474 гг.)
Юлий Непот (474—475 гг.)
Ромул Августул (475—476 гг.)

ВОСТОЧНОРИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Валент (364—378 гг.)
Феодосий I (379—395 гг.)
Аркадий (395—408 гг.)
Феодосий II (408—450 гг.)
Маркиан (451—457 гг.)
Лев I (457—474 гг.)
Зенон (473—491 гг.)
Василиск (474—476 гг.)

НЕРИМЛЯНЕ

Атанарих, «судья» готов-тервингов (ок. 360—375 гг., умер ок. 381 г.)

Аларих, создатель и вождь группировки вестготов (ок. 395—411 гг.)

Гейзерих, вождь вандальско-аланской коалиции (427—467 гг.)

Валамер, вождь паннонских готов (455—467 гг.)

Эйрих, создатель королевства вестготов (467—483 гг.)

Теодорих, создатель и вождь группировки остготов, а затем и Остготского королевства (474—526 гг.)

Одоакр, король Италии (476—493 гг.)

События

ок. 350 г.	Нападения гуннов на аланов к востоку от реки Дон и готов-грейтунгов к западу от Дона дестабилизируют обстановку в Северном и Восточном Причерноморье.

375 г.	Осень (?) — после смерти в битве второго вождя бóльшая часть племени грейтунгов двигается в западном направлении на территорию соседей, готов-тервингов.
376 г.	Конец (?) лета — грейтунги и «бóльшая часть» тервингов прибывает на Дунай, прося убежища на территории Римской империи.
377—382 гг.	Готы ведут войну в южном Придунавье.
377 г.	Конец зимы — начало весны, начало восстания тервингов; грейтунги переправляются через Дунай.
377—378 гг.	Первая фаза готской войны, которая ведется за пределы Южных Балкан.
378 г.	24 августа — битва при Адрианополе; гибель Валента.
379—381 гг.	Вторая фаза готской войны, которая протекает на западе Балканского полуострова.
382 г.	3 октября — война завершается мирным договором; тервинги и грейтунги селятся на Балканах на относительно льготных условиях.
386 г.	Новая попытка грейтунгов переправиться через Дунай: они разбиты Феодосием и расселены в Малой Азии на жестких условиях.
387—388 гг.	Феодосий I побеждает Магна Максима; готы на Балканах опять начинают войну, кое-где поднимают восстания.
392—393 гг.	Феодосий I побеждает Евгения; балканские готы опять начинают войну, а затем и восстание.
ок. 395—411 гг.	Правление Алариха — короля тервингов и тех грейтунгов, с которыми был заключен договор в 382 г.

395—396 гг.	Первая мощная атака гуннов на Римскую империю (Персидская держава тоже серьезно пострадала от них).
395—397 гг.	Первое восстание Алариха.
397 г.	Договор между Аларихом и Евтропием; Аларих становится римским командующим в Иллирике.
399 г.	Падение Евтропия и прекращение действия договора.
401—402 гг.	Вторжение Алариха в Италию; сражения при Полленции и Вероне.
ок. 405—408 гг.	Вторая волна вторжений на территорию Римской империи, спровоцированных гуннами, которая обрушивается на земли к западу от Карпат.
405—406 гг.	Договор между Аларихом и Стилихоном. Вторжение Радагайса в Италию через перевалы в Австрии, его поражение и гибель; многие его люди проданы в рабство, предводители его войска вступают в римскую армию.
406 г.	31 декабря (?) вандалы, аланы, свевы и различные мелкие племена переправляются через Рейн и прорывают границу на Верхнем Рейне.
407 г.	Константин III ведет римские войска, располагавшиеся в Британии и Галлии, против вторгшихся из-за Рейна варваров.
407—409 гг.	Вторгшиеся из-за Рейна племена опустошают Галлию, а затем пересекают Пиренеи и появляются в Испании.
408 (?)	Мелкий гуннский вождь Ульдин вторгается на территорию Восточной Римской империи.

408—411 гг.	Второе вторжение Алариха в Италию; возникновение союза вестготов в результате присоединения людей Радагайса к тервингам и грейтунгам, заключившим договор в 382 г.
410 г. 20 августа —	разграбление Рима Аларихом.
ок. 410—411 гг. (?)	Британские провинции восстают против Константина III (?)
411—421 гг.	Флавий Констанций занимает господствующее положение в Западной Римской империи.
411 г.	Смерть Алариха, его наследником становится Атаульф. Олимпиодор продолжает отправлять посольства к гуннам, обосновавшимся в Центральной Европе (?). Флавий Констанций разбивает Константина III и устанавливает контакты с узурпаторами.
412 г.	Варвары, пришедшие из-за Рейна, делят Испанию между собой.
412—413 гг.	Гонорий отправляет послание жителям британских провинций, в котором сообщает, что центральное правительство не имеет больше сил защищать их.
413—416 гг.	Флавий Констанций интригует против Атаульфа, которого убивают в результате переворота в 415 г., чтобы побудить вестготов к возобновлению союза с Западной Римской империей; начинается расселение вестготов в Аквитании.
416—418 гг.	Совместные операции вестготов и римлян по разгрому в Испании независимых аланов и вандалов-силингов. Уцелевшие

	объединяются с вандалами-хасдингами, чтобы создать новую мощную вандальско-аланскую группировку.
421 г.	Стремление Флавия Констанция к императорскому трону и его кончина.
423 г.	Смерть Гонория; узурпация престола Иоанном.
422—429 гг.	У вандалов и аланов в Испании развязаны руки, и наиболее ярко это проявляется в том, что они переправляются в Марокко; с 427 г. ими предводительствует Гейзерих. Свевы устанавливают контроль над северо-западной частью Испании (Галисией).
425 г.	Восточноримская армия возводит шестилетнего Валентиниана III на престол Западной Римской империи.
425—433 гг.	Борьба за влияние при дворе Валентиниана III, закончившаяся поражением Аэция в сражении с полководцами-соперниками Феликсом и Бонифацием; частичное ослабление влияния Галлы Плацидии.
433—454 гг.	Аэций занимает господствующее положение в Западной Римской империи.
435 г.	Вандалы и аланы получают землю в Нумидии и Мавритании.
436 г.	Войска Аэция подавляют восстание багаудов на северо-западе Галлии.
436—437 гг.	Развал Бургундского королевства на Верхнем Рейне под ударами гуннов; расселение уцелевших бургундов Аэцием на римской территории вокруг Женевского озера.

436—439 гг.	Война Аэция с вестготами на юго-западе Галлии завершается возобновлением договора.
438—441 гг.	Свевы под предводительством короля Рехилы занимают провинции Бетика и Картахены.
439 г.	Сентябрь: вандалы и аланы занимают Карфаген — столицу римской Северной Африки, а также провинции Проконсульская Африка и Бизацена.
ок. 440—453 гг.	Аттила становится верховным предводителем гуннов.
441—442 гг.	Первое вторжение Аттилы на восток Балканского полуострова приводит к тому, что приходится отозвать восточноримскую армию, отправленную на Сицилию для участия в отвоевании утраченных североафриканских провинций.
444 г.	Договор между Западной империей и Гейзерихом, по которому признается контроль последнего над Проконсульской Африкой, Бизаценой и Нумидией.
445 г. (?)	Аттила убивает своего брата Бледу, чтобы стать единоличным властителем гуннов.
446 г. (?)	Последнее обращение жителей британских провинций к центральному правительству в Риме за помощью против саксов и других интервентов.
447 г.	Второе вторжение Аттилы на восток Балкан. Тяжелые поражения римлян на реке Ут и в Херсонесе.
448 г.	Приск участвует в посольстве, чтобы убить Аттилу.

450	Аттила заключает с Константинополем договор на великодушных условиях.
451 г.	Аттила вторгается в Галлию, но терпит поражение на Каталаунских полях в конце июня (?) от коалиции с участием римлян, бургундов, вестготов и франков, созданной Аэцием.
452 г.	Аттила вторгается в Италию, грабит города, в том числе Милан, но отступает, поскольку армия ослаблена из-за болезней и беспокоящих действий со стороны римлян.
453—469 гг.	Распад гуннской империи Аттилы.
453 г.	Смерть Аттилы.
454 г.	
Лето (?) —	сражение при Недао; гепиды становятся первым подвластным гуннам племенем, которое обретает независимость от них.
21 или 22 сентября —	убийство Аэция Валентинианом III.
455 г.	
16 марта —	убийство Валентиниана III Петронием Максимом, которого объявляют августом на следующий день.
Конец мая —	войска Гейзериха опустошают Рим, Петроний Максим убит при попытке бежать из города (31 мая); Гейзерих присоединяет к своему королевству Триполитанию, Сардинию и Балеарские острова.
9 июля —	галло-римские сенаторы объявляют Авита западноримским императором при поддержке короля вестготов Теодориха II.
Конец 450-х гг. (?)	Св. Северин начинает свою деятельность в Норике.

456 г.	17 октября — сражение при Плаценции и низложение Авита.
457 г.	1 апреля — Майориан становится императором Запада.
459 г.	Паннонские готы под предводительством Валамера вновь объединяются, выходят из-под власти гуннов и вторгаются на римскую территорию, чтобы добиться выплаты контрибуции в 300 фунтов золота.
461—472 гг.	Рицимер — главная фигура в римской политике на Западе.
461 г.	
Лето —	поражение экспедиционных сил Майориана в Испании, за этим 2 августа следует его низложение, а 7 августа — казнь. Рицимер — безусловный властитель Италии.
19 ноября —	по назначению Рицимера Либий Север становится императором Запада.
465 г.	14 ноября — смерть Либия Севера.
466 г.	Эйрих убивает Теодориха II, чтобы стать королем вестготов.
467 г.	Денгизих, сын Аттилы, начинает войну против Восточной империи.
12 апреля —	после долгих переговоров между Рицимером и Константинополем Антемия объявляют западноримским императором.
468—476 гг.	Распад Западной империи.
468 г.	
Июнь (?) —	поражение последней объединенной экспедиции войск Восточной и Западной империй против королевства вандалов.

469 г.	Голова Денгизиха выставляется в Константинополе на всеобщее обозрение. Гернак, последний оставшийся в живых сын Аттилы, находит убежище на восточноримской территории к югу от Дуная. Войска Эвриха раздвигают границы Вестготского королевства на север до Луары.
472 г.	
Апрель —	Рицимер объявляет Олибрия императором Запада.
11 июля —	убийство Антемия союзником Рицимера Гундобадом после гражданской войны.
18 августа —	смерть Рицимера.
2 ноября —	смерть Олибрия.
473—475 гг.	Аполлинарий Сидоний и его друзья пытаются спасти Овернь от вестготского завоевания в составе разваливающейся Западной империи.
473—489 гг.	Кампания Теодориха Амала, племянника Валамера, на востоке римских Балкан, приводит к созданию племенной группировки остготов.
473 г.	
3 марта —	Глицерий объявлен императором Запада. Войска Эйриха занимают Таррагону в Испании.
474 г.	
Канун июня —	Гундобад уходит из римской политики, чтобы стать королем объединенных бургундов.
19 или 24 июня —	Глицерий низложен Юлием Непотом и епископом Салоны. Непот объявляет себя императором Запада.

475 г.

28 августа — под давлением Ореста Непот удаляется в Далмацию.

31 октября — Орест объявляет своего сына Ромула Августула императором Запада.

476 г. После казни своего отца Ореста (28 августа) и дяди Павла (4 сентября) Ромул Августул, последний западноримский император, низложен. Одоакр отсылает императорские одежды в Константинополь, заявив императору Зенону, что император на Западе не нужен.

Вестготское королевство Эйриха теперь охватывает всю Испанию за исключением северо-западной оконечности. Вестготы захватывают Арль и остальной Прованс.

481/482 гг. — 507 г. Походы Хлодвига приводят к объединению франков и распространению их власти на всю бывшую римскую Галлию.

482 г.

Январь — смерть св. Северина.

489—493 гг. Теодорих Амал завоевывает Италию, разгромив и низложив Одоакра.

СОКРАЩЕНИЯ

Agath. Hist. — Агафий. История

Amm. Marc. — Аммиан Марцеллин. Деяния

AM — anno mundi, год от сотворения мира

Apoll. Sidon. Epist. — Аполлинарий Сидоний. Письма

Apoll. Sidon. Poem. — Аполлинарий Сидоний. Поэмы

Aug. De civ. Dei — Августин. О граде Божием

Aug. Confes. — Августин. Исповедь

Aug. Serm. — Августин. Проповеди

Cedren. — Кедрин. Хроника

CIL — Corpus inscpitionum latinarum (Корпус латинских надписей)

CJ — Кодекс Юстиниана

Claudian. B. Goth. — Клавдиан. Готская война

Claudian. Paneg. de quarto cons. Hon. Aug. — Клавдиан. Панегирик по поводу четвертого избрания Гонория консулом

CTh — «Кодекс Феодосия»

Eunap. Hist. — Евнапий. История

Eutr. — Евтропий. История

fr. — фрагменты

Greg. Hist. — Григорий Турский. История франков

ILT — латинские надписи Туниса (Rapport sur des inscriptions latines découvertes en Tounisie de 1900 à 1905 / Ed. P. Gauckler. Paris, 1907)

Iord. Hetica — Иордан. Гетика

Hydat. Chron. — Гидаций. Хроника

Liban. Or. — Либаний. Речи

MGH — Monumenta Germaniae historica (Памятники германской истории)

Nov. Val. — Новеллы Валентиниана III

Olympiod. — Олимпиодор. История

Oros. — Орозий Павел. История против язычников

Pan. lat. — Латинские панегирики

Philostorg. Hist. eccl. — Филосторгий. Церковная история

PLRE — Prosopographia of the Late Roman Empire / Ed. A.H.M. Jones et al. Vol. I: AD 260—395. Cambridge, 1971; vol. II: 395—527 / Ed. J.P. Martindale. Cambridge, 1980

Prisc. — Приск Панийский. История

Procop. Bella — Прокопий. Войны

Procop. Aedif. — Прокопий. Постройки

s.a. — sine anno, без указания года

Sozom. Hist. eccl. — Созомен. Церковная история

Symm. Epist. — Симмах. Письма

Symm. Relat. — Симмах. Донесения

Themist. Or. — Фемистий. Речи

Theophyl. Simocatta. Hist. — Феофилакт Симокатта. История

Vict. Vit. Hist. persec. — Виктор Витенский. История гонений в Африке

Vita St. Hypat. — Жизнь св. Ипатия

Vita St. Sabae. — Жизнь св. Сабы

Zosim. — Зосим. Новая история

БИБЛИОГРАФИЯ

Adcock F.E. Caesar as Man of Letters. Cambridge, 1956

Agathias Historiae, Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Ed. R. Keydell. Berlin, 1967

Agathias. History / Transl. J.D. Frendo. Berlin, 1975

The Age of Attila / Transl. D.C. Gordon. Ann Arbor, 1966

Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantin State. Oxford, 1958

Ammianus Marcellinus / Ed. J.C. Rolfe. London, 1935—1939

Amory P. The Meaning and Purpose of Ethnic Terminology in the Burgundian Laws // Early Medieval Europe. Vol. II, 1. 1993. P. 1—21

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy 489—554. Cambridge, 1997

Alföldy G. Noricum. London, 1974

The Archaeology of Roman Pannonia / Ed. A. Lengyel, G.T.B. Radan. Budapest, 1980

Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Latter Roman Empire. Oxford, 1972

Bachrach B.C. The Alans in the West. Minneapolis, 1973

Baldwin B. Priscus of Panium // Byzantium. Vol. 50. 1980. P. 18—61

Baradez J. Fossatum Africae. recherches aériennes sur l'organisation des confins sahariens à l'époque romaine. Paris, 1949

Barnes T.D. Statistics and the Conversion of the Roman aristocracy // Journal of Roman Studies. Vol. 85. P. 135—147

Barnish S.J.B. Taxation, Land and barbarian settlement in the western empire // Papers of the British School at Rome. Vol. 54. 1986. P. 170—195

Bartholomew P. Aspects of the Notitia Dignitatum. Oxford, 1976

Bassett S. The Origins of Anglo-Saxon Kingdom. Leichester, 1989

Baynes N.H. The Decline of the Roman Power in Western Europe. Some Modern Explanations // Journal of Roman Studies. 33. 1943. P. 29—35

Bekker I. Georgius Cedrenus Ioannis Scilitzae. Vol. 1—2. Bonn, 1838—1839

Bieler L. Eugippius: The Life of Saint Severin. Washington DC, 1965

Bierbrauer V. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jhs. in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim. Wien, 1980. S. 131—142

Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtsgraber der römischen Kaiserzeit und des fühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica 2. Archaeologia Baltica VIII. Lodz, 1989. S. 40—106

Bischoff B., Koehler, W. The Annals of Ravenna // Studi Romagnoli. Vol. III, 1952. P. 1—17

Blockley R.C. Dexippus and Priscus and the Thucydidean Account of the Siege of Plataea // Phoenix. Vol. 26. 1972. P. 18—27

Blockley R.C. (ed. and trans.) The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. 2. Liverpool, 1982

Blockley R.C. East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds, 1992

Boissier G. La Fin du paganisme. T. 2. Paris, 1891

Bona I. Das Hunnenreich. Stuttgart, 1991

Boulnois L. The Silk Road / Trans. D. Chamberlin. London, 1966

Bradbury S.A. Constantine and Anti-pagan Legislation in the Fourth Century // Classical Philology. Vol. 89. 1994. P. 120—139

Braund D.C. Rome and the Friendly King: The Character of Client Kingship. London, 1984

Brown P.R.L. Augustine of Hippo: A Biography. London, 1967

Brown P.R.L. The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity. London, 1981

Brown P.R.L. Authority and the Sacred: Aspects of the Christianization of the Roman World. Cambridge, 1995

Brown P.R.L. The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity, AD 200—1000. Oxford, 1996

Browning R. Where Was Attila's Camp? // Journal of Hellenic Studies. Vol. 73. 1953. P. 143—145

Bruggisser P. Symmaque, ou, Le rituel épistolaire de l'amité litéraire: recherches sur le premier livre de la correspondance. Fribourg, 1993

The Burgundian Code: Book of Constitutions or Law of Gundobad / Transl. K.F. Drew. Philadelphia, 1972

Bury J.B. The Invasion of Europe by the Barbarians. London, 1928

Callu J.P. Symmaque Lettres: texte établi, traduit et commenté. Paris, 1972—2002

Calo Levi A. Barbarians on Roman Imperial Coinage and Sculpture, Numismatic Notes and Monographs 123 New York, 1952

Cameron A.D.E. Rutilius Namatianus, St Augustine, and the Date of the De Reditu // Journal of Roman Studies. Vol. 57. 1967. P. 31—39

Cameron A.D.E. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970

Cameron A.D.E., Long J. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993

The Cambridge Ancient History. 2nd ed, Vol. 14. Cambridge, 2000

Campbell J. The Anglo-Saxons. London, 1982

Casson L. Belisarius' Expedition Against Carthage // Carthage VII: Excavations at Carthage 1978 Conducted by the University of Michigan / Ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor, 1982. P. 23—28

Centre and Periphery in the Ancient World / Ed. M. Rowlands et al. Cambridge, 1987

Champion T.C. Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology. London, 1989

Chastagnol A. La Préfecture urbaine sous le bas-empire. Paris, 1960

Childe V.G. The Aryans: A Study of Indo-European Origins. London, 1926

Childe V.G. The Dawn of European Civilization. London, 1927

Christiansen A. L'Iran sous les Sassanides 2nd ed. Copenhagen, 1944

Chronica Minora 1 // MGH. Auctores antiquissimi. T. 9 / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1892

Chronica Minora 2 // MGH. Auctores antiquissimi. T. 11 / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1894

The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana / Transl. R. Burgess. Oxford, 1993

The Chronicle of John Malalas / Transl. E. Jeffreys et al. Melbourne, 1986

Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832

The Chronicon Paschale / Transl. J.M. Whitby, L.M. Whitby. Liverpool, 1989

Chronographia, The Chronicle of Theophanes Confessor / Transl. C. Mango R. Scott. Oxford, 1997

Clover P.M. Flavius Merobaudes. A Translation and Historical Commentary // Transactions of the American Philological Society. Vol. 61. P. 1—78

Clover P.M. Geiseric and Attila // Historia. Bd 22, 1972. 104—117

Clover P.M. The Family and Early Career of Anidus Olybrius // Historia. Bd 27. 1978. P. 169—196

Codex Theodosianus / Ed. Th. Mommsen, P. Kreuger. Berlin, 1905

Cornell T., Matthews J.P. Atlas of the Roman World. London, 1982

Corpus Iuris Civilis / Ed. P. Kreuger. Berlin, 1877

Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1964

Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955

Crawford M. Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantine // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd II. 2. 2. Berlin; New York, 1975. P. 572—575

Cribb R.J. Nomads in Archaeology. London, 1991

Croke B. Evidence for the Hun Invasion of Thrace in AD 422 // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. XVIII. 1977. P. 347—367

Cunliffe B. The Ancient Celts. Oxford, 1997

Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974

Dahn F. Die König der Germanen: Das Wesen des iiltesten Konigthums der germanischen Stamme und seine Geschichte bis auf die Feudalzeit. Bd 1—12. München, 1861—1899

Dahn F. Ein Kampf um Rom. Leipzig, 1877

Dauge Y.A. Le Barbare: recherches sur la conception romaine du barbare et de la civilisation (Collection Latomus 176). Bruxelles, 1981

The History of Theophylaet Simocatta / Eds. C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1972

Delehaye H. Saints de Thrace et de Mesie // Analeeta Bollandia 31, 1912. P. 161—300

Demandt A. Der Fall Roms: die Au.fl.osung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München, 1984

Demougeot E. De l'Unite à la division de l'Empire romain 395—410: Essai sur le gouvernement imperial. Paris, 1951

Demougeot E. La Formation de l'Europe et les invasions barbares: II. De l'avènement de Dioclétien (284) à l'occupation germanique de l'Empire romain d'Occident (début du VIe siècle) Paris, 1979

Diesner H.-J. Die Völkerwanderung. Leipzig, 1976

Dill S. Roman Society in the Last Age of the Western Empire. London, 1899

Dodgeon M.H., Lieu S.N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226—363): A Documentary History. London, 1991

Drinkwater J.F. The Gallic Empire: Separatism and Continuity in the Northwestern Provinces of the Roman Empire, AD 260—274. Stuttgart, 1987

Drinkwater J.F. The Bacaudae of Fifth-century Gaul // Fifth-century Gaul: A Crisis of Identity? / Ed. J.F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 208—217

Dunbabin J. France in the Making, 843—1180. Oxford, 1985

Duncan-Jones R. Economic Change and the Transition to Late Antiquity // Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire / Ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford, 2003. P. 20—52

Durliat J. Le salaire de la paix sociale dans les royaumes barbares (Ve — VIe siècles) // Anerkennung und Integration: Zu den wirtschaftlichen Grundlagen der Volkerwanderungszeit (400—600). Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Kl. 193 / Hrsg. H. Wolfram and A. Schwarcz. Wiehn, 1988. P. 21—72

Durliat J. Les finances publiques de Dioclétien aux Carolingiens (284—889). Sigmaringen, 1990

Dvornik H. Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. Washington DC, 1966

Elton H. Warfare in Roman Europe, AD 350—425. Oxford, 1996a

Elton H. Frontiers of the Roman Empire. London, 1996b

Encyclopaedia Iranica. Ed. E. Yarshater. London, 1984—2004 (ongoing)

Ennabli E.A. Pour Sauver Carthage: Exploration et conservation de la cité punique, romaine et byzantine. Tunis, 1992

Ennodius. Opera // MGH. Auctores antiquissimi. Vol. 7 / Ed. F. Vogel. Berlin, 1885

Esmonde Cleary A.S. The Ending of Roman Britain. London, 2000

Eugippius Vita Sancti Severini, Schriften und Quellen der Alten Welt 11 / Hrsg. R. Noll, E. Vetter. Berlin, 1963

Eutropius. Breviarium / Transl. H.W. Bird. Liverpool, 1993

Eutropius. Breviarium ab urbe condita / Recogn. C. Santini. Stuttgart, 1979

Evelyn White H. The Works of Ausonius. Vol. 2. London, 1961

Fantham E. The Roman World of Cicero's De Oratore. Oxford, 2004

Favrod J. Histoire politique du royaume burgonde (443—534). Lausanne, 1997

Ferguson N. The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700—2000. London, 2001

Ferris I.M. Enemies of Rome: Barbarians through Roman Eyes. Stroud, 2000

Friedrichsen G.W.S. The Gothic Version of the Gospels: A Study of Its Textual History. Oxford, 1926

Friedrichsen G.W.S. The Gothic Version of the Epistles: A Study of Its Style and Textual History. Oxford, 1939

Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. K. Mueller. T. 4—5. Paris, 1851—1870

Galliou P., Jones M. The Bretons. Oxford, 1991

George J.W. Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingiiln Gaul. Oxford, 1992

Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 4. Ed. J.B. Bury. London, 1897

Gibson M., Nelson J. Charles the Bald: Court and Kingdom. Oxford, 1981

Goffart W. Barbarians and Romans AD 418—584: The Techniques of Accommodation. Princeton, 1980

Goffart W. Rome, Constantinople, and the Barbarians in Late Antiquity // American Historical Review. Vol. 76, 1981. P. 275—306

Goffart W. The Narrators of Barbarian History (AD 550—800): Jordanes Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988

González J. The Lex Imitana: A New Copy of the Flavian Municipal Law // Journal of Roman Studies. Vol. 76, 1986. P. 147—243

Gregory of Tours Historiae // MGH. Scriptores rerum merovingicarurn. Vol. 1. 1 / Ed. B. Krusch, W. Lewison. Berlin, 1951

Gregory of Tours: The History of the Franks / Transl. L. Thorpe London, 1974

Green R.P.H. The Works of Ausonius. Oxford, 1991

Haarnagel W. Die Grabung Feddersen Wierde: Methode, Hausbau, Siedlungs — und, Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur. Wiesbaden, 1979

Hachmann R. The Germanic Peoples. London, 1971

Hachmann R. et al. Völker zwischen Germanen und Kelten: Schriftquellen, und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster, 1962

Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1990

Hallam E.M. Capetian France, 987—1328. London, 1980

Halm C. MGH. Auctores antiquissimi. Vol. 2. Berlin, 1879

Halm C. Victoris Vitensis Historia persecutionis africanae provinciae sub Geiserico et Hunrico regibus Wandalorum // MGH. Auctores antiquissimi. Vol. 2. Berlin, 1879

Halsall G. The Origins of the Reihengraberzivilisation: Forty Years On // Fifth-century Gaul: A Crisis of Identity? / Ed. J.F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 196—207

Hanson R.P.C. The Search for the Christian Doctrine of God. Edinburgh, 1988

Harhoiu R. The Treasure from Pietroasa, Romania. Oxford, 1977

Harke H. Warrior Graves? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite // Past and Present. Vol. 126. 1990. P. 22—43

Harmatta J. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Hungaricae. T. 1. 1951. P. 114—149

Harries J. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome. Oxford, 1994

Haubrichs W. Burgundian Names — Burgundian Language // Ausenda (forthcoming)

Heather P.J. The Crossing of the Danube and the Gothic Conversion // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 27. 1986. P. 289—318

Heather P.J. The Anti-Scythian Tirade of Synesius' De Regno // Phoenix. Vol. 42, 1988. P. 152—172

Heather P.J. Cassiodorus and the Rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun Domination // Journal of Roman Studies. Vol. 79. 1989. P. 103—128

Heather P.J. Goths and Romans 332—489. Oxford, 1991

Heather P.J. The Historical Culture of Ostrogothic Italy // Teoderico il grande e i Goti d'Italia. Atti del XIII Congresso internazionale di studi sull'Alto Medioevo. Spoleto, 1993. P. 317—353

Heather P.J. Literacy and Power in the Migration Period // Literacy anf Power in Ancient World. Cambridge, 1994a. Ed. A. Bowman, G. Woolf. 1994a. P. 177—197

Heather P.J. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean // New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th — 13th Centuries / Ed. P. Magdalino. London, 1994b, P. 11—33

Heather P.J. The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // English Historical Review. Vol. 110, 1995. P. 4—41

Heather P.J. The Goths. Oxford, 1996

Heather P.J. State, Lordship and Community in the West (c. AD 400—600) // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 2000. P. 437—468

Heather P.J. The Late Roman Art of Client Management and the Grand Strategy Debate // The Transformation of Frontiers from Late Antiquity to the Carolingians, Proceedings of the Second Plenary Conference, European Science Foundation Transformation of the Roman World Project / Ed. W. Pohl and I.N. Wood. Brill, 2001. P. 15—68

Heather P.J. Law and Identity in the Burgundian Kingdom // Ausenda (forthcoming a)

Heather P.J. Emperors and Barbarians: Migration and State Formation in First-millennium Europe (forthcoming b)

Heather P.J., Matthews J.F. The Goths in the Fourth Century. Translated Texts for Historians. Liverpool, 1991

Heather P.J., Moncur D. (transl.) Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius, Translated Texts for Historians. Liverpool, 2001

Hedeager L. A Quantitative Analysis of Roman Imports in Europe North of the Limes (0—400 AD), and the Question of Roman-Germanic Exchange // New Directions in Scandinavian Archaeology / Ed. K. Kristiansen and C. Paludan-Muller. Copenhagen, 1978. P. 191—216

Hedeager L. Empire, Frontier and the Barbarian Hinterland. Rome and Northern Europe from AD 1 to 400 // Centre and Periphery in the Ancient World. Cambridge, 1987, P. 125—140

Hendy, M.F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300—1450. Cambridge, 1985

Higham N. Rome, Britain and the Anglo-Saxons. London, 1992

The History of Theophylact Simocatta / Transl. J.M. Whitby, L.M. Whitby. Oxford, 1986

Hoddinott R.F. Bulgaria in Antiquity: An Archaeological Introduction. London, 1975

Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969

Homes Dudden F. The Lift and Times of St Ambrose. Oxford, 1935

Honoré A.M. Tribonian. London, 1978

Honoré A.M. Emperors and Lawyers, 2nd rev. ed. Oxford, 1994

Hopkins K. Taxes and Trade in the Roman Empire' // Journal of Roman Studies. Vol. 70. 1980. P. 101—125

Howard Johnson J.D. The Two Great Powers of Late Antiquity: A Comparison // The Byzantine and Early Islamic Near. Vol. 3: States, Resources and Armies. Princeton, 1995. P. 123—178

Hussey J.M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1990

In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini / Ed. and trans. C.E.V. Nixon, B.S. Rogers. Berkeley, 1994

Innes M. On the Social Dynamics of Barbarian Settlement: Law, and Property in the Burgundian Kingdom // Ausenda (forthcoming)

Ioannis Laurentii Lydi Liber de mensibus / Ed R. Wuensch. Leipzig, 1898

Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1992

Italy and the West: Comparative Issues Romanization / Ed. S. Keay, N. Terrenato. Oxford, 2001

James E. The Franks. Oxford, 1988

Jones A.H.M. The Later Roman Empire: A Social, Economic and Administrative Survey, Vol. 1—3. Oxford, 1964

Jordanes Getica / Transl. C.C. Mierow. New York, 1915

Jordanes Romana et Getica // MGH. Auctores antiquissimi. Vol. 5. 1 / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1882

Kagan D. The End of the Roman Empire, 3rd ed. Lexington (Mass.), 1992

Kaegi W. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968

Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Lau Antiquity. Berkeley, 1988

Kazanski M. Les Goths (Ier — VIIe siècles après J.-C. Paris, 1991

Keegan J. The First World War. London, 1988

Keene C.H., Savage-Armstrong G.F. The Home-coming of Rutilius Claudius Namatianus from Rome to Gaul in the Year 416 AD. London, 1907

Kelly C.M. Later Roman Bureaucracy: Going through the Files // Literacy and Power in Ancient World. Cambridge, 1994. Ed. A. Bowman, G. Woolf. 1994. P. 161—176

Klopsteg P.E. Turkish Archery and the Composite Bow. Evanston, (Ill.), 1927

Klöse J. Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau: Beiträge Geschichte und rechtlichen Stellung im 1. und 2. Jhdt n. Chr. Breslau, 1934

Kooi B.W. On the Mechanics of the Modern Working-recurve Bow // Computational Mechanics. Vol. 8. 1991. P. 291—304

Kooi B.W. The Design of the Bow // Proceedings Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. 97(3), 1994. P. 283—309

Kopecek T.A. A History of Neo-Arianism. Philadelphia, 1979

Kossinna G. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor — und frühgeschichtlicher Zeit (The Origin of the Germani). Leipzig, 1928

Krautheimer R. Rome: Profile of a City, 312—1308. Princeton, 1980

Gregory of Tours Historiae // MGH. Scriptores rerum merovingicarurn. Pt. 1. 1 Ed. B. Krusch, W. Lewison. Berlin, 1951

Laszlo Gy. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Hungaricae. T. I. 1951. P. 91—106

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Oxford, 1940

Leeman A.D. Orationis Ratio: The Stylistic Theories and Practice of the Roman Orators, Historians and Philosophers. Amsterdam, 1963

Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971

Lenski N. The Gothic Civil War and the Date of the Gothic Conversion // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 36. 1995. P. 51—87

Lenski N. Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD. Berkeley, 2002

Lepelley C. Les Cités de l'Afrique romaine au Bas-Empire. T. 1—2. Paris, 1979—1981

Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius / Ed. et transl. P. Lemerle. T. 1—2. Paris, 1979—1981

Lewitt T. Agricultural Production in the Roman Economy AD 200—400. Oxford, 1991

Libanius: Autobiography and Select Letters, Vol. 1—2 / Transl. A.F. Norman. Cambridge, (Mass.), 1992

Libanii opera / Ed. R. Foerster. Leipzig, 1903—1927

Liber Constitutionum // MGH. Leges nationum germanicarum. T. 2.1 / Ed von E.D. Salis. Hanover, 1892

Liber Historiae Francorum // MGH. Scriptores rerum merovingicarum. Vol. 2 / Ed. B. Krusch. Berlin, 1888

Liebeschuetz J.H.W.G. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972

Liebeschuetz J.H.W.G. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and John Chrysostom. Oxford, 1990

Liebeschuetz J.H.W.G. Cities, Taxes and the Accommodation of the Barbarians: The Theories of Durliat and Goffart // Kingdoms of the Empire: The Integration of Barbarians in Late Antiquity / Ed. W. Pohl. Leiden, 1997. P. 135—152

Lindner R. Nomadism, Huns and Horses // Past and Present. Vol. 92. 1981. P. 1—19

Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. London, 1991

Literacy and Power in the Ancient World / Ed. A. Bowman, G. Woolf. Cambridge, 1994

Littérature Arienne Latine / Ed. R. Gryson. Louvain, 1980

L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / Ed. J. Tejral et al. Brno, 1999

Lomanto V. A Concordance to Symmachus. Hildesheim, 1983

Lot F. Les invasions germaniques: La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris, 1939

Lotter F. Sevennus von Noricum, Legende und historische Wirklichkeit: Untersuchungen zur Phase des Übergangs von spätantiken zu mittelalterl. Denk-u. Lebensformen. Stuttgart, 1976

McAdams R. Land behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plains. Chicago, 1965

MacCormack S.A. Art and Ceremony in Late Antiquity. Los Angeles; Berkeley, 1981

McCormick M. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity // Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge, 1986

MacGeorge P. Late Roman Warlords. Oxford, 2002

McLynn N. Ambrose of Milan. Berkeley, 1994

MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, 1963 MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome New Haven, (Conn.), 1988

Maenchen-Helfen O.J. Huns and Hiung-Nu // Byzantion. Vol. 17, 1945. P. 222—243

Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns. Berkeley, 1973

Malalas Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1831

Mango C. Le Développement urbain de Constantinople (Ive — VIIe siècles), Travaux et Mémoires, Monographies 2. Paris, 1985

Manton E.L. Roman North Africa. London, 1988

Markus R.A. The End of Ancient Christianity. Cambridge, 1997

Markus R.A. Gregory the Great and his World. Cambridge, 1990

Matthews J.F. Olympiodorus of Thebes and the History of the West (AD 407—425) // Journal of Roman Studies. Vol. 60. 1970. P. 79—97 (=Matthews, 1985, no III)

Matthews J.F. Gallic Supporters of Theodosius // Latomus. T. 30, 1971. P. 1073—1099 (=Matthews, 1985, no. IX)

Matthews J.F. The Letters of Symmachus // Latin Literature of the Fourth Century / Ed. J.W. Binns. London, 1974. P. 58—99 (= Matthews (1985), no. IV)

Matthews J.F. Western Aristocracies and the Imperial Court AD 364—425 Oxford, 1975

Matthews J.F. Political Life and Culture in Late Roman Society. London, 1985

Matthews J.F. Symmachus and His Enemies // Colloque genevois sur Symmaque: à l'occasion du mille-six-centième anniversaire du conflit de l'autel de la Victoire / Ed. F. Paschoud et al. Paris, 1986. P. 160—175

Matthews J.F. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989

Matthews J.F. Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code New Haven (Conn.), 2000

Mattingly D.J. Vulgar and Weak «Romanization», or Time for a Paradigm Shift? // Journal of Roman Archaeology. Vol. 15. 2002. P. 163—167

Mattingly D.J., Hitchner R.B. Roman Africa: An Archaeological Review // Journal of Roman Studies. Vol. 85, 1995. P. 165—213

Mattingly G. The Defeat of the Spanish Armada. London, 2002

Meiggs R. Roman Ostia. Oxford, 1973

Menghin W. et al. Germanen, Hunnen und Awaren: Schlitze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987

Millar F. The Emperor in the Roman World, 2nd ed London, 1992

Millar F. The Roman Near East 31 Be-AD 337. Harvard, 1993

Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia. London, 1974

Moderan Y. The Notitia of the Province of Africa 484 and Huneruch's Persecution // Ausenda (forthcoming a)

Momigliano A. Cassiodorus and the Italian Culture of His Time // Proceedings of the British Academy. Vol. 41. 1955. P. 215—248

Mommsen Th. Aetius // Hermes. Bd LXXVI. 1901. S. 516—547

Mommsen Th. Das römische Militärwesen seit Diocletian // Idem. Gesammelte Schriften. Bd 6. Berlin, 1910. S. 206—283

Musset L. Les invasions: Les vagues germaniques. Paris, 1965

Noble T.F.X. Literacy and the Papal Government // The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1990. P. 82—108

O'Flynn J.M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton (Alta), 1983

Oost S. Galla Placidia Augusta: A Biographical Essay. Chicago, 1968

Opere di Sincsio di Cirene: epistole, inni / Ed. e it. trad. A. Garzya. Torino, 1989

Oppida, the Beginnings of Urbanization in Barbarian Europe: Papers Presented to a Conference at Oxford, October 1975 / Ed. B. Cunliffe. T. Rowley. Oxford, 1976

Ørsnes M. Der Moorfund von Ejsbel bei Hadersleben. Deutungsprobleme der grossen nordgermanischen Waffenopferfunde / Abhandlung der Akademie der Wissenschaft in Göttingen. Göttingen, 1968

Pearson A. The Roman Shore Forts: Coastal Defences of Southern Britain. Stroud, 2002

Percival J. The Roman Villa. London, 1976

Pharr C. The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions. New York, 1952

Pohl W. Die Gepiden und die Gentes an der mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilareiches // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim. Wien, 1980. S. 239—305

Pohl W. Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567—822 n. Chr. München, 1988

Pohl W. The Transition to Late Antiquity on the Lower Danube: An Interim Report (1996—1998) // Antiquaries Journal. Vol. 79. 1999. P. 145—185

Poulter A.G. Nicopolis ad Istrum: A Roman, Late Roman, and Early Byzantine City: Excavations 1985—1992. London, 1995

Prakash G. et al. American Historical Review Forum: Subaltern Studies as Postcolonial Criticism // American Historical Review. Vol. 99. 1994. P. 5

Prefect and Emperor: The Relations of Symmachus, AD 384 / Ed. and transl. R.H. Barrow. Oxford, 1973

Ramsay A.M. The Speed of the Imperial Post // Journal of Roman Studies. Vol. 15. 1925. P. 60—74

Rau G. Körpergraber mit Glasbeigaben des 4. Nachschristlichen Jahrhunderts im Oder-Wechsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica. T. 3. 1972. S. 109—214

Raven S. Rome in Africa. 3rd ed. London, 1993

Rawson E. Cicero: A Portrait. London, 1975

Renfrew C., Bahn P. Archaeology: Theories, Methods and Practice. London, 1991

Reuter T. Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol. 35. 1985. P. 75—94

Reuter T. The End of Carolingian Military Expansion // Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious / Ed. P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 391—405

Riché P. Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries / Transl. J.J. Contreni. Columbia, 1976

Catalogue of the Greek and Latin Papiry in the John Rylands Library. Vol. 4 / Ed. C.H. Roberts, E.G. Turner. Manchester, 1952

Roberts M. The Jeweled Style: Poetry and Poetics in Late Antiquity Ithaca, 1989

Roberts M. Barbarians in Gaul: The Response of the Poets // Fifth-century Gaul: A Crisis of Identity? / Ed. J.F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 97—106

Robinson O.F. The Sources of Roman Law. London, 1992

Roda S. Una nuova lettera di Sirnmaco ad Ausonio? (A proposito di Ep. IX, 88)', Revue des Etudes Anciennes T. 83. 1981. P. 273—280

Roman Limes on the Middle and Lower Danube / Ed. P. Petrovic. Belgrade, 1996

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire / Rev. P. Fraser. Oxford, 1957

Roueché C. Aphrodisias in Late Antiquity: The Late Roman and Byzantine Inscriptions London, 1989

Rubin Z. The Mediterranean and the Dilemma of the Roman Empire in Late Antiquity // Mediterranean Historical Review. Vol. 1, 1986. 13—62

Runciman S. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign: A Study Century Byzantium. Cambridge, 1929

St Croix G. de The Class Struggle in the Ancient Greek World. London, 1981

Salway P. Roman Britain. Oxford, 1981

Schutz H. The Prehistory of Germanic Europe. New Haven (Conn.), 1983 Scorpan C. Limes Scythiae: Topographical and Stratigraphical Research Late Roman Fortifications on the Lower Danube. Oxford, 1980

Selected Letters of Libanius from the Age of Constantius and Julian. Liverpool, 2004

Shaw B. Environment and Society in North Africa: Studies in History a Archaeology. Aldershot, 1995a

Shaw B. Rulers, Nomads and Christians in North Africa. Aldershot, 1995b

Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe: 1st Century BC — 1st Century AD. Oxford, 1989

Notitia Dignitatum omnium tam civilum quam militarum / Ed. O. Seck. Berlin, 1876

Sinor D. Inner Asia and Its Contacts with Medieval Europe. London, 1977

Sivan H. An Unedited Letter of the Emperor Honorius to the Spanish Soldiers // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd LXI. 1985. P. 273—287

Smith R. Telling Tales: Ammianus' Narrative of the Persian Expedition // The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus / Ed. J.W. Drijvers and D. Hunt. London, 1999. P. 89—104

Stallknecht B. Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike Bonn, 1969

Stein E. Histoire du Bas Empire / Transl. J.R. Palanque. Paris, 1959

Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and His Age. Oxford, 1933

Stickler T. Aetius: Gestaltungsspielraume eines Heermeisters im ausgehenden Weströmischen Reich. München, 2002

Symmachus quae supersunt / Ed. O. Seck. Berlin, 1883

Tate G. Les campagnes de la Syrie du Nord à l'époque proto-Byzantine // Hommes et richesses dans l'antiquité byzantine / Ed. C. Morrisson. J. Lefort. Paris, 1989. P. 63—77

Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord. T. 1—3. Paris, 1953—1958

Themistii Orationes / Hrsg. H. Schenkl et al. Leipzig, 1965—1974

Theophanes Chronographia / Ed. B.G. Niebuhr. Bonn, 1839—1841

Thompson E.A. Priscus of Panium, Fragment 1b // Classical Quarterly. Vol. 39. 1945. P. 92—94

Thompson E.A. The Isaurians under Theodosius II // Hermathena. T. 48. 1946. P. 18—31

Thompson E.A. The Foreign Policy of Theodosius II and Mardan // Hermathena. T. 76, 1950. P. 58—78

Thompson E.A. The Settlement of the Barbarians in Southern Gaul // Journal of Roman Studies. Vol. 46. 1956. P. 65—75

Thompson E.A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Wisconsin, 1982

Thompson E.A. The Huns. Oxford, 1996

Tjäder J.-O. Der Codex argenteus in Uppsala und der Buchmeister Villaric in Ravenna // Studia Gotica / Ed. U.E. Hagberg. Stockholm, 1972. P. 144—164

Todd M. The Northern Barbarians 100 BC — AD 300. London, 1975

Todd M. The Early Germans. Oxford, 1992

Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973

Trout D.E. Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Berkeley, 1999

Twitchett D., Loewe M. Cambridge History of China. Vol. 1 Cambridge, 1986

Urbancyzk P. Changes of Power Structure During the 1st Millennium AD in the Northern Part of Central Poland // Origins of Central Europe / Ed. P. Urbancyzk Warsaw, 1997. P. 39—44

Van Dam R. Becoming Christian: The Conversion of Roman Cappadocia. Philadelphia, 2003

Van Es W.A. Wijster: A Native Village beyond the Imperial Frontier 150—425. Gröningen, 1967

Várady L. Das Letztejahrhundert Pannoniens: 376—476. Amsterdam, 1969

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936

Viereck H.D.L. Die Römische Flotte. Herford, 1975

Walbank F.W. The Awful Revolution: The Decline of the Roman Empire in West. Liverpool, 1969

Wallace-Hadrill J.M. Gothia and Romania // Bulletin of the John Rylands Library, Manchester. Vol. 44.1 1961

Wanke U. Die Gotenkriege des Valens: Studien zu Topographie und Chro im unteren Donauraum von 366 his 378 n. Chr. Frankfurt am Main, 1990

Ward Perkins B. Land, Labour and Settlement // Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 315—345

Wells P.S. The Battle That Stopped Rome. New York, 2003

Whitby L.M. Rome at War AD 229—696. Oxford, 2002

Whittaker C.R. «Agri Deserti» // Studies in Roman Property / Ed. M.I. Finley. Cambridge, 1976. P. 137—165, 193—200

Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore, 1994

Whittaker C.R., Garnsey P. Rural Life in the Later Roman Empire // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 277—311

Whittow M. The Making of Orthodox Byzantium, 600—1025. London, 1996

Wickham C. Problems of Comparing Rural Societies in Early Medieval Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society, 6th ser. 2. 1992. P. 221—246

Wickham C. La chute de Rome n'aura pas lieu. A propos d'un livre récent // Le Moyen Age T. 99. 1993. P. 107—126

Wightman E.M. Roman Trier and the Treveri. London, 1967

Wilkes J.J. Dalmatia. London, 1969

Wolfram H. Intitulatio 1: Lateinische Konigs — und Fiirstentitel bis zu 8. jahrhunderts, Mitteilungen des Instituts fur österreichische Geschichtsforschung, Erganzungsband 21. Vienna, 1967

Wolfram H. Treasures on the Danube: Barbarian Invaders and Their Roman Inheritance Vienna, 1985

Wolfram H. History of the Goths / Transl. T.J. Dunlap. Berkeley, 1988

Wolfram H., Daim F. Die Völker an der mittleren und unteren Donau im Sünften und sechsten Jahrhundert, Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil-Hist. Kl. Bd 145. Vienna, 1980

Wood I.N. The Merovingian Kingdoms. London, 1994

Woolf G. Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul Cambridge, 1998

The Works of Claudian / Ed. and trans. M. Platnauer. London, 1922

The Works of Procopius / Ed. and trans. H.B. Dewing. Vol. 1—5. London, 1914—1940

Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. 1. Oxford, 1999

Wright W.C. The Works of the Emperor Julian, Vol. 1—3. London, 1913

Victor of Vita: History of the Persecution in Afiica / Transl. J. Moorhead. Liverpool, 1992

Zecchini G. Aezio: l'ultima difesa dell'Occidente romano Rome, 1983

Zosimus New History / Transl. R.T. Ridley. Canberra, 1982

Zosimus. Historia Nova / Ed. et trans. F. Paschoud. Paris, 1971—1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИЙ

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Научно-популярное издание

Хизер Питер

Падение Римской империи

Научный редактор Н.Л. Зайцева
Литературный редактор Н.Н. Степанов
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ipps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Питер Хизер — известный современный историк, преподаватель Оксфорда.

Падение Римской империи явилось одним из самых радикальных переворотов в истории человечества, событием, которое глубоко изменило мир. Причины случившегося искали в развращенности и пресыщенности позднеримской цивилизации или, напротив, в чуждом исконно римскому мироощущению христианстве, постепенно подорвавшем некогда самое могущественное государство Западного мира. Однако Питер Хизер, опираясь на колоссальный объем научных фактов из истории варварских народов, позднеантичные источники и новейшие археологические данные, предлагает читателю собственную, весьма оригинальную гипотезу причин падения Римской империи.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-057027-0

9 785170 570270